

Министерство образования и науки Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков**

**Одесский Археологический музей Национальной Академии Наук
Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья Национальной
Академии Наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск VIII

**Одесса
ФЛП «Фридман А.С.»
2008**

ББК 63.3(237Ук,7)
УДК 902/904
Д73

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол №5 от 12 февраля 2008 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск VIII / Под ред. И.В. Немченко и др. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008. – 392 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов VIII Чтений памяти профессора П.С. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 12-14 марта 2008 г. Выпуск включает статьи, посвященные проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – ответственный секретарь, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Руссов Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинев, Молдова).

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смытына Е.В. – д.и.н., проф., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:

Брумяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., проф. кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

Издание осуществлено при финансовой помощи Владимира Владимировича Левчука, председателя Овидиопольского районного совета.

ISBN 966-96181-5-0

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2008

**УНИКАЛЬНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ МОНЕТНЫХ ЭМИССИЙ
ОЛЬВИЙ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ IV в. до н.э.**

В 2007 г. были найдены три ольвийские монеты – два статера в окрестностях Ольвии и один обол в Бугском лимане. Дадим их описание.

Статеры

1. Л. с. Голова Деметры с ожерельем на шее влево.

О. с. Орел с широко расправленными крыльями на дельфине влево. Под ним надпись – **ΟΛΒΙΟ**. Монета покрыта тонкой коркой патины. Серебро.

д. – 2,4 см, в. – 8,5 г (рис. 1).

2. Л. с. То же, но в надлобной части головы сверху прически изображены направленные в разные стороны верхние части двух пшеничных колосьев. Нижние пряди волос не опущены вниз, как на предыдущей монете, а в беспорядке развиваются. Штемпель иной.

О. с. То же, но хвост дельфина раздвоен шире, а срединные буквы надписи толще. Штемпель другой. Серебро.

д. – 2,2 x 2,1 см, в. – 8,5 г (рис. 2).

Хотя типы публикуемых монет давно известны, наш интерес к данным статерам обусловлен тем, что они могут быть отнесены к малочисленной переходной группе статеров от I ко II группе в предложенной П.О. Карышковским классификации ольвийских статеров IV в. до н.э. с отмеченными типами. Но прежде всего подчеркнем, что штемделя сторон представленных статеров новые¹. Теперь обратимся к анализу их изображений. Крылья орла на них трактованы так же, как и на статерах подгруппы «Е» и «F» I группы (по классификации П.О. Карышковского): правое крыло представлено вертикально, левое расправлено горизонтально вдоль тела орла, оперенье верхних частей крыльев трактовано в виде многочисленных мелких рельефных точек². Но в отличие от статеров I группы на наших монетах отсутствуют какие-либо дифференцы – нет ни именных магистратских сокращений, ни добавочных символов. Вместе с тем эта последняя особенность свойственна статерам II группы³. Дельфины на наших статерах изображены в грубо обобщенной манере, что сближает их с дельфинами II группы, которые напоминают, по выражению П.О. Карышковского, «веретено»⁴. Палеографическая особенность написания буквы «лямбда» на публикуемых статерах совпадает с таким же графическим ее начертанием на некоторых статерах II группы (боковые густы, сходясь в вершине, сливаются в одну линию, которая продолжает значительно вытягиваться вверх – Λ)⁵. Веса представленных статеров (8,5 г) почти совпадают с весами некоторых статеров I группы⁶, в то время как во II группе отсутствуют статеры с весами ниже 9,75 г⁷.

Таким образом, в результате проведенного анализа наших статеров и их сравнения со статерами I и II групп становится ясным, что публикуемые статеры, занимая в указанной классификации промежуточное положение, являются связующим звеном – одними своими признаками принадлежат к эмиссии подгруппы «F» I группы, заимствуют некоторые ее особенности и одновременно предвосхищают определенные признаки выпусков статеров II группы, которую полностью составляет подгруппа «G»⁸. На основании этого вывода публикуемые статеры, обладающие новыми штемпелями сторон, дополняют переходную группу от статеров I к статерам II группы. Отметим условно ее буквами «f-g» и датируем началом или серединой последней четверти IV в. до н.э., исходя из того, что II группа статеров чеканилась в последнем десятилетии IV в. до н.э.⁹

Обол

1. Л. с. Голова Деметры вправо.

О. с. Орел с приподнятыми крыльями на дельфине, клюющий ему в голову, влево. Слева дифферент в виде «звезды», под дельфином надпись – **ΟΛΒΙΟ**. Монета покрыта пятнами красной патины. Медь.

д. – 2,4 x 2,3 см, в. – 9,3 г (рис. 3).

Уникальный экземпляр. Все изданные медные монеты с указанными типами содержат изображение головы Деметры только влево¹⁰, а на публикуемом оболе она представлена вправо. Второй особенностью данной монеты является отсутствие на реверсе сокращенных магистратских имен, отдельных букв и монограмм, которые присущи разным эмиссиям этой серии монет¹¹. Третья особенность нашего обولا заключается в том, что добавочный символ в виде «звезды» помещен перед орлом, а не как обычно позади него¹². Вес представленного обولا почти совпадает только с одной монетой, имеющей сокращение магистратского имени **ΗΡΩ** – 9,21 г¹³.

Вследствие того, что подобные медные монеты выпускались с однотипными статерами примерно в одно время¹⁴, а статеры переходной группы не содержали никаких дифферентов, то, возможно, публикуемый обол, сохранивший в виде рудимента от прежних эмиссий медных монет символ «звезду» и утративший именное сокращение под влиянием статеров переходной группы, среди которых имеется статер с поворотом головы Деметры вправо¹⁵, чеканился также в числе последних эмиссий медных монет с отмеченными типами, т.е. в середине последней четверти IV в. до н.э. Опираясь на выясненную в другой нашей работе продолжительность подобных оболов с Деметрой в 20 лет на основании количества имеющих на них магистратских именных сокращений¹⁶ и учитывая то, что эти оболы чеканились, по общему мнению нумизматов, раньше «борисфенов», выпуск которых начался в 325-300 гг.¹⁷, то начало чеканки оболов, с учетом публикуемого, можно теперь отнести не к

рубежу 30-х годов IV в. до н.э. или к 331-323 гг. до н.э.¹⁸, а на 21 год раньше, т.е. примерно к 346 г. до н.э. Прекращение же их выпусков допустимо датировать серединой последней четверти IV в. до н.э.

Монеты Ольвии последней четверти IV в. до н.э. – 1, 2 – статеры, образовавшие переходную группу между I и II группами статеров (по классификации П.О. Карышковского); 3 – уникальный экземпляр обола.

Итоги нашей публикации и наблюдений сводятся к следующим положениям:

1. представлены два уникальных варианта статеров Ольвии с типами «Деметра – орел на дельфине» с новыми штемпелями сторон;

2. публикуемые статеры дополнили до шести экземпляров в проведенной П.О. Карышковским классификации ольвийских статеров с теми же типами переходную группу между I и II группами («f» – «g»), а между подгруппами I группы «D» и «E» был выявлен переходный этап («d» – «e»);

3. представлен уникальный вариант ольвийского обولا последней четверти IV в. до н.э. – «Деметра – орел, клюющий дельфина», на котором на аверсе голова Деметры изображена в противоположность обычным изображениям богини на подобных оболах вправо, а на реверсе отсутствует свойственное этим оболам сокращение магистратского имени.

Примечания:

¹ См. Карышковский П.И. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії // Археологія. – 1957. – Т. XI. – Табл. II, III; Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). – Одесса. – 2003. – Табл. CIV, CV, CIX (таблицы монет из личного архива автора). – С. 525-527, 531; Карышковский П.И. Доповнення до історії монетної справи Ольвії наприкінці IV ст. до н.е. // МАПІ. – 1959. – Вип. III. – С. 238. – Табл. I, 5, 6.

² См. Карышковский П.И. З історії монетної справи... – Табл. II, 7, 10, 11, 15, 16.

³ Там же. – Табл. III, 5-14.

⁴ Там же. – Табл. III, 5, 8-11, 13. – С. 51.

⁵ Там же. – Табл. III, 9, 12, 13.

⁶ Там же. – Табл. II, 16 (8,55 г), 17 (8,51 г).

⁷ Там же. – Табл. III, 14.

⁸ Аналогичные два статера без каких-либо дифферентов были опубликованы В.В. Нечитайло, но с другими штемпелями сторон, которые можно также отнести к переходной группе (см. Каталог античных монет Ольвии VI в. до н.э. – III в. н.э. – К., 2000. – С. 31, № 187, 188). Статер, изданный в этом каталоге под № 186, хотя и не имеет дифферентов, но стиль изображения головы Деметры более высокого художественного мастерства и фигура орла, лишенная налета стилизации, представлена натуралистично. Эти признаки позволяют отнести этот статер к подгруппе «D» I-ой группы, к тому же в ней содержится драхма такого же стиля и без дифферентов (см. Карышковский П.И. З історії монетної справи... – С. 53. – Табл. I, 10). В сущности подобную вышерассмотренной переходной группе можно выделить между подгруппами «D» и «E» среди статеров I-ой группы. Один из статеров подгруппы «D» имеет общую для этой подгруппы монограмму (E) и добавочный символ в виде «колоса», но в стилистически-изобразительном отношении голова Деметры и фигура орла полностью совпадают с такими же изображениями статеров подгруппы «E» – ср. Карышковский П.И. З історії монетної справи... – С. 51. – Табл. I, 12. – Табл. II, 1-3.

⁹ Карышковский П.О. Монеты Ольвии. – К., 1988. – С. 67.

¹⁰ См. Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. – К., 1989. – Табл. IX, 82-89. – С. 106; Нечитайло В.В. Ук. соч. – С. 32, № 192-202; Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... – Табл. X-C, 8-10. – Табл. XI-A, 1, 3. – С. 408. – Табл. CVI, CVII. – С. 528, 529.

¹¹ Анохин В.А. Ук. соч. – С. 36.

¹² Там же. – Табл. IX, 89; Нечитайло В.В. Ук. соч. – С. 32, № 196.

¹³ См. Анохин В.А. Ук. соч. – С. 106, № 85. См. также сводную таблицу о всех изданных таких облогах с сокращением магистратских имен, добавочных символов и весов – Алексеев В.П., Лобода П.Г. Новые находки монет Ольвии // Вестник Одесского музея нумизматики. – Одесса, 2007. – № 26/27. – С. 8. – Табл. I.

¹⁴ Карышковский П.О. Монеты Ольвии... – С. 61.

¹⁵ См. Карышковський П.Й. Доповнення до історії монетної справи Ольвії... – С. 235. – Табл. I, 6.

¹⁶ Алексеев В.П., Лобода П.Г. Ук. соч. – С. 9.

¹⁷ Карышковский П.О. Монеты Ольвии... – С. 67, 82.

¹⁸ Зограф А.Н. Античные монеты // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1951. – № 16. – С. 127; Карышковский П.О. Монеты Ольвии... – С. 66.

Н.А. Алексеенко (Севастополь, Украина)
**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КРЫМА
С СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ В XV в.
ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ:
МОЛДАВСКИЕ МОНЕТЫ НА ТЕРРИТОРИИ
ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО**

Генуэзская крепость Чембало расположена на территории современной Балаклавы (в 15 км от Севастополя) на вершине горы Кастрон – Крепостная (высота 117,1) на восточном берегу у входа в живописную бухту, в древности носившую имя Сюмбалон (бухта Символов). Об особенностях местной бухты писал еще древнегреческий географ Страбон. Удобное местоположение гавани, защищенной от штормов, изобилие рыбы в прибрежных водах, плодородные земли, пригодные для выращивания виноградной лозы и других сельскохозяйственных культур, способствовали освоению данной территории с самых древнейших времен. Находки монет, керамической посуды, предметов культа и быта античного и средневекового времени свидетельствуют о постоянном присутствии древнего населения в этом районе¹.

После падения генуэзских колоний в Крыму летом 1475 г. турки дали Чембало новое название – Балык-юве («рыбье гнездо») или Балык-айя («рыбная скала»). Крепость с приютившимся у ее стен городком стала одним из турецких опорных пунктов, являясь местопребыванием кадия Мангупского кадылыка и начальника таможни и административно подчиняясь каффинскому паше²; неоднократно упоминается в письменных источниках, нарративных памятниках XIV-XVII вв. и описаниях знаменитых путешественников М. Броневского (1578), Э. Челеби (1666), З. Аркаса (1848)³.

Долгое время крепость не исследовалась, и многие условия жизнедеятельности колонистов и местного населения мы могли почерпнуть лишь из «Устава генуэзских колоний на Черном море», принятого коммуной Генуэзской Республики в 1449 г.⁴

В тоже время интерес к памятникам крепости проявился с самого начала изучения крымских древностей еще во второй половине XIX в. А в начале XX ст. Н. Репниковым были даже проведены археологические разведки в Балаклаве⁵. Однако, по целому ряду причин археологическое исследование крепости началось лишь в 1991 г., причем в связи с распадом Советского Союза оно было прервано. В 1998 г. раскопки были возобновлены и начались планомерные исследования Чембальской экспедиции Национального заповедника «Херсонес Таврический», организованной совместно с Харьковским национальным университетом, а с 2000 г. на крепости начала работу еще одна совместная экспедиция – Крымского филиала ИА НАНУ и Государственного Эрмитажа.

Полученный за десятилетие раскопок археологический материал сегодня еще не позволяет ответить на многие вопросы, связанные с историей этого удивительнейшего уголка крымского побережья. В то же время уже сейчас он дает яркие подтверждения свидетельствам письменных источников.

Наличие среди находок разнообразных монет, местной и привозной посуды, изделий из стекла, ювелирных украшений, других жизненно необходимых предметов как нельзя лучше отражает торговое значение крепости Чембало⁶. Как известно, на основе анализа привозного материала (в том числе и иноземной монеты) становится возможным выявление городских связей с окружающим миром⁷. Монеты заморских центров и далеких степных ордынских городов, свидетельствуют о контактах местных торговцев с купцами из Византии и Трапезунда, Золотой Орды и Средней Азии. Не являются исключением здесь и страны Европы.

Находки монет Молдавского княжества на территории генуэзской крепости Чембало – явление достаточно редкое. На сегодняшний день среди традиционных обильно представленных джучидских и татаро-генуэзских монет они вместе с западно-европейскими выпусками занимают совсем незначительное место и представлены пока лишь единичными экземплярами. Очевидно, в денежном обращении региона сучавские монеты не играли столь существенной роли, как генуэзские аспры и фолери. Однако их присутствие среди нумизматического материала крепости, безусловно, свидетельствует о контактах генуэзцев со своими западно-причерноморскими соседями Прутско-Днестровского междуречья.

Отметим, что такая картина традиционна в целом для всего Крыма. Единичные находки молдавских монет зафиксированы при

раскопках Алустона⁸ и Херсона⁹, также известны случайные находки на городище Неаполя Скифского¹⁰, Фуны¹¹, Солхата – Крыма¹². По сообщению В.П. Кирилло, известны находки монет молдавских владетелей и на территории крепостей Солдайи¹³ и Мангупа¹⁴. И, видимо, этот список не останется окончательным. Исследования продолжаются, а на некоторых памятниках только начинаются. И кто знает, что нас ожидает впереди. Появление новых находок в свое время может изменить существующую сегодня нумизматическую картину; и монеты владетелей Молдовы могут занять несколько иное место в денежном обращении средневекового Крыма.

Как мы можем судить по карте распространения монет молдавских господарей¹⁵, Крым представляется одной из особых контактных зон, где сталкивались интересы нескольких политических и экономических сил – византийцев и золотоордынцев Крыма, итальянских дождей Генуи и Венеции, литовских князей и королей Польши, среди которых свое место, надо полагать, занимали и молдавские правители.

Такая локализация нумизматического материала вовсе не представляется случайной. Судя по всему, она отражает особенности исторического развития Молдавского государства, его политические и экономические устремления того периода. И, видимо, далеко не случайно в Крыму присутствуют монеты от времени правления Александра Доброго, определившего направление внутреннего развития Молдавии и ее место на международной арене, до эпохи Стефана Великого, стабилизировавшего внутреннее и международное положение государства, отмеченное выпуском добротной полновесной монеты.

Монеты, происходящие с территории крепости Чембало, принадлежат тому же хронологическому периоду.

Наиболее ранняя, видимо, принадлежит к периоду правления Александра Доброго (1400-1432).

Рис. 1

1. НЗХТ № Н-18750 (рис. 1).

(Чембало 2001 г. Консульская церковь. Пом. 2., п/о 23).

Л.С. Голова быка со звездой между рогами.
 Об.С. Коррозирована. Остатки прямоугольной рамки (?)
 АЕ. Полугрош. Первая половина XV в.
 Ø 13 мм; ↑? Треснута. Утраты металла по полю.
 || Бырня, Русев, 1999, с. 200-201.

Два других биллоновых полугроша плохого качества, относятся к периоду нестабильности и внутренних потрясений, характеризующегося обильной чеканкой обесцененных монет часто сменявших друг друга молдавских владетелей. Обе монеты принадлежат выпускам Стефана II (1433-1447).

Рис. 2

2. НЗХТ № Н-19129 (рис. 2).
 (Чембало 2004 г. Барбакан башни № 1, п/о 18)¹⁶.

Л.С. В точечном ободке голова быка. Между рогами звезда. Слева - розетка. Надпись отсутствует.

Об. С. В точечном ободке двучастный геральдический щит: слева – шесть горизонтальных полос (три - светлых, три - темных); справа семь лилий. Надпись отсутствует.

АЕ. Полугрош. Выпуск г. Сучавы 1433-1435 гг.
 Ø 15 мм; ↑↑(12). С одного края стерта. Косой штамп.
 || Бырня, Русев, 1999, с. 191.

Рис. 3

3. НЗХТ № Н-19186 (рис. 3).

(Чембало 2005 г. Двухапсидный храм, п/о 3)¹⁷.

Л.С. В точечном ободке голова быка. Между рогами звезда. Слева – розетка; справа полумесяц. Надпись отсутствует.

Об. С. В точечном ободке двучастный геральдический щит: слева – три горизонтальные полосы; справа неясно. Надпись отсутствует.

АЕ. Полугрош. Выпуск г. Сучавы 1433-1435 гг.

15x16 мм; ↑✓ (8). Сильно потерта

|| Бырня, Русев, 1999, с. 191-192.

Самая поздняя монета – серебряный грош Стефана Великого (1457-1504) третьей четверти XV в. как бы ставит финальную точку в истории генуэзской Чембалы в 1475 г., захваченной турецкими войсками.

Рис. 4

4. НЗХТ № Н-18792 (рис. 4).

(Чембало 2003 г. Барбакан башни № 1, п/о 74)¹⁸.

Л.С. В точечном ободке голова быка. Между рогами звезда. По кругу латинская надпись: +MO...VIE – «Монета Молдавии».

Об. С. В точечном ободке геральдический щит. По кругу латинская надпись: ...FANVSVO... – «Стефан воевода».

AR. Грош. Выпуск г. Сучавы 1457-1476 гг.

Ø 13x14 мм; ↑✓(7). Потерта. Коррозирована.

|| Бырня, Русев, 1999, с. 197, рис. 24.

Примечательно то, что молдавские монеты происходят из разных участков крепости. Две из них происходят из барбакана башни консула Барнабы Грилло (1463), где находился один из входов в крепость; еще одна – из помещения № 2, примыкавшего к «консульской» церкви на территории замка города св. Николая; последняя была обнаружена у двухапсидного храма в непосредственной близости от башни-донжона и крепостной цитадели на горе Кастрон. Это, на наш взгляд, косвенным образом может свидетельствовать об их участии в составе денежного обращения крепости; причем, что следует отметить особо, как серебряных, так и медных выпусков молдавской монеты.

В свое время В.П. Кирилко осторожно высказал мнение «о возможности существования отношений, по крайней мере торговых, между Молдовой и этим регионом Таврики уже при Александре I Добром»¹⁹. Думается, что появление новых находок теперь еще и на территории генуэзской Чембало лишний раз подтверждает мнение о том, что основные центры средневековой Таврики с прилегающими к ним районами так или иначе входили в сферу интересов Молдавского государства. Были ли то контакты, связанные с поиском вероятных союзников²⁰, или же традиционные торговые связи, очевидно, со временем рассудит сама история. Не исключено, что здесь имели место оба эти фактора. Очевидно, не следует забывать, что в середине XV ст. и Молдова, и Генуя были заинтересованы как в развитии своих торговых отношений, так и в поиске надежных союзников в связи со все обостряющейся внешнеполитической обстановкой в регионе. Напомним, что в 1458 и 1472 гг. республика св. Георгия настоятельно рекомендовала каффинской администрации поддерживать самые тесные отношения с причерноморскими владельцами, среди которых отмечается союзник Молдавского господаря – Монкастро²¹. Таким образом, находки среди нумизматического материала крепости Чембало в Балаклаве монет молдавских владельцев ставят вопрос о так или иначе существовавших контактах генуэзцев с Молдавским княжеством и участии монет последнего в денежном обращении Крыма в заключительный период существования здесь итальянских владений во второй-третьей четверти XV в. вплоть до их падения в 1475 г.

¹ Алексеенко Н.А. Находки монет на территории генуэзской крепости Чембало // ХСб, X. – Севастополь, 1999. – С. 371-378; Алексеенко Н.А. Находки памятников античной и византийской нумизматики на территории крепости Чембало // Боспорские исследования XVI. – Симферополь-Керчь, 2007. – С. 358-365.

² Челеби Э. Книга путешествий. – Симферополь, 1996. – С. 31

³ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии. – М. 1800. – С. 111-112; Кеппен П. О древностях Южного Берега Крыма и гор Таврических // Крымский сборник. – СПб., 1837. – С. 215; Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и его древностей // ЗООИД, II. – 1848. – С. 264-267; Брун Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии // Труды 1-го Археологического съезда. Т. II. – М. 1869. – С. 378, 393-400; О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД VIII, 1872. – С. 373; Кондраки В.Х. Универсальное описание Крыма. – СПб., 1875. – С. 47-49; Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД XII, 1881. – С. 139-140; Стевен А. Дела архива Таврического Губернского Правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК 13, 1891. – С. 45-46; Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. – К., 1906. – С. 131-132; Челеби Э. Книга путешествий. – Симферополь, 1996. – С. 30-32.

⁴ Устав генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // ЗООИД V. – 1863. – С. 629-839.

⁵ Репников Н. Разведки и раскопки в Крыму в 1907 г // ИАК 30. – 1909. – С. 123-126.

⁶ Алексеев Н.А. Находки монет на территории генуэзской крепости Чембало // ХСб, Х. – Севастополь, 1999. – С. 374.

⁷ Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции. – Тюмень, 1995. – С. 136.

⁸ Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Мыц В.Л., Татарцев С.В., Тесленко И.Б., Семин С.В. Исследования крепости Алустон // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. – Симферополь, 1994. – С. 15; Ср.: Кирилко В.П. О находке молдавской монеты на Фуне // Археология Крыма. Т. 1/1. – Симферополь, 1997. – С. 182-183, рис. 2

⁹ В нумизматическом собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический» присутствуют, к сожалению пока не изданные, несколько экз. монет владетелей Молдовы, происходящие из раскопок городища. Кроме того автору известны и пара экз. из частных коллекций, обнаруженные в Херсонесе и Чембало в последней четверти XX в.

¹⁰ Харко Л.П. Монетные находки Тавро-Скифской экспедиции 1946-1950 и 1957 гг. // МИА, 96. – 1961. – С. 212, 217, рис. 1,4.

¹¹ Кирилко В.П. Указ. соч. – С. 181-182, рис. 1

¹² Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII-XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л, 1989. – С. 153.

¹³ Бырня П.П., Русев Н.Д. Монеты средневековой Молдавии // Stratum plus. Вып.6. – 1999. – С. 212, № 28.

¹⁴ Там же. – С. 207, № 26.

¹⁵ Там же. – С. 212, рис. 36.

¹⁶ Алексеев Н.А. Опись монет на участках у башен № 1 и 2 крепости Чембало в 2004 г. // Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц Л.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 г. – СПб-Симферополь, 2005. – С. 60, № 18.

¹⁷ Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц Л.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году. – СПб-Симферополь, 2006. – С. 209, рис. 139.

¹⁸ Алексеев Н.А. Опись монет на участке барбакана у башни № 1 крепости Чембало в 2003 г. / Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц Л.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г. – СПб-Симферополь, 2004. – С. 119, № 74.

¹⁹ Кирилко В.П. Указ. соч. – С. 183.

²⁰ Кирилко В.П. Указ. соч. – С. 183-184.

²¹ Iorga N. Acte si fragmente privind istoriei Romane III. – București, 1895. – P. 50; Iorga N. Noi descoperiri privitoare la istoria Romînilor // AARMSI XIX. – 1937. – P. 117.

Д.П. Алексинский (Санкт-Петербург, Россия)
АМАЗОНКА – АФИНЯНКА?

В коллекции Эрмитажа хранится краснофигурная амфора ноланского типа (Б.1653) с загадочной и, при внимательном рассмотрении, даже обескураживающей росписью. Амфора была первоначально приписана Дж. Бизли мастеру Фиалы, но впоследствии атрибутирована мастеру Клио и датирована около 440 г. до н.э.¹ У Д. фон Ботмера амфора включена в каталог изображений амазонок под №138, в разделе «Амазонки сами по себе»².

Изображенный на амфоре персонаж – всадник женственного облика в варварском костюме – оснащен щитом. Это примечательно, поскольку щит нетипичен для иконографии всадников классического периода. В данном случае костюм недвусмысленно указывает на амазонку, а для иконографии амазонок в V в. до н.э. гоппитский щит – крайне нехарактерный атрибут. Обычный щит амазонки – серповидная пельта.

За щитом, в той же руке, персонаж эрмитажной амфоры держит длинное копье, причем обратным хватом, наконечником вниз. При таком способе удержания оружие легко можно было перехватить правой рукой для замаха. Длина древка скорее соответствует гоппитскому копью, предназначенному, как и большой круглый щит, для пешего боя. Это не дротик (ακοντιον), бывший, наряду с луком и боевым топориком, наиболее типичным вооружением амазонок ориентального облика на греческих изображениях³. Для всадника, тем более для конной амазонки, такая паноппия выглядит весьма экзотично.

Нельзя исключать и возможную смысловую нагрузку положения копья. Обращенный к земле наконечник на рассматриваемом изображении можно трактовать в погребальном контексте (Serv. ad Verg. Aen. XI, 93; Bacchyl. fr. 8).

Персонаж облачен в узкие анаксириды, в пестрый рукавный хитон, поверх которого надет обычный, в головной убор с длинными наушниками, наподобие башлыка, и мягкую обувь. Костюм подчеркнута ориентализирован, и это не случайно. Известно, что порой черты современной реальности проникали в эпическую иконографию. В случае с амазонками это было связано со своеобразной актуализацией образа врага. До конца VI в. до н.э. мифические девы-воительницы изображались, как правило, в той же гоппитской паноппии, что и их противники, отличаясь от эллинских гоппитов только окраской открытых участков тела в белый цвет и, иногда, длиной хитона. Правда, в некоторых сценах на поздних чернофигурных и ранних краснофигурных вазах костюм амазонок несет подчеркнuto азиатские черты. На архаических изображениях амазонки пешие, и, похоже, представление о

них как о всадниках складывается сравнительно поздно (Hdt. IV.112; 114). После начала Греко-персидских войн костюм и вооружение амазонок на изображениях программно ориентализируются, уподобляются персидскому (или же просто подразумевают условный «восточный», «варварский», «мидийский» костюм)⁴, а сами амазонки все чаще показаны верхом. В этом также можно видеть ассоциативный подтекст, т.к. персы в восприятии классической традиции, например, у Симонида – конники. Таким образом, древние, традиционные недруги эпических героев приобретали облик врага современного и реального. В таком оформлении сцены легендарных амазонахий с участием аттического национального героя Тезея должны были восприниматься как параллель современным битвам с персами, как своего рода парадигма битвы с варварами, получившая современное звучание.

Нетрудно заметить, что персонаж на эрмитажной амфоре облачен в привычный, даже типический для иконографии амазонок в краснофигурной вазописи костюм, который очевидно диссонирует с гоплитским вооружением.

Но самым удивительным элементом в облике изображенного на амфоре персонажа является эмблема его щита, представляющая собой монограмму: «альфа». Именно в этой эмблеме, на мой взгляд, кроется главная интрига представленного сюжета и, одновременно, ключ к возможной атрибуции изображенного.

Эмблема щита на вазовом изображении могла служить не только идентификационным маркером, как это было в реальной практике, но даже характеризовать определенным образом своего носителя. Рисунок на щите нередко информативен, и это вдвойне значимо, когда речь идет о таком, бесспорно, читаемом символе, как аббревиатура. Надо думать, вазописец вполне осознанно выбирал подобный мотив декора щита.

На аттических вазах классического периода изредка встречаются изображения щитов с надписями: А или ΑΘΕ, начальным слогом названия афинского полиса⁵. Эта аббревиатура хорошо известна по афинским монетам начиная с VI в. до н.э., а для раннего эллинизма представлена на свинцовых жетонах из раскопок афинской агоры, изображающих гоплитские щиты.⁶ По-видимому, «альфа» служила в Афинах такой же упрощенной щитовой эписемой, отражающей полисную эмблематику, как и надежно зафиксированная письменными источниками «лямбда» в Спарте⁷.

Однако в мифах амазонки выступают противницами эллинов, в частности – афинян. Помещение афинской эмблемы на щите в таком свете выглядит более чем странно. Пытаясь преодолеть это затруднение, Дж. Андерсон предположил, что «альфа» могла передавать не только заглавную букву названия полиса, но и имя богини⁸. Однако, связь амазонок с Афиной не прослеживается ни в культовом, ни в

мифологическом контексте. Наделение амазонки атрибутом, несущим афинскую символику, должно было иметь какое-то очевидное для современников объяснение. Кроме того, данный пример, похоже, уникален. На мой взгляд, это может быть оправдано только в том случае, если изображенная героиня выступает на стороне афинян. И тут, кажется, не найти другую подходящую кандидатуру, кроме амазонки Антиопы⁹. Павсаний упоминает могилу Антиопы на въезде в Афины со стороны Фалера (через Итонийские ворота):

«По словам Пиндара, эта Антиопа была похищена Перифоем и Тесеем, а Гегий из Трезена относительно нее пишет в своей поэме, что, когда Геракл осаждал Фемискиру на Фермодонте и не мог ее взять, то Антиопа, влюбившись в Тесея, – а Тесей участвовал вместе с Гераклом в этом походе – передала ему это укрепление» (Paus. I 2, 1; Pind. fr. 175 M). Версию о совместном с Гераклом походе Тесея пересказывают Юстин (Iust. II 4, 23-25), Аполлодор (Э I, 16) и Гигин (Hug. Fab. 30). Плутарх делает выбор в пользу иной традиции: «большинство историков – в том числе Ферекид, Гелланик и Геродор – утверждают, что Тесей плывал после Геракла, на своем корабле, и захватил амазонку в плен» (Plut. Thes. 26). Если предположить, что героиня мастера Клио – похищенная Тесеем Антиопа или, в других традициях, – Меланиппа, Главка или Ипполита (Isocr. Panath. 193; Athen. XIII, 4, с. 557A; Plut. Thes. 27), присутствие на ее щите афинской полисной эмблемы уже не настолько обескураживает.

По Диодору (Diod. IV 28, 1), Плутарху (Plut. Thes. 27) и Павсанию (Paus. I 41, 7), похищение Антиопы послужило поводом к войне. У Диодора сообщается, что в битве против амазонок «вместе с Тесеем была и амазонка Антиопа, родившая ему сына Ипполита. (...) случилось так, что Антиопа, (...) отличившаяся в битве, героически пала в бою» (Diod. IV, 28, 3-4). Существовала, кроме того, версия, излагавшаяся в «Тесеиде» (Plut. Thes. 28; Arist. Poet. 8), согласно которой Антиопа напала на Афины, мстя Тесею за женитьбу на Федре. По Гигину, она пала от руки Тесея (Hug. Fab. 241). Эту же версию предания использовали Овидий (Ovid. Epistulae (vel Heroides) IV. 119) и Сенека (Sen. Phaedr. 227, 927).

Война с амазонками упоминается у Геродота (Hdt. IX, 27) и в «Эвменидах» Эсхила (685-690), т.е. в источниках, синхронных или близких по времени росписи эрмитажной амфоры. В традиции зафиксировано важное, хотя и не вполне ясное значение, которое имело почитание могил амазонок в аттическом культе (Plut. Thes. 27).

Антиопа не принадлежит к числу часто изображавшихся персонажей, но, тем не менее, имеет собственную иконографию. Выделено два сюжета, в которых присутствует Антиопа: похищение ее Тесеем и амазономахия, в которой одна из амазонок выступает на стороне эллинов¹⁰. Сцены похищения представлены, главным образом, аттическими вазовыми росписями, причем аттической вазописи уже в

VI в. до н. э. знаком вариант предания о похищении Тесеем амазонки вне связи с Гераклом. Вне этих сюжетных контекстов на росписях, не сопровождаемых пояснительными надписями, изображения Антиопы не выявлены. Учитывая отсутствие развитой внутригрупповой атрибутики в иконографии амазонок, изолированная фигура амазонки едва ли может быть доказательно отождествлена с какой-то конкретной героиней. В нашем случае, однако, читаемым идентификационным знаком можно гипотетически признать щит.

Если моя догадка верна, то альфа на щите (и сам щит) получают объяснение. Художник персонафицировал свою героиню, наделив ее щитом с афинской эмблемой и, таким образом, противопоставив другим, враждебным амазонкам. Этим же может объясняться и нетипичный набор вооружения, более соответствующий правильному гопплитскому бою и радикально отличающийся от паноплии классических амазонок.

Возникает резонный вопрос: почему мастер просто не написал имя? Здесь надо заметить, что на краснофигурных расписных сосудах, в частности ноланских амфорах, персонажи вообще поименованы нечасто. Надписи, если они есть, обычно относятся к объекту дарения (КАЛОΣ имярек). Из более, чем двадцати расписных сосудов, приписанных мастеру Клио¹¹, надписи не указаны ни на одном. Нет их и на эрмитажной амфоре (если не считать надписью монограмму в поле щита). Возможно, сопровождать рисунок текстом было не в обычае мастера.

Как отмечалось выше, в традиции нет единодушия по поводу имени плененной Тесеем амазонки. Так, в трагедии Еврипида «Ипполит», синхронной по времени создания нашему памятнику, матерью сына Тесея названа амазонка, но имя не упомянуто (351). Поэтому предлагаемое признание за амазонкой на амфоре мастера Клио имени Антиопы сугубо условно, поскольку мы не знаем, какая именно версия предания была знакома мастеру. Тем не менее, сделанные выше наблюдения позволяют соотнести это изображение с образом легендарной пленницы и жены главного аттического героя, которая сражалась против своих соплеменниц плечом к плечу с афинянами и пала в бою.

В декорации амфоры мастера Клио, функционально служившей столовой посудой на симпозиях, важен, как мне представляется, момент узнавания, точнее – угадывания, связанный, возможно, с культурой застольной беседы-игры. Не исключено, что это своеобразная загадка. Значимые элементы изображения – конь и «варварский» костюм, указывающие на амазонку, гопплитское вооружение и афинская эписема, подчеркивающие принадлежность к «своим», перевернутое копье, служащее, быть может, маркером героической гибели, – должны были подсказать верный ответ. Возможно, эрмитажная амфора была включена в какую-то серию ваз с изображениями, может быть, назидательными, узнаваемых персонажей предания.

¹ ARV. – P. 672; ARV². – P. 1081, 13; Передольская А.А. Аттические краснофигурные вазы в Эрмитаже. – Л., 1967. – Кат. 207, с. 180, таб. CXXXVI, 4; CXXXVII, 2

² Bothmer D. von. Amazons in Greek Art. – Oxford, 1957. – P. 199

³ Эти же предметы вооружения указывает и Страбон, как характерное оружие амазонок (Strabo. XI. 5. 1).

⁴ Иванчик А.И. Кем были скифские лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. – 2002. - №3. – С. 33-55; №4. – С. 23-42

⁵ Например, на пелике ок. 430 г. до н. э. со сценой гоплитодрома (Лан, Муниципальный музей археологии, 371029) или на ноланской амфоре мастера Бостонской фиалы (Варшава, Национальный музей, 142338). Сравнить: Chase G.H. The Shield Devises of the Greeks // Harvard Studies of Classical Philology. Vol. 13 (1902). – P. 110, №№ CXLVII, CLII

⁶ Kroll J. H. Some Athenian Armor Tokens // Hesperia. 46. – 1977. - № 2. – P. 142-143

⁷ Нефёдкин, А. К. Развитие эмблематики на греческих щитах // ВДИ. – 2002. - №3. – С. 125

⁸ Anderson, J. K. Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley – Los Angeles, 1970. – P. 19-20, 263. Not. 29

⁹ Подробнее см.: Wernicke K., s. v. A. RE I, 2497 – 2500

¹⁰ Антиопа поименована на амфоре ок. 450 г. до н. э. из музея в Тель-Авиве (LIMC I, Antiope II 21; Kauffmann-Samaras A., p. 859) и на фрагментах, хранящихся в Нью-Йорке (23.160.64) и в Оксфорде (1922.209): ANTIOPH (Bothmer. 1957, p. 197).

¹¹ ARV² – P. 1080-1081, 1-21; Beazley Addenda. 1982. – P. 327, 1080.3 Naples Stg. 283

В.П. Алёхин (Белгород, Россия)

ФИВАНСКИЙ «СВЯЩЕННЫЙ ОТРЯД»

«Священный отряд» фиванцев был одним из самых известных элитных воинских подразделений греческих полисов. Несмотря на кратковременность своего существования, он стал символом мужества, стойкости, преданности и во многом был основой военного и политического усиления Беотийского союза в IV в. до н.э. К сожалению, состояние источников не позволяет нам однозначно ответить на многие вопросы, связанные со временем возникновения, функционированием и организационной структурой «священного отряда», а также о его месте в военной системе Беотийского союза. В современной исторической науке существует множество точек зрения по этим вопросам.

В первую очередь, нерешенным остается вопрос о времени возникновения «священного отряда». Довольно долго в отечественной историографии считалось, что фиванский «священный отряд» был

полностью уничтожен в битве при Платеях в 479 г. до н.э., а соответственно, время его возникновения относилось в конце VI – началу V в. до н.э. Исходя из этого, фиванский «священный отряд» IV в. до н.э. рассматривался в качестве вновь воссозданного старого элитного отряда. В основе этого мнения лежали данные Геродота о битве при Платеях. Геродот писал: «...приверженцы персов среди фиванцев показали себя далеко не трусами, а, напротив, храбрыми воинами, так что от руки афинян пало 300 самых знатных и доблестных граждан» (Her., IX, 67). Как видим, греческий историк не упоминает о «священном отряде», а называет лишь «самых знатных и доблестных граждан», то есть, скорее всего, представителей фиванской олигархии. Они понимали, что после разгрома персидской армии в Фивах им не миновать казни и предпочли погибнуть на поле боя. Из текста Геродота также нельзя однозначно заключить, что погибшие 300 фиванцев составляли единый отряд. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что «священного отряда» к моменту битвы при Платеях, скорее всего, еще не было. Следовательно, под «священным отрядом» необходимо понимать элитное воинское подразделение, существовавшее в Фивах с 370-х по 338 г. до н.э.

Об образовании собственно «священного отряда» повествует Плутарх. Он пишет: «Священный отряд, как рассказывают, впервые был создан Горгидом...» (Plut., Pelopid., 18). Возможно, его прообразом стал отряд, который привели Эпаминонд и Горгид на помощь демократам во время государственного переворота 379 г. до н.э. «На помощь к ним (т.е. к заговорщикам) подоспели Эпаминонд и Горгид, окруженные немалым числом молодых людей и людей постарше, из самых крепких; все были с оружием в руках» (Plut., Pelopid., 12). После победы демократов и изгнания спартанских войск из Кадмеи¹ логично предположить, что эти люди «из самых крепких» были организованы в специальный отряд, которому было поручено охранять город, расположившись на акрополе². Эти данные подтверждает Плутарх, сообщая, что «триста отборных мужей, получавших от города все необходимое для их обучения и содержания и стоявших лагерем в Кадмее... ...носили имя «городского отряда», так как в ту пору крепость обычно называли «городом» (Plut., Pelopid., 18).

Таким образом, можно утверждать, что «священный отряд» первоначально создавался непосредственно для обороны города, и его участие в полномасштабных боевых действиях должно было быть исключительной мерой.

Не менее важным вопросом, который вызывает наиболее жаркие споры в современной науке, является вопрос о составе «священного отряда». В традиции укоренилось мнение, что он состоял из пар любовников. Однако ни однозначно доказать, ни опровергнуть этого мы не можем. Плутарх, наш главный источник по истории «священного

отряда», сомневается в этом и не дает определенного ответа: «Некоторые утверждают, что отряд был составлен из любовников и возлюбленных» (Там же). Но далее пытается объяснить: «Ведь родичи и единоплеменники мало тревожатся друг о друге в беде, тогда как строй, сплоченный взаимной любовью, нерасторжим и несокрушим, поскольку любящие, стыдясь обнаружить свою трусость, в случае опасности неизменно остаются друг подле друга» (Там же). С другой стороны, наличие подобных отношений ставит под угрозу воинскую дисциплину и психологическую атмосферу в действующей армии, играет скорее деморализующую роль.

Фиванский «священный отряд» был создан из наставников и учеников (*эрастис кай эромен*). Созвучие этих слов с именем бога Эрота могло послужить поводом для утверждения мнения о наличии пар любовников в отряде. В действительности же отряд мог состоять из воинов, объединенных на чистейших чувствах – не упасть в грязь лицом перед своим учителем (или учеником).

Таким образом, этот вопрос остается открытым, хотя, на наш взгляд, можно попытаться примирить две точки зрения. Первоначально «священный отряд» предназначался непосредственно для обороны Фив. Однако, в 70 – начале 60-х годов IV в. до н.э., сначала ввиду военной опасности, а затем с целью утверждения фиванской гегемонии, он часто используется за пределами города. В этом случае весьма сомнительным выглядит существование отряда из любовников. И только позднее, когда «священный отряд» перешел к «регулярной» непосредственной охране города (в источниках он практически не фигурирует в битвах), его состав мог претерпеть подобные изменения.

Теперь рассмотрим вопрос о роли «священного отряда» в фиванской армии. Тот же Плутарх повествует о том, что «воинов священного отряда Горгид распределял по всему строю гоплитов, ставя их в первых рядах; таким образом, доблесть этих людей не особенно бросалась в глаза, а их мощь не была направлена на исполнение определенного задания, поскольку они были разъединены и, по большей части, смешаны с воинами похуже и послабее. Лишь Пелопид, после того как они столь блистательно отличились при Тегирах³, сражаясь у него на глазах, больше не разделял и не расчленял их, но использовал как единое целое, посылая вперед в самые опасные и решительные минуты боя» (Plut., Pelopid., 19). Таким образом, если верить Плутарху⁴, до 375 г. до н.э. (битва при Тегирах) «священный отряд» не был единым отдельным воинским подразделением. Это был в полной мере отряд городской охраны, который не играл никакой определенной роли в фиванской армии и даже не был организационно оформлен в ее структуре.

Однако после битвы при Тегирах, когда уже единый «священный отряд» из 300 человек разгромил 2 моры⁵ спартанцев, фиванские власти

осознали его силу и военную значимость и использовали отряд для решения главнейших военных задач. В структуре боевого построения «священный отряд» обычно занимал место на фланге и располагался позади ударной группы.

Наиболее значимую роль «священный отряд» сыграл в разгроме спартанских войск в битве при Левктрах (371 г. до н.э.). Плутарх пишет: «противники (т.е. спартанцы) стали перестраиваться: они загибали правый фланг и вели его полукругом, чтобы окружить войско Эпаминонда и обрушиться на него своей массой. В это время из рядов беотийского войска выступил вперед Пелопид со своим отрядом и, приказав своим «трестам» сомкнуть ряды, устремился бегом и настиг Клеомброта прежде, чем тот успел развернуть свой фланг или снова собрать войско на прежние места и сомкнуть строй; он напал на лакедемонян в то время, когда они еще не заняли своих мест, а двигались и перемещались» (Plut., Pelopid, 19). Здесь Плутарх явно ошибается, поскольку «священный отряд» не мог действовать в качестве самостоятельной боевой единицы⁶. Однако древний автор, безусловно, прав в том, что именно удар левого фланга, где находился «священный отряд», предопределил победу фиванцев.

Следующие несколько лет фиванский «священный отряд» также участвует в небольших военных столкновениях, но все чаще (особенно после смерти Пелопида и Эпаминонда – 364 и 362 гг. до н.э. соответственно) исполняет функции «городского» отряда.

Последний раз «священный отряд» появляется в битве при Херонее (338 г. до н.э.). Он занимал правый фланг боевого построения и был полностью уничтожен Александром, который командовал левым флангом македонской армии своего отца царя Филиппа II.

Примечания:

¹ Кадмея – фиванский акрополь.

² Уорри А. Военное искусство классической античности. – М., 2002. – С. 96.

³ В битве при Тегирах фиванский отряд разбил превосходящие силы спартанцев.

⁴ Плутарх является яростным апологетом Пелопида, поэтому в этом плане ему не стоит особенно доверять.

⁵ Мора – спартанская военная единица численностью от 400 до 900 человек. Данные приводит и сам Плутарх: «...мора – это пятьсот воинов, как утверждает Эфор, или семьсот, по мнению Каллисфена, или даже, – по словам других авторов, в том числе и Полибия, – девятьсот» (Plut., Pelopid., 17).

⁶ Meyer E. Theopomps Hellenika, V, 414. – Halle, 1909.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПОСЕЛЕНИЯ ВОЛНА-I

Поселение Волна-I находится в 4 км к югу от станицы Тамань и в 3 км к северо-западу от поселка Волна Темрюкского района Краснодарского края, расположено оно у северной подошвы горы Зеленской. Этот памятник можно с уверенностью относить к сельскохозяйственной округе Гермонассы – одного из крупнейших полисов Азиатской части Боспора. Археологическое изучение поселения проводилось Синдской археологической экспедицией ИИМК АН СССР под руководством В.Д. Блаватского в 1954 г., в 1984 г. памятник был обследован Я.М. Паромовым¹. Систематические раскопки поселения Волна-I были проведены Южно-Таманской Античной Комплексной Археологической Экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством С.Л. Соловьева с 1996 по 2000 г.² На участке общей площадью около 700 м² были открыты слои позднеархаического – римского периодов. К позднеархаическому времени относятся остатки небольшой наземной постройки, состоящей из трех помещений и три хозяйственные ямы. Классический период жизни на поселении представлен в основном хозяйственными ямами, которые удалось условно распределить на две хронологические группы: 9 ям V в до н.э. и 11 ям IV в до н.э. К эллинистическому времени относятся два строительных комплекса (СК 4 и 5), 61 яма и мощный культурный слой. К римскому времени относятся три строительных комплекса (СК 1, 2, 3), 11 хозяйственных ям и культурный слой. Древние слои поселения были потревожены плантажной вспашкой, достигавшей 0,7 м глубины и особенно повредившей постройки и слои римского времени. Таким образом, открытые в ходе работ на поселении Волна-I объекты представлены остатками построек, ямами и культурным слоем и охватывают периоды от позднеархаического до римского – с конца VI в до н.э. по II в н.э., что позволяет нам проанализировать динамику керамического комплекса поселения на протяжении почти 800 лет.

Для определения соотношений категорий керамики нами был использован способ подсчета по фрагментам (включая стенки сосудов), т.к. только такая методика возможна при работе с архивными материалами раскопок. Соотношения категорий керамики в различных комплексах сравнивались путем сопоставления доверительных интервалов³.

Различные категории, входящие в керамический комплекс поселения с течением времени изменялись по-разному (табл. 1). Доля строительной керамики в архаический и классический периоды оставалась на уровне 0,13-0,18%, увеличившись в эллинистический и

римский периоды до 0,6%. То же можно сказать и в отношении толстостенной хозяйственной керамики с той разницей, что здесь наблюдается увеличение процента этой категории в эллинистический период, однако достоверного различия между значениями не фиксируется. Количество фрагментов амфор оставалось постоянным – 73-75%, кроме классического периода, когда доля амфор незначительно возросла до 80%. Доля лепной керамики со временем определенно падает, наиболее интенсивно – после архаического периода, и более плавно в последующее время. Доля круговой кухонной посуды практически не изменялась, составляя 3,5-4,5%. Количество столовой посуды несколько уменьшилось в классический период по сравнению с архаическим, а затем вновь увеличилось и в эллинистический, и в римский периоды. Процент простой красноглиняной посуды с течением времени постоянно возрастал, и не только за счет увеличения количества столовой посуды вообще, но и за счет роста доли красноглиняной керамики в комплексе столовой. Количество сероглиняной керамики в целом и в составе столовой посуды, напротив, уменьшилось. Доля краснолаковой керамики, как и ожидалось, возрастает, но неравномерно. Как выяснилось, в эллинистический период она несколько выше, чем в римский, хотя это различие не подтверждается доверительными интервалами. Относительное количество чернолаковой посуды увеличивается в классический период по сравнению с архаическим в 2 раза, оставаясь на этом же уровне в эллинистическое время и несколько сокращаясь в римское. Следует отметить, что керамический комплекс эллинистического периода выглядит наиболее богатым по своему составу. В это время фиксируется максимальное распространение более дорогой чернолаковой и краснолаковой столовой посуды, а также таких специфических групп, как буролаковая керамика и «мегарские» чаши.

Наиболее интересные результаты дал анализ распределения основных категорий керамики по объектам римского периода: это три СК, одиннадцать ям и насыщенный находками культурный слой (Таблица 2). Сопоставление соотношений основных категорий керамики выявило определенную взаимосвязь между СК1 и ямами, с одной стороны, и СК2 и слоем – с другой. В составе находок из СК1 заметно необычно большое число фрагментов толстостенной керамики, что, очевидно, это связано с фактом обнаружения в нем развала пифоса, вкопанного в пол помещения. Судя по низкому проценту амфор и высокому проценту столовой, лепной и кухонной керамики, СК1 определенно связан с комплексом ям римского времени. Это предположение подтверждают соотношения красно- и сероглиняной керамики в составе столовой посуды: содержание красноглиняной керамики в СК1 и ямах снижено за счет необычайно высокого процента сероглиняной – 16,79% обломков в СК1 и 17,53% обломков в ямах при среднем уровне 8,78% для римского периода.

Керамический комплекс СК2 обнаруживает такую же связь с комплексом находок из культурного слоя, как и в случае с СК1 и ямами. Как там, так и здесь колебания доли категории в одном комплексе сопровождаются такими же изменениями в другом. Эта ситуация выражается в более высоком, по сравнению со средним, проценте амфорной тары в СК2 и слое и более низком проценте толстостенной, столовой и лепной керамики. Комплекс находок из СК3 резко выделяется на фоне остальных СК, а также среди других объектов римского периода. Специфика этой постройки выражается, прежде всего, в очень высоком содержании столовой и круговой кухонной керамики, показатели которой превышают средние почти в два раза, и, соответственно, более низким проценте амфор. В составе столовой посуды преобладание красноглиняной керамики значительно превышает средний уровень. Такой перевес в сторону красноглиняной посуды определил заметное снижение доли сероглиняной, краснолаковой и чернолаковой керамики.

СК5, относящийся к эллинистической эпохе, пожалуй, является самым необычным строительным комплексом, открытым на поселении, - древним гидротехническим сооружением, от которого сохранился большой котлован значительной глубины с сильно оплывшими бортами. При раскопках заполнения котлована было выделено два горизонта. Анализ состава керамического комплекса каждого из горизонтов выявил их резкое различие (табл. 3, схема). Нижний горизонт по основным показателям соотношений керамики вполне соответствует средним показателям эллинистического периода. Верхний же горизонт имеет ряд специфических черт, присущих СК1 и СК3 римского времени. Необычайно высокая доля столовой керамики и низкая доля амфорной тары сближает верхний горизонт СК5 с комплексом керамики из СК3, а высокий процент сероглиняной и толстостенной керамики находит аналогии только в комплексе находок из СК1. Таким образом, на основании этих наблюдений можно предположить, что нижний горизонт заполнения котлована СК5 образовался во время функционирования сооружения в эллинистический период, а верхний сформировался в более позднее, римское время путем значительного сброса керамического материала из СК3; материал из СК1 попал в заполнение СК5, вероятно, при рытье хозяйственных ям, в пользу этого предположения говорит определенная связь между керамическими комплексами СК1 и ям римского времени.

Проведенный количественный анализ состава керамического комплекса поселения Волна-I позволил установить состав керамического комплекса, характерный для четырех периодов существования поселения и определить динамику его изменения: доля строительной, толстостенной, круговой кухонной керамики и амфорной тары остается практически неизменной, процент столовой посуды увеличивается, а присутствие

лепной керамики с течением времени сокращается. Кроме того, для объектов римского времени установлена определенная взаимосвязь между СК1 и ямами, с одной стороны, и между СК2 и культурным слоем – с другой. Этот факт позволяет нам предположить, что запустение СК2 произошло ранее формирования культурного слоя римского периода, т.к. состав находок из него практически ничем не отличается от находок из слоя. На этом же основании можно допустить одновременность функционирования СК1 и хозяйственных ям; а отсюда – предположить, что последней постройкой на поселении был СК2.

Таким образом, сравнительный анализ состава керамического комплекса археологических объектов поселения Волна-I позволил уточнить характер формирования культурного слоя и заполнения строительных комплексов и хозяйственных ям, а также относительную хронологию их образования и функционирования.

Обозначения в таблицах: 1 – красноглиняная простая посуда, 2 – сероглиняная керамика, 3 – чернолаковая, 4 – краснолаковая, 5 – буrolаковая, 6 – «мегарские» чаши, 7 – ионийская керамика, 8 – круговая кухонная керамика, 9 – лепная керамика.

В верхней части ячейки в таблицах дано количество фрагментов керамики той или иной категории, в нижней части приведены доля этой категории в керамическом комплексе данного периода или объекта и доверительный интервал.

Таблица 1. Распределение фрагментов керамики по периодам.

Период / категория	Число фрагментов	Хронологическая датировка	Амфора	Столовая керамика							Кухонная керамика		Всего
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Рим	154	114	19420	3907 15,16±0,44							2181 8,46±0,35		25776
	0,6±0,09	0,44±0,06	75,34±0,54	3090	343	1214	967	20	8	21	1214	967	
				79,09±1,3	8,78±0,9	4,71±0,26	3,75±0,24	0,51±0,22	0,2±0,14	0,54±0,23	4,71±0,26	3,75±0,24	
Эллинизм	163	201	21943	3948 13,79±0,4							2374 8,29±0,32		28629
	0,57±0,06	0,7±0,31	76,65±0,5	2374	550	1032	1342	36	22	53	1032	1342	
				69,28±1,47	13,93±1,1	3,6±0,22	4,69±0,24	0,91±0,3	0,56±0,24	1,34±0,36	3,6±0,22	4,69±0,24	
Классика	9	21	3976	525 10,61±0,87							414 8,39±0,79		4946
	0,18±0,11	0,42±0,18	80,39±1,13	351	108	33	11	6	1	15	162	253	
				66,86±4,11	20,57±3,53	6,29±2,12	2,1±1,25	1,14±0,93	0,2±0,39	2,86±1,45	3,28±0,51	5,12±0,63	
Архаика	1	1	557	97 12,81±2,43							101 13,34±2,47		757
	0,13±0,26	0,13±0,26	73,58±3,2	42	38	3				14	34	67	
				43,3±10,06	39,18±9,91	3,1±3,52				14,43±7,14	4,49±1,5	8,85±2,06	
Всего	327	337	45896	8477							5071		60108
				6217	1039	426	599	62	31	103	2442	2629	

Таблица 2. Распределение фрагментов керамики по объектам римского периода.

Период / категория	Черепица	Толщина кровельная керамика	Амфоры	Столовая керамика							Кухонная керамика		Всего
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	
СК 1	5	15	552	137							94		803
				17,06±2,65							11,71±2,27		
	0,62± 0,55	1,87± 0,95	68,74± 3,27	90	23	7	17			25	69		
				65,7± 8,11	16,79 ±6,39	5,11± 3,76	12,41 ±5,63			3,11± 1,22	8,59± 1,98		
СК 2	2	10	2117	343							151		2623
				13,08±1,32							5,76±0,91		
	0,08± 0,11	0,38± 0,24	91,1± 1,11	253	30	20	40			59	92		
				73,76± 4,75	8,75± 3,05	5,83± 2,53	11,66 ±3,47			2,25± 0,58	3,51± 0,72		
СК 3	52	26	3988	1528							896		6490
				23,55±1,05							13,81±0,86		
	0,8± 0,22	0,4± 0,15	61,45± 1,21	1373	63	36	41	8	6	1	573	323	
				89,86± 1,54	4,12± 1,02	2,36± 0,77	2,68± 0,82	0,52± 0,36	0,39± 0,32	0,06± 0,11	8,83± 0,7	4,98± 0,54	

ЯМЫ	4	5	756	211 18,74±2,33						150 13,32±2,02			1126
	0,36± 0,35	0,44± 0,39	67,14± 2,8	144	37	5	22	3	46	104	4,08± 1,18	9,24± 1,73	
				68,25± 6,41	17,54 ±5,24	2,37± 2,1	10,47 ±4,22	1,42± 1,63					
СЛОЙ	91	58	12007	1688 11,46±0,52						890 6,04±0,39			14734
	0,62± 0,13	0,39± 0,09	81,49± 0,64	1230	190	91	146	9	2	20	511	379	
				72,87± 2,16	11,26 ±1,54	5,39± 1,1	8,65± 1,37	5,33± 1,1	0,12± 0,17	1,18± 0,53			
Всего	154	114	19420	3907						2181			25776
				3090	343	159	266	20	8	21	1214	967	

Таблица 3. Распределение фрагментов керамики по двум горизонтам заполнения СК 5.

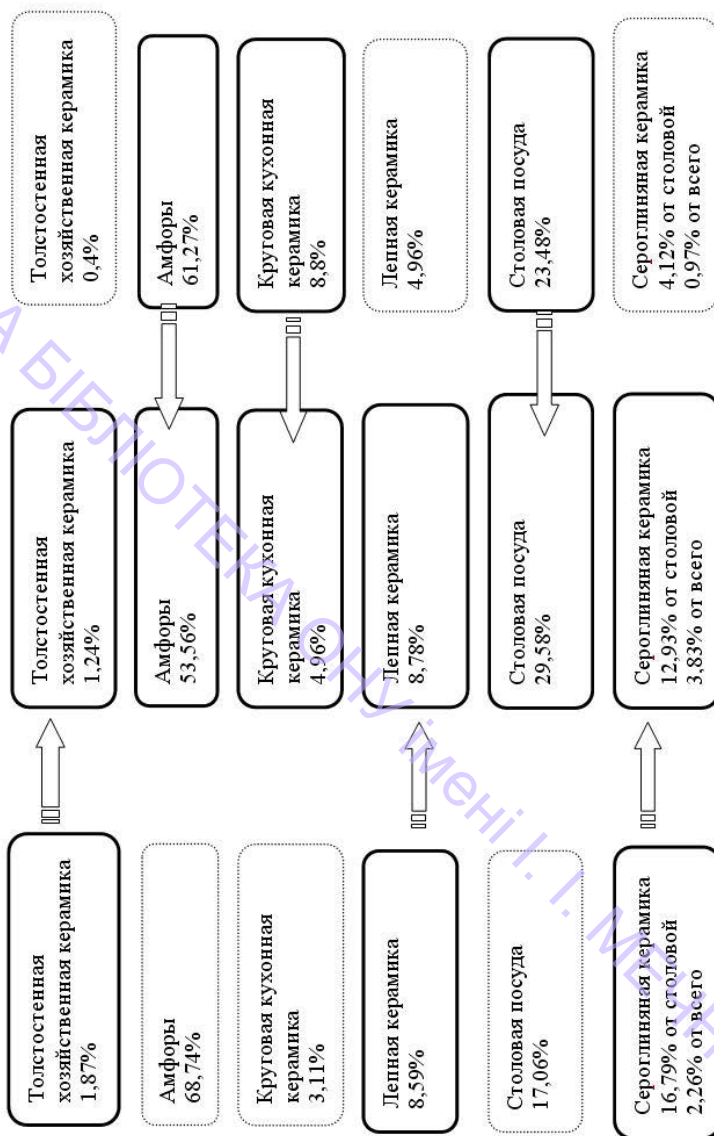
Категория / горизонт	Черепица	Полостенная козырьковая керамика	Амфоры	Столовая керамика						Кухонная керамика		Всего
				1	2	3	4	5	6	8	9	
	9	28	1204	665						338		2244
				29,63±1,93						15,06±1,51		
	0,4± 0,26	1,25± 0,47	53,65± 2,1	420	86	19	133	6	1	126	212	
Верхний горизонт				63,16± 3,74	12,93± 2,6	2,86± 1,3	20± 3,1	0,9± 0,73	0,15± 0,3	5,61± 0,97	9,45± 1,23	33
	5	2	373	36						7,35±2,46		
Нижний горизонт				24	5	2	3	2		8	25	449
	1,11± 0,99	0,45± 0,63	83,07± 3,54	66,67± 15,71	13,89± 11,83	5,56± 7,64	8,33± 9,21	5,56± 7,64		1,78± 1,25	5,57± 2,16	
	14	30	1577	701						371		
Всего				444	91	21	136	8	1	134	237	2693

Схема образования верхнего горизонта заполнения СК5

СК1

СК5

СК3

¹ Блаватский В.Д. Пятый год работы в Синдике // КСИА, 74. – 1959. – С. 41-48; Паромов Я.М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981-1983 гг. // КСИА, 188. – 1986. – С. 69-76

² Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Южно-Таманская античная комплексная археологическая экспедиция в 1997 г. // ОАСГЭ за 1997 г. – СПб., 1998. – С. 14-16; Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Комплексная научно-исследовательская программа «Синдский остров»: краткие итоги кампаний 1996-1997 гг. // ТС. – Вып. 1. – СПб., 1998. – С. 37-47; Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Южно-Таманская античная комплексная археологическая экспедиция в 1998 г. // ОАСГЭ за 1998 г. – СПб., 1999. – С. 19-20; Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Южно-Таманская античная комплексная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа в 1999 г. // ОАСГЭ за 1999г. – СПб., 2000. – С. 20-23; Соловьев С.Л. Южно-Таманская античная комплексная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа в 2000 г. // ОАСГЭ за 2000 г. – СПб, 2001. – С. 16-17; Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Архаические комплексы поселения Волна-I в окрестностях Гермонассы // ТС. – Вып. 4. – СПб., 2002. – С. 67-8.

³ Данная методика была успешно применена на материалах Танаиса (Каменецкий И.С. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // Античные древности Подонья – Приазовья. МИА, 154. – 1969. – С. 136-172) и городища Чайка (Внуков С.Ю. Скифские слои городища Чайка // СА. – 1984. – №2. – С. 54-69)

Г.В. Батизат, А.А. Росохацкий (Одесса, Украина)
МРАМОРНАЯ СТАТУЭТКА АФРОДИТЫ ИЗ ТИРЫ

В ходе наших археологических исследований 1997 г. в Тире, в эллинистическом слое III-II вв. до н.э. к северо-западу от круглой башни № 68 с ее напольной стороны был найден крупный фрагмент мраморной статуэтки, который представляет собой большую часть небольшой объемной скульптуры, изображавшей греческую богиню Афродиту (находится в фондах Белгород-Днестровского краеведческого музея). Женская фигурка сохранилась от верхней части живота и до шиколоток. Размеры фрагмента: высота 12,6 см, ширина 5,7 см (в верхней части), 7,1 см (в средней) и 4,6 см (в нижней) (рис. 1).

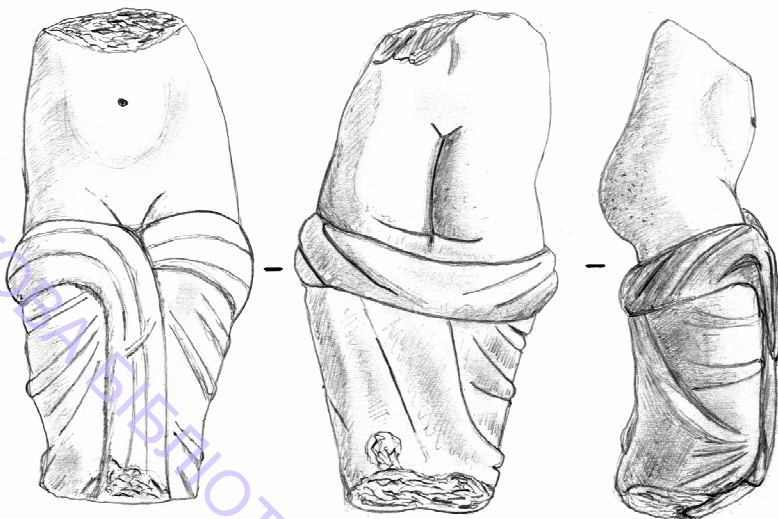

Рис. 1. Тира. Мраморная статуэтка с изображением Афродиты

Изображенная Афродита имеет пышные формы, с особой тщательностью мастером проработаны торс, слегка выступающий живот и полные ягодицы, выделенные прорезанной вертикальной глубокой линией, заканчивающейся в верхней части V-образным прорезом, подчеркивающим их объемность. Внизу глубокая горизонтальная черта, ниже небольшая врезная линия, четко разделяющая правую и левую ногу. Бедра богини ниже ягодиц окутаны ниспадающим вниз плащом с рельефно выделенной и хорошо проработанной драпировкой, вероятно, доходившей до самых ступней. Верхний конец плаща показан подвернутым, где с правой стороны, вдоль передней части ног по всей их сохранившейся длине, ниспадает вниз часть плаща. Этим приемом скульптор акцентирует внимание на то, что плащ был спущен со спины, тем самым обнажая интимные места богини, как бы для показа их окружающим. Материалом для статуэтки послужил ярко-белый без вкраплений плотный мрамор хорошего качества.

В античном искусстве достаточно четко можно проследить четыре типа изображений Афродиты-Венеры.

Первый тип представляет Афродиту полностью обнаженной (как правило, стыдливо прикрывающую руками интимные места; ср. *Apul. Met. II 17*). Сюда же относятся и изображения Афродиты Анадиомены (дословно “Вынырывающая”, “Выходящая из моря”, “Встающая из волн”; примером может служить бронзовая статуэтка Анадиомены II в. н.э. из Херсонеса) и купающейся Афродиты (известна римская мраморная копия

с оригинала Дойдалса второй половины III в. до н.э., она же Афродита с Эротом). Наиболее яркие примеры: Афродита Капитолийская (Пракситель, 350-340 гг. до н.э.; римская копия), Афродита Медичи, она же Венера Медицейская (Кефисодот Младший и Тимарх, III в. до н.э.; римская копия), Венера Таврическая (III в. до н.э.; римская копия), Афродита Книдская (вариант полностью обнаженной фигуры, держащей в левой руке плащ; римская копия), бронзовая Афродита из Сидона (III-II вв. до н.э.), фреска из Помпей, изображающая обнаженную возлежащую Венеру, плывущую на раковине (эллинистический сюжет). Примечательны еще два изображения из Помпей: Венера, снимающая или надевающая сандалию до или после купания (полихромная мраморная вставка), и статуэтка Венеры с Приапом, где она снимает или одевает сандалию, соответственно, до или после купания¹. На этих изображениях богиня представлена в золотых украшениях в виде браслетов на руках и ногах и ожерелья на шее. Ее можно охарактеризовать как Афродиту Маргаритó (“Украшенная жемчугами”). Известно также изображение этого типа Афродиты на бронзовой ручке от зеркала из Ольвии².

Второй тип представляет богиню полуобнаженной, ягодицы и лобок наполовину или полностью прикрыты драпировкой. Сюда можно отнести знаменитую Венеру Мелосскую (или Милосскую, так как она была найдена на о. Милос, в древности называвшемся Мелос, датировка широкая, от III-II вв. до н.э., нач. II в. до н.э. и до ок. 120 г. до н.э., предполагаемый скульптор Александр из Антиохии на Меандре), не менее знаменитую Афродиту Книдскую (Пракситель Младший, 350 г. до н.э.; римская копия; см. у *Luc. Diae amor. 14-16*, где описывается храмовая статуя Афродиты Книдской Праксителя, она же Эвплотей (Эвплотей, т.е. “Счастливо плавающая” или “Счастливого плавания”; ее культ был распространен на о. Книд под данной эпikleзой (*Ibid. 11*), а статуя находилась в одном из трех посвященных богине храмов острова), Афродиту из Арля (Пракситель, 350-340 гг. до н.э.; римская копия), Венеру из Капуи (II в. до н.э.; римская копия). К этому типу, в частности, относится и костяная статуэтка из Тиры, найденная в 1999 г., изображающая Афродиту Понтию–Пелагию–Лимнею–Эвплотей (“Морскую”–“Портовую”–“Счастливо плавающую”, III-II вв. до н.э.)³, а также терракотовая статуэтка Афродиты из Ольвии, относящаяся к эллинистическому времени, где виден сохранившийся кусочек драпировки, только слегка касающийся ее интимного места, стыдливо прикрытого ладонью правой руки, и фрагмент другой ольвийской терракотовой статуэтки с полностью задрапированной нижней частью тела до самого живота⁴.

Третий тип представлен полуобнаженной Афродитой – это так называемая Афродита Каллипига. Она представлена двумя прекрасными

экземплярами: Афродита-Венера Каллипига из Неаполя (III в. до н.э.; римская копия) и из Рима⁵.

Четвертый тип, редко встречающийся, это одетая или почти одетая Афродита. Хорошим примером здесь служит мраморное изображение полностью задрапированной до шеи Афродиты с рельефа на так называемом троне Лудовизи со сценой ее рождения из морской пены (470-450 гг. до н.э.). Есть изображение Афродиты в “Садах” в длинном хитоне без рукавов с открытой левой грудью (скульптор Каллимах, 440/420-430/410 гг. до н.э.; римская копия; Павсаний упоминает об Афродите в “Садах” работы Алкмена; *Paus. I 19. 2*). В этом случае драпировка только подчеркивает всю ее женственность. Также отметим полностью одетую в непрозрачную тунику Афродиту на лебеде с краснофигурного килика “мастера Пистоксена” (ок. 475 г. до н.э.), полностью одетую Афродиту, сидящую на стуле (краснофигурный килик “художника Лиандра”) и Афродиту с эротами на апулийском лекифе (ок. 380 г. до н.э.), где она одета в роскошную и пышную тунику, расшитую орнаментами. Сюда же можно отнести и изображения вооруженной Афродиты (*Paus. II 4. 7; III 15. 10*) и Афродиту Морфó (“Дающая красоту (форму)”), изображенную сидящей под покрывалом (*Ibid. III 15.10*). Известны подобные изображения одетой Афродиты и по терракотовым статуэткам, одной мраморной статуэтке и терракотовому рельефу из Ольвии⁶.

Кроме того, Павсаний указывает на редкое изображение Афродиты Урании в виде четырехугольной гермы, стоявшей недалеко от храма (*Paus. I 19. 2*)⁷.

Подобная грация изображений существовала в мелкой пластике и на резных камнях⁸. Этих же, упомянутых выше, канонов (даже иногда в деталях), придерживались и художники эпохи Возрождения и барокко⁹.

По типу положения драпировки и степени обнаженности изображение публикуемой Афродиты относится ко второй группе нашей классификации. Однако отдельные элементы указывают на то, что это могла быть и Афродита Каллипига¹⁰.

По стилю и технике исполнения найденную в Тире статуэтку Афродиты следует датировать III-II вв. до н.э. Этому не противоречат и другие археологические материалы: чернолаковая керамика, фрагменты амфор и амфорных клейм, происходящих из слоя III-II вв. до н.э., в котором и была обнаружена данная статуэтка. Несомненно, публикуемая статуэтка Афродиты является копией крупного статуарного оригинала из мрамора или бронзы. Центрами изготовления могли быть родосская, малоазийская или египетская (александрийская) мастерские. Возможен и какой-нибудь западнопонтийский центр.

До последнего времени свидетельства почитания культа Афродиты в Тире прослеживались весьма слабо¹¹.

Как известно, культ богини плодородия и любви Афродиты был широко распространен в материковой Греции, Великой Греции (Италии), на островах Средиземноморья, в эллинистических полисах Египта, Малой Азии, Месопотамии и Сирии, а также в городах западного и северного побережий Понта Эвксинского. Афродита почиталась в различных своих проявлениях, связанных с плодородием земли и женщин (*Hom. Il. V 338; Od. XVIII 194; Hym. Hom. VI 5 sq.; Soph. Frg. 333; Strab. XIV 6. 3*), с вершинами гор (так называемая Афродита Акрея, т.е. “Владычица горных вершин”; *Paus. II 32. 6*), семейной жизнью как богиня браков и родов (*Paus. I 1. 5; Anth. Pal. VI 318*, где она выступает в роли “детопитательницы”), плотской любовью (*Luc. De dea Syr. 6; Paus. III 15. 10; IV 31. 2; VII 26. 7*), проституцией (*Her. I 199; Pind. Frg. 136, Schr.; Strab. VI 2. 6; VIII 6. 20*), а также и с морской стихией. Эти функции богини в эллинистический и римский периоды проявлялись, прежде всего, в ее космическом и надкосмическом характере, представляя Афродиту Уранию (“Небесную”) как вселенскую сущность, подательницу всех благ, способствовавшую жизни на земле во всех ее стихиях (*Parm. B 13, Diels; Emp. B 17, 22, 27, Diels; Xen. Conv. VIII 1, 9; Plato. Conv. 180 d-e; Phaed.; Aesch. Suppl. 1045-1053; Soph. Frg. 855; Trach. 497-531; Eurip. Hipp. 436-461; frg. 898, 324, 875; Theocr. XIII; Bion. XIII; Paus. I 14. 7; 22. 3; III 23. 1; VI 25. 1; VIII 32. 2; IX 27. 1; Lucr. De rer. nat. I 1-31; Ovid. Fast. V 91-132; Verg. Georg. II 323-345; Hor. Carm. I 30; Tib. I 215-228*). Философы-неоплатоники и поздние римские писатели и поэты представляли Афродиту-Венеру как Мировую Душу, пронизывающую своей сущностью все мироздание, дарующую и плодоносящую, дающую жизнь всему, что растет и плодится в земле, на земле и под водой, соединяющую противоположные полы и “вечным плодородием” умножающую человеческий род (*Plot. III 5. 2, 3, 8; V 8. 13; VI 9. 9; Proc. Hym. II 1. 16-18; Apul. Met. XI 2; Pervig. Veneris. 60-64*)¹².

Кроме функции богини любви, плодородия и плодovitости, Афродита также была связана с водными стихиями и прокровительствовала мореплаванию, что было связано с мифом о ее рождении из морской пены или от океаниды Дионы (*Artem. Dald. Oneirocrit. II 37; Lucr. De rer. nat. I 3, 8; Orph. Hym. LV 2, 6-7, 20-23*). Павсаний сообщает нам о мраморном изображении Афродиты у моря в Коринфской области, о храме Афродиты с мраморной статуей около моря в Лаконии и святилище Афродиты на морском берегу в Эгионе в Ахайе (*Paus. II 37. 2; III 25. 9, VII 24. 2*). Афродита Понтия-Пелагия (“Морская”) выполняла функцию покровительницы мореплавания. Здесь она сближалась с аналогичными морскими божествами, например, Посейдоном (*Paus. II 34. 11; RML I, Sp. 402; КБН (CIRB) 30*). Как сообщает Афинея, на одном сиракузском корабле даже находилось святилище Афродиты. На фреске второй четверти III в. до н.э. из Нимфея

с изображением множества кораблей написаны имена Аполлона и Афродиты, которые в данном контексте специалистами понимаются как покровители мореплавателей¹³.

В ранневизантийское время образ Афродиты Пелагии попал даже в христианскую агиографическую литературу середины V в. Это “Раскаяние св. Пелагии”, представляющее собой преображенный в христианском духе рассказ о языческой богине Афродите Морской, а также Маргаритó (“Украшенная жемчугами”) и, вероятно, Порнэ (“Блудницы”), т.к. Пелагия первоначально была блудницей¹⁴.

Надо также отметить, что Афродита Урания и Афродита Демос (“Народная”, “Вульгарная”) являлись, с одной стороны, двумя противоположностями, а с другой, одновременно двумя сторонами единой универсальной сущности. Можно предположить, что Афродита Урания представлена в античном искусстве изображениями одетой Афродиты, относящимися по нашей классификации к четвертому типу. Тогда, возможно, Афродита Демос представлена изображениями обнаженной и полуобнаженной Афродиты, т.е. относящимися к первому, второму и третьему типам.

Вполне возможно, что Афродита Каллипига (“Прекраснозадая”) могла относиться и к культовому образу Афродиты Порнэ (“Блудницы”).

В заключение, хочется указать еще на один христианский источник - “Житие св. Порфирия, епископа Газского” (конец IV – начало V вв.), где, возможно, упомянута Афродита Сирийская (ее часто смешивали с Астартой или Кибелой). Автор жития сообщает, что в городе Газе, в Южной Палестине, возле перекрестка под названием Тетрамфод находилась мраморная стела, посвященная Афродите. Стела покоилась на каменном алтаре. На этой стеле было изображение обнаженной богини, “чьи срамные части были все на виду”. Стелу почитали все горожане Газы, особенно женщины, зажигавшие светильники и воскуривавшие ладан. Об этой Афродите ходила молва, что она является во сне с предсказаниями тем женщинам, которые хотят выйти замуж (*Vita s. Porphyrr., ep. Gaz.* 59). Особенностью этого сообщения является то, что оно указывает на культ Афродиты, дававшей предсказания и являвшейся пророчицей и одновременно покровительницей браков, как богини Юнона (Гера) и Конкордия (“Согласие”) Пронуба у римлян.

¹ Помпеја и њени музеји. – Љубљана, 1983. – С. 90-91.

² Русева А.С. Религија и култура античној Олвији. – К., 1992. – С. 101, рис. 30, 5.

³ Самойлова Т.Л., Батизат Г.В. Некоторые художественные изделия эллинистического времени из кости (находки последних лет в Тире) // Олвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення

історико-археологічного заповідника “Ольвія” НАН України. 19-22 листопада 2001 р. – К., 2001. – С. 117-119.

⁴ Ольвія. Музей под открытым небом. Николаев. (Буклет); Русяева А.С. Ук. соч. – С. 101, рис. 30, 1.

⁵ Словарь античности. – М., 1989. – С. 243; Winckelmann J.J. Abhandlung von der Fähigkeit der Empfindung des Schönen in der Kunst und dem Unterrichte in Derselben // Winckelmanns Werke in einem Band. – Berlin–Weimar, 1986. – S. 151 (Venus Kallipygos, Винкельман переводит этот эпитет как: “mit dem schönen Hinteren”, т.е. “с прекрасным задом”).

⁶ Русяева А.С. Ук. соч. – С. 101, рис. 30, 3, 6, 7.

⁷ Известны гермы с изображением женщин. Интерес представляют три гермы из черного мрамора, представляющие “кариатид-канефор”, изображенных по пояс из Палатино (Италия); см. Tomei M.A. Le tre “Danaidi” in nero antico dal Palatino // Bollettino di archeologia. – № 5–6. – Roma, 1990. – P. 36, fig. 1, 2; p. 40, fig. 6; p. 42, fig. 10; p. 45, fig. 14. Павсаний также упоминает и изображение Зевса-Аммона в виде четырехугольной гермы (*Paus. VIII 32. 1*).

⁸ Неверов О.Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Каталог. – Л. – 1988. – №№ 54, 170, 353, 376 (Анадиомена), 465.

⁹ Сравни произведения живописи: Боттичелли. Рождение Венеры (1485-1486 гг.), Венера, Марс и Венера, Джорджоне. Спящая Венера (1508-1510 гг.), Тициан. Венера Анадиомена (ок. 1520 г.), Венера и органист (ок. 1548-1550 гг.), Венера с зеркалом (ок. 1555 г.), Венера и Амур (ок. 1555 г.), Венера Урбинская (ок. 1583 г.), Веронезе. Марс и Венера (1580-е гг.), Веласкес. Венера с зеркалом (1657 г.).

¹⁰ Греческий эпитет “каллипига” (καλλιπυγος; слово известно у ямбографа Киркида из Мегалополя, 290-220 гг. до н.э. (*Circid. Fr. 14*) и Афиней из Навкратиса, II-III вв. н.э., *Athen. XII 554c*; здесь у него данное слово упомянуто как эпитет Афродиты) в буквальном переводе означает “прекраснозадый”, “с прекрасным (красивым) задом”; см. также Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. – Oxford, 1996, s.v. καλλιπυγος, with beautiful πυγή (состоит из греческого словообразования καλος + πυγή, “красота” + “зад”).

¹¹ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. – К., 1985. – С. 78.

¹² Лосев А.Ф. Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии // Ученые записки Московского государственного педагогического института. Т. LXXII. – М., 1953. – С. 141-145; Он же. История античной эстетики. Поздний эллинизм. – М., 1980. – С. 489, 492-510.

¹³ Сокольский Н.И. Культ Афродиты в Кепях конца VI-V вв. до н.э. // ВДИ. 1973. № 4. С. 88-92; Грач Н.Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. – 1984. - № 1. – С. 82, 85.

¹⁴ Полякова С.В. Византийские легенды как литературное явление // Византийские легенды. – Л., 1972. – С. 251. Перевод жития на с. 18-24.

О.В. Білецька (Одеса, Україна)

**ТЕОДОРИК З БУЧАЧА –
ТРИМАЧ СЕРЕДНЬОВІЧНОГО КАЧИБЕЯ**

П'ятнадцяте сторіччя багате відомими іменами. Його представниками, насамперед, є Жана д'Арк, Ян Гус, Андрій Рубльов, Вітовт, Ян Длугош, Мехмед II, Колумб, Іоганн Гутенберг, Іван III, Васко да Гама і багато інших. Однак часто доля, а також історія, того чи іншого регіону залежала від діяльності звичайних урядовців. Дана робота присвячена саме одному з таких маловідомих нині діячів XV ст. – Теодорику з Бучача.

Джерелами до вивчення його діяльності слугують актови (жалувані грамоти польського короля, молдовського володаря, грамоти самого Теодорика) та дипломатичні (договір про дружбу між Теодориком з молдовським воеводою Богданом) джерела. Вперше його діяння стали об'єктом уваги польських хроністів¹. Науковими, в сучасному розумінні, студіями над зазначеною проблематикою почали займатись лише з середини XIX ст. Власне вивчення діяльності цього урядника започаткували в своїх працях такі польські метри, як К.Стадницький, А.Прохаска та А.Левицький². Досить змістовними є низка статей, присвячених гербу Абданк, до якого належав Теодорик³. На межі XIX–XX ст. вивчення продовжили як польські⁴, так і українські⁵ вчені. З сучасних дослідників необхідно відзначити праці А. Янечека, Я.Куртики, Ю.Зауляка та В.Михайловського тощо⁶.

Теодорик з Бучача був представником однієї з наймогутніших польських родин XIV–XVI ст., яка мала численні володіння на південно-східних теренах Польського королівства. Відомості про прашурів Теодорика сягають в глибину сторіч, і найбільш правдоподібними є вже можновладці XI ст. – Авданці⁷. Представники цього роду прибули на територію сучасної української землі в 70-х рр. XIV ст. Їх значення ще більше зросло за правління князя Руської землі Владислава Опольчика (біля 1372–1378 рр.). Від цього князя батько Теодорика – Міхал Абданк – отримав Бучач (на *jus feodum*), що був розташований на межі Галицької та Подільської земель⁸. У 1379 р. Міхал заклав костел у Бучачі⁹, який згодом став центром формування нової династії польських можновладців Бучацьких¹⁰.

Одна з перших відомостей про Теодорика (дата його народження достеменно невідома) відноситься до 1401 р., коли він разом з братом Міхалом підтвердив батьківську фундацію на бучацький костел. На великій політичній сцені Поділля Теодорик з'являється разом з молодшими братами (Міхалом і Міхалом-Мужилом), в 1430 р., коли після смерті великого князя Вітовта, разом з Грицьком Кердеєвичем, кам'янецьким єпископом Павлом, Крушиною та Галовим ув'язнили у

Кам'янці подільського старосту Довгірда (який ще нічого не знав про смерть свого пана) і очолили антилитовське повстання¹¹. За таку потужну підтримку польський король Владислав-Ягайло щедро розрахувався. В наступному році Теодорик вже отримав уряд кам'янецького старости¹².

Протягом 1431 р. він приймав активну участь у місцевій феодалній війні на боці короля проти литовського князя Свидригайла та його союзників. Зокрема, Теодорик дав відсіч татарам та військам молдовського господаря Олександра. Під час однієї з битв (в 1433 р.) з князем Федьком Несвизьким потрапив до полону останнього і був виданий Свидригайлу. Однак невдовзі звільнився – його було обміняно на комтура Тевтонського ордену Вернера фон Несельроде.

Після смерті Владислава-Ягайла (в 1434 р.) польським королем було обрано його 10-річного сина Владислава. Очевидно, при дворі велись певні інтриги, пов'язані з малолітством короля. Відомості про це детально нам не відомі. Знаємо лише, що в 1437 р. Теодорик був заарештований за підозрою у змові проти короля. І лише повторна присяга зняла з нього звинувачення. Дуже швидко Теодорик зумів порозумітися з Владиславом, так що у 1438 та 1440 рр. він отримав документи на тримання Червоногородського замку та староства з записом в 300 гривень¹³.

Протягом 20-40-х рр. XV ст. Теодорик сконцентрував у своїх руках великий комплекс населених пунктів, який охоплював землі в Галичині, на Поділлі та в Молдові. Процес зосередження земель відбувався різними шляхами – отриманням великокнязівських та королівських пожалувань, викупам у тримачів та просто самочинними захопленнями¹⁴. Все це згодом дало Теодорику можливість отримати від короля уряди подільського старости (в 1431-1434, 1442-1455 рр.), кам'янецького (в 1442, 1455 рр.) та червоногородського (в 1436-1443 рр.) каштелянів¹⁵.

В результаті Теодорик дуже швидко збагатився. Згодом він зміг надавати не лише постійну фінансову допомогу королям, а й обдаровував їх коштовними шатами (на зразок соболіних шуб, дорогих шовкових плащів, розшитих золотом та підбитих хутром¹⁶). Взагалі, він завдяки своїм подарункам та підлабузництву мав дуже великий вплив при дворі та на польських королів – Владислава Варненчика і Казимира IV Ягелончика – та, особливо, на дружину останнього Єлизавету.

Варто вказати також, що спочатку Теодорик добре справлявся зі своїми функціональними обов'язками старости, головним із яких був захист кордонів землі. Підтвердженням цього є два документи від 1442 р. Згідно з першим привілеєм (від 29 вересня 1442 р.), Теодорик в нагороду за оборону Поділля і посольство до татарського хана Сід-Ахмета, з послом від якого він повернувся до столиці Угорщини для підписання мирного договору, був обдарований новим урядом – генерального

подільського старости (*terrarum Podoliae capitaneus generalis*)¹⁷. Тепер в межі його компетенції, окрім Червоногородського повіту, стали входити ще: замок і місто Кам'янець, замок і містечко Бакота, містечко Летичев, містечко Йолтушков, замок Хмельник, замок і містечко Скала, замок і містечко Бакота, добро Меджибож з прилягаючими до них селами.

До того ж за цим документом Теодорик отримав досить важливе повноваження від короля, якого не мали урядники інших земель – право робити запис суми розміром в 50 гривень на земельні тримання в Подільській землі. Тому згодом з'являються документи, за якими «записи суми» були здійснені саме Теодориком. Поки що нам відомо 11 таких пожалувань¹⁸. Як видно з грамот земельних надань, він за їх допомогою намагався заселити, в першу чергу, пустки і, як правило, на порубіжних територіях.

Король уповноважував його також відвозити до хана – перших три роки – щорічну фіксовану (розміром в 200 гривень) данину та подарунки, які він повинен був сплачувати за рахунок суми, записаної на деяких осіб. По завершенню цього терміна, данини повинні були забезпечуватись Теодориком самостійно – *«in triennium ducentis marcis pro quolibet anno promittendis munusculis caesari Tartarorum amicitiae continuandae causa assignatis ... deinde elapso triennio Theodoricus de suo mitteret, stationibus dum rex in Podoliam venerit saluis»*¹⁹.

Відповідно до другого привілею – 30 вересня 1442 р. – Теодорик отримав від короля, окрім вищеперерахованих земель, ще три замки – Караул, Чорнигород (в гирлі Дністра) та Качибей, що був розташований на морському узбережжі. І хоча на все це було записано суму (в 3000 гривень), однак у тексті міститься формула *«ad tempora vitae sue»* (на час його життя), що додає документу певної суперечливості. В грамоті чітко вказана процедура, в силу якої король міг би відібрати надання. Її повинна була здійснити своєрідна колегія арбітрів з обох боків, яка могла б констатувати факт виплати королем надвичайно великої суми – 3000 гривень. Теодорик повинен був «позначені замки і міста забудовувати, відновлювати... щоб звідси користь і честь Польському королівству забезпечити»²⁰. Король, надаючи ці землі подільському старості, очевидно, діяв за аналогією (раніше, як відомо, великий князь Вітовт цю причорноморську землю включив до компетенції подільського старости Гедигольда)²¹.

З наявних джерел не відомо, чи бував Теодорик у цих укріпленнях. В Качибей, швидше за все, так. Відповідь напрошується після прочитання нотатків Тадеуша Чацького, який писав: «...я бачив слід рішення Владислава Ягеллончика від 1442 р. між Язловецьким (Теодориком з Бучачу. – *О.Б.*), якому він подарував ту частину землі над Чорним морем, де був і є невеликий порт Качубей (*Kaczubej*), та його (королівськими. – *О.Б.*) чиновниками, які доводили, що в привілеї не були

надані пересипи (*przesypisku*), а вони за сто років були принесені морем від інших земель і приєднані до наших (королівських. – О.Б.) володінь». Далі автор продовжує: «Напевно ця річ була важливою якщо за неї сперечались і Язловецький чинив опір побудові домів для сторожі на цій Пересипі»²². Зважаючи на наведену інформацію, можна припустити, що середньовічний Качибей знаходився неподалік від сучасного району м. Одеси – Пересипу. В даному відношенні варто відзначити, що до XV ст. відноситься ще одна згадка про Качибей – у 1469 р. на нього королівському службовцю представив документ один з синів Теодорика – Міхал²³.

Теодорик справлявся добре не лише з адміністративними обов'язками. Прославився він і на дипломатичному поприщі. Окрім посольств до татарського хана, він їздив також і до молдовських господарів. Так, перебуваючи в Сучаві в 1449 р., Тодорик підписав договір про дружбу з воєводою Богданом з метою взаємодопомоги проти його брата – Олександра Ельашевича²⁴. У зв'язку з цим варто відзначити, що за свою вдало проведену дипломатичну роботу та вчасно надану допомогу він отримував нагороду і від молдовського правителя (мається на увазі його великий земельний комплекс на Буковині²⁵).

Внутрішньополітична ситуація на Поділлі за урядування Теодорика була нелегкою. Зокрема, у 1447 р., як занотував Ян Длугош, король (в цьому році до управління державою прийшов 20-річний Казимир IV Ягеллончик) гнівався на Теодорика за те, що той вигнав литовські залоги з Меджибожа, Хмельника та Караула і «захопив все Поділля»²⁶. Але, як видно з вищевикладеного матеріалу, Теодорик мав повне право на «захоплення» цих замків, оскільки раніше (у 1442 р.) вони відійшли під його розпорядження. Швидше за все, в даному випадку Длугош лише передав настрої пролитовсько налаштованої партії при дворі короля. Тобто литовські пани, замість того, щоб надавати допомогу подільському старості для боротьби з татарами, вели постійні суперечки і бажали, в першу чергу, легалізувати свої права на володіння Поділлям. Постійні набіги татар призводили до того, що необхідно було постійно бути готовим до оборони. Так, протягом 1448-1450 рр. Теодорик, вчасно змобілізувавши війська, зміг відібрати у татар значну частину ясиру та трофеїв. Однак, у 1452 р. внаслідок поганої системи військової розвідки, а можливо й зради, він не встиг zorganizувати їм відсіч, а тому й став винним у страшному спустошенні²⁷.

Відзначився Теодорик також у благодійній справі – був фундатором парафіяльного костелу в Язловці, а також домініканського монастиря в Червоногороді. З приватного життя Теодорика відомо, що він був одружений двічі. З другою дружиною Катериною, донькою Кжчена з Мартинова, окрім доньок, мав трьох синів – Бартоша, Міхала та Яна, які займали по черзі (оскільки він був спадковим) уряд кам'янецького

старости. Помер він біля 24 березня 1455 р.²⁸ Нащадки ж Теодорика – Бучацько-Язловецькі, тримали Червоногородський повіт аж до початку XVII ст.

Отож, діяльність генерального подільського старости Теодорика з Бучача, починаючи з 30-х рр. XV ст., була непересічною. По суті, він мав повноваження місцевого князя – особисто (як великі князі московські) їздив в ставку до хана з даниною та подарунками, супроводжував до Буди татарського посла, підписував мирні договори з татарським ханом та молдовським господарем. Від власного імені (а за доби середньовіччя такі права мали королі та великі князі) записував суми на земельні тримання. Надавач діяльність свідчить про його далекоглядність як політика, який в першу чергу піклувався про заселення пусток та укріплення порубіжних територій. Власне він був останнім достойним продовжувачем традиційної південно-східної політики Польського королівства – утримання контролю над причорноморською територією, до Качибя та Чорниграда включно, свідченням чого є його постійні (майже щорічні) зіткнення з татарами.

Примітки:

¹ Długossus I. *Historiae Polonicae libri XII.* – Francofurti et Lipsiae, 1711. – Vol.1. – P.563; Bielski M. *Kronika Polska // Zbiór pisarzów polskich.* – Warszawa, 1830. – T.15. – Cz.5. – S. 14, 31.

² Stadnicki K. *Wspomnienie o Abdankach-Konopkach Buczackich i Jazłowieckich // Przewodnik Naukowy i Literacki.* – T. I. – 1873. – S. 149, 152; Prochaska A. *Sprawy wołoskie w w. XV // Przewodnik Naukowy i Literacki.* – T. I. – 1888. – S. 910; Lewicki A. *Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną.* – Kraków, 1892. – S. 200.

³ Boniecki A. *Herbarz Polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich.* – Warszawa, 1899. – T.II. – S. 218-220; Niesiecki K. *Herbarz Polski.* – Warszawa, 1989. – T.2 ; Uruski S., Kosiński A., Włodawski A. *Herbarz szlachty polskiej.* – Warszawa, 1905. – T.2.; Żychliński T. *Złota księga szlachty polskiej.* – Poznań, 1880. – R. 2.

⁴ Kutrzeba S. *Starostowie, ich początek i rozwój do końca XIV w.* – Kraków, 1903; Górka O. *Zagadnienie czarnomorskie w polskiej polityce średniowiecznej. Cz.1. (1359-1450) // Przegląd historyczny.* – 1932-1933. – T.30. – Z.2. – Seria II. – S. 325-39; Halecki O. *Dzieje unii jagiellońskiej.* – Kraków, 1919. – T.I. – S. 331-384; Halecki O. *Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wolińska za Kazimierza Jagiellończyka.* – Kraków, 1915. – S. 85; Z Jana Zamoyskiego inwentarza Archiwum koronnego materiały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku/ Opracował Oskar Halecki// Archiwum Komisji Historycznej. – T.12. – Cz.1. – Kraków, 1919. – S. 146-218; Kolankowski L. *Dzieje wielkiego księstwa litewskiego.* – T.I. – W., 1930. – S. 234, 250, 254; Semkowicz W. *Ród Awdańców w wiekach średnich.* – Poznań, 1920. – S. 259, 381-382; Stachoń B. *Polityka Polski wobec Turcji i akcji antyturskiej w w. XV do utraty Kili i Białogrodu (1484).* – Lwów, 1930. – S. 96-102; Dörflerówna A. *Buczacki Teodoryk // Polski Słownik Biograficzny.* – Warszawa, 1937. – T.3. – S. 85.

⁵ Грушевський М. Історія України-руси. – К., 1993. – Т.4. – С. 184, 204;

Грушевський М.С. Барське староство. Історичні нариси (XV–XVIII ст.). – Львів, 1996.

⁶ Janeczek A. Polska ekspansja osadnicza w ziemi lwowskiej XIV-XVI w. // Przegląd Historyczny. – Warszawa, 1978. – T. CXIX. – Zesz. 4; Kurtyka J. Z dziejów walki szlachty ruskiej o równoprawnienie // Roczniki Historyczne, 56. – Poznań, 2000. – S. 112-115; Kurtyka J. Nadanie starostwa podolskiego Teodorykowi z Buczacza (z dziejów królewskich na Podolu w XV i XVI w.) // Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis. – Kraków, 2004. – Studia Historica III. – Folia 21. – S. 69-102;

Михайловський В. Матеріали до ітinerарія подільських воєвод, каштелянів і старост у XV ст. // Молода нація. – 2001. - №3. – С. 149-168; Михайловський В. Привілей короля Владислава III на Кам'янецьке староство для Теодорика з Бучача 1442 р. // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету. Історичні науки. – Кам'янець-Подільський, 2003. – Т.11. – С. 44-58; Михайловський В. Документи подільських (кам'янецьких) генеральних старост на заставу королівщин (1442-1506 pp.) // Київська старовина. – 2003. - №2. – С. 65-81; Зазуляк Ю. Veri et perpetui terrarum Russie heredes: шляхи легітимізації прав на земельну власність серед руської шляхти в середині XV ст. // Вісник Львівського університету. – Серія історична. – Львів, 1999. – Вип. 34. – С. 95-107; Зазуляк Ю. Взаємовідносини старост і шляхти в Галицькій Русі пізнього середньовіччя // Центральна і Східна Європа в XV-XVIII ст.: питання соціально-економічної та політичної історії. До 100-річчя від дня народження проф. Дм. Похилевича. – Л., 1998. – С. 75-86. Зазуляк Ю.П. Шляхта руського воєводства у XV ст. Автореф. дис. ... канд.іст. наук. – Львів, 2004. – С. 22; Білецька О.В. Поділля на зламі XIV-XV ст.: до витоків формування історичної області. – Одеса, 2004. – С. 206, 210-212, 222, 224, 241, 257-258 etc.

⁷ Stadnicki K. Wspomnienie o Abdankach-Konopkach ... – S. 149.

⁸ Цікаво, що пізніше (біля 1427 р.) зберігся документ, за яким Бучацькі домоглися від короля Владислава Ягайла визнання всіх їхніх земельних володінь вже на дідичному праві (*jus hereditarium*).

⁹ Dörflerówna A. Buczacki Teodoryk ... – S. 85.

¹⁰ Більш детально див.: Barącz S. Pamiętki buczaćki. – Lwów, 1882.

¹¹ Długossus I. Historiae Polonicae libri XII... – P. 563.

¹² Очевидно, тут варто розуміти подільського. Zbiór dokumentów małopolskich / Wyd. I. Sułkowska-Kuraś i S. Kuraś (далі – ZDM). – Wrocław, 1975. – Cz.7. – №2062.

¹³ Записки Наукового товариства ім.Шевченка (далі – ЗНТШ). – Львів, 1905. – Т.63. – Сер.1. - №34. – С. 35; ZDM. – Wrocław, 1975. – Cz.8. – №2253. – S. 78-79.

Окрім того, документ та переклад див.: Білецька О.В. Поділля ... – С. 256-257, там же коментар (с. 210-211).

¹⁴ Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi magni ducis Lithuaniae 1386-1430/ Wyd. J. Ochmański. – Warszawa-Poznań, 1986. - №77; Грушевський М.С. Барське староство... – С. 25-27; Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. – Perg. №484. Зазуляк Ю.П. Шляхта руського воєводства у XV ст. / Дис. ... канд.іст. наук. – Львів, 2004. Принагідно хотілося б відзначити, що на сьогоднішній день земельні тримання Теодорика з Бучачу комплексно не вивчені і є предметом для майбутніх студіювань.

¹⁵ Більш детально див: Urzędnicy podolscy XIV-XVIII w. Spisy / Opracowali E.Janas, W. Klaczewski, J.Kurtyka, A.Sochacka. – Kórnik, 1998. – S. 54, 121-122, 126.

¹⁶ Білецька О.В. Поділля ... - С. 256-257.

¹⁷ Найновітнішу публікацію документа див: Kurtyka J. Nadanie starostwa podolskiego Teodorykowi z Buczacza ... - S. 94.

¹⁸ Архив Юго-Западной России. - К., 1893. - Ч.8. - Т.1. - №12. - С.18-19; №14. - С. 21-22; ЗНТШ. - Львів, 1905. - Т.63. - Сер.1. - №41. - С. 44-45, №42. - С. 45-46, №43. - С. 46. Akta grodzkie i ziemskie (далі - AGZ). - T.V. - №132. Див. також регести: Михайловський В. Документи подільських (кам'янецьких) генеральних старост на заставу королівщин (1442-1506 pp.) // Київська старовина. - 2003. - №2. - С. 74-76

¹⁹ Kurtyka J. Nadanie starostwa podolskiego Teodorykowi z Buczacza ... - S. 94.

²⁰ Документ опубліковано в: Грушевський М.С. Барське староство... - С. 25-27. Переклад див. Білецька О.В. Поділля... - С. 257-258, коментар див. на с. 211.

²¹ Ланнуа Г. де-. Описание путешествия // Брун Ф.К. Путешествие Гильберта де Ланнуа по Южной России в 1421 г. - Одесса, 1852. - С. 8.

²² Czacki T. O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związkach i o rzeczach zawartych w pierwszym statucie dla Litwy 1529 r. wydany. - Poznan, 1844. - Т.2. - Р.179. Переклад цієї цитати, виконаної О.Різниковим, див.: Історія Хаджибея (Одеси) 1415-795 pp. в документах / за ред. Т.Г.Гончарука. - Одеса, 2000. - С.11.

²³ Bona regalia onerata// Źródła dziejowe. - Warszawa, 1877. - Т.5. Lustracye Królewsszczyzn ziem Ruskich Wołynia, Podola i Ukrainy z piérwszjej połowy XVII wieku / Wydał A.Jabłonowski. - S.62-63.

²⁴ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. - Perg. №490, Vol. I/67.

²⁵ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. - Perg. №484

²⁶ Długossus I. Historiae Polonicae libri XII.- Francofurti et Lipsiae, 1711. - Vol.1. - Sub anno 1447.

²⁷ Bielski M. Kronika Polska ... - S. 14,31. Див. також: Галенко О.І. Про татарські напади на українські землі // Український історичний журнал. - 2003. - №6. - С. 52-68.

²⁸ AGZ. - Lwów, 1889. - Т. 14. - №3218. Під 1457 р. він згадується як покійний («m. Th. De Buczacz, bone memoriae cast. et capt. Camyenes» (AGZ. - Lwów, 1889. - Т. 12. - Р. 253). Див також: Urzędnicy podolscy XIV-XVIII wieku... - S. 54, 121-122, 126.

Г.С. Богуславський (Одеса, Україна)

ДЕЯКІ ЗАУВАЖЕННЯ ДО СТРАТИГРАФІЇ СЕРЕДНЬОВІЧНИХ ШАРІВ БІЛГОРОД-ТІРСЬКОГО ГОРОДИЩА

Білгород-Тірське городище є унікальною пам'яткою на північно-західному узбережжі Чорного моря. Ця унікальність виражена її багат шаровістю, наявністю на пам'ятці цілої низки стратиграфічних шарів як античного, так і середньовічного часу.

Залишки середньовічної Акерманської фортеці та поодинокий античний матеріал, що походив з міста, привернув увагу вчених ще в позаминулому столітті. Справжнє ж археологічне – розкопне – вивчення Білгород-Тірського городища почалось у 1900 р. і пов'язане з ім'ям

Ернста Романовича Штерна (1859-1924 рр.). Вказаного року Штерн зробив кілька шурфовок як у межах фортечних стін, так і на гласисі на схід та північ від фортеці. Нічого особливого він не знайшов; невелика кількість матеріалів античного часу, що походила з його шурфовок, не була новиною – ще у XIX ст. було доведено, що сучасний Акерман розташовано на місці давньогрецької Тіри¹. Не дуже багатими на знахідки та відкриття були й шурфовки Штерна у межах фортеці у 1903 р. Але у 1912 р. йому, за його власним висловом, “пощастило”: він знайшов стратифіковані шари. Того року археолог розбив три шурфи у межах Першого та Другого дворів фортеці. Два з них дали непошкоджені середньовічні шари, до того ж і не один, а третій – стратиграфічну секвенцію, що поєднувала античні та середньовічні горизонти. На той момент Штерн вже не працював у Одесі, але матеріали своїх шурфовок опублікував у черговому числі Записок Одеського Товариства².

Е.Р. Штерн був видатним дослідником. Він не обмежився простою публікацією матеріалу; як справжній історик, він зробив спробу інтерпретації відшуканого. Так звана північно-західна траншея 1912 р. дала йому можливість скласти першу спробу стратиграфічної схеми розкопаних шарів на Білгород-Тірській пам’ятці. Стратиграфічна схема Штерна така (нагадаємо, її вироблено для шарів у межах стін Акерманської фортеці):

1. Верхній шар, потужністю близько 0,5 м, містив матеріали XIX ст.

2. Другий шар було визначено як турецький; його було простежено на глибину до 6,4 м. У ньому було виявлено залишки фундаментів та мостових, серед матеріалу – люльки, грубий красноглиняний посуд, парадний посуд з фаянсу та фарфору, ядра, турецькі та польські монети. Шар було датовано XVI-XVIII ст.

3. Третій шар, що підстилав матеріали турецького часу, було визначено як “молдавсько-генуезький шар XIV-XV ст.”; його потужність місцями досягала трьох метрів. Датуючим матеріалом слугували візантійська полив’яна кераміка, венеціанське скло, китайський селадон, перський фаянс та джучидські монети.

4. Наступні шари, виявлені дослідником, належали вже до античного часу³.

З 1919 р., коли Бессарабія увійшла до складу Румунії, розпочав свої розкопки на пам’ятці румунський дослідник Пауль Нікореску. Він вдосконалив стратиграфічну схему Штерна, вперше виділивши як самостійний золотоординський шар у стратиграфії культурних нашарувань Тіри-Білгорода. Крім цього, саме Нікореску був піонером у справі консервації та реставрації фортечних споруд⁴, і почав конкретні дії у цій справі під час перебування на посаді мера, у 1927-1928 рр.

Після Другої світової війни, коли місто Білгород-Дністровський знову стало районним центром України, з 1945 р. розпочала свою роботу Білгород-Тірська експедиція Інституту археології АН УРСР. В 1945-1950 рр. під керівництвом Л.Д.Дмитрова праця сконцентрувалась на т.зв. Розкопі А у північній частині нинішнього Центрального розкопу. Було відкрито площу близько 3 тис. м²; повністю розкопано турецький могильник XVI-XVII ст. Також було виявлено цілий середньовічний квартал з будинками, тандирами, господарчими ямами (квартал, який зараз впевнено датується золотоординською епохою). Але сам автор розкопок поділив середньовічні шари Білгород-Тірського городища наступним чином: турецький горизонт XVI-XVII ст., горизонт XII-XIV ст., який він назвав “слов’янський Білгород і молдавський Четатя Албе”; крім цього він постулював існування слов’янського горизонту IX-XII ст., хоча матеріалів цього часу у нього майже не було⁵. Наступниця Л.Д. Дмитрова на чолі БТЕ, А.І. Фурманська, вперше виявила внутрішню неоднорідність золотоординського шару; він був розділений нею на три будівельні горизонти. Цю схему було підтверджено у ході наступних досліджень, не потребує вона перегляду, на нашу думку, й зараз⁶.

Паралельно з роботою Білгород-Тірської експедиції у 1954 та 1958 рр. у Першому та Другому дворах Білгородської фортеці працював спеціальний Середньовічний загін Пруто-Дністровської експедиції ІА АН СРСР на чолі з М.Г. Рабиновичем; цим же загоном було здійснено невеличку прирізку до Розкопу А. Було відкрито кам’яний дім у Другому дворі фортеці, датований другою половиною XV ст. за монетою Штефана III. М.Г. Рабинович заперечив схему Фурманської та зарахував шар XIV-XVI ст. (за його датуванням) до молдавського міста Четатя Албе. Ним же він датував і середньовічні шари за межами фортеці. Більш ранній середньовічний горизонт він датував XII-XIII ст. і визначив як “слов’янський (?)”⁷.

Подальші багаторічні розкопки 1960-х – першої пол. 1980-х рр. дозволили І.Б.Клейману скласти існуючу на наш час стратиграфічну схему, яка узагальнює стратиграфічні спостереження, зроблені переважно на Центральному розкопі. Загальний підсумок цієї схеми – стратиграфічна шкала верхніх, пост-античних шарів Білгород-Тірського городища виглядає так (нумерація шарів польова – зверху вниз):

1. Шар 1.: *Турецький*. Датований XVI-XVIII ст. Потужністю місцями до 1,3 м. Фіксується переважно у межах фортечних стін, на Центральному розкопі представлений лише могильником, виявленим ще Е.Р. Штерном та розкопаним Л.Д. Дмитровим. Зверху він сильно порушений неодноразовими перекопами. У межах стін середньовічної фортеці були відкриті залишки турецьких будівельних споруд, у засипу яких зафіксовано турецьку кераміку, серед якої виразно представлені фрагменти парадних турецьких фаянсів Ізніку та Кютах’ї (XVI-XVIII ст.).

2. *Шар 2.: Молдавський.* Датований кінцем XIV-XV ст., фіксується виключно в межах фортечних стін (сама фортеця датується, скоріше за все, першою половиною XV ст.). Шар представлений житловими будівлями, криницями, господарчими та сміттєвими ямами тощо. Можливо, “посади” XV ст. дислокувались дещо віддалік фортеці, поблизу сучасних грецької та вірменської церков.

3. *Шар 3.: Золотоординський.* Датований кінцем XIII ст. – 1360-ми рр. Потужністю місцями до 2-2,5 м. Йому належать великі площі, відкриті на Центральному розкопі з 1945 р., – фактично усі середньовічні будівельні рештки на ділянці. Зафіксовано три будівельні горизонти ординського періоду, значна кількість житлових та господарських споруд. У межах фортеці цей шар сильно руйнований, але й там простежуються його залишки. Відома велика кількість джучидських монет, що суттєво допомагають датуванню як усього шару, так і його окремих періодів.

4. *Дозолотоординського середньовічного шару* на Білгород-Тірському городищі не простежено; “слов’янський Білгород” залишається досі не знайденим, якщо він існував взагалі⁸.

Таким чином, перед нами постає питання тірської хронологічної лакуни.

Слід зауважити, що ця теза підпала під перегляд одночасно із складенням І.Б. Клейманом його стратиграфічної схеми. У 1977-1982 рр. Інститут археології АН УРСР поновив розкопки в межах фортечних стін, у Цитаделі та Першому дворі, очолювані Г.Г. Мезенцевою. Результати робіт майже не опубліковано, друкований матеріал обмежується короткими звітами та невеликим розділом у колективній академічній монографії⁹. Розкопками було відкрито більшу частину площі Цитаделі та виявлено “велику палацеву споруду”, а у підвалі – “арсенал”. Обидва об’єкти автор датує XII-XIII ст. У Першому дворі було розкопано фундамент християнського храму, перекритий мечеттю Баязида II (мінарет останньої частково зберігся й досі), а на захід від нього, нижче рівня фундаментів – ґрунтовий могильник з обрядом трупопокладення (поховання порушені та майже безінвентарні, кістяки орієнтовані головами на захід). У досліджених шарах виявлено “певну кількість ліпної кераміки VII-VIII ст. та кружальної давньоруської XII-XIII ст.” До якого саме шару належить могильник, залишається нез’ясованим¹⁰. На жаль, з уважного огляду опублікованого матеріалу стає зрозумілим, що попри впевненість дослідниці, питання про виявлення слов’янського шару на Білгород-Тірському городищі не вирішене. Відсутній жоден датований закритий комплекс слов’янського часу, а датуючі знахідки походять з порушених шарів. Між тим, сама наявність цих знахідок (частина зброї з арсеналу, яка може датуватися XI-XII ст., хоча переважають речі XIV-XV ст.; моравське скроневе кільце X ст. та сирійський енкалпійон XII ст., що походять з порушеного шару могильника) засвідчує наявність

непевного “слов’янського сліду” у заселенні міста, але “слов’янський шар” поки що лишається відсутнім¹¹.

Нарешті, слід зупинитися на новітніх дослідженнях середньовічних культурних нашарувань Білгород-Тірського городища.

У 1996 р. було в черговий раз поновлено Білгород-Тірську експедицію ІА НАН України; в 1996-1998 рр. нею керував О.А. Росохацький, з 1999 р. – Т.Л. Самойлова. Роботи спочатку було зосереджено на Центральному розкопі. Розкопки на новому етапі дослідження пам’ятки охопили декілька нових ділянок на південь та захід від раніше розкопаних об’єктів. У плані пошуку старожитностей, що відносяться до середньовічної епохи історії Білгорода, вони принесли кілька цікавих результатів. На захід від кварталу золотоординського міста, відкритого Л.Д. Дмитровим і дослідженого А.О. Кравченко¹², відкрито його продовження, житлові споруди якого зберегли рештки підлоги та опалювальні споруди. Фактично, ще трьома об’єктами доповнено список житлових будинків золотоординського періоду, про що мені вже доводилось писати¹³. Крім того, на цій же ділянці виявлено будівельні залишки ранньомолдавського часу¹⁴. Також було відкрито т.зв. приміщення № 610, яке за попередніми даними інтерпретоване як ранньохристиянський храм (=“базиліка”), і належить, безумовно, до часів, що передують золотоординським; з його заповнення походить деякий матеріал VI ст. х.е.¹⁵

Починаючи з польового сезону 2005 р. Білгород-Тірська експедиція ІА НАНУ розпочала охоронні розкопки у межах середньовічної Акерманської фортеці. Розкопні ділянки в межах фортеці отримали загальне позначення РК – російська аббревіатура від “Раскоп “Крепость”. Розкоп РК-1, роботи на якому ведуться під керівництвом автора, є однією з цих ділянок¹⁶. Розташована вона у північно-східному куті Першого або Громадського двору фортеці, безпосередньо на захід від воріт, що поєднують Громадський двір з Другим або Гарнізонним, і витягнута вздовж північної стіни фортеці, що відділяє Громадський двір від Карантинного (Четвертого) двору. Західним бортом розкопу є стіна, що обмежує прохід до воріт, які ведуть у Карантинний двір. Загальна площа РК-1 складає на 2007 р. близько 280 м². Розкопні роботи на ділянці засвідчили, що вона насичена будівельними рештками різних епох існування Тіри та Білгороду.

Стратиграфічно площа першого розкопу РК-1, що безпосередньо прилягала до фортечної стіни, виразно поділялася на три частини. Східний край розкопу, розташований безпосередньо біля воріт між Першим та Другим дворами середньовічної фортеці на захід до т.зв. Гаремної вежі, виявився частиною *античного* міста. Було розкопано північно-західний кут приміщення ранньоелліністичного часу, вимостка з водостоком та, ймовірно, фрагмент античної куртини. Найбільш

ймовірним є висновок, що весь цей фрагмент забудови античної епохи було знівельовано під єдиний рівень денної поверхні під час зведення вищезгаданих воріт; в такому випадку зрозуміло, що даний фрагмент РК-1 не містить і не може містити середньовічних будівельних решток.

У центральній частині розкопу, на захід від входу до Гаремної вежі, було виявлено серйозний дефект у викладці північної стіни фортеці – широка тріщина фундаментної її частини. Було розкопано підпірну стінку, яка підведена до фортечної стіни нижче входу до Гаремної вежі. Підпірна стінка поставлена безпосередньо на материк, вапнякову скелю, майже так само і на тому ж рівні, що й власне північна стіна фортеці. Цей факт змушує схилитися до гіпотези, що шари даної частини РК-1 являють собою одночасну засипку, близьку за моментом свого утворення до часу побудови всієї фортеці, тобто мають датуватися XV ст. Частково ще підтверджує й чимала кількість молдавських монет, знайдених на цій ділянці на всіх рівнях від сучасного замосту до передматерикового прошарку.

Нарешті, у західній частині розкопу – на рівні навіть нижчому, ніж елліністичні споруди, – були виявлені приміщення, датовані османським часом. Одне з них було добудоване до північної фортечної стіни. Кільові типи керамічних люльок та кютахійський фаянс дають доволі чітке датування його заповнення XVIII ст. Функціональне призначення приміщення є караульним. Друге приміщення, виявлене у 2005 р., ідентифіковане як мінарет. В польовому сезоні 2007 р. на південь від нього була частково відкрита пов'язана з ним восьмикутна споруда з двома входами, попередньо ідентифікована як власне мечеть, а також сходи, що ведуть між однією з її стін та південною стіною мінарету. На користь ідентифікації комплексу “мечеть-мінарет” свідчать як дані старих планів¹⁷, так і знахідка неподалік будівель фрагменту підпірного стовпа з вапняку, прикрашеного каліграфічним написом арабським шрифтом та мовою (інтерпретація напису зроблена В.Н. Тимченком). Наявний фрагмент напису зберіг дату: 1122 рік Хіджри, що дає в перекладі на європейське літочислення 1710 р. х.е. Факт знахідки фрагменту саме арабомовного напису засвідчує близькість ісламської культової будівлі: функції арабської мови в Османській імперії були суто релігійні.

Датування османських споруд РК-1 лише XVIII ст. як за написом, так і за нечисленним матеріалом із заповнення, призводить до висновку, що власне османських горизонтів на Білгород-Тірському городищі теж кілька, але більш ранні споруди залишаються ще не виявленими. А простежене залягання елліністичних та османських приміщень майже на одному стратиграфічному рівні засвідчує той факт, що всередині Акерманської фортеці велись суттєві нівелювальні роботи, які не могли не порушити стратиграфічні шари городища, як античні, так і середньовічні.

Таким чином, нові матеріали, що накопичено за майже три десятиліття після складення стратиграфічної схеми І.Б. Клеймана, дозволяють певною мірою доповнити схему в середньовічній її частині. Так, здається вірогідним розподіл на горизонти турецького шару; хоча “слов’янський шар” й досі не простежено, але наявність такого об’єкту, як “приміщення № 610” (= “базиліка”) все ж таки дозволяє ставити питання про можливе – принаймні часткове, ранньосередньовічне – заповнення тірської хронологічної лакуни.

¹ Штерн Э.Р. О последних раскопках в Аккермане // ЗООИД. – Т.23. – 1901. – С. 33-61.

² Штерн Э.Р. Раскопки в Аккермане летом 1912 года // ЗООИД. – Т.31. – 1913. – С. 92-101.

³ Там само. – С. 97-99.

⁴ Клейман И.Б. Стратиграфия культурного слоя городища Тиры-Белгорода // Античная Тира и средневековый Белгород. – К., 1979. – С.62.

⁵ Дмитров Л.Д. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949-1950 рр. // АП УРСР. – Т.5 – 1955. – С.121-123.

⁶ Фурманська А.І. Розкопки Тіри в 1958 р. // АП УРСР. – Т.11.– 1962. – С.122-137.

⁷ Рабинович М.Г. Исследование средневековых слоев Белгорода-Днестровского в 1954 и 1958 гг. // КСИА АН СССР. – № 113. – 1968. – С.102-107.

⁸ Клейман И.Б. Указ. соч. – С.62-69.

⁹ Мезенцева Г.Г. Средневековый Белгород // Археология УССР. – Т.3. – 1986. – С.513-518.

¹⁰ Там само. – С.515-517.

¹¹ Богуславський Г.С. Деякі питання історії Білгорода на Дністрі VIII-X віків // Культура народів Причорномор'я. – № 31. – Симферополь, 2002. – С. 74-79.

¹² Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV в.). – К., 1986. – С.24.

¹³ Богуславский Г.С. Северо-Западный квартал (новые данные о городской застройке золотоордынского Акчакермана по материалам раскопок 1999-2004 гг.) // Культура народів Причорномор'я. – № 63. – Симферополь, 2005. – С.80-86.

¹⁴ Богуславский Г.С. Раннемолдавские комплексы средневекового Белгорода (по материалам раскопок 1999-2000 гг.) // Древнее Причерноморье. V-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. – Одесса, 2003. – С.30-35.

¹⁵ Самойлова Т.Л., Кожокару В., Богуславский Г.С. Античная Тира – средневековый Белгород (Отчет о раскопках за 1996-1999 гг.) // Tyras – Cetatea Albă – Belgorod-Dnestrovskij. – I. – București, 2002. – С. 178-180.

¹⁶ Подальший розгляд засновано на роботі: Богуславський Г.С. Фрагмент турецького Аккерману (будівельні рештки османського часу з охоронних розкопок 2005 р. в Аккерманській фортеці) // Археологічні дослідження Львівського університету. – Вип. 9. – 2007.

¹⁷ Шлапак М. Белгород-Днестровская крепость. Исследование средневекового оборонного зодчества. – Кишинев, 2001. – С. 40, рис. 9; с. 147, рис. 96.

ОЛЬВИЙСКИЙ «АСС», НАЙДЕННЫЙ В КОШАРАХ*

рис. А. Бохнак

С 1997 г. в рамках украинско-польского сотрудничества между Археологическим факультетом Ягеллонского университета и Одесским Археологическим музеем Национальной академии наук Украины, проводятся научные исследования античного городища и некрополя, возле села Кошары, Коминтерновского района Одесской области¹.

Особый интерес среди материала, полученного в ходе исследований, представляет нумизматический материал². За время работы украинско-польской экспедиции была найдена 41 монета. Еще 12 монет получены во время предыдущих археологических исследований, которые проводились в 1955-1991 гг.³. В целом, в результате раскопок, проведенных в Кошарах до 2007, была собрана нумизматическая коллекция в количестве 53 монет.

Среди монетных находок преобладают монеты, принадлежащие к бронзовым эмиссиям из Ольвии. Прежде всего – это «Борисфены», затем монеты типа «Деметра / орел на дельфине», «Аполлон / дельфин», и хронологически близкие к «Борисфенам» монеты, типа «Тихе / лучник»⁴. Исключением можно считать экземпляр, принадлежащий к эмиссии Тиры – 1 экз⁵.

Одной из самых интересных монетных находок является находка в 2001 г. большого литого ольвийского асса. Предварительная информация об этой монете была представлена в отчетах о работе экспедиции, а также в каталоге «Сокровища Черного моря», который сопровождал выставку Одесского археологического музея в Национальном музее в Кракове⁶. Благодаря реставрации, проведенной в мастерской по реставрации металла при Национальном музее в Кракове, стало возможным точное определение описываемого экземпляра. Оказалось, что монета принадлежит к самой молодой группе «ассов», которые производились в Ольвии и датируется 350-330 гг. до н.э.⁷

Описание монеты: (рис. I)

Л.с. Голова Деметры в ожерелье – анфас.

О.с. Орел на дельфине в л., расправленные крылья, голова направо; сверху OABIN, внизу A.

вес: 97,6 г; диаметр: 67,0 мм.

В рамках группы «ассов» с головой Деметры можно выделить несколько серий, отличающихся друг от друга деталями обратной стороны, а точнее присутствием и формой дифферента. Итак, имеются монеты без дифферента, монеты имеющие знаки-буквы, а также монеты с символом в виде ветки или колоса. Описываемый экземпляр особенно интересен дифферентом на обратной стороне в виде буквы A. Несмотря на то, что такие «ассы», как правило, не являются редкостью, до недавнего времени они были известны только с буквами В, Г, Д, Е, а так же Y⁸. Лишь найденный в 1968 г. в Ольвии, и опубликованный в 1972 А.М. Гилевич клад «ассов» с Деметрой, принес новое открытие. В его состав входила монета со знаком – буквой A, которая, до этого момента, не встречалась⁹. В соответствии с доступной нам информацией, «асс», найденный в Кошарах – это второй известный экземпляр с таким дифферентом. Анализ обеих монет показал, что экземпляр из Кошар был выполнен в иной форме, чем опубликованный А.М. Гилевич, хотя, их стиль, конечно же, близкий.

«Асс» был найден в верхнем уровне заполнения землянки № 5, расположенной в северо-восточной части Кошарского городища (раскоп III, квадрат 32)¹⁰. На этом участке отмечено наличие еще нескольких землянок, некоторые из которых датируются в пределах первой половины - середины IV в. до н.э. К этому же периоду относится и большой дом, так называемый Дом с пифосами („House of the Pithoi”), расположенный к югу от землянки №5¹¹. Вышесказанное свидетельствует об использовании этой территории с нач. IV в. до н.э.

Для датировки землянки №5 хронологическими индикаторами служат фрагменты амфор и краснофигурный скифос второй четверти IV в. до н.э., найденный в придонной части землянки. Таким образом, землянка может датироваться первой половиной IV в. до н.э. К середине IV в. до н.э. земляночные постройки на этом участке уступают место наземным сооружениям. Прекращает функционирование и землянка №5. Она была присыпана и над ней возведены новые постройки, которые в процессе эксплуатации, на протяжении второй половины IV в. до н.э., перестраивались и перепланировались. Нужно отметить, что капитальные строения более раннего времени, такие как дом с пифосами, продолжал существовать и в этот период, но при этом был расширен за счет новых жилых и хозяйственных помещений.

Описываемая монета, залегающая в верхнем горизонте заполнения землянки № V, вероятно относится к периоду перестройки указанной территории, то есть ко второй половине IV в. до н.э.

Датировка найденного «асса» соответствует хронологическим рамкам нумизматических находок из Кошарского археологического комплекса. Самые ранние монеты относятся ко втор. половине IV в. до н.э.

Находки «ассов» с изображением Деметры всех серий известны на территории самой Ольвии, а также на территории поселений ольвийской хоры¹². В самом городе были зарегистрированы находки двух кладов с описываемыми монетами. В первом, найденном в 1905 г., кроме «ассов» с Деметрой, находились также „aes grave” с горгонейоном / орлом на дельфине и надписью АΡΙΧ¹³. Второй клад, о котором уже говорилось выше, открытый в 1968 г., содержал исключительно «ассы» интересующей нас группы, в том числе экземпляр с дифферентом А¹⁴. Клады таких монет известны также вне территории Ольвии. В 1929-1931 гг. на Березани был найден небольшой клад, содержащий 3 или 4 «асса» из Деметрой¹⁵. Довольно большой клад интересующих нас монет был открыт в конце XIX или в начале XX в. в городке Куцуруб¹⁶. «Ассы» с Деметрой преобладали также в составе клада, найденного в с. Погорелово.¹⁷ Значительно чаще встречаются единичные находки описываемых монет. Кроме многочисленных примеров, зарегистрированных во время раскопок в Ольвии¹⁸, «ассы» с Деметрой были найдены и на территории ольвийской хоры: на Березани¹⁹, недалеко от села Викторовка на Березанском лимане²⁰, на территории села Варваровка²¹, в Очакове²², Васильевке²³ на Кинбургской Косе²⁴. Стоит здесь напомнить о замечании А.Г. Загинайло, который обратил внимание на факт, что находки ольвийских литых монет всех эмиссий концентрируются в районе Днепро-Бугского лимана, в нижних течениях впадающих в него рек, а также дальше на Запад, на территории Одесского залива вплоть до Днестровского лимана²⁵.

Находка в Кошарах вписывается в эту картину. Стоит при этом добавить, что литая монета, принадлежащая к более ранней версии «ассов» - средний „асс” с надписью АΡΙΧ (кстати тип, который иногда встречается вместе с «ассами» с Деметрой, например, упомянутый выше клад из Погорелово²⁶) была найдена на восточном берегу Тилигульского лимана, напротив Кошар, в селе Коблево²⁷. Похожая монета найдена и в нескольких километрах от Кошар в селе Беляры²⁸.

Несмотря на то, что описываемая монета из Кошар была найдена в определенном археологическом контексте, ее находка не дает возможности уточнить датировку эмиссии ассов с Деметрой. «Асс» из Кошар только подтверждает обобщенный хронологический период

существования данной группы литых монет, предложенный П.О. Карышковским: 350-330 гг. до н.э.

* Здесь хочу поблагодарить Евгению Федоровну Редину за предоставление монеты для публикации и замечания, связанные с настоящим текстом.

¹ Редина Е.Ф., Хохоровски Я., Носова Л., Папучи-Владыко Е., Бодзек Я. Раскопки древнегреческого поселения и могильника у села Кошары одесской области // Охрана и исследования памятников археологии в одесской области. – Вып. I. – Одесса, 1999. – С. 19-24; Chochorowski J., Papuci-Władyka E. Odkrywanie antycznej przeszłości Ukrainy // Alma Mater, 11. – 1999. – S. 10-12; Chochorowski J., Papuci-Władyka E., Redina E. Polish-Ukrainian Archeological Research of Ancient Settlement and Necropolis in Koshary, Odessa district. Preliminary Report // Studies in Ancient Art and Civilization, 9. – 1999. – P. 55-63; Idem. Polsko-ukraińskie badania wykopaliskowe zespołu stanowisk z okresu antycznego w miejscowości Košary koło Odessy // Materiały i sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego, T. XX. – Rzeszów-Krosno-Tarnów, 2000. – S. 185-202; Chochorowski J., Papuci-Władyka E., Redina E.F., Kokorzhitskaya T.N., Nosova L.V., Bodzek J., Machowski W. The Polish-Ukrainian Excavations at Koshary, Odessa District: 1998-2001// Ольвия та античний світ. Матеріали наукових читань присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника „Ольвія” НАН України. – К., 2001. – С. 148-150; Papuci-Władyka E., Redina E.F., Bodzek J., Machowski W., Nosova L.V. Koshary. Greek settlement on the Northern Black Sea Coast. Polish-Ukrainian excavations in the 2001-2003 Seasons // Études et travaux, XX. – 2005. – P. 193-234; Papuci-Władyka E., Redina E.F., Chochorowski J., Bodzek J., Machowski W. Greek Settlement on the Northern Black Sea Coast. Polish-Ukrainian excavations in Koshary (Odessa province): Third Preliminary Report – Seasons 2000-2003 // Recherches Archeologique de 1999-2003. – Kraków, 2006. – P. 354-374; Redina E.F., Chochorowski J. „Koshary”// Ancient Greek Sites on the Northwest Coast of the Black Sea / ed. T.L. Samoylova. – K. 2001. – P. 139-154.

² Papuci-Władyka E. Pięć lat w Koszarach // Alma Mater 50, 2003. – S. 12-13; Papuci-Władyka E., Chochorowski J., Redina E.F. Koszary grecka osada nad Morzem Czarnym // Archeologia Żywa, 2 (21). – 2002. – Фото на с. 15; Papuci-Władyka E., Redina E.F. et al. Koshary. Greek Settlement ... – P. 208 и след., 216, 225; Papuci-Władyka E., Redina E.F. et al. Greek Settlement... – P. 363 и след., 70; Bodzek J. Koshary (Ukraine) – Coin finds in 2004-2005 // PONTIKA 2006 (In print); Idem. Moneta Tyras znaleziona w Koszarach // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Seria Numizmatyczna i Konserwatorska (In print).

³ Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – I в. н.э.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Одесса, 1968 (2002). – С. 294, № 28, Таб. XII=B4; XIV=C 10; Сымонович Е.А. Ольвийские монеты с Кошарского городища // ВДИ. – 1969. – №2. – С. 105-106; Диамант Е.И. Монетные находки кошарского поселения (К вопросу о западной границе ольвийского полиса) // Археологические исследования северо- западного Причерноморья. – К. – С. 241-249; Левина Е.А., Столярик Е.С. Новые монетные находки с кошарского поселения // Древнее Причерноморье. II чтения памяти

профессора Петра Осиповича Карышковского. Тезисы докладов юбилейной конференции 9-11 марта 1991 г. – Одесса, 1991. – С. 51-54.

⁴ Bodzek J. Koshary (Ukraine) – Coin finds in 2004-2005...(in print)

⁵ Bodzek J. Moneta Tyras znaleziona w Koszarach...(in print)

⁶ Papuci-Władyka E., Redina E.F. et al. Koshary. Greek Settlement ... – P. 209; Bulatovich S.A. Numismatics // Treasures from the Black Sea Coast – Gold, Sculpture, Pottery from the Archaeological Museum in Odessa / ed. J.Bodzek. – Kraków, 2006. – P. 181, № 37.

⁷ Карышковский П.О. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії: ольвійські «аси» // Праці Одеськ. Держ. Університету, сер. іст. наук, Т. 149, вип. 7. – Одеса. – С. 51 і след.; Idem. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... – С. 161 и след.; Idem. Монеты Ольвии. – С. 57 и след.; Зограф А.Н. Античные монеты. – М., 1951. – С. 125, Таб. XXXI, 4; Анохин В.А. Монеты античных городов северо-западного Причерноморья. – К., 1989. – С. 31-33, № 70-79, Таб. V-IX; Mielczarek M. "As" – mønter fra Olbia // Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad 5, August 1988. – P. 108-115; SNG BM 390-393; SNG Stancomb 348; Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. Монеты Ольвии в собрании Государственного Исторического Музея. Каталог. – М., 2005. – №225-241.

⁸ Карышковский П.О. Монеты Ольвии. – С. 58 и след.

⁹ Гилевич А.М. Клад «ассов» из Ольвии // НЭ. – X. – 1972. – С. 74 и след.

¹⁰ На тему топографии исследуемого места в Кошарах сравни Chochorowski J., Papuci-Władyka E., Redina E., Polsko-ukraińskie badania wykopaliskowe zespołu stanowisk z okresu antycznego w miejscowości Koşary koło Odessy // Materiały i sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego, T. XX. – Rzeszów-Krosno-Tarnów, 2000. – S. 185 и след.; Papuci-Władyka E., Redina E.F., Bodzek J., Machowski W., Nosova L.V., Koshary. Greek settlement on the Northern Black Sea Coast. Polish-Ukrainian excavations in the 2001-2003 Seasons // Études et travaux, XX, 2005. – С. 194 и след.

¹¹ Papuci-Władyka E., Redina E.F. et al. Koshary. Greek settlement. – P. 197.

¹² Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии. – С. 162 и след.; Загинайло А.Г. К вопросу об экономических связях западного и северо-западного Причерноморья в VI-V вв. до н.э. по нумизматическим данным // МАСП 1976, Вып. 8. – С. 74 и след.; Рубан В.В., Урсалов В.Н. История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени // VDI. – 1986. – №4. – С. 39 и след.

¹³ IGCH 1006.

¹⁴ IGCH 1007; Гилевич А.М. Клад «ассов» из Ольвии..., passim.

¹⁵ IGCH 1009; Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии..., № 31/3, Таб. VI=B1; VI=C 2; Загинайло А.Г. Указ. соч. – С.75.

¹⁶ IGCH 1008; Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии..., № 33/3 (Очаков); Гилевич А.М. Клад «ассов» из Ольвии. – С. 75 и след.; Рубан В.В., Урсалов В.Н. Указ. соч. – С. 39.

¹⁷ Елисеев В.Ф., Елисеева А.И. Клад ольвийских «ассов» из села Погорелово // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов Республиканской конференции молодых ученых. – К., 1981. – С. 82; Рубан В.В., Урсалов В.Н. Указ. соч. – С. 39.

- ¹⁸ Голубцов В.В. Монеты Ольвии по раскопкам 1905-1908 гг., // ИАК, 51. – 1914. – № 39-60, Таб. VIII-XIV; Харко Л.П. Монеты из раскопок Ольвии в 1946-1947 гг. // Ольвия: Теменос и агора. – М.-Л. – С. 321-379.
- ¹⁹ Горбунова К.С. Березанский некрополь // Археологические открытия 1967 г. – М., 1968. – С. 208; Гилевич А.М. Клад «ассов» из Ольвии. – С. 75, 77.
- ²⁰ Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии..., № 32, Таб. VII=B2; Загинайло А.Г. Указ. соч. – С.75; Рубан В.В., Урсалов В.Н. Указ. соч. – С. 39.
- ²¹ Рубан В.В., Урсалов В.Н. Указ. соч. – С. 39.
- ²² Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... № 33/2, Таб. VI=B 1.
- ²³ Рубан В.В., Урсалов В.Н. Указ. соч. – С. 39.
- ²⁴ Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... № 56, Таб. VI=B 2; Рубан В.В., Урсалов В.Н. Указ. соч. – С. 39.
- ²⁵ Загинайло А.Г. Указ. соч. – С. 76.
- ²⁶ Елисеев В.Ф., Елисеева А.И. Указ. соч. – С. 82.
- ²⁷ Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... № 29, Таб. IV=B 2; Загинайло А.Г. Указ. соч. – С. 75. Рубан В.В., Урсалов В.Н. Указ. соч. – С. 38.
- ²⁸ Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... № 27, Таб. IV=B 1; Загинайло А.Г. Указ. соч. – С. 75, Рубан В.В., Урсалов В.Н. Указ. соч. – С. 38.

А.Л. Бойко, А.В. Дедюлькин (Ростов-на-Дону, Россия)
**БИБЛЕЙСКИЕ И АНТИЧНЫЕ ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ В
РУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ
НИЖНЕГО ДОНА КОНЦА XVII-XVIII вв.**

В русском изобразительном искусстве XVII-XVIII вв. есть ряд интересных произведений, посвященных истории Приазовья. Они увековечивают победы русского оружия, изображая их в пафосных триумфальных сюжетах. Многие из них содержат прямые аллюзии на библейские сюжеты или эпизоды античной истории.

Взятие Азова было очень важным событием в упрочении русского влияния в Северном Причерноморье и поэтому нашло отражение в большинстве видов изобразительного искусства той эпохи. Несколько памятников иконописи, традиционного для Руси вида живописи, посвящены взятию Азова. Они преподносят победу русских воинов как триумф христианской веры над «агарянами».

Данная традиция, появившаяся еще в середине XVI в., в период расширения Московского царства¹, приобрела особое значение в эпоху русско-турецких войн. Причиной этому была необходимость доказать преемственность Руси древним цитаделям православия, что воплотилось в

концепции «Москва — третий Рим». Самое раннее обоснование принадлежности Приазовья к Русскому государству сложилось в XVII в. в среде донского казачества. «Историческая» повесть об азовском взятии и осадном сидении недвусмысленно определяет Азов как город христианский, основанный во времена апостола Павла, но захваченный «басурманами» за «великое перед Господом Богом прегрешение»². Освобождение Азова, согласно «Повести», является первым этапом в целой череде военно-политических акций, итогом которых должно стать освобождение Константинополя и Иерусалима.

Большой интерес представляют иконы, посвященные взятию Азова, которые содержат антикизирующие и ветхозаветные аллюзии. Широко известна икона Азовской Божьей матери из собрания ГИМ-а³. В.Г. Брюсова относит ее создателя к Московской школе и датирует икону самым началом XVIII в.⁴. На то, что икона была посвящена именно заключению мира, указывают как надписи на самой иконе, так и вирши, помещенные под ней. В центре иконы, на фоне российского герба в виде двуглавого орла, представлено ростовое изображение Богоматери с младенцем в изводе "Знамение" с надписью над ней "Знамение множества мира". В нижней части иконы, слева, помещен всадник в латах, убивающий копьем змея (отсутствие нимба позволяет предположить, что это исторический персонаж, изображенный в образе святого Георгия). Рядом со змеем изображен лев. Согласно интерпретации Е.А. Погосян, змей представляет на иконе Турцию, лев – Швецию, войну с которой Петр I объявил на следующий день по заключении мира с Портой. Как указано в виршах к иконе, "дадеса Девою и ея Сыном над змием победу прекрасну, / Внегда даст тако и надо львом победу равну"⁵. Справа в нижнем ряду изображен Петр I верхом, за ним – царевич Алексей, оба в царских коронах. Рука Петра воздета вверх, и он поражает молнией змея и льва. Этот жест Петра, по мнению Е.А. Погосян, должен был быть повторением жеста Моисея в битве против Амалика (Исход, 17)⁶. Позади всадников группа пеших воинов. Они изображены в антикизирующих панцирях и шлемах с гребнями, находящих опосредованные аналогии в западноевропейском ренессансном и позднеримском изобразительном искусстве.

В самом низу, под ногами всадников, живописец расположил две крепости, разделенные рекой. Слева – Азов, справа – Кызы-кермен⁷. Над рисунками крепостей помещены две надписи. Левая (со стороны Азова) восходит к стиху из Апокалипсиса (14, 8): "Паде, паде град великий Вавилон". Надпись справа (над Кызы-керменом) взята из Евангелия (Мтф., 11, 23): "И ты, Капернауме, иже до небес вознесыйся, до ада снидеси"⁸.

В. Борин, занимавшийся исследованием этой иконы в начале XX в., обнаружил на ней до трех записей, а также, что первоначальное

изображение Богоматери было поясное, а не ростовое. Вероятно, интерес к иконе возобновлялся в зависимости от политической ситуации, во времена активного военного противостояния в Приазовье (1695-1774 гг.), и последняя запись относится ко второй половине XVIII в. В основе композиции иконы Азовской Божьей матери лежит прорись⁹, по которой была выполнена панегирическая гравюра на меди Леонтия Тарасевича, преподнесенная в дар царевне Софье в 1689 г. и посвященная Крымским походам В.В. Голицына.

Интересно, что икона, полностью идентичная первоначальному варианту иконы из ГИМ-а, хранится в собрании Вытегорского музея и имеет подпись иконописца, датирующую ее 1729 г.¹⁰ Это продолжение традиции изображения победы воинов Христовых над «агарянами», к которой, в духе времени, добавляются внешние антикизирующие элементы и ветхозаветные аллегории.

Гравюры в петровской России активно использовались для пропаганды, благодаря относительно высокой скорости исполнения и возможности широкого распространения. Несколько гравюр, посвященных истории Приазовья, демонстрируют совершенно новый уровень осмысления античного наследия. В них четко проявляется ориентация на образ Римской империи.

Гравюра А. Шхонебека «Аллегория на мир с Турцией 1700 г.»¹¹ является ярким примером воплощения имперской триумфальной традиции. Петр изображен как римский триумфатор в колеснице, над ним богиня Ника, рядом с колесницей Геркулес и Минерва, Архангел Михаил, а Марс склоняет перед победителем турецкие знамена. Перед колесницей триумфатора распростерлись поверженные «варвары» (турки и татары).

На заднем плане изображена Триумфальная арка, воздвигнутая в Москве в 1696 г. для празднования победоносного возвращения русской армии. Известно, что Триумфальные ворота 1696 г. были украшены полостями с надписями: "Победа царя Константина над нечестивым Максентием" и "Возврат с победою царя Константина"¹². Таким образом, проводилась параллель с римским императором Константином I, первым императором-христианином, монархом «милостью Божьей». Победа христианина Константина над Максенцием, придерживавшимся прежних богов, была аллегорией на победу над «магометанами».

Детали изображения показывают традиции героической тематики барокко и Ренессанса, обнаруживая опосредованную связь с римским искусством. Петр облачен в чешуйчатый римский панцирь с фестончатым подолом и птеригами. Подобные панцири появляются в римском искусстве со второй половины II в. н.э., например, на рельефах аттика с Арки Константина, относящихся ко времени правления Марка Аврелия¹³; на рельефах саркофага Людовизи¹⁴ и т.д. Прямыми прототипами для гравера послужили антикизирующие произведения искусства Ренессанса

и барокко, на что указывают отдельные элементы, в том числе щит – рондаш, который несет Архангел Михаил.

Сохранился интересный офорт, выполненный Петром I под руководством Адриана Шхонебека, изображающий аллегория победы над турками¹⁵. Богиня Виктория с крестом и пальмовой ветвью попирает трофеи войны с турками. Оригиналом для офорта послужила серебряная медаль работы Яна Боскама, отчеканенная в честь годовщины взятия Азова¹⁶.

Важность медальерного искусства для увековечивания памятных событий по достоинству была оценена Петром I. Вышеупомянутая памятная серебряная медаль, посвященная взятию Азова, должна была использоваться для представительских целей как средство пропаганды успехов русского оружия. На аверсе был изображен Петр I в образе триумфатора, в лавровом венке.

Серебряная медаль мастера Георга Фридриха Нюрнбергера, отчеканенная в память Константинопольского мирного договора между Россией и Турцией 13 июля 1700 г., тоже содержит антикизирующие аллегии. На аверсе изображен Петр I в лавровом венке триумфатора, на реверсе коленопреклоненная женщина в крепостной короне, олицетворяющая Азов, и женщина с рогом изобилия, символизирующая мир¹⁷.

Значимость Нижнего Дона во внешней политике Российского государства подтверждается большим количеством изображений, посвященных Азовской эпопее, созданных в петровское время в новых жанрах изобразительного искусства.

Сюжеты, связанные с Приазовьем, периодически находили отражение в иконографии вплоть до периода правления Екатерины II. После русско-турецкой войны 1768-1774 гг, завершившейся подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора, к России были присоединены Южная Украина, Северный Кавказ и Крым, а Азов и земли Нижнего Дона утратили свое стратегическое значение и, как следствие, свою политическую актуальность для изобразительного искусства.

¹ Яркий пример – икона «Благословенно воинство Небесного Царя» («Церковь воинствующая») (ГТГ, инв. 6141), написанная для Успенского собора Московского Кремля, ок. 1550-1560 г. Она содержит исторические аллюзии (параллель с походами Ивана IV против казанских и астраханских татар – врагов христианства).

² “Историческая” повесть о взятии Азова в 1637 г. // Воинские повести Древней Руси. – М.-Л., 1949

³ Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. – М., 1984. – С. 56, 191

⁴ Там же. – С. 181, цв. илл. 39.

⁵ Погосян Е.А., Смержевских М.А. "Я Деву в солнце зрю стоящу...": образ апокалиптической Жены в русской официальной культуре 1695-1742 гг. // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, VIII. – Tartu, 2002.

⁶ Там же.

⁷ Кызы-кермен, вероятно искаженное «Кази-кермен» – запорожское название турецкой крепости Гази-кермен («Крепость веры») на правом берегу Днепра на месте современного г. Берислава Херсонской обл.

⁸ Погосян Е.А., Смержевских М.А. Указ. соч.

⁹ Хранится в ГИМ-е, КП-53054.

¹⁰ Рыбаков А.А. Живопись Вытегорского ареала художественной культуры Обонежья XVI- XVIII вв. Локальные традиции в народной культуре русского Севера. Материалы IV научной конференции «Рябининские чтения-2003». Сборник научных докладов. – Петрозаводск, 2003.

¹¹ Хранится в РНБ, ПЭ ГИР 246/Ш 988 К ЭТР 10846.

¹² Богословский М.М. Петр I. ОГИЗ, 1940 / Перепечаева Л.Б. Азовская крепость в произведениях изобразительного искусства и картографии Петровского времени. Очерки истории Азова, вып. 2. – Азов, 1994.

¹³ По южной стороне аттика, сцена, где император обращается к войскам.

¹⁴ Хранится в Национальном Римском музее в Риме. Бритова Н. Искусство Древнего Рима // *Всеобщая история искусств*, т. 1. – 1956. – С. 340

¹⁵ Хранится в Библиотеке РАН, П. I Б. 116. Комелова Г. Гравюры / Петр I и Голландия. Каталог выставки. – СПб, 1996. – С. 38.

¹⁶ Хранится в Государственном Эрмитаже. ГЭ 22975. Щукина Е. Медали / Петр I и Голландия. Каталог выставки. – СПб, 1996. – С. 135, илл. 166.

¹⁷ Портрет Петровского времени. – Л., 1974. – С. 265, №26 / Перепечаева Л.Б. Азовская крепость в произведениях изобразительного искусства и картографии Петровского времени. Очерки истории Азова, вып. 2. – Азов, 1994.

Н.Н. Болгов (Белгород, Россия)

К ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ БОСПОРЯН РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ

В первые века новой эры, преимущественно из Малой Азии и Северной Африки, в Северное Причерноморье проникают первые элементы новой религии – христианства. Археологический контекст постепенного проникновения христианства на Боспор ныне более или менее прояснен. После исследований В.Ф. Мещерякова, П.Д. Диатроптова, В.Ю. Юрочкина и, в особенности, В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного, ход процесса христианизации региона в своих наиболее существенных чертах на современном уровне исторических знаний установлен.

Однако, почти неисследованным остается процесс постепенных изменений в религиозном сознании боспорян в ходе оформления

ортодоксальной церковной организации и соответствующей ей картины мира в ментальности жителей Боспора.

Говоря о начале византийского этапа истории Боспора, необходимо отметить, что период до конца IV в. является еще полностью позднеантичным. «Темное время» V – начала VI вв. является хронологическим средоточием (как и Боспор – территориальным эпицентром) Великого переселения народов. Однако, основы традиционного уклада жизни и социально-политической организации Боспора в это время оставались прежними¹. Византийская власть – сначала косвенно, а затем прямо – утверждается на Боспоре в 20-30-е гг. VI в. В строгом смысле именно с этого времени и следует начинать ранневизантийский период в истории Боспора. Однако, если считать христианство само по себе провозвестием исторического византийского этапа, то, начинать его историю на Боспоре следует с начала IV в.

Гораздо более многочисленными и разнообразными становятся признаки распространения христианства в V-VI вв. На стенах некоторых склепов Пантикапея появляются кресты и тексты псалмов. Главный христианский символ – крест – становится знаком, сопутствующим титулатуре последнего известного боспорского царя Тиберия Юлия Дуптуна в официальных эпиграфических памятниках² (надпись датируется 483 или 502 гг.). Достаточно широкое распространение на Боспоре получает в это время и краснолаковая керамика из Малой Азии и Северной Африки с изображениями Христа, святых и христианской символикой – всевозможными, в том числе монограмматическими, крестами, животными (собака, заяц, олень, лошадь, дельфин, лев, овца) и птицами (среди распознаваемых – павлин и орел)³.

По мнению одних исследователей, все вышеперечисленные признаки, в сочетании с имеющимися письменными источниками, свидетельствуют о том, что христианство пришло на Боспоре «легко и быстро»⁴, что Боспор уже в III-IV вв. был мостом, соединяющим варваров с цивилизованным миром и даже «источником Православия и культурных влияний»⁵, а к VI в. оно стало «не только государственной, официальной идеологией, но и неотъемлемой частью личной жизни его населения»⁶.

Другие считают, что христианизация Боспора, напротив, происходила медленно, начиналась сверху, с правящих слоев общества, жителей крупных позднеантичных городов и лишь постепенно, уже в результате целенаправленной политики Византии в VI в., распространилась и на рядовое сельское население⁷. Не задаваясь целью специально рассмотреть еще раз сам процесс христианизации, отметим, что нам ближе последняя точка зрения, в том числе и с учетом рассматриваемых черт массового религиозного сознания.

Обратим также внимание на то, что процесс христианизации невозможно адекватно оценить, только первично интерпретируя

археологический материал. Необходимо попытаться реконструировать, хотя бы пока в общих чертах, особенности массового религиозного сознания боспорян в процессе христианизации.

По мнению ряда специалистов, в массовом сознании обитателей малых городов и, тем более, сельских поселений Боспора первых веков новой эры, еще нет признаков разложения традиционного сознания, и, соответственно, потребности (и возможности) адекватно воспринять христианство во всей его сложности. Во всяком случае, известные нам археологические материалы не дают для этого оснований.

Необходимо отметить, что усложнение религиозной жизни в первые века н.э., распространение новых синкретических культов, следует понимать на двух уровнях. С одной стороны, рост «религиозности» массового обыденного сознания – налицо. Он подтверждается тем, что после 3-4-векового перерыва, во II-III вв. на Боспоре появляется много надписей магического характера, выполнявших роль оберегов или заклинаний, обращенных к высшим силам, и т.д. Но эти явления не изменили очень простых архаических форм религиозного сознания масс населения. С другой стороны, сложные религиозные поиски, в том числе появление фисав культа Бога Высочайшего, охватывали сравнительно узкий круг почитателей. Таким образом, нельзя постулировать идею о том, что религиозный синкретизм первых веков н.э. был усложнением религиозной жизни вплоть до усложнения массового религиозного сознания. Последнее как раз осталось прежним.

Говоря о христианизации Боспора в контексте эволюции религиозного сознания, необходимо учитывать как меру возможности восприятия христианского учения в его первоначальном виде, так и состояние самого христианства в III-VI вв. Отмечая неготовность сознания боспорян к восприятию раннехристианского евангельского учения, нельзя не признать факта включения христианства в контекст духовной жизни уже в достаточно раннее время.

Вероятно, мы имеем дело с разными, но сосуществующими и взаимосвязанными процессами: освоением боспорянами христианства формально, как культа, без осознания собственно смысла христианского учения (в IV-V вв.) и – в более поздний период (VI в. н.э.) – восприятие боспорянами церковно-догматического (ремифологизированного) христианства со строгой организацией как типологически однородной структуры, доступной и созвучной архаическому сознанию (В.А. Хршановский).

Раннехристианские представления не могли найти адекватный отклик среди коренного населения Боспора в силу «живости» и актуальности здесь вполне традиционного многовекового архаического миропонимания. Большинство боспорян вплоть до византийского завоевания VI в. не было готово во всей полноте и глубине воспринять как

новую религию в целом (с ее эсхатологией, мессианством, боговоплощением, искуплением, спасением верой, любовью к ближнему и конечной целью в виде вечного райского блаженства), так и ее символику.

Имели место проявления частичной адаптации христианской символики, однако, тех ее элементов, которые находили аналогии в языческой традиционной символике. Можно, видимо, говорить о некоем символическом синкретизме или символической общности (койнэ) для периода III-IV вв. Поэтому нельзя однозначно интерпретировать многие археологические материалы того времени как однозначно христианские.

Так, многократно изданный и однозначно интерпретируемый перстень III в. из Ново-Отрадного с изображением двух рыбок в символике язычества находит не менее однозначную интерпретацию как символ брака. Лишь изображение креста дополнительно указывает на христианскую интерпретацию.

Известное изображение корабля из китейского «склепа Марти» можно двояко интерпретировать либо по-христиански как путешествие к вечной жизни, либо в античном духе – как аллегория жизненного пути.

То же можно сказать в отношении еще целого ряда памятников. В.П. Яйленко, недавно специально исследовавший магические надписи и филактерии позднего Боспора, сделал вполне однозначный вывод о том, что народные верования боспорян IV-V вв. не были чисто христианскими либо чисто античными или какими-то еще⁸. Это был конгломерат упрощенных до уровня простонародного сознания религиозных доктрин и культов Боспора и восточных провинций империи, смешавшихся и взаимопереплетшихся. Причудливую смесь верований (христианство и язычество) дает надпись КБН 1099 из Гермонассы. Два филактерия V в. с магическими надписями из района Акры и Китея, наряду с упоминанием христианского Бога Сущего, оперируют богатым набором формул, символов и заклинаний из репертуаров нехристианских оберегов из Восточного Средиземноморья. Филактерии-обереги, кстати, останутся элементом обыденного религиозного сознания на весь период истории Византии⁹.

Можно утверждать, что домашней верой аристократической христианской семьи конца V в. – Савага и Фаиспарты, похороненных в столице и имевших земельные угодья в районе Акры и Китея¹⁰, - было не официальное никейское христианство, но синкретизм с культами равно почитаемых античных и восточных божеств, а культовая практика была тесно связана с отпращиванием магических действий.

Если такой уровень усвоения христианства имела боспорская аристократия, то религиозное сознание рядовых масс населения было еще дальше от христианской ортодоксии.

Наличие на Боспоре собственной епархии во главе с епископом уже в 1-й четверти IV в. еще нельзя считать свидетельством полной победы здесь христианства, тем более в массовом религиозном сознании.

Показателем двойственности и упрощенности массового религиозного сознания может служить также то общеизвестное обстоятельство, что неограбленные погребения христиан вплоть до VII-VIII вв. содержат элементы погребального инвентаря. Более того, по конструкциям склепов, по положению тела, по росписи камер дуальная интерпретация (т.е. античные традиции, переосмысленные в духе христианского вероучения, либо сознательно допускающие двойную интерпретацию) доминирует до VI в.

Из этого отнюдь не следует, что данные памятники, обычно интерпретируемые как христианские, не являются таковыми. Просто в силу особенности тогдашнего религиозного мышления боспоряне осознанно или неосознанно вкладывали двойной символический смысл в данные предметы – и языческий (традиционный, понятный им в силу многовековой традиции), и христианский, еще не вполне ортодоксальный.

Для традиционного религиозного сознания боспорян IV-VI вв. достаточно определенно обрисовывается также некоторая «приватизация» культа. Частная сакральная практика почти вытесняет публичные проявления религиозных чувств. Это происходит на фоне, как отмечает А.А. Масленников, несомненного и быстрого угасания всех общественных традиций и институтов (фиасы и пр.), широкого распространения домашних культовых объектов¹¹. До сих пор на Боспоре не найдено ни одного храма Бога Высочайшего. Недавно открытые в Китее два небольших круглых святилища (раскопки Е.А. Молева) функционировали, видимо, еще в течение всего V в.

Это обстоятельство распространяется и на обрядовую практику христианства: так, наряду с известными нам христианскими храмами в Пантикапее, Тиритаке, возможно, в Гермонассе и в Крымском Приазовье, известны небольшие молельни или часовни для частного отправления христианского культа среди византийского гарнизона VI в. на Ильичевском городище.

Идеи и практика церковного христианства оказались типологически (в силу ремифологизации христианства) приемлемыми для постантичного населения Боспора лишь с VI в., когда соединились миссионерские усилия церкви при поддержке государственных властей империи и массовое усвоение христианства в ремифологизированной форме. Именно в таком виде, не как воспоминания о реальных событиях и протекающие из этого эсхатологические ожидания, а как новая мифологическая система с развитой системой образов, христианство «совместилось» с традиционным религиозным сознанием боспорян, вытеснив старое и постепенно заменив его новым.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на тот феномен, что при всей объективности источников и их комплексной интерпретации, образ того или иного события или эпохи в исторической науке, не говоря уже об историческом сознании масс, также достаточно мифологизирован (даже в рамках науки). По этому поводу Н.А. Бердяев, в частности, отмечал: «История не есть объективная эмпирическая данность. История есть миф. Миф же есть не вымысел, а реальность иного порядка, чем реальность так наз. объективной эмпирической данности. ...Мы не можем понять исключительно объектной истории. ... История требует веры, история – это не простое насилие над познающим субъектом внешних объективных фактов. История есть некоторый акт преобразования исторического прошлого, в котором совершается внутреннее постижение исторического объекта»¹².

Здесь же было бы уместно упомянуть об историографических стереотипах: однажды высказанное предположение (без развернутой аргументации и системы доказательств) зачастую начинает кочевать по новой литературе, овященное авторитетом имени выдающегося ученого прошлого. При проверке же выясняется вся спорность положения, требующая нового рассмотрения проблемы. Таких положений, в том числе и в исследовании Боспора, настолько много, что, если бы некий научный коллектив задался целью комплексной ревизии тех или иных положений, то многие ученые конструкции просто рассыпались бы в прах. Пример такой работы в отношении ранневизантийского Херсонеса дал недавно С.Б. Сорочан в 1 главе своего монументального труда¹³. При этом, конечно, следует помнить о том, что многие звенья в картине того или иного исторического периода, особенно для классической древности, остаются гипотетическими. Речь идет не об этом, а о нередкой элементарной подмене даже не обоснованной в развернутом виде гипотезы фактом, чего совершенно не хотел и сам автор гипотезы.

Христианская церковь сыграла важную роль в культурном континуитете, особенно на Боспоре, как важнейший социальный институт в условиях ослабления и постепенного угасания политической организации, государства¹⁴. Переживавшие относительный упадок боспорские города нашли поддержку в лице церкви в «Темный период». Многие в деятельности церкви в то время носило особый, позднеантичный характер и, в конечном счете, поддерживало традиции античной социальной жизни¹⁵. В условиях Боспора V в., а особенно «гуннского протектората» 2-й половины этого столетия, церковь выступала фактически как преемник и наследник многих функций угасавшего Боспорского государства, прежде всего в сфере организации общественной жизни¹⁶, особенно на местах¹⁷.

Боспор выжил в смутное время Великого переселения народов, находясь в его эпицентре, не благодаря целенаправленной политике почти

отмершего государства, а благодаря многовековой традиции организации социальной жизни. И важнейшую роль в этом процессе сыграла религиозная традиция, медленно и постепенно сменявшаяся ортодоксальной христианской. Массовое религиозное сознание архаического типа¹⁸, приватное отправление культа и опора на собственные силы в повседневной жизни – вот главные слагаемые «боспорского феномена» превращения периферийно-античного государственного образования в византийское, в котором христианская ортодоксия заняла ведущее место.

Примечания:

¹ Болгов Н.Н. Поздний Боспор: к дискуссии о континуитете государства и социальных структур // ВДИ. – 2003. – №2. – С. 164-170.

² Болгов Н.Н. Еще раз о Боспоре на рубеже V-VI вв. (исторический контекст надписи Дуптуна, КБН 67) // Ирсидона. Античный мир и его наследие. – Вып. 3. – Белгород, 2006. – С. 90-101.

³ Hayes J.W. Late Roman Pottery. – L., 1972. – P. 248-249; Сазанов А.В.

Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ, вып. IV. – Симферополь, 1994. – С. 406-433, рис. 5, 7, 8; Диатроптов П.Д. Христианская символика на позднееримской краснолаковой керамике Боспора и Херсонеса // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. – М., 1998. – С. 98-109. Наиболее полную сводку см. в книге: Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. – К., 2000. – С. 104-137.

⁴ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.-Л., 1949. – С. 466.

⁵ Юрочкин В.Ю. Боспор и православное начало у готов // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. – СПб., 1999. – С. 326-332.

⁶ Николаева Э.Я., Десятчиков Ю.М. О распространении христианства на Боспоре // Таманская старина. Сб. научных трудов. – Вып. 1. – СПб., 1998. – С. 82-83.

⁷ Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV-VI вв.). – Белгород, 1996. – С. 104-107; Зубарь В.М., Хворостяный А.И. Ук. соч. – С.136-137.

⁸ Яйленко В.П. Магические надписи Боспора // Древности Боспора. – Т. 8. – С. 492, 496.

⁹ Барабанов Н.Д. Византийские филактерии. Специфика арсенала // Античная древность и средние века (АДСВ). 33. – Екатеринбург, 2002. – С. 214-227; Барабанов Н.Д. К истории византийских народных верований. Истара // АДСВ, 34. – Екатеринбург, 2003. – С. 322-347.

¹⁰ Болгов Н.Н., Рябцева М.Л. Саваг Боспорский – позднеантичный магнат V в. на краю Ойкумены / Доклад на Сергеевских чтениях в МГУ 1 февраля 2007 г.

¹¹ Масленников А.А. Частное и публичное в сакральной практике сельского населения Европейского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 214.

¹² Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое Средневековье. – М., 2002. – С. 26-27.

¹³ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. – Харьков, 2005.

¹⁴ Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. – С.105.

¹⁵ Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. – Л., 1986. – С. 126-127.

¹⁶ По мнению А.К. Амброза, не подкрепленному аргументами, склеп Савага и Фаиспарты 491 г. мог принадлежать церковной знати Боспора. См.: Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. IV. – Симферополь, 1995. – С. 60. С этим возможно согласиться, если признать начертанный на стене текст 90-го псалма литургическим. Однако, упомянутый филактерий из Акры указывает на то, что христианская вера этой семьи была далекой от ортодоксии.

¹⁷ Русяева А.С., Зубарь В.М. Боспор Киммерийский: история и культура. – Николаев, 1998. – С. 106.

¹⁸ Гутьле И.А., Хршановский В.А. Христианство в духовном контексте европейского Боспора III-VI вв. н.э. (к постановке проблемы) // Историк, археолог, литератор. К 90-летию М.М. Кубланова. – СПб., 2004. – С. 45-60.

А. Болдуряну (Кишинев, Молдова)

**К ВОПРОСУ О ХОЖДЕНИИ ОСМАНСКИХ АСПРОВ
В МОЛДОВЕ В XVI в.**

В последние годы в мире возрос интерес к изучению османских монет. Они являются важными источниками в изучении истории ряда регионов, в том числе Балкан, Придунайских Княжеств, Северного Причерноморья.

Османские монеты разных номиналов находились в монетном обращении Молдовы на протяжении нескольких столетий. Из них самое широкое распространение получил *аспр* или *акче*.

Анализ монетных находок показывает, что самыми старыми аспрами, найденными на территории Молдовы (в Сучаве и Романе) являются три экземпляра монет времен правления султана Мурада II, чеканенные в период 1430-1444 гг.¹ Однако, их присутствие в денежном хозяйстве страны можно отнести лишь к 80-90-м гг. XV в., особенно после захвата османами Белгорода и Килии в 1484 г.

Постепенно эти монеты превращаются в одно из важнейших средств денежного обращения на внутреннем рынке Молдовы. В XVI в. их приток был весьма интенсивным. Это подтверждается находками как в составе кладов, так и отдельными монетами. В последние годы ряд этих находок был опубликован и введен в научный оборот. Из них отметим клад: Сэсень р-н. Кэлэраш², Комрат, Семень р-н Унгень³, Екимэуць р-н. Резина⁴, Топала р-н. Чимишлия⁵, клад из района Резина⁶ (Республика Молдова), Ватра Молдовицей, жудеца Сучава⁷, Арсура, жудеца Васлуй⁸ (Румыния) и др. Эти публикации позволили уточнить некоторые аспекты в области типологии и хронологии ряда эмиссий. Это важно с точки зрения более точных датировок монетных кладов, а также археологических памятников, содержащих османские монеты. Таким

образом, на сегодняшний день стало возможным более точно определить время чеканки монет, не привязывая его только к правлению того или иного султана. Появилась также возможность определять зоны происхождения османских аспров, находившихся в денежном обороте Молдовы.

В последнее десятилетие достигнут значительный успех в классификации и датировке аспров времен Мехмеда II (1451-1481) и Баязида II (1481-1512). Особый вклад в этой области внесли Е. Николае (Румыния) и С. Сречкович (Сербия)⁹. Аспры времен Мехмеда II в относительно малом количестве были найдены в некоторых кладах XVI в., в то время как аспры времен Баязида II встречаются в большинстве монетных накоплений, относящихся как к XVI в., так и к началу XVII в. Существование этих монет в денежных кладах Молдовы XVI в. отражает феномен отбора из оборота старых, но наиболее качественных монет для их последующей тезаврации. Это напрямую было связано с тем, что в Османской Империи старые эмиссии предшествующего султана систематически изымались из оборота для последующей реутилизации (практика, от которой отказались в период правления Баязида II).

Большинство из найденных в Молдове аспров Баязида II были отчеканены в монетных дворах, расположенных на Балканах (Новар, Каратове) и в европейских столицах империи – Костантания и Эдирне.

Аспры времен Селима I (1512-1520) широко представлены в монетных кладах Молдовы. Эти эмиссии были классифицированы турецким нумизматом Г. Ёлчер¹⁰ и С. Сречкович¹¹. Аспры были разбиты на 3 основных типа аверсов: А, В, С, в порядке, предполагающем последовательность, но не их датировку. На основе анализа монетных находок Е. Николае предлагает другую последовательность типов, а именно: С, В, А, а также их примерную датировку¹². Таким образом, I тип (у Сречковича С) датирован периодом 1512-1514, II тип (у Сречковича В) – август 1514-1517, а III тип (у Сречковича А) отнесен к периоду 1517-1520. Эта типология была аргументирована не только содержанием легенд, историческими событиями в Османской империи, но и структурой монетных находок¹². Анализ аспров, относящихся к I периоду, показывает, что монетные дворы представлены в приблизительно одинаковой пропорции, как и в случае с аспрами времен Баязида II, т.е. большинство из них были чеканены на Балканах, особенно в Новаре, в то время как аспры II и III периодов в большинстве своем отчеканены в столичных монетных дворах и в Малой Азии.

Наибольшее количество османских монет в находках XVI в. относятся к периоду правления Сулеймана I (1520-1566). С. Сречкович внес значительный вклад в классификацию эмиссий этого временного отрезка. На основе анализа аспров и золотых османских монет (*алтынов*),

чеканенных в Румелии и Анатолии, он разделил их на группы и типы - в соответствии с титулом султана в легендах аверса¹³. В первую группу (самую раннюю) были включены монеты с легендой: *Sultan Süleyman şah bin Selim şah* и были датированы 1520-1534 гг. Во вторую группу, датированную 1534-1555 вошли аспры с легендой: *Sultan Süleyman şah bin Selim han*. В третью группу включены аспры с легендой: *Sultan Süleyman bin Selim han*, хронологически отнесенные в период 1555-1566.

В свою очередь, Е. Николае на базе анализа клада, обнаруженного в Раду Водэ, жудеца Джурджю (Giurgiu), Румыния, предложил более детальную датировку I группы, а именно, продлевая до 1541 г. и разделив ее на 2 периода: 1520-1534 и 1534-1541¹⁴. Вторая группа была датирована 1541-1555 гг. Одним из аргументов в пользу этой датировки, является факт, что аспры этой группы представлены гораздо меньше в находках. В таком случае маловероятно ее искусственное „удлинение” на период в 21 год (1534-1555)¹⁵. С. Сречкович в своей последней работе посвященной аспрам Сулеймана I согласился с более детальной датировкой I группы, но только до 1540 г., т.е. до времени проведения монетной реформы, осуществленной Луфти-пашой, незадолго до этого ставшим Великим визирем¹⁶.

Для аспров времен Сулеймана I характерно доминирование в I группе монет, отчеканенных на северо-западе Балкан (Новар). На втором месте по количеству находятся монеты, отпечатанные в центрально-балканских монетных дворах, а на третьем месте – монетные дворы столиц (Константиния и Эдирне). Это распределение монет объясняется и направлением военных экспедиций Османской империи на суше и на море, направленных против христианских государств¹⁷.

Во второй группе отчетливо прослеживается преобладание монет, отчеканенных в центральной части Балкан (Каратова, Юскюп, Сидрекыпсы), хотя остается довольно высоким и процент „участия” северо-западных монетных дворов, в том числе новых – Кучайна и Сребрениче. Большинство аспров, относящихся к III группе, в пропорции 60-65% отчеканено на северо-западе Балкан. На первом месте Новабырда (новое название монетного двора Новар), за которым следуют Сребрениче и Белград (недавно открытый). В небольшом количестве представлены и аспры, отчеканенные в Мудаве (сегодня Молдова Веке, Караш-Северин, Румыния) – единственный печатный двор, расположенный к северу от Дуная, открытый в последний год правления Сулеймана I и прекративший свое существование одновременно с его смертью¹⁸. Этот монетный двор чеканил аспры и алтыны для нужд военной кампании в Венгрии. Восточные (азиатские) монетные дворы представлены в упоминаемых находках совсем незначительно.

Аспры, чеканенные в период правления Селима II, представлены в кладах Молдовы второй половины XVI в., но в значительно меньшем

количестве, чем в предыдущих периодах. Для них характерно преобладание центрально-балканского чекана, за которым следуют северо-западные монетные дворы, а столицы и восток представлены в незначительном количестве. Монеты этого султана были разделены на две группы; имея одинаковое содержание легенды, они различаются расположением отдельных букв. Внутри этих групп, в свою очередь, проявляются и некоторые варианты¹⁹.

В некоторых находках представлены и аспры, относящиеся к периоду правления Мурада III (1574-1595). Типология и датировка этих монет изучены еще мало. Впервые эти аспры были разделены С. Сречковичем в соответствии с расположением легенды аверса на две группы – А и В. Позже к этим группам были добавлены еще три (с вариантами)²⁰. В результате исследования большого клада из с. Топала, были выявлены новые, ранее не обнаруженные, варианты монет²¹. В то же время, результаты, достигнутые в детализации типологии, не привнесли, к сожалению, ясности в датировку этих эмиссий. Пока мы вынуждены использовать критерии веса для датировки эмиссий этого султана, отличившегося осуществлением монетной реформы 1584-1586 гг., традиционно именуемой „великим обесцениванием аспра”²². В результате этой реформы вес монет был сокращен с 0,682 до 0,384 г.

Для аспров этого периода характерно такое же „распределение” по монетным дворам, как и у предыдущих правителей, в то же время его особенностью является увеличение количества монет, отчеканенных в азиатских монетных дворах. Отличительной чертой аспров, отчеканенных в период правления Мехмеда III (1595-1603) является количественное преобладание продукции восточных (азиатских) монетных дворов. Это положение отражает кризисные явления, в том числе и экономического характера, с которыми столкнулась Османская Империя в этот период и которые особенно негативно повлияли на состояние монетного производства на Балканах.

Отдельного анализа заслуживают результаты исследований последних десятилетий, выявивших в находках XVI в. наличие поддельных аспров. Известны два типа подделок. К первому относятся монеты из меди с серебрением, а ко второму – серебряные подражания. Существует большое количество признаков, что в конце XV – начале XVI в. такие подделки изготовлялись в Молдове (предположительно в Сучаве). Этот феномен просуществовал, с некоторыми перерывами, до конца XVI в.

Результаты исследований находок аспров в Молдове позволили значительно углубить понимание некоторых аспектов денежного обращения в Османской империи, в самой Молдове и в соседних с ней Валахии и Трансильвании, на внутреннем рынке которых происходили схожие процессы.

Примечания:

- ¹ Nicolae E. Moneda otomană în Țările Române în perioada 1415-1512. – Chișinău, 2003. – P. 46.
- ² Niculiță A., Boldureanu A., Nicolae E. Les aspres ottomans du trésor de Săseni, dép. de Călărași (Rép. de Moldavie) // SCN, XI (1995). – București, 1997. – P. 201-209.
- ³ Niculiță A., Tabuică R., Boldureanu A. Asprii otomani din secolul al XVI-lea din tezaurele de la Comrat și Semen, jud. Ungheni // Simpozion Chișinău. – 2000. – P. 151-155.
- ⁴ Boldureanu A., Niculiță A. Tezaurul de aspri otomani de la Echimăuți, jud. Orhei (sec. XVI) // Simpozion Chișinău. – 2001. – P. 195-202.
- ⁵ Boldureanu A., Niculiță A., Nicolae E. Tezaurul de la Topala, com. Cenac, jud. Lăpușna (sec. XVI) // Simpozion Chișinău. – 2002. – C. 189-199.
- ⁶ Boldureanu A., Tabuică R., Nicolae E. Un tezaur din epoca lui Mihai Viteazul descoperit în fostul raion Rezina // Simpozion Chișinău. – 2000. – P. 157-161.
- ⁷ Nicolae E. Le dépôt d'aspres ottomans de Vatra Moldoviței, dép. de Suceava // BSNR, nr. 144-145, (1996-1997). – 2002. – P. 127-129;
- ⁸ Stancu P. Contribuții la circulația monetară în Moldova în secolele XV-XVI pe baza tezaurului descoperit la Arsura (jud. Vaslui) // CN, VII – București, 1996. – P. 173-190.
- ⁹ Nicolae E. Moneda otomană ...; Srećković S. Akches (Volum Two). Mehmed II Fatih-Selim I Yavuz 848-926 AH. – Beograd, 2000.
- ¹⁰ Ölçer C. Sultan Yavuz Selim şah bin Bayazid han dönemi osmanlı sikkeleri 918-926 AH/ 52-1520 AD. – Istanbul, 1989. – S. 188.
- ¹¹ Srećković S. Osmalijski novac kovan na tlu Jugoslavije. – Beograd, 1987. – 206 s.
- ¹² Nicolae E. рецензия на Osmalijski novac kovan na tlu Jugoslavije, Beograd, 1987, 206 стр. // АИА – Iași, 1988 – XXV, 2. – P. 555.
- ¹³ Srećković S. Osmalijski... – P. 85-85.
- ¹⁴ Nicolae E., Păunescu E. Un tezaur din secolul al XVI-lea descoperit la Radu Vodă, comuna Izvoarele, județul Giurgiu // SCN, X. – 1993. – P. 129-130.
- ¹⁵ Nicolae E., Păunescu E. Un tezaur din secolul al XVI-lea ... – C.131.
- ¹⁶ Srećković S. Akche, (Volum Three). Süleyman I Kanûnî 926-974 AH. -Beograd, 2003. – P. 38.
- ¹⁷ Nicolae E., Păunescu E. Un tezaur din secolul al XVI-lea... – C. 130.
- ¹⁸ Nicolae E. Aspres ottomans des ateliers nord-ouest-balkaniques en Roumanie au XVIe siècle // Ist International Numismatical Congres in Croatia, 12-15.X.1995 – Proceedings, Opatija, 1996. – P. 97-100.
- ¹⁹ Srećković S. Osmalijski... – P. 149-152.
- ²⁰ Nicolae E., Păunescu E. Un tezaur din secolul al XVI-lea... – P. 116-117.
- ²¹ Boldureanu A., Niculiță A., Nicolae E. Tezaurul de la Topala, com. Cenac, jud. Lăpușna (sec. XVI) // Simpozion Chișinău. – București, 2002. – P. 192-198.
- ²² Nicolae E., Păunescu E. Un tezaur din secolul al XVI-lea... – P. 133.

И.В. Бруяко, А.Н. Дзиговский (Одесса, Украина)
**ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ ГОРОДИЩА КАРТАЛ
В РИМСКОЕ ВРЕМЯ**

На протяжении девяти полевых сезонов Нижнедунайская археологическая экспедиция ведёт исследования на территории предместья городища Картал («Картал-посад»). Как известно, памятник этот многослойный. Среди наиболее выразительных, насыщенных культурных слоёв находится и горизонт, соответствующий римскому периоду в истории памятника. В данном сообщении мы остановимся на краткой характеристике объектов, открытых на участке «Северо-Восточный» в период с 2004 по 2007 гг., и некоторых выводах, которые следуют из этих работ и могут внести определенные коррективы в историю городища первых веков по Р.Х.

Участок «Северо-Восточный» является наиболее изученным на всей территории предместья городища. Раскопанная здесь площадь составляет почти 1600 кв.м. Слой римского времени – один из шести, открытых на данном участке, и предпоследний по хронологии. Соответственно, сохранность объектов в целом достаточно хорошая, хотя интенсивное использование этой территории населением предшествующих эпох приводит к довольно частым случаям вторжения римских комплексов в объекты более раннего времени. Подавляющее большинство комплексов первых веков представлено ямами. Всего их более 30 (32 надёжно датированных). Довольно часто ямы первых веков видно уже по характеру заполнения на уровне фиксации их контуров. Обычно оно рыхлое, насыщено золой и пеплом, отчего контур выглядит очень отчётливо. По своему графическому профилю ямы делятся на два типа. Большинство имеет прямые, цилиндрические в разрезе стенки. Реже встречаются ямы со стенками, расширяющимися ко дну. Заполнение ям насыщено находками неравномерно. В некоторых ямах керамики едва хватает для их более или менее надёжного датирования, в других – находок больше. Однако, все они, по степени насыщенности материалом, не идут ни в какое сравнение с ямами на раскопах участка «Центральный»¹.

Керамика из ям участка «Северо-Восточный» представлена достаточно стандартными типами. Среди амфор полностью преобладает тип светлоглиняных узкогорлых. Реже встречаются и другие типы, фрагменты красноглиняных амфор с массивными венцами и глубокими бороздками, венчики светлоглиняных (ангобированных) амфор с воронковидным горлом, верхние части розовоглиняных амфор с массивным валикообразным венцом и коническим горлом. Большую группу составляет сероглиняная гончарная посуда (кувшины, миски, чаши, вазы-«фруктовницы», амфоры). Несколько уступает ей по

численности коллекция светлоглиняной (красно- и розовоглиняной) столовой керамики. Немногочисленная коллекция краснолаковой посуды состоит из разнообразных форм, объединённых, пожалуй, одним признаком – качеством лакового покрытия. Ярко-оранжевые, коричневато-красные оттенки свидетельствуют о том, что в этой группе вряд ли присутствуют экземпляры ранее II в. н.э. Лепная керамика представлена формами, соответствующими двум культурным традициям – причерноморской степной и карпато-дунайской (дакийской). Помимо керамики, встречаются находки кровельной черепицы. В отличие от слоя на акрополе, здесь находят образцов с клеймами единичны. В ямах довольно часто попадают глиняные пирамидальные грузила. Известно две находки мукомольных орудий. Одна представляет собой верхний жернов ротационной мельницы. Другая – примитивную зернотерку т.н. седловидного типа. Более или менее выразительные изделия из металла в закрытых комплексах исчерпываются находкой ручки бронзового зеркала сарматского типа. В тоже время, среди подъёмного материала с территории посада есть фибулы, в том числе и позднеантичного (черняховского) типа. Редкой находкой можно считать бронзовый медицинский пинцет.

В одной из ям, в придонной части обнаружено парное детское захоронение. Один погребённый имел при себе инвентарь – провололочные, бронзовые серьги и какое-то сложное ожерелье, в состав которого, помимо бус, входили бронзовый и железный стержни. На одном уровне с погребением обнаружены 2 сосуда, один из которых является достаточно типичной степной формой (керамика этулийского типа, или сарматская), другой – столь же типичной дакийской формой.

Пожалуй, наиболее примечательным комплексом первых веков н.э., следует считать открытый в 2007 г. комплекс по производству керамики (горн). В загрузочной камере горна обнаружены развалы форм сероглиняной гончарной керамики т.н. карпо-дакийского типа. Основных форм две. Это, двуручные амфоры, часть которых украшена пролощенным орнаментом, и глубокие чаши с вертикальным бортиком и широким, отогнутым наружу плоским краем. Явных следов поздних вторжений в загрузочную камеру нет, однако реставрация сосудов показала, что большинство форм фрагментированные, в той или иной степени. Датировка горна соответствует времени существования других хозяйственно-бытовых комплексов на этом участке посада.

Ямы римского времени на территории предместья довольно мелкие. Их глубина, как правило, не превышает 1 м. Таким образом, можно предположить, что две ямы из числа самых крупных (глубиной 2,5 и 3,5 м) являлись глинищами для гончаров. Эти ямы выкопаны весьма небрежно, имеют довольно замысловатую конфигурацию и содержат крайне мало находок, по большей части, очень невыразительных.

Объекты первых веков н.э., открытые на территории посада, хронологически соответствуют времени существования на акрополе городища («Каменная Гора») римской крепости². Однако, помимо этих объектов, в 2005-2007 гг. в предместье были обнаружены и другие комплексы этой же эпохи. Все они представляют собой узкие, неглубокие траншеи. Иногда площадь раскопа позволяла фиксировать прямой угол, образуемый двумя такими траншеями, либо разрыв (перемычку). В этих сооружениях уже без труда можно опознать ровики – признак погребального обряда сарматских племён. Следующий вывод не требует слишком напряжённых размышлений – на посаде городища находится сарматский могильник. К настоящему времени на разных раскопах открыты сегменты четырех ровиков. Среди них определённо есть прямоугольные, ориентированные по длине с СВ на ЮЗ и, вероятно, квадратные, с ориентировкой траншей по сторонам света.

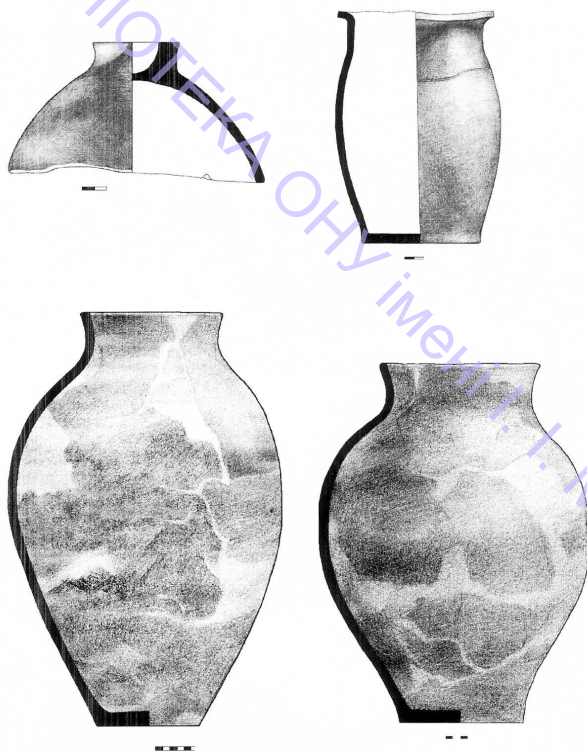

Рис.1. Лепная керамика из района перемычки рва ("тризна")

Появление нового культурного горизонта римского времени делает картину истории памятника в этот период более сложной, нежели это представлялось до сих пор. Наиболее актуален сейчас вопрос о хронологическом соотношении поселения и могильника. Пока ни один из ровиков не изучен полностью. Однако, в 2005 г. при раскопках первой такой конструкции, был открыт район перемишки в северо-западной (длинной) траншее. С внешней и внутренней сторон прохода находились два скопления керамики. Комплекс внутри составляли развалы 3 лепных горшков, 1 лепная крышка и горловина красноглиняной амфоры. Два больших лепных горшка и крышку можно отнести к северопричерноморскому, степному типу керамики. Меньший горшок больше соответствует слабопрофилированным формам дакийского типа (рис. 1). Горловина амфоры (рис. 2, 1) принадлежала сосуду темно-красной глины с массивным венцом и глубокими бороздками под ним (тип Зеест 80). Датировка – II-III вв. по И.Б. Зеест ³, или конец II- первая половина III вв. по А.П. Абрамову ⁴. Скопление керамики с внешней стороны перемишки принадлежало амфоре с воронковидным горлом (рис. 2, 2). Сосуд ярко выраженной пифоидной формы, розово-красной глины и светлым, местами почти белым, ангобом. По имеющимся аналогиям, этот вариант амфоры с воронковидным горлом можно датировать первой половиной – серединой III в. н.э. Самой близкой из всех аналогий является амфора из Неаполя Скифского, которая была обнаружена в слое пожара последнего периода существования города – подгоризонт А1 второй четверти III в. н.э. ⁵

В следующем, 2006 г., во внутреннем пространстве этого же ровика на уровне предматерика было открыто погребение. Хотя захоронение не сопровождалось инвентарем, ярко выраженная деформация черепа погребённого, практически, не оставляет сомнений в его принадлежности к сарматской культуре. После того, как в 2007 г. был открыт новый участок этого же ровика, оказалось, что упомянутый комплекс по производству керамики (горн), располагается во внутреннем пространстве ровика. Тем самым, горизонтальная стратиграфия оставляет нам два варианта для относительной датировки горна – до закладки могильника, и после неё. Последний вариант представляется маловероятным, поскольку ни на посадке, ни на акрополе городища до настоящего времени не было зафиксировано следов жизнедеятельности второй половины III – первой половины IV вв.

В основе датировки поселения римского периода на посадке городища лежит массовый материал, который указывает на достаточно широкую дату – II-III вв. Её можно скорректировать, исходя из общеполитической ситуации в регионе, на которой, кстати, главным образом основывалась дата гибели римской крепости – середина III в. н.э. В последнее время, на основании анализа монетных находок с территории

акрополя городища, эта дата понижена еще больше. Если раньше гибель римского форта у с. Орловка (Алиобрикс?) связывалась с варварами, прорывавшимися через Дунай во время «скифских войн или готских походов» 40-60-х гг. III в.⁶, то теперь разрушение крепости приписывают карпам во время их рейда по Добрудже и Южной Бессарабии в 214 г.⁷ Эту датировку вряд ли можно считать окончательной, хотя ей вполне соответствуют самые поздние монетные находки на посаде городища (Септимий Север и Каракалла). Если же говорить о нижней дате и привлечь прочие находки монет, то на «Северо-Восточном» участке они укладываются в рамки середины – второй половины II в. (Антонин Пий, Фаустина, Марк Аврелий). В тоже время, на участке «Центральный» самыми ранними являются монеты Траяна, которые указывают на начало-первую четверть II в. н.э.

Получается, что сарматский могильник возник уже после того, как крепость была разрушена, а население ушло за Дунай. В общем-то, это и так достаточно очевидно, поскольку процедура закладки сарматского могильника на территории предместья, почти под стенами крепости, да и к тому же на глазах у её гарнизона, весьма маловероятна. Тем более что в 2001 г. ещё одно сарматское погребение было открыто буквально на краю крепостного рва, в 20-25 м от акрополя. При этом могильная яма прорезала слой и две ямы с материалами II в., а при погребённом (женщина 30-35 лет с комбинированной деформацией черепа) найден гончарный сероглиняный горшок приземистых пропорций, с пролощенным орнаментом. Этот тип керамики вряд ли старше III в. н.э.

Итак, мы видим, что в вопросе существования двух горизонтов римского времени на городище Каргал важна не столько последовательность событий (она и так достаточно очевидна), сколько их сопряжённость – гибель крепости плюс закладка могильника – и абсолютная хронология этой сопряжённости. В ближайшее время мы постараемся это выяснить.

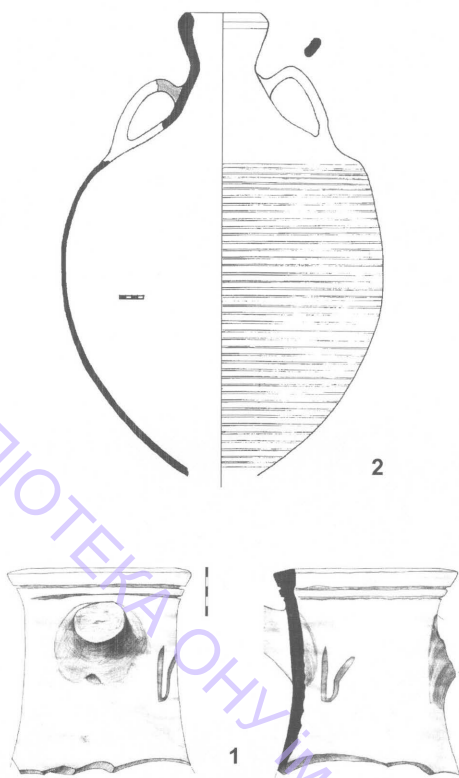

Рис.2. Амфоры из района перемычки рва ("тризна")

¹ Бруяко И.В., Засыпкина Г.В., Манзура И.В., Субботин Л.В., 2008. Слои римского времени городища Картал (участок «Картал-посад» [в печати]).

² Бондарь Р.Д. Городище у с.Орловка // Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). – М., 1984.

³ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. – 1960. – №83. – С. 114, 115, табл. XXXIII/80.

⁴ Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. – 1993. – Вып.3. – С. 48.

⁵ Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). – Симферополь, 2003. – С. 20-21, рис. 126/2.

⁶ Бондарь Р.Д. Некоторые проблемы истории Нижнедунайского лимеса // ВДИ. – 1973. – №3. – С. 153; она же. Городище ... С. 32; она же. К истории исследования римской крепости у с. Орловка (Картал) // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. 1839-1989 гг. – Одесса, 1989. – С. 50.

⁷ Бондарь Р.Д., Булатович С.А. Орловское городище в памятниках нумизматики // Stratum plus. – 2001-2002. – №6. – С. 175.

**АФИНСКИЕ СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ «СТАРОГО СТИЛЯ»
В СОБРАНИИ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

В Одесском археологическом музее имеется сравнительно небольшая группа серебряных монет, чеканившихся Афинами с конца VI или начала V до I в. до н.э. У современников эти монеты получили наименование «совы» (по изображению на обороте совы) или «паллады» (по изображению на лицевой стороне головы Афины Паллады). Первое название использовали в повседневном обиходе и поэзии, второе было менее распространено¹.

Выпуск серебряных «сов» явился важным моментом в эволюции греческой монетной чеканки. Сохранив все признаки архаического художественного стиля, эти монеты приобретают черты, свойственные в дальнейшем большинству древнегреческих монет: на оборотной стороне появляется изображение и надпись с названием города. С начала V в. до н.э. они становятся классическим типом.

Афинские «совы» почти с самого начала их производства и особенно в эпоху гегемонии Афин приобрели чрезвычайную популярность как у эллинов, так и у варваров в качестве интерлокальной монеты. Эта популярность сопровождалась многочисленными имитациями, а тип лицевой и оборотной стороны служил образцом для подражания, в том числе, и в Северном Причерноморье.

Спецификой афинских «сов» является необычайное постоянство схемы типа – голова Афины на аверсе и сова на реверсе, а также крайне медленные стилистические изменения изображения. На протяжении всего V в. до н.э. облик Афины остается архаическим, и только в следующем столетии глаз изображается не в фас, а в профиль. Постоянство раз избранной схемы типа объясняется устойчивым положением этих монет на международном рынке в течение нескольких столетий.

Многие проблемы афинской серебряной чеканки на сегодняшний день остаются дискуссионными. Это касается, в первую очередь, их хронологической классификации, особенно определения времени начала чеканки, а также иконографии и символики изображений².

Большинство нумизматов относят «совы» ко времени изгнания из Афин Гиппия (510 г. до н.э.) и установления демократии. На эту дату указывает и состав кладов, содержащих ранние «совы».

Стилистические и иконографические изменения позволяют наметить периодизацию афинских «сов». Критерием для установления хронологических рамок серий являются важнейшие для Афинского государства события, главным образом, политического характера (Греко-персидские и Пелопоннесская война, создание и распад Первого и второго Афинского морского союза и др.).

Афины чеканили серебро различных номиналов, из которых самым крупным была декадрахма (чеканилась эпизодически), а самым мелким гемитетартеморий (1/8 обола весом около 0,64 г). Мелкие фракции обола были необходимы для мелкой торговли ввиду отсутствия до середины IV в. до н.э. бронзовых монет. Некоторые фракции имели типологические отличия (на реверсе) для различения их в обращении, другие различались по размеру³. Были эпизодические выпуски: декадрахмы и дидрахмы. Последние имеют отличия в иконографии оборотной стороны. В II-I вв. до н.э. фактура и содержание типа афинских «сов» меняются, но схема остается прежней. Голова Афины здесь скопирована со знаменитой статуи Фидия, изображение оборотной стороны заключено в венок, а в поле размещены имена и монограммы монетных магистратов. По отношению к этим монетам в нумизматической литературе используют термин «новый стиль», при описании монет предыдущего периода применяют термин «старый стиль».

В иконографии «сов» главное изменение произошло в начале V в. до н.э., скорее всего, после Марафонского сражения (490 г. до н.э.) или позже. Причины появления на шлеме Афины оливкового венка, на обороте рядом с совой полумесяца дискутируются. Поводом для изменений могли быть и другие победоносные сражения греков против персов. Нельзя отрицать и возможность религиозной подоплеку новых деталей типа⁴.

В течение всего V в. до н.э. афинские «совы» чеканят непрерывно и в большом количестве. При этом голова Афины сохраняет архаические черты, глаз продолжают изображать в фас. В конце столетия несколько изменяется техника чеканки – происходит переход к фиксированному соотношению осей⁵.

После поражения Афин в Пелопоннесской войне⁶ и истощения рудников Лавриона место серебряных заняли медные посеребренные монеты. Возобновления выпуска серебряных «сов» связывают с событиями первого десятилетия IV в. до н.э. После ослабления Спарты и разгрома ее флота при Книде (394 г. до н.э.) Афины восстанавливают свое могущество, начинается возрождение Афинского морского союза. Афины получают денежные субсидии от Персии. Вскоре Второй Афинский союз (378-338 гг. до н.э.) становится крупной политической силой. Вместе с политическим растет экономическое влияние Афин, а ее «совы» по-прежнему остаются главным международным средством денежного обращения. Во второй половине IV в. до н.э. серебро вновь чеканится в большом количестве. Тип не изменился, но стиль другой – глаз Афины теперь передан в профиль, черты лица более правильные. Этот тип продержался почти до конца следующего века. Около середины IV в. до н.э. монетный кружок становится толстым, неправильной формы.

В Одесском археологическом музее хранится 14 тетрадрахм (из них 9 – «нового стиля»), дидрахма (1 экз.), драхма (1 экз.), триоболы (5 экз.), оболы (11 экз.), тритартемории (2 экз.), гемиоболы (3 экз.), тригемитетартеморий (1 экз.), тетартеморий (1 экз.). Только одной тетрадрахмой представлена чеканка до 470 года до н. э. (на шлеме Афины еще нет оливкового венка, а на обороте отсутствует полумесяц). К числу очень редких принадлежит дидрахма Одесского собрания (начало V в. до н.э.). К сожалению, эта монета вызывает большие сомнения в ее подлинности в силу ряда особенностей. Еще одна сомнительная монета, возможно, подделка – тетрабол, который по типу может быть определен как драхма, но по весу должен быть отнесен к тетраболу. К тому же, здесь очень низкое содержание серебра. Представляет интерес одна тетрадрахма ранней архаической серии (до 480 г. до н.э.) – на шлеме еще отсутствует венок, а на обороте полумесяц. Состав металла публикуемых «сов» (большинство 937.5 пробы) свидетельствует о довольно высоком и устойчивом содержании в них серебра в эпоху расцвета афинской чеканки. Некоторые экземпляры Одесской коллекции имеют глубокие надрезы. Их делали для проверки качества металла, поскольку выпускались и субэратные «совы». Известен большой клад субэратных «сов», которые одни считают продукцией фальшивомонетчиков, а другие – афинского монетного двора. Эти надрезы могут означать использование «сов» не только в денежном обращении, но и в качестве слитков серебра⁷. О происхождении афинских серебряных монет в Одесском собрании ничего не известно.

Следует отметить, что афинские «совы» практически не встречаются в Северном Причерноморье⁸, что, учитывая тесные экономические связи с Атикой в доэллинистическую эпоху, могло бы вызвать удивление. Однако, этот факт находит объяснение в том, что к началу V в. до н.э. в Причерноморье в качестве торговой монеты прочно утвердились кизикины.

Однако, существует предположение, что первые литые ольвийские монеты созданы под влиянием афинских «сов» в связи с победой греков в греко-персидской войне и формированием Первого афинского морского союза⁹. Политической ориентацией на Афины объясняют и типологию литых монет Никония с именем скифского царя Скила¹⁰. Археологически засвидетельствовано, что именно в V в., возможно также под влиянием Афин, в Ольвии начинает играть большую роль культ Афины¹¹. В первой половине V в. до н.э. усиливаются и экономические связи городов Северо-Западного Причерноморья с Атикой. В середине этого столетия здесь получает преимущественное распространение аттическая керамика.

Таким образом, чеканка афинских «сов» не прошла бесследно и для Северо-Западного Причерноморья, хотя сами монеты сюда не проникали.

Примечания:

¹ Jones J.M. A Dictionary of Ancient Greek Coins. – L., 1986. – P.170, 171.

² Смотри литературу вопроса: The Athenian Agora. V.XXVI. The Greek Coins. – New Jersey, 1993. – P.54; Jenkins G.K. Ancient Greek Coins. – L., 1990 – P.26; Mielczarek M. Mennictwo Starożytnej Grecji. – Warszawa-Krakow, 2006. – S.70.

³ Jenkins. Op. cit. – P.46-47.

⁴ Mielczarek. Op. cit. – P.71.

⁵ The Athenian Agora. – P.6.

⁶ Jenkins. Op. cit. – P.63.

⁷ Там же. – P.46.

⁸ Исключением являются две серебряные монеты Афин V-IV в. до н.э., найденные в XIX в. на о.Левке (Булатович С.А. Монетные находки на о.Левке // МАСП. – 1971. – Вып.7 – С.221 – Таб.2.), а также три тетрадрахмы «нового стиля» - одна из Ольвии, две другие из Западного Крыма (Карышковский П.О. Афинская тетрадрахма «нового стиля», найденная в Ольвии // ВДИ. – С. 130-134).

⁹ Монеты Ольвии. – К., 1988. – С. 45.

¹⁰ Загинайло А.Г., Карышковский П.О. Монеты скифского царя Скила. // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. – Кишинев, 1990, – С. 10-11.

¹¹ Давня історія України. Т.2. – К., 1998. – С.304.

А.М. Бутягин (Санкт-Петербург, Россия)

ПОГРЕБЕНИЕ НА КАРАНТИННОМ МЫСУ

Среди погребальных памятников римского времени на Боспоре Киммерийском гробнице, расположенной на Карантинном мысу, принадлежит особое место. До настоящего времени не сохранилось монументальных комплексов, которые могут сравниться с ней по грандиозности сооружения и, что можно предполагать с высокой долей уверенности, богатству обряда захоронения. Странно, что данный памятник почти не вызывал интереса у ученых, часто весьма подробно исследовавших менее значимые объекты. В основном, упоминался мраморный саркофаг из захоронения, а само оно оставалось в тени. Любопытно, что В.Ф. Гайдукевич, исследовавший в 1934 г. саму гробницу, уделил ей в своей монографии буквально несколько строк, посвященных, опять же, саркофагу¹. В данном сообщении мне хотелось бы собрать воедино все имеющиеся данные о гробнице, для того, чтобы представить ее в контексте поздней истории Боспора.

Впервые исследуемая гробница была описана в бумагах П. Дюбрюкса, который отмечает круглую башню на акрополе древнего

Мирмекийона². Ее диаметр составлял около 17 м (8 сажен), а стены сохранились на высоту около 1,5-2 м³. Единственным источником для изучения ситуации в это время ранее являлись чертежи из архива ИИМК РАН, изданные в работе В.Ф. Гайдукевича⁴. Однако благодаря изысканиям И.В. Тункиной, был открыт чертеж Мирмекия работы П. Дюбрюкса и отдельные план башни и фаса стены, позволяющие судить о масштабности сооружения⁵. К сожалению, на рисунках берега, сделанных для целей морского ведомства в XVIII в., гробница не прослеживается, есть только изображение самой мысовой скалы.

Следующий этап в изучении захоронения относится к 1834 г., когда на мыс были перенесены сооружения портового Карантина (т.н. Новый Карантин, в отличие от старого, расположенного в районе хребта Юз-Оба). При строительстве флагштока на скале мыса была обнаружена полость, после чего матросы нашли там обломки грандиозного мраморного саркофага. В карантин был вызван археолог А. Ашик, который забрал мрамор и переправил его в Керченский музей⁶. Во второй камере погребения был открыт небольшой мраморный (как отмечает исследователь, «паросского мрамора») разбитый саркофаг без украшений. На основе найденных фрагментов большой саркофаг был восстановлен, а впоследствии переправлен в Императорский Эрмитаж, в коллекции которого находится и поныне. Именно он неоднократно привлекал внимание исследователей античного искусства, тем более, что это самый крупный из привозных мраморных саркофагов, найденных на территории всего Северного Причерноморья⁷.

Мраморный саркофаг размерами 2.68х1.15х2.00 м., учитывая крышку, несет на крышке изображение возлежащих мужчины и женщины, которые обнимают друг друга за плечи. На нижней части саркофага изображены эпизоды из жизни Ахилла – на центральной герой среди дочерей царя Ликомеда, на правом торце обучение Ахилла у Хирона, а на левом – его прибытие на Скирос⁸. В целом, определено, что саркофаг произведен в одной из афинских мастерских после середины II в. н.э. Следует учесть, что стенки саркофага сильно повреждены, а многие фрагменты полностью утрачены.

В дальнейшем, вплоть до советского времени, территория Карантинного мыса была недоступна для археологического исследования. Изменения произошли после того, как Карантин был расформирован, а руины древнего Мирмекия перешли в ведение Керченского музея. В первый же год работ Керченской (будущей Боспорской) экспедиции был тщательно очищен склеп на Карантинном мысу. Это позволило выяснить точные данные о размерах внутренних помещений гробницы. Следует отметить, что к этому времени уже не существовала грандиозная обкладка скалы, которая была большей частью вывезена в 1920-х гг. для строительства в порту Керчи. Единственным доказательством ее

существования, кроме рисунков и планов начала XIX в., является фотография, приведенная в МИА №4⁹. Гробница несла следы перестройки, в ходе приспособления ее для погребения карантина, но в целом сохранила свою форму. Было выяснено, что она состояла из двух погребальных камер и широкого четырехугольного дромоса. Размеры камер: правой (меньшей) 2.82x1.25x1.85 м, левой (большей) 3.38x1.90x1.85, дромоса 5.00x4.23x4.00 м. Высота камер в 1.85 м позволила В.Ф. Гайдукевичу предположить, что большой саркофаг не мог поместиться в большую камеру и находился в дромосе¹⁰.

В дальнейшем новых исследований скальной гробницы не предпринималось. Однако раскопки с напольной стороны от скалы привели к открытию многочисленных рустованных блоков от ее внешней обкладки. Кроме того, в 1990-2000-х гг. были исследованы подходы к скале с гробницей, которые позволяют сделать определенные выводы о динамике развития этой части городища Мирмекий в римское время. Они тоже косвенным образом могут помочь нам в выяснении вопроса о роли и месте гробницы на мысу в структуре памятника. Непосредственно с гробницей была связана только одна находка – обломок мраморной плиты с частью овы, найденная в одной из позднесредневековых ям с западной стороны от гробницы¹¹. Как представляется, этот предмет может свидетельствовать о времени разрушения саркофага, которое произошло именно в XIV-XV вв., хотя первично он мог быть ограблен и раньше.

В сезоне 2007 г. у подножья скалы в слое, относящемся к тому же периоду, был найден уникальный фрагмент камеи, размером около 3 кв. см, составляющий не более четверти от изначального размера камня. Скорее всего, на гемме был изображен кто-то из римских императоров II в. н.э. Не приходится сомневаться, что такая находка вряд ли может происходить из слоя поселения, так как цена подобной камеи по местным меркам должна была быть просто астрономической. Вероятно, она была выброшена из гробницы при ограблении, что еще раз указывает нам на время разрушения захоронения.

Обратимся теперь к окружающему скалу пространству. В течение 2000-2007 гг. весь периметр скалы был исследован Мирмекийской экспедицией Государственного Эрмитажа. В частности, было выяснено, что изначальная форма скалы была в значительной мере изменена с севера, где открыты явные следы взрывных работ. При этом оказалась уничтожена не менее трети скального подножья гробницы, а сама скала приобрела скорее четырехугольную в плане форму. Окружающее пространство вокруг гробницы в римское время активно застраивалось¹².

В кратком очерке, динамика развития этого участка городища выглядит следующим образом. В I в. н.э., когда Мирмекий возрождается после разрушений эллинистического времени, вокруг скалы возникает несколько больших построек, которые, скорее всего, являлись

своеобразными сельскими усадьбами на месте бывших городских кварталов. По всей видимости, в районе акрополя находилось какое-то небольшое святилище, от которого уцелело посвящение с упоминанием имени Аспурга. С западной стороны от акрополя был выровнен эллинистический зольник, и поверх него возведено сооружение круглой формы. Ситуация с северной стороны от гробницы еще не совсем ясна (сейчас здесь ведутся раскопки), но, похоже, что здесь имела система террас, ограничивающих скальный выступ. С восточной стороны характер построек невозможно установить, так как на этом месте впоследствии была произведена значительная нивелировка поверхности. Все сооружения вокруг акрополя прекращают свое существование где-то около середины II в. до н.э. При этом некоторые постройки погибли в пожаре, в других случаях, они были оставлены и развалились. Можно предварительно предположить, что после этой катастрофы жизнь вернулась в Мирмекий только около последней четверти II в. н.э. и продолжалась непрерывно вплоть до начала IV в. н.э.¹³ При этом строятся здания с восточной и западной стороны от скалы. Наиболее хорошо сохранился дом, в стенах которого во вторичном использовании были найдены многочисленные архитектурные детали, а в одном случае даже ствол небольшой колонны. К какому зданию относились найденные фрагменты, и была ли это одна богато украшенная постройка или несколько, сказать пока невозможно.

На основании этих разрозненных данных можно составить следующую картину появления гробницы на Карантинном мысу. После каких-то неизвестных нам событий середины II в. н.э. большая часть поселения была уничтожена или покинута жителями. В это время сооружается гробница для царя Боспора. О том, что сооружение было предназначено для царя, а не просто для одного из «знатных боспорян», говорит как престижность места, видимого с любой точки Керченской бухты, в первую очередь, из Пантикапея, так и грандиозность сооружения, сравнимого разве что со знаменитыми Боспорскими курганами IV-III вв. до н.э. В дополнение можно привести и замечательный саркофаг, подобных которому нет во всем Северном Причерноморье.

Первоначально гробница была использована для захоронения кого-то из членов семьи умершего, возможно, жены, которая упокоилась в меньшем по размеру саркофаге. Основной саркофаг был заказан в Аттике, и его размер оказался несколько превышающим погребальную камеру. По каким-то причинам времени для перестройки гробницы не хватило, и вместо камеры саркофаг был помещен в дромосе. Покойный был похоронен со всей пышностью и богатыми дарами. Гробница в готовом виде представляла собой, по всей видимости, холм, опоясанный стеной из огромных рустованных блоков не менее чем двухметровой высоты. Не

исключено, что холм увенчивался каким-то скульптурным изображением, которое не сохранилось. Возможно, именно отсюда происходит ствол колонны, обнаруженный в постройке конца II в. н.э., когда Мирмекий отстраивается вновь. Дома располагались в непосредственной близости от гробницы, однако она не подвергалась сильному разрушению. Не исключено, что усадьба принадлежала членам рода, близкого к царской семье, чем дополнительно и объясняется уважительное отношение к захоронению. В XIV-XV вв. н.э., когда на месте древнего Мирмекия возникает генуэзское поселение Пондико, гробница была вскрыта и, возможно, разграблена, а мраморный саркофаг разбит. Часть каменных блоков обкладки свалилась вниз по склону, другая была использована для возведения оборонительной стены¹⁴. Сама гробница послужила фундаментом для донжона крепости. После гибели Пондико башня и оборонительные стены были разрушены, обломки саркофага удалось открыть только в XIX в.

Сходные по форме с гробницей на Карантинном мысу сооружения известны как в Северном Причерноморье, так и за его пределами. Обложенная плитами круглая гробница, в основе которой лежит форма этрусского тумулуса, была весьма популярна в Империи, как в Италии, так и в провинции. Из причерноморских аналогий укажем хотя бы Зевсов курган в Ольвии. Не стоит забывать и о курганах Боспора с мощными каменными крепидами, которые на тот момент были видны значительно лучше, чем сейчас.

Последний вопрос, который встает в связи с гробницей на Карантинном мысу – кому же принадлежал этот выдающийся погребальный памятник? К сожалению, наши сведения о Боспоре римского времени весьма скудны, письменных источников явно не хватает. Кто из царей II в. может претендовать на такой мавзолей? Маловероятно, что этим властителем мог быть Савромат I, хотя победы этого царя и его заслуги перед Боспорским царством вполне могли бы предполагать такое значительное сооружение. Кажется маловероятным, что гробница на Карантинном мысу предполагает собой род герайона, построенного для царя, умершего задолго до сооружения памятника. Наиболее вероятным кандидатом становится тогда Реметалк или, скорее, Тиберий Юлий Евпатор, время смерти которых падает на период сооружения мирмекийской гробницы.

¹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.-Л., 1949. – С. 395-396

² Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений // ЗООИД т.4. – Одесса. – С.7, 15

³ План «башни» дает размер круга в 9 сажень (т.е. около 19 м), что соответствует и размеру на общем плане Мирмекия работы П. Дюбрюкса. Возможно, разночтение связано с неточностью первоначальных измерений или с ошибкой в рукописи.

Судя по чертежу фаса, максимальная высота стены составляла около 1.8 м, но сильно колебалась в зависимости от сохранности на каждом участке. В опубликованной рукописи указываются только размеры камней: длина 1.78-0.9 м, высота 0.9-0.53 м, толщина 1.25-1 м. Камни сохранились в три ряда. Т.о. минимальная высота трехрядной кладки должна была быть не менее 1.5 м.

⁴ Гайдукевич В.Ф. Археологическое изучение Мирмекия // МИА, 4. – 1941. – С.98-99

⁵ Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII-середина XIX в.). – СПб, 2002. – Рис.60-61

⁶ Ашик А. Боспорское царство. Ч. II. – Одесса, 1848. – С. 41. Все перипетии этой ситуации изложены в упоминавшейся выше статье В.Ф. Гайдукевича.

⁷ Саверкина И.И. Мраморный саркофаг из Мирмекия // ТГЭ. – Вып. VII. – С.263-264

⁸ Виноградов Ю.А. О семантике изображений на мирмекийском саркофаге // Древнее Причерноморье. Сборник статей, посвященный 85-летию со дня Рождения П.О. Карышковского. – Одесса, 2006. – С.40-43

⁹ Гайдукевич В.Ф., Леви Е.И., Прушевская Е.О. Раскопки западной и северной частей Мирмекия в 1934 г. // МИА, 4. – 1941. – Рис. 46

¹⁰ Гайдукевич В.Ф., Леви Е.И., Прушевская Е. О. Op.cit. – С.142-143

¹¹ Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Мирмекий в свете новых археологических исследований. Каталог. – СПб, 2006. – С.39, кат.58

¹² Бутягин А.М. Акрополь Мирмекия в свете последних археологических исследований // БИ. – Вып. XIII. – С.25-26

¹³ Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Op.cit. – С.40-43; Бутягин А.М. Последние жители античного Мирмекия (усадьба III в.н.э. на Карантинном мысу) // Боспорские чтения, VI. – Керчь, 2005. – С.32-36

¹⁴ Гайдукевич В.Ф., Леви Е.И., Прушевская Е. О. Op.cit. – С.139

В.П. Былкова (Херсон, Украина)

ФИГУРНЫЙ СОСУД С БЕЛОЗЕРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Находки фигурных сосудов в сравнении с терракотовыми статуэтками немногочисленны, в доримский период на территории Северного Причерноморья они единичны¹, даже в Аттике такие изделия относились к предметам роскоши². Особенно редки подобные находки на поселениях, где материалы такого рода позволяют рассматривать вопросы духовной жизни и культовой практики, а также материального благосостояния и торговых связей сельских жителей. Справедливо указывается на то, что «фигурные сосуды, несмотря на их яркую научную и художественную значимость, остаются одной из интересных, высокоинформативных, но малоизученных категорий находок из раскопок античных северопонтийских городов, их сельских территорий, а также памятников варварского окружения.»³ Каждая находка фигурного

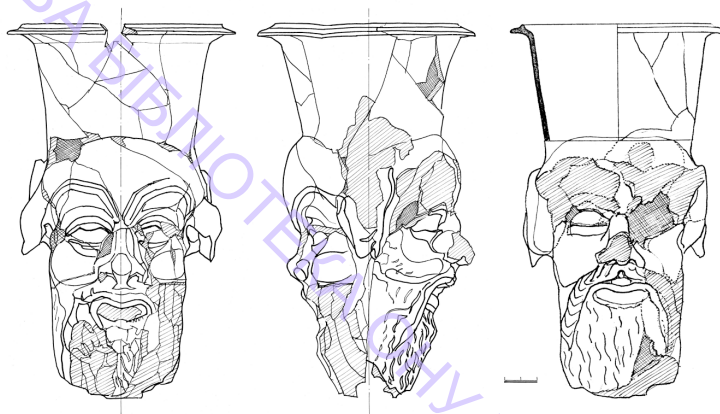
сосуда представляет интерес и предполагает необходимость быстрого введения в научный оборот.

В данном случае осуществляется публикация редкого фигурного сосуда, найденного в 2005 г. экспедицией Херсонского государственного университета на Белозерском поселении. Белозерское поселение⁴ расположено на юго-западной окраине поселка Днепропетровский Белозерского района Херсонской области на землях агрофирмы “Белозерский”. Сохранившаяся площадь памятника составляет, судя по выходам культурного слоя, приблизительно 2 га. Поселение находится на третьей надпойменной террасе над протоком Днепра рекой Кошевая. Культурный слой этого памятника ежегодно разрушается вспашкой, новыми оросительными каналами и карьерами по добыче глины. Прибрежная часть памятника повреждена окопами периода Второй мировой войны. Несмотря на систематическое разрушение поселения, раскопки позволили выявить здесь два строительных периода и установить их хронологию. Существование поселения относится к IV–первой трети III в. до н.э., большая перестройка была осуществлена в последней четверти IV в. до н.э. Самый поздний материал – херсонесские клейма подгруппы 2А и синопское клеймо 3 группы – датируются 288–272 гг. до н.э.

На протяжении 2003–2007 гг. исследовалась прибрежная северо-восточная часть поселения (раскоп IV). Она не была затронута плантажной вспашкой, хотя определенные разрушения присутствуют и здесь, в частности, в культурный слой впущены средневековые погребения, а прибрежная часть поселения была разрушена при строительстве завода по разведению осетровых рыб. В этой части раскопа выделяются участки темного “гаревого” грунта высокой степени твердости с относительно малыми повреждениями, т. е. культурный слой не полностью разрушен. На глубине 0,48 м от нулевой точки были обнаружены остатки глиняного сооружения № 135 (предположительно, алтаря) второго строительного периода. Объект № 135 расположен почти на обрыве, в 2 м от берегового среза. К северу от него, в квадрате 71, на глубине 0,35–0,6 м прослежены сырцовые развалы и найдены обломки сырцовых кирпичей. К сожалению, невозможно определить размеры и форму постройки, внутри или рядом с которой находился глиняный алтарь. По-видимому, это помещение, как и соседнее наземное жилище, были разрушены пожаром, что и сохранило материалы *in situ*. Через соседние западные квадраты проходила широкая и глубокая траншея параллельно берегу, полностью разрушившая культурный слой.

Сохранившиеся размеры сооружения № 135 – 0,5х0,3 м, высота – 0,28 м, первоначальная форма не определяется. Верхняя часть сырцовой конструкции представляла собой прослойку обожженной глины толщиной около 2 см. Рядом с ним лежал раздавленный фигурный сосуд и

краснофигурный оксибаф во фрагментах. Под венчиком он имеет орнаментацию в виде небрежно выполненной лавровой ветви, а от основного изображения сохранился фрагмент грифона, имеющий дополнительное покрытие белой краской. По форме сосуд относится к типу второй половины IV в. до н.э.⁵ Небрежная роспись и сюжет также соответствуют последнему периоду существования краснофигурной вазописи. В ольвийском некрополе аналогичный оксибаф обнаружен в погребении второй половины IV в. до н.э.⁶, похожий сосуд из Керкинитиды датирован рубежом третьей и четвертой четвертей IV в. до н.э.⁷

Фигурный сосуд № 189/2005 имеет тулово, оттиснутое в форме, и верхнюю часть, выполненную на гончарном круге (рисунок выполнен С. Дяченко и А. Якубенко). Широкое горло слабо расширяется к заостренному венчику, уплощенно-треугольному в сечении, формой напоминая верхнюю часть кувшина без ручки. Тулово этого “двуликого” сосуда представляет собой две терракотовых маски, непосредственно соединенных друг с другом. Выпуклость верхней части масок создает округлость тулова. Технологически основная часть этого изделия является производением коропластики. Дно смоделировано путем загиба вниз каждой части внутрь, в результате чего получилась маленькая уплощенная площадка. Несмотря на небольшие размеры дна, сосуд устойчив.

Сосуд имеет высоту 23 см, внешний диаметр венчика 14 см, высоту горла 7,5 см. Он изготовлен из хорошо отмученной глины, содержащей единичные блестки слюды. Цвет его – желтовато-коричневый, тон светлый (Munsell, HUE 10YR: 7/4, 6/4, 7/6, 6/6). Внешняя поверхность горла и дна залощена. Рельефные маски Диониса и силена настолько четко оттиснуты и хорошо проработаны, что детали видны даже в тех местах, где поверхность отслоилась. Обожжены они до

твердости и “звонкости”, в большей степени, чем обычные терракотовые статуэтки. На масках сохранились остатки розовой краски в верхней части головы, на лице Диониса имеются участки довольно плотного слоя бордовой краски, а на губах прослеживается розоватый оттенок. Учитывая характер керамического теста и высокое качество исполнения сосуда, можно предположить, что изделие имеет аттическое происхождение.

Лицо Диониса строго, глаза подчеркнуты высоким рельефом, чувственные губы приоткрыты, врезными линиями показана волнистость прямоугольной бороды и длинных усов. Удивляют большие звериные уши торчком, но отмечено, что некоторые детали изображений спутников Диониса переносились и на него самого⁸. Лысый силен показан смеющимся, с высоко поднятыми бровями, морщиной на лбу. У него толстый курносый нос, высокие скулы, округлые щеки, длинные усы, соединяющиеся с волнистой бородой. Иконография соответствует образу Паппосилена на фигурном сосуде с Афинской агоры.⁹ Человеческое лицо дополнено звериными опущенными ушами.

Аттические фигурные сосуды, появившиеся в конце VI в. до н.э., получили особое распространение в конце V-IV вв. до н.э.¹⁰ На ранних сосудах “head-vase” тулово было оформлено в виде головы одного или двух персонажей, присутствовали изображения Диониса и сатиров.¹¹ На протяжении первых трех четвертей IV в. до н.э. в Аттике изготавливались сосуды, имевшие облик терракотовой статуэтки с горлышком и венчиком лекифа, ойнохои или амфориска, во второй четверти столетия они приобрели большие размеры и усложнились. Дно этих сосудов оформлено по-разному, но встречается и самый простой вариант, подобный нашему. Отмечается, что в большинстве сюжетов представлены Дионис и его свита, что связано с их votивной функцией и использованием в культовых церемониях.¹²

Аналогия сосуду не обнаружена, это не удивительно, поскольку фигурные сосуды выполняли в одной матрице один-два раза и по-разному дополняли деталями. Подобные пары на других изделиях встречаются: на фрагменте эрмитажной питаки на лицевой стороне изображена маска Диониса, на оборотной – силена.¹³ Отдельные изображения в терракоте найдены на многих памятниках, но полного совпадения иконографии не наблюдается. Рельефные маски сатиров представлены на канфарах, амфорах и даже на лепном сосуде, изготовленном для домашнего святилища¹⁴.

Изображения, представленные на рассматриваемом сосуде, связаны с культом Диониса, популярным среди сельского населения¹⁵. Поскольку фигурные сосуды и кратеры использовались в культовой практике, можно предположить, что обнаружены остатки домашнего святилища, но разрушение берега не позволяет уточнить археологическую

ситуацию. Тем не менее, сама эта находка позволяет воссоздать религиозные представления жителей Белозерского поселения, которые соответствуют греческим культам и обрядности. Следует также отметить сравнительно высокий уровень материального достатка семьи, в личном пользовании которой находился такой предмет. Несмотря на то, что Белозерское поселение находится на периферии сельской территории Ольвии, в устье Днепра, уклад жизни и духовная культура его обитателей соответствует античным стандартам.

¹ Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ). – М., 1997. – (Труды ГИМ, вып. 91). – С. 10-11.

² Williams E.R. Figurine Vases from the Athenian Agora // *Hesperia*. – 1987. – 47. – P. 361.

³ Буйских С.Б. Фигурные сосуды дионисийского круга из Золотого Мыса // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. – М., 2006. – С. 210, историография проблемы – С. 206-211.

⁴ Билкова В.П. До питання про східну межу сільської округи Ольвії в пізньокласичний-ранньоелліністичний час // *Археологія*. – 1994. – №3. – С. 19-29.

⁵ Breitfeld-von Eickstedt D. Beobachtungen zur Form und Entwicklung einer Vasengattung // *Athenian Potters and Painters: The Conference Proceedings*. – Oxford, 1997. – P. 59.

⁶ Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. – К., 1974. – С. 62, 147.

⁷ Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. – К., 2004. – Рис. 57, 2.

⁸ Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. – К., 1979. – С. 85.

⁹ Williams E.R. Ibid. – P. 285, pl. 93, № 24.

¹⁰ Брито́ва Н.Н. Греческая терракота. – М., 1969. – С.57.

¹¹ Biers W.R. Some Thoughts on the Origins of the Attic Head Vase // *Ancient Greek Art and Iconography*. – Madison, 1983. – P. 121.

¹² Williams E.R. Ibid. – P. 357-367.

¹³ Музы и маски: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. – СПб., 2005. – № 5.

¹⁴ Сорокина Н.П. Указ. соч. – М., 1997. – С. 49-50, 77.

¹⁵ Русяева А.С. Указ. соч. – С. 90; Carter J.C. Sanctuaries in the Chora of Metaponto // *Placing the Gods. Sanctuaries and Sacred Space in Ancient Greece*. – Oxford, 1994. – С. 193-198; Ильина Т.А. Терракотовая статуэтка Диониса с городища Чайка // *Материалы исследований городища “Чайка” в Северо-Западном Крыму*. – М., 2007. – С. 354-360.

И.И. Вдовиченко, Г.М. Николаенко (Симферополь, Украина)
**ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА
С БЛИЖНЕЙ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО**

В последнее время внимание исследователей вновь приковано к некоторым дискуссионным вопросам, связанным с созданием хоры Херсонесского государства, особенностями материальной и духовной культуры ее населения. В работах А.Н. Щеглова дана общая характеристика процесса и характера территориальной экспансии Херсонеса, описываются отдельные памятники юго-западного и северо-западного Крыма¹. Г.М. Николаенко², В.М. Зубарь³ подвели итоги изучения ближней хоры. Другие территории и поселения, принадлежавшие в IV-II вв. до н.э. Херсонесскому государству, охарактеризованы в работах С.Ю. Монахова, Е.Я. Рогова, Е.А. Поповой, С.А. Коваленко, Л. Ханнестада, В.Ф. Столбы⁴. В то же время, не все добытые в ходе археологических раскопок материалы опубликованы. Среди них и расписная керамика, которая может дать важные сведения о датировке памятников, укладе жизни, религиозных представлениях обитателей поселений и усадеб. Поэтому целью нашей работы является введение в научный оборот найденной на хоре Херсонеса эллинистической расписной керамики, как привозной, так и местного производства, характеризующей этапы развития хоры и время ее разрушения вследствие войн со скифами.

Эти материалы хранятся, в основном, в собраниях Эрмитажа, Национального заповедника «Херсонес Таврический», Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника, Евпаторийского краеведческого музея, Республиканского историко-археологического заповедника «Калос Лимен». Исследователи отмечают, что на территории ближней хоры находки расписной керамики нечасты. Она встречается на перешейке и наделах Маячного полуострова, на Гераклеяском полуострове в Карантинной балке и балке Бермана⁵. В фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический» хранятся находки из раскопок Н.М. Печенкина, археолога-любителя, который, вдохновленный гипотезой А.Л. Бертье-Делагарда о том, что на Маячном полуострове находился древний, или Страбонов Херсонес, произвел здесь археологические исследования. Из усадьбы №4 древнего земельного участка № 71⁶ происходит фрагмент стенки канфара инв. 15093 с каннелированным туловом (рис.1). Он имеет множество аналогий, в том числе и на афинской Агоре⁷. Такие сосуды датируются обычно первой четвертью IV в. до н.э. Размеры этого обломка – 4,1х3,2 см. Глина аттическая, хорошо отмученная, лак черный, блестящий. В верхней части сохранилась часть декора: ветвь плюща, нанесенная накладной жидкой глиной. Плоды переданы в рельефе, крупными строенными точками. Как

показали недавние исследования, для этого использовались специальные керамические шарики, которые вдавливались в поверхность сосуда до обжига, а затем покрывались краской, жидкой глиной или позолотой⁸. Этот вид декора использовался как на краснофигурных вазах раннего V в. до н.э., так и в более позднее время.

Исследования Гераклейского полуострова были продолжены в 20-х гг. XX в. С 1922 по 1927 гг. сотрудниками Севастопольского музея краеведения под руководством П.П. Бабенчикова проводилась инвентаризация памятников Гераклейского полуострова. Сотрудники музея (в большинстве это были школьники и студенты) составляли планы и описания сельскохозяйственных усадеб. Во время этих исследований была обнаружена и эллинистическая чернолаковая и расписная посуда⁹.

Из раскопок Ю.П. Гриневича в 1928 г. на Гераклейском полуострове происходит фрагмент открытого сосуда (инв. №.30212 размеры: 2,6х3,6 см) украшенного розеткой (накладные белая и охристая краски) и прочерченным орнаментом (рис.2). Розетки на керамике с декором West Slope распространены с 275 по 75 гг. до н.э., однако в сочетании с орнаментом, прочерченным по необожженной глине, они встречаются, в основном, во II в. до н.э.¹⁰. Фрагмент верхней части кратера (инв. 42/35348, размеры: 22,0х5,2, диам. венчика – 32 см; табл.3,13) с изображением дельфинов и пальметт на отогнутом крае венчика также может быть отнесен к середине II в. до н.э.¹¹ Оба сосуда – пергамского производства.

Возобновление исследований на памятниках сельскохозяйственной округи Херсонеса в 70-х гг. XX в. также выявило материалы эллинистического времени, в том числе и расписную керамику.

Во время раскопок Г.М. Николаенко и Е.Ф. Олениной в 1978-80 гг. на Гераклейском полуострове (усадьба 39а) был найден фрагмент венчика кратера с изображением ветви плюща на венчике (инв. 39/37030, размеры: 10,5х5,2 см; рис.4). Плеть прочерчена, листья нанесены жидкой глиной. Глина розовая со светлыми включениями, черный тусклый лак. Возможно пергамское производство. Аналогичный орнамент – на скифосе из Коринфа, который относится к последней трети III в. до н.э.¹² Верхняя часть фрагментированного эллинистического канфара (инв. 18/37030; размеры: 5,8х2,6 см; рис.5) украшена орнаментом типа West Slope. Это гирлянда из миниатюрных гроздей винограда (нанесены жидкой глиной по черному лаку), укрепленных на ленте (белая накладная краска). Такие сосуды встречаются повсеместно¹³ и датируются второй четвертью III в. до н.э. Глина бежевого оттенка, хорошо отмученная, блестящий черный лак отличного качества. Канфар этого же типа (инв. 46/37030, высота 9,3 см, диам. венчика – 6, см, диам. поддона – 4,5; диам. тулова – 8,5 см; рис.6). Глина красноватая, рыхлая с включением белых частиц. Лак тусклый черный, в нижней части сосуда – коричневато-рыжего цвета.

Орнамент в виде гирлянды из лотосов был нанесен на поверхность вначале более темным по цвету лаком, а поверх него – накладными красками – белой (тени) и бежевой (бутоны). Накладные краски почти полностью осыпались, сохранились только около ручек сосуда. Возможно местное производство. Точные аналогии форме сосуда нам не известны, наиболее близки сосуды с афинской Агоры, которые относятся ко второй четверти III в. до н.э.¹⁴, однако общий огрубленный контур сосуда, небрежное исполнение орнамента позволяют отнести его к более позднему времени – ко второй половине III в. н.э.

Во время раскопок Л.А. Ковалевской в 1988-89 гг. на усадьбе-наделе 341 был найден фрагмент лагиноса (инв. 9/37161, размеры: 9,1х6,1 см; рис.7). Глина светло-коричневая, хорошо отмученная с небольшими светлыми включениями. Поверх желтой плотной обмазки светло-коричневым и золотистым лаком нанесен орнамент – гирлянды и венки, тени. Скорее всего, это часть распространенной композиции, в которую, наряду с венками и гирляндами, включены музыкальные инструменты. Аналогичные сосуды встречаются повсеместно, в том числе, и в Северном Причерноморье¹⁵, датируются второй половиной II – началом I в. до н.э.¹⁶ Возможно, происходит из мастерских о. Делос.

Расписная керамика найдена во время раскопок Г.М. Николаенко поселения на берегу Казачьей бухты на Маячном полуострове. В 1997 г. были найдены канфары классического типа с простым венчиком с декором West Slope. Один из них (инв. 11/37311, размеры: выс.9,9 см, диам. венчика – 5,3 см, диам. тулова – 7,9 см; рис.8), с каннелированным туловом, склеен из 6 обломков, украшен изображением вьющейся плети плюща. Изображение, нанесенное белой накладной краской и жидкой глиной, почти полностью стерлось. Глина хорошо отмученная, розовато-бежевая, аттическая, лак черный, тусклый. Форма сосуда близка канфарам с афинской Агоры №№26-29¹⁷, которые датируются 286-275 гг. до н.э. Второй сосуд (инв.1/37323, размеры :выс. – 11,7 см, диам. венчика – 7,2 см, диам. поддона – 4,2 см, диам. тулова – 6,9, в нижней части – 7, 7 см; рис.9) с гладким туловом также украшен плющевым орнаментом. Однако здесь используется врезной орнамент (так показана плеть), листья и плоды прорисованы накладной глиной. Аналогичные по форме канфары (№№23,24) найдены на афинской Агоре, где они датируются 275-260 гг. до н.э., в гробницах Верии¹⁸ в комплексе с монетами 277- 239 гг. до н.э.

Здесь же в 1999 г. были найдены фрагменты канфаров. На одном из них (18/37340, размеры 5,8х2,6 см, рис.10) изображена гирлянда из бутонов лотоса на ленте (прочерчена по поверхности глины). Глина красноватая с мелкими светлыми включениями, лак черный, тусклый. Такие орнаменты встречаются на разных типах сосудов, произведенных в самых различных центрах¹⁹. Они датируются обычно серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. Возможно, к такому же типу эллинистических

канфаров относится фрагмент (инв. 17/37340, размеры 3,5х4,0 см, рис.11) с изображением веточки мирта. Ветвь нанесена белой накладной краской (осыпалась), листочки – жидкой глиной.

В 2003 г. найдены фрагменты местной расписной эллинистической керамики. Это обломки кувшинов и, возможно, кубков (инв. 11,29/37392, размеры: 4,2х2,9;5,2х3,0;9,0х4,1 см;4,5х3,7 см;5,1х3,5 см;3,9х2,2 см;3,4х2,2 см;4,2х3,1 см; рис.12). Их глина плотная, красноватая, насыщена многочисленными известковыми частицами. Поверхность покрыта плотным белым ангобом, поверх которого нанесен красной краской простой орнамент – полосы, веточки, гирлянды. Такой способ декора был популярен в первой половине – середине III в. до н.э. Так, орнамент в виде веточек с плотно прилегающими листочками часто встречается на так называемых кипрских амфорах²⁰, которые датируются началом III в. до н.э. Для керамики Гадра (Laurel Group), которая датируется около 260-240 гг. до н.э., характерны растительные орнаменты, гирлянды, нанесенные по светлому ангобу накладными красками. Часть орнамента в виде противопоставленных гирлянд, нанесенных красновато-коричневой краской, сохранился на фрагменте горловины закрытого сосуда. Такой декор обычен для гидрий. На другом обломке – центральная часть такого же орнамента, где соединяются листочки двух гирлянд²¹.

Таким образом, несмотря на немногочисленность находок расписной керамики на поселениях хоры, нужно отметить ее достаточно разнообразный типологический состав – представлены кратеры, лагинос (кувшин, из которого разливали вино), сосуды для питья (канфары). Интересна и довольно разнообразна группа местной расписной керамики

Это характеризует быт и культурные традиции населения греческого или очень эллинизированного. Наиболее ранние образцы относятся к концу IV – началу III в. до н.э., поздние – к рубежу II-I вв. до н.э. Наибольшее количество расписной керамики относится к первой половине – середине III в. до н.э. Это позволяет говорить о непрерывности существования хоры, расцвет которой приходится на вторую половину IV-III в. до н.э.

15093

Рис. 1

Рис. 2

30212

42/35348

Рис. 3

Рис. 4 39/37030

18/37030

Рис. 5

9/37161
Рис. 7

46/37030
Рис. 6

Рис. 8

11/37311

Рис. 9

1/37323

Рис. 10

Рис. 11

17/37340

Рис. 12

11,29/37392

Примечания:

¹ Щеглов А.Н. Полис и хора. – Симферополь, 1976; Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Л., 1978; Щеглов А.Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С.10-38; Щеглов А.Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: Траншея 1967 г. в вершине Казачьей бухты // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2000. – Вып.2. – С.53-77

² Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического // Античные памятники Крыма. – К., 2004. – 83 с.

³ Зубарь В.М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове. История раскопок и некоторые итоги. – К., 2007. – 317 с.

⁴ Монахов С.Ю., Рогов Е.Я. Керамические комплексы некрополя Панское I // Античный мир и археология. – Саратов, 1990. – С. 122-151; Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму по материалам Чайкинского городища). – М., 2005; Hannestad L., Stolba V.F., Ščeglov A.N. Panskoye I. The Monumental Building U6. – Aarhus, 2002. – Vol. I.

⁵ Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического // Античные памятники Крыма. – К., 2004. – С. 208.

⁶ Стржецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического // Хсб. – 1961. – Вып.6. – С. 39-40, прим. 1-4

⁷ Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials // The Athenian Agora. – Princeton. New Jersey, 1997. – V. XXIX. – P. 244-245, №№28-31

⁸ Cohen B., Lapatin K. Colors of Clay. – Los Angeles-Malibu, 2006. – P.114-115, 144-145

⁹ Вдовиченко И.И. Севастопольский музей краеведения // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. – Москва, 1994. – С.63-69; Вдовиченко И.И. Коллекция расписной керамики Бахчисарайского государственного историко-культурного музея-заповедника // Сборник научных трудов БГИКЗ. – Симферополь, 2001. – вып. II. – С.14-25; Зубарь В.М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове. История раскопок и некоторые итоги. – К., 2007. – С.18

¹⁰ Στριτσίδου Α. Κεραμική με διακόσμο Διτικής Κλίτος; Ζητήματα χρονολόγησης και θεματολογίου. – Θεσσαλονίκη, 2004. – Σ.41, πιν.21^α

¹¹ Στριτσίδου Α. Κεραμική με διακόσμο Διτικής Κλίτος; Ζητήματα χρονολόγησης και θεματολογίου. – Θεσσαλονίκη, 2004. – Σ.111, πιν.14β; Забелина В.С. Расписная керамика эллинистического времени из раскопок Пантикапея 1945-1974 гг. – М., 1992. – С.284-297, рис.3

¹² Στριτσίδου Α. Κεραμική με διακόσμο Διτικής Κλίτος; Ζητήματα χρονολόγησης και θεματολογίου. – Θεσσαλονίκη, 2004. – Σ.119, πιν.42β

¹³ Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials // The Athenian Agora. – Princeton. New Jersey, 1997. – V. XXIX. – №192; Μπάτζιου-Εθσταθίου Α., Ζήζα Ε. Αποθέτες απο το ανάκτορο Δημητριάδος // ΣΤ' Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Βόλος 17-23 Απρίλιου 2000. – Αθήνα, 2004. – Σ.41, πιν.α,β

¹⁴ Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials // The Athenian Agora. – Princeton. New Jersey, 1997. – V. XXIX. – P. 262, № 194,195

¹⁵ Забелина В.С. Расписная керамика эллинистического времени из раскопок Пантикапея 1945-1974 гг. – М., 1992. – С. 290

¹⁶ Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials // The Athenian Agora. – Princeton. New Jersey, 1997. – V. XXIX. – P. 390, №1504, 1505

¹⁷ Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials // The Athenian Agora. – Princeton. New Jersey, 1997. – V. XXIX. – P.244

¹⁸ Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials // The Athenian Agora. – Princeton. New Jersey, 1997. – V. XXIX. –

P. 244; Δρούγου Σ., Τουρατσόγλου Γ. Ελληνιστικοί λαξευτοί τάφοι Βέροιας. – Αθήναι, 1980. – Σ.100

¹⁹ Μπάτζιου-Εθσταθίου Α., Ζηίζα Ε. Αποθέτες απο το ανάκτορο Δημητριάδος // ΣΤ' Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Βόλος 17-23 Απρίλιου 2000. – Αθήνα, 2004. – Σ. 41, πιν.α,β.; Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials // The Athenian Agora. – Princeton. New Jersey, 1997. – V. XXIX. – P. 293,262 (№188); Забелина В.С. Расписная керамика эллинистического времени из раскопок Пантикапея 1945-1974 гг. – М., 1992. – С. 288, рис.3а

²⁰ ΘΕΜΕΛΗΣ Π. Γ. ΤΟΥΤΑΤΣΟΓΛΟΥ Γ.Π. ΟΙ ΤΑΦΟΙ ΤΟΥ ΔΕΡΩΝΕΙΟΥ. – ΑΘΗΝΑ, 1997. – Σ.37,38

²¹ Εγγλέζου Μ. Μελανόγραφα αγγεία της κατηγορίας Hadra από το εργαστήριο της “δάφνης” στην περιοχή της Φαισού // ΣΤ' Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Βόλος 17-23 Απρίλιου 2000.–Αθήνα, 2004. – Σ.334-335, πιν. 137,133

Ε.В. Вдовченко (Ростов-на-Дону, Россия) **ΤΑΝΑΙΤΕΣ ΚΑΙ ΒΟΣΠΟΡ**

Во второй половине II н.э. в Танаисе появляется новая категория населения – танаиты (ταναιται). О характере этой группы идут споры. В них видят смешанную этническую группу, образовавшую новую общину в Танаисе¹. Танаиты и их архонты упоминаются одновременно с эллинами и эллинархами. Данные ономастики позволяют нам прийти к выводу о том, что основная часть танаитов была ираноязычной (сармато-аланской) и происходила из варварского мира. Археологические раскопки некрополя Танаиса выявили группу сарматского происхождения. Для этой группы характерны погребения с ориентировкой в северный сектор, ямы с подбоем, наличие подсыпки в могилах из мела, реальгара, а также положение рук погребенного на тазовых костях. К этому же времени относятся комплексы с деформированными черепами². Мы вполне можем соотнести подобные погребения с ταναιται надписей. Об иранском присутствии говорит еще одна яркая черта – появление в Танаисе многочисленных тамгообразных знаков³.

Кто же эти танаиты? Античные авторы упоминают племя танаитов, жившее у реки Танаиса. Но эти сообщения относятся ко второй половине I в. до н.э. – I в. н.э.⁴ Трудно сказать, насколько соотносятся племя танаитов с танаитами Танаиса. Для решения проблемы танаитов города Танаиса следует обратиться к общей ситуации в Нижнем Подонье второй половины II – начала III вв. н.э.

После разгрома города в середине II н.э. позднесарматскими племенами⁵ Боспор приступил к его восстановлению. Проводится активное строительство оборонительных сооружений, которое по надписям фиксируется в течение продолжительного времени с 162 по 236

гг. (КБН 1241-1244, 1246-1252, 1256, 1257). Неслучайно, видимо, со второй половины II н.э. в Танаисе присутствует царский пресбевт – посол-легат, наместник царя, играющий видную роль в управлении городом. Главной его функцией следует признать военную, тем более что упоминания пресбевта чаще всего связаны с надписями о восстановлении оборонительных укреплений. Пресбевты как главы городов присутствовали только в Танаисе, что говорит о его особом значении. Особый статус Танаиса в структуре Боспорского государства определялся не фактом позднего вхождения и не отдаленностью⁶, а в первую очередь военной значимостью города. Он находился на важнейшем в военно-стратегическом отношении участке, рядом с главным политическим центром племен среднесарматской и позднесарматской культур. Поблизости находились также нижнедонские городища, населенные меотами. Трудно переоценить значение этого города в военной системе Боспора.

С политикой усиления военного потенциала Танаиса следует, видимо, связать появление танаитов. По нашему мнению, танаиты – это группировка, набираемая из местных, преимущественно ираноязычных племен для несения военной службы. Трудно предположить, в общем, иную цель привлечения сарматов в Танаис⁷. О военном характере этой группировки говорят и имена сарматов. Анализ танаисской ономастики позволяет узнать профессии или социальный статус сарматов Нижнего Дона⁸. Об их занятиях говорят имена «строитель», «кожевник», «медовар». Имя, означающее «носитель небесного слова», принадлежало, судя по всему, жрецу. Однако среди этих имен преобладают имена, связанные с военным делом. Имена «любимый дружиной», «князь», «имеющий избыток коней» принадлежали представителям знати. О наличии дружинной прослойки говорят имена «имеющий силу 10 мужей», «стальной Ас», «попирающий стрелой».

Военные отряды, набираемые из иранской среды, могли использоваться Боспором для решения своих задач на всех границах – как в европейском, так и в азиатском Боспоре. Расположение Танаиса на границе Европы и Азии позволяло это делать весьма успешно. Может быть, неслучайна победа Савромата II над своими врагами – сираками, скифами и пиратами на море, отмеченная в надписи 193 г. (КБН 1237). Насколько она связана с появлением танаитов в последней четверти II в. н.э. в Танаисе и усилением военной мощи Боспора?

Положение танаитов может прояснить анализ проблемы аспургиан. Аспургиане – выходцы из сарматского мира, расселившиеся на восточной границе Боспора, между Фанагорией и Горгиппией, скорее всего в правление Асандра, и несущие военную службу⁹. В.А. Горончаровский считает их катафрактариями. Аспургианам рубежа эр посвящены ряд детальных исследований¹⁰. Следует обратить внимание на

то, что аспургиане фигурируют в надписях начала III в. н.э. Интересна случайная находка в Азове надписи: «Зенон, наместник Рескупориса у аспургиан¹¹»¹². Об аспургианах в эпоху правления Рескупориды (правил в 211/212-228/229 гг.) говорится и в надписи КБН 1248 (надпись датируется приблизительно 220 г.). Примечательно, что пресбевт царя Зенон, сын Фанна, одновременно выполнял функции начальника аспургиан, что говорит о значении этой должности. Две надписи с Нижнего Дона, упоминающие аспургиан, наводят на мысль, что аспургиане могли находиться и в этом регионе, а не только на азиатском Боспоре, как это было на рубеже эр. Можно даже предположить определенное тождество аспургиан и танаитов, но этот тезис пока повисает в воздухе. Вопрос об аспургианах нельзя решить в связи с отсутствием информации.

Связь между появлением пресбевта в Танаисе и общины танаитов уже отмечена Н.В. Завойкиной¹³. Для дальнейшего исследования танаитов весьма перспективно сопоставить археологические данные со сведениями эпиграфики и попытаться найти археологические следы танаитов. Не обязательно при этом их погребения находятся в некрополе Танаиса. Для выходцев из сарматского мира могли быть более предпочтительными погребения в своих племенных могильниках.

Очень интересна серия «дружинных» погребений II-III вв. н.э. на левобережье Нижнего Дона, типичных для раннего этапа позднесарматской культуры. К ним можно отнести группу памятников Доно-Кагальницкого курганного массива¹⁴, могильник Кугейская падь – II¹⁵, а также Валовый могильник на правобережье. Для этих комплексов характерен стандартизированный военный набор – длинные мечи без металлического навершия, кинжалы, поясные наборы, конская упряжь. Подобные наборы позднесарматского времени находят на территории от Урала до Дуная, но Нижний Дон – место их концентрации¹⁶.

Опираясь на антропологические данные, М.А. Балабанова попыталась реконструировать социальную организацию поздних сарматов¹⁷. Наличие группы с большим количеством травм (прослеживаемых на 70% мужских костяков) и следами чрезвычайных физических и психо-эмоциональных нагрузок наталкивает исследовательницу на мысли о существовании военных дружин у поздних сарматов. Эта информация согласуется с археологическими данными. В среде поздних сарматов практиковался обычай – искусственной деформации черепа¹⁸, который был, видимо, значимым социальным маркером. Вывод М.А. Балабановой¹⁹ представляется слишком конкретным и требующим дополнительной работы со всем видами источников.

Невыяснен в настоящее время вопрос о степени присутствия Рима в Танаисе. Пока нет надписей, говорящих о присутствии римских подразделений в городе. Но некоторые находки позволяют прийти к

выводу, что Рим играл более важную роль в регионе, чем принято было думать до сих пор. На плитах фиасов изображены орлы (один или пара) – распространенное у римлян изображение (КБН 1260, 1261, 1277, 1281, 1285). В Танаисе найдена терракота римского воина и терракотовый орел – символ римских легионов. Планировка самого Танаиса напоминает планировку римских лагерей и крепостей²⁰. Г.А. Цветаева даже называет систему оборонительных укреплений Танаиса и нижнедонских городищ Танаисским лимесом²¹. Что это – следы римского присутствия или только римского влияния²²? Сейчас на этот вопрос трудно ответить однозначно.

Еще одна проблема, которую нельзя не затронуть при анализе танаитов – фиасы. Существует обширная литература по фиасам и культам, упоминаемым в списках фиасов, особенно по культу Бога Высочайшего. Среди разных точек зрения нам интересна, прежде всего, та идея, что фиасы – это военно-религиозные объединения²³. На эту мысль наталкивает факт отсутствия женщин в списках фиасов, а также изображение пантикапейских фиасотов на надгробных стелах в виде воинов. Но это предположение нуждается в дальнейшем обосновании.

¹ Завойкина Н.В. *Танаиты в истории Боспорского царства* // Древности Боспора. Вып. 7. – М., 2004. – С. 167-168.

² Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955-1958 гг.). – М., 1961. – С. 94; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. – С. 236-239, 248.

³ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон... – С. 240.

⁴ Завойкина Н.В. *Танаиты в истории Боспорского царства*. – С. 169-170.

⁵ Внуков С.Ю. Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье // ВДИ. – 2007. – №4. – С. 168.

⁶ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон... – С. 264.

⁷ Н.В. Завойкина говорит о включении варваров в состав полисной структуры Танаиса для укрепления города и борьбы с враждебными племенами: Завойкина Н.В. *Танаиты в истории Боспорского царства*. – С. 167. Наделение гражданскими правами и военной службой, наверное, были взаимообусловлены.

⁸ Яценко С.А. Имена аланов из Танаисов второй половины II – первой половины III в. н.э. как исторический источник // Донская археология. – 1998. - № 1. – С. 54-55; Абаев В.И. Словарь скифских слов // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. – М. 1979.

⁹ Горончаровский В.А. Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н.э. – середине III в. н.э. Автореферат дисс. ... док. ист. наук. – СПб., 2005. – С. 11.

¹⁰ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. – М., 2002. – С. 131 сл.; Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. Вып. 143. – 1975. – С. 21-30; Горончаровский В.А. Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII-I вв. до н.э.): Таманская старина. Вып. 3. – СПб., 2000. – С. 54-58.

¹¹ Другой вариант прочтения этого слова - «скоргиан».

- ¹² Савельев Е.П. Археологические очерки Дона. Вып. II. – Новочеркасск, 1929. – С. 15. Комментарии по поводу надписи и привязка ее к Танаису см. Бойко А.Л. К вопросу о аспургиянах III в. н.э. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 11. – Азов, 1993. – С. 100-104.
- ¹³ Завойкина Н.В. *Ταναίτις* в истории Боспорского царства. – С. 168-169.
- ¹⁴ Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. – Азов, 1997. – С. 134.
- ¹⁵ Бойко А.Л. Новый могильник позднесарматского времени на Нижнем Дону // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). – К., 1991. – С. 214.
- ¹⁶ Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение... – С.137-138.
- ¹⁷ Балабанова М.А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. – 2003. – Вып. 6. – С. 66-88.
- ¹⁸ Около 70 % черепов поздних сарматов Нижнего Поволжья имеют следы деформации: Балабанова М.А. Указ. соч. – С. 70.
- ¹⁹ «Таким образом, ко II-IV вв. н.э. формируется аланский союз, который первоначально был организован по типу мужских союзов с резко милитаризованной направленностью, включая иноплеменной состав» Балабанова М.А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов... – С.75.
- ²⁰ Цветаева Г.А. Боспор и Рим. – М., 1979. – С. 44.
- ²¹ Указ. соч. – С. 45-46, рис. 14.
- ²² Горончаровский В.А. Военное дело и военно-политическая история Боспора... – С. 14; Цветаева Г.А. Боспор и Рим. – С. 34.
- ²³ Блаватский В.Д. Пантикапей. – М., 1964; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон... – С. 276.

І.С. Горнова (Одеса, Україна)

«ХРОНОГРАФІЯ» МИХАЇЛА ПСЕЛЛА: ІСТОРІЯ ВІДКРИТТЯ ПЕРШОДЖЕРЕЛА

Творча спадщина Михаїла Пселла представлена надзвичайно різноманітно, що не є характерним для діяча середньовіччя. В його творах міститься простора панорама поглядів і ідей, що відбивають візантійську дійсність XI ст. й дають істориків рідку можливість для досить докладного й глибокого вивчення візантійського суспільства. Саме в спадщині Пселла, особливо в головній праці цього видатного середньовічного мислителя - «Хронографії», містяться численні безцінні свідчення, що дозволяють реконструювати різні сторони з життя візантійського суспільства й дають можливість судити про соціальний і, особливо, політичний устрій Візантійської імперії. Проблемний характер «Хронографії» відомий кожному вченому, що використовував цей твір при дослідженні історії Візантії. І однією з таких проблем є питання про

походження першоджерела. Тільки після його остаточного розв'язання можна переходити до вирішення проблем, пов'язаних із семантикою всього твору.

«Хронографія» збереглась до наших днів у єдиному повному рукописі. Це список XII ст., що був зроблений неосвіченим каліграфом і зараз знаходиться в Паризькій Національній бібліотеці. Відомі також фрагменти "Хронографії", що дійшли до нашого часу. Так, російський вчений Я.М. Любарський при перекладі останніх глав «Хронографії» російською мовою враховував читання новознайденого фрагменту цього твору (рукопис Синайського монастиря св. Катерини, №1117)¹. Також є відомості про вивчення американським вченим Кеном Снайпсом знайденого ним нового списку рукопису „Хронографії”². Але смерть цього дослідника залишила його працю незавершеною.

Відомо, що раніше існували й інші рукописи „Хронографії”. Так, Джон Багнелл Барі надає відомості про три списки цієї історичної праці, що існували за часів середньовіччя³. Один з цих манускриптів існував до кінця XVII ст. Його дослідження ієрусалимським патріархом Досіфеєм та залишені ним записи показали, що цей екземпляр відрізняється від того, що є доступним для нас зараз.

Два інші манускрипти існували в бібліотеці сучасного міста Текірдаг у Турції до середини XVI ст. Відомості про них містилися в каталозі, який австрійський посол, фламандець за походженням, Ог'єр де Бусбек привіз до Відня. В 1554 р. король Австрії Фердинанд відправив його до Константинополю залагоджувати конфлікт з турецьким султаном Сулейманом щодо земель Трансильванії. Бусбек був пристрасним колекціонером манускриптів, монет та всіх предметів давнини, і саме він залишив нам відомості про склад Текірдагської бібліотеки⁴.

Але, за невідомих обставин, Текірдагська бібліотека зникла. Ця прикра подія позбавила сучасників не тільки історичних манускриптів Пселла, але й творів багатьох його сучасників⁵.

Таким чином, у розпорядженні дослідників залишився єдиний безцінний відносно повний екземпляр „Хронографії”. Як вже було сказано, він зберігається у Паризькій Національній бібліотеці в кодексі під номером 1712. Цей корпус охоплює джерела з візантійської історії, що викладають події з часів утворення Візантійської імперії і до правління Михаїла VII. Окрім праці Михаїла Пселла, до нього входять твори Симеона Логофета та Лева Диякона. Кодекс 1712, що зберігається в Національній (спочатку № 2563 Королівської бібліотеки в Парижі), складається з 430 аркушів, з них 422 пергаментних і вісім паперових. При цьому перші шість і останні десять аркушів відносяться до більш пізнього часу, приблизно до кінця XV ст., тоді як аркуші 7-420 палеографічно характерні для XII-XIII ст. Стародавній кодекс був у поганому стані, і в

XV в. перші й останні аркуші були підновлені, причому до збірника були додані дрібні статті.

Починається кодекс текстом, що охоплює 422 аркуша. Перші аркуші присвячені всесвітнім соборам, на п'ятому аркуші поміщена невелика хроніка подій - від Адама до Флорентійської унії. Аркуші із шостого по дванадцятий займає хроніка Симеона Логофета з написом "це Метафраст". Аркуші із тринадцятого по вісімнадцятий – це оповідання про будівлю храму св. Софії. Власне, історична частина кодексу починається з вісімнадцятого аркуша. Аж до 272-го аркуша йде "Анонімна хроніка" – від Адама до середини правління Романа II (959-961), складена на підставі різних джерел. Хронологічно вона прямо примикає до "Історії" Лева Диякона, що слідує далі.

Складається враження, що весь кодекс є за задумом замовника таким збірником, що представляє собою зв'язну історію Візантії до останньої чверті XI в. Починаючи з 272-го до 322-го аркуша в кодексі поміщена "Історія" Лева Диякона, після якої, примикаючи до неї як її продовження, йде "Хронографія" Михаїла Пселла, яка охоплює період від Василя II до Костянтина X Дуки. Два останніх аркуші хроніки підновлені тією ж рукою, що виявляється й на шостому аркуші хроніки Симеона Логофета. Останні сторінки з аркуша 424 зайняті ітінерарієм (від Кіпру до Тавриза) кінця XV ст., твором про військовий лад військ Мехмеда II, коротким оглядом подій від Адама, а також запискою про облогу Константинополя в 1422 р. Закінчується кодекс короткими повідомленнями про прагнення французького короля Карла VIII (1483-1498) відвоювати Константинополь у турків, про битву 1463 р., яка відбувалася між венеціанцями й турками, а також про будівлю храму св. Марка у Венеції. Водяний знак останніх аркушів рукопису відповідає розповсюдженому на початку XVI ст. у Західній Європі.

Вся основна частина рукопису (крім початкових шести й кінцевих десяти аркушів), тобто закінчення хроніки Симеона Логофета, анонімна хроніка, повний текст "Історії" Лева Диякона й майже вся "Хронографія" Михаїла Пселла – аж до аркуша 420 – написана однією рукою.

Кодекс 1712 став доступним вченим тільки з XVII ст., коли з'явилися каталоги рукописів Королівської Паризької бібліотеки. Спочатку, очевидно, рукопис перебував в Константинополі до заняття його турками⁶. Потім, за невідомих обставин, кодекс був розділений на окремі частини і «Хронографія» починає свій окремий шлях по приватним колекціям аж до возз'єднання всіх частин кодексу в XVII ст.

Історія появи цього рукопису у сховищах Паризької бібліотеки демонструє, що його значення було зрозуміле сучасникам ще за часів середньовіччя. Цей манускрипт був привезений до Італії нумізматом та бібліофілом Б. Рафаелем Трічетом, що більш відомий як видавець трактатів Леонардо да Вінчі, а також як видавець першої анотованої

бібліографії з історії мистецтва⁷. Потім він передав цей рукопис домініканському монаху Франциску Комбефізу (1605-1697), який використав його в своєму описі Константинополю. Рукопис фігурував під номером XVI серед сорока грецьких манускриптів колекції Трічета та позначений у каталозі під неточною назвою: *Chronica collecta ex dirersis auctoribus per Simeonem Logothetam*. Після смерті Трічета, його вдова продала всю колекцію Кольберу, міністру фінансів Людовика XIV, який і помістив її у королівську бібліотеку (*La Bibliothèque Royale*)⁸. Від середини XVII ст. у Франції візантиністика переживала перший період розквіту. Наукова діяльність при дворі за Людовика XIV мала дуже вагомий здобутки в цій сфері. Досі безсистемна видавнича робота була підпорядкована раціональному планові, дедалі активнішою ставала пошквплена і плідна дослідницька діяльність. Саме до цього часу відноситься початок активного вивчення творчості Михайла Пселла.

Отже, не тільки зміст, але й історія збереження й вивчення «Хронографії» представляє самостійну дослідницьку цінність. Являючи собою ланцюг надзвичайних подій, ці «пригоди» рукописного тексту створюють особливу ауру, що змушує історика з великою пошаною торкатися сторінок стародавнього манускрипту, що зараз є доступним у перекладі на значну кількість світових мов.

Примітки:

¹ Любарский Я.Н. Историограф Михаил Пселл // Хронография. – М., 1978. – С .232.

² Там само. -С.233.

³ The History of Psellos / ed. by C. Sathas. – L., 1899. – P.8.

⁴ www.fordham.edu/halsall/mod/1555busbecq.html

⁵ The History of Psellos. – P. 9.

⁶ Сюзюмов М.Я. Лев Диакон и его время // Социальное развитие Византии. – Сведловск, 1979. – С. 61.

⁷ www.dictionaryofarthistorians.org

⁸ The History of Psellos. – P. 10.

А.В. Гудкова (Одесса, Украина)

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СТЕПЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Цель настоящей статьи – сравнение, в хронологическом аспекте, археологических данных о существовании в Северо-Западном Причерноморье черняховской культуры с широко известными историческими событиями. Основой для этого служит создание общей картины датировок раскапывавшихся черняховских памятников. За последние лет двадцать фактологическая база для этого практически не

возросла. Все, что излагается ниже, базируется на хорошо известных фактах.

Черняховские памятники в степях представляют собой вариант черняховской культуры, который состоит из двух территориальных групп, имеющих некоторые различия, в том числе и хронологические¹. Одна группа, восточная, локализуется в степях междуречья Днестра и Дуная, другая, западная, – в Буджакской степи в низовьях Днестра, Дуная и Прута. На обеих территориях раскапывалось, примерно, одинаковое число памятников, что делает сопоставление материалов с этих двух территорий вполне правомочным. В лесостепи ее формирование и развитие происходило в мирных условиях, в степи же вся середина III в. – это период войн варваров с Римской империей. Кроме того, здесь нет никаких четких и однозначных археологических свидетельств о формировании культуры на этой территории. Она появляется в Причерноморье в уже сложившемся виде.

Совершенно очевидно, что для дальнейших рассуждений необходимо определить, насколько возможно узко, время появления в степях носителей черняховской культуры. По археологическим данным вырисовывается следующая картина. На могильнике Каборга IV найдена в погребении 21 единственная вещь этого времени – подвязная прогнутая фибула варианта 1 по А.К. Амброзу, который отнес такие фибулы ко второй половине II – большей части III в.² За время, прошедшее с момента появления его работы, возможность столь ранней датировки таких фибул в ранних черняховских комплексах не подтвердилась. Е.Л. Гороховский полагает, что они являются в черняховской культуре диагностирующими для второй трети – третьей четверти III в. Погребение же 21 он отнес ко второй фазе черняховской культуры (последняя треть III – первая треть IV в.³ На могильнике Каменка Днепроvская многие авторы выделяли датированные материалы III в. Этот вопрос подробно проанализирован автором⁴ На основе новейших хронологических исследований выяснилось, что эти определения не могут быть приняты. Если и может идти речь о возникновении могильника в III в., то только в самом его конце. На могильнике Коблево представлено некоторое количество вещей последней трети или даже четверти этого века. В погребениях 7 и 20 найдены две однотипные безщитковые пряжки, овальнорамчатые без утолщения переднего края. Их язычки слабо загнуты и не имеют ни прогиба, ни уступа сзади. На основе этих признаков Е.Л. Гороховский⁵ полагает, что они характерны для второй фазы черняховской культуры (270-330 гг.). Из погребения 17 происходит бронзовая прогнутая подвязная фибула первого варианта первой серии по А.К. Амброзу. Такие фибулы датируются в пределах второй трети – третьей четверти III в.⁶ В захоронении 26 обнаружены гребень с полукруглой спинкой типа IB1 по Г.Ф. Никитиной⁷ второй половины III-IV в. и краснолаковый кувшин,

который Э.А. Сымонович отнес по аналогии с кувшином из Танаиса к III в.⁸ В погребении 25 найдена верхняя часть стеклянного кубка типа Ковалк. Э.А. Сымонович полагал, что он не мог существовать позднее III в.⁹ По мнению Х. Рау, сосуды этого типа были распространены в конце III – начале IV в.¹⁰ Все остальные датирующие материалы с могильника относятся к IV в. Таким образом, он мог начать функционировать не ранее последних десятилетий III в.

В Буджаке материалы конца III – начала IV в. практически отсутствуют¹¹. Только на поселении Главаны I найдена фибула этого времени и, возможно, фрагменты танаисских амфор. Нельзя принять предложенную Б.В. Магомедовым датировку начала жизни на поселении Чабановка II на Будаком лимане с первой половины III в. на основании того, что он нашел в его слое дно амфоры «танаисского» типа¹². Датировка этих амфор на современном уровне знаний не исключает первой половины IV в.¹³ На тех памятниках Буджака, где материалы позволяют расчленить IV в., речь всегда идет не ранее, чем о его середине.

Итак, появление черняховской культуры в степи между Днепром и Днестром археологически документируется не ранее, чем с последних десятилетий или даже конца III в., а в Буджаке и того поздней, с середины (или ок. того) IV в. Однако это определение не однозначно. Материалы, которые могут указывать на III в., характерны одновременно как для последних десятилетий III в., так и для первых – IV в. Следует так же подчеркнуть, что количество таких ранних вещей и памятников, на которых они присутствуют, очень невелико. Таким образом, временной отрезок для наших наблюдений определяется довольно четко и лежит в пределах IV в. Памятники Буджака позволяют выделить явления середины – второй половины этого века и, видимо, начала V в.

Обычно полагают, что распространение черняховской культуры в степях Причерноморья хорошо документируется по письменным источникам и связано с появлением здесь огромного количества разнородного подвижного варварского населения, что привело к началу «готских» или «скифских» войн варваров с Римской империей. Они длились с тридцатых до семидесятых годов III в. Само определение войн как готских свидетельствует, что готы были, как минимум, весьма значимой частью варваров, обрушившихся на Империю. С другой стороны, термин «готы» в настоящее время прочно связывается с историей формирования черняховской культуры и, – если и не со всеми ее носителями, – то, во всяком случае, с весьма весомой их частью. Таким образом, появление в степях готов и черняховской культуры воспринимается как одно явление.

Однако, между этими двумя представлениями возникает оппозиция, происходящая из датировок на основе различных категорий

источников. По данным древних авторов, готы, а значит, и носители черняховской культуры, появились в Причерноморье с начала войн, носящих их имя, а по данным археологии памятники черняховского населения как четкое явление фиксируются с начала IV в. К этому времени войны не только закончились, но с момента их прекращения прошел период, за который возникли новые поколения людей, в войнах участия не принимавших. Таким образом, очевидно, что определение времени появления черняховской культуры в Северо-Западном Причерноморье по письменным и археологическим данным различается минимум на полстолетия или даже несколько более. В определенном смысле слова можно сказать, что это темный период в истории распространения черняховской культуры в причерноморских степях. При том, что нет сомнений в участии готов в формировании черняховской культуры, трудно считать ее носителей только готами. Становится очевидным, что процесс распространения черняховской культуры в степном регионе был значительно сложнее, чем это представлялось ранее. Этот вопрос явно требует дополнительного исследования.

Что конкретно известно о варварском населении степей в период войн? Сразу же оговорим, что сарматов мы здесь не рассматриваем. Это особая тема. В Буджаке, видимо, продолжают существовать памятники типа Этулии¹⁴. Они пока мало изучены. На остальной территории степей речь может идти о поздних скифах и пришлых черняховских племенах. Поздние скифы в начале войн сходят с исторической арены. Их поселения и городища или гибнут, или запустевают. Нет никаких реальных сведений о том, как они взаимодействовали с вторгшимися варварами. Нет четких данных и о том, что представляли собой в это время черняховские племена. Об их обитании в степном Причерноморье вообще ничего не известно, если не ставить знак равенства между ними и готами, известными здесь по письменным источникам. Данные о материальной культуре, то есть о конкретном облике варваров, появившихся в степях, приходится собирать по малым крохам. Все же удастся выявить несколько единичных объектов, представляющих интерес для нашей темы.

Можно сказать, знаменем эпохи является погребение № 2 у Широкой Балки возле городища Золотой Мыс¹⁵. Это погребение было совершено, в экстренной ситуации в заброшенной зерновой яме. Его дата – третья четверть III в. или рубеж третьей четверти – последней трети III в. Исследователи определяют его как варварское с синкретической материальной культурой. В погребальном обряде совершенно очевидно германские, в частности вельбарские, черты (забрасывание погребенного массивными камнями), истоки которых происходят еще из Скандинавии. Форма костяного трехчастного гребня по происхождению является германской. Фибула принадлежит к числу шарнирных. Такие застежки

изготавливались, в основном, в Подунавье и использовались римскими солдатами. Пояс, от которого сохранились пряжка и наконечник ремня, исследователи определяют как северо-причерноморский. В этом смещении ярко отразилась эпоха войн, когда на протяжении жизни нескольких поколений людей в варварской среде происходило активное смещение различных этносов и культур, а основной формой существования были война и грабеж.

На Козырском городище был третий период его обживания, до сих пор специально не изученный. Он стал нам известным во время обработки материалов городища в Ольвийском заповеднике¹⁶. Он может датироваться, начиная с середины – второй половины III в. и, возможно, до конца IV в. Дата расплывчата потому, что мне не известно иных материалов, кроме керамики и остатков жилищ. На развалинах городища возникло черняховское поселение. Фрагментарно сохранились остатки каменных домов, размещение которых никак не связано с планировкой предшествующего времени. Кроме того, раскопана полуземлянка, давшая специфический набор форм черняховской гончарной сероглиняной посуды.

Возле Козырского городища случайно найдено парное погребение мужчины и женщины¹⁷. Оно издано без четкой датировки и без иллюстраций, в форме словесного описания, что затрудняет его интерпретацию. А.В. Бураков написал, что материалы погребения «повторяют материал городища». Могильная яма не обнаружена. У женского костяка череп раздавлен, недостает многих позвонков, костей рук и ног, но по описанию нельзя понять, имело ли место преднамеренное нарушение. Инвентарь у женщины – бронзовая игла, большое количество бус (шарики и цилиндрики из пасты белого, синего и зеленого цвета) в ногах, 8 бронзовых пронизей в области таза. При мужском костяке найдены четыре кремня, железное полукольцо, медное полукольцо, медная лопаточка неизвестного назначения (бронзовая копоушка ? – А.Г.), бронзовая пряжка, две бронзовые пластинки, вероятно, от поясного набора, железный нож с остатками деревянных ножен и оселок с отверстием для подвешивания. Такие оселки обычны для сармат.

В юго-западной части Знаменского городища на раскопах XIII и XVIII обнаружены на развалинах предшествующего времени следы пребывания черняховского населения¹⁸. Н.Н. Погребова пишет, что оно жило в землянках и полуземлянках, но использовались и наземные жилища. Открыты каменные вымостки и очаги-поды из каменных плиток, обмазанных глиной. Вымостку № 1 «...датируют найденное под ней днище грубого сероглиняного горшка, сделанного на примитивном гончарном круге, и тоже гончарный чернолощенный сосудик черняховского типа»¹⁹. Сосудик, хотя и не является кубком, но явно принадлежит к числу тех, которые часто заменяли в черняховской культуре кубки. Один

из очагов «датируется лепным биконическим горшком с характерной для черняховской керамики обработкой поверхности»²⁰. Насколько можно понять по фотографии, горшок был покрыт горизонтальными рядами ногтевых вдавлений. Это признак отнюдь не черняховской культуры, а указывает на связи с германскими культурами средней и северной Европы. Вместе с керамикой черняховского типа в разных местах на городище обнаружены и фрагменты амфор II-IV вв. н.э.

На городище Станислав Ю.А. Виноградовым была раскопана в верхнем слое черняховская землянка. Мне это известно по сообщению В.В. Крапивинной.

В нижнем городе Ольвии в слое разрушения, возникшем в результате второго готского разгрома города в 269-270 гг.²¹, найдено погребение ребенка 2-3 лет²². На него мое внимание обратила В.В. Крапивина, за что я ей очень признательна. Это случайное погребение было совершено в условиях нестабильной жизни без постоянного места обитания семьи, к которой принадлежал ребенок. Умерший положен в простой грунтовой яме в вытянутой позе на спине головой на север. Инвентарь состоял из гончарной посуды: трех грубоглиняных (кухонных для черняховской культуры) горшочков, двух керамических чернолощеных кубков (одного орнаментированного), одноручного сероглиняного гончарного кувшинчика и биконической мисочки. Все сосуды типично черняховского облика. Кроме того, в составе инвентаря был стеклянный тюльпановидный кубок на кольцевом поддоне явно провинциально-римского происхождения. Он сделан из тонкого прозрачного зеленоватого стекла. На груди погребенного находились неопределимые остатки бронзового предмета, вероятно, фибулы. Обряд погребения и весь инвентарь позволяет с несомненностью квалифицировать погребение как типично черняховское.

На наш взгляд, возможна его узкая датировка. Ее нижний предел определяется названными годами второго разгрома города. Верхний, - благодаря тому, что погребение перекрыто слоем восстановления города при Диоклетиане. В.В. Крапивина полагает, что «условия, необходимые для восстановления жизни на месте Ольвии, вероятно, складываются не ранее 80-х гг. III в. н.э., римские монеты здесь появляются только во время правления Диоклетиана (284-305)»²³. Таким образом, дату погребения ребенка можно сузить, судя по всей исторической ситуации, до весьма узкого периода от 260 г. до времени прекращения войн в 70-х гг. III в. Кстати, погребение такого маленького ребенка может быть непосредственно связано с походом 260 г., когда варвары попытались вместе со своими семьями переселиться на территорию Империи. Описанное погребение документирует присутствие в их среде черняховцев.

Весь описанный материал свидетельствует о том, что в Причерноморье во время войн, и в частности, в их конце, существовала черняховская этнокультурная среда. Однако, связывать с ней конкретные археологические памятники следует очень осторожно. Так, имеющееся в литературе утверждение о том, что «с рубежа II-III вв. в Северо-Западном Причерноморье появляются неукрепленные поселения черняховской культуры»²⁴ не подтверждено датирующими материалами с этих поселений.

В ситуации почти полного отсутствия источников для «темного периода» можно лишь предполагать, что черняховское население в степях существовало и определение «готы» относится и к нему, но этот этноним, вероятно, был шире. Оно вело, скорее всего, подвижный образ жизни, и места обитания были не очень долговременными. Возможно, оно приходило с севера как бы волнами и растворялось в военных походах.

Ждут своего специального изучения элементы черняховской культуры в нижнем Подонье, в Танаисе и на сельских поселениях в его окрестностях.

Несколько неожиданным и пока совершенно не обсуждавшимся в научной литературе является вопрос о том, кто селился на небольших, часто хуторского размера, черняховских по материальной культуре поселениях в степях Причерноморья после окончания «готских» войн. Те ли это люди и их прямые потомки, которые были в составе орд, совершавших военные походы на Римскую империю? Нет никаких данных о том, вернулась ли какая-то часть варваров из походов назад в Причерноморье. Это представляется очень мало вероятным, если здраво и практически оценить условия этих походов. А если эти люди не вернулись, то кто же были переселенцы, заселившие степь после войн?

Л.Н. Гумилев, выдвинувший и разработавший идею о существовании в истории человечества пассионарных периодов²⁵, показал, что они бывают затяжными. Можно предположить, что великое переселение народов постепенно начало вызревать в Европе перед началом «готских» войн и его предпосылки нарастали в глубине жизни людей после их окончания. В результате приток в степи Северо-Западного Причерноморья населения с севера и северо-запада происходил и в IV в. Археологически это подтверждается находками на поздних и позднейших черняховских памятниках Причерноморского региона вещей, круг аналогий которым явно указывает на территорию Польши, центральную и северную Европу. Б.В. Магомедов выделил на могильнике Каборга IV два этапа его существования. Второй, более поздний датируется IV в. до его конца, то есть временем после «готских» войн. «Появление на втором этапе существования могильника... черт, характерных для культур Южной Прибалтики и района Вислы (фибулы прибалтийских вариантов, корзиноподобные и треугольные подвески, ведерковидный сосуд, вазы с

Х-видными ушками, пшеворский тип сожжений), можно связать с проникновением в Северное Причерноморье групп германского населения, готов»²⁶. Б.В. Магомедов отмечает, что появление этого населения подтверждается и открытием в Одесской области поселения с керамикой типа Дитиничи-Брест²⁷. О керамической ситule из Каборги ее исследователь пишет, что она принадлежит к типу, который распространился в Центральной и Северной Европе с рубежа III-IV вв. Несколько подобных глиняных ведер известно на территории Польши в Добродзеньском могильнике и в некоторых других пунктах. Эти находки датируются IV – началом V в.²⁸ Керамические ситулы известны и на других памятниках степи, например, на поселении Главаны II в. Буджаке.

Важные наблюдения по рассматриваемому вопросу сделаны на материалах поселения и могильника Нагорное II. Мы датируем его финальным этапом черняховской культуры, то есть концом IV- началом V в.²⁹ Исследовательницы этого поселения отмечают, что «в лощеной посуде прослеживаются культурные традиции населения северо-западных районов Европы... Заметны северо-западные черты и в вещевом комплексе Нагорного II». Это железный гребешок для расчесывания шерсти и бронзовая фибула с подвижной ножкой, украшенная проволочными кольцами. «Все это однозначно указывают на присутствие среди жителей Нагорного II... гото-гепидского компонента»³⁰. Итогом всего изложенного можно считать то, что рельефно определились два этапа существования черняховской культуры в степях Северо-Западного Причерноморья. Стало очевидно их большое различие по условиям жизни и характеру этнокультурных процессов. Очевидно, потребуется новое дополнительное исследование взаимоотношений носителей черняховской культуры с поздними скифами и сарматами на этой территории.

За рамками настоящего исследования осталась проблема начала распространения в Причерноморских степях сероглиняной керамики черняховского типа, фиксируемой на позднескифских памятниках³¹, то есть еще до возникновения черняховской культуры. Если учитывать этот факт, то становится очевидным, что вся первая половина I н.э. была временем продвижения на юг в Причерноморские степи населения из скудных и холодных районов Скандинавии и Восточной Европы.

Примечание:

¹ Гудкова А.В. I-IV вв. в Северо-Западном Причерноморье // *Stratum plus*. – 1999. – №4. – С. 172, 173.

² Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // *САИ*. – Вып. Д1-30. – 1966. – 112 с.

³ Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // *Труды V междунар. конгр. археологов-славистов*. – К., 1988. – Т. 4. – С. 34-46.

⁴ Гудкова А.В. I-IV вв... – С. 256.

⁵ Гороховский Е.Л. Хронология... – С. 42.

- ⁶ Гороховський Є.Л., Зубар В.М., Гаврилук Н.О. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської хори // Археологія. – Т. 49. – 1985. – С.25-40.
- ⁷ Никитина Г.Ф. Гребни черняховської культури // СА. – 1969. – №1. – С. 147-158.
- ⁸ Сымонович Э.А. Итоги исследований Черняховских памятников в Северном Причерноморье // МИА, 139. – 1967. – С. 232.
- ⁹ Там же. – С. 233-234.
- ¹⁰ Rau H.J. Spätantike Grabfunde im Karpatenraum // Zeitschrift für Ostforschungen. – 1975. – Heft 3. – S. 479.
- ¹¹ Гудкова А.В. Сероглиняная керамика Козырского городища // Проблемы археологии Северного Причерноморья. – Херсон, 1991. – С. 122-131.
- ¹² Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. – К., 1987. – С. 88.
- ¹³ Гудкова А.В. I-IV вв... – С. 366.
- ¹⁴ Гудкова А.В. I-IV вв... – С. 271-304, 369.
- ¹⁵ Гороховський Є.Л., Зубар В.М., Гаврилук Н.О. Про пізню дату...
- ¹⁶ Гудкова А.В. Сероглиняная керамика... – С. 123.
- ¹⁷ Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. – К., 1976. – С. 136-138.
- ¹⁸ Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА, 64. – 1958. – С. 127, 128.
- ¹⁹ Там же. – Рис. 9, 10.
- ²⁰ Там же. – Рис.12, 3.
- ²¹ Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. – К., 1993. – С. 154.
- ²² Лейпунская Н.А. Детское погребение III-IV вв. из Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Тр. ГИМ. – Вып. 159. – М., 2006. – С.183-188.
- ²³ Крапивина В.В. Указ. соч. – С. 155.
- ²⁴ Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения нижнего Побужья (археологическая карта). – К., 1990. – С. 95.
- ²⁵ Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – 1966.
- ²⁶ Магомедов Б.В. Каборга IV (раскопки 1973-1974 гг.) // Могилиники черняховской культуры. – М., 1979. – С. 62.
- ²⁷ Сымонович Э.А. Разведка в Херсонской и Одесской области // Археологические открытия в 1973 г. – М., 1974. – С. 35, 346.
- ²⁸ Магомедов Б.В. Каборга IV... – С. 58.
- ²⁹ Гудкова А.В. Сероглиняная керамика... – С. 72.
- ³⁰ Романова Г.А., Скакун Н.Н. Исследование верхнего горизонта поселения Нагорного II в Подунавье // Археологические вести. – СПб., 2002. – №9. – С. 79, 78.
- ³¹ Гудкова А.В. Сероглиняная керамика...; Гудкова А.В., Малюкевич А.Е. Сероглиняная гончарная керамика поселений на Днестровском лимане (первая четверть I тысячелетия до н.э.) // Stratum plus. – 1999. – №4. – С. 17.

ПРЕДМЕТЫ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА НА СЕЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА

Золотоордынская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа с 2001 г. исследует селище Бокаташ II в Юго-Восточном Крыму¹. В результате археологических работ выяснилось, что памятник является многослойным.

На раскопах XXII-XXIII экспедицией исследуется основной строительный горизонт золотоордынской культуры XIII-XIV вв. и могильник второй половины XIV – рубежа XV вв. Комплексы раннесредневекового времени пока не выявлены. Однако, в переотложенных слоях постоянно встречаются фрагменты керамики и отдельные предметы домонгольского времени из цветного металла, стекла и камня. Среди артефактов, обнаруженных в процессе раскопок средневекового селища, наше внимание привлекли несколько предметов христианского культа.

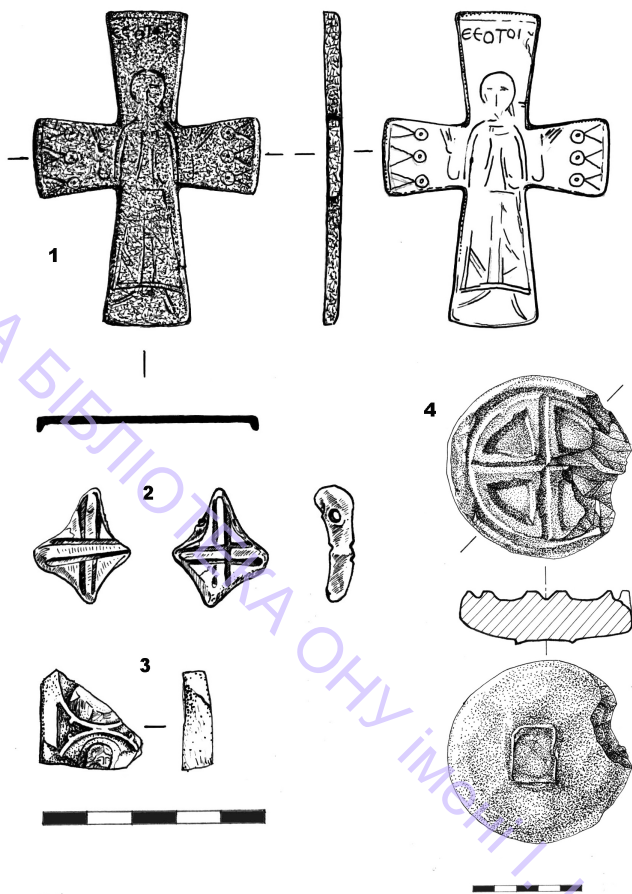
Центральное место среди этих предметов занимает находка *in situ* створки бронзового креста-реликвария (энколпиона) из погребения - №58 (раскоп XXII – 2004). Погребение 58 своей западной частью перерезало гончарную печь 9 и хронологически позднее гончарных комплексов. Могильная яма подпрямоугольной формы с овальной западной стороной размером 195 x 65 x 50 см содержала останки мужчины 45-50 лет. Захороненный лежал на спине головой на запад (с небольшим отклонением к северу). Руки согнуты в локтях так, что лучевые кости лежали на груди. Тыльная (?) створка энколпиона была расчищена в районе левой ключицы и, находилась в правой руке усопшего. Крест с чуть расширяющимися лопастями и гравированным изображением Богоматери в центре относится к сиро-палестинскому типу (таблица, рис.1). Богоматерь в длинном до ступней мафории и остроносых туфлях изображена в позе *оранты*; над ее головой вырезана греческая надпись - «Θεοτόκος» - «Богородица» (последняя буква не вошла в строку и размещена ниже).

Фрагмент иконки обнаружен на раскопе XXII-2004 в переотложенном слое в месте расположения могильника (квадрат И-6 на глубине – 43 см от современной дневной поверхности). Иконка изготовлена из стеатита серо-голубого оттенка размером 2,4 X 2,1 см и толщиной пластинки от 0,5 до 0,7 см.² Ее оборотная сторона не орнаментирована, лицевая – со значительными утратами и потёртостями. Невысокий рельеф фрагмента сохранил изображения двух фигур в обрамлении растительных побегов. Перевитым побегам придана форма медальонов. С одной из сторон фрагмента сохранился бортик иконки шириной около 0,3 см (таблица, рис.3).

В верхнем медальоне узнается погрудное изображение ангела. Хорошо видна правая рука с открытой ладонью вперед (левая не сохранилась). Среди деталей второго плана просматриваются складки ангельского одеяния и фрагмент правого крыла. В медальоне изображена мужская голова с наклоном вперед и разворотом влево. На заднем плане прорезан нимб, поле которого покрыто насечками(?), вероятно, для закрепления позолоты – характерный прием украшения стеатитовых икон. Прическа святого тщательно проработана резцом. Крупные пряди выделены четкой границей вреза, а сами волосы лишь слегка обозначены. Две крупные пряди опущены на лоб святого, подчеркивая тем самым индивидуальность персонажа. Фрагмент стеатитовой иконы дает нам редкий вариант Деисуса с неполными изображениями Ангела и Иоанна Предтечи в медальонах, который относится к произведениям византийской мелкой пластики конца XI - рубежа XII в.³

Обнаружение ранних предметов на селище Бокаташ II, сельской периферии византийского мира, является уникальным, но далеко не случайным явлением для этого памятника, удаленного от городских центров Крыма. В каждом полевом сезоне, начиная с 2001 г., в переотложенных слоях поселения встречается не только ранняя керамика, но и находки домонгольского времени. Заметное место в них занимают предметы христианского культа. Примером тому может служить створка бронзового креста-реликвария XII – начала XIII вв. с греческой надписью⁴, обнаруженная *in situ* в одном из погребений второй половины XIV в. могильника Бокаташ II. В этом же ряду мы рассматриваем находку нательного керамического крестика с бирюзовой поливой (таблица, рис.2) из разграбленного погребения, глиняного штампа для просфоры с изображением креста⁵, предмета храмового обихода, из заполнения наземного сооружения 7 раскопа XXII (таблица, рис.4). Нередко встречаются и дробленные детали расписной штукатурки из близлежащего храма (?), среди которых обращает на себя внимание небольшой фрагмент с частью нимба святого. Византийские монеты из слоев и сооружений раскопов хронологически не выходят за рамки X-XIV вв.

Факты говорят о том, что ранние предметы христианского культа далеко не случайные находки на поселении Бокаташ II. Велика вероятность того, что мы столкнулись с феноменом сохранения ранних христианских реликвий православного толка X-XII вв., принадлежавших греческой сельской общине, чье существование в XIII-XIV вв. не вызывает сомнений.

Таблица

Раскоп XXII

1 - погр. 58, гл. 150.

2 - граб. шурф восточнее раскопа XXII, разграбленное погребение.

3 - участок И-6, гл. 96.

4 - наземное соор. 7, гл. 295.

¹ Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001-2003 гг.). – СПб., 2004; Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). – СПб., 2006.

² Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). – СПб., 2006. – С.298, табл. 178:3

³ Гукин В.Д. Фрагмент стеатитовой иконы рубежа XI-XII вв. из предместья средневекового Солхата (современный г. Старый Крым) – в печати

⁴ Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Крест – реликварий XII - начала XIII века из могильника в пригороде золотоордынского города Солхата (Ст. Крым) // Византийская Идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. – СПб, 2006. – С.53-62

⁵ Гукин В.Д. Штамп для просфоры из юго-восточного Крыма. – 25.01.2008 г., доклад на заседании «Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина»

О.Б. Дёмин (Одесса, Украина)

**ВИЗАНТИЙСКИЙ ХРИСТИАНСКИЙ И КАЛЕНДАРНЫЙ
КОНТЕКСТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА:
МОГ ЛИ ОН СОЗДАТЬ ГЛАГОЛИЦУ?**

Интерес к жизни и деятельности Константина-Кирилла и Мефодия был и остается неизменным на протяжении длительного времени. В последние десятилетия, когда многие историки стали широко использовать цивилизационный анализ, по-новому звучит вопрос об истоках славянской цивилизации и роли Солунских братьев в междисциплинарных контактах. И все же решение многих вопросов славянской письменности возможно на пути использования ранее не привлекаемых материалов. К их числу относится и календарно-хронологическая культура христианского мира Византийской империи, в контексте которой творили и действовали Солунские братья и традиции которой они придерживались в течение всего периода своей жизни, как до моравской миссии, так и во время ее.

О том, что Константин и Мефодий действительно не стремились оторвать моравский народ от византийской церкви, главного оплота христианства по представлениям византийского императора, константинопольского патриарха и Солунских братьев, свидетельствуют обвинения в их адрес в булле папы Стефана V. В вину Мефодию и его ученикам, наряду с исполнением обрядов на славянском языке и исповеданием «символа веры» в византийской редакции, вменялось распространение принятой в Византии системы постов, отличной от франкской¹. Фактически, это означало, что Константин и Мефодий принесли в Великую Моравию цикл христианских праздников, основанный на византийской традиции.

Необходимость учета календарных правил византийской церкви в моравской азбуке оказалась тесно связанной с переводом первой книги на славянский язык. Исследователи утверждают, что это был, скорее всего, краткий апракос, содержащий тексты церковных служб на весь год. Не

исключена возможность перевода особого типа краткого апракоса, так называемого, праздничного. В нем содержались чтения на субботу и воскресенье почти на весь литургический год, за исключением страстной и светлой седмицы, где чтения давались на каждый день. Кроме того, в праздничном апракосе чтения начинались не с первого дня Пасхи, а с великопостных дней². Хотя содержание первого переведенного в Византии апракоса все еще остается невыясненным³, оно, как представляется, целиком исходило из порядка принятых в константинопольской церкви чтений.

Данные обстоятельства служат еще одним доказательством греческой основы новой азбуки и указывают на то, что Константин оправдал свое прозвище Философа. В одном из древнерусских произведений имеется указание на специфический вид занятий философов: «Аще который философ навикнет пасхалиям... и начнет хвалиться... и ты рцы ему сице: аще горазд еси и философ пасхалиям..., найди же ми... в кой день луна небесная настанет и в кий час,... найди ми, философе, рукою индиктовою пасху евреом и пасху христианом...»⁴. Знание расчета церковных праздников было необходимо Константину и его спутникам во время осуществления всех длительных миссий, ведь неукоснительное выполнение христианских обрядов являлось одним из важнейших правил христианина. Несомненно, что Константин в путешествиях пользовался, в первую очередь, церковным календарем, сохраняя тем самым связь с христианским миром. Расчеты связывались с регламентацией годового круга церковных служб, которые осуществлялись в строго определенном порядке в течение дня, месяца, года и зависели от определения даты Пасхи. Основой служб выступало сочетание неподвижных праздников, то есть таких, которые жестко привязывались к определенному числу месяца, и подвижных праздников, которые не имели обязательно фиксированного дня и менялись в четкой последовательности от года к году. Главным подвижным праздником служила и служит до сих пор Пасха, от которой и ведется отсчет всех других подвижных праздничных дней и недель. Особенностью средневекового общества, как известно, было существование рядом со светским календарем еще и церковного. Даже можно сказать, что светский календарь действовал лишь параллельно с церковным календарем, как более важным в то время.

На первом Вселенском соборе христианских церквей 325 г. в Никее были выработаны главные правила вычисления дня Пасхи. Для согласования даты проведения праздника в один и тот же день у всех христиан стали использовать государственный римский или юлианский календарь, который официально функционировал на землях всей, тогда еще целостной, Римской империи. Иерархи церкви посчитали, что этим будет обеспечено единство всего христианского мира. Поэтому еще в IV

в. астрономы раннехристианского времени, учитывая сложность и недоступность для большинства священников математических расчетов празднования Пасхи, создали специальные пасхальные таблицы.

Однако более широко применялись специальные элементы, своего рода алгоритмы, предназначенные для тех же целей. Они считались важной составной частью теологических знаний эпохи средневековья. Недаром изучению астрономии уделяли такое большое внимание в высших школах Византии. Эпизод хронологических расчетов Константина по тексту кубка из церкви Святой Софии⁵ указывает на высочайший уровень («рассчитал же тонко Философ...») овладения им достижений теологической астрономии.

Так как Пасха отмечалась в первое воскресенье после дня весеннего полнолуния, под которым понималось первое полнолуние после дня весеннего равноденствия, то требовалось установить сначала дату полнолуния, а затем и воскресные дни года. Но первое рассчитывалось по лунному циклу в 19 лет, а второе по солнечному циклу в 28 лет. С целью облегчения вычислений в IV в. первые семь букв греческого алфавита, начиная с первого дня первого года эры «от сотворения мира», были расписаны по дням месяца и, соответственно, дням года. Так, определенная буква оказывалась жестко привязанной ко дню недели. Буква, которая приходилась в текущем году на воскресенье, на востоке христианского мира получила название «числа богов», на западе – «солнечные эпакты», а на Руси – вруцелето. Подобные правила существовали и для вычислений в рамках лунного цикла⁶.

Но к IX в. уже обнаружили расхождения в принципах расчетов и, соответственно, в датах празднования Пасхи в восточных и западных церквях. Несомненно, Константин имел представление о существовании ряда различий хронологико-астрономических принципов византийской и римской церквей. Во-первых, отличия заключались в начальной точке отсчета эры «от сотворения мира»: в Византии она начиналась с 5508 г. до н.э., а в Риме – с 4713 г. до н.э. К тому же, римская церковь пользовалась эрой от основания Рима и параллельно, уже с VII в. стала вводить эру от Рождества Христова. Во-вторых, в пределах 28-летнего солнечного цикла дополнительный 366-ой день високосного года вводился раз в четыре года, но в разной последовательности: в восточной церкви – в 3, 7, 11, 15, 19, 23, 27 годах, а в западной церкви – в 1, 5, 9, 13, 17, 21, 25 годах цикла. В-третьих, в расчетах круга Луны – номера года в лунном цикле использовали два способа нумерации годов. В Риме придерживались alexandрийского цикла, в котором счет лет начинался от прихода к власти римского императора Диоклетиана – с 29 августа 284 г., когда начало alexandрийского года совпало с новолунием. В Византии применяли сирийский или константинопольский цикл, в котором за исходный момент брался 249 г., когда новолуние пришлось на день весеннего

равноденствия. В результате расхождения между восточным и западным циклом составляло 3 или 16 дней.

Кроме того, сохранялись и различия общекалендарного порядка. Во-первых, на востоке уже окончательно перешли на сохранившийся до нашего времени прямой счет дней внутри месяца, а на западе еще сохраняли древнеримский обратный счет дней до календ, нон и ид. Во-вторых, существовало различие в начале светского византийского и римского года – 1 сентября и 1 января соответственно. В-третьих, на западе Европы уже использовали римские цифры вместо латинских букв в обозначении дней недели и месяца, нумерации индиктов и годов, а также всех вспомогательных хронологических элементов.

В связи с последним обстоятельством очень важно подчеркнуть, что в арифметических действиях византийцы все еще пользовались буквами греческого алфавита, а франки уже перешли на римские цифры. Но греческая византийская система счета буквами получила широкое распространение в славянском мире и в торговых отношениях Византии с соседями. О прочности этой традиции говорит использование счета по буквам на Руси⁷.

Здесь нелишне отметить роль традиции в византийском обществе в целом. Та удивительная скорость перевода с греческого алфавита на славянскую азбуку, которой восхищаются исследователи, возможна именно в кириллице, учитывая не только близость чтения большинства букв греческого и славянского алфавита, но и их написания, а никак не в глаголице, требовавшей, особенно на первых порах, постоянной сверки с азбукой. Безусловно, облегчало перевод и то, как показал Е.М. Верещагин, что Константин и Мефодий практиковали пословный перевод, когда одному слову греческого текста соответствовало одно славянское слово. Для средних веков такой принцип был единственно возможным, учитывая необходимость достижения адекватного перевода, исходя из буквы и духа теологических требований⁸. Впрочем, он был важен и с практических позиций – сохранения традиции написания священных книг, традиции церковных праздников и донесения до всех христиан адекватного божьего слова в рамках единой христианской церкви.

В итоге, отказаться от греческих букв как основы новой письменности, прежде всего, означало оторвать церковные службы и праздники новых христиан от колыбели христианства и разорвать религиозное единство новых христиан с церковными центрами.

Кроме того, не последнюю роль, вне всякого сомнения, сыграли соображения внутренних правил церковных служб. Написанный на греческом языке в VII в. торжественный гимн Богородице – Акафист разделялся на отдельные песнопения, так называемые икосы, в соответствии с буквами греческого алфавита. Не случайно, на этот

момент при обучении грамоте указывал Константин Костенецкий: «Располагать буквы следует так: А, В, Г, а не А, Б, так как в греческом языке за А следует В. Некоторые же извращают указанный канон алфавита и говорят: «Канон требует учить по «аз – буки». Но ведь и икосы акафиста идут по «аз – веде», так и нам подобает учить с самого начала, чтобы крепче усвоить все правила»⁹. Пойти на нарушение порядка песнопения христианин, понятно, не мог, потому что песня передавала сущность веры. «Житие Константина» сохранило известие о том, что в диспуте с латинскими епископами в Венеции Константин подчеркнул единство языка, веры и песни, припомнив слова Давида из Псалтыри: «Пойте господу вся земля, пойте господу песню новую». И снова: «Восклицайте господу, вся земля, пойте и возвеселитесь и воспойте». И в другом месте так: «Вся земля да поклонится и да поет тебе, пусть поют имени твоему, всевышний»¹⁰. И позже, уже в Риме, когда Мефодию пришлось бороться с интригами немецкого духовенства, его правильное песнопение стало одним из главных оснований для снятия обвинений. Отвечая на предложенный вопросный пункт, Мефодий подчеркнул, «что он верует и поет согласно с евангельским и апостольским учением, как то учит святая римская церковь и как то передано отцами»¹¹. Хотя вопрос в основном затрагивал проблему сущности символа веры, но, учитывая, что Ватикан в то время еще не до конца определился с его пониманием, папа Иоанн VIII обратил внимание на то, как Мефодий пел, а не как исповедовал¹². Поэтому в папском решении и прозвучали слова, означавшие признание славянских служб: «для истинной веры и истинного учения нисколько не служит препятствием, поются ли литургия на славянском языке, читаются ли св. Евангелие и Божественные чтения Ветхого и Нового Завета и поются ли все другие часы на этом именно языке»¹³.

И, в конце концов, следует учитывать божественную, с точки зрения Константина и его современников, природу новой письменности: «Пошел же Философ и по старому обычаю стал на молитву и с иными помощниками. И вскоре открыл ему их бог, что внимает молитвам рабов своих, и тогда сложил письмена, и начал писать слова евангелия: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» и прочее»¹⁴. Таким образом, отказаться от использования греческого письма в азбуке нового христианского народа Константин просто не мог, ибо это письмо выступало проявлением божественной логики и принципа.

Исследователям, прежде всего, необходимо считаться с тем, что славянская письменность создавалась не для светских, а для религиозных потребностей народа, который недавно принял христианство и только начинал познавать слово Божье. Поэтому, перед первой буквой мораванского алфавита, Константин, в соответствии с византийской традицией, поставил крест, исходя из предназначения письменности для

христианского народа и признания буквы проявлением Божьей силы¹⁵. В пользу этого говорят три обстоятельства. Во-первых, самая ранняя из известных работ Константина «Слово о Григории Богослове» начиналась со знака креста¹⁶. Во-вторых, найденные ранние кириллические надписи на землях Болгарии, выгравированные на камне и на других материалах, имели впереди крест¹⁷. В-третьих, в течение многих столетий болгарские учителя сохраняли правило начинать любое написание со знака креста. В болгарском педагогическом произведении Константина Костенецкого «Разъясненное сказание о буквах» (XV в.) прямо говорится: «Ведь велено нам впереди всех букв в начале азбуки писать знак креста, и не думай, что это – просто так. Ведь и мы в начале жизни сопричастны распятию Христову крещением и погребены будем с крестным знамением. Так и начиная писать Божественные буквы, перед всеми ими подобает поставить крест и сказать: «Кресте, помогай», как в Апостоле сказано: «Да не позволит мне Господь клясться ничем, помимо креста Господня»¹⁸.

Собственно, уже таким определением содержания знака креста, как выявлением причастности к христианскому миру и его целостности, ибо как Христос един для всех, так и крест, на котором он был распят, един для всех, отбрасывалось любое толкование креста как части, т.е. как буквы. Следовательно, уже этот знак указывал на христианский и, соответственно, греческий вариант новой письменности. В подобном прочтении знака креста, которое для Константина определилось еще в детские годы учебы, а затем нашло философское обоснование в труде о диспуте с низвергнутым патриархом Аннием, воплотилось содержание азбуки¹⁹.

Конечно, можно предположить, что после знака креста Константин мог написать буквы совсем нового, неизвестного никому алфавита, то есть будущей глаголицы. Но против такого решения говорит и образовательная подготовка Константина, и его приверженность календарно-хронологической традиции Византии. И, может быть главное, это шло вразрез с его мировоззренческими установками, ибо при таком подходе оказывалось необоснованным появление новых букв с позиций грамматики и теоретической философии – теологии. И тогда Константин вряд ли мог оправдать свою славу ученого-теолога и прозвище Философ. В этом случае ему в большей мере подошло бы определение «еретик», о чем он заявлял и сам. И вообще, в условиях существования все еще единой христианской церкви, даже с оглядкой на борьбу Константинополя и Рима, тяжело подыскать мотивы христианского характера, которые бы подвигли Константина изобрести новые знаки.

Таким образом, существует целый ряд обстоятельств, которые указывают на выбор Константином и Мефодием греческого алфавита для создания славянской азбуки. Одновременно, отсутствовала мотивация в пользу отказа от греческой основы и создания совсем новой, ранее

неведомой письменности. Несмотря на малограмотность немецкого духовенства Моравии, оно смогло отличить греческий алфавит от негреческой азбуки. Но произошло это не сразу, понадобилось определенное время, когда выяснилось, что рядом с греческими буквами присутствовали новые, нехарактерные для этой письменности буквы. Недаром в «Житии Константина» подчеркивалось, что нарекания на новые письмена, отличные от трех «святых языков», начались не сразу после появления в Моравии Солунских братьев, а впоследствии, когда «стало распространяться божье учение»²⁰. Все это, а также некоторые другие моменты уже моравского и послеморавского периода еще раз указывают на то, что Константин и Мефодий создали славянскую азбуку, пользуясь греческим образцом, которая и вошла в историю под названием кириллица.

Исходя из мировоззренческих установок Константина, можно утверждать, что только он мог инспирировать или генерировать основные принципы создания моравской азбуки. Сочетание традиционализма и имманентного творческого начала позволило ему перешагнуть через жесткие рамки христианской теологии, оставаясь, тем не менее, христианским теологом и стать крупным христианским философом. Последующая практическая реализация усовершенствования азбуки и начало перевода богослужебных книг осуществлялась совместно Константином и Мефодием. Нельзя исключить, особенно во время пребывания в Византии посланников великоморавского князя, проведения с ними консультаций, что, скорее всего, и обусловило появление моравизмов в первых переводах Солунских братьев. Но это необходимо еще доказать. А вот последующее пребывание Константина и Мефодия в самой Великой Моравии однозначно вводило в переводы моравизмы.

Примечания:

¹ Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха // Сказания о начале славянской письменности / Пер. и комментарии Б.Н. Флория. – М., 1981. – С. 15.

² Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. – М., 1971. – С. 14-16.

³ Жуковская Л.П. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языкознания. – Вып. 7. – М., 1963.

⁴ Климишин И.А. Календарь и хронология. – М., 1985. – С. 263-264.

⁵ Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Пер. и комментарии Б.Н. Флория. – М., 1981. – С. 86.

⁶ Климишин И.А. Указ. соч. – С. 66-95.

⁷ Симонов Р.А. О некоторых особенностях нумерации, употреблявшейся в кириллице // Источниковедение и история русского языка. – М., 1964. – С. 14-36; Жуковская Л.П. К истории буквенной цифири алфавита у славян // Источниковедение и история русского языка. – М., 1964. – С. 33-43.

⁸ Верещагин Е.М. Указ. соч. – С. 65-68.

⁹ Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX-XVIII вв. / Пер. Н. Калиганова и Д. Полювянного. – М., 1990.

¹⁰ Житие Константина. – С. 89.

¹¹ Бильбасов В.А. Кирилл и Мефодий. – Ч. 1. – СПб., 1868. – С. 90.

¹² Там же. – С. 89.

¹³ Там же. – С. 92.

¹⁴ Житие Константина. – С. 87.

¹⁵ Дёмин О.Б. «Мы пришли дать вам Слово». Кирилл и Мефодий в истории славянской культуры. – Одесса, 2003. – С. 56-65.

¹⁶ Житие Константина. – С. 72.

¹⁷ Заимов Й. Битольская надпись болгарского самодержца Ивана Владислава 1015-1016 гг. // Вопросы языкознания. – 1969. – №6. – С. 124-129; Заимов Й. Битолски надпис на Иван Владислав самодержец български. – С., 1970. – С. 15-16.

¹⁸ Родник златоструйный. – С. 156.

¹⁹ Дёмин О.Б. Указ. соч. – С.37-39.

²⁰ Житие Константина. – С. 87.

С.Г. Демьянчук (Севастополь, Украина)
МЕХАНИЗМЫ МОНЕТНОГО КРИЗИСА
В ХЕРСОНЕСЕ III в. до н.э.

В изучении экономической ситуации III в. до н.э. в крупнейших государствах Северного Причерноморья возникают парадоксальные явления: источники сообщают о процветании и благоденствии античных государств, а нумизматические данные говорят об обратном. Археологическая проверка данной информации зачастую не дает конкретных результатов. В связи с этим у многих исследователей возникают сомнения в существовании кризиса как такового. Однако кризисные явления в монетном деле Боспорского царства и Ольвии – факт установленный¹. До последнего времени считалось, что только Херсонес Таврический смог сохранить стабильность в своем монетном деле. Накопленный на сегодняшний день археологический и нумизматический материал позволяет усомниться в справедливости данного вывода². К признакам монетного кризиса ученые справедливо относят следующие: прекращение чеканки монет из драгоценных металлов, надчеканки и перечеканки, изменение весовых данных, небрежность в изготовлении монетных штемпелей, изменение состава сплавов монет (увеличение медной лигатуры в серебре, свинцовой в меди), частая смена монетных типов и др. Все вышеперечисленное можно с уверенностью проследить и в монетном деле Херсонеса Таврического.

Новые археологические и нумизматические данные позволили некоторым ученым дать реальное объяснение причин денежного кризиса в монетном деле античных государств Северного Причерноморья³. Разгром хоры – основного источника процветания экономики – приводит

к резкому сокращению торговли, истощению финансовых ресурсов, манипуляциям с монетными эмиссиями, т.е. к кризису экономическому, который естественным образом сопровождается кризисом денежного обращения. Принимая в целом подобную трактовку причин денежного кризиса, хочется, тем не менее, остановиться на некоторых нюансах, которые, на мой взгляд, уточняют общую картину.

Введение золотого стандарта во многих государствах древнегреческого мира к середине IV в. до н.э. привело к тому, что серебряная монета превращается во вспомогательное средство обращения (простой знак стоимости). Среди государств, перешедших к монетным системам, основанным на золоте, в Причерноморье можно выделить Ольвию и Боспорское царство⁴, однако существовали и государства, которые к концу IV – началу III вв. до н.э. придерживались традиционных систем, основанных на серебре. К их числу принадлежал Херсонес Таврический, а в Средиземноморье – Афины.

Экономическая и политическая ситуация в Ойкумене на рубеже веков была похожа на бурлящий котел: нескончаемые войны диадохов, стремительные изменения в греко-варварских отношениях, все более усиливающееся влияние на политические реалии молодых эллинистических государств и Римской державы, приближающаяся гибель «Великой Скифии». Не миновал дестабилизации в своем существовании и Херсонес Таврический, однако, на удивление, полис довольно удачно выходит из всех передряг и в первой трети III в. до н.э. достигает наивысшего расцвета в своем развитии. В это время Херсонес становится вторым после Синопы экспортером продукции в амфорной таре в Причерноморье, ареал распространения херсонесских амфор можно проследить от Восточной Европы до Александрии Египетской⁵. После осуществления мероприятий по монополизации хлебной торговли в регионе значительно возрастает экспорт хлеба. По подсчетам специалистов, Херсонес мог производить 30-37 тыс. тонн товарного зерна в урожайные годы⁶. Возросший экономический потенциал приводит к созданию в Херсонесе монометаллической системы, основанной на серебре. В начале III в. до н.э. полис осуществляет исключительно серебряные эмиссии, чеканившихся в двух весовых системах (рис 1).

Однако стабильность и процветание не долго царили на просторах Херсонесского государства. В конце первой трети III в. до н.э. гибнут поселения Северо-Западного Крыма, жители оставляют большую часть усадеб на Гераклеюмском полуострове⁷. Многие ученые связывают эти события с проникновением в Крым скифских племен, теснимых сарматами⁸. В это же время наблюдается резкий спад объема производства херсонесских амфор⁹. Кризис экономики разрастается. Предвестником разразившегося краха Херсонесского полиса следует, вероятнее всего, считать кризис монетный, который привел к так

называемому экономическому кризису перепроизводства, развился на его основе и, в свою очередь, привел к обострению кризиса экономического. Не следует также забывать, что на развитие монетного кризиса могли повлиять и другие причины, например, такие, как хронический бюджетный дефицит, война, неурожай и др. Характерное для экономического кризиса перепроизводство товаров обуславливает трудности их реализации, создаёт препятствия для превращения капитала из товарной формы в денежную. Задержки в реализации товаров вызывают денежный голод. Возникающий в этих условиях напряжённый спрос на кредит не удовлетворяется, т.к. трапедзиды, богатые люди или организации, стремясь поддержать свою ликвидность, ограничивают его и повышают ссудный процент. Задержки в реализации товаров и поступлении денежной выручки влекут за собой многочисленные неплатежи. Массовые банкротства производителей вызывают цепную реакцию массовых банкротств банков¹⁰. В атмосфере всеобщего недоверия, когда кредит подорван и поколеблено доверие к кредитным деньгам, острые формы принимает погоня за наличными деньгами, происходят массовые изъятия монеты из драгоценных металлов. В ходе монетного кризиса, который протекал в условиях существования золотого или серебряного стандарта и свободного размена кредитных денег на золото или серебро, рост недоверия к кредитным деньгам вызывал всеобщую погоню за полноценной монетой.

Рис. 1

Вероятно, в Херсонесе Таврическом это выглядело следующим образом: приблизительно в конце 80-х гг. происходит отток монеты из обращения полиса. Не обладая собственными месторождениями металлов для чеканки монет, многие греческие государства пополняли запас драгоценных металлов благодаря сохранению активного торгового баланса, оставляя для обращения на внутреннем рынке медную монету по принудительному курсу¹¹. В это время в городе, видимо, уже существовали проблемы с реализацией основных видов продукции экспорта: вина (большая часть которого уходила в степную и лесостепную зоны) и хлеба (поступление которого также зависело от варварских контактов, а реализация – от перекупщиков Южного Понта, испытывавших финансовые трудности в связи с обострением внешнеполитической ситуации и, возможно, уже тогда занижавших цены на хлеб). Торговый баланс неуклонно падал вниз. Чтобы поправить положение в сфере финансов, херсонесские власти, вероятно, произвольно устанавливали курс, по которому должна обращаться монета на внутреннем рынке. Для этого всю монету (серебряную и бронзовую) подвергают надчеканиванию, и только контрамаркированная монета признается законной для обращения. На серебряных монетах «группы Геракла» известны надчеканки «дельфин» и «молния», «группы Девы» - «ПАР», «дельфин» и «молния», на медных монетах «дельфин» (Рис. 2). Гарантом этой финансовой операции, скорее всего, выступили храмы.

Рис. 2

На какое-то время ситуацию на внутреннем рынке удалось стабилизировать, однако в 70-е гг. перестает функционировать в полном объеме практически вся хора херсонесского государства, что приводит к массовому сокрытию кладов и очередному оттоку монеты из обращения. Государство опять начинает играть с курсом, что на данном этапе уже выражается в понижении веса серебряной монеты, ухудшении ее пробы, изменении ее типов (рис.3). Кризис входит в свою пиковую стадию, и к 60-м гг. выпуск серебряной монеты надолго прекращается¹². На денежном рынке полиса остается лишь медная монета, ставшая основным средством обращения и превратившаяся в простой знак стоимости. Сумма обязательств Херсонесского государства выражалась в монете из драгоценных металлов, однако выплаты осуществлялись медью по курсу.

Древние финансисты, не понимая основных законов экономического развития, толкали город к краху. Выпуск медной монеты с принудительным курсом в любых количествах сулил несомненную выгоду сейчас и сегодня. Постоянно возрастающая масса медной монеты не устраняла причин кризиса, а, наоборот, усугубляла его и создавала помехи для его прекращения. Не имея возможности остановить развитие кризиса, власти прибегали к уже испытанным средствам: повторяющееся контрамаркирование, изменение монетной стопы, типов монет, массовая перечеканка.

Рис. 3

Известная стабилизация отношений со скифами около конца третьей четверти III в. до н.э. и возможность вновь использовать аграрную территорию позволили Херсонесу возродить экономику, хотя и не в прежних объемах¹³. Это и послужило причиной прекращения кризисных явлений в монетном деле. В конце III в. до н.э. город опять приступает к выпускам серебряной монеты.

Изучение монетных кризисов и причин, их вызвавших, позволяет более полно реконструировать экономические и политические процессы того времени. Данная проблема актуальна и в наши дни и может найти практическое применение в современном моделировании способов выхода из кризисных ситуаций в экономике развивающихся стран.

Примечания:

¹ Зограф А.Н. Античные монеты. // МИА. — 1951. — №16. — С. 264; Шелов Д.Б. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н.э. // МИА. — 1954. — №33. — С. 58-70; Фролова Н.А. О денежном обращении Боспора в III в. до н.э. // СА. — 1970. — № 4. — С. 33-40; Карышковский П.О. Монеты Ольвии. — К., 1988. — С.168.

² Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV-II вв. до н.э. — Севастополь, 1997. — С. 27-32

³ Там же. – С. 45-47; Сапрыкин С.Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. – М., 2005. – С. 86-89.

⁴ Карышковский П.О. Указ. соч. – С. 78

⁵ Кац В.И. Динамика производства амфорной тары в эллинистическом Херсонесе // Античные полисы и местное население Причерноморья. – Севастополь, 1985. – С. 107-111.

⁶ Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм. – М, 1990. – С. 310-371.

⁷ Туровский Е.Я. Хронология сельских усадеб Херсонеса на Гераклеяском полуострове в IV-II вв. до н.э. Автореферат канд. дисс. – СПб., 1994.

⁸ Марченко К.К., Рогов Е.Я. Еще раз о характере событий первой трети III в. до н.э. в степной зоне Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье. – Одесса, 1991. – С. 59

⁹ Кац В.И. Указ. соч. – С. 107-111.

¹⁰ Брегель Э.Я. Денежное обращение и кредит капиталистических государств. – М., 1950. – гл. 10.

¹¹ Карышковский П.О. Указ. соч. – С. 86.

¹² Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV-II вв. до н.э. – Севастополь, 1997. – С. 27

¹³ Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклеяском полуострове // Древнее Причерноморье. – Одесса, 1990. – С. 71-89

И.В. Денисова (Белгород, Россия)

О ЗАСЕЛЕНИИ СЛАВЯНАМИ МАЛОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ФЕМЫ ОПСИКИЙ)

Византийская империя за все время своего существования испытала немало вторжений разных народов. Наиболее серьезное и массовое вторжение принадлежит славянам, которые составили важный этнический слой населения ряда областей империи и оказали существенное влияние на ее социально-экономическое развитие.

Влияние славян на развитие Византийской империи, прежде всего, заключается в том, что расселение славян непосредственно способствовало увеличению числа свободных земледельцев-общинников. Кроме того, славянское вторжение привело к облегчению положения трудящихся масс и смягчению тяжелого податного гнета, поскольку славяне VI-VII вв. еще не обладали государственной организацией.

Отметим, что о материальной культуре и общественном строе славян в ранневизантийский период известно немного, источники крайне скудны. При изучении работ византийских авторов следует обращать особое внимание на их субъективность, а также на традиции античной литературы. Соответственно и отношение к славянам было двойственным. С одной стороны, славян характеризуют как «неполноценных людей»¹, варваров, стараясь доказать их культурную

бедность, с другой – подчеркивают миролюбие славян. Но, отметим, что все авторы старались подчеркнуть наличие коренной разницы между Восточной Римской империей и славянским миром.

Проникновение славян на территорию Византийской империи носило как мирный характер, так и воинственный. Но если вторжения на Балканы достаточно хорошо известны и изучены, то больше вопросов остается о территории Малой Азии.

По словам Ф.И. Успенского, как подневольные, так и добровольные переселения славян в Малую Азию начинаются, по всей вероятности, с VI в., и могут быть засвидетельствованы летописями VII в.² Такие переселения имели двойную цель: с одной стороны, ослабить реальную и потенциальную угрозу, которую тот или иной народ мог представлять для Византии, с другой – империя приобретала новых подданных, из которых впоследствии можно было набирать войска, в том числе и для боевых действий в Азии³. Пожалуй, что именно такими соображениями руководствовались византийские императоры при переселении славян в Малую Азию.

Первое упоминание о славянах в Малой Азии мы встречаем в летописи Феофана (под 664 г.), где сообщается о переселении из Македонии в Сирию 5 тысяч славян. Возникает вопрос об их дальнейшей судьбе. П. Шафарик отмечает, что «дальнейшая судьба и конечное истребление этих славян нам совершенно неизвестно». Но в этом же столетии с Балканского полуострова в Малую Азию были переселены и другие колонисты, которые вряд ли бы селились в районы с неблагоприятными условиями. Ю.А. Кулаковский предполагает, что «переселение совершалось в составе целых племен с их князьями. Переселение славян, водворение их на новых местах жительства и устройство хозяйства и быта в новых для них условиях являлось делом весьма сложным и потребовало немало времени, административных мер властей, а также расходов из государственных средств. Когда славяне были устроены на новых местах жительства, Юстиниан организовывал из них новое войско, численность которого наши источники определяют в 30 тысяч человек»⁴.

Отметим, что рубеж VI и VII вв. был временем децентрализации государственного управления, что отразилось на укреплении местных должностных лиц: в конце VI в. на окраинах империи появились экзархаты (Равеннский и Карфагенский), а в Малой Азии были созданы первые фемы. В организационном плане экзархат обнаруживает определенное сходство с фемой. Это объясняется тем, что и экзархаты, и фемы представляли собой административно-политические структуры одного уровня, так как сформировались в условиях одного периода перехода от античности к средневековью в рамках Восточно-Римской империи. В социальном отношении Равеннский экзархат принципиально

отличается от фемы, так как не является органической частью Византийской империи⁵. Протекавшие здесь процессы, в том числе и в административной сфере, приводят в итоге к его отделению, обособлению от Византии.

Западная часть Малой Азии занимали в указанное время три крупнейшие фемы: Анатолик, Опсикий и Фракисийская фема. Именно эта часть Малой Азии (включая и западные окраины плоскогорья) была наиболее плодородной областью Византийской империи. На побережье, где плодородные земли чередовались с заболоченными равнинами, злаки высевали в долинах, тогда как сады разбивали на горных склонах, чтобы использовать сбегавшие с гор ручьи⁶. Район Вифинии особенно отличался пышностью растительности, так как снега с северных склонов Олимпа обеспечивали долину водой во время летней засухи.

Следует особое внимание обратить на фему Опсикий, расположенную к северо-западу от Анатолика. Центром Опсии являлся город Никея. Именно в феме Опсикий и были расселены славяне.

По свидетельству Феофана и его современника патриарха Никифора, в 687 г. Юстиниан II отправляется в поход в Македонию с целью нападения на славян, живших близ Солуни. Летописец передает, что император некоторых из них победил и предписал им свои требования, а других смог убедить договорами переселиться из Македонии в Малую Азию, в провинцию Опсикию. Таким образом, некоторые славяне были подчинены силой оружия, другие, очевидно, считая сопротивление бессмысленным, сами признали власть императора. В итоге этих славян переселили в Опсикию. От тех же авторов мы узнаем, что через несколько лет Юстиниан использовал их в борьбе против мусульман⁷.

При Юстиниане II славяне общим числом не менее 80 тысяч человек были перевезены в Опсикон, одну из фем Малой Азии⁸. М.Ю. Брайчевский утверждает, что «всего было переселено, во всяком случае, не менее 100 тысяч славян»⁹. Одна часть из них (около 30 тысяч) была мобилизована императором и позже была использована в борьбе против арабов, во время которой изменила императору и перешла на сторону арабов. Из-за этого проступка оставшиеся славяне в Опсии были подвергнуты страшным избиениям.

Опираясь на данные археологии, представляется возможным более полно представить жизнь славян в Вифинии. Следует упомянуть о единичном, но ярком вещественном памятнике – моливдовуле, принадлежавшем Русскому Археологическому институту в Константинополе, сомнений в котором нет – это печать славянской военной колонии в Вифинии, провинции фемы Опсикия. Содержание легенды памятника предполагает, что его дата не может быть позднее VII в. В нем упомянута провинция Вифинская, о которой говорится в

источниках только до конца VII в., а именно – в записях соборных актов того времени.

На лицевой стороне моливдовула хорошо сохранилось изображение императора во весь рост, со скипетром, увенчанным крестом в правой руке. Сохранилась и надпись, которую Ю.А. Кулаковский интерпретирует следующим образом: «рабов из славян Вифинской провинции»¹⁰. Очевидно, пропущено слово. Наименование проживавших в Вифинии славян «рабами», объясняет сообщение Константина Багрянородного о принятом в его время положении фемы оптиматов, где фема – «выделена на услужение».

Б.А. Панченко подчеркивает, что памятник дает нам не только «историко-географический факт из эпохи славянских передвижений», но и говорит об организации славянских политических общин на землях Империи, о положении федератов в Византийском государстве¹¹.

Отметим, что сведения о пребывании Юстиниана в 711 г. в Никомедии, главном городе фемы Опсикия, в пределах которой жили славяне, дает нам Liber Pontificales в описании приезда папы Константина в Константинополь и свидания его с императором в Никее. В это время Юстиниан был занят снаряжением экспедиции в Херсон. Ю.А. Кулаковский предполагает, что «в нашем моливдовуле, принадлежавшем сановнику, заведовавшему славянами, есть изображение на нем императора и отмечено его пребывание в пределах фемы»¹².

Начиная с VII в., вопрос о славянских поселениях в Малой Азии приобретает большое значение. Никифор рассказывает о добровольном переселении в 762-763 гг. 208 тысяч славян в Малую Азию, где также была основана славянская колония на реке Артане. В.И. Ламанский пишет, что «если передаваемое Никифором число 208 тысяч означало одних взрослых мужчин, то легко себе представить приблизительную численность всей эмиграционной массы, увеличив в обычном расчете эту цифру в 4 раза, и тогда остается заключить, что три четверти миллиона славянских выходцев в один прием переселились в область Вифинии»¹³.

Расселение славян в качестве воинов-колонистов в Малой Азии укрепляло свободное крестьянство и крестьянскую общину. На запущенных землях, где ранее были крупные виллы или трудились зависимые георги, теперь расселились свободные землевладельцы и воины.

Ф.И. Успенский отмечает, «что византийские императоры, переселив славян в Малую Азию, не бросали их на произвол судьбы, старались достигать определенных политических целей, предоставляя колонистам средства для их осуществления: давали им самоуправление, право суда, не лишали даже туземной власти»¹⁴. Поселения славян на территории Малой Азии сыграли определенную роль в судьбах Византийской империи. Славяне, оседая на византийских землях, с одной

стороны, в основном сохраняли до определенного времени свой общественный строй, а с другой, неизбежно воспринимали многие элементы византийских порядков.

В середине VII в. в Малой Азии можно было увидеть славян также и на службе у мусульман. Причем, во второй половине VII – начале VIII в. многие славяне переходят на службу к мусульманам и расселяются в приграничных крепостях. О существовании здесь славянских общин мы узнаем из источников лишь до VIII в. Основным занятием славян является оборона границы, но иногда они выставляют халифам вспомогательные отряды для различных целей. Существенные изменения происходят в середине VIII в. С одной стороны, в результате войн славянские переселенцы в Халифате несут большие потери, с другой – пограничные крепости заселяются выходцами из восточных областей Халифата, прежде всего, хорасанцами, главной опорой Аббасидов. В итоге, после утверждения Аббасидов следы славянских общин в пограничных районах постепенно теряются.

Примечания:

¹ Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. – СПб., 1998. – С. 44.

² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.1. Период I (до 527 г.). Период II (518-610 гг.). – М., 2001. – С. 580.

³ Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. – М., 2002. – С. 101.

⁴ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 3: 602-717 годы. – СПб., 2004. – С. 217.

⁵ Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 88.

⁶ Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. – СПб., 1998. – С. 59.

⁷ Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. – М., 2002. – С. 107.

⁸ Ламанский В.И. Славяне в Малой Азии, Африке и Испании. – СПб., 1859. – С. 3.

⁹ Брайчевский М.Ю. К истории расселения славян на Византийских землях // ВВ, 19. – 1961. – С. 135.

¹⁰ Кулаковский Ю.А. История Византии. – Т. 3: 602-717 годы. – СПб., 2004. – С. 221.

¹¹ Панченко Б.А. Памятник славян в Вифинии VII века // Известия русского археологического института в Константинополе. – Т. VIII. – Вып. 1-2. – 1902. – С. 60-61.

¹² Там же. – С. 222.

¹³ Панченко Б.А. Памятник славян в Вифинии VII в. // Известия Русского Археологического института в Константинополе. – Т. VIII, вып. 1-2. – София, 1902. – С. 35.

¹⁴ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.1. Период I (до 527 г.). Период II (518-610 гг.) – М., 2001. – С. 352.

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЙ TOLERANCE-INDULGENCE
В ДОКУМЕНТАХ ЯКОВА II СТЮАРТА

Понятие толерантности приобрело в современном сознании абсолютно позитивное содержание, оказавшись синонимом уважения к чужим убеждениям, принятия чужого видения мира. Однозначность (и в значительной мере императивность) подобной трактовки провоцирует в последние годы достаточно неоднозначные реакции (вплоть до полного отторжения) на присутствие принципа терпимости в ценностном каркасе нашего времени. В этом контексте взгляд в сторону исторических вариантов смыслового наполнения названного понятия может оказаться продуктивным в плане теоретической «терапии» весьма полезного практического принципа.

В поисках исторических интерпретаций толерантности предлагаю отправиться в эпоху перехода от средних веков к новому времени, когда искомый принцип был вписан в политическую практику и получил как политико-правовое, так и теоретико-философское оформление. Учитывая рамки данной публикации, продуктивным представляется остановиться на опыте применения понятия терпимости в документах одного правителя, а именно, английского короля Якова II. Католик на протестантском троне не мог не спровоцировать обращение к теме терпимости в своих попытках укрепить позицию собственной конфессии и определить своё отношение к множеству протестантских деноминаций, отличавшихся от англиканства. В традиции английских королей из династии Стюартов было издавать документы о взаимоотношениях конфессий, однако, возможно, именно Яков вызвал самые драматические реакции на свои инициативы.

Толерантность в сознании раннего нового времени присутствует в форме, сходной со средневековыми трактовками. Позволю себе напомнить, что в средневековых сочинениях проявление толерантности рассматривалось как согласие *терпеть, выносить* «дурных людей». Объектом толерантности в этом контексте становились люди, чей образ жизни либо убеждения делали их обузой для общества¹. Средневековое понимание толерантности было оформлено в целостную политическую концепцию в каноническом праве XII-XIII вв.², в которых термин *tolerantia* используется для обозначения ситуации, в которой злые действия могут оставаться без наказания. И.П. Бейжи, анализируя понятие толерантности, представленное каноническим правом, подчёркивает, что, во-первых, средневековые компиляторы и комментаторы вовсе не предполагали, что дурная сущность терпимого действия отрицается или прощается, – они имеют в виду только то, что некоторые действия остаются без наказания³. Во-вторых, толерантность использовалась с

целью предотвратить большее зло. И.П. Бейжи приводит формулу толерантности, встречающуюся в юридической литературе – *Minus malum toleratur ut maius tollatur*. Меньшее зло терпим, большее – уничтожаем. Таким образом, толерантность оказывалась результатом взвешивания вероятностей дальнейшего развития событий – иногда отказ от пресечения определённых дурных действий помогает предотвратить появление больших зол.

Раннее новое время продолжает упомянутую традицию в том, что толерантность также воспринимается как способ избежать большего зла отказом от уничтожения меньшего. Значимым представляется тот факт, что в политико-правовых документах этой эпохи синонимами оказываются понятия *Indulgence* и *Toleration*. Короли из династии Стюартов второй половины XVII в. издали целую серию *Declarations of Indulgence*, то есть деклараций попустительства, снисходительности, в которых пытались разработать принципы сосуществования конфессий. Название подобных документов лучше всяких теоретических выкладок демонстрирует, каким образом воспринимались объекты, подпавшие под его действие. Предоставление конфессиям права на существование отнюдь не мыслилось здесь как признание их равноценности (что является необходимой составляющей сегодняшнего понимания толерантности), существования общей нравственной основы всех религий или чего-нибудь ещё в этом роде. Нет, это именно попустительство – публичный отказ от уничтожения неприятного явления (в силу определённых причин).

В феврале 1687 г. Яков II принял Шотландскую декларацию толерантности⁴. Для наших целей важно, что термины *toleration* и *indulgence* используются в этом документе как абсолютные синонимы. Кто выступает в этом документе объектом толерантности и почему? Король готов предоставить терпимость умеренным пресвитерианам и квакерам, но при условии, что они не будут высказываться против блага и спокойствия королевства. Пресвитериане получили право проводить религиозные собрания в частных домах, но ни в коем случае не в помещениях общественного назначения, сараях или на перекрёстках. Вряд ли стоит уточнять, что так относятся именно к нежелательному явлению, с которым нужно в силу каких-то причин мириться, при этом не давая ему распространиться. Термины *toleration* и *indulgence* не используются по отношению к радикальным пресвитерианам и католикам. Первые попадали в область абсолютного отторжения (их терпеть не собирались), вторые – в область нормального (их не нужно терпеть как «своих»).

Четвёртого апреля 1687 г. король издал английскую *Declaration of Indulgence*⁵. Между понятиями *toleration* и *indulgence* нет разницы – в названиях документов идентичного характера используются различные

термины. Печальным тоном короля-философа Яков замечает, что был бы рад видеть всех своих подданных католиками, однако понимает, что это невозможно. Таким образом, он предоставляет некоторым конфессиям право на существование против своей воли, в действительности он хотел бы другого, но так получилось – нужно оказать снисхождение. Кто конкретно оказывается в рядах терпимых? Как ни странно (впрочем, совсем не странно), на первом месте в ряду объектов терпимости оказывается *Church of England*, государственная церковь. Король гарантирует представителям англиканской церкви возможность свободно исповедовать свою религию, а также свободно и в полном объёме владеть своим имуществом. Наверное, последний момент становится главным в определении отношений между королем и *Church of England*, ибо представители государственной церкви являются несомненными грешниками в глазах короля-католика (как владельцы части бывших церковных земель, секуляризованных в ходе Реформации). Однако ради спокойствия государства король готов потерпеть.

Текст декларации добавляет несколько существенных черт для определения специфики понимания терпимости в XVII в. Согласно тексту, целью законодателя оказывается не просто прекращение столкновений между гражданами, но рост благосостояния государства. Частично этот момент поясняется в преамбуле к декларации, где король сообщает, что принимает этот документ для предоставления подданным возможности жить в лёгкости и спокойствии, для развития торговли и для поддержки иностранцев. Для окончательного выяснения смысла, который Яков II вкладывал в понятие толерантности, стоит обратиться к анализу его последней *Declaration of Indulgence*, изданной 27 апреля 1688 г.⁶ Текст предыдущего документа здесь полностью повторяется, однако король добавляет несколько показательных комментариев по поводу содержания своей политики. В частности, здесь присутствует любопытная фраза: “*We must conclude, that not only good Christians will join in this, but whoever is concerned for the increase of the wealth and power of this nation*”. То есть не только добрые христиане подпадают под действие документа, но и все, кто способствует увеличению благосостояния и мощи этой нации. Подразумевает ли король под «не только добрыми христианами» представителей других религий или неких «плохих» христиан? Вопрос не праздный, ибо в Лондоне к этому времени существовала большая иудейская община, и всего через пару десятков лет иудеи получили право учиться в английских университетах. Если бы не оговорка именно про *добрых* христиан, текст декларации можно было бы без колебаний отнести к числу самых либеральных документов эпохи. Однако, какое бы содержание не вкладывалось Яковом II в понятие снисхождения (*indulgence*), абсолютно ясным остаётся обоснование возможности его

предоставления – мы готовы терпеть кого угодно, кто способствует процветанию государства.

Стоит на полях заметить, что ни одна из упомянутых деклараций Якова II не вошла в силу, не будучи одобрена парламентом. Это не делает понимание толерантности в документах короля-католика маргинальным в английском сознании XVII в. Сравнив трактовку Якова с содержанием искомого понятия в *Toleration Act* 1689 г.⁷, принятого от имени Вильгельма Оранского и Марии, мы увидим идентичную интерпретацию понятия. Последний документ был не только разработан, но и вошёл в силу. На кого здесь распространяться снисходительность государства? Объектом терпимости становятся группы протестантов, не принадлежащих к официальной церкви, однако выполняющих определённые требования. Нонконформисты должны осуществлять церковные выплаты, которых требует Church of England (§ VI), что является необходимым условием возможности занимать государственные должности (§ VII). Представители нонконформистского духовенства получают возможность продолжать свою деятельность на условиях принятия соответствующей присяги (§ VIII). Государство обещает закрыть глаза на некоторые конфессиональные особенности нонконформистов – терпимыми признаются сомнения в необходимости крещения младенцев (§ X), празднования воскресенья (§ XVI) или возможности присягать (§ XIII). В последнем случае присяга заменяется подписанием соответствующей декларации верности (*declaration of fidelity*). Представителей нонконформистского духовенства допускается освобождать от исполнения обязанностей присяжных, а также общественных обязанностей церковного характера (§ XI).

Лучшим средством от желания приписать понятию толерантности семнадцатого века современное значение будет обращение к § XIX, в котором фиксируется размер платы за принадлежность к нонконформистской конфессии. Иными словами, за своё вероисповедание надо платить штраф. Причём взымает его официальное лицо, несущее ответственность за сохранение мира (*clerk of peace*). Таким образом, характер опасности, идущей от нонконформистов, детерминируется вопросами общественного спокойствия и безопасности.

Можно ли определить общие черты понимания принципов размежевания терпимого-нетерпимого в текстах рассмотренных документов? Они создавались разными авторами, причём находящимися по разные стороны баррикад, однако общие основания выделения терпимого и отторгаемого в документах очевидны. Отторжение ждёт тех, кто представляет угрозу для королевской власти. Стюарты отторгали тех, кто прятался во время богослужения (лелея бунт). Их Протестантские Величества не терпели наличия у подданных идей о правомерности лишения власти своего короля. Если же ты доказал свою безвредность для

государства, становишься потенциальным объектом терпимости. Однако не всякий безвредный получает блага толерантности – для того, чтобы тебя терпели, надо постараться внести вклад в рост благосостояния королевства. Подобная трактовка толерантности присутствует в работах одного из первых теоретиков толерантности Джона Локка, утверждавшего, что даже Бог иногда готов подладить Свои собственные законы под человеческие – Его закон запрещает порок, а человеческий закон устанавливает для порока допустимую меру. Так, в некоторых государствах кражу не считали преступлением⁸. Бог соглашается подправить собственные требования, если правитель изобрёл способ поставить порок на службу воспитанию добродетели. Однако порок от этого не перестаёт быть пороком, а грех – грехом.

Отнюдь не призывая к рецепции конкретного содержания понятия терпимости семнадцатого века, автор этих строк хочет обратить внимание на то, что из наследия раннего нового времени можно было бы использовать и в современной парадигме. Толерантность не обязывает признающего её ценность непременно *принять* чужую позицию, достаточно её терпеть, не проявлять по отношению к ней агрессивности. Это отнюдь не оказывается умалением принципа уважения к чужим убеждениям, это лишает понятие толерантности аморфных очертаний всеядности и некритической готовности признать «своим» любой из существующих вариантов видения мира.

¹ Bejczy I. *Tolerantia: A Medieval Concept* // Journal of the History of Ideas. – July 1997. – Volume 58, Number 3. – P. 368.

² Decretalium d. Gregorii Papae IX (Origin: <http://www.thelatinlibrary.com/gregory.html>); Decretum Gratiani (Origin: <http://mdz.bib-bvb.de/digbib/gratian/text>)

³ Bejczy I. *Op.cit.* – P. 370.

⁴ Scottish Declaration of Toleration, February 12, 1687. (Origin: <http://www.jacobite.ca>)

⁵ Declaration of Indulgence of King James II, April 4, 1687. // English Historical Documents, 1660-1714. Edited by A. Browning. – L., 1953. – P. 399-400.

⁶ Declaration of Indulgence of King James II, April 27, 1688. // English Historical Documents, 1660-1714. Edited by A. Browning. – L., 1953. – P. 400.

⁷ Toleration Act, 1689. // English Historical Documents, 1660-1714. Edited by A. Browning. – L., 1953. – P. 400-403.

⁸ Локк Дж. Опыт о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М., 1988. – Т. 3. – С. 76.

**ВИЗАНТИЙСКОЕ РОСТОВЩИЧЕСТВО НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ
ЭКОНОМИКИ И РЕЛИГИИ:
МЕНТАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ**

Моральная оценка кредитно-денежных операций может служить одним из наиболее ярких показателей «экономического мировоззрения» общества. В этом плане исключением не была и Византия, торговля которой была сопряжена со значительным развитием кредитно-ростовщических операций. Традиционным стало утверждение о негативном отношении к ростовщичеству в византийском обществе, об активном осуждении лихвы и взимания процентов, которое шло от стихийного общенародного отношения к нему и активно использовало христианскую форму. Обычны при этом ссылки на агиографические источники, в которых нередко встречаются упоминания о товарно-денежных отношениях.

К примеру, византинисты нередко ссылаются на Чудеса вмч. Артемия (570-660 гг.). В этом памятнике повествуется о том, что сын менялы и ростовщика (христокаталлакты и симодария), которого родители пытались приобщить к профессии отца, будучи мальчиком религиозным, настолько стыдился «жалкого позорного прибытка» отца, получаемого за счет сдирания с должников безмерных процентов, что стал священнослужителем.

О ненасытности ростовщиков, желавших, чтобы люди подвергались «нуждам и бедствиям» и прибегали к ним за денежной помощью, писал Григорий Нисский. По его словам, заимодавец «каждодневно пересчитывает свои доходы, и никогда не довольствуется ими; досадует на золото, которое лежит у него дома, ибо оно остается без всякого употребления и прибытка». По свидетельству Иоанна Златоуста, многие трапезиты «прилагают проценты к процентам и гоняются путем неправды за всякой прибылью».

Однако упомянутая позиция исследователей кажется, все же, излишне категоричной и прямолинейной, и данные источников (в том числе и тех же агиографических) позволяют ее пересмотреть. Значительный интерес в данном случае представляет житие Спиридона Тримифунтского (ум. ок. 348 г.), составленное епископом кипрского города Пафа Феодором (ок. 625 г.). В Житии повествуется о том, как Спиридон несколько раз ссужал деньги приходившему к нему купцу, не взимая при этом никаких процентов. Торговец самостоятельно возвращал долг, кладя деньги в ящик в доме святого. Однажды купец, убедившись в том, что святой никак не проверяет возврата денег, решил не возвращать ссуду. Утаенные деньги не пошли торговцу на пользу, торговля пришла в упадок, и когда он в очередной раз явился за ссудой, Спиридон

предложил ему взять деньги самому, поскольку он знает, где они лежат. Когда же купец нашел сундук пустым, святой заявил, что, очевидно, в прошлый раз долг не был возвращен, поскольку после купца к ящику никто не касался и пристыженный должник, пав на колени, умолил святого о прощении¹. Ранее я полагал, что святой настаивал на возврате суммы долга, не взимая при этом процентов², однако в «системе координат» проповедей Григория Нисского речь может идти о том, что Спиридон подавал милостыню купцу, просящему ее под видом займа (под видом благоприличия), то есть осуществлял «первую степень благотворительности». Показательно безразличие святого к возврату долга – он не проверяет, вернул ли купец деньги и сполна ли сделал это, поскольку подавал милостыню, а не давал займы, и, следовательно, изначально не рассчитывал на возврат денег. Когда же торговец, обманув Спиридона и не вернув взятое в ящик, в очередной раз обращается за деньгами, святой не отказывает ему и позволяет взять просимое из сундука. Он, безусловно, в очередной раз воспринимает происходящее как подавание и готов осуществить его, если только у него обнаружатся необходимые средства.

Как мы видим, даже святой мог, согласно житийной литературе, выступать в качестве займодавца, если он не требовал при этом никаких процентов. Этот мотив мы встречаем и в житии преп. Иоанна Милостивого, архиепископа Александрийского (610-619), принадлежащем перу Леонтия Неапольского (620-640-е гг.). Иоанн не раз ссужал александрийских купцов и деньгами (на значительные суммы в 5-10 литров золота), и товарами (в основном зерном из житниц патриархии), и не нарекал, когда заемщик не мог вернуть ссуду даже после благополучного возвращения в Александрию.

Еще более интересно другое обстоятельство, столь ярко подчеркнутое в житии Спиридона, а именно – идея справедливого воздаяния при предоставлении ссуд. Очевидно, в житии подчеркивалось, что следует не только одалживать деньги без начисления процентов, но и возвращать долги в срок и сполна. Вероятно, так на практике применялся заложенный в Евангелии принцип деловых отношений: «как хотите, чтобы люди поступали с вами, так и вы поступайте с ними».

Пожалуй, наиболее подробно позицию церкви по отношению к ростовщичеству выразил Григорий Нисский (335-396 гг.) в «Слове против ростовщиков». Здесь он подчеркивал, что прошение денег займы – то же, «что и прошение милостыни, только имеющее вид благоприличия», и поэтому следует подавать нуждающимся, не только не взимая с них лишвы, но и не требуя обязательного возврата начальной суммы кредита (моральная ответственность за ее возвращение перекладывается, как следует из жития Спиридона Тримифунтского, на должника). Беспроцентную ссуду проповедник считал «второй степенью

благотворительности» (первая степень – «безвозмездное даяние»), и утверждал, что «достойны наказания как тот, кто отказывает в одолжении, так и кто одалживает с налогом лихвы. Первый будет судим как человеконенавистник, второй – как корыстолюбец». Такое же требование сохранить возможность ссуды при одновременной отмене ростовщического процента выдвинул в XIV в. в своем сочинении «Слово против ростовщиков» Николай Кавасила.

Впрочем, постулированные проповедниками требования были неосуществимы на практике, и простые соображения благочестия, не связанные с получением определенной выгоды, не могли заставить потенциальных займодавцев расстаться со своими капиталами: «или не дадим, или дадим с условием, чтобы должник уплатил такое-то количество лихвы» - так передает Григорий Нисский типичную позицию потенциальных ранневизантийских займодавцев. Заметим, что точно так же поступали, по словам Николая Кавасилы, и поздневизантийские ростовщики: «Они же (ростовщики – А.Д.), так как не дозволяется брать проценты, решают не давать в долг, сами упраздняют в городах кредиторов и закон порицают за это». И еще более точно: «Никто не будет давать займы деньги, если не будет надежды получить проценты».

Несовместимость проповедуемого отношения к ростовщичеству однозначно показала попытка Василия I (867-886) запретить взимать проценты по ссудам (Prochiron. XVI. 14). Запрет не распространялся лишь на несовершеннолетних и сирот. Базировавшиеся на христианском отношении к взиманию процентов нововведения императора вызвали одобрение широких слоев населения, однако просуществовали недолго, и уже Лев VI (886-912) в своих новеллах отказался от них. Считая закон Василия I прекрасным, он вынужден был признать, что без взимания процента само существование кредитных отношений ставится под угрозу (Les Nouvelles de Leon VI le Sage. LXXXIII). «Это распоряжение (Василия I о запрете взимания ссудных процентов – А.Д.) вследствие бедности народа привело не к лучшему, как думал законодатель, а к худшему. Раньше, в надежде на процент, многие охотно давали ссуду; когда же появился закон, согласно которому нельзя было извлекать выгоду из представления ссуды, некоторые стали бесчеловечными, жестокими и неотзывчивыми к нуждающимся в подобной ссуде... В результате... закон, сам по себе доброжелательный, не принес пользы, но причинил вред... Природа человека не достигла той высоты, на которой находится этот закон, и поэтому мы отменяем этот прекрасный закон». Таким образом, призывы церкви к запрету ссудного процента, «сбавке долгов и совершенному прощению долговых обязательств (chreon arosoraí, othlematon synchoreseis)», как об этом сказано в Житии св. Георгия Амастридского, остались бесплодными.

Иными словами, практика показала, что высокий идеал, зафиксированный в законе Василия I, был несовместим с жизненными реалиями, отрицательно отражался на торговых сделках и сдерживал развитие торговли. Эти обстоятельства вынудили Льва VI пойти на восстановление старого законодательного акта Юстиниана, признававшего возможность взимания процентов, но регламентировавшего их максимальный уровень в зависимости от социального статуса кредитора (Basil. XXIII. 3. 73, 74, 76; ср.: Cod. Just. IV. 26; IV. 32; Nov. Just. 32, 1 и др.). Как и в VI в., профессиональным ростовщикам было позволено взимать 8% годовых, представителям знати – 4%, всем прочим лицам – 6%. В особых случаях, связанных с риском потери капитала (прежде всего – ссуды на морскую торговлю), как и ранее, позволялось начисление 12% (Basil. XXIII. 3. 73, 74, 76; ср.: Cod. Just. IV. 26; IV. 32; Nov. Just. 32, 1). Предельно разрешенный процент не мог быть превышен даже по взаимной договоренности сторон. Если же превышение предписанного законодательством процента по ссудам все же допускалось, то незаконно выплаченные деньги должны были идти в счет погашения основной суммы долга.

Очевидно, начисления таких процентных ставок было вполне достаточно для нормального ведения кредитных операций и извлечения прибыли вполне пристойного уровня. Близкий уровень кредитных ставок автоматически установился в мусульманском восточном городе XI в., где ссудный процент редко превышал 6-10% годовых.

Таким образом, Лев VI расценивал ростовщичество как «необходимое зло», избежать которого в идеале хотелось бы, но на деле, к сожалению, было невозможно. Жизненные реалии неумолимо вынуждали отказываться от умозрительных идеалов. Подобную ситуацию можно отметить и на средневековом мусульманском Востоке, где, с одной стороны, ростовщические операции осуждались, с другой – признавалась невозможность ведения торговли без использования кредита.

Именно вследствие описанной ситуации отношение к ростовщичеству в Византии, как представляется, было амбивалентным, а не сугубо отрицательным. Это отразилось, в частности, в агиографической литературе, иногда даже показывающей ростовщиков в самом благоприятном свете. Так это было сделано в прологе о Феодоре-купце и еврейском ростовщике Абраме. Как повествуется в этом источнике, Абрам трижды соглашался давать ссуду Феодору, не требуя у него возврата взятых ранее денег и имея в качестве своеобразного поручительства только изображение Иисуса Христа. В итоге, когда должник, осуществив удачный торговый рейс, смог сторицей вернуть кредит, предоставив четыре тысячи литров вместо взятой в долг тысячи, еврей был настолько поражен силой христианского бога, что изменил вероисповедание, а все свои деньги вложил в строительство часовни, где

стал служить священником. Очевидно, что в Византии даже неодобрительно воспринимаемая в обществе профессия ростовщика не была все же, используя выражение Р. Лопеца, «объектом неразборчивой ненависти».

Можно предположить, что «неразборчивая ненависть» и тотальное осуждение миновало тех ростовщиков, которые не осмеливались преступать закон и взимать более высокие проценты, чем это предписывалось законодательством. Деятельность таких заимодавцев допускало само государство, как бы определяя ставку процента, взимание которой не ведет к нарушению христианских канонов. В определенной мере, законодательство, разрешавшее взимание процентов, выполняло своеобразную компенсаторную функцию – оно позволяло ростовщикам легче согласиться на деятельность, с осуждением воспринимаемую в проникнутом христианскими традициями обществе. По замечанию Николая Кавасилы, ростовщики не гнушаются своих доходов именно потому, что их деятельность не осуждается (от себя отметим – даже одобряется, или, по крайней мере, признается необходимой) законом.

Безусловно, это только предположение, но стоит заметить, что подобного рода установка существовала в Османской империи. Здесь кредитные операции под фиксированный процент (20 %) не считались ростовщицеством и не воспринимались как нарушение запретов Корана. Как рыба (собственно ростовщицество) расценивались только те кредитно-денежные сделки, которые влекли за собой начисление лихвы, превышавшей 20%. Вполне возможно, что нечто подобное могло существовать и в раннесредневековой Византии, где светские и церковные порядки были взаимопроникающими. Так, говоря словами Ф. Броделя, религия, постоянно твердя «нет» «нововведениям рынка, денег, спекуляций, ростовщицества», в конце концов, отвечала «да» и шла на «aggiornamento – приспособление к современности».

Интересным также представляется сопоставление идеи ограниченного ростовщического процента с идеей «справедливой цены» (*iustum pretium*, *to dicaion timema*) и нормированием процента прибыли для членов некоторых константинопольских корпораций. Идея «справедливой цены» также проникла в житийную литературу, и агиограф Антония Великого (IV в.) вкладывал в уста святого следующие слова: «В этой настоящей жизни цена покупаемой вещи бывает равна тому, чего она стоит, и не более того получает продавец. Но обетование вечной жизни приобретается за слишком малую цену: оно подается нам за жизнь кратковременную». В Византии, как и в Западной Европе, существовало оправдание деятельности купца, если при этом не нарушался принцип справедливого уровня вознаграждения. Вполне возможно, что такая же ситуация могла быть характерной и для ростовщической деятельности.

Очевидно, описанное отношение к ростовщичеству было не только наиболее выгодным, но и единственно возможным в условиях христианского общества, которому не был чужд не только религиозный пуризм и фанатизм, но и чувство выгоды. Оно настолько сильно проникло в мировоззрение ромеев, что даже подавание беднякам приравнялось к займу, который давался не кому иному, как самому Богу: «Ведь говорят: «Кто дает бедному, тот ссужает Богу. А Бог святой воздаст..., и дарует царство небесное»³.

¹ Le legende de S. Spyridon eveque de Trimithonte, 21 / Ed. P. Van den Ven. – Louvain, 1953. – P. 92.

² См.: Домановский А.Н. Об отношении к ростовщичеству в раннесредневековой Византии // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции (Харьков, 4-6 ноября 2004 г.). – Х., 2004. – С. 69-70; ср.: Домановский А.Н. Милостыня, ссуда и ростовщичество в ментальной картине мира ромея: опыт сопоставления // Курбатовские чтения. Материалы ежегодной межвузовской конференции по истории и культуре средних веков и раннего нового времени. – СПб., 2006. – С. 10-11; Домановский А.М. Державне регулювання лихварства у Давній Русі в порівнянні з ранньосередньовічною Візантією // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Тези доповідей V Міжнародної студентської наукової археологічної конференції (Чернігів, 14-16 квітня 2006 р.). – Чернігів, 2006. – С. 34-36.

³ Еще история Человека Божьего, которая была записана в городе Риме, его божественном образе жизни и о том, как он покинул мир / Пер. А.В. Пайковой // Пайкова А.В. Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии. – Л., 1990. – С. 104.

Ю.П. Зайцев (Симферополь, Украина)

ВОТИВНЫЕ КЛАДЫ

СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ III-I вв. до н.э. ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

С конца XIX в. в Северном Причерноморье находили так называемые «клады», датированные эллинистическим временем и состоявшие из разнообразных предметов конской узда, реже – в сочетании с оружием, шлемами и металлическими сосудами. Приблизительно до конца 80-х гг. XX в. большинство таких находок считали инвентарем разрушенных погребений¹.

Однако постепенно стало очевидно², что, несмотря на большое количество раскопанных курганов и некрополей, подобный набор предметов крайне редко был встречен в составе синхронных погребений. Когда же такие «клады» были обнаружены во время археологических

раскопок (Семеновка, Новые Бедражи, Снигиревка, Нововасильевка и др.), их непосредственная связь с захоронениями отсутствовала, а рядом были зафиксированы следы кострищ, скопления фрагментов разбитых сосудов и т.п.

В начале 90-х гг. XX в. по отношению к подобным находкам впервые были применены понятия «жертвенный комплекс»³, «памятники поминального характера, связанные с воинским культом»⁴ или «вотивные клады»⁵. Тенденция называть данную группу находок «странными комплексами»⁶, проявившаяся в последнее время, связана с упоминанием этого словосочетания в одной из работ М.Б. Щукина⁷.

Термин «вотивный клад» - русскоязычное словосочетание, производное от английского «votive deposition» и немецкого «Hortfunde, votive Hortfunde». Эти термины, несмотря на их определенную условность, постоянно применяются в европейской археологии с XIX в. и обозначают обширную категорию находок, прямо не связанных с контекстом поселений и захоронений⁸.

В конкретном случае понятие «вотивный клад» относится к специально закопанным предметам конской узда, воинского снаряжения и сосудам, которые по условию находки не соотносятся с человеческими или конскими погребениями.

При этом такое определение не исключает жертвенного, поминального или любого другого характера этих находок.

Яркий и необычный состав вотивных кладов Северного Причерноморья в сочетании с трудностями хронологии и этнической интерпретации привели к формированию взглядов и мнений, часто прямо противоположных друг другу.

Сначала большая часть таких кладов считалась позднескифскими, с датировкой III-II вв. до н.э.⁹, а некоторые – кельтскими¹⁰.

Несколько позже, в русле разработки проблемы сарматского завоевания Скифии в III-II вв. до н.э., вотивные кладов Северного Причерноморья стали практически единогласно определять как сарматские. При этом одни исследователи рассматривают их как свидетельство сарматского (сиракского) присутствия в регионе в III – начале II вв. до н.э.¹¹. Другие связывают феномен вотивных кладов с событиями Митридатовых войн первой трети I в. до н.э.¹².

Недавно снова оформилась точка зрения, авторы которой отрицают их сарматскую принадлежность¹³, тем самым как бы возвращаясь к определению их как поздних скифских.

На карте Северного Причерноморья одним из мест наибольшей концентрации вотивных кладов является его северо-западная часть, где известно 14 таких комплексов, 6 из которых исследовано археологически.

Анализ известных вотивных кладов как Северо-Западного, так и всего Северного Причерноморья, позволяет считать **предметы конской**

узды главным, диагностирующим их элементом и разделить эти клады на две основные группы. В первой группе в различных комбинациях представлено только конская упряжь. Во второй группе она сочетается с предметами вооружения и воинского снаряжения, а также с чашами из различных материалов.

В свою очередь, каждая из групп может быть разделена на подгруппы по способу помещения предметов в грунт: в металлическом сосуде, в шлеме и без вместилища. В последнем случае теоретически вероятны емкости из органических материалов – деревянные сосуды, мешки и т.п.

Основные категории находок votивных кладов Северо-Западного Причерноморья:

1. Предметы конской упряжи: функциональные (удила, псалии, ворворки, подпружные пряжки) и защитно-декоративные (налобники, фалары, обоймы, подвески, крупные бусины, нащечники и т.д.).

По этому признаку клады Северо-Западного Причерноморья отличаются определенной спецификой. Так, например, только здесь найдены плоские бляхи-фалары (Новые Бедражи, Веселая Долина, Трушешти), обоймы-колечки (Снигиревка, Семеновка, Веселая Долина, Великопоское), и т.н. «перстневидные» бляхи с зажимами (Великопоское, Снигиревка).

Также любопытно, что только на этой территории (Бубуечь, Великопоское, Новые Бедражи, Веселая Долина) сосредоточены „кладовые“ находки фаларов и других украшений с бруи особой стилистической группы, отличительными чертами которой являются плоский фон, зональное деление композиции, геометрические орнаменты, схематичное изображение людей и животных¹⁴.

Бронзовые пластинчатые налобники с крючком (Великопоское, Снигиревка, Нововасильевка, Семеновка, Тараклия, Бубуечь) имеют одну характерную локальную особенность, неизвестную на других территориях – сильно расширенную секировидную лопасть.

Особое место в системе доказательств принадлежности votивных кладов сарматам/сиракам было отведено железным удилам с крестовидными псалиями, найденным в Северо-Западном Причерноморье¹⁵. Вопреки заключению А.В. Симоненко, эти предметы отличаются от кубанских находок целым рядом специфических деталей и по этой причине не могут быть «индикатором» меото-сиракских древностей Северного Кавказа¹⁶.

2. Бронзовые сосуды: литые котлы скифских типов (Бубуечь, Великопоское), латенский таз или котел с железными ручками (Великопоское) и импортные кованые ситутлы с железными ручками (Марьевка, Новые Бедражи, Веселая Долина).

Концентрация находок таких ситул именно в нижнем течении рек Северо-Западного Причерноморья очевидна: к упомянутым «кладовым» ситулам можно добавить аналогичные находки из Сипотен и Бэдени. В восточных регионах Причерноморья таких сосудов известно только два (Новочеркасск и хут. Северный).

Значительный процент вотивных кладов, помещенных в металлический сосуд – еще один отличительный признак западно-причерноморской группы. Здесь таких случаев известно пять (Бубуечь, Веселая Долина, Марьевка, Великопловское, Новые Бедражи), тогда как на восточной периферии «кладового» ареала – всего два (Левая Россошь и Качалинская).

3. Предметы вооружения: наконечники стрел, наконечники и втоки копий. Характерный признак – их повреждение. Наконечники стрел всегда помещались в клад без древков, часть наконечников копий было согнуто.

4. Элементы защитного доспеха: импортные шлемы псевдоаттического типа (Гэвани, Бубуечь) и типа Монтефортино (Марьевка, Беленькое, Веселая Долина). Оба типа шлемов распределены по территории Северного Причерноморья в целом равномерно, но с некоторым количественным преобладанием в восточной части ареала.

5. Детали поясной гарнитуры: кольца и пряжки латенского (Бравичены, Марьевка) и «позднескифского» (Веселая Долина) типов. Это еще одна категория находок, которая отмечена в составе кладов только на территории Северо-Западного Причерноморья.

6. Сосуды для питья: чаши из различных материалов – стекла (Семеновка), серебра (Великопловское), серебряные и золотые оковки деревянных сосудов (Гэвани, Великопловское, Веселая Долина). Вне зоны Северо-Западного Причерноморья серебряные сосуды в составе вотивного клада встречены лишь однажды (Булаховка)¹⁷, а оковки деревянных сосудов пока неизвестны. Таким образом, и этот признак для западно-причерноморской группы является одним из определяющих.

7. Керамические сосуды. Эта категория находок непосредственно в вотивных кладах не встречена, но в трех случаях (Семеновка, Снигиревка, Новые Бедражи) рядом с местом находки кладов обнаружены разбитые амфоры, а еще в одном (Твардица) вместе с двумя амфорами найдены чернолаковый и лепные сосуды.

Вопросы этнокультурной принадлежности и хронологии.

Даже краткий обзор вотивных кладов Северо-Западного Причерноморья показывает, что они имеют целый ряд выразительных локальных черт, отличающих их от подобных находок на остальной территории Северного Причерноморья.

Сейчас уже для многих очевидно¹⁸, что наиболее результативным оказывается сопоставление вотивных кладов Северо-

Западного Причерноморья с Тираспольской группой курганных могильников как по составу находок, так и в хронологическом аспекте.

Поэтому нет оснований считать votivные клады Северо-Западного Причерноморья результатом сарматского присутствия и, тем более, кратковременного рейда сираков Прикубанья в составе войск Митридата VI Евпатора в начале I в. до н.э.¹⁹ Значительная часть этих кладов датируется III – первой половиной II вв. до н.э., и может быть сопоставлена с историческими событиями именно этого промежутка времени.

Очевидно, что традиция votivных кладов – это особое явление в археологических культурах Восточной Европы эллинистического времени (III-I вв. до н.э.). На различных территориях эта традиция имела свои локальные черты, которые к тому же изменялись со временем.

Еще одна важная проблема, которая не может быть пока решена окончательно, это этнокультурная атрибуция погребений Тираспольской группы. Мнение об их сарматской/сиракской принадлежности, сформулированное в первых обобщающих работах по результатам новейших раскопок²⁰, затем было аргументированно оспорено²¹. Если же говорить о votivных кладах Северо-Западного Причерноморья как одной из составляющих культуры Тираспольских курганов, то в них отчетливо выражены «скифский» и «европейский» компоненты при практически полном отсутствии признаков археологических культур, расположенных к востоку от Дона²².

¹Яценко И.В. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца // КСИА. № 89. – 1962; Гушина И.И. Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. МИА СССР. - № 169. – 1969.

²Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф., 1984. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопольское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев; Симоненко А.В., 1993. Клады снаряжения всадника 2-I вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар; Симоненко А.В., 2001. Погребение у с.Чистенькое и "странные" комплексы последних веков до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып.4. Волгоград; Шукин М.Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.; Mordvintseva V., 1999. A Typology of the Sarmatian phalerae III Century BC - II Century AD // Acta Archaeologica. Vol. 70. København; Mordvintseva V., 2001. Sarmatische Phaleren. Rahden.

³Трейстер М.Ю., 1992. Кельти у Північному Причорномор'ї. Археологія. № 2; Шукин М.Б. 1994, Op. cit.

⁴Симоненко, 1993, Op. cit.

⁵Mordvintseva, 1999, Op. cit.

⁶Симоненко 2001, *Op. cit.*; Симоненко А.В., 2005. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар; Раев Б.А., Симоненко А.В. 2007. «Странные комплексы»: от эпохи Латена до Могилы неизвестного солдата // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Часть II. СПб.

⁷Шукин, 1994, *Op. cit.*

⁸Kurz, G., 1995 *Keltische Hort- und Gewässerfunde in Mitteleuropa Deponierungen der Latènezeit*. Stuttgart.

⁹Симоненко А.В., 1982. О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии. Киев; Дзис-Райко, Суничук, 1984, *Op. cit.*

¹⁰Трейстер, 1992, *Op. cit.*

¹¹Шукин, 1994, *Op. cit.*; Виноградов Ю.А., 1999. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (своеобразие стабилизации в регионе второй половины III – первой половины II вв. до н.э.) // *Hyperboreus: studia classica*. Vol. 5. Fasc. 1; Яровой Е.В., Четвериков И.А., 2000. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глинное) // Чобруцкий археологический комплекс и древние культуры Поднепровья. Тирасполь; Дзиговский А.Н. 2003. Очерки истории сарматов карпато-днестровских земель. Одесса.

¹²Полин С.В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев; Симоненко, 2001, *Op. cit.*; Симоненко А.В., 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар; Симоненко, 2005, *Op. cit.*

¹³Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2003. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. № 3; Зайцев Ю.П., 2005. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар; Зайцев Ю.П., 2007. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии 3 в. до н.э.) // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Часть II. СПб., 2007; Мордвинцева В.И., 2008. Фалары из вотивных кладов Северного Причерноморья 3-1 вв. до н.э. и сарматская парадигма // Вестник Древней Истории. № 1.

¹⁴Мордвинцева В.И., 2001. Декоративные пластины из Бубуча // РА. № 2.

¹⁵Симоненко, 2001, *Op. cit.*

¹⁶Зайцев, 2005, *Op. cit.*

¹⁷Относительно Ахтанизовского «клада», где также встречены серебряные сосуды, есть большие сомнения в том, что единый комплекс.

¹⁸Яровой, Четвериков, 2000, *Op. cit.*; Дзиговский, 2003, *Op. cit.*; Зайцев, 2005, *Op. cit.*; Зайцев, 2007, *Op. cit.*

¹⁹Симоненко, 2001, *Op. cit.*; Симоненко, 2004, *Op. cit.*; Симоненко, 2005, *Op. cit.*

²⁰Яровой, Четвериков, 2000, *Op. cit.*; Четвериков И.А., 2002. Варварское население Нижнего Днестра во второй половине 3 в. до н.э. (попытка этнополитической реконструкции Тираспольской группы) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь; Дзиговский, 2003, *Op. cit.*

Глебов В.П., 2004. Тираспольская группа памятников Поднестровья – сарматы, сираки, скифы // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Вип. XI. Запоріжжя; Симоненко, 2005, Ор. cit.

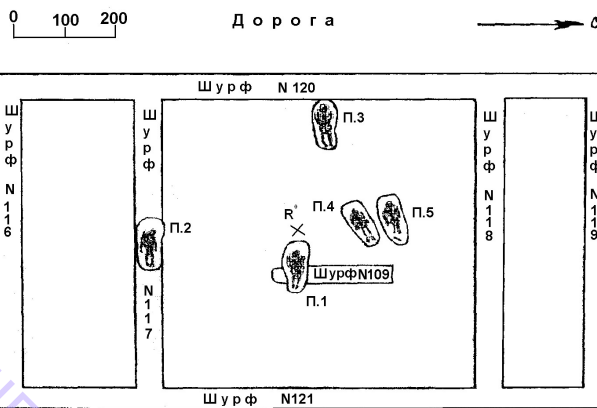
²²Зайцев, 2005, Ор. cit.; Зайцев, 2007, Ор. cit.

Иванова С.В., Субботин А.В., Анохин Е.В. (Одесса, Украина)
**ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК У С. БУРЛАЧЬЯ БАЛКА В
ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ**

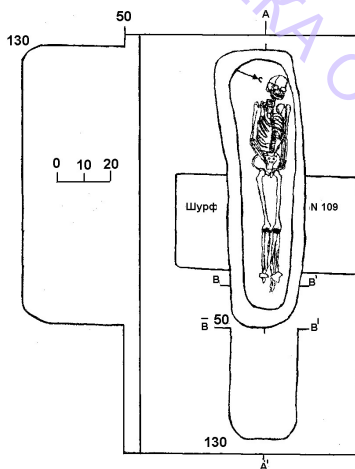
В 2007 г. экспедиция Института археологии НАНУ проводила исследования на полях вблизи с. Бурлачья Балка Овидиопольского района Одесской области, на расстоянии около 1,5 км к востоку от села (строящийся жилмассив Совиньон-4). В результате системной шурфовки поля (шаг 20 м) был выявлен грунтовый могильник (какие-либо опознавательные знаки, насыпи, нарушения почвенного слоя отсутствовали).

Могильник состоял из пяти захоронений.

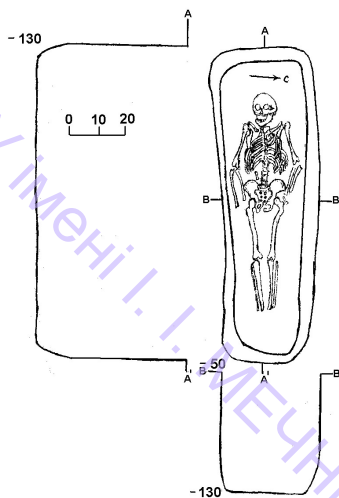
Погребение 1 обнаружено в шурфе 109, на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности. В 0,2 м к западу от западной ее стенки был установлен условный репер. Яма удлиненных подпрямоугольных очертаний, ко дну сужается, ориентирована по линии З-В. Длина на уровне обнаружения 2 м, ширина в изголовье 0,65 м, в ногах – 0,55 м, южная стенка вогнута. Глубина погребальной камеры – 0,8 м от уровня обнаружения (-1,3 м от современной поверхности), заполнение черноземное. Ко дну яма приобретает удлиненно-овальные очертания и следующие размеры: длина 1,8 м, ширина в изголовье 0,5 м, в ногах – 0,35 м. В верхней части ямы, в заполнении, в головах и ногах погребенного, зафиксированы остатки жердей (диаметром 2-3 см) от поперечного перекрытия. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кистью лежит на крестце. Погребальный инвентарь отсутствует. Подстилка либо циновка не зафиксированы.

Общий план могильника.

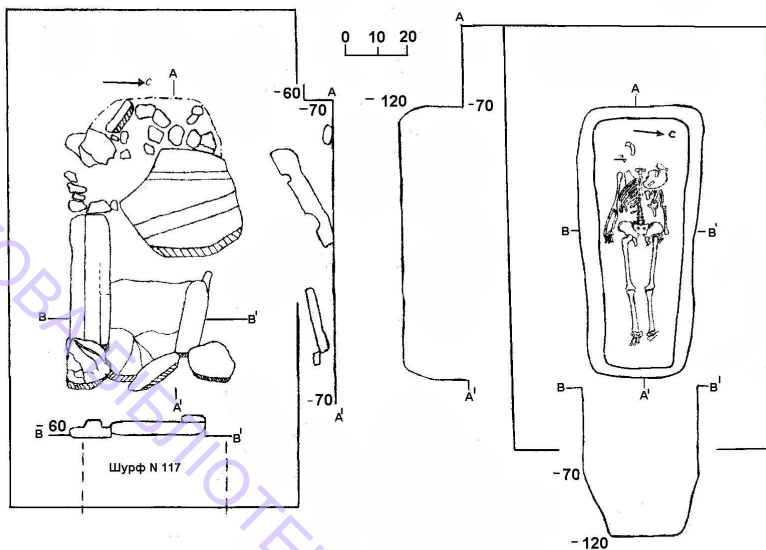

Погребение 1.

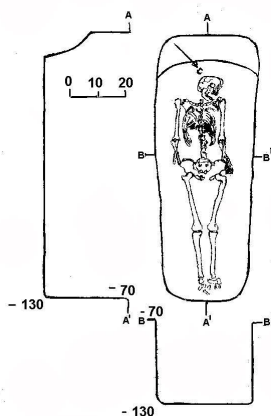

Погребение 3.

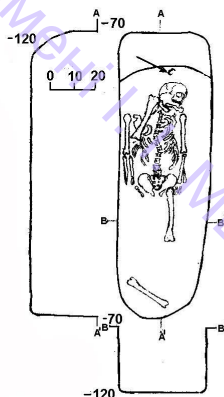
Рис. 1 Совиньон- 2007

Погребение 2, с каменным закладом.

Погребение 4.

Погребение 5.

Рис. 2 Совиньон-2007

Погребение 2 обнаружено в 6 м к югу от репера, на глубине 0,4 м, по каменному закладу. Заклад занимал площадь 2х1,2 м, был вытянут

по линии 3-В и представлял собой три крупных каменных плиты известняка и несколько мелких камней. Западная часть заклада разрушена, состояла из скопления мелких камней размером от 0,1 до 0,4 м, размещенных на разной глубине – от 0,4 м до 0,7 м, под ними – фрагмент ручки кувшина (?), покрытый светло-коричневой, с зеленоватым оттенком, глазурью, который, видимо, попал сюда при разрушении перекрытия. Три крупных плиты обработаны. Одна из них подпрямоугольных очертаний, размером 0,6х0,6 м, толщина 0,1 м, находилась в восточной части ямы. Другая плита, размером 0,9х0,3 м, имела выступ в центральной части, по всей длине плиты, шириной 0,1 м, высотой 5 см. Третья плита, в центральной части заклада, размером 0,8х0,7 м, имела толщину от 0,1 до 0,17 м. На ее внешней поверхности сделаны два паза, идущие под углом друг к другу. Глубина их – 5 см, ширина одного – 4 см, другого – 11 см. Под каменным закладом, на глубине 0,7 м от современной поверхности, находилась погребальная камера. Ориентирована по линии 3-В В, западной ее части, под разрушенным перекрытием, в заполнении, обнаружена нижняя челюсть человека. Могильная яма подтрапециевидных очертаний, длина ее 2,14 м, ширина в изголовье 0,96 м, в ногах 0,78 м. Глубина ямы 0,5 м от уровня обнаружения (-1,2 м от современной поверхности). Заполнение ямы – чернозем с примесью глины, в верхней части – глинистые затеки. Ко дну яма сужается и приобретает размеры: длина 1,95 м, ширина в изголовье – 0,72 м, в ногах – 0,56 м. На дне находился скелет в вытянутом положении на спине, головой ориентирован на запад. Череп смещен, теменем повернут на восток, лежит на левом предплечье. Отдельные кости (грудина) также смещены. Руки умершего вытянуты вдоль туловища, кисть левой прижата к тазу. Погребальный инвентарь отсутствует. Подстилка либо циновка не зафиксированы.

Погребение 3 расположено в 3,5 м к 3 (с небольшим отклонением к С) от репера. Обнаружено на глубине 0,4 м от современной поверхности. Ориентировано по линии 3-В. Могильная яма подтрапециевидных очертаний, длиной 2,05 м, ширина в изголовье – 0,8 м, в ногах – 0,68 м. Южная стенка слегка вогнута. Глубина ямы – 0,8 м от уровня обнаружения (-1,2 м от современной поверхности). Ко дну яма сужается, приобретая размеры: длина – 1,9 м, ширина в изголовье – 0,65 м, в ногах – 0,48 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад, руки слегка согнуты в локтях, кистями направлены к тазу. Погребальный инвентарь отсутствует. Подстилка либо циновка не зафиксированы.

Погребение 4 обнаружено в 2 м к С-3 от репера, на глубине 0,7 м от современной поверхности. Погребальная камера ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Она имела подтрапециевидные очертания, длина ее – 1,9 м, ширина в изголовье – 0,73 м, в ногах – 0,63 м. Ко дну длина ямы уменьшается до 1,7 м, за счет формы стенки в изголовье, ширина остается

прежней. Глубина ямы – 0,6 м (-1,3 от современной поверхности). Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вытянуты вдоль тела, кисти у таза. Череп склонен к левому плечу. Погребальный инвентарь отсутствует. Подстилка либо циновка не зафиксированы.

Погребение 5 обнаружено в 3 м к С от репера, в 0,4 м к С от погребения 4, на глубине 0,7 м от современной поверхности. Оба захоронения – 4 и 5 – имели одинаковую ориентировку и сходные очертания могильной ямы. Погребальная камера была длиной 2,15 м, шириной в изголовье – 0,7 м, в ногах – 0,65 м. Глубина 0,5 м (-1,2 м от современной поверхности). Короткая стенка в ногах закруглена. Ко дну длина ямы уменьшается до 1,9 м, за счет формы стенки в изголовье, ширина остается прежней. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на З-ЮЗ. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти у таза. Позвоночный столб изогнут, череп склонен к левому плечу. Правая часть скелета повреждена, сдвинуты ребра, лопатка, правая рука смещена ближе к стенке. На месте сохранилась левая бедренная кость, левые берцовые кости отсутствуют. Правая бедренная кость лежит на костях скелета, на правой, поврежденной половине туловища, верхним эпифизом к черепу. Берцовая кость одной из ног – у короткой (восточной) стенки могильной ямы. Видимо, разрушение произошло вскоре после захоронения, т.к. правая рука смещена вся, что свидетельствует о целости сухожилий. Погребальный инвентарь отсутствует. Подстилка либо циновка не зафиксированы.

В Киевской лаборатории получены радиоуглеродные даты для захоронений 1 и 3 (прилагаются). Судя по результатам, могильник относится к золотоордынскому времени и датируется серединой XIV в.

Исследователи отмечают довольно небольшое (ок. 70) количество захоронений, которые можно с уверенностью отнести к золотоордынскому периоду, хотя серия погребений в курганах Северо-Западного Причерноморья, выполненных по стандартному ритуалу (вытянутое положение на спине с западной ориентировкой), довольно представительна¹. Но так хоронили своих умерших и сарматы, и печенег, и половцы позднего этапа², и кочевники золотоордынского периода. Безынвентарность большинства из них и является причиной невозможности четкой культурной атрибуции. В нашем случае радиоуглеродный анализ позволил определить время совершения захоронения.

В политическом отношении в рассматриваемый период наш регион являлся частью территории улуса Ногай, входившего, в свою очередь, в Джучидский улус – правое крыло Золотой Орды³. Улус Ногай был образован в 70-е гг. XIII в. и соотносился с территорией Нижнего Подунавья и Поднестровья. С конца XIII в. фиксируется золотоордынский слой в Белгороде-Днестровском⁴. После разгрома улуса складывается

крупный очаг оседлой культуры: оседлый тип преобладает над кочевой стихией вплоть до изгнания иноземцев из междуречья Прута и Днестра в 80-е гг. XIV в.⁵

Интересен тот факт, что в могильнике встречены два антропологических типа – европеоидный и монголоидный, в чистом виде (без признаков метисизации)⁶. Источником монголоидного типа являются непосредственно золотоордынцы, европеоидный, скорее всего, происходит с севера (Киевская Русь) или с запада (Болгария). Оба направления связей зафиксированы письменными источниками.

Отметим, что грунтовые захоронения кочевников не были известны в Северо-Западном Причерноморье вплоть до настоящего времени. Имеется лишь одно исключение – погребение у с. Флориновское⁷. Этот факт в какой-то степени связан с существующей традицией археологических исследований — как правило, раскапываются объекты, фиксируемые визуально на момент раскопок.

Результаты радиоуглеродного датирования

№ п.п.	Привязка	Лабор. номер	Возраст ¹⁴ C	
			BP	BC/AD
1	2	3	4	5
1	Совиньон, п.3	Ki-14357	580±50	1 σ 1300-1370 BC 2 σ 1290-1430 BC
2	Совиньон, п.3	Ki-14358	610±50	1 σ 1300-1335 BC 2 σ 1290-1420 BC
3	Совиньон, п.1	Ki-14359	640±50	1 σ 1345-1395 BC 2 σ 1280-1410 BC

Примечания:

¹ Добролюбовский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. – К., 1986. – С. 70.

² Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – К., 1999. – С. 122.

³ Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – С. 245.

⁴ Кравченко А.А. Исследование золотоордынского слоя в Белгороде-Днестровском // Новейшие открытия советских археологов. – К., 1975, ч.3. – С. 176-178.

⁵ Руссов Н.Д. О западных пределах Золотой Орды // Памятники римского и средневекового времени в Северо- Западном Причерноморье. – К., 1982. – С. 40-55.

⁶ Благодарим А.А. Хохлова за проведение антропологических определений

⁷ Кравченко А.А. Кочевническое погребение XII в. у с. Флориновское // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. – К., 1978. – С. 112.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛЕАРХА ГЕРАКЛЕЙСКОГО

Гераклея Понтийская была основана выходцами из Мегар примерно в 554 г. до н.э.¹ При основании города сказались особенности дорийской колонизационной практики, заключающиеся в порабощении местного населения. Гераклеоты покорили племя мариандинов, в области которых и была основана колония и превратили их в государственных рабов. На эксплуатации мариандинов основывалось богатство и политическая сила гераклейской верхушки. Преобладающей формой правления в Геракле соответственно была олигархия. Олигархам противостояли два других класса населения: зажиточные и даже богатые представители торгово-ремесленных слоев (владельцы больших ремесленных мастерских и торговых кораблей), не имевшие доступа к власти и гераклейский демос. В борьбе за политическую власть интересы этих двух групп совпадали, но демос, кроме этого, требовал еще и отмены долгов и доступа к политической власти. Пик этой длительной борьбы приходится на первую четверть IV в. до н.э. В результате обострения противоречий и накала политического противостояния к власти приходит тиран.

Клеарх (364/63-352 гг. до н.э.) был типичным представителем «младшей» тирании в Греции. Для обоснования легитимности своей власти он продолжал чеканить монеты с теми же типами, что чеканились и до него (Геракл-оружие; Геракл-Тихе (женская голова в башенной короне, зачастую трактуемая как Гера); Тихе-оружие). Изменение типа (Дионис-Геракл), так же как и появление имен тиранов на монетах, относится уже к эпохе сыновей Клеарха – Тимофея и Дионисия³. Вместе с тем, Клеарх не мог не осознавать, что его власть держится на наемниках и на умении манипулировать «общественным мнением». Еще одним фактором такой политической манипуляции стала религия. Как писал Дион Хризостом: «Тирану же невозможно уйти от своих напастей, ему остаются только молитвы, как и всем прочим»⁴. Для усиления своего влияния на народные массы Клеарх становится жрецом бога Диониса⁵. По сообщению Помпея Трога (Юстин) выходы Клеарха к народу в качестве жреца Диониса всегда сопровождались сказочной пышностью, перед ним несли золотого орла, он стал носить пурпурную мантию, котурны и золотой венец (Юстин, XVI, 5, 9-10).⁶

Напрашивается вопрос: почему Диониса, а не Геракла? Ведь Дионис был вторым по значению богом, а Геракл был не просто покровителем полиса, по одной из версий мифа о Кербере, его логово (вход в Аид) находилось в стране мариандинов. Логичнее для тирана было бы стать жрецом ведущего культа в государстве.

Для того, чтобы понять этот выбор Клеарха, надо рассмотреть вопрос о социальной базе тирании. Как и в других полисах, опорой «младшей» тирании составляли низшие слои общества. Что же собой представляли эти социальные низы? Традиционно считается, что Дионис – представитель народной религии, и тиран хотел быть, вернее, казаться, ближе к народу. Подобные примеры уже известны в истории греческих полисов: афинский тиран Писистрат впервые ввел Великие Дионисии в качестве городского или, точнее, государственного праздника. До этого Дионисии справлял только демос в сельских поселениях Аттики. Что же стоит понимать под «народом» применительно к Гераклею? Как известно, жившие вокруг города местные племена мариандинов находились в зависимости от гераклеотов. Античные авторы сравнивали их со спартанскими илотами и фессалийскими пенестами. Но не все мариандины были на положении государственных рабов. Часть из них можно сравнить с перизками. Во всяком случае еще в 480 г. до н.э. отряд мариандинов участвовал в борьбе с греками на стороне персидского царя⁷. Уже высказывалась точка зрения о том, что эта часть мариандинов могла принимать участие в волнениях, предшествующих установлению тирании⁸ и стать, таким образом, одной из составляющих частей социальной базы тирании. Ряд мер, предпринятых Клеархом, говорит о том, что он действительно выполнил некоторые требования демоса (конфискация и раздача земель казненных или бежавших аристократов, освобождение рабов этих же аристократов). Под освобожденными рабами (имеются в виду только домашние рабы) некоторые исследователи понимают тех же мариандинов⁹.

Но этой точки зрения придерживаются далеко не все. Большинство предполагает, что опорой власти тирана составлял собственно гераклеийский демос (т.е. греки), включая и зажиточную верхушку¹⁰. Рассмотрение религиозной политики Клеарха помогает уточнить вопрос о мариандинах и их участии в волнениях. Во-первых, некоторые авторы, признавая существование тирании Эвопия в Гераклею в предшествующий период (VI или V в. до н.э.), считают имя Эвопия греческим вариантом мариандинского Упия. Д. Ашерс считает, что «Клеарх, намереваясь установить тиранию, хотел повести за собой народ и использовал для этих целей мариандинскую мифологию». Эту точку зрения частично поддерживает и С.Ю. Сарпыкин¹¹. Если принять тезис о том, что мариандины не принимали никакого участия в выступлениях, то вряд ли объяснимо использование их мифологии в качестве побудительного фактора. Вряд ли в греческой среде, даже у демоса, была популярна мифология покоренного населения. Так что участие мариандинов в этом процессе подтверждается таким, хотя и косвенным фактом.

С этой точки зрения вполне объясним и выбор Диониса в качестве бога, жрецом которого стал тиран. Дионис, в отличие от Геракла, был заимствован греками из религиозно-мифологических представлений фрако-анатолийских народов (к которым относились и мариандины). Так что, с большой степенью вероятности можно говорить о популярности этого культа как в греческой среде Гераклеи, так и среди местных племен, населявших гераклейскую округу. Став жрецом Диониса, Клеарх тем самым приобрел популярность не только у греков, но и у варваров, укрепив свою социальную опору. «Клеарх мог воспользоваться популярной идеей культа Диониса о спасении, так как хотел предстать перед демосом в роли «спасителя» от жестокости олигархов»¹². Если для гераклейских низов Клеарх играл роль спасения от олигархов, то в большей степени спасителем он стал именно для мариандинов, во всяком случае, для какой-то их части.

Несмотря на то, что для упрочения тирании были использованы и экономические и политические меры, и даже религиозное воздействие, Клеарх не избежал участи многих тиранов – смерти от руки заговорщика. Говоря словами Диона Хризостома: «Нелегко тирану дожить до старости... по-моему, тиран только тогда счастлив, когда его сразит смертельный удар, ибо тогда он избавляется от своего самого большого несчастья»¹³.

Примечания:

¹ Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии. – М., 1986. – С.16.

² Избаш Т.А. Изображения Тихе – покровительницы античных городов Причерноморья на монетах // Древнее Причерноморье. IV-е чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. – Одесса, 1998. – С.79.

³ Franke P.R. Zur Tyrranis des Klearchos und Satyros in Heraklea am Pontos // Archäologischer Anzeiger 1966. – Н.2. – S.132-138.

⁴ Дион Хризостом. Избранные речи. VI. Диоген или о тирании, 40. - <http://www.yandex.ru/.<Dion-about.htm>> - *VI*.

⁵ Мемнон. О Геракlee / пер. и комментарии В.П. Дзагуровой // Вестник древней истории. – 1951. – №1.

⁶ Юстин. Эпитома сочинения Помпея Тропа «Historiarum Philippicarum». – М., 2005. – С.135.

⁷ Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. – С.24-32.

⁸ Леви Е.И. Гераклея Понтийская. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Л. – 1946 // Архив ЛО ИИМК. – Д.69. – С.48.

⁹ Дзагурова В.П. Гераклея Понтийская в эпоху ее автономии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М. – 1946.

¹⁰ Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. – С.112.

¹¹ Там же. – С.40.

¹² Там же. – С.106.

¹³ Дион Хризостом. Избранные речи. VI. Диоген или о тирании, 41-45. – <http://www.yandex.ru/.<Dion-about.htm>> - *VI*.

О ДАТИРОВКЕ ГИПОТЕТИЧЕСКОГО “ЧЕРНОМОРСКОГО ПОТОПА” И ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ

В конце 90-х гг. прошлого столетия история развития Черного моря стала предметом ожесточенных дебатов. В. Райан, В. Питман и ряд других авторов предложили теорию катастрофического затопления черноморского шельфа¹. До этого общепринятой была концепция постепенного поднятия уровня Черного моря в раннем голоцене с последующим медленным затоплением шельфа и установлением связи со Средиземным морем². В. Райан и соавторы предположили, что имел место прорыв вод Средиземного моря через “Боспорский порог” и черноморский шельф ушел под воду много быстрее, чем считалось ранее. Их работа была широко разрекламирована благодаря проведению параллелей между этим гипотетическим событием и библейским Ноевым потопом³. В развернувшейся дискуссии большинство представителей естественных наук, занимавшихся проблемой раннеголоценового развития Черного моря, отвергли теорию “Ноевого потопы”⁴.

В тоже время, гипотеза стремительного наводнения имела и археологические следствия. В. Райан и В. Питман предположили, что плодородное побережье “Черного озера” было населено носителями развитой земледельческой цивилизации. Наступающая вода вынудила эти племена искать спасения на материке, что и привело к неолитизации Балканского полуострова. Правда, последователи теории потопы называли в числе археологических соответствий “последопотопной” миграции такие разные культуры, как Криш-Кереш-Старчево, Варна, Гумельница и т.д.⁵ При этом иногда календарные хронологии неолитических культур Балкан сопоставлялись с некалиброванными датами бурного климатического события.

В украинской археологии теория потопы была в очень осторожной форме поддержана Л.Л. Зализняком. При этом катастрофический вариант развития событий рассматривался лишь как один из возможных. Тем не менее, как одна из гипотез обсуждалась предполагаемая связь между стремительной раннеголоценовой трансгрессией и распространением гребениковской археологической культуры, наряду с экспансией культуры Криш-Кереш-Старчево, что и приводило к началу неолитизации Украины⁶.

В.Н. Станко, наоборот, указывал, что связь между колебаниями уровня моря и миграционными процессами на побережье была более сложной. При этом теория постепенного подъема моря трактовалась как соответствующая археологическим реалиям⁷.

Таким образом, предполагаемый потоп приобретает в отдельных гипотезах значение “спускового крючка” распространения

присваивающего хозяйства на обширных территориях Юго-Восточной Европы. Однако, лишь календарная датировка этого “события” позволила бы выстроить хронологическую цепочку между географическими и археологическими процессами.

Итак, в своей нашумевшей работе В. Райан и соавторы приводят условную дату “Черноморского потоп” в 7150 лет тому назад. Выбрана именно эта дата, так как серия некалиброванных дат группируется вокруг нее⁸. Допустим, что этот более чем гипотетический потоп был в действительности. Тогда, откалибровав представленные В. Райаном и соавторами даты, мы сможем поместить это событие на календарную временную шкалу.

Содержание радиоактивного углерода в крупных водоемах отличается от его содержания в атмосфере. Этот так называемый “резервуарный эффект” необходимо учитывать при калибровке дат, полученных по материалам морского происхождения. Для Мирового океана существует отдельная калибровочная кривая. Местные отличия водоемов обычно характеризуют постоянным отступом от этой кривой ΔR .

К сожалению, проблема калибровки дат по морским органическим материалам для Черного моря еще не решена. Попытки измерить резервуарный эффект приводят к самым разнообразным результатам⁹. Безусловно, содержание радиоактивного углерода меняется с глубиной. Более того, оно изменяется со временем. И так как Черное море часто было отделено от Мирового океана, есть все основания полагать, что в такие периоды локальная кривая изменения содержания радиоуглерода отличается от аналогичного графика для Мирового океана. Тем не менее, учтем, что суть события “Черноморский потоп” и заключается в установлении такой связи между Мировым океаном и Черным морем. Да и датировемый материал – это “средиземноводные” моллюски.

Мы усреднили все известные определения резервуарного эффекта для Черного моря, представленные в базе данных П. и Р. Реймеров¹⁰ и получили $\Delta R=54$, а ошибку $\Delta R=\pm 56$. Для калибрования была использована программа OxCal¹¹.

Представленную в работе В. Райана и соавторов серию дат мы предварительно обработали по методике П. Долуханова и соавторов¹². Эта статистическая методика обработки группы дат относится к событию небольшой длительности. Если есть достаточные основания допускать, что длительность события была значительно меньше погрешности радиоуглеродного датирования, то все анализы по 14C должны образовывать нормальное (Гауссово) распределение. То есть, их отличия обусловлены случайными факторами, а не происходят от разницы в возрасте проб. В случае если это действительно так, они считаются

статистически одновременными. Является ли распределение нормальным, в статистике обычно проверяют с помощью критерия хи-квадрат. Именно этот критерий и применяют в большинстве случаев для проверки одновременности группы дат. Неодновременные отбрасывают, остальные комбинируют¹³. Комбинированиям дат можно пользоваться лишь тогда, когда есть весомые основания считать, что все они относятся к одному событию. В следствии одержимо усредненное распределение с меньшими значениями погрешности, чем у начальных датировок.

При прямой калибровке по океанической калибровочной кривой “потоп” датируется 5780-5550 лет до н.э. (95,4 % вероятности). В случае же применения данных из базы П. и Р. Реймер, “потоп” произошел бы между 5730-5500 лет до н.э. (95,4 % вероятности). Таким образом, результаты довольно близки. Интересно соотнести их с наличными датами по раннему неолиту Балкан и гребениковской культуре. Для сравнения были избраны поселение Гулубник (одного из наиболее представительных поселений Болгарии), знаменитая стоянка Падина из Железных Ворот Дуная, наиболее ранние памятники культуры Криш-Кереш-Старчево из Румынии и Сербии. Кроме того, мы откалибровали и радиоуглеродные датировки стоянок гребениковской культуры Гиржево и Мирное.

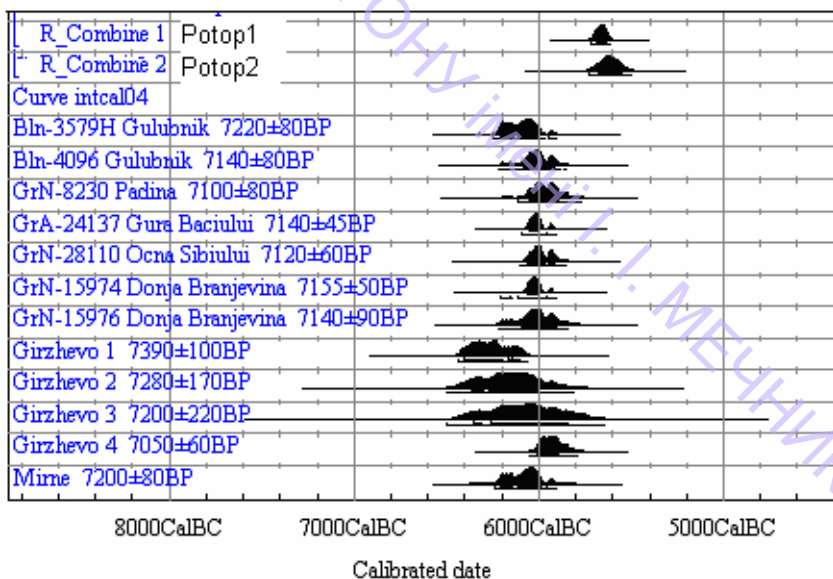

Рис.1 Даты “потопа” (по описанным выше методикам), раннего неолита Балкан и гребениковской культуры¹⁴

“Потоп”, если бы и имел место, был бы много позже периода существования культуры Криш и поселений гребениковцев Мирное и Гиржево. Так, календарная дата Мирного 6240-5910 лет до н.э. Наипозднейшая дата для Гиржево – 6050-5780 лет до н.э. Дата для поселения раннего этапа культурной общности Криш-Кереш-Старчево Окна Сибиулуй: 6250-5910 лет до н.э. Следовательно, “потоп” не мог влиять на расселение гребениковской культуры и культурной общности Криш-Кереш-Старчево. Он если и имел место, то был позже, а эти культуры, безусловно, являются «допотопными».

Таким образом, датировка гипотетического потопа не позволяет допустить его влияние на распространение раннеолитических и, тем более, мезолитических археологических культур. Интердисциплинарные исследования ставят под сомнение реальность «раннеголоценовой катастрофы» в Черном море. Если же это событие не является лишь литературным фактом, а имело место в действительности, то его археологические последствия следует искать в более поздних эпохах.

Примечания:

¹ Ryan W.B.F., Pitman W.C., III, Major C.O., Shimkus K., Moskalenko V., Jones G.A., Dimnitrov P., Goru'r N., Sakinc M. and Yu'ce H. An abrupt drowning of the Black Sea shelf. // *Marine Geology*. – 1997. – 138. – P. 119-126; Ryan W. and Pitman W. Noah's Flood. The New Scientific Discoveries About The Event That changed History. – New York, 1998.

² Невесский Е.Н. К вопросу о новейшей черноморской трансгрессии // *Труды института океанологии*. – 1958. – Т. 28. – С. 23-29; Щербаков Ф.А., Куприн Н.П., Поляков А.С. и др. Шельф Северо-Западной части Черного моря в позднем плейстоцене-голоцене // *Четвертичный период*. – Вып. 16. – 1976. – С. 141-152; Щербаков Ф.А. Материкове окраины в поз днем плейстоцене и голоцене. – М., 1983; Ross D.A., Degens E. T. and MacIlvaine J. Black Sea: recent sedimentary history // *Science*. – 1970. – 170. – P. 163-165; Deuser W. G. Late-Pleistocene and Holocene history of the Black Sea as indicated by stable isotope studies // *Journal of Geophysics Research*. – 1972. – 77. – P. 1071-1077.

³ Ryan W. and Pitman W. Noah's Flood. The New Scientific Discoveries About The Event That changed History. – New York, 1998.

⁴ См. Yanko-Hombach V., Gilbert A.S., Panin N., Dolukhanov P.M., (Eds), *The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate and Human Settlement*. – Springer, Dordrecht, 2006.

⁵ Cp. Ryan W et al. An abrupt drowning... – 1997; Dimitrov P., Ryan W., Ballard R., Haartmann H., Lericolais G., Dimitrov D., Solakov D., Slavova K., Peev P., Peychev V., Petrov P. The flood in the Black Sea – science and mythology // IGCP 521. Second Plenary Meeting and Field Trip, Odessa, Ukraine, August 20-28, 2006. – Odesa, 2006. – P. 49-50.

⁶ Залізник Л.Л. Чорноморський потоп та його археологічні наслідки // *Археологія*. – 2005. – №3. – С. 3-15; Залізник Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація. – К., 2005. – С. 113, 117-118, 124-125 та ін.

⁷ Stanko V.N. Fluctuations in the level of the Black Sea and Mesolithic settlement of the northern Pontic area // Yanko-Hombach V., Gilbert A.S., Panin N., Dolukhanov P.M., (Eds), The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate and Human Settlement. – Springer, Dordrecht, 2006. – P. 371-385.

⁸ Ryan W. et al. An abrupt drowning... – 1997. – Table 1.

⁹ Bahr A., Lamy F., Arz H., Kuhlmann H. and Wefer G. Late glacial to Holocene climate and sedimentation history in the NW Black Sea // Marine Geology. – 2005. – v. 214. – no. 4. – P. 309-322; Guichard F., Carey S., Arthur M.A., Sigurdsson H. and Arnold M. Tephra from the Minoan eruption of Santorini in sediments of the Black Sea // Nature. – 1993. – v. 363. – no. 17. – P. 610-612. Jones G.A. and Gagnon A.R. Radiocarbon chronology of Black Sea sediments // Deep Sea Research 1. – 1994. – v. 41. – no. 3. – P. 531-557; Siani G., Paterne M., Arnold M., Bard E., Métivier B., Tisnerat N. and Bassinot F. Radiocarbon Reservoir Ages in the Mediterranean Sea and Black Sea // Radiocarbon. – 2000. – v. 42. – no. 2. – P. 271-280.

¹⁰ Reimer P. and Reimer R. Marine reservoir correction database. <http://calib.org/marine> Reimer P.J. and R.W. Reimer, A marine reservoir correction database and on-line interface // Radiocarbon. – 2001. – 43 (2A). – P. 461-463.

¹¹ Bronk Ramsey C. Radiocarbon Calibration and Analysis of Stratigraphy: The OxCal Program // Radiocarbon. – 1995. – 37(2). – P. 425-430; Bronk Ramsey C. Development of the Radiocarbon Program OxCal // Radiocarbon. – 2001 – 43 (2A). – P. 355-363.

¹² Долуханов П.М., Шукуров А., Гронеборн Д., Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Соколов Д.Д. К статистике радиоуглеродной хронологии раннего неолита юга Восточной и Центральной Европы // Археологические записки. – 2003. – вып. 3. – С. 79-80; Долуханов П.М. Неолитизация Европы: хронология и модели // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). – СПб., 2003. – С. 199.

¹³ Dolukhanov P., Sokoloff D., Shukurov A. Radiocarbon Chronology of Upper Paleolithic Sites in Eastern Europe at Improved Resolution // Journal of Archaeological Science. – 2001. – N. 28. – P. 699-712.

¹⁴ Станко В.Н., Свеженцев Ю.С. Хронология и периодизация позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья // БКИЧП. – 1988. – №57. – С. 116-120; Biagi P., Shennan S., Spataro M. Rapid rivers and slow seas? New data for the radiocarbon chronology of the Balkan peninsula Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education. Reports of Prehistoric Research Projects 6-7 / Nikolova L. and Higgins J. (eds.). – Salt Lake City & Karlovo, 2005. – P. 41-52.

А. Киروشка (Кишинев, Молдова)

ХОЖДЕНИЕ ШИЛЛИНГОВ В МОЛДОВЕ В XVII В. (НА ОСНОВЕ МОНЕТНОГО КЛАДА У С. СЛОБОЗИЯ-ДУШКА, КРИУЛЕНСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА)

В 2006 г. Национальный Музей Археологии и Истории Молдовы приобрел интереснейший клад шиллингов XVII ст.¹ Клад был найден во время сельскохозяйственных работ гражданами Георгием и Андреем Огор (отец и сын), в селе Слобозия-Душка, р-н Криулень, Республика Молдова. К сожалению, мы так и не узнаем первозданную картину этой находки, но

почти уверены в том, что ценнейший материал был изъят. Музею было предложено 1012 единиц, среди которых были и очень редкие экземпляры для кладов XVII ст., найденных на территории Молдовы. Мы благодарим наших коллег: А. Болокан, М. Онилэ, В. Бубулич за успешно проведенные переговоры по передаче денежного клада музею. Приобретение этого клада музеем позволит исследователям ввести в списки средневековых шиллингов, которые имели хождение тысячами² на территории Молдовы, и эти, более чем тысяча шиллингов найденные в с. Слобозии-Душка, р-н Криулень.

Большая часть монет характеризуется небрежным выполнением и высокой степенью изношенности. Вместе с тем, почти все были определены, остальные же, стёртые или смещенные, были определены частично. Конечно же, остались и такие экземпляры, которые не смогли быть определены.

Более внимательное рассмотрение монет даёт нам возможность с уверенностью сказать, что этот клад, как и многие другие клады XVII ст., содержит различные номиналы, в том числе: шиллинги, гроши, тернары, денары, оболы и др.³ Также следует подчеркнуть более редкую монету для таких кладов, а именно: два прусских шиллинга, два фартинга, и, наконец, шиллинг, принадлежавший валашскому господарю Михаилу Раду (Михня III) (март 1658 - ноябрь 1659). Самая ранняя монета данного клада представлена венгерским денарием Фердинанда I (1527-1564), самые поздние представлены двумя шиллингами, чеканенными в 1658 г. Фридрихом Вильгельмом (1640-1657), а также Михней III (1658-1659)

Чтобы понять разнородную структуру этого клада, попытаемся вкратце описать, что творилось на внутреннем рынке Молдавского княжества в XVII в. Основным показателем денежного обращения того времени было практически полное преобладание иноземных монет. Вместе с тем отметим, что турецкая монета перестаёт играть существенную роль. Утвердившаяся наряду с ней венгерская монета в связи с ухудшением качества металла теряет в стоимости, вследствие чего резко сокращается её хождение. В это же время становится всё более ощутимым приток серебряных и биллоновых монет Литвы и Польши. Во время правления Сигизмунда III наплыв польских монет достигает своего апогея. Но начавшийся в конце 20-х гг. XVII ст. кризис в денежном обращении Польши приводит в скором времени к полному его застою и, как следствие, – к поступлению низкопробных иноземных монет, которые практически захлёстывают польский рынок. Ухудшение международных отношений Польши с соседними государствами приводит к углублению денежного кризиса. Доходит и до того, что монетными дворами Речи Посполитой овладевают на долгие годы иноземцы.

Все эти события, разумеется, сказываются и на молдавском денежном рынке. Сокращается ввоз польских монет, шведские же,

наоборот, ввозятся всё больше. Это хорошо прослеживается, если проанализировать денежные захоронения того периода. Становится понятным количественное расхождение польской и шведской монеты в средневековых кладах в пользу шведской. Также становится ясной попытка молдавских господарей имитировать иноземную мелкую монету (спрос на мелкую монету в то время был очень большим). Мы должны отметить, что в предлагаемом нами кладе присутствуют монеты-подражания. Они могут составлять и абсолютное большинство, как не раз было отмечено исследователями, но пока не выявлены точные критерии в вопросе о подлинности монет, мы воздержимся от преждевременных выводов.

Рассмотрев структуру клада, мы можем с точностью сказать, что основная часть монет представлена шиллингами шведскими и польскими и освещает полностью экономическую политику того времени как в Европе, так и в Молдавском княжестве.⁴

Основную часть монет составляют шведские шиллинги Густава II Адольфа (1611-1632), 167 единиц, Кристины Августы (1632-1654) – 539 ед., Карла X Густава (1654-1660) – 48 ед. Из группы монет Густава II Адольфа: 114 рижского чекана; 44 – эльблэнгский чекан; для 9 монет не было установлено место чеканки. 287 монет Кристины Августы были выпущены в Риге, в Ливонии – 228 монет, в Эльблэнге – 12 монет. 12 монет из её группы, к сожалению, остались без определения места чеканки. Карл X Густав: 23 монет в Риге, 24 – в Ливонии. 1 единиц – без места чеканки.

Польскую монету представляют шиллинги, гроши, тернары времен Сигизмунда III Ваза (1587-1632), а также Яна Казимира (1648-1668). Группа польских монет, в отличие от шведских, более разнообразна в номиналах. Сигизмунду III Ваза принадлежат 149 шиллингов, 2 гроша и 19 тернаров и один двойной денарий. Из них: 31 монета отчеканена в Риге, 27 монет выпущены для Польши, 92 – для Литвы, 19 – в Лобзани, 2 – в Гданьске.

Ян Казимир дополняет коллекцию 24-мя шиллингами, из которых 21 отчеканены в 1652 г. и 2 шиллинга в 1653 г. Год чеканки не был установлен для одной монеты этой группы. Все шиллинги были отчеканены в монетных дворах Литвы.

Характерной чертой молдавских кладов XVII ст. является наличие в них Прусско-Бранденбургской эмиссии. Импорт прусского и бранденбургского биллона, достиг наибольшей интенсивности в Молдавском княжестве с середины 20-х гг. XVII в. Ввозившиеся шиллинги составляли небольшую часть прусско-бранденбургского экспорта, что подтверждает и незначительное количество этого номинала в найденных кладах г. Кишинёва (1973)⁵, Сэрэчений-Вежь р-н Теленешть,⁶ Кукурузень р-н Орхей,⁷ Криулень,⁸ Галаць, Румыния (1978)⁹.

Группа бранденбургских шиллингов представлена в кладе 26 монетами Георга Вильгельма (1619-1640), выпущенными с 1620 по 1639 гг., и 8 монетами Фридриха Вильгельма I (1640-1688), три из которых были выпущены в 1654 г.¹⁰

К прусской монете относятся также два шиллинга типа солид дукат выпущенные в 1657 и 1658 гг. Германская (Священная Римская) Империя продолжает коллекцию 6 оболами Тешина, эмиссиями Елизаветы Лукреции (1625-1653) в 1652-1653 гг.¹¹

С середины XVII в. в кладах, найденных на территории Молдовы, начинают появляться маленькие медные монетки с изображением цветка репейника, окруженного легендой «NEMO ME IMPUNE LACESST» («Никто ко мне не прикоснётся безнаказанно»). Это не что иное, как двойной шотландский пенни 1632-1633 гг. Появление этих монет, хотя и очень незначительное, в средневековых кладах Молдавского княжества объясняется опять же тем, что в это время основные функции денег переходят полностью к иноземным монетам¹². Сигизмунд III Ваза во время военных действий против Шведской Короны, включает в состав своей армии не только поляков и венгров, но также и шотландцев. Более того, в это же время в Речь Посполитую приезжает много шотландцев на постоянное место жительства. Этот факт также имеет своё подтверждение: как раз в это время английское правительство начинает гонения на пресвитерианскую церковь Шотландии. Особенно при Карле I (1625-1649) многие шотландцы покинули свою родину и поселились в тех местах, где люди исповедовали близкий к пресвитерианству кальвинизм. Основав здесь пресвитерианскую общину, шотландские ремесленники активно внедрились в экономическую жизнь этих мест¹³. Вследствие постоянного товарного обмена шотландская мелкая монета, выполнявшая роль разменного средства для биллоновых номиналов, смешивалась с шиллингами и с притоком шведского и польского биллона в Молдавское княжество эти монеты оседали в молдавских средневековых кладах¹⁴. В нашей коллекции хранится 3 монеты этого номинала.

Также к редким монетам таких кладов можно отнести венгерские денарии Фердинанда I (1526-1564), очень распространенные в денежном обращении Молдавского княжества в XVI в. Этот тип монет часто встречается как в составе кладов, так и в числе единичных монет на всей территории Молдовы¹⁵. В составе нашего клада присутствует всего лишь один венгерский денарий Фердинанда I, выпущенный в 1553 г.

Настоящую нумизматическую редкость представляют монеты Валашского господаря Раду Михаила (1658-1659). Как отмечают исследователи, оригинальные выпуски его монет, как и монет Молдавского господаря Евстратие Дабижа (1661-1665), являются спорадическими явлениями в средневековых кладах, отмеченные всего лишь в Сучаве и Чёплень (Румыния), а также в нескольких кладах

Украины¹⁶. Мы имеем возможность пополнить этот список новыми данными. В коллекциях НМАИМ хранятся два клада, где присутствуют монеты Валашского господаря Михня III (1658-1659). Это Кишинёвский клад¹⁷, в котором содержатся три такие монеты, а также настоящий клад, в котором сохранилась одна монета Раду Михаила, а именно шиллинг 1658 г. выпуска. Эти монеты выпускались по образцу биллоновых монет Швеции и её прибалтийских владений и являлись имитациями иноземных монет¹⁸.

Более внимательное рассмотрение монет дало возможность обратить внимание на ряд несоответствий дат чеканки и имён монархов, совершенно недопустимых, с точки зрения государственной эмиссии.¹⁹ На монетах шведского короля Густава Адольфа, который погиб в 1632 г., продолжают ставить год выпуска вплоть до 1640 г. Годами правления Кристины Августы являются 1632-1654 гг., однако на её монетах год эмиссии начинается с 1630 г. Специализированные источники напоминают нам о «посмертных монетах». Этим и можно было бы объяснить указанные неточности. Но некоторые исследователи говорят о фальсификации этих монет далеко за пределами «законных» государств. Фальшивомонетчики вовсе не обязаны были знать, когда в далёких странах правители сменяли друг друга.²⁰

Обращает на себя внимание и то, что на некоторых монетах не всегда эмблема на реверсе, которая указывает место чеканки, совпадает с названием города, содержащимся в легенде на аверсе этих же монет. В подтверждение сказанного обращаем внимание на некоторые монеты Кристины Августы, которые на реверсе содержат маленький герб г. Риги (скрещенные ключи), т.е. место чеканки монет, однако на аверсе этих же монет, в легенде как место выпуска монет указывается Ливония.

Специалисты поясняют нам и эти несоответствия: оказывается, что в годы правления Кристины правительство Швеции с 1644 по 1669 г. открывает в одном из монастырей г. Риги монетный двор, который выпускал монеты наряду с монетным двором г. Риги.²¹

Итак, клад из Слобозии-Душка р-н Криулень, впишет свою страницу в хронику средневековых молдавских находок. Конечно же, его структура ярко отображает экономические и политические реалии того периода. Исследователи смогут проследить, как сменялись одни монеты другими, как высокопробная монета теряла свою значимость и вытеснялась мелкой, некачественной. Последующее опубликование каталога монет данного клада, позволит специалистам дать свою оценку реального соотношения подлинных и фальшивых монет.

Примечания:

¹ Материал не опубликован. Находится в фондах Национального музея Археологии и Истории Молдовы.

² Duțu M. Un depozit de șilingi din vremea lui Dabija Vodă descoperit în județul Galați. Buletinul Societății Numizmatice Române. – București, 2002.

³ Нудельман А.А. Топография кладов и находок единичных монет. – Кишинёв, 1976.

⁴ Iliescu O. Solidi valahici vulgo dumnicze // Studii și Cercetări de Numismatică, V-VIII. – București, 1960.

⁵ Нудельман А.А. Указ. соч. – С. 125.

⁶ Там же. – С. 113.

⁷ Там же. – С. 114.

⁸ Там же. – С. 120.

⁹ Duțu M. Un depozit... – P.142.

¹⁰ Szwagrzyk I. Pieniadz na ziemiach polskich X-XX w. – Warchawa, 1973. – P. 111.

¹¹ Ibidem. – P. 112.

¹² Нудельман А.А. Указ. соч. – С. 36.

¹³ Рябцевич В.Н. О чём рассказывают монеты. – Минск, 1977.

¹⁴ Niculiță A. Un tezaur medieval monetar, găsit în orașul Chișinău (155? -1672)

Tyragetia VI-VII. – Chișinău 1998. – P. 135-142.

¹⁵ Нудельман А.А. Указ. соч. – С. 37.

¹⁶ Duțu M. Un depozit... – P.142.

¹⁷ Материал не опубликован. Находится в фондах Национального музея Археологии и Истории Молдовы.

¹⁸ Нудельман А.А. Указ. соч. – С. 43.

¹⁹ Рябцевич В.Н. Указ. соч. – С. 117.

²⁰ Там же. – С. 117.

²¹ Фёдоров Г.Б. Монеты Прибалтики XIII-XVIII ст. – Таллин, 1960.

Т.Н. Кокоржицкая, И.В. Корпусова, И.Н. Шкляев (Одесса, Украина)

КЛАД ЗОЛОТЫХ МОНЕТ XIX-XX вв.

ИЗ БЕЛГОРОДА-ДНЕСТРОВСКОГО

В марте 1971 г. в Одесский археологический музей поступил клад золотых монет, обнаруженный на старом еврейском кладбище Белгорода-Днестровского. Его номер по книге поступлений 5602. Клад был передан музею старшим инспектором ОБХСС УВД Одесского облисполкома В.А. Кигимом. Обстоятельства находки клада неизвестны. Неизвестно, все ли монеты из клада попали в музей. Хранящийся в музейном собрании клад состоит из 16 золотых монет. В его составе 3 французские монеты и 13 монет императорской России.

Состав клада:

Франция представлена монетой второй империи (2/XII 1852 – 4/IX 1870) Наполеона III и двумя монетами III Республики (4/IX 1870 – 10/VII 1940).

20 франков 1858 г. 1 экз. (инв. № 53414)

20 франков 1876 г. 1 экз. (инв. № 53415)

20 франков 1897 г. 1 экз. (инв. № 53416)

Русская часть комплекса представлена монетами Николая I и Николая П.

5 руб. 1852 г. СПб - АГ Л экз. (инв. № 53413)

5 руб. 1897 г. АГ . 1 экз. (инв. № 53424)

5 руб. 1898 г. - 3 экз. АГ (В. В. Уздеников. 1992. № 0328). (инв. № № 53419, 53420, 53421)

5 руб. 1899 г. - 2 экз. ФЗ (инв. №№ 53418, 53423)

5 руб. 1900 г. - 2 экз. ФЗ (инв. №№ 53417, 53422)

10 руб. 1899 г. - 3 экз. АГ (инв. №№ 53409, 53410, 53411)

10 руб. 1901 г. - 1 экз. ФЗ (инв. № 53413)

Общая сумма клада 85 рублей и 60 франков.

Присутствие в кладах французских монет объясняется тем, что активное насыщение денежного рынка России монетами из благородных металлов осуществлялось также и за счет допущенных к хождению в пределах Российской империи зарубежных денег из золота и серебра. Иностранная монета получила в России столь широкое распространение, что в 1834 г. было разрешено принимать ее в подати: золотую по весу, а серебряную – по официально установленной цене¹.

Старшая монета клада относится к 1852 г., самая младшая – к 1901 г. Значительная доля приходится на монеты 1897-1901 гг.

Клад короткого накопления. Вероятно, с момента чеканки поздней монеты клада до его тезаврации прошло несколько лет.

Начало XX в. характеризуется в Российской империи мощным экономическим кризисом, инфляцией и, как следствие, ухудшением жизненного уровня населения. В этих условиях на государственном уровне стала разыгрываться карта внутреннего этнического врага. Если в XIX в. таким внутренним врагом считались поляки, то после подавлений восстаний в Польше в 1830-х и 1860-х гг. таким врагом становятся евреи. После убийства императора Александра II в 1881 г. в черте оседлости началась антиеврейская пропаганда, которая достигла своего пика к началу XX в. Появившаяся в это время знаменитая фальшивка «Протоколы сионских мудрецов» хорошо характеризует этот период.

С начала XIX в. Аккерман, ныне Белгород-Днестровский, как часть Бессарабии, принадлежал России. Тогда, после очередного раздела Польши, Аккерман вошел в черту постоянной еврейской оседлости.

На территории Бессарабии проживало в 1903 г. более 250 тыс. евреев, т.е. 11% населения края. Занимались они, в основном, торговлей, мелким ремесленничеством и шинкарством. По переписи 1897 г., в Кишиневе проживало около 50 тыс. евреев, а в Аккермане – ок. 4 тыс.

В феврале 1903 г. в небольшом местечке Дубоссары был найден труп зверски замученного подростка М. Рыбаленко с множеством колотых и резаных ран. Мгновенно среди православного населения разнесся слух о ритуальном убийстве, совершенном местной еврейской

общиной. Началась массовая антиеврейская кампания, возглавляли которую известные на юге России черносотенцы Крушеван и Пуришкевич. Несмотря на то, что убийство было быстро раскрыто и еврейская община не имела к нему ни малейшего отношения, в день христианской Пасхи 6 апреля 1903 г. начался погром в Кишиневе. Группы рабочих, вооруженных ломami, предводительствуемые интеллигентами, очевидно, по предварительному сговору, одновременно во многих местах стали производить антиеврейские беспорядки. Зачинщиками пускались вперед подростки. Погром начался разрушением всех лавок и квартир в Новом базаре и сопровождался в большинстве случаев грабежами.

За два пасхальных дня при полном бездействии властей погиб 51 человек, из них 49 евреев, ранено 456 человек. Разрушено было около 700 жилых помещений и 600 лавок и магазинов.

Естественно, что среди еврейского населения Аккермана уже после февраля 1903 г. усиленно циркулировали слухи о предстоящем погроме.

В 1905 г. произошли погром в Одессе и стычки в Аккермане.

На наш взгляд, с большой долей вероятности можно предположить, что один из мелких еврейских торговцев Аккермана спрятал свои накопления, состоящие из золотой монеты, на могиле своих родных. Скорее всего, этот человек погиб при поездке в Кишинев в апреле 1903 г. или в период стычек 1905 г. в самом Аккермане.

Таким образом, тезаврация клада может быть датирована 1903-1905 гг.

¹ Дьячков А.Н., Уздеников В.В. Монеты России и СССР. – М., 1978. – С.77.

О.М. Конорева (Белгород, Россия)

**САКРАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ КОЛЛЕГИИ ПОНТИФИКОВ
В ДРЕВНЕМ РИМЕ**

Первоначальный характер коллегии понтификов определить крайне сложно. Обращает на себя внимание определенное противоречие между их ведущими позициями в религиозной сфере республиканского Рима и названием («мостостроители» по наиболее приемлемой этимологии от *pons+facere*), сводящем их функции к наблюдению за священным мостом (*pons sublicius*). Это противоречие побуждало исследователей к поискам иных этимологий, более отвечающих значимости понтификов. Вполне возможно, что первоначально их положение было действительно достаточно скромным и отвечало названию «мостостроители»: в своеобразной жреческой «табели о рангах» у Феста верховный понтифик занимает пятое место после царя

священнодействий и фламинов Юпитера, Марса, Квирина, хотя эти жрецы подчинялись верховному понтифику. Таким образом, за возвышением понтификальной коллегии в царский период может скрываться стремление царей выдвинуть в противовес жречеству, связанному с родоплеменной аристократией, менее значительных, а, значит, более послушных жрецов-понтификов. Косвенным аргументом является прослеживаемая в традиции тесная связь царей именно с этой коллегией, причем их отношения в изображении античных авторов строятся на основе приказа и подчинения¹.

Строительство мостов через Тибр и другие реки считалось делом, успех которого зависел от покровительства сверхъестественных сил. Постройка моста была связана с преодолением больших технических трудностей, чем строительство любых других объектов, да и сами мосты подвергались большим опасностям разрушения, чем, например, дома. Следует иметь в виду, что мосты обычно вели на территорию другой общины или другого племени и должны были находиться под особым покровительством божеств. Это, видимо, может объяснить не только название, но и первоначальный характер коллегии понтификов – мостостроителей².

Рассматривая сакральные функции данной коллегии, для получения наиболее полной картины мы должны выделить в них несколько групп.

➤ *Священнодействия.* Собственные священнодействия понтификов относительно немногочисленны и не занимали центрального места в общественном культе республиканской эпохи. Тем не менее, все они носят чрезвычайно архаичный характер, что позволяет предположить их изначальную связь с этой коллегией. Об архаичности ритуалов, в которых участвовали понтифики, свидетельствуют их названия. Часть их образована от названия самого обряда³.

Понтифики приносили жертвы и отдельным богам, что соответствует более высокой стадии развития религиозного мышления. Однако все божества, с которыми были связаны понтифики, малоизвестны, и культ их не имел широкого распространения в республиканскую эпоху, что свидетельствует в пользу глубокой древности этих полузабытых божеств. Понтифики приносили жертвы Акке Ларенции⁴, Ангероне⁵, Карменте⁶ и др⁷.

➤ *Искушение «грехов» (placulum).* Одной из важнейших задач понтификов являлось искушение «грехов». Искупительные церемонии осуществлялись по двум поводам: при замеченных нарушениях священных норм (от настоящего преступления до всего лишь формального отступления от требуемого ритуала) и при prodigiaх – свидетельствах гнева богов, вызванного зачастую своевременно не искупленными нарушениями их интересов.

Обращение к понтификам в затруднительных ситуациях свидетельствует, что именно им принадлежала разработка этих вопросов. Однако сказанное не означает наличия какого-либо контроля со стороны коллегии как за соблюдением сакрального права, так и за принесением искупительных жертв. В отношении действий частных лиц, не затрагивавших общественные интересы, это ясно само собой, в силу практической невозможности такого контроля и принципиальной его нецелесообразности, ибо в этом случае возможный гнев богов относился только к самому согрешившему. Но каждый гражданин обязан был подчиняться сакральным установлениям, если нарушение их оскверняло общественные священнодействия⁸.

Понтифики оказывали также непосредственную помощь при совершении искупительных жертвоприношений⁹. Такую же роль – преимущественно консультативную и вспомогательную – понтифики играли и при назначении искупительных жертв при продигиях. О продигиях докладывали не жрецам, а сенату, а тот решал, принимать эти сообщения во внимание или нет (*prodigium suscipere*), самому обсудить вопрос или обратиться за советами к жрецам и к каким: к понтификам, гаруспикам или жрецам священнодействий¹⁰. Сенат мог принять решение и самостоятельно, не прибегая к помощи жрецов¹¹.

➤ *Обеты богам.* Еще одна область соучастия понтификов в сакрально-политической жизни *цивitas*, во взаимоотношениях ее с богами – это принятие и выполнение обетов богам за помощь в тех или иных затруднительных обстоятельствах, за процветание общины. В обетах ярко проявлялось единение людей и богов, они были чрезвычайно важны для сплочения граждан и укрепления их морального духа надеждой на помощь свыше.

Обет – действие с самыми широкими последствиями. При его принятии понтифики выступали в качестве консультантов по вопросу, все ли сделано магистратом правильно¹², и в качестве знатоков священных формул, подсказывая их текст принимающим обет магистратам¹³. Но деятельность по защите интересов богов, по крайней мере, активная, не входила в обязанности понтификов, так как выполнение обязательства перед богами было делом совести принявшего их. Безынициативность жрецов была связана с одним из основных положений римской религии эпохи ранней Республики: «преступления против богов – забота богов»¹⁴.

➤ *Посвящения богам (consecratio).* Обязательным было участие понтификов в дедикации, или консекрации, храмов, т.е. посвящении их богам. Перед посвящением храма коллегия понтификов высказывала свое мнение относительно возможных препятствий к этому. Но обращение к понтификам за советом относительно посвящения было, видимо, желательным, но не обязательным¹⁵. Роль понтификов в самой церемонии была обычной – подсказывать магистрату священные

формулы, как и в других случаях¹⁶. Об этом прямо говорят выражения источников: дедикация осуществляется «по подсказке понтифика», «в присутствии понтифика»¹⁷, «с помощью понтифика»¹⁸. Помимо подсказывания сакральных выражений, понтифик обязан был держаться за косяк храма¹⁹. Цель этого ясна – точно указать предмет (в данном случае – здание храма), к которому относятся произносимые слова посвящения.

Многие исследователи придерживаются мнения, что понтифики при освящении храма определяли его устав, где устанавливали границы священной территории, права храма, особенности жертвенного ритуала, характер управления доходами²⁰. Однако лишь относительно определения понтификами сакральных границ святилища имеется ясное свидетельство Варрона²¹.

Разновидностью обряда консекрации личности является девоция – посвящение полководцем себя или какого-нибудь другого воина – гражданина вместе с врагами подземным богам ради победы своего войска (или иное самопожертвование)²². Здесь понтифик принимал обязательное участие, но опять лишь со вспомогательной ролью: консультировал, по требованию полководца, посвящающего себя, и во время проведения обряда подсказывал ему священные формулы²³.

➤ *Надзор за календарем.* Одной из задач понтификов было ведение календаря, связанное, в частности, со сроками священнодействий²⁴. Это имело особое значение в Древнем Риме, поскольку дни здесь разделялись на несколько категорий со своими особенностями не только сакрального, но и политического характера, например, не во всякий день можно было проводить народное собрание или вершить суд. Учет этих особенностей, преимущественно праздничных дней, вели понтифики²⁵. Они же определяли связанные с фазами луны ключевые дни римского месяца: календы и ноны²⁶, а также иды. Кроме того, понтифики в календарной сфере играли роль консультантов.

➤ *Семейное право.* Помимо публичной сферы в жизни отдельного гражданина понтифики также играли определенную роль. Круг важнейших частноправовых функций понтификов очертил Цицерон в трактате «О законах»: «Что за дело понтифику до права «общих стен», или до права пользоваться водой, или до любых вопросов, кроме тех, которые связаны с религией? А последних совсем немного. Это, я думаю, вопросы о священнодействиях (de sacris), об обетах (de votis), о праздничных днях (de feriis), о гробницах (de sepulcris) и тому подобное»²⁷. К первому пункту «священнодействия» Цицерон относит довольно полно отраженную в источниках обязанность понтификов следить за сохранением родовых и фамильных священнодействий. Осуществляя важную задачу наблюдения за осуществлением родовых

священнодействий, понтифики разработали целую систему правил перехода сакральных обязанностей вместе с наследуемым имуществом, дабы со смертью главы той или иной ветви рода не прекратились соответствующие обряды²⁸. Решали понтифики и ряд других вопросов, относящихся к семейной сфере, что в определенной степени было связано с контролем за родовыми священнодействиями. Верховный понтифик и подчиненный ему фламмин Юпитера принимали участие в заключение брака по обряду *confarreatio*²⁹.

➤ *Контроль за частным культом.* Цицерон, обращаясь в своей речи к Клодию, говорил: «...если бы тебе предстояло совершить какой-либо испугительный или ввести какой-либо новый обряд в связи с почитанием ваших родовых богов, то ты, в силу общепринятого обычая все-таки обратился бы к понтифику»³⁰. Несомненно, консультации понтификов, знатоков сакрального права, служили одним из каналов жреческого, другими словами, общественного, влияния на организацию и формы осуществления частных священнодействий. При их учреждении понтифики могли даже своим постановлением назначить день или место для совершения этих обрядов. Понтифики разрабатывали теоретические проблемы, касающиеся нарушений сакрального права, и правила искупления этих нарушений. При этом они различали умышленное и неумышленное сакральное нарушение. Первое считалось ими неискупимым, а неумышленное искупалось жертвоприношением³¹, где помощь могли оказать сами понтифики («общественные жрецы» у Цицерона³²). Также следует отметить, что значительная часть религиозных празднеств и обрядов в Риме осуществлялась *privatim et publice* («частным и общественным образом»)³³ а это предполагает определенную степень влияния общественных жрецов, прежде всего понтификов, на частный культ, хотя бы в качестве образца совершаемых ритуальных действий.

➤ *Погребальное право.* Среди требований понтификального права в вопросе погребений до нас дошли такие, как, например, предписание оставлять без погребения повесившихся³⁴. Другое предписание содержалось в законах Нумы: при неумышленном убийстве родственникам убитого в качестве возмещения убийца приносил в жертву барана³⁵. Эти сакральные законы, к которым относились и царские законы, находились в ведении понтификов. Специальные постановления коллегии понтификов запрещали устраивать гробницы на общественной или священной земле³⁶. Именно понтификам принадлежала разработка теоретических проблем в данной области, как в следующем отрывке: «Но о «гробнице» говорят только после того, как совершены все установленные обряды и в жертву принесен боров. И то, что теперь совершают при всяких похоронах, дабы тело считалось «преданным земле», тогда относилось только к тем, чьи тела покрывала брошенная на

них земля. Ибо, пока кости не засыпаны землей, место, где было сожжено тело, еще не находится под религиозным запретом; когда же останки засыпаны комьями земли, то они считаются преданными земле, место называется гробницей, и только тогда на него распространяются многие религиозные права»³⁷.

Коллегия понтификов, будучи высшим стражем римских государственных обрядов, следила также за государственным религиозным архивом, в котором хранились летописи понтификов (*annales maximi*) – собственноручные записи верховного жреца о важнейших религиозных событиях, книги понтификов (*libri pontificii*) – перечни древнейших узаконенных религиозных обычаев, и, наконец, записи о различных постановлениях коллегии понтификов (*commentarii pontificum*)³⁸.

Выполняя свои обязанности во всех этих сферах, коллегия сосредоточила в своих руках общий высший надзор над римским богослужением, хотя, как кажется, и не в таком широком размере, как после упразднения царской власти. Понтифики также стали верховными блюстителями всего, что находилось в связи с этим богослужением. Суть своего дела они сами определяли как «знание божеских и человеческих вещей»³⁹.

Примечания:

¹ Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. – М., 2001. – С. 104.

² Невмировский А.И. Идеология и культура раннего Рима. – Воронеж, 1964. – С. 135.

³ Жреческие коллегии в Раннем Риме. – С.110.

⁴ Цицерон. О государстве. СМХIII, 8.

⁵ Макробий. Сатурналии. I. 10. 7.

⁶ Овидий. Фасты. I. 461.

⁷ Жреческие коллегии в Раннем Риме. – С.111.

⁸ Религия и община в древнем Риме. – М., 1994. – С. 46.

⁹ Цицерон. О законах. II. IX. 22; II. XV. 37.

¹⁰ Ливий. I. 31.1; V. 15.1; V. 15.3; XXI. 62.6.

¹¹ Цицерон. Ответы гаруспиков. VII. 14.

¹² Ливий. XXII. 10. 1; XXXI. 9. 6-10.

¹³ Светоний. Клавдий, XXII.

¹⁴ Тацит. Анналы. I. 73.

¹⁵ Религия и община в древнем Риме. – С. 53.

¹⁶ Плиний Старший. Естественная история. XI. 174.

¹⁷ Ливий. II. 27. 5; IX. 46. 6.

¹⁸ Цицерон. О своем доме. XLVI. 120.

¹⁹ Валерий Максим. V. 10.1.

²⁰ Жреческие коллегии в Раннем Риме. – С.122.

²¹ Варрон. LL. VI. 54.

²² Макробий. Сатурналии, III. 9. 9-13.

- ²³ Ливий. V. 41. 3.
- ²⁴ Ливий. I. 20. 5.
- ²⁵ Сервий. Схолии к Георгикам. I. 270.
- ²⁶ Макробий. Сатурналии. I. 15. 910.
- ²⁷ Цицерон. О законах. II. 47.
- ²⁸ Там же. II. 47-53.
- ²⁹ Сервий. Схолии к Георгикам. I. 31.
- ³⁰ Цицерон. О своем доме. 132.
- ³¹ Варрон. LL. VI. 30.
- ³² Цицерон. О законах. II. 22; 37.
- ³³ Сморгачев А.М. Взаимодействие общественных и частных празднеств в римской религии // Вестник Московского Университета. Сер. 8, История. – 1991. – № 5. – С. 49-38.
- ³⁴ Сервий. Схолии к Энеиде. XII. 603.
- ³⁵ Сервий. Схолии к Георгикам. III. 387.
- ³⁶ Цицерон. О законах. II. 58.
- ³⁷ Там же. II. 57.
- ³⁸ Велишский Ф. История цивилизации. Быт и нравы древних греков и римлян. – М., 2000. – С. 458.
- ³⁹ Моммзен Т. История Рима. В 5 тт. Т. 1. Кн. 1, 2. До битвы при Пидне // Пер. с нем. – М.-Х., 2001. – С. 185.

А.В. Корецкий (Тирасполь, Молдова)

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ У С. ГЛИНОЕ

На территории позднескифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное с 1995 г. по 2007 г. Днестровской археологической экспедицией были обнаружены 8 захоронений средневековых кочевников. Из них три погребения являются впускными в более ранние курганные насыпи, 5 погребений группируются отдельно в юго-западном секторе могильника.

В 1995 г. в северном секторе позднескифского могильника III-II вв. до н.э. в *кургане 1* (эпохи бронзы) обнаружено впускное парное позднекочевническое погребение (№26). Погребальное сооружение представляло собой прямоугольную яму размерами 2,05 x 0,85 м, ориентированную по линии запад-восток (рис. 1/1). Отмеченная глубина ямы составляла 0,3 м.

При расчистке погребальной ямы обнаружены останки двух взрослых людей. Первый костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп погребенного лицевой частью был развернут на север. Правая рука была вытянута вдоль тела, левая рука согнута в локте под углом в 90° и кистью уложена на левое крыло таза. Правая нога была выпрямлена, левая – слегка согнута. В области грудины обнаружена медная литая бусина с округлым выделенным ушком для подвешивания

(рис. 2/8). Ядро бусины сферическое, слегка уплощенное по вертикали. Ушко подпрямоугольной формы с округленным краем, высокое. Подобная форма бубенчиков была широко распространена с салтовского по золотоордынское время. Второй костяк лежал слева от первого, вытянуто на спине, головой на запад. Череп погребенного лицевой частью был развернут на юг. Правая рука была пропущена под левую руку первого погребенного, согнута под углом в 110° и уложена кистью на правое крыло таза. Левая рука была вытянута вдоль тела. Ноги прямые, слегка отклонялись от оси позвоночного столба влево.

В 2001 г. вдоль трассы Тирасполь-Днестровск на глубине 0,4-0,45 м от современной дневной поверхности было выявлено четыре безинвентарных грунтовых погребения.

Погребение 1 (рис. 1/2). Прямоугольная в плане яма с округленными углами размерами 2,1 x 0,5 м была ориентирована с запада на восток. Отмеченная глубина ямы достигала 0,7 м. Полукруглый в плане уступ размерами 1,8 x 0,55 м примыкал к яме с севера. Отмеченная глубина уступа – 0,3 м, дно слегка покатое в сторону ямы.

При расчистке погребальной ямы обнаружены останки мужчины 35-45 лет. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп погребенного был повернут вправо, руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые.

Погребение 2 (рис. 1/3). Прямоугольная в плане яма с округленными углами размерами 2,15 x 0,5 м была ориентирована с запада на восток. Отмеченная глубина ямы – 0,5 м.

При расчистке погребальной ямы обнаружены останки мужчины 35-40 лет. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад, с небольшим наклоном на правый бок. Череп погребенного был повернут вправо, руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые (правая нога слегка повернута вправо).

Погребение 3 (рис. 1/4). Прямоугольная в плане яма с округленными углами размерами 2,1 x 0,5 м была ориентирована с запада на восток. Отмеченная глубина ямы достигала 0,8 м. Подпрямоугольный в плане уступ размерами 1,9 x 0,5 м примыкал к яме с севера. Отмеченная глубина уступа достигала 0,3 м.

При расчистке погребальной ямы обнаружены останки мужчины 25-30 лет. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп погребенного был склонен к правому плечу, руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые.

Погребение 4 (рис. 1/5). Трапециевидная в плане яма с округленными углами размерами 2,1 x 0,55 x 0,35 м была ориентирована с запада на восток. Отмеченная глубина ямы достигала 0,4 м.

При расчистке на дне ямы обнаружены останки мужчины 20-25 лет. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп был

повернут вправо, руки вытянуты вдоль тела. У погребенного отсутствовала правая нога и берцовая кость левой ноги.

В 2007 г. в юго-западном секторе могильника близ трассы Тирасполь-Днестровск было обнаружено ещё одно погребение подобного типа (рис. 1/8). Оно оказалось впускным в курган 52 (№2). Погребальное сооружение представляло собой подпрямоугольную в плане яму с сильно округленными углами размерами 2 x 0,47 м, ориентированную с запада на восток. Отмеченная глубина ямы – 0,9 м.

При расчистке погребальной ямы обнаружены останки взрослого человека, судя по массивности и строению костей черепа, мужчины. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад, с небольшим разворотом на правый бок. Череп погребенного был повернут к правому плечу, руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые.

В 2007 г. в северо-восточном секторе могильника открыты еще два погребения. Эти захоронения являлись впускными в скифские курганные насыпи.

Курган 34, погребение 2 (рис. 1/6). Обнаружено на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности.

Погребальное сооружение представляло собой яму с подбоем. Подпрямоугольная в плане входная яма размерами 1,3 x 0,55 м была ориентирована с запада на восток, с отклонением к северу. Сохранившаяся высота стен – не более 0,15 м. Отмеченная глубина ямы – 0,5 м. Подтрапцевидный в плане подбой размерами 2,07 x 0,7 м и глубиной 0,4 м был ориентирован с запада на восток и располагался почти параллельно входной яме. Стены подбоя сохранились на высоту не более 0,2 м. Отмеченная глубина подбоя – 0,6 м. Входную яму от подбоя отделяла вертикальная ступень высотой 0,1 м.

При расчистке подбоя обнаружены останки взрослого человека. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Руки погребенного были незначительно согнуты и кистями уложены на крылья таза, ноги прямые. Под голенью правой ноги находился железный нож (рис. 2/7). На позвоночнике, в области живота обнаружены кремь и однолезвийное, калачевидное кресало (рис. 2/5). С внутренней стороны ударного лезвия сохранился остаток подпрямоугольного выступа. Размеры изделия: длина – 75 мм, ширина лезвия – 12 мм, толщина – 6 мм.

Кресала повсеместно встречаются в погребениях восточноевропейских степей X-XIV вв. Использовать этот вид погребального инвентаря как датирующий материал весьма проблематично. Как подчеркивает С.А. Плетнева, калачевидные кресала, имеющие аналогии в Новгороде и других русских городах, датируются X-XI вв.¹. Исследования Б.А. Колчина и Г.А. Федорова-Давыдова² позволили выявить несколько типов калачевидных кресал, характеризующихся различиями в составных элементах. Каждый тип имеет свою

хронологическую протяженность. Кресало из кургана 34 погребения 2 близко к переходному типу I-II из Новгорода, датируемому XI-XII вв.³.

Курган 35 погребение 3 (рис. 1/7). Обнаружено на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности.

Погребальное сооружение представляло собой яму с подбоем. Входная яма неправильной полукруглой формы размерами 1,6 x 0,5 м была ориентирована с запада на восток. Стены сооружения сохранились на высоту не более 0,15 м, ровное горизонтальное дно зафиксировано на глубине 0,55 м. Подбой в форме неправильной трапеции размерами 2,13 x 0,6 м был ориентирован с запада на восток. Яму от подбоя отделяла почти вертикальная ступень высотой до 0,16 м. Стены подбоя сохранились на высоту до 0,35 м. Неровное горизонтальное дно сооружения зафиксировано на глубине 0,75 м от современной дневной поверхности.

При расчистке подбоя обнаружены останки взрослого человека. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Руки погребенного были вытянуты вдоль тела, ноги прямые. Справа на груди обнаружено металлическое колечко (рис. 2/3). Под кистью правой руки, у таза найден железный нож (рис. 2/1) и два сильно коррозированных наконечника стрел (рис. 2/2). Стрелы клиновидные без шипов. Один наконечник стрелы имеет черенок. Сохранились части древков. Длина перьев 29 мм и 38 мм. Длина черенка 13 мм. Близкие по форме стрелы и ножи встречаются в погребениях Каменского могильника⁴. С.А. Плетнева считает, что Каменский могильник оставлен в конце XII в. ветвью «диких» половцев⁵. Исследования А.О. Добролюбского убедительно показали, что Каменский могильник неоднороден этнически и хронологически. Исследователь датирует могильник XII-XIV вв. и связывает его со смешанным черноглобукским населением, перемещенным монголами в Поднестровье из Поросья и смешавшегося здесь с местными кочевниками, потомками «диких» половцев⁶. Наконечники стрел и ножи, аналогичные обнаруженным артефактам на могильнике у с. Глиное, лежали в погребениях с восточной и северо-восточной ориентировкой – характерным признаком половецкого погребального обряда⁷.

Форма и оформление могильных ям, положение и ориентировка костяков указывают на позднекочевнический характер данных погребений.

Для всех вышеописанных погребений характерна западная ориентировка костяков. Исследователи позднекочевнических древностей склонны считать западную ориентировку характерной чертой печенего-торческого погребального обряда⁸, который существует в Северном Причерноморье в X-XII вв., а затем в период монгольского господства в степи – в XIV в.

Отдельные особенности захоронений у с. Глиное позволяют реконструировать относительную хронологическую принадлежность каждого памятника.

Судя по характерным чертам погребального обряда и применяя условную датировку найденных в погребениях артефактов (кресала и наконечники стрел), можно предположить, что впускные захоронения в курганах 34 и 35 принадлежат печенегам XII в. К ближайшим аналогиям данных погребений мы относим впускные захоронения средневековых кочевников Каменских курганов, которые по облику найденных в них изделий (кресала, наконечники стрел) датируются X-XIII вв.⁹

Исходя из выводов А.О. Добролюбского, парное погребение в кургане 1 можно связать с золотоордынским временем (XIII-XIV вв.). Изучая проблему миграций черных клобуков в Поднестровье и Побужье, исследователь приходит к выводу, что в появлении парного обряда погребения отразилась тенденция к образованию смешанных типов за счет переселения в Поднестровье различных по своему этническому составу масс кочевников¹⁰. В Северо-Западном Причерноморье раскопано три парных погребения: у с. Суклея (близ Тирасполя), у с. Селиште на р. Реут и у с. Гольма Балтского района Одесской области¹¹. Все они разнотипны с точки зрения типологии, основанной на ориентировке костяков, однако по набору инвентаря эти памятники связаны с XIII-XIV вв.

Датировать 5 захоронений, стоящих особняком в юго-восточном секторе могильника, весьма проблематично по причине полного отсутствия инвентаря. Учитывая отдельные элементы погребального обряда (форма ямы, наличие уступа в северной продольной стенке, ориентация лицевой части черепа на юг, западная ориентировка костяков)¹² можно предположить, что погребенные были мусульманами. По элементам погребального обряда все 5 захоронений близки погребениям средневекового могильника у с. Никольское, который, предположительно, был оставлен кочевниками орды Ногая в начале XIV в.¹³

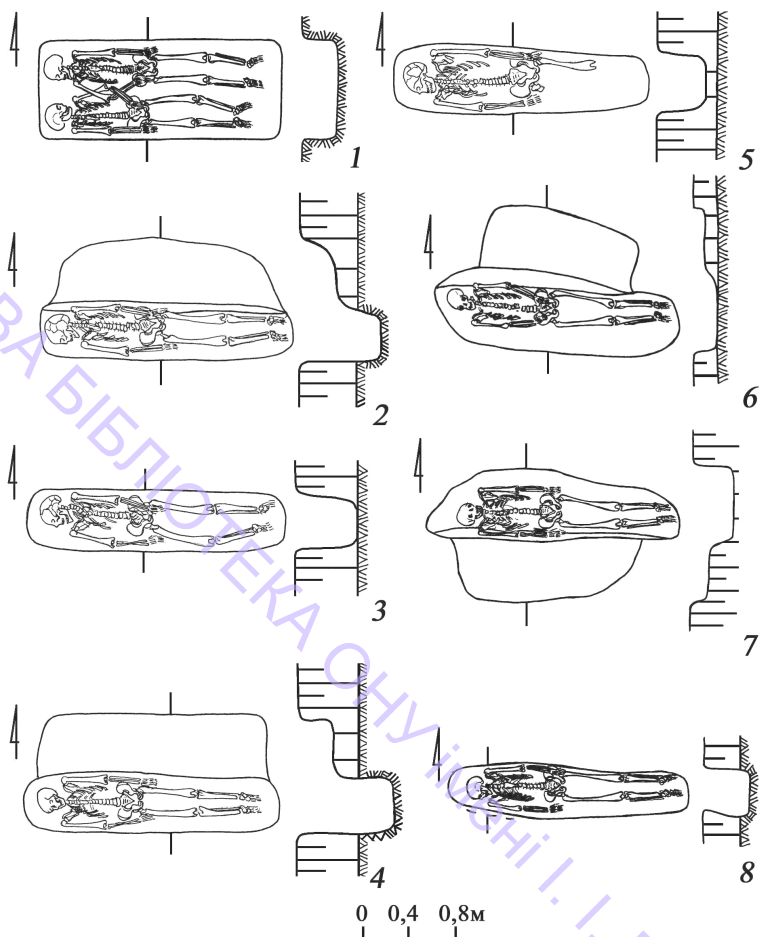

**Рис. 1. Позднекочевнические погребения
могильника у с. Глиное**

1 – курган 1 погребение 26; 2 – погребение 1; 3 – погребение 2; 4 – погребение 3; 5 – погребение 4; 6 – курган 34 погребение 2; 7 – курган 35 погребение 3; 8 – курган 52 погребение 2.

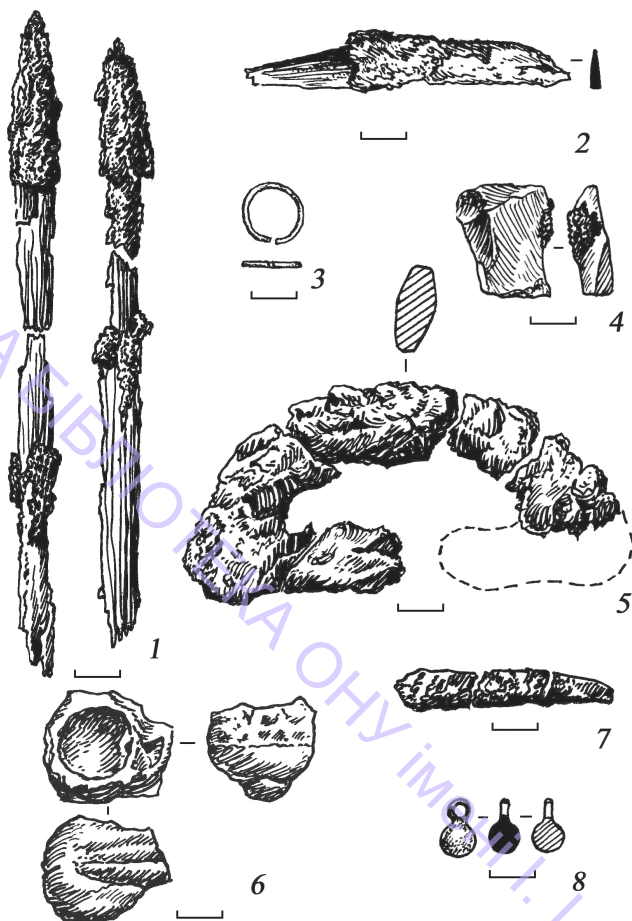

Рис. 2. Инвентарь позднекочевнических погребений могильника у с. Глиное

1 – наконечники стрел (к. 35, п. 2); 2 – железный нож (к. 35, п. 2); 3 – металлическое колечко (к. 35, п. 2); 4 – кремь (к. 34, п. 2); 5 – железное кресало (к. 34, п. 2); 6 – фрагмент курительной трубки; 7 – железный нож (к. 34, п. 2); 8 – медная литая бусина (к. 1, п. 26).

Примечания:

¹ Плетнева С.А. Степи Евразии в Эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 216.

² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – С. 84.; Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. - № 65.

³ Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С.54-55.

⁴ Плетнева С.А. Древности Черных клобуков // Археология СССР, выпуск Е1-19. – М., 1973. – С. 43, 86-87.

⁵ Там же. – С. 27-28.

⁶ Добролюбский А.О. Черные клобуки в Поднестровье и Побужье // Древности степного Причерноморья и Крыма, №1. – Запорожье, 1990. – С. 157.

⁷ Плетнева С.А. Древности Черных клобуков // Археология СССР, выпуск Е1-19. – М., 1973. – С. 20, 43.

⁸ Там же. – С. 20.

⁹ Манзура И.В., Клочко Е.О., Савва Е.Н. Каменные курганы. – Кишинев, 1992. – С. 94.

¹⁰ Добролюбский А.О. Черные клобуки в Поднестровье и Побужье // Древности степного Причерноморья и Крыма, №1. – Запорожье, 1990. – С. 156

¹¹ Там же. – С. 154.

¹² Кравец В.В. Раннемусульманские погребения кочевников в Среднем Подонье // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж 2002. – С. 195.

¹³ Агульников С., Савва Е., Исследования курганов на левобережье Днестра. – Кишинев, 2004. – С. 227-228

П.Н. Котляров (Киев, Украина)

ФИЛИПП МЕЛАНХТОН И ПРАВОСЛАВИЕ: ПОИСКИ СОЮЗНИКОВ

Реформационное движение, возникшее в результате выступления Мартина Лютера против злоупотреблений индульгенциями, с самого начала пользовалось поддержкой в среде князей, бюргеров, рыцарства и крестьянства. Несостоятельность императорской власти внутри страны, интриги Франции, проблемы в Италии и неослабевающая угроза турецкого нашествия не давали возможности императору Карлу V создать могущественную католическую коалицию для эффективного противостояния лютеранству. В результате на Аугсбургском рейстаге 1555 г. император вынужденно согласился с принципами «Аугсбургского вероисповедания» и подтвердил постановление Первого Шпееерского рейхстага 1526 г. «*cuius regio eius religio*» («Чья власть, того и вера»). Хотя постановления Аугсбургского рейстага 1555 г. надолго закрепили политическую раздробленность Германии, они вместе с тем предоставили Реформации уникальную возможность не только закрепиться на уже завоеванных позициях, но и далее проводить активную религиозно-территориальную экспансию. Устойчивая тенденция к расширению ареала владений приверженцев Аугсбургского вероисповедания наблюдалась почти до конца 80-х годов XVI в.

Но вопреки впечатляющим успехам Реформации, ее идеологи все же осознали некую нелегитимность нового движения, которую, на их

взгляд, можно было бы хоть частично устранить за счет унии с авторитетным и могущественным союзником. Римо-католическая церковь по понятным причинам таким союзником стать не могла, со швейцарскими цвинглианами Лютера окончательно рассорил Марбургский диспут 1529 г., не складывались отношения и с женевским кальвинизмом. Длительные переговоры с монархами Англии и Франции также не принесли ожидаемых результатов и ограничились лишь ситуативными военными союзами.

Таким образом, не найдя понимания на Западе, лютеране нацелили свою дипломатию на Восток, предполагая, что союзником мог бы стать давний оппонент католицизма – ортодоксальный Константинополь во главе с Патриархом.

Следует заметить, что протестантские руководители еще с первых лет Реформации с явной симпатией обращали свой взор в сторону Константинополя, полагая, что незначительные отличия в управлении церковью и догматике легко устранимы, а христианское единство, покоящееся на большинстве общих обрядов и догматике – вполне возможно. Более того, по мнению реформаторов, союзниками и адептами обновленной религии должны быть неримские народы: «...московиты, белорусы, греки и другие немалые народы в мире... ...которые веруют так как мы, принимают крещение как мы, проповедают как мы, живут как мы...»¹

Первые экуменические мессиджи к ортодоксальной греческой церкви прозвучали еще на заре Реформации во время Лейпцигского диспута 1519 г., когда разгорелась полемика относительно проблемы подчинения и взаимоотношений светской и церковной власти. Тогда Лютер, в качестве аргумента, указал доктору Экку² на многовековой опыт существования христианской церкви в условиях непризнания папского примата, но зависимой вначале от светской власти христианского государя, а позднее – от исламского султана³.

Собственно, полемика Лейпцигского диспута еще раз обнажила существующую проблему неоднозначного отношения католического общества к практике сосуществования восточного христианства и ислама в границах одного государства и одновременно более четко обозначила новую линию противостояния католицизма и православия. Речь идет, прежде всего, о том, что падение Константинополя в 1453 г. и непрекращающаяся исламская угроза поставили перед западным миром ряд важных вопросов. Например, не является ли падение восточного центра христианства наказанием за непризнание папского первенства? Может ли церковь, находясь под владычеством исламской Османской империи, оставаться истинной? Не указывает ли сам факт завоевания Константинополя на то, что грекам необходимо радикально пересмотреть свою доктрину? В полемике с Лютером доктор Экк, защищая папский

примат, обобщил существующие вопросы и высказал господствующую среди католиков мысль, что «греки, не признавая римское первенство, за долгие годы стали не только схизматиками, но и ужасными еретиками»⁴.

Ответ Лютера на обвинение греков был чрезвычайно эмоционален и ярок. Он заявил, что гибель земного царства нельзя приравнивать к потере истинной веры: «Разве может вера погибнуть после уничтожения государства, разве можно делать вывод, что с греками нет Христа, если они не имеют собственного государства? С тем же успехом можно утверждать, что мученики побеждены адом... ...если существует первенство римской церкви, то все епископы Константинополя и Александрии, все великие Отцы Церкви – Василий, Григорий, которые не знали и не слышали о *jure divino* – разве они теперь прокляты как еретики? И неужели папа будет их изгонять с небес?»⁵.

Тем не менее, если защита и оправдание ортодоксальной церкви у Мартина Лютера были в большей мере вызваны логикой развития Лейпцигского диспута и ситуативной потребностью в защите собственных позиций, то у его ближайшего соратника Филиппа Меланхтона, свидетеля и участника словесной дуэли, в скором времени выкристаллизовалась идея сближения лютеранства и православия на почве общности догматики. Робкие шаги в этом направлении просматриваются в последовавшей после диспута переписке⁶.

Впрочем, едва ли можно утверждать, что до 1530 г. экуменическое движение в отношении Константинополя приобрело большую популярность и пламенных приверженцев в лагере лютеран. Ситуация существенно изменилась после Аугсбургского рейхстага 1530 г. Как известно, вплоть до этого момента Меланхтон не терял надежды на примирение с католической церковью. Именно эта идея-фикс двигала им при написании известного Аугсбургского вероисповедания – главного вероисповедного документа лютеран, содержащего в большинстве своих статей компромисс и желание примирить обе церкви. Но даже и этот умеренный документ не мог удовлетворить римскую церковь и императора Карла V, ставившего немецких князей – сторонников Реформации – на одну доску с турками⁷. Неудивительно, что в такой ситуации даже на компромиссные статьи документа обрушился шквал критики. Стало понятно – мира не будет. Как следствие, из-под пера Меланхтона в 1531 г. вышла новая работа – «Апология Аугсбургского вероисповедания», отличавшаяся достаточной резкостью. Именно тогда, когда возникла крайняя потребность в союзниках, у Меланхтона снова появляется идея сближения с Константинопольской церковью.

Но зададимся вопросом: была ли эта идея актуальной для Константинополя? Скорее всего, нет. Действительно, к большому разочарованию лютеран, греки длительное время не слишком интересовались новым течением. События, происходившие в религиозной

жизни Западной церкви, казались им достаточно туманными, неясными и далекими. Ситуация изменилась лишь после того, как очевидные успехи лютеран стали общеизвестным фактом. Именно это и побудило Константинопольского Патриарха Иосафа II ближе познакомиться с новым религиозным движением. Поэтому, желая получить максимально достоверные данные, в 1559 г. в Виттенберг прибыл диакон Деметрий Мизос, который на шесть месяцев поселился в доме Меланхтона. Для Востока открылась уникальная возможность получить ответы на свои вопросы непосредственно от первых лиц протестантской церкви Германии.

Судя по более поздним письмам Меланхтона, реформатор остался доволен общением с константинопольским послом. Действительно, визит оказался весьма полезным. Во-первых, лютеране получили достаточно исчерпывающую информацию о церковной жизни христиан под властью Османской империи. Услышанное подтвердило бытующее у лютеран мнение о возможности сосуществования христианской церкви и мусульманской власти в границах одного государства. В письме к Матеузису Меланхтон, информируя своего коллегу о состоянии церкви в Малой Азии и Греции, не без восторга писал: «Бог сохранил церковь во Фракии, Азии и Греции, как когда-то трех юношей в огненной печи»⁸. В том же письме Меланхтон, пересказывая слова Деметрия о существовании теологической школы на острове Хиос, продолжал: «Мы благодарим истинного Бога и его Сына Иисуса Христа, за то, что Он могущественной рукой сохранил маленькое стадо верных, которые правильно славят Бога и правильно к Нему обращаются»⁹.

Но еще важнее было то, что этот визит вселял определенный оптимизм в вопрос о возможном объединении церквей. Ведь, по убеждению Меланхтона, между ними существует общность догматики, их объединяет историческая наследственность, они одинаково придерживаются Святого Писания и обрядности, почитают общих Отцов Церкви¹⁰. Далее, дабы подтвердить свои слова, Меланхтон ссылается на пример Деметрия: «...сам Деметрий посещал наши церковные собрания и слышал то, чему мы учим. Он может подтвердить, что мы богобоязненно придерживаемся Святого Писания, пророческих и апостольских посланий, а также догматических канонов святых синодов и учения отцов – Афанасия, Василия, Григория, Епифания, Ириней и прочих, мыслящих, так же, как мы»¹¹. Понимая, что объединяющим началом могут стать не только общие догматические воззрения, но и общие враги, Меланхтон не преминул упомянуть об этом, подчеркнув, что: «вместе с тем, мы испытываем отвращение к манихеям, мусульманам, и прочим врагам Господним, которых отвергает Церковь Божья»¹².

Следует заметить, что среди множества имен Отцов Церкви Меланхтон сознательно не упоминает так чтимых в латинском мире

Тертуллиана и Августина. Отдельной колкостью в адрес католической церкви звучала и следующая фраза: «...мы учим, что истинная религия состоит в истинной вере и послушании Божественным постановлениям, а не в самовольно придуманных культах и формах, созданных против воли Божьей неучеными монахами»¹³.

Во время пребывания Деметрия в Виттенберге произошло важное событие – публикация Аугсбургского вероисповедания на греческом языке (*Augustana Graeca*). Сегодня имеются два его печатных издания. Первое вышло в Базеле в 1559 г. и состоит из 114 страниц греческого текста. В предисловии указывалось, что переводчиком и автором предисловия был врач и школьный ректор Пауль Дольч (*Paulus Dolscius*). Второй экземпляр, или второе двуязычное (греко-латинское) издание, включенное в «*Acta Scripta*» и содержащее работы вюртембергских теологов вместе с перепиской 1573-1581 гг., между Тюбингеном и Константинополем, увидело свет в 1584 г.¹⁴

Сегодня греческие переводы выдвигают перед исследователями ряд вопросов. Главный из них заключается в том, почему Пауль Дольч, а не лично автор Аугсбургского вероисповедания осуществил перевод и написал предисловие? Это кажется тем более странным, если учесть, что равного Меланхтону знатока греческого языка к тому времени среди виттенбергских реформаторов не существовало. И вообще с трудом верится, чтобы Меланхтон, сознавая значимость события, отстранился от столь важной работы, которая нуждалась не просто в механическом переводе, но требовала существенного корректирования, внесения изменений, дополнений, объяснений и вообще адаптации к греческому мировоззрению. Как убеждает анализ источников, латинский и греческий варианты содержат существенные текстуальные отличия (иногда это радикальные перефразировки, а кое-где и полная переработка официального текста), что дает повод называть *Augustana Graeca* не «переводом» Аугсбургского вероисповедания, а его «версией». Думается, что только автор – тот, кто создал первоначальный текст, имел право вносить столь существенные правки. Видимо, нежелание афишировать свою принадлежность к авторству объяснялось тем, что Меланхтон не желал в очередной раз навлекать на себя критику из лагеря лютеран за свою экуменическую деятельность, за попытки поиска компромиссов с католиками и кальвинистами.

К сожалению, сегодня существует лишь несколько современных исследований касающихся этих переводов¹⁵. Но они не дают исчерпывающего ответа на все вопросы, а лишь очерчивают круг проблем, требующих основательного исследования.

Греческий вариант Аугсбургского вероисповедания был отправлен в Константинополь с Деметрием в том же 1559 г. Меланхтон очень надеялся на быстрый ответ и положительное решение. Однако

долгожданный ответ пришел в Виттенберг лишь в 1576 г., т.е. через 16 лет после смерти Меланхтона. Последующие переговоры не принесли лютеранам желаемого результата: религиозное объединение не состоялось.

Хотя в процессе длительных переговоров между Виттенбергом и Константинополем Филиппу Меланхтону не удалось достичь своей главной цели и создать православно-лютеранский союз, все же благодаря его личному общению и переписке западное христианство ближе познакомилось с греческой православной церковью, спецификой ее богословия и особенностями функционирования христианской церкви в пределах исламского государства. Реформаторы получили важный аргумент в пользу возможности существования отдельной церкви без признания ею верховенства римского понтифика. Главное же состоит в том, что экуменическая деятельность Ф. Меланхтона положила начало широкому диалогу между православием и протестантизмом, наметила тот круг вопросов и проблем, решение которых потребует усилий еще не одного поколения theologов.

¹ WA 6, 287.

² Доктор Экк, католический богослов, оппонент Лютера на Лейпцигском диспуте.

³ WA Br. 1,422

⁴ WA 2, 269.

⁵ WA 2, 277.

⁶ CR. 1, 87-88.

⁷ Ивонин Ю Императоры, короли, министры. Политические портреты XVI века. Днепропетровск, 1994. – С. 29.

⁸ CR 9 925.No.6828

⁹ Ibidem

¹⁰ Ibidem

¹¹ Ibidem

¹² CR 9 925.No.6828

¹³ Ibidem.

¹⁴ Acta et Scripta Theologorum Wirtembergensium, et Patriarchae Constantinopolitani D. Hieremiae, quae utrique ab anno MDLXXVI usque ad annum MDLXXXI de Augustana Con-fessione inter se miserunt: graece et latine ab iisdem Theologis edita. – Wittenberg, 1584.

¹⁵ Benz E. Die griechische Übersetzung der Confessio Augustana aus dem Jahre 1559 // Wittenberg und Byzanz. – Marbourg, 1949. – S. 94-128; Fraenkel P. Testimonia Patrum. – Geneve, 1961. – S. 332-337; Kretschmar G. Die Confessio Augustana Graeca // Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde. – Göttingen, 1970. – S. 11-39.

О РАЗГРОМЕ ТИРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ III в. н.э.¹

В III в. н.э. обстановка в Северо-Западном Причерноморье определялась, в основном, взаимоотношениями Римской империи и варварских племен и отличалась крайней нестабильностью. Со второго десятилетия III в. н.э. начинаются массовые вторжения варваров в пределы Римской империи. В связи с этим в 213-214 гг. император Каракалла (211-217 гг.) был вынужден провести ряд мероприятий по укреплению западных границ империи перед походом против парфян. Он усмирил варваров, провел реорганизацию Паннонского лимеса, занимался устройством военных лагерей вдоль Дуная. Ряд эпиграфических памятников, найденных в Эске, Тире и у совр. с. Беленькое (Белгород-Днестровского р-на Одесской обл.) позволил сделать выводы об участии ополчения Тиры в сражении Каракаллы с карпами в 214 г. и о том, что боевые действия велись у берегов Будацкого (Шаболатского) лимана, в двух десятках километров к юго-западу от Тиры. Тира с успехом выполняла роль дальнего форпоста Римской империи, который сдержал первую, еще слабую волну варваров². Сам город при этом не пострадал, следы разрушений относятся к более позднему периоду, что неоднократно отмечалось большинством исследователей Тиры³. Попытка оспорить это мнение была предпринята вначале Н.А.Сон⁴, а затем В.М.Зубарем и Н.А.Сон, которые считают, что Тира была разрушена карпами в 214 г.⁵. При этом никто из исследователей не подвергал сомнению тот факт, что следы разрушений Тиры в первой половине III в.н.э. относятся к одному и тому же разгрому⁶, остается только уточнить его время.

В течение 1953, 1958-1963 гг. в Тире были исследованы дома римского времени (III, IV), расположенные к востоку и западу от Первой поперечной улицы, раскопана Первая продольная улица и расположенные по обеим ее сторонам дома (V, VI). Особый интерес в силу лучшей сохранности представляют так называемые западный и восточный дома (III, IV), располагающиеся на второй и третьей террасах. Они достаточно велики, их площадь составляет около 500 кв.м⁷.

Восточный дом (II) интересен прежде всего тем, что в нем было найдено два так называемых клада – 1950 и 1958 гг. (в помещениях № 13 и 22). А.И. Фурманская писала, что богатый инвентарь и большое количество монет, спрятанных в двух помещениях восточного дома (где они хранились в одном помещении в горшочке, а в другом - по-видимому, в мисочке⁸), позволяют высказать предположение о принадлежности этого дома одному из богатых граждан Тиры⁹. Дом располагался на второй террасе, в его северной части исследованы помещения № 21 и 22. Северная часть помещения № 22 сильно нарушена хозяйственными ямами средневековья. Тем не менее, здесь раскопан завал камней, обломков

черепицы, среди которых находилось большое количество кусков обугленного дерева. На полу помещения под завалом выявлена большая кучка слипшихся медных и серебряных монет. На монетах лежали - серебряная фибула, золотой перстень-печатка и золотое кольцо в виде змеи. На полу было найдено еще три медных монеты – тетрассарий Каракаллы, монета с бюстом Геты и плохой сохранности с надчеканой. Золотой перстень в виде змеи датируется рубежом эр – II в.н.э., перстень – печать и серебряная фибула - III в.н.э.¹⁰ Клад монет состоял из 31 римского денария, 149 медных монет Тиры и одной медной монеты Ольвии времени правления Септимия Севера (193-211 гг.). Денарии датируются в пределах, превышающих три столетия – от Марка Антония (ок. 32-31 гг. до н.э.- 2 экз.) до Септимия Севера (7 экз.). Наиболее ранние монеты городской чеканки относятся ко времени правления Домициана (89-96 гг.) – 13 экземпляров. Все сильно потерты вследствие длительного пребывания в обращении. Преобладали монеты времени правления Коммода (180-192 гг.) – 30 экземпляров, и особенно Септимия Севера – 82 экземпляра¹¹.

Сложнее обстоит дело с датировкой фибулы. Е.Л. Гороховский и Н.А. Сон определили, что она относится к редкой разновидности провинциальных фибул, к типу шарнирных Т-образных двупружинных с широкой спинкой. По условиям находки они датировали ее не ранее первого десятилетия III в.н.э., т.к. найдена она вместе с монетами, самые поздние из которых относятся ко времени правления Септимия Севера¹². Абсолютный аналог тирской фибуле найти не удалось. По О. Альмгрену этот тип фибул относится к группе VI, 2, № 185, происходит как из провинциально-римских, так и из североевропейских областей¹³. А.К. Амброз писал, что Т-образные фибулы с пружиной возникли на юго-западе Германии на основе Т-образных провинциальных фибул, датируются IV в., м.б. началом V в.¹⁴ Х.-У. Вос пишет, что это тип германских фибул, и датирует их IV-V вв. Они развиваются частично от римских военных фибул¹⁵. Вероятно, ближе к истине датировка, предложенная Е. Риха: фибулы типа Альмгрен № 185 (тур 3.11 Bügelknopffibel. Taf. 8, 2000) датируются от 100 г. н.э., их пик относится к 250 - 350 гг.¹⁶

В юго-западном помещении (№ 13) восточного дома выявлено значительное количество материала, среди которого особый интерес представлял раскрытый у северной стены небольшой красноглиняный сосуд, накрытый плоским камнем, который содержал клад из 61 монеты¹⁷. Позднее в публикациях упоминается 60 монет – 5 римских денариев, остальные - медные монеты Тиры. Самые ранние из них датируются временем правления Домициана (81-96 гг.), а самые поздние – временем правления Каракаллы (211-217 гг.), преобладают монеты времени правления Коммода и Септимия Севера, как и в первом кладе¹⁸. При этом,

на мой взгляд, название «клады» в данном случае достаточно условно, это, скорее, сбережения или сокровища, хранившееся в доме. Спорен вывод о том, что сокровища были спрятаны «в минуту опасности, непосредственно предшествовавшей гибели дома»¹⁹. Если с первой его частью – о том, что образование сокровищ может быть связано с существующей опасностью – еще можно согласиться, то заключение о том, что эта опасность завершилась гибелью дома, не следует из факта образования сокровища²⁰. Этому есть и другие объяснения. В частности, Н.А. Фролова пишет, что первые три десятилетия III в. н.э. чеканка Тиры особенно интенсивная. Время своего расцвета она переживает при императорах Септимии Севере и Каракалле (193-217 гг.). П.О. Карышковский отмечал, что это наблюдение, сделанное А.Н. Зографом, подтвердилось составом двух кладов, найденных в Тире и изданных А.И. Фурманской и В.А. Анохиным²¹. Таким образом, образование так называемых кладов, а точнее накопление сокровищ (или сбережений), относится ко времени расцвета Тиры в конце II – первом десятилетии III вв. н.э. Они дают нам *terminus post quem*, а не *terminus ante quem*, точно так же, как и серебряная фибула, датировка которой достаточно широка. Уточнить время образования слоя разрушения III в. н.э. в Тире возможно только при рассмотрении всех объектов, с ним связанных.

Западный дом (IV) располагался в непосредственной близости от восточного, по другую сторону Первой поперечной улицы, на третьей террасе. В нем также прослеживается слой разрушения, аналогичный описанному выше и представленный завалами камней, черепицы и обугленного дерева (помещение № 24). Среди фрагментов черепицы выявлены скульптуры: герма с головой бородатого Диониса, рельеф с изображением мойр, рельеф с изображением воина – «варвара»²². В юго-западной части помещения под обвалом бревен выявлены остатки мужского костяка, слева от него – наконечник копья. Слой разрушения был насыщен материалом. Особо следует отметить находку красноглиняной амфоры с желобчатыми венцами и граффити под одной из ручек PNZ, фрагмент амфоры с высокоподнятыми ручками, одноручные красноглиняные горшочки с надписью белой краской²³. Монеты, найденные на полу, плохой сохранности, они разрушены во время пожара. Удалось определить только одну – местной чеканки с изображением Александра Севера и надчеканкой в виде виноградной грозди на лицевой стороне и надписью TYPA и изображением местной богини с рогом изобилия в левой руке и веслом в правой руке – на обратной стороне. Помещение, несмотря на наличие большого количества бытового материала, безусловно, имело культовое назначение²⁴, являлось домашним святилищем. По мнению А.И.Фурманской, найденные в

помещении вещи, дают основание считать, что оно погибает, как и весь дом, скорее всего, в середине III в.н.э.²⁵

Для опровержения этой даты разгрома Тиры Н.А.Сон попыталась пересмотреть датировку вышеописанной монеты²⁶, найденной в домашнем святилище, на том основании, что на реверсе монет Александра Севера обычно не встречается изображение Тихе с рогом изобилия и рулевым веслом, оно характерно для тирских монет от Коммода до Каракаллы²⁷. Однако на этой же монете присутствует ромбовидная надчеканка в виде грозди винограда, которая встречается только на монетах Александра Севера (222-235 гг.) и его матери Юлии Мамеи²⁸. Далее были поставлены под сомнение условия находки вышеописанной монеты и предпринята попытка связать ее с более поздними вторжениями в слой²⁹. В частности, упоминается, что монета найдена не в уровне пола, а в юго-западном углу помещения при расчистке завала камней, на 0,2 м выше уровня пола. При этом толщина завала черепицы, лежавшей на полу, составляла 0,2 м, в нем были найдены три мраморные скульптуры, толщина завала камней над ним - 0,7 м, а сам он был перекрыт желтоглинистым слоем. С более поздними вторжениями в слой Н.А.Сон связывает и фрагмент амфоры с высокоподнятыми ручками, который она датирует III-IV вв. н.э. Эти амфоры, получившие в литературе название *Kapitan II*, действительно, были широко распространены в античном мире во второй половине III-IV вв., однако производились они с конца II в. н.э.³⁰

Следующим аргументом для датировки гибели помещения домашнего святилища вследствие нашествия карпов в 214 г. послужила амфора с граффити PNZ. Э.И.Соломоник интерпретировала граффити PNZ как 157 г. по тирасской эре, что соответствует 213 г. н.э.³¹ Н.А.Сон пишет, что «...на амфоре, содержащей перегоревшее зерно, мог быть проставлен год урожая, когда зерно было туда ссыпано...Таким образом, на основании этого граффити гибель помещения может быть датирована примерно 213 г. н.э., так как маловероятно, чтобы эта амфора использовалась до 40-х годов III в. н.э.»³². Во-первых, амфора была найдена во фрагментах, из которых удалось собрать не все, в связи с чем при реставрации она была догипсована³³, во-вторых, в статье А.И.Фурманской при описании этой амфоры не указано, что в ней было найдено зерно³⁴. Находки обгоревших зерен проса или ячменя, действительно, упоминаются как найденные в этом помещении, однако в целых узкогорлых амфорах³⁵. Итак, ни степень целостности амфоры, ни характер ее использования перед пожаром нам не известны, и поэтому граффити на ней дает только *terminus post quem* для гибели помещения.

Дома V и VI отличается достаточно плохая сохранность, поэтому они описаны А.И.Фурманской кратко. Тем не менее, к дому V, располагавшемуся к востоку от Первой поперечной улицы, относилось

хозяйственное помещение II. В нем выявлена яма, большой фрагментированный лепной лощеный сосуд, вкопанный в пол, найден денарий Александра Севера (222-235 гг.). Водосток, вымостка и западная стена дома частично разрушены ямами 6 и 7, относящимися к последнему периоду существования античного города. В яме 7 обнаружена монета Клавдия Готского (268-270 гг. н.э.)³⁶.

Слой разрушения Тиры в III в. н.э. прослеживается также к югу от городских кварталов, на территории цитадели, в здании вексилляции³⁷. В северо-западном углу этого здания сохранился *in situ* завал черепичной кровли, часть черепиц имела легионные клейма. Под завалом на глинобитном полу было найдено значительное количество материала, в том числе монеты – от денария Веспасиана (69-79 гг.) до тирасского тетрассария Александра Севера (222-235 гг.). Время функционирования здания – конец II – 30-е гг. III в. н.э.³⁸ Таким образом, можно констатировать, что материалы, позволяющие надежно связать слой разрушения III в. н.э. в Тире с нашествием карпов в 214 г., отсутствуют. Наиболее поздние монеты из этого слоя как на территории городских кварталов, так и на территории цитадели, это монеты Александра Севера (222-235 гг.), которые дают соответствующий *terminus post quem*.

Вторая-третья четверти III в. н.э. озаменовались так называемыми «скифскими» или «готскими» войнами, охватившими также и Северное Причерноморье. Первые вторжения задунайских племен в пределы Римской империи, а именно в правобережье Дуная, относятся к 232-238 гг.³⁹ В процессе этих «скифских» или «готских» войн в разное время были захвачены и сожжены Тира, Ольвия, города Боспорского царства. Ни в письменных, ни в эпиграфических источниках нет никаких упоминаний о времени разгрома Тиры. При такой ситуации определяющими становятся результаты археологических исследований, корреляция которых с историческими сведениями позволяет с определенной степенью вероятности установить более точно время разгрома Тиры в первой половине III в. н.э. В связи с тем, что наиболее поздние монеты из слоя разрушения датируются временем Александра Севера, представляется возможным отнести этот разгром ко времени первых вторжений варварских племен в пределы Римской империи – к 232-238 гг.

Часть исследователей Тиры считает, что нет доказательств ее гибели в 238 г., т.к. здесь представлены монеты всех римских императоров до 270 г.⁴⁰ Анализ фибул Тиры первых вв. н.э. показывает, что среди них преобладают провинциально-римские формы, которые типологически связаны с аналогичными изделиями территории Римской империи и, в частности, дунайских провинций. При этом отмечается их хронологическая непрерывность на протяжении II и большей части III вв. н.э.⁴¹ Однако все это свидетельствует только об отсутствии перерыва в

жизни Тиры в это время и не противоречит возможности ее разгрома одновременно с Ольвией⁴² во время первого похода варваров в 232-238 гг. Оба центра были практически сразу восстановлены, что вряд ли было возможно без помощи Римской империи. Вероятно, она была заинтересована в быстрейшем восстановлении своих дальних форпостов, достаточно важных в борьбе с варварами. Точная дата вывода римских войск из Ольвии и Тиры неизвестна. Однако присутствие римского гарнизона засвидетельствовано в Ольвии алтарем с посвянительной надписью 248 г. (IOSPE, I², 167) и votивной плиткой с упоминанием I Киликийской когорты Дециевой 250 г.⁴³ Вряд ли римский гарнизон из Тиры был выведен раньше, чем из Ольвии. Вероятно, римские войска окончательно покидают античные города Северного Причерноморья не позднее третьей четверти III в. н.э. вследствие бурных событий на дунайской границе империи⁴⁴.

¹ Публикация осуществлена в рамках украинско-российского проекта «Античный мир и варвары. Ольвия, Боспор, Скифия. Опыт сравнительной характеристики».

² Карышковский П.О. Из истории Тиры в первой трети III в. н.э. // Исследования по античной археологии юго-запада Укр. ССР. – К., 1980. – С. 72-83;

Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – К., 1985. – С.128-131.

³ Фурманська А.І. Розкопки Тіри в 1958 р. // АП УРСР. – Т. XI. – 1962. – С. 126-135; Карышковский П.О. Из истории Тиры... – С. 80; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Ук. соч. – С. 131-135. Крыжицкий С.Д., Клейман И.Б. Раскопки Тиры в 1963 и в 1965-1976 гг. // Античная Тира и средневековый Белгород. – К., 1979. – С. 43-45.

⁴ При этом отмечу, что ссылка Н.А.Сон (1993, с. 52) на то, что П.О. Карышковский полагает, что Тира подверглась нападению карпов, некорректна. П.О. Карышковский рассматривает роль Тиры в одном конкретном эпизоде борьбы Рима с племенами Карпато-Дунайского региона и пишет об участии тирасского ополчения в сражении с карпами, а также о том, что боевые действия велись у берегов Шаболатского лимана, в двух десятках километров к юго-западу от Тиры (1980, с. 72, 80).

⁵ Сон Н.А. К истории позднеантичной Тиры // Античная культура первых веков нашей эры. – К., 1986. – С. 148; Сон Н.А. Тира римского времени. – К., 1993. – С. 53-54; Зубарь В.М., Сон Н.А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху // МАИЭТ. Suppl. 3. – Симферополь, 2007. – С. 201-202.

⁶ Следует отметить, что вначале Н.А.Сон более осторожно писала о разрушении, «по крайней мере, части городских кварталов» к северу от цитадели, при этом одновременность разрушения западного и восточного домов у нее сомнений также не вызывала (1988, с. 147-148).

⁷ Фурманская А.И. Раскопки Тиры в 1962-1963 гг. // Античная Тира и средневековый Белгород. – К., 1979. – С. 5.

⁸ Первоначально об этом кладе А.И.Фурманская писала, что, вероятно, вещи находились в мешочке, который упал во время разрушения помещения и был забыт его хозяином, в связи с чем найденные монеты и вещи нельзя считать

кладом в полном понимании этого слова, так как они не были специально спрятаны (Фурманська. Розкопки... – С. 129).

⁹ Фурманская А.И. Раскопки... – С. 6.

¹⁰ Фурманська А.И. Розкопки... – С. 126-129.

¹¹ Фурманская А.И. Клад монет из Тире // Нумизматика и сфрагистика. – 1963. – I. – С. 76-77.

¹² Гороховський Є.Л., Сон Н.О. Фібули з Тіри // Археологія. – 1989. – №3. – С. 74

¹³ Almgren O. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzial-römischen Formen. – Leipzig, 1923. – S. 87.

¹⁴ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Д 1-30. – М., 1966. – С. 75. Наиболее близка тирской фибула на табл. 12, 19.

¹⁵ Vos Hans-Ulrich. Die Bügelknopffibeln. Almgren Gruppe VI, 2, Fig. 185 und 186 // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. – Wünsdorf, 1998. – S. 271.

¹⁶ Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975 // Forschungen in Augst. – 18. Augst, 1994. – S. 75, tab. 67.

¹⁷ Дмитров А.Д. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949-1950 рр. // АП УРСР. Т. V. – 1955. – С. 114.

¹⁸ Анохин В.А. Клад монет начала III в.н.э. из Тире // SCN. – 1975. – 6. – С. 67.

¹⁹ Сон Н.А. К истории... – С. 146.

²⁰ Более того, тезаврирование обычно связано с периодами процветания, что и приводит к накоплению сокровищ (см.: Гаврилук Н.О. Явище тезаврування золота в ранньому залізному віці // Музейні читання. – К., 1998. – С. 97-100). Это как раз и подтверждает состав обоих тирасских т.н. кладов III в.н.э.

²¹ Фролова Н.А. Каталог монет античной Тире. – М., 2006. – С. 72.

²² Эти мраморные скульптуры хранятся сейчас в Музее археологии Института археологии НАН Украины. Они сильно обгорели при пожаре, в связи с чем материал, из которого они изготовлены, был первоначально ошибочно определен как мраморовидный известняк.

²³ Подробнее о двух красноглиняных горшочках с надписью белой краской, см.: Соломоник Э.И. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. – 1973. – №1. – С. 62-63.

²⁴ Фурманська А.И. Розкопки... – С. 129-134.

²⁵ Там же. – С. 134-135.

²⁶ Хотя А.И.Фурманская дает точное определение найденной монеты и ее вывод не вызывает возражений у П.О. Карышковского и И.Б. Клеймана (См. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Указ. соч. – С. 104).

²⁷ Сон Н.А. К истории... – С. 144-145.

²⁸ Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. – К., 1989. – С. 101; Фролова Н.А. Каталог монет античной Тире. – М., 2006. – С. 75. А.Н. Зограф писал, что на монетах Домициана встречаются круглые надчеканки с изображением виноградной кисти, такие же ромбовидные надчеканки – на монетах Александра Севера. – См.: Зограф А.Н. Античные монеты // МИА, 16. – 1951. – С. 120.

²⁹ Сон Н.А. К истории... – С. 145.

³⁰ Robinson H.S. Pottery of the Roman Period // The Athenian Agora. – 1959. – 5. – Pl.15, K 113, pl.28, M 237. Riley J.A. Typology of the Hellenistic and Roman Coarse

Pottery of Berenice // Supplements to Libya Antiqua V, vol. 2. – 1983. – Fig. 84,243, p. 190-193. Peacock D.P.S., Williams D.F. Amphorae and the Roman economy. – New York, 1986. – P. 193, fig. 112; Negru M., Bădescu A., Avram R. Kapitän II Amphorae in Roman Dacia // Rei Cretariae Romanae Fautorum. Acta 38. – Abingdon, 2003. – P. 213.

³¹ Соломоник Э.И. Указ. соч. – С. 64, прим. 46.

³² Сон Н.А. К истории... – С. 145.

³³ См. фото амфоры: Фурманська А.И. Розкопки... – Рис. 12. На рисунке в статье Н.А. Сон она представлена как целая (Сон. К истории... – Рис. 2)

³⁴ Фурманська А.И. Розкопки... – С.132.

³⁵ Там же. – С. 130-131.

³⁶ Фурманская А.И. Раскопки... – С. 15-17.

³⁷ Н.А. Сон при этом скромно пишет о прекращении существования здания вексиляции около середины III в.н.э. в связи с выводом римского гарнизона – см. Сон Н.А. К истории... – С. 149.

³⁸ Крыжицкий С.Д., Клейман И.Б. Указ. соч. – С. 43-45.

³⁹ Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. – М., 1954. – С. 29. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. – М., 1990. – С. 82-83

⁴⁰ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Указ. соч. – С. 132-133.

⁴¹ Гороховский Е.Л., Сон Н.О. Вказ. тв. – С. 76-77.

⁴² Крапивина В.В. О двух “готских” разгромах Ольвии // Древнее Причерноморье. Тезисы докладов конференции памяти П.О. Карышковского. – Одесса, 1991. – С. 47-49.

⁴³ Зубарь В.М., Крапивина В.В. О римском гарнизоне Ольвии в середине III в. // Vita Antiqua. – 1999. – 2. – С. 76-83.

⁴⁴ Vinogradov Ju.G., Zubar V.M. Die Schola Principalium in Chersonesos // Il Mar Nero. – 1995/1996. – II. – S. 139-140. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. – К., 1998. – С. 142.

А.В. Красножон, А.О. Добролюбский (Одесса, Украина)
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЛОКАЛИЗАЦИИ
ГАВАНЕЙ ИСТРИАН И ИСИАКОВ

Проблема локализации топонимов Гавань истриан и исиаков до последнего времени оставалась открытой. Некоторые исследователи уверенно помещают Гавань истриан на южный берег залива, там, где находится поселение «Приморский бульвар», а Гавань исиаков – на северный, где располагается Лузановское поселение¹. Другие, наоборот, – полагают, что Гавань исиаков следует соотносить с Приморским бульваром, а Гавань истриан – с Лузановкой².

Эти топонимы содержатся в двух периплах (PPE, §31; Anon. 61), которые опираются на сведения географа Эратосфена IV-III вв. до н.э. Следовательно, в источниках отражена обстановка в Северо-Западном

Причерноморье, характерная для эллинистического времени³. Перипл Арриана сообщает, что на пути к западу от Ольвии и устья Днестра находится «маленький, пустынный и безымянный остров», затем идет поселение Одесс, после него – Скопелы. Следующим пунктом является Гавань истриан. Далее следует Гавань исиаков. После перипл указывает местечко Никоний, до которого расстояние 300 стадиев (§ 87). В другом перипле (Аноп. §31) эти сведения повторяются без изменений (сокращены лишь Скопелы).

Отождествляя Гавань истриан с Лузановским поселением, а Гавань исиаков – с поселением на Приморском бульваре, М.В.Агбунов исходит из вычислений по эратосфеновой стадии (157,7м). В качестве дополнительного аргумента ученый приводит свидетельства античных авторов о местных племенах истриан и исиаков, которые проживали на прилегающих к заливу землях. Первая гавань, «судя по названию, принадлежала местному племени истриан», а вторая, «как видно из ее названия, принадлежала местному племени исиаков»⁴. Этот же аргумент используют П.О.Карышковский и И.Б.Клейман, размещая, правда, Гавань истриан на противоположном – южном берегу (Приморский бульвар), а Гавань исиаков – на северном (Лузановка), вопреки сведениям периплов. Правда, сами Мела и Плиний (авторы I в. н.э.) истриан помещают в Дунай-Днестровское междуречье, а племя исиаков – на земли между Днестром и Тилигулом (Асиаком-Исиаком). Появление истриан в Дунай-Днестровских землях ученые переносят вглубь веков, в VI – начало V вв. до н.э.⁵.

Однако, «загадочные» истриане появляются в Северо-Западном Причерноморье начиная с 50-х годов IV в. до н.э. и локализуются в дельте Дуная, на острове Певка⁶. Очень скоро происходит скифо-истрианский конфликт (Юстин, IX), который принято соотносить с известной войной скифов Атея с трибаллами, оказавшимися к 339 г. в устье Истра. Эти-то трибаллы и являются упомянутым гетским племенем истриан. Следовательно, их локализация в низовьях Дуная⁷ или даже в пределах Дунай-Днестровского междуречья⁸ не позволяет говорить, что основание Гавани истриан может соотноситься с одноименным племенем. Напротив, нынешний Одесский залив находился в центре земель асиаков. Поэтому в научной литературе давно отстаивается мнение, что Гавань истриан – секундарная апойкия Истрии, основанная жителями Истрии, что очевидно из ее названия, и никакого отношения к племени истриан-трибаллов не имеет⁹.

Против истрийского следа в колонизации берегов Одесского залива и Никония выступает П.О. Карышковский, считая эту идею не достаточно обоснованной: «В истрианах иногда видели граждан города Истрии и соответственно этому считали ΙΣΤΡΙΑΝΩΝ ΛΙΜΗΝ поселением, основанным переселенцами из Истрии. Однако единственным указанием

на связь Истрии с областями, расположенными к северо-востоку от устья Дуная, являются монетные находки»¹⁰.

Но в современной науке «истриан» и «граждан города Истрии» принято различать. Помимо монетных находок, имеются и данные эпиграфики¹¹. Ясно, что проблема локализации Гавани истриан является путеводной нитью в решении вопроса колонизационного влияния Истрии в Северо-Западном Причерноморье.

Все три поселения Одесского залива существовали синхронное периплу (Anon.) время (IV-III вв. до н.э.). Датировать сообщения второго перипла (PPE) о гаванях истриан и исиаков серединой II в. до н.э. и соотносить их с памятниками Одесского залива¹² – ошибочно, поскольку этих поселений уже около столетия как не существовало.

Ранее уже высказывалась идея, что под названием «Гавань истриан» следует понимать какое-то одно из трех поселений на берегу Одесского залива¹³. Учитывая тот факт, что к его основанию были причастны скорее жители Истрии, нежели «загадочное» племя истриан, под таковым топонимом следует понимать поселение на Приморском бульваре. Именно оно является наиболее крупным из всех открытых античных памятников этого района колонизации¹⁴ и находится в центре ядра сельскохозяйственной хоры, а также содержит археологические признаки необычайно тесных торговых взаимоотношений с Истрией¹⁵. В то время как Лузановка и другие поселения к северу от нее имеют ярковыраженную проольвийскую ориентацию¹⁶.

В привязке исторических сведений к каждому конкретному памятнику, несомненно, стоит учитывать стадиальные вычисления, но вряд ли следует на них опираться как на основной аргумент. Решение проблемы локализации требует учета целого комплекса данных – от палеогеографических и археологических, до результатов сравнительного анализа письменных источников. Степень достоверности вычислений расстояний по периплам связана с проблемой определения реальной длины стадия, которой пользовался Арриан. Исследователи определяют его длину самым различным образом: от 157 до 200 м¹⁷. Сложность подобных реконструкций заключается еще и в противоречии данных самих периплов, которые зачастую дают разные расстояния между одними и теми же пунктами. Так, в одном сообщении между Гаванями истриан и исиаков дается расстояние в 50 стадиев, а в другом – 90.

Следовательно, мы не располагаем никакими документальными основаниями для уверенной локализации на берегах нынешней Одесской бухты именно двух топонимов. Учитывая археологические реалии (признаки торгово-экономической направленности на Истрию), Гавань истриан следует разместить на Приморском бульваре, а вовсе не в Лузановке. Значит следующая за ней в перипле Гавань исиаков должна располагаться за пределами Одесского залива на расстоянии от 50 – до 90

стадиев. Подобной локализации соответствует памятник Люстдорф. Это одно из крупнейших поселений эпохи классики-эллинизма, которых на всем протяжении береговой полосы от Днестра до Одесского залива насчитывается всего четыре¹⁸.

Такое предположение выглядит логичным и с точки зрения навигационных функций перипла. В описании побережий отмечены ключевые пункты, соотносимые с устьями рек, лиманов, островами или важными мысами. Упоминание двух топонимов на противоположных берегах небольшого Одесского залива, но игнорирование крупного поселения Люстдорф, расположенного близ устья нынешнего Сухого лимана, противоречит этой логике. Причем, расстояние в 90 стадиев между Гаванями истриан и исиаков будет составлять 15-20 км (в разных версиях длины арриановской стадии), что совпадает с современными расстояниями между нынешним Приморским бульваром и Люстдорфом.

Резюмируем сказанное. Авторы античных периплов не ошибались, размещая Гавани истриан и исиаков последовательно, друг за другом, на расстоянии 90 (50) стадиев. Попытки локализовать топонимы на побережье Одесского залива, аргументируя это влиянием сопредельных племен истриан и исиаков, безосновательны. Гето-фракийское племя истриан, которое соотносится с трибаллами, не могло принимать участие в основании позднеархаической Гавани истриан, занимая земли, согласно античным источникам, в Нижнем Подунавье в IV в. до н.э. Гавань истриан являлась секундарной апойкией Истрии и соотносится с остатками античного поселения VI-III вв. до н.э. на Приморском бульваре в Одессе. Гавань исиаков не имеет никакого отношения к Лузановскому поселению и может быть локализована на 18 км южнее Одесского залива, на поселении Люстдорф, что не противоречит ни данным археологии, ни сообщениям периплов.

- ¹ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. – К., 1985. – С. 68.
- ² Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. – М., 1987. – С. 124-128.
- ³ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Указ. соч. – С. 14-15.
- ⁴ Агбунов М.В. Указ. соч. – С. 127.
- ⁵ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город... – С. 39,68.
- ⁶ Ткачук М.Е. Гетика, которую мы потеряли (из антологии хронологических разрывов) // *Stratum plus*. №3 – СПб – Кишинев – Одесса, 1999. – С. 276; Виноградов Ю.Г. Истрия, Тира и Никоний: покинутый и возрожденный // *НЭ*, 16. – М., 1999. – С. 50-71.
- ⁷ Ткачук М.Е. Гетика, которую... – С. 291.
- ⁸ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Указ. соч. – С.38.
- ⁹ Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса (VII – I вв. до н.э.). – М., 1989. – С.68; Виноградов Ю.Г. Истрия, Тира и Никоний... – С.50-71.
- ¹⁰ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Указ. соч. – С.40.
- ¹¹ Виноградов Ю.Г. Истрия, Тира и Никоний... – С.50-71.
- ¹² Карышковский П.О., Клейман И.Б. Указ. соч. – С.9.
- ¹³ Добролюбский А.О., Красножон А.В. Блуждающие гавани истриан и исиаков // *Древнее Причерноморье*. IV Чтения памяти проф. П.О.Карышковского. – Одесса, 1998. – С.51-57.
- ¹⁴ Буйских С.Б. Античные поселения Северо-Западного Причерноморья доримского времени (опыт картографирования) // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. – Одесса, 1997. – С. 98-102.
- ¹⁵ Добролюбский А.О., Губарь О.И., Красножон А.В. Борисфен – Хаджибей – Одесса. – Одесса-Кишинев, 2002. – С.109-118.
- ¹⁶ Дьямант Э.И. О датировке Лузановского поселения // *Новые археологические исследования на Одещине*. – К., 1984. – С. 83-88.
- ¹⁷ Агбунов М.В. Указ. соч. – С.14.
- ¹⁸ Буйских С.Б. Указ. соч. – С.94.

A.Kurpiewski (Toruń, Poland)

ELEMENTS OF THE BLACK SEA AREA PROVENIENCE IN WIELBARK CULTURE TUMULI. CONCERNING THE RELATIONS OF THE WIELBARK CULTURE WITH THE NORTHERN BLACK SEA COAST¹

At the start, it should be explained that using the term – elements of the Black Sea area origin – found in the title, the author meant objects that came to territories occupied by the Wielbark culture from regions located on the northern Black Sea coast and from areas connected with it. It is not about the valuables made in cities such as Olbia, Tyras, Kertch or Tanais, but about the fact that those cities were important centres of trade. The artefacts, which will be discussed in the presented work, were distributed by means of these

trade centres. From Asia Minor or even Egypt, they reached far north to Scandinavia, coming through the land of modern time Poland².

In what way did those materials covers such great distance? Port Tyras was a start point of the so-called Pontic route that run along Dniester River, and then further north through Bug and Wieprz or San river valleys. Another route starts in Olbia, it runs along the Buh River valley, passes through Upper Bug River basin, region occupied by the Masłomęcz group³, and further on travelling along the Vistula River it reaches Baltic Sea. Asides of the so-called main routs there were also inland routs, which went up the Wkra and Narew Rivers. In years 166-180, regions along the middle course of Danube River become a scene of the Marcomanni Wars. Before these wars, Italic and Gallic workshops were dominant, after them eastern routs became more active to reach the peak of importance in third and forth centuries⁴.

At the beginning of the first century the Wielbark culture was spread on East Pomerania the adjacent Chełmno Land and westwards along a strip of Baltic Sea coast up to the area of Drawa and Rega Rivers upper course. Towards the end of the first century "Wielbark" settlements spread to Central Pomerania with Kaszuby Lakeland and Krajna Lakeland as well as to northern parts of Great Poland⁵.

In the second half of the second century, the culture relocates to a significant degree. Former sites in West and Central Pomerania, northern Great Poland and Krajna are being left and the Wielbark culture moves southeastwards. In its new reach, it extends on Mazovia, Podlasie, Polesie, as well as on Lublin and Volhynian Uplands⁶. The maximum southeastern reach of the culture is marked by sites in areas of middle Dniester course and upper course of Buh, possibly further. In those areas, the Wielbark materials are found along Chernyakhov culture features, and it is very difficult to tell those cultures apart in archaeological source materials⁷.

Relocation of the Wielbark culture along with a new archaeological phenomenon observed on vast areas of modern time Ukraine – the Chernyakhov culture (present as a fully developed entity starting of the second half of the third century – phase C2a), had a significant influence on revitalisation of "Pontic routes". In the second half of the third century (phase C2b) the Sîntana de Mures culture is formed, which occupies Pruth and Sereth river basins, it crosses eastern Carpathians and covers the Transylvanian uplands, moving along the course of Aluta River, and further along Danube. In the east around Prokhory it extends a little across the lower Dnieper.

At the present state of knowledge, the relationship of Wielbark, Chernyakhov and Sîntana de Mures cultures is clear. All of the cultures mentioned above, along with Masłomęcz group form the so-called "Gothic cultures range".

Tradition of erecting monumental tumuli, often complex in construction, is one of the characteristic traits of the Wielbarsk culture. The

author of this study has registered ninety sites with burials under mounds within the territory of Wielbark culture. Four hundred tumuli were registered on these sites, two hundred and fifty of which have been excavated. Artefacts that origin from northern Black Sea coast were uncovered in many graves of this type that are found in the lands of modern Poland.

Having answered the question concerning ways in which contacts were maintained with the Baltic Sea basin, the next question is obvious – what “travelled” northwestwards?

The most numerous group of artefacts that were imported by Wielbark culture people from northern Black Sea coast were glass beads of all sorts⁸. One of the bead types were the mosaic beads. According to Stawiarska⁹ they origin from Egypt, Alekseeva¹⁰ suggests that they could have been made in Phoenician or Syrian workshops, or in later periods in Tanais on Crimea which is proved by glass workshops uncovered there. Another kind, widely spread on Crimea and in the Black Sea basin, were the nontransparent glass beads decorated with stripes, dots and other inserts¹¹.

Considering the narrow interest area of this study, and waste numbers of finds of this type, they will not be discussed here. A number of works concerning this topic exists that can be checked for more information¹².

Another kind of artefacts are the so called slantwise grooved cauldrons (E 44-48), which according to some scientists are of eastern origin. They can be found even in Denmark and in areas over lower Vistula River, where there are densest concentrations of their finds, and they probably travelled via Dniester and Bug¹³. Ekholm suggests a different theory concerning their provenience¹⁴. Those options require further study, which with any luck will resolve the problem in the future.

Glass vessels are another group of artefacts, which were probably, imported from areas of northern Black Sea coasts.

In Poland, glass vessels (or their fragments) were documented on around a hundred and seventy sites. Fifty-nine of these are sites in regions of Wielbark culture, on which around a hundred and thirty-five vessels were acquired. Of this number, seventy-two vessels can be typologically classified¹⁵.

A number of works were written, concerning glassware of Barbaricum. They concentrate on trials of typologisation, origin, spreading of glassware, or technology studies, there are also some catalogues¹⁶.

Existence of glass workshop in Komarowo over middle Dniester is one of the arguments confirming the thesis of glassware imports from the coasts of Black Sea. Possibly, big interest of Wielbark culture people in such products and opportunity to “save” on transport costs was the reason for creation of a workshop closer to such absorbent market. As A. Kokowski proves, the mentioned “glassworks” produced for “export” rather than for domestic “Chernyakhov” market. Many assumptions suggest that Masłomęcz group could have been one of big receivers of Komarowo products¹⁷.

Within region occupied by Wielbark culture, glassware are the most common form of alien origin vessels, fourteen examples of these were documented on eight tumuli cemeteries¹⁸. State of preservation of ten of them allowed determining their type.

Four of the vessels are of E-189-192 type; they are footed goblets. According to R. Wołagiewicz “they set a distinct time horizon in phases B2/C1 and C1b, with limited range of occurrence”¹⁹. Glass string decorated vessels of this type and drinking horns, E-246/247 (one artefact of this type was uncovered in Rostół; tumulus no. 4)²⁰, should probably be associated with Rheinland workshops²¹. Cylindrical, thin walled, painted drinking bowls, E-209 are known from two of the Rostół tumuli. Chemical and stylistical analyses also testify their Rheinland origin²².

Goblet decorated with spiral carvings circling the vessel, often called “optic” ornament, E-193 was uncovered in tumulus VII in Mściszewice. Decorations of this type are found on vessels from Syria, Palestine, Black Sea basin as well as Gallia and Rheinland. Syrian craftsmen probably invented the technique. They started to utilise it in the second half of the second century and it was most common between the second half of the third century and forth century. During this time, vessels with “optic” ornament were popular in Rhein River basin, but they are also known from Chernyakhov culture cemeteries.²³ According to Sorokina, vessels of a similar type found in cities located in the area of northern Black Sea coast, come from the brink of the third century at earliest²⁴. The Mściszewice burial is dated to phase B2/C1-C1a, and the question of its provenance is yet undetermined. A drinking bowl of E-216 type, dated to phase C2, was uncovered in Pielgrzymowo, tumulus 1. Vessels of this type could have been produced in different regions. They were produced in the east, possibly in Tanais, but also in Cologne. There are numerous finds of E-216 type drinking bowls on such sites as Olbia or Tanais where they were supposedly produced²⁵. The E-237 thick walled, cone-shaped goblets are most probably of eastern origin. One of them was found in tumulus in Kitki. Vessels of this type of the Wielbark culture are dated to phase C2-C3/D1. They were very popular in Gothic cultures range, there are almost twenty examples known of the areas of Wielbark culture. On Chernyakhov culture sites, similar numbers were documented. Some of them have Greek inscriptions, such as “Drink and be happy in your house”²⁶.

It should be emphasized, that trade worked both ways. Finds on North-Western provenience, such as Monstruozo type fibulae, in Chernyakhov culture inventory are a proof of that²⁷. The routes mentioned, served not only the purpose of goods transfer, they also conveyed (or perhaps mainly) information and ideology.

The issues presented, can only be considered an introduction to further investigations, which should be conducted not only by archaeologists, but also by historians, linguists and representatives of other science branches. Thus

enhancing the efficiency of analysis of Wielbark culture contacts with Black Sea basin issue.

¹ It should be explained, that the presented work is only a small fragment of a study concerning relations of the Wielbark culture with coastal areas of the northern Black Sea.

² Treasure of Alexandria coins from around Chełm, is one of proves confirming the existence of route via which the Near East products were imported: *Prahistoria Ziem Polskich* / Ed. J. Wielowiejski. – T. 5. – 1981. – S. 391; Kunisz A. Katalog skarbów monet rzymskich odkrytych na ziemiach polskich // *Materiały do prahistorii ziem polski*, cz. V, Epoka żelaza, z. 5, Okres rzymski. – Warszawa, 1973. – S. 20.

³ Which is visible in number of glass vessels found in this region, compare Kokowski A. Grupa Masłomecka. Z badań nad przemianami kultury gotów w młodszym okresie rzymskim. – Lublin, 1995.

⁴ *Prahistoria Ziem Polskich*. – S. 391; Wołagiewicz R. Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju // *Archeologia Polski*, t. XV. – 1970. – P. 224

⁵ The so-called C zone of settlement, according to Wołagiewicz R. *Kultura Wielbarska* // *Prahistoria Ziem Polskich*, t. 5. – 1981. – P. 154.

⁶ Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. – Kraków, 1985. – S. 68-78; Wołagiewicz R. *Kultura Wielbarska*. – P. 85-75.

⁷ Dąbrowski T. *Kultura czernichowska* // *Prahistoria Ziem Polskich*, t. 5. – 1981. – P. 278-279.

⁸ Mączyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. – Mainz, 1985; awiarska T. Paciorki szklane z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, 1985.

⁹ Stawiarska T. Paciorki szklane z okresu wpływów rzymskich występujące w kulturze zachodniobałtyjskiej // *Archeologia Polski*, t. 19, z. 1, 1974. – P. 219, 222.

¹⁰ Алексеева Е.М. Предметы из египетского фаянса VI в до н.э. – IV в. н.э. в Северного Причерноморье // *Краткие Сообщения*. – 1972. – С. 5.

¹¹ Алексеева Е.М. Античные бусы северного Причерноморья // *Археология СССР* Г 1-12. – М., 1975, 1978; Kokowski A. Prowienienca szkieł antycznych w aspekcie analizy typologicznej na przykładzie materiałów z cmentarzyska w Masłomęczu // *AUNC*, XII. – 1987. – P. 59, Stawiarska T. – 1985. – P. 130-131.

¹² Most significant studies concerning glass beads –Mączyńska M. Op. cit. – 1985; Stawiarska T. Paciorki szklane... – 1985, and works concerning beads of the northern Black Sea coast – Алексеева Е.М. Античные бусы...

¹³ Eggers H.J. Der römische Import im freien Germanien. – Hamburg, 1951. – P. 55; Majewski K. Importy rzymskie w Polsce. Wybór źródeł archeologicznych do dziejów kontaktów ludności ziem Polski z Imperium Rzymskim. – Warszawa, 1960.

¹⁴ Ekholm G.A. Orientalisch gläser in Scandinavien // *Acta Archaeologia*, vol. 27. – 1958. – P. 24, fig. 1 a-c, e.

¹⁵ Obviously, not all of the glassware mentioned origin from the Black Sea basin, Stawiarska T. *Naczynia szklane okresu rzymskiego z terenów Polski*. – Warszawa,

1999. – P. 230-233; Wołągiewicz R. Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym. – Szczecin, 1993. – P. 33.

¹⁶ Eggers H.J. Zur absoluten Chronologie der Römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz, 2. – 1955. – P. 196-244; Mączyńska M. Op. cit.; Majewski K. Op. cit.; Stawiarska T. Naczynia szklane...; Rau H.G. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weischel-Raum // Acta Praehistorica et Archaeologica. t. 3. – 1972. – P. 109-214; Wielowiejski J. Kontakty Noricum i Panonii z ludami północy. – Wrocław-Warszawa-Kraków, 1970. – P. 62-68; Wołągiewicz R. Ceramika kultury wielbarskiej... – P. 33-35, 141-145.

¹⁷ Compare Kokowski A. Zagadnienie dyspersji szklanych pucharów ze „szlifowanymi owalami” i naczyń cienkościenne w świetle materiałów z Komarowa nad Dniestrem // Acta Universitatis Nicolai Copernici, t. XVIII. – 1991. – P. 209-218.

¹⁸ Buszkowo, Gronowo, Kitki, Łukawica, Mściszewice, Pielgrzymowo, Rostoly, Skiwy Małe. Glassware was also uncovered on four other sites with tumuli, but they were found in regular burials. (Cecele, Drozdowo, Kozłówek, Leśno).

¹⁹ Wołągiewicz R. Ceramika kultury wielbarskiej... – P. 33.

²⁰ Jaskanis J. Kurhany typu rostoleckiego. Z badań nad kulturą wschodniopomorsko-mazowiecką z późnego podokresu rzymskiego we wschodniej Polsce // Prace Archeologiczne, Z. 22, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. – 1976. – P. 236-237, fig. 14.

²¹ Stawiarska T. Naczynia szklane... – P. 118.

²² Ibid., p. 124-125.

²³ Ibid., p. 118-119.

²⁴ Сорокина Н. Стеклянная посуда // Античные государства Северного Причерноморья, Археология СССР. – М., 1984. – С. 233-236.

²⁵ Stawiarska T. Naczynia szklane... – P. 126.

²⁶ Kokowski A. Goci. Od Skandzy do Campi Gothorum. – Warsaw, 2007. – P. 208.

²⁷ Szczukin M.B. Zabytki Wielbarskie a kultura czernichowska // Problemy kultury wielbarskiej, T. Malinowski (editorship). – Słupsk, 1981. – P. 150.

Ю.Ю. Куценко (Херсон, Україна)

М. ДРАГОМАНОВ ЯК ІСТОРИК-АНТИЧНИК: ОБРАЗ ІСТОРИКА В ІСТОРІОГРАФІЇ

Починаючи з кінця XVIII ст., часу оформлення історії як наукової дисципліни, розвиток української історичної науки є досить бурхливим та багатограним. Центральною в історичних дослідженнях в Україні була і залишається суто українська історична проблематика. Втім, вчені в Україні ніколи не обмежувалися лише вивченням української історії. Підтвердженням цього є існування в класичних навчальних закладах України наукових шкіл з дослідження проблем всесвітньо-історичного характеру, що мають глибокі традиції та серйозну науково-дослідну базу.

Інтерес до античності в українській історичній науці є сталим, що пояснюється існуванням в Північному Причорномор'ї численних античних колоній, що відчутно вплинуло на матеріальне та духовне життя народів сучасної України. Окремих досліджень з українського антикознавства в історіографії немає, але деякі аспекти цієї теми знайшли своє відображення в історіографічних оглядах загальних робіт з античної історії¹.

В сучасній українській історіографії ім'я відомого українського історика, суспільного діяча М. Драгоманова сприймається, в основному, в поєднанні з питаннями суспільно-політичного розвитку українських земель середини – другої половини XIX ст. Таке сприйняття є результатом складання певної історіографічної традиції, засновником якої був учень М. Драгоманова Михайло Павлик. Саме він започаткував збирання спадщини свого наставника та дослідження його наукової та суспільної діяльності, зупиняючись лише на останній². Втім, наукова робота Михайла Петровича була в українській історіографії забута або згадувалася мимохідь.

Загальною рисою всіх досліджень спадщини М. Драгоманова є обов'язкове наголошування на широкому спектрі його наукових зацікавлень, серед яких історія України, етнографія, історія релігій, політологія та антична історія. Звернення до постаті Михайла Петровича в контексті українського антикознавства є цілком виправданим. Дослідники відзначають, що, передусім, антична історія стала своєрідним трампліном для переходу вченого до суспільно-політичної проблематики³. На жаль, антикознавчій спадщині історика в сучасній історіографії присвячено лише дві спеціальні розвідки, спільними недоліками для яких є: незнання (або неувага) більшості його антикознавчих робіт та відсутність серйозного їх аналізу. Основна увага дослідників приділяється саме магістерській дисертації, яка вважається його найбільш цінною антикознавчою роботою⁴. Серед інших студій іноді розглядається дисертація на право читання лекцій «Император Тиберий» як основа для більш пізньої та зрілої магістерської дисертації⁵. Цим визначається актуальність висвітлення відповідності наукової вартості цієї спадщини її історіографічній оцінці.

Дослідженням античної історії М. Драгоманов займався в період з 1863 р. (рік закінчення Київського університету і початку роботи над дисертацією «Император Тиберий») до 1875 р. (рік його звільнення з університету). За цей час ним було опубліковано сім робіт: «Император Тиберий» (1864 р.), «О состоянии женщины в первый век римской империи» (1864 р.), «Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого» (1865 р.)⁶, «Очерк историографии Древней Греции» (1868)⁷, магістерська дисертація «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит» (1869 р.)⁶, «Палатинский холм в

Риме по раскопкам (1847-1872)» (1874 р.)⁸, «Положение и задачи науки древней истории» (1874 р.)⁹.

Історіографічне вивчення античної спадщини М. Драгоманова можна розділити на три великі етапи: дорадянський, радянський і сучасний. В дорадянській історіографії спеціальних досліджень щодо антикознавчих студій М. Драгоманова не проводилося. Тому окремої уваги, в контексті антикознавчої спадщини М.П. Драгоманова, заслуговує офіційна рецензія професора В.А. Більбасова на магістерську дисертацію «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит». В історіографії рецензія залишилася поза увагою наукової спільноти. Дослідники в оцінці цієї спадщини ґрунтуються на «Автобіографії» самого М. Драгоманова. В ній сам історик зазначає, що він не був знайомий з останньою на той час літературою з римської проблематики. Втім, тодішня наукова спільнота, внаслідок своєї консервативності, не була готова до «...об'єктивності, складних питань та формул й скинення авторитетів...»¹⁰.

Проте, В.А. Більбасов в своїй критиці є доволі послідовним та чітким. Серед явних й неприпустимих для подібних робіт недоліків він визначає: 1. перевага не наукових дослідів, а розширення й розповсюдження поглядів М. Чернишевського, висловлених в статті «О причинах падения Рима»: «Эта-то статья послужила г. Драгоманову образцом;...он подражает ей решительно во всем, изменяя лишь выражения...Указывая на статью Чернышевского, какъ на источник, послуживший основой для труда г. Драгоманова...»¹¹;

2. зневага до даних археології, які вже давно з успіхом використовуються в антикознавчих дослідках європейських вчених, передусім, Т. Момзена, який є визнаним авторитетом в римській проблематиці¹²;

3. незнання римської епіграфіки та сучасної визначеному періоду римської літератури та законодавчих пам'ятників, обов'язково необхідних при висвітленні заявлених проблем, незнайомство з основними зазначеними у дисертації джерелами – роботами Тацита, велика кількість фактичних помилок¹³;

4. помилкова постановка мети та завдань дослідження, і, як результат, оригінальні, але не підтверджені фактично висновки, що справляють враження емоцій та відчуттів М. Драгоманова з приводу історії Римської імперії¹⁴;

5. історичне значення римської держави розглядається без аналізу власне історії самої держави, при цьому автор дисертації відволікається на факти, які не мають відношення до теми дослідження¹⁵;

6. не роз'яснено методологію дослідження, нехтування елементарними вимогами до написання наукової роботи¹⁶.

Безумовно, подібний розбір магістерської дисертації, одного з основних досліджень М.П. Драгоманова, не міг додати йому наукового авторитету. Тому ця рецензія, хоча й була опублікована і є загальнодоступною, не фігурує в абсолютній більшості драгоманівських студій.

В радянській історіографії окремих досліджень з цієї проблематики не проводилося. Роботи вченого згадувалися в історіографічному огляді загальної роботи з історії Стародавнього Риму Н. Машкіна. Втім із античних студій М. Драгоманова згадано тільки його магістерську дисертацію, яку розглянуто вкрай загально. Автор відмітив лише оригінальність дисертації М. Драгоманова, що полягає в спробі оцінки значення Римської імперії в світовій цивілізації на основі огляду літератури римської, середньовічної християнської та нового часу¹⁷. З інших робіт М. Драгоманова в бібліографічному списку до глави XXVI також подано дисертацію «Император Тиберий» (з неправильним посиланням на публікацію).

В ост. чверті XX ст. на роботи історика в контексті висвітлення розвитку антикознавства в Російській державі посилається Е.Д. Фролов в монографіях «Историография античной истории» (1980 р.) та «Русская наука об античности: историографические очерки» (1999 р.). Серед названих робіт М. Драгоманова фігурує його перша дисертація «Император Тиберий» та магістерська дисертація, якими закінчується розділ історіографії античності другий пол. XIX ст. Доповнюючи Н. Машкіна, Е.Д. Фролов дуже коротко подає резюме магістерської дисертації, зазначивши основні висновки, зроблені в ній – негативну оцінку історіографічної традиції щодо значення Римської імперії, започатковану Тацитом, та дуже високу власну оцінку М. Драгомановим Римської держави, що поєднала велику кількість народів в одній державі на основі античної цивілізації¹⁸. Наголошуючи на цінності цієї магістерської дисертації, автор не зупиняється на ній детально. Це не дозволяє скласти уявлення про те, чим обґрунтована така оцінка.

Лише в кінці XX ст. в українській історіографії була зроблена спроба з'ясування сутності поглядів М. Драгоманова на античну історію – київським істориком В.В. Ставнюком. Його стаття була побудована згідно загальної тенденції, що залишає суто науковий бік дослідної роботи Михайла Петровича осторонь, висуваючи на перший план його суспільно-політичну діяльність. В. Ставнюк більше зосереджується на висвітленні не стільки суто історичних поглядів історика, скільки їх впливу на формування його суспільно-політичних поглядів та позицій. Певним недоліком можна вважати те, що з античних студій М. Драгоманова в статті використано лише магістерську дисертацію та «Положение и задачи науки древней истории», в контексті реконструкції його теоретичних поглядів на методологічні засади історичної науки¹⁹.

Називаючи магістерську дисертацію «...найповнішим у вітчизняній історіографії компендіумом поглядів...з приводу одного з найважливіших ..моментів в історії античної...»²⁰, автор не зупиняється на науковому наповненні роботи.

Ця розвідка вже знайшла свою оцінку у вітчизняній історіографії. В ній підкреслено, що найбільш цінним в даній роботі є її визначена актуальність: здобуття Україною незалежності, пошук нових світоглядних орієнтирів, теза про «європейськість» України, а значить, і необхідність звернення до античної спадщини²¹. Недоліками цієї роботи можна вважати й те, що не всі античні студії піддані критиці, заявлена тема розкривається на основі лише однієї роботи. Також автор не використовує спеціальну розвідку Федора Слюсаренка «Студії М. Драгоманова з історії Риму».

Стаття Ф. Слюсаренка зберігається в фондах Львівської національної бібліотеки ім. В. Стефаника та є найбільш ранньою та єдиною на сьогодні роботою, яка присвячена з'ясуванню розуміння істориком сутності античної історії. Вона являє собою машинопис. Наприкінці тексту зроблено примітку, що це реферат, підготовлений для Драгоманівського свята інституту 19.XII. 1925 р. (якого саме інституту, не зазначено). Дану роботу не було опубліковано і, як результат, не введено в науковий обіг. Саме цим пояснюється те, що в спеціальних дослідженнях з антикознавчої проблематики, та й в загальних роботах, присвячених М. Драгоманову, ця робота не використовувалася зовсім. Тому представляється доцільним зупинитися на ній більш детально.

Необхідність звернення до античних досліджень історика автор пояснює не суспільно-політичними причинами, а важливістю максимально об'єктивного погляду на історичні факти та події. Показовим прикладом він вважає саме період існування Римської імперії, яка, на відміну від Римської республіки, оцінювалася в історіографії негативно. Тим цікавішими з цього боку є досліди М. Драгоманова, що не тільки присвячені саме періоду імперії, але й являють собою спробу віднайти в ньому позитивне, тобто зробити загальний погляд більш цілісним²².

Автор демонструє своє знання більшої частини робіт М. Драгоманова з античної історії (4 роботи – дві дисертації та пробні лекції). Втім, відразу наголошує на тому, що аналізу піддається лише магістерська дисертація, що спричинено неможливістю користуватися іншими роботами. З приводу дисертації «Император Тиберий» наводиться висновок про неї з рецензії професора В. Більбасова на магістерську дисертацію. Безумовно позитивним є те, що автор взагалі використовує для здійснення свого дослідження офіційні рецензії на античні дослідження, чого, на жаль, не можна сказати про більшість драгоманознавчих студій. Саму дисертацію розглянуто досить ґрунтовно, окремо по

розділам, але без намагання висловити своє бачення наукової вартості цієї роботи. Підводячи загальні висновки про значення античних досліджень Михайла Петровича, Ф. Слюсаренко підкреслює: «Він один з перших істориків Риму підкреслив потребу студій соціальної й економічної історії, а також історії адміністрації й місцевої, й центральної. Уже після Драгоманова наука зробила поступ у цьому напрямі...»²³. Щодо об'єму використаних М. Драгомановим «...праць і авторів, і античних, і нових, і щодо важності своєї теми, дисертація...може бути своєрідним практичним вступом до всесвітньої історії взагалі»²⁴. Втім, визначені і недоліки, серед яких необґрунтованість використаних в роботі методів дослідження та надання переваги точкам зору на визначену проблему, що побутували у французькій й англійській історіографії²⁵.

Підводячи підсумок, можна відзначити, що образ М. Драгоманова як історика-античника в історіографії не є цілісним. В.А. Більбасов створив в своїй рецензії образ не науковця, а лише емоційної людини, що не має особливого інтересу до свого дослідження. Представники радянської історіографії не ставили за мету аналіз античних розвідок М. Драгоманова, тому образу його як дослідника не створили. В українській історіографії продовжує діяти кліше про Драгоманова-науковця, започатковане М. Павликом. Більшість його античної спадщини невідома дослідникам і не використовується. Тому, необхідність ґрунтового аналізу всіх антикознавчих дослідів М.П. Драгоманова зумовлена важливістю складання об'єктивного та цілісного образу його як науковця в історіографії й чекає на свого дослідника.

Примітки:

¹ Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. – М., 1980. – 415 с.; Машкин Н.А. История древнего Рима. – М., 1949. – 736с.

² Див.: Павлик М. М. Драгоманов, “високий рівень українства” та “нова ера”. – Львів, 1906. – 44 с.; Павлик М.М. Драгоманов і его роль в розвою України. – Львів, 1907. – 91 с.; Павлик М.М. Драгоманов як політик. – Львів, 1911. – 60 с.

³ Драгоманов М. Вибране. – К., 1991. – С. 609-610.

⁴ Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. – СПб, 1999. – С. 215.

⁵ Там само.

⁶ Посилання на публікацію див.: Слюсаренко Хв. Студії М. Драгоманова з історії Риму. – Б.м. і б.р. – С. 243.

⁷ Драгоманов М. Очерк историографии Древней Греции // Университетские известия. – 1868. - №1.

⁸ Драгоманов М. Палатинский холм в Риме по раскопкам (1847-1872) // Журнал Министерства народного просвещения. – Ч.CLXVIX. – 1874. –С. 221-259.

⁹ Передрукована у: Драгоманов М. Вибране. – К., 1991. – С. 60-83. (з текстологічними коментарями)

¹⁰ Драгоманов М. Автобіографія // Самі про себе: Автобіографії видатних українців XIX ст. / Ред. Ю.Луцького. – Нью-Йорк, 1989. – С. 120.

- ¹¹ Бильбасов В.А. Римь и Византия въ Киевъ // Исторические монографии. – Т.5. – СПб., 1905. – С. 194-195.
- ¹² Там само. – С. 195-196.
- ¹³ Там само. – С. 196-200.
- ¹⁴ Там само. – С. 200-204.
- ¹⁵ Там само. – С. 205-207.
- ¹⁶ Там само. – С. 208-210.
- ¹⁷ Машкин Н.А. История древнего Рима. – М., 1949. – С. 58.
- ¹⁸ Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. – М., 1980. – С. 138.; Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. – СПб., 1999. – С. 214-215.
- ¹⁹ Ставнюк В.В. Роль античних студій у формуванні історико – філософських поглядів М. Драгоманова // Український історичний журнал. – 1998. - №6. – С. 48-51.
- ²⁰ Там само. – С. 47.
- ²¹ Українська історіографія на зламі XX і XXI ст.: здобутки і проблеми. Колективна монографія за ред. Л.Зашкільняка. – Львів, 2004. – С. 271.
- ²² Слюсаренко Хв. Студії М. Драгоманова з історії Риму. – Б.м. і б.р. – С. 243.
- ²³ Там само. – С. 253.
- ²⁴ Там само. – С. 254.
- ²⁵ Там само. – С. 253-254.

Л.В. Литвиченко (Ростов-на-Дону)

АМФОРНАЯ КЕРАМИКА ТАГАНРОГСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В работах П.О. Карышковского большое внимание уделялось разработке и уточнению хронологии античных памятников Северного Причерноморья.

Одним из основных источников по изучению ранних слоев греческих полисов Северного Причерноморья является архаическая керамика, позволяющая определить хронологию и реконструировать динамику экономических, а также культурных контактов варварского населения с античными центрами в VII-VI вв. до н.э. В районе Каменной лестницы города Таганрога, располагалась самая ранняя греческая колония на юге России – Таганрогское поселение, которое в настоящее время находится на дне Таганрогского залива.

Значительную часть керамического комплекса ранних греческих колоний, в том числе Таганрогского поселения¹, составляет амфорная тара. В своё время И.Б. Зеест² и И.Б. Брашинский³ обратили внимание на массовость тарной керамики. Было отмечено, что амфоры находились в эксплуатации гораздо менее продолжительное время, в отличие от других видов керамики. К сожалению, расположенность Таганрогского поселения на дне залива не позволяет в полной мере определить объемы поставляемых товаров. Но, несмотря на это, мы располагаем достаточно

репрезентативной выборкой, насчитывающей большое количество фрагментов амфор, дающих представление о торговых контактах этой греческой апойкии.

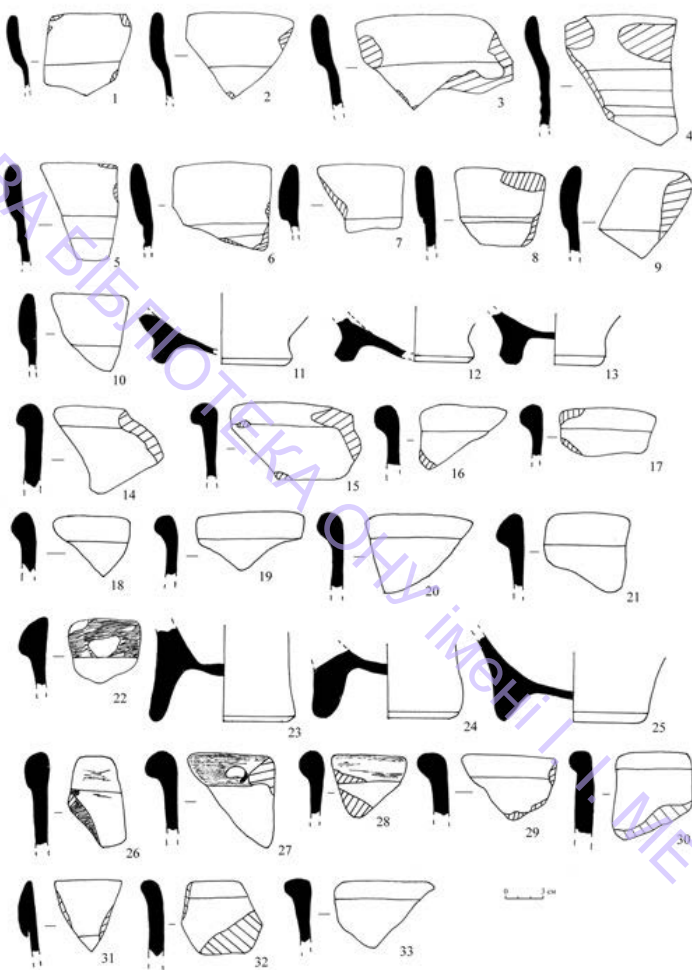

Рис. 1. Профильные части амфор: 1-13- Милет, 14-25- Клазоммены, 26-30- Хиос, 31-33- Лесбос

Наибольшая группа фрагментов амфорных венчиков из керамической коллекции Таганрогского поселения относится к амфорам Милета. Наличие данной амфорной группы можно связать с предположением об основании Таганрогского поселения выходцами из Милета⁴. Милетские амфоры отличаются высоким венчиком

воротничковой формы; цвет глины имеет красные оттенки, и во всех фрагментах присутствует слюда золотистого цвета. Около трети фрагментов венчиков милетских амфор на внешней стороне имеют сохранившийся ангоб бело-розового или желто-розового цвета.

Наиболее тонкий и высокий венчик воротничковой формы имеют амфоры на рис. 1. 1-2. Реконструированные горловины амфор имели диаметр 15 и 14 см. соответственно. Один из фрагментов (рис. 1.1) имеет ангоб бело-розового цвета. Аналогичные фрагменты из коллекции Таганрогского поселения были отнесены В.П. Копыловым к типу «А», по классификации П. Дюпона, и датируются концом VII – первой четвертью VI в. до н.э.⁵

К иному типу можно отнести фрагменты с более утолщенным венцом (рис. 1.3). Данный фрагмент имеет на внешней стороне остатки ангоба желтого цвета и диаметр горла около 15 см. Ранее, опубликованный В.П. Копыловым, он был отнесен к типу «Б», по классификации П. Дюпона, и датирован второй- третьей четвертью VI в. до н.э.

Следующий тип амфор представлен фрагментами венчика, который имеет на горле один или несколько уступов (рис. 1. 4-6). У фрагмента (рис. 1.4) реконструированный диаметр горла равен 16 см.

П. Дюпон отнес близкий по морфологическим признакам фрагмент к середине - третьей четверти VI в. до н.э.⁶, а С.Ю. Монахов амфору с несколькими уступами на горле, из Репяховской могилы, датировал первой половиной VI в. до н.э.⁷. У амфорных венчиков (рис. 1. 5-6) реконструированный диаметр горла составляет около 16 см. У фрагмента на рисунке 1.5 на внешней стороне сохранились следы розового ангоба.

Фрагмент (рис. 1.7) имеет в нижней части венчика уступ, а по внешней стороне остатки бело-розового ангоба. Хронология этих фрагментов пока не определена, как и двух венчиков воротничковой формы (рис. 1. 8-9). Амфорный венчик (рис. 1.8) отличается серым цветом глины с красным закалом в изломе черепка. В тесте присутствует небольшое количество слюды и вкрапления белого и черного цвета. Венчик (рис. 1.9) отличается красным в изломе цветом глины, с серым закалом. В тесте присутствует большое количество слюды, а также крупные и мелкие вкрапления белого и черного цвета. Исходя из того, что датированная амфорная керамика из коллекции Таганрогского поселения не выходит за пределы третьей четверти VI в. до н.э., можно предположить, что хронология и этих двух амфорных венчиков не выходит за пределы третьей четверти VI в. до н.э.

К милетским амфорам относятся фрагменты ножек (рис. 1. 11-13), имеющие светло-красный цвет глины. Фрагмент ножки (рис. 1. 11) с диаметром 8 см. отличается от других ножек данного центра цветом

глины, темно-коричневым в изломе. Данный фрагмент и фрагмент ножки (рис. 1. 12) с остатками красно-коричневой краски принадлежат амфорам на широком кольцевидном поддоне. Они по морфологическим признакам близки к амфоре, которую П. Дюпон датирует второй – третьей четвертью VI в. до н.э.⁸ Мы полагаем, что данная ножка принадлежит амфоре, которая относится к первой половине столетия. Целиком сохранившаяся амфорная ножка (рис. 1. 13) с диаметром 6 см относится к третьей четв. VI в. до н.э., о чем свидетельствует уменьшение диаметра ножки и увеличение ее высоты⁹.

Вторую по численности группу амфорных венчиков можно отнести к клазоменским (рис. 1. 14-22). Венчики этих амфор, как правило, имеют хорошо выделенную валикообразную форму. Отдельные фрагменты покрыты светлым ангобом. Цвет глины варьирует – от красно-коричневого до коричневого, а в изломе черепков имеется закал серого цвета. Клазоменские амфорные ножки отличаются более массивной формой и также имеют серый закал в центре черепка, как и венчики (рис. 1. 23-25). К ранним образцам клазоменских амфор относится фрагмент ножки (рис 1. 24), имеющий диаметр около 8 см. Аналогичную амфорную ножку В.П. Копылов датировал концом VII – первой четвертью VI в. до н.э.¹⁰

Следующая группа амфорных венчиков относится к продукции Хиоса (рис. 1. 26-30). Глина данных фрагментов отличается светлым цветом, от красно-желтого и оранжевого – до желтого. Значительная часть хиосских венчиков сохранили на внешней стороне следы краски черного или коричневого цвета (рис. 1. 26-28). На внешней стороне венчика и горла (рис. 1. 26) сохранились следы темно-коричневой краски. Незначительные размеры сохранившегося обломка венчика не позволяют судить о характере росписи. Фрагменты (рис. 1. 28-30) имеют как на внешней, так и на внутренней стороне венчика следы краски коричневого и черного цвета.

Отдельную группу составляют амфорные венчики, отличающиеся серым цветом глины (рис 1. 32-33). Большинство исследователей связывают производство этих амфор с продукцией мастерских острова Лесбос. Фрагмент амфорного венчика (рис 1. 32) близок к лесбосской сероглиняной амфоре из Мирмекия, которую С.Ю. Монахов отнес ко второй половине VI в. до н.э.¹¹ Один из фрагментов отличается вытянутым венчиком и наличием выемки в нижней части венчика (рис. 1. 31), а также тестом со слюдой серебристого цвета. Центр производства этой группы амфор пока не установлен.

Рассмотренные профильные части амфор позволили еще раз отметить, что все представленные фрагменты тарной коллекции Таганрогского поселения датируются рубежом VII-VI вв. до н.э. и не выходят за пределы третьей четверти VI в. до н.э. Среди амфорных

фрагментов були виділені наступні центри виробництва – Милет, Клазомены, Хиос, Лесбос, Самос.

Аналіз амфорного матеріала з колекції Таганрогського поселення свідчить, що час припинення функціонування цієї ранньої грецької колонії належить до третьої чверті VI в. до н.е.

¹ Копылов В.П. Греко-варварские взаимоотношения на Нижнем Дону в VII-VI вв. до н.э. // ИАИАИД. – 2002. – С. 276-278.

² Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА, 83. – 1960. – С.10.

³ Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. – Л., 1980. – С. 6-8.

⁴ Копылов В.П. К вопросу о метрополии греческой апойкии в районе Таганрога // АПМНП. – 1995. – С. 113.

⁵ Копылов В.П. Греческие транспортные амфоры из Таганрогского поселения // Тезисы докладов X международной научной конференции «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века». – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 26.

⁶ Cook R.M., Dupont P. East Greek pottery. – L.-New York, 1998. – P. 171.

⁷ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. – М., 2003. – С. 31-32.

⁸ Cook R.M., Dupont P. Op. cit. – P.171.

⁹ Рубан В.В. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья // СА. – 1991. – №2. – С.189.

¹⁰ Копылов В.П. Указ. соч. – С. 26.

¹¹ Монахов С.Ю. Указ. соч. – С.45.

О.М. Луговий (Одеса, Україна)

ВАРАНГОЛІМЕНА: ДО ПИТАННЯ ПРО ВИНИКНЕННЯ ТА МІСЦЕЗНАХОДЖЕННЯ ГАВАНІ

Наявність в Криму та Приазов'ї географічних назв з коренем рос-, рус- та варанг-, зафіксованих середньовічними портуланами, викликала зацікавленість багатьох учених. Ян Потоцький вважав їх наслідками завойовницького походу князя Володимира проти Херсона, який охопив й околишні місцини¹. Публікатор Атланта Луксоро К. Десімоні², автор найбільш детального російськомовного дослідження теми О.О. Шахматов³, Ф.К. Брун⁴, а також О. Соловйов⁵ не вагаючись бачили у них сліди русько-варязької колонізації Північного Причорномор'я в IX-X ст., а Д. Таліс намагався довести аланське походження поселень, які перейняли ім'я “рос” у слов'ян-переселенців X ст.⁶ К. Тіандер висунув припущення, що Варангалімена та Рософар маркують місця контактів Русі та візантійського Корсуня-Херсона⁷.

Як довів О. Шахматов, назва мису Rossofar навряд чи має відношення до росів, оскільки дослівний переклад цього терміну з

італійських портуланів – “Червоний маяк”, а круте узмор’я в цьому місті дійсно має червоний колір ґрунту⁸. Беззаперечно доводить це один з грекомовних портуланів, який вказує тут Κόκκινο Φανάρι – „Червоний маяк”⁹. Версія Лейденського портулану (Ῥουσικὸν φάρος) може перекладатися як Руський, так і як Червоний маяк, завдяки подвійному змістові, вкладеному середньогрецькою мовою в етнонім Ροῦσιος.

Найважливішим для дослідження історії варангів пунктом в Криму, таким чином, є Варанголімен. Ця назва вперше з’являється на мапі Петруса Вісконті 1311 р., що зберігалася у Флоренції. Далі динаміка її зміни у вигляді, відновленому О. Шахматовим¹⁰, який користувався зокрема оглядом мюнхенських рукописів Г.М. Томаса¹¹, з доповненнями з загального огляду А. Норденшельда¹², така¹³:

uarangolimen(a) (Atlas Catalan 1375, Pinelli 1384, Guglielmo Soleri 1385, Pietro Falcetta кін. XIV ст., Анонімний портулан з бібліотеки Marcianus XIV ст., Combitis-portolano XV cent.), **uarāgollimē** (Portolano Luxoro, Marino Samedo, 1320), **uarāgolimē** (Angelino Dulcert 1320), **uarangolime** чи **uarangolima** (Petrus Vesconti 1318 [М. Канале для цього портулану надає варіант **varangolimena**¹⁴], Franciscus Pizigano 1367, Jacobus Giroldis 1426), **varangalimena** (Perrinus Vesconte 1327), **varangolimeno** (Portolano Laurenziano-Gaddiano – Atlante Mediceo 1351, у М. Каналє – **Varango Limeno**¹⁵), **uarangolimem(ni)** (Franciscus Pizigano 1373), **Varango Lime** (Vesconte de Maiollo з Генуї 1519). Власне грецьку версію пропонує Лейденський портулан 1553 р. – Βαραγγικὸν λιμὴνα – навіть не назва міста, але скоріш Варангська бухта чи гавань¹⁶. Нерозбірливі варіанти Варанголімени у Angelino Dulcert 1339 та Charta Navigatoria Auctoris incerti 1375.

Відома для тієї ж точки кримського берегу й інша грецька за походженням назва – Варангополь. У формі **Barangiopoli** її подає Portulan Français 1669 р., зазначаючи „Барангополі – місто, розташоване на вістрі Мису, та у грецькому напрямку від нього знаходиться маленький острівець Казор”. Щодо мису, то грецький портулан 1573 р. та Мадридський портулан 1605-1634 pp., не вказуючи зовсім населений пункт, називають тільки мис, кожен своєю мовою: **κάβο τῆς Βαρόπολις / Cauo de Varopolis**. До цього Лейденський портулан додає, що на мисі між Варангською гаванню та Καλὸν λιμὴνα (ремінісценція античної Καλὸς Лімен – Прекрасної гавані) є „груда каміння, що нагадує вежу”¹⁷.

З XV ст. поширеною становиться скорочена від грецького прикметника форма Варангіка: **uarangica** чи **uarangico** (Upsala-portolano, Nicolò Pasqualini 1408, Gratosius Benincasa 1467, Andreas Benincasa 1476, Battista Genovese 1514 – портулан Вольфбюттеля, Anonymus 1530-50, портулан Баварської придворної бібліотеки 1532, Battista Agnese 1554, Diego Homen 1569), **uarangice** (Люцернський портулан XVI ст.), **uaragico** (портулан Баварської бібліотеки кінця XV ст.), **Uorangico** (Atlas anonymi

Вольфенбюттеля), **Vorangic** (Walseemüller 1516), **uarangilco** (портулан рукопису №337 Мюнхенської університетської бібліотеки після 1534 р.). Менш поширені форми – Варангіта чи Варангіда: **Varangito** (Gratiosus Benincasa 1467 & 1474¹⁸, Diego Homen 1569), **uarangido** (Conte Hottomano Freducci 1497). На портулані Джорджо Калапода (1552 р.) чітко прочитується назва **uaragita**¹⁹. У О. Шахматова ж помилково чи за однією з копій – а uarangita. Герард Меркатор помістив в атласі 1595 р. на Kartі Південної Росії на північному березі Криму місто **Varangito**²⁰. Пізніше його син копіював його, тож воно є і у картах Taurica Chersonesus в у всіх посмертних виданнях Атласу Меркатора Генріха Гондія та Яна Янсона, зокрема 1628, 1630, 1638 pp.²¹

Також відома явно романізована форма Варангола-Барангола: **uarangola** (Bartolomeo Crescentio 1596 & 1601; Норденшельд для останнього, у римській Nautica mediterranea, подає **Uarangida**), **varanuolo** (Domingo Olives 1568), **barangola** (Vincentius Voltius 1593, Franciscus Oliva 1614), **barangalje** чи **barangolje** (Salvat de Pilestrina en Mallorques 1511, що зберігалася у Haupt-Conservatorium баварської армії у Мюнхені), **Larangole** (атлас Бльова 1580 чи 1646 р.), **uarangone** (Carta anonymi Вольфенбюттеля), на портулані Упсальської бібліотеки XV ст. – **uarangero**. **Varangola** (перші дві літери – непевно) прочитується на портулані XVI ст. з Національної бібліотеки Мадриду (Ms. 1718, f.4)²².

В XVII ст. згадки про населений пункт спочатку стають сумнівними як Larangole або **narangolima**, варіант, вказаний на “Карті Середземномор’я” італійця з Монако Франциско Мона (Франкуса Моннуса) 1632 р., можливо копії з карти 1613 р.²³ Треба ще додати цікаву деталь – на більшості лоцій море біля північно-західного узбережжя Криму вкрите знаками несприятливості для мореплавців, мілинами, рифами та водовертями. Ця обставина напевне не сприяла довгому життю поселення після припинення його стратегічного значення.

Ряд досить детальних мап взагалі не вказують будь-яких пунктів на цій ділянці узбережжя. Це карта з іконографічного кодексу 133 Державної бібліотеки Мюнхена (1501-1506 pp.), карти Якопо Руссуса (1515 та 1520 pp.), карта “Першої частини Азії” Якопо Гастальді 1561 р., карта Фернана вас Дурадоса 1580 р. з іконографічного кодексу 137 Державної бібліотеки Мюнхена та багато інших. Ф. Брун бачить на мапі Бенінкази замість Варанголімени слова *tar magno*, та поряд – на місті Россофару – *tar parvo*. Він пояснює їх через грецьке *ταρρὺς*, *ταρσός* – місце для сушки риби. Топоніми, пов’язані з цим процесом є і в Азовському морі²⁴. Вилів та сушка риби можуть пояснити збереження поселення в поствізантійський час. Як вказувалося, кілька карт позначають лише бухту чи мис, не ведучі мову про населений пункт. Чи не є купа каміння Лейденського портулану, зафіксована 1553 р., усім, що залишилося від гавані?

На жаль, середньовічні мапи не досить детальні, щоб за ними можна було встановити точне місцезнаходження населеного пункту. К. Десімоні ототожнив Варанголіме в атласі з колекції професора Таммара Луксоро з Ак-Мечеттю²⁵. Цієї версії дотримуються й деякі сучасні дослідники²⁶. Інші автори відносять всі ці назви з різних лоцій Чорного моря до берегу затоки Ярилгач, тепер – озеро Сасик-Джарилгач. Ще в XIX ст. його піщаний берег, рівне піщане дно, широкий вхід, закритий від усіх вітрів, крім норд-оста, могли надати притулок кораблям з невеликою тоннажністю²⁷.

Наскільки нам відомо, жодних офіційних археологічних досліджень у районі Ярилгачу до 1960-х рр. не проводилося²⁸. Тарханкутська експедиція Ленінградського відділення Інституту археології АН СРСР у співробітництві з Саратовським університетом, яка працювала там у 1960-80-х рр. під проводом О. Щеглова, не віднайшла поселень візантійського часу. Вона переважно досліджувала античне поселення Панське I на березі бухти в 6 км на захід від с. Міжводне та його некрополь²⁹. Ця праця продовжувалася російською експедицією вже за часів незалежності України із залученням датських археологів з Інституту класичної археології м. Орхус³⁰. Загин Інституту археології АН УРСР 1968 р. віднайшов садибу цього ж часу на території с. Міжводне³¹. З с. Міжводного походять фрагменти двох половецьких статуй. Взагалі половецьких слідів багато в усьому північно-західному Криму XI-XIII ст.³²

Для суден бухта Ярилгач та оз. Панське були зручнішими, ніж Вузька, місце знаходження античного Калос Лімену. Відстань між двома бухтами щонайбільше дорівнює 8 км, половину відстані зараз займає оз. Панське, спрямоване в напрямку Вузької від бухти Ярилгач. При цьому Панське – озеро молоде. Як доведено дослідженнями загону кафедри геофізики Ленінградського геологічного інституту, в елліністичні часи Панського ще не існувало. На його місці була приморська долина, перетнута сіткою лощин, які поступово заповнювалися водою з ростом рівня моря, перетворюючись на зручні закриті затоки³³. Біля однієї з них й могла бути розташована Варанголімена, що пояснило б відсутність її решток. Трохи глибше в материк між двома бухтами розташоване урочище Алдерменська Скала – можливе джерело питної води для поселення на південно-західному березі Ярилгача.

Коли міг виникнути цей населений пункт? Його назва грецька, тобто, вочевидь, його заснували вихідці із Візантії. Корінь “варанг” прямо вказує на його зв’язок зі скандинавськими або англійськими найманцями на візантійській службі, але не на руських варягів. Термін зафіксований починаючи з перших десятиліть XI ст. Після ж Четвертого хрестового походу його значення звужується до імператорської охорони, що закріплена за палацом, і немає надії з цього часу зустріти варангів за

межами столиці. Таким чином, найвірогідніший час заснування ромейського форпосту у північному Криму припадає на XI-XII ст.

В цей період сприятливі умови для його заснування склалися лише за правління Олексія I Комніна, котрий опосередковано підпорядкував собі околиці Керченської протоки (1082 р.)³⁴ та спрямував у Північне Причорномор'я для поселення англосаксонських біженців, що датується 1080-ми рр.³⁵ або 1091 р.³⁶ Їхня присутність у регіоні привертає особливу увагу у зв'язку з походженням назви Варанголімена, однак цього співпадіння замало для констатації поселення англосаксів саме в Північно-західному Криму. За альтернативною гіпотезою місцем поселення англосаксів була Добруджа³⁷.

Грецький населений пункт між бухтами Вузька та Ярилгач мав бути інсталюваним у половецьке середовище і навряд чи міг існувати у протиставленні із ним. Найвірогідніше тут сформувалося одне з половецьких торжищ, візантійські та пізніше, можливо, італійські поселенці якого купували у половців хліб та сіль, продаючи європейські товари та сушену рибу.

¹ Potocki J. Memoire sur un nouveau peryple du Pont Euxin ainsi que sur la plus ancienne histoire des peuples du Taurus, du Caucase et de la Scythie. – Vienne, 1796. – P. 13. Автор вдячний за це посилання О.О. Радзиховській.

² Desimoni C. Nuovi studi sull'Atlante Luxoro // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Vol.V – Genova, 1867. – P. 249.

³ Шахматовъ А. Варанголимень и Россофаръ // Историко-литературный сборникъ, посвященный В.И. Срезневскому. – Л., 1924. – С. 174.

⁴ Брунь Ф. Слѣды древнего рѣчного пути изъ Днѣпра въ Азовское море // Черноморье.. Ч. I. – Одесса, 1879. – С. 128.

⁵ Soloviev A.V. Domination Byzantine ou Russe au Nord de la Mer Noire a l'époque des Comnènes? // Akten des XI Internationalen Byzantinisten Kongresses – München, 1960. – P. 574.

⁶ Талис Д.Л. Росы в Крыму // СА. – 1974. – №3. – С. 87-99.

⁷ Тиандеръ К. Датско-русскія изслѣдованія. – Вып. III. – Пгр., 1915. – С. 172.

⁸ Шахматовъ А. Указ. соч. – С. 179.

⁹ Тодорова Е. Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья // История СССР. – 1989. – №1. – С. 176.

¹⁰ Шахматовъ А. Указ. соч. – С. 179.

¹¹ Thomas G.M. Op.cit. – S. 239-240.

¹² Nørdenskiöld A.E. Periplus: an essay on the early history of charts and sailing-directions / transl. by Fr.A. Bather. – Stockholm, 1897. – P. 7.

¹³ Автор вдячний Г. Кустовій за допомогу у створенні огляду.

¹⁴ Canale M.G. Della Crimea. T. II – Genova, 1855. – P. 363.

¹⁵ Canale M.G. Della Crimea. T. II – Genova, 1855. – P. 369.

¹⁶ Тодорова Е. Указ. соч. – С. 183.

¹⁷ Там же. – С. 176.

- ¹⁸ Портолань Бенинказы 1474 года // Кулаковскій Ю. Таврида. Изд. II-е. – 1914. – табл. II.
- ¹⁹ Большая Советская энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 34 – вклейка к стр. 220.
- ²⁰ Матеріали по Історії русської картографії. Вип. II / В. Кордтґ. – К., 1910. – карта IX.
- ²¹ Вавринчін М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. – К., 2004. – С. 124-125, 140-141, 162-163, 166-167.
- ²² Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. – М., 2002. – Ч.1. – С. 151.
- ²³ Незнамов П.А. Портоланы Алупинского историко-бытового музея. – Ялта, 1930. – С. 8-9.
- ²⁴ Брунь Ф. Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV-го и XV-го столѣтій // Черноморье. Ч. I. – Одесса, 1879. – С. 91.
- ²⁵ Atlante Idrografico del Medio Evo, posseduto dal prof. Tammar Luxoro, pubblicato a fascimile ed annotato dai socii C. Desimoni e L.T. Belgrano // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Vol.V – Genova, 1867. – p. 124.
- ²⁶ Кутайсов С.В. История и археология древнего Крыма. Материалы к археологической карте Северо-Западного Крыма XI–XV веков // Историческое наследие Крыма, 9. – 2005. – <http://www.commonuments.crimea-portal.gov.ua/rus/index.php?v=1&tek=89&par=74&l=&art=347>
- ²⁷ Шахматовъ А. Указ. соч.
- ²⁸ Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. – Л., 1970. – С. 12.
- ²⁹ Щеглов А.Н. Исследование сельской округи Калос Лимена // СА. – 1967 - №3. – С. 234-256; Щеглов А.Н. Исследования в Северо-Западном Крыму // АО 1967 г. – 1968. – С. 213-214; Исследования близ Ярылгачской бухты в Северо-Западном Крыму / А.Н. Щеглов, И.И. Саверкина, В.В. Глазунов // АО 1970 г. – М., 1971. – С. 251-252; Тарханкутская экспедиция / А.Н. Щеглов, Н.Л. Подольский, А.М. Гилевич, В.И. Кац // АО 1971 г. – 1972. – С. 342-343; Исследования на хоре Херсонеса / А.Н. Щеглов, Н.С. Благоволин, А.М. Гилевич, В.В. Глазунов, В.И. Кац, Н.Л. Подольский // АО 1972 г. – М., 1973. – С. 353-354; Исследования Тарханкутской экспедиции / А.Н. Щеглов, В.В. Глазунов, В.И. Кац, Н.Л. Подольский // АО 1973 г. – М., 1974. – С. 365-367; Изучение поселения и некрополя Панское I на хоре Херсонеса / А.Н. Щеглов, А.М. Гилевич, В.В. Глазунов, В.И. Кац, Е.Я. Рогов // АО 1974 г. – М., 1975. – С. 375-376; Работы на Тарханкутском полуострове / А.Н. Щеглов, Т.В. Балт, М.Ю. Вахтина, Г.В. Внучков, В.И. Кац, Е.Я. Рогов // АО 1975 г. – 1976. – С. 409-410; Тарханкутская экспедиция / А.Н. Щеглов, Г.В. Внучков, В.И. Кац, А.П. Наумов, Е.Я. Рогов // АО 1977 г. – 1978. – С. 405-406; Щеглов А.Н. Комплексные исследования в Северо-Западном Крыму // АО 1979 г. – 1980. – С. 354-355; Щеглов А.Н. Тарханкутская экспедиция // АО 1980 г. – 1981. – С. 326-327; Щеглов А.Н. Раскопки и разведки в Северо-Западном Крыму // АО 1982 г. – 1984. – С. 345-346; Щеглов А.Н. Работы Тарханкутской экспедиции // АО 1983 г. – 1985. – С. 376-377; Рогов Е.Я. Раскопки некрополя поселения Панское I // АО 1984 г. – 1986. – С. 297-298; Щеглов А.Н. Работы в Черноморском районе Крыма // АО 1984 г. – 1986. – С. 333-334; Рогов Е.Я. Раскопки поселения Панское I // АО 1985 г. – 1987.

– С. 399-400; Щеглов А.Н. Изучение античных памятников на Тарханкуте // АО 1985 г. – 1987. – С. 440-441; Щеглов А.Н. Раскопки в Северо-Западном Крыму // АО 1986 г. – 1988. – С. 353-354; Щеглов А.Н. Работы Тарханкутской экспедиции // АО 1983 г. – 1985. – С. 376-377.

³⁰ Работы российско-датской Тарханкутской экспедиции в Крыму / А.Н. Щеглов, Л. Ханнестад, В.Ф. Столба // АО 1994 г. – М., 1995. – С. 335-337.

³¹ Высотская Т.Н. Древнегреческое поселение в пос. Межводное // АО 1968 г. – М., 1969. – С. 295-296.

³² Кутайсов С.В. История и археология древнего Крыма. Материалы к археологической карте Северо-Западного Крыма XI-XV вв. // Историческое наследие Крыма, 9. – 2005. – <http://www.commonments.crimea-portal.gov.ua/rus/index.php?v=1&tek=89&par=74&l=&art=347>.

³³ Исследования Тарханкутской экспедиции / А.Н. Щеглов, В.В. Глазунов, В.И. Кац, Н.Л. Подольский // АО 1973 г. – М., 1974. – С. 365-367.

³⁴ Литаврин Г.Г. Византия и славяне: Сборник статей. – СПб., 2001. – С. 500-502; Плахонін А. Русь на Боспорі в XII ст. // Крим в історичних реаліях України. – К., 2004. – С. 78-85.

³⁵ Ciggaar Kr.N. L'émigration Anglaise a Byzance après 1066. Un nouveau texte en latin sur les Varangues à Constantinople // REB, 32. – 1974. – P. 322.

³⁶ Shepard J. The English and Byzantium // Traditio, 29. – 1973. – P. 80-82.

³⁷ Ciggaar Kr.N. L'émigration Anglaise... – P. 335-336; Тъпкова-Заимова В. Долни Дунав – гранична зона на Византийския Запад. Към историята на северните и североизточните български земи, края на X-XII в. – София, 1976. – С. 132-133.

С.Н. Ляшко (Киев, Украина),

В.А. Папанова (Бердянск, Украина)

ПОЛУЗЕМЛЯНКА РЕДКОЙ КОНСТРУКЦИИ С ОЛЬВИЙСКОЙ УСАДЬБЫ

С 2003 г. на территории юго-западного некрополя Ольвия исследуется участок, получивший название «Усадьба». За истекший период раскопана территория площадью более 1000 м², на которой выявлено десять наземных помещений, полуземлянка из трех помещений (далее полуземлянка I), культовые (алтарь, зольник) и поминальные комплексы, погребальные сооружения. Время существования данного участка – начало – 30-е гг. IV в. до н.э.¹

Конкретный интерес для исследователей представляет полуземляночный комплекс из трех помещений (далее полуземлянка I) – явление достаточно редкое для античных городов и поселений Северного Причерноморья² (рис.1). Раскопки участка «Усадьба» не завершены, но уже сейчас ясно, что полуземлянка I на этой территории предшествовала наземным сооружениям.³

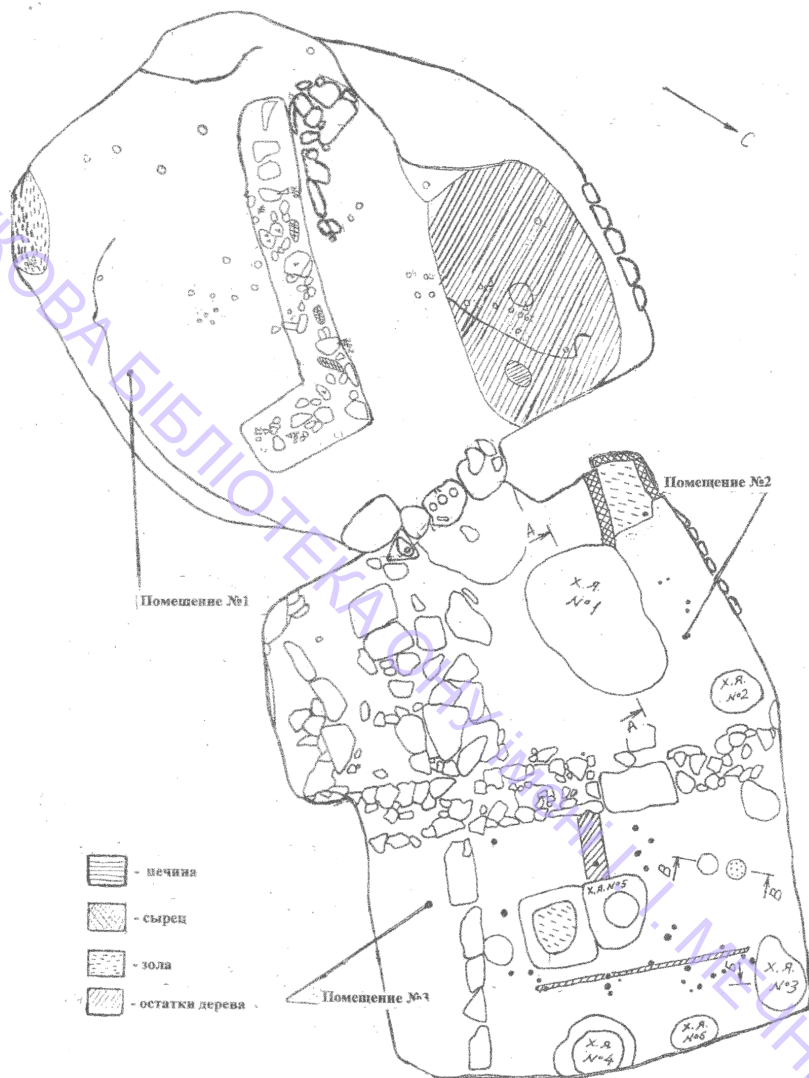

Рис.1. Полуземлянка I

Помещение №1 занимало крайнее юго-западное положение. Оно имело прямоугольную форму (4,7х3,6х1м). Стенки помещения вырезаны в материке, а затем достроены из камня. Юго-восточная и юго-западная материковые стенки имели высоту большую, нежели северо-западная. Северная часть северо-восточной стенки вырезана в материке. От ее южной части сохранилась кладка (1,93х 0,22-0,51х0,13-0,36м) из гальки,

мрамора и полуобработанных известняковых камней. Камни уложены на один – два ряда постелисто и орфостатно. Вход в помещение (ширина 1,2 м) находился с юго-западной стороны и имел две ступеньки – материковую (1,2х0,53х 0,26 м) и каменную, составленную из четырех известняковых камней. Вход был с юго-запада. В помещение вела лесенка, от которой сохранились две ступени – материковая и каменная. Помещение разделено на южную и северную половины сырцовой стенкой длиной 2,3 м, обложенной в нижней части камнями. Облицовка внутренних материковых стен полуземлянок каменными кладками зафиксирована на поселениях Широкая Балка и о. Березань.⁴

Параллельно перегородке в полу помещения выкопана траншея Г-образной формы, треугольная в сечении, длиной 2,65 м (по линии восток-запад) и 1,2 м (по линии север-юг), шириной 0,45 м и глубиной 0,3-0,35 м. Траншея забутована мелкими и средним камнями (ракушняк и известняк), фрагментами амфор без связывающего раствора. Среди фрагментов находились две амфорные ручки с синопскими клеймами астинома Посейдона (начало IV в. до н.э.).⁵ Некоторые камни сохранили следы горения. Края траншеи, поверх камней, обмазаны желтой глиной, а дно – зеленой.

В южной половине помещения за траншеей Г-образной формы прослежено пятнадцать небольших ямок разных размеров, а в южном углу – яма овальной формы (1х0,4х0,1м), заполненная золой, небольшими фрагментами обожженных стенок амфор и костей животных. Пол в этой части полуземлянки покрыт несколькими слоями глиняной обмазки (0,04м). Под западной стенкой помещения находился открытый очаг овальной формы (2х1,3 м; толщина горелого слоя 0,42 м).

Помещение № 2 примыкало к помещению № 1 с северо-востока. Дверной проем шириной 0,7 м располагался в средней части общей стенки. Порог сделан из двух рядов камней (по три в каждом), уложенных на постель. В верхнем ряду находились два полуобработанных известняковых камня, а между ними однофиаловый жертвенник. С левой стороны от порога лежал пяточный камень. Его расположение указывало на то, что дверь открывалась в помещение № 2. Порог был на 0,5 м выше уровня пола помещения №2

Южная стенка (длина 1,75м) помещения вырезана в материке и сильно закруглена (хорда = 0,56 м). От северной стенки (длина 2,36 м) сохранились отдельные камни, лежащие на материковых бортах или упавшие с них вовнутрь помещения.

Пол в юго-восточной части (1,2х0,8м) этого помещения вымощен известняковыми плитами, уложенными на мелкий бут (вымостка). Сверху вымостка обмазана желтой глиной. В юго-восточной стенке помещения вырезан подбой (1,6х0,65х0,5м). От вымостки его отделяла перегородка (длина – 1,2 м) из обработанных известняковых плит, вкопанных в

материк на глубину 0,2 м. Средняя из плит (0,4x0,32x0,12 м) имела отверстие диаметром 0,12 м

В северо-западном углу помещения находилась печь высотой 0,78м. Западная стенка и свод были вырезаны в материке под уклоном с юга на север. Свод сохранился частично. Северная стенка, вырезанная в материке, облицована фрагментами амфорных стенок и укреплена поставленным на торец сырцовым кирпичом. Южная стенка сложена из трех бутовых камней на глиняном растворе, половинки и целых сырцовых кирпичей. Сырцовая часть стенки сохранилась частично. Печь имела пологий под с уклоном с запада на восток. Высота от пода до свода печи 0,64 м. В печи находился слой золы и пепла толщиной 0,16-0,2 м. Часть золы (0,1м) имела серый цвет. Зола такого цвета остается после сгорания органических материалов. В заполнении печи находились небольшие фрагменты кухонной керамики и костей. Зола из печи выгребали под северную стенку помещения. На площадке перед печью зафиксировано восемь неглубоких ямок.

Слева от печи находилась нижняя часть амфоры, вкопанная вертикально в материковый пол. Внутри ее находилась бронзовая монета – дихалк, датируемая около 380-360 гг. до н.э.⁶

В помещении открыто две хозяйственные ямы и ниша. Хозяйственная яма №1 восьмеркообразной формы, глубиной 1,3-1,43 м (d горловины 1,3-1,55 м) находилась в северо-восточной части помещения вплотную с печью. На дне ее находилась ямка от подпорного столба. Яму перекрывала каменная вымостка с глиняной обмозкой (сохранилась частично). В засыпи хозяйственной ямы найдены фрагменты керамики, кости животных, череп лошади, рыбы кости, фрагмент лезвия железного ножа, охра, известняковый бут мелких и средних размеров, известняковое надгробие. После того как прекратилось использование этого участка, яму использовали для захоронения (разрушенное в древности).

Хозяйственная яма №2 (глубина 0,49-0,94 м, d горловины 0,64-0,73 м, d дна – 0,67 м) выкопана на расстоянии 1,7 м к востоку от печки. В ее засыпи обнаружены зола, мелкий бут, небольшие фрагменты амфорных стенок. Возле северо-западного угла в северной стенке вырезана ниша (0,34 x0,16 м). В зольном заполнении ниши находился лепной кубок.

Помещение №3 примыкало к помещению № 2 с востока. Оно имело прямоугольную форму. Помещения разделяла фундаментальная каменная перегородка с входным проемом. Перегородка представляет собой каменную кладку длиной 3,8 м, высотой 0,7-0,8 м, шириной 0,51-0,55 м. Кладка иррегулярная, трех-четырёхслойная. В основании уложены известняковые плиты. Дверной проем шириной 0,7 м. Порог оформлен известняковыми плитами правильной четырехугольной формы (0,45x0,4x0,2 м, 0,38x0,4x0,22 м) и поднят на 0,2 см по отношению к полу помещения. Дверной проем зафиксирован справа и слева плитами

(0,4х0,3х0,15 м и 0,45х0,3х0,12 м). Проход и восточный фасад со стороны помещения № 3 тщательно оформлены. Для помещений полуземляночной конструкции данная перегородка весьма мощная. По наблюдениям исследователей, для перегородок в земляночных и полуземляночных помещениях обычно использовались более легкие плетнево-глиняные конструкции.⁷

Под южной стенкой помещения находилась лежанка (1,94х0,56–0,66х0,12 м), насыпанная из глины и укрепленная четырьмя орфостатно установленными известняковыми плитами и сырцовым кирпичом. Среди них стоял известняковый жертвенник с фиалообразными чашами. Сверху лежанка промазана глиной. К северу от нее находился очаг открытого типа. Он представлял собой глинобитную прямоугольную площадку (0,6х0,63х0,06м), обмазанную глиной, с круглой ямкой для разведения огня.

Пол полуземлянки имел наклон к югу до 0,05 м. Он неоднократно покрывался глиняной обмазкой (0,02-0,06 м). Между слоями обмазки пола в некоторых местах зафиксированы прослойки золы.

В этом помещении были раскопаны четыре хозяйственные ямы. Хозяйственная яма №3 (глубина 1,075м, d горловины 0,56-0,58м, d дна - 0,98-1,02м) находилась в северо-восточном углу. В ее засыпи – фрагменты керамики, кости животных, железный гвоздь, проколка, мелкий бут. Хозяйственная яма №4 с горловиной эллипсоидной формы (глубина 0,92м, d горловины 0,55-0,75м) находилась под восточной стенкой. На уровне дна яма имела круглую форму (d=1м). Хозяйственная яма №5 грушевидной формы (глубина 0,82-1,05м, d горловины 0,4-0,5м, d дна 1,24м) вырыта под северной стенкой очага. Сверху обе ямы накрывались крышками, для которых были сделаны прямоугольные ниши с закругленными углами. Хозяйственная яма-ниша №6 эллипсоидной формы выкопана под восточной стенкой. Кроме перечисленных, в помещении было раскопано сорок одна ямка разных диаметров и глубины, а также неглубокая траншея с остатками дерева от перекрытия.

Открытый в результате раскопок комплекс из трех помещений (полуземлянка I) исследователи называют по-разному - многомерные полуземлянки, комплекс полуземляночных помещений, многокамерная полуземлянка, полуземляночный комплекс из нескольких помещений. Прямых аналогий раскопанному комплексу пока найти не удалось.

Данный комплекс поставил перед исследователями ряд непростых вопросов: 1) определение очередности сооружения помещений; 2) датировка полуземлянки I, а также хронологическое соотношение между названными сооружениями и полуземлянкой I; 3) функциональное использование помещений.

1. Относительно очередности сооружения помещений выскажем предположение, которое вытекает из стратиграфии комплекса.

Помещения №1 и №2 более ранние, о чем свидетельствуют оплывшие материковые стенки. Котлован помещения № 3 имеет четкие стены, вырытые в материке. На начальном этапе существования помещения №2 и №3 использовались как одно помещение, о чем свидетельствует тот факт, что каменная перегородка, разделяющая их, установлена на обмазку пола помещения № 3, которая частично сохранилась и в помещении № 2. Кроме того, для фиксации торцов перегородки были сделаны углубления-прирезки в южной и северной стенах помещения № 3.

2. На исследуемом участке одновременно существовали два объекта. В начале IV в. до н.э. был построен полуземляночный комплекс из трех помещений, который, по всей видимости, использовался до середины века. В первой трети IV в. до н.э. появились наземные помещения на каменных цоколях с сырцовыми и каменно-сырцовыми стенами. Жизнь на усадьбе прекратилась в 30-е гг. IV в. до н.э. Не исключено, что ее покинули в связи с угрозой со стороны армии Зопириона.

3. Учитывая размеры помещений, общую площадь полуземлянки I, их наполнение (два очага, печь, ниши, хозяйственные ямы), его использовали для проживания и хозяйственной деятельности.

Помещение №1 использовали для хозяйственных нужд. Отметим, что в этом помещении, несмотря на наличие мощного очага, отсутствовали фрагменты столовой и кухонной посуды. Вполне вероятно, что в этом помещении вялили (коптили) мясо или рыбу. Об этом свидетельствует большое количество неглубоких и небольших по размеру ямок. В эти ямки могли вставлять жерди для подвешивания мяса или рыбы, а горячий воздух подавался через Г-образную траншею. В нее воздух попадал от костра, разводимого в южном углу помещения. Помещение могли также использовать для просушки зерна. Помещение №2 могло служить кухней, а помещение №3 – спальней.

На поселении Большая Черноморка 2 в полуземлянке (6,4х4,2х0,3-0,4м) с остатками печи, двумя очагами, двумя хозяйственными ямами вдоль северной и восточной стен под углом друг к другу были вырыты две канавки (3х0,6х0,4 м, 2,7х0,8х0,7м) с закругленным дном. Канавки обмазаны плотным слоем зеленой водонепроницаемой глины. В качестве их возможного назначения, автор раскопок выдвинул гипотезу об использовании канавок для кормления скота в зимний период.⁸

Выявление, фиксация, изучение и интерпретация подобных объектов позволяет наполнить конкретным содержанием структуру и вид занятий населения Ольвийского полиса в данный период.

Примечания:

¹ Ляшко С.Н., Папанова В.А. Новая ольвийская усадьба // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – СПб., 2004. – С. 89-95; Они же. Исследование Ольвийской усадьбы // Археологічні відкриття в Україні 2002-2004 рр. – К., 2004. – С. 245-248; Они же. Итоги исследования усадьбы на некрополе Ольвии // Археологічні відкриття в Україні: 2003-2004 рр. – К., 2005; Они же. “В самой крепости жила только меньшая часть ольвиополитов...” // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. – СПб., 2005. – С.192-199.

² Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). – К., 1982. – С.11-14.

³ Ляшко С.Н., Папанова В.А. Ольвийская усадьба (итоги раскопок 2003-2005 г.г.) // Древнее Причерноморье. – Одесса, 2006. – С.134-140.

⁴ Рабичкин Б.М. Поселение у Широкой Балки // КСИИМК. – 1951. – Вып. 40. – С. 124; Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время / Отв. ред. С.Д. Крыжицкий. – К., 1987. – С.11.

⁵ Ляшко С.Н., Папанова В.А. Новая ольвийская усадьба. – С.93.

⁶ Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-западного Причерноморья. – К., 1989. – С. 105, №39, табл. IV.

⁷ Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. – С.12.

⁸ Отрешко В.М. Отчет о раскопках поселения Большая Черноморка 2 в 1976 г. // НА ИА НАНУ. – 1976/12.

Н. Матеевич (Кишинев, Молдова)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СИНОПСКОГО АМФОРНОГО ИМПОРТА В ВАРВАРСКОЙ СРЕДЕ СЕВЕРНОГО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Греческий полис Синопа, расположенный на южном побережье Понта Евксинского, был основан выходцами из Милета в VI в. до Р.Х. В классическую эпоху количество синопских товаров, привозимых в Причерноморье, было невелико¹.

В IV-II вв. Синопа уверенно располагается в числе самых известных производителей вина, оливкового масла и даже соленых оливок. Еще Страбон утверждал, что на южном побережье Понта лишь в окрестностях Синопы выращивают оливки².

Только лишь в первой четверти IV в. до Р.Х. этот полис начинает регулярные поставки своих товаров в амфорах в Причерноморье. Синопский экспорт в регион Северо-Западного Причерноморья прекращается ко II в., а точнее к его первой половине³.

В варварской среде Северо-Западного Причерноморья синопские товары появляются уже к середине IV в.⁴ В 60-50 гг. IV в. гончарные мастерские Синопы начинают выпускать клейменную амфорную тару, выпуск которой продлится до 80-70 гг. II в. до Р.Х.

С середины III в., после ухода с понтийского рынка гераклеических, фасосских, хиосских и др. товаров, Синопа, наряду с Родосом, продолжает свои коммерческие отношения с данным регионом⁵.

В районе Нижнего Днестра присутствие синопских амфор также охватывает вышеуказанные хронологические рамки⁶.

Изучение распространения синопских амфор позволило выявить два этапа их проникновения в изучаемый регион. Первый охватывает середину IV в. до первой половины III в. Второй – середину III в. – первую четверть II в. до Р.Х.

Варварский мир Северо-западного Причерноморья в данный период был представлен двумя этническими массивами: оседлыми племенами земледельцев гетов и кочевническими племенами скифов.

Среди крупных гетских укрепленных пунктов, где было выявлено значительное количество синопской амфоры, отметим крепость *Бутучень*, где обнаружены многочисленные фрагменты, среди которых выделим ножку конического типа варианта I-C (по Монахову)⁷. Среди профильных амфорных фрагментов Синопы в *Бутучень* были выявлены и два клейма, одно из них относится к магистрату ΑΙΣΧΙΝΟΣ, деятельность которого приходится на IV хронологическую группу (по Коновичу), около 279-258 гг. до Р.Х.⁸ Другое синопское клеймо из *Бутучень* принадлежало магистрату ΙΚΕΣΙΟΣ I, с эмблемой «слон», датируется между 295-280 гг. (III хронологическая группа по Коновичу).

Присутствие синопского импорта было отмечено на другом гетском городище *Алчедар – Ла Кордон*. Автор первой публикации по данному памятнику, представляя изображение синопской амфорной ножки, не относит ее к Синопе и определяет ее как косскую⁹.

Известно, что синопская глина разительно отличается по цвету, составу ингредиентов от глин других понтийских центров, не говоря уже о греческих центрах Средиземноморья. Даже маловыразительные фрагменты синопских амфор (ручки, стенки) можно с уверенностью относить к этому южно-понтийскому центру. Такого рода фрагменты синопской амфорной тары отмечены на городище Бунешть¹⁰. Несколько фрагментов амфор конического типа отмечены на гетском поселении Пояна, среди которых отметим ножку амфоры типа I-E (по Монахову)¹¹.

Фрагменты амфор IV – первой половины III вв. отмечены также на самом крупном городище северных фракийцев Пруто-Днестровского региона Сахарна Маре.

Значительная часть синопского материала была выявлена в погребальных скифских комплексах. Так, в кургане 1 Николаевка «На горбах» были обнаружены два клейма, принадлежавшие магистрату ΠΟΣΕΙΔΩΝΙΟΣ и фабриканту ΗΡΑΚΛΕΙΔΗΣ¹². По всей вероятности, эти клейма следует датировать первой четвертью III в.

Несколько частично сохранившихся амфор были обнаружены в кургане 13 у села Бутор, среди них 8 горловин с венчиками, 17 ножек, что позволяет отметить довольно существенное присутствие синопских амфор в погребальной тризне данного комплекса¹³. Морфологический анализ данных амфорных фрагментов позволил отнести их к сосудам II пифоидного типа, самому распространенному в этот период¹⁴. Поскольку амфоры этого типа имели довольно длительное хождение с середины IV до середины III вв. до Р.Х., то хронологическое определение данного комплекса, а также более четкое датирование синопских амфор дали другие греческие сосуды, выявленные в захоронении, среди которых отмечены амфоры Фасоса, Хиоса, Херсонеса, а также чернолаковый канфар – 30-20 гг. IV в.

Особый интерес представляют два синопских клейма, выявленных в кургане 3 у села Красное. Фрагменты принадлежали двум амфорам конического типа, изготовленных в период деятельности магистрата ΝΙΚΟΜΗΔΗΣ и фабриканта ΑΡΧΕΠΤΟΛΕΜΟΣ, т.е. в 50-х гг. IV в.¹⁵

Среди нескольких синопских амфорных фрагментов, обнаруженных в кургане 2 Ковалевка II¹⁶, отметим и клеймо, на котором можно прочесть имя фабриканта ΗΦΑΙΣΤΙΟΣ. Деятельность этого фабриканта приходится на более длительное время, но появление в данном клейме лунарной сигмы, позволяет отнести его к III хронологической группе (по Коновичу) ок. 295-280 до Р.Х.

Маловыразительные фрагменты синопских амфор были выявлены в кургане у села Паркань¹⁷. Наличие в захоронении большого количества гераклейских амфор позволило датировать синопские фрагменты и отнести их к 30-м гг. IV в.¹⁸

Синопские клейма конца III хронологической группы – начала IV группы отмечены на поселении Новосельское II¹⁹. Одно из клейм хорошо сохранилось, что позволило его прочесть и отнести к магистрату ΙΚΕΣΙΟΣ Π.

Среди многочисленного керамического материала, выявленного на поселении гетов Рэкэтэу, отметим и амфорные фрагменты, среди которых выделим клеймо магистрата ΦΟΡΒΑΝΤΟΣ²⁰, деятельность которого приходится на первую четверть IV в.

Несколько фрагментов синопских амфор обнаружены на другом поселении северных фракийцев Федешть. Они датируются автором раскопок IV-III вв. до Р.Х.²¹

Небольшое количество амфорных фрагментов было выявлено на гетском городище Рудь²².

На втором этапе поступления амфорной тары Синопы в варварскую среду изучаемого региона увеличиваются количественные поставки синопских товаров в амфорах. Об этом свидетельствуют

многочисленные амфорные клейма, найденные на варварских памятниках. Синопский материал, датируемый второй половиной III – первой четвертью II в. до Р.Х.²³ выявлен, в большинстве случаев, на гетских памятниках. Среди них выделяется поселение Чобручиу, где синопские клейма составляют львиную долю, более 70 экземпляров. Большая часть этих клейм принадлежит V хронологической группе (по Коновичу), датируемой между 240-180 гг. до Р.Х.

Многие клейма из Чобручиу повторяются, что свидетельствует о том, что нередко амфоры закупались большими партиями.

Как известно, обычно сосуды хорошей сохранности находятся в погребальных комплексах. Четыре целые амфоры были обнаружены в 4-х погребениях (курганы 31, 35, 45, 66) некрополя Хлиноая (Глиное)²⁴. Все сосуды относятся к III типу синопской амфорной тары, самому распространенному во второй половине III в. Все сосуды клейменные, амфора из 31 кургана даже сохранила два клейма (случай редкий в синопском клеймении). На одной ручке отмечено обычное магистратское клеймо V хронологической группы с легендой на 5-ти рядах, где указывается не только имя и отчество эпонима, но и имя фабриканта. На другой же ручке – более простое, однострочное клеймо, содержащее одно имя, по-видимому, гончара.

Недавние разведки в районе реки Красная позволили обнаружить следы небольшого варварского поселения, где главные находки составили амфорные клейма. Из десяти найденных поначалу клейм 9 принадлежали синопским амфорам, относящимся к V хронологической группе (по Коновичу)²⁵.

На гетском городище Бутучень отмечены не только синопские амфорные фрагменты предыдущего хронологического периода, но и материалы второй половины III – начала II в. Среди них выделяется клеймо магистрата ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΗΣ. Клеймо не раз уже упомянутого нами магистрата ΙΚΕΣΙΟΣ II было выявлено на гетском поселении Калфа²⁶.

Клеймо магистрата ΠΑΣΙΧΑΡΗΣ отмечено на поселении Олэнешть²⁷, а два клейма астинома ΜΙΚΡΙΑΣ были обнаружены на поселениях Ханска²⁸ и Сахарна Маре²⁹.

Таким образом, анализ и изучение распространения амфорной тары Синопы позволил нам обрисовать картину поступления товаров этого греческого центра в изучаемую географическую зону, выявить наиболее интенсивные периоды развития отношений варварского мира с Синопой и датировать варварские комплексы и памятники, для которых амфорный материал является наилучшим хронологическим определителем.

¹ Туровский, Николаенко, Горячук, Ладюков Древние амфоры в Северном Причерноморье. Справочник-определитель. – К., 2001 – С. 32.

² Strabo, XII, 3, 12.

³ Лейпунская Н.А. Керамическая тара из Ольвии. – К., 1981. – С. 76; Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. – Саратов, 1999. – С. 70-71; Mateevici N. Amforele grecești în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI- începutul sec. II a. Chr. – Chișinău, 2007. – С. 103.

⁴ Василенко Б.А. К вопросу о датировке синопских клейм // СА, 3. – 1971. – С. 247; Самойлова Т.Л. Синопский импорт в Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997. – С. 222.

⁵ Canarache V. Importul amforelor ștampilate la Histria. – București, 1957. – С. 217; Бадальянц И.С. Эллинистический Родос. Керамические клейма как исторический источник. Проблемы. Решения. Дополнение к IOSPE III. – М., 2000. – С. 190.

⁶ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – К., 1985. – С. 58.

⁷ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Каталог-определитель. – Саратов, 2003. – С. 330

⁸ Conovici N. Les timbres amphoriques. 2.Sinope. // HISTRIA, VIII. – 1998. – С. 23, 34.

⁹ Haheu V. Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar –La Cordon, raionul Șoldănești în Revista Arheologică, 2, 1998. – Chișinău. –P. 111-135.

¹⁰ Mateevici N. Amforele grecești. – P. 89.

¹¹ Mateevici N. Amforele grecești. – Fig. 24/8.

¹² Мелюкова А.И. Курганы скифских кочевников у села Николаевка // Раннежелезный век Северо-Западного Причерноморья. – К., 1984. – С. 93-94.

¹³ Серова Н.Л., Яровой Е.В. Григориопольские курганы. – Кишинев, 1987. – С. 107, рис. 55, 56; Серова Н.Л. Греческая керамическая тара из скифских курганов Молдавии // АИМ в 1984. – Кишинев, 1989. – Рис. 1/3.

¹⁴ Монахов С.Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор. // Греческие амфоры. – Саратов, 1992. – С. 173.

¹⁵ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы. – С. 21.

¹⁶ Ковпаненко Г.Т., Бунатян К.П., Гаврилюк Н.А. Раскопки курганов у села Ковалевка II // Курганы на Южном Буге. – К., 1978. – С. 56.

¹⁷ Манзура И.В., Ларина О.В, Савва Е.Н. Исследование курганов у ела Паркань // АИМ в 1986. – Кишинев, 1992. – С. 178.

¹⁸ Mateevici N. Amforele grecești. – P. 90.

¹⁹ Vanciugov V.P., Brujako I.V., Sarbu V., Niculiță I.T.Cercetările arheologie de la Novosel' skoe (Satu Nou II). Campania 1997-1998 // CAANT, III. – 1999. – P. 223-279.

²⁰ Căpitanu V., Alexeanu M. Amfore cu inscripții descoperite la dava de la Răcățau, com. Horgești, jud. Bacău // CARPICA, XVII. – 1985. – P. 41-80.

²¹ Информация автора С.Теодор, которой мы выражаем свою благодарность и признательность.

²² Mateevici N. Amforele grecești. – P. 91.

²³ Fidelschi S. A., Mateevici N. Ștampile amforistice descoperite în așezarea de Ciobruciu (campaniile 2004-2005) // Simpozion de Numismatică organizat cu ocazia comemorării Sfântului Ștefan cel Mare. Chișinău, 29 septembrie – 2 octombrie 2004. Comunicări, studii și note. – București, 2007. – P. 29-34.

²⁴ Синика В. К вопросу о хронологии памятников Тираспольской группы // Причерноморье, Крым и Русь в истории и культуре. Часть 1. – К.-Судак, 2004. – С. 111, рис. 1/1-4.

²⁵ Cetvericov I., Mateevici N. Un lot de piese epigrafice de la o așezare barbară de lângă râul Crasnaia în regiunea Nistrului Inferior // Tyragetia, XV. – Chișinău. – P. 44-47.

²⁶ Чеботаренко Г.Ф. Некоторые редкие находки второй половины I тысячелетия до н.э. в поселении Калфа // Труды Государственного историко-краеведческого музея. – Кишинев, 1969. – С. 58-60.

²⁷ Arnăuț T. Vestigii ale sec. VII-III a- Chr. în spațiul de la Răsărit de Carpați. – Chișinău. 2003. – P. 100.

²⁸ Рикман Э.А., Никулицэ И.Т. Гетское поселение Ханска // АИМ в 1981. – Кишинев, 1985. – С. 118-124

²⁹ Kašba M.T., Levițki O.G., Haheu V. P. Vestigii traco-getice pe Nistru Mijlociu // Biblioteca Thracologică, XXXI. – București, 2000. – P. 113.

О.Н. Мельников (Николаев, Украина)

ФАНАГОРИЯ И ГЕРМОНАССА – СИНОЙКИЗМ ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ И ИСТОРИИ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Производство монет «ΣΙΝΔΩΝ» в Фанагории (в городище, традиционно локализуемом на ю.-в. берегу Таманского залива рядом со ст. Сенной) обосновал А.Н. Зограф¹. Эту идею вместе с версией о чеканке данных эмиссий именно для нужд синдвов² Е. Похитонов³ развернул в предположение о синдском военном захвате и протекторате над Фанагорией с 411 г. до начала IV в. (даты античной истории даны до н.э.). Со «специфическими» накоплениями синдских царей исследователи⁴ связали и особый состав⁵ монет «ΣΙΝΔΩΝ». В согласование и развитие упомянутых исследований я предложил считать главным назначением «синдских» эмиссий – удовлетворение полисных потребностей самой Фанагории при реализации её финансово-коммерческих связей с денежными рынками других эллинических центров Боспора, например – Нимфея⁶. Этноним «ΣΙΝΔΩΝ»⁷ объясняется подражанием синдских вождей Спартокидам, чья тирания уживалась с демотиконом монет Пантикапея.

Варварский протекторат над городами Северного Причерноморья (в т.ч. нумизматически зафиксированный протекторат скифов над Никонием [«ΣΚΙΛ»], Ольвией [«ΕΜΙΝΑΚΟ»] и Нимфеем [«ΣΑΜΜΑ»]) я рассматриваю⁸, согласно гипотезе Ю.Г. Виноградова⁹, как «...установление определенных форм зависимости греческих полисов от того или иного варварского политического образования без интегрирования их в структуру последнего, выразившихся в контроле варваров в лице верховного правителя или его наместников и

ставленников над экономической сферой жизни полисов и во внеэкономической эксплуатации различных видов; взамен этого – определенные, в той или иной мере соблюдавшиеся гарантии варварских протекторов по обороне полисов». Исходя из пункта о «гарантиях» – очевидно, что варварский протекторат не носил по отношению к эллинским полисам однозначно насильственный характер. Полисы нуждались в защите от агрессивности других внешних врагов: преимущественно иноплеменных – по отношению к выбранному протектору – номадов.

При снятии противоречий в последнем варианте гипотезы о «синдских» монетах – существуют несколько связанных с ней, всё ж таки вызывающих недоумение вопросов. Прежде всего – отсутствие монетной чеканки Гермонассы (традиционно локализуемой в ст. Тамань) после прекращения в 438 г. полноценной деятельности Аполлонийского монетного союза, что привело к т.н. «параду суверенитетов» иных, помимо Пантикалея, полисных монетных чеканок Боспора: «синдской», Нимфея и Феодосии с середины 30-х гг. V в.¹⁰ Ведь Гермонасса, будучи старейшим полисом Боспора, на раннем этапе своей истории вполне могла выполнять роль столицы Боспора азиатского, – о чём можно судить по несколько более частым упоминаниям античными авторами Гермонассы, нежели Фанагории, хотя последнюю для более позднего времени Страбон (XI, 2, 10) прямо назвал «столицей».

Но если даже допустить, что политический и экономический вес Фанагории превысил те же гермонасские показатели уже к 438 г., то это, всё ж таки, не могло быть настолько значимым, чтобы полисный потенциал Гермонассы оказался ниже начавших автономную чеканку монет Нимфея и Феодосии. Полагаю, что такая ситуация объясняется синойкизмом Гермонассы и Фанагории, когда «синдская» монета выпускалась в одном из этих городов, однако совместно для них обоих как единого полиса. В таком случае становится понятным наличие у монет «ΣΙΝΔΩΝ» в их первой серии (ок. 436 – ок. 428 гг.) типологии гекты 454-428 гг. одной из метрополий Гермонассы – Митилены (о. Лесбос) «протома козла вправо с повёрнутой назад головой / сова с распушенными крыльями в фас»¹¹) и типа Теоса / Абдер (метрополии / сестринской колонии Фанагории) «грифон» в 3-й серии (ок. 411 – ок. 404 гг.) «синдских» монет. Появление митиленского типа на «синдских» монетах ранее теоско-абдерского указывает на первенствующую роль в этой чеканке Гермонассы, что предполагает и использование её монетного двора.

Также есть основание полагать первое проявление монетной чеканки самой Гермонассы уже с рубежа VI-V вв. до 479 г. – как выпуска временно эвакуированного, предположительно, в этот город из Пантикалея аполлонийского монетного двора – тип «2 точки» А.14,17,18¹²

и в последние годы (ок. 477 – ок. 470) этапа поздней архаики, выпуском анэпиграфного гемитетартемория типа А.66 «букраний / муравей», ранее отнесённого¹³ к чеканке Фанагории. Помимо этой коррекции, я снимаю предположение о фанагорийской принадлежности находимых по большей части в районе Сенной анэпиграфных гемиоболов типа «голова быка / квадрат»¹⁴, вследствие их, вероятнее всего, митиленского происхождения¹⁵. Таким образом, нумизматически реабилитируются значимость и статус Гермонассы как древнейшей столицы азиатского Боспора.

Причина, вызвавшая переход роли азиатской столицы от Гермонассы к Фанагории, как и предшествующий синойкизм этих полисов, объясняется, возможно, новой локализацией¹⁶ Фанагории у пос. Гаркуши (ю.-з. берег Фанталовского п-ова), а Гермонассы – у Сенной. После обнаружения в 1999 г. такой локализации – не появилось ни одного весомого опровержения этому, что само по себе весьма знаменательно. Страбон (XI, 2, 169) сообщает: «На азиатской стороне Боспора находятся значительные города Фанагория и Гермонасса». Если под «значительностью» – совместно с прочим – понимать ещё и размеры этих городов, то наибольшими из всех здесь являются именно городища у Гаркушей и Сенной – 53 и 55-60 га соответственно¹⁷; тогда как претендующее на название Гермонассы Таманское городище имеет площадь только около 25 га¹⁸.

Но самое главное, что безоговорочно убеждает в новой локализации, – так это прямой визуальный обзор занимающих нас городищ из одной какой-либо точки, например, с акватории входа в Корокондамское озеро (восточной части Таманского залива, которая в древности в его центральной части была разграничена сильно зауженными мысами, вытянутыми по линии с.-ю.¹⁹). Представляется просто невероятным допущение о путанице у Клавдия Птолемея именно по **взаиморасположению** Фанагории и Гермонассы, соотнесённых им приблизительно по оси с.-з./ю.-в., как раз и отвечающей **взаиморасположению** этих городищ у Гаркушей и Сенной.

При принятии последней локализации реальной представляется следующая историко-нумизматическая реконструкция. На рубеже 40-30-х гг. VI в. Гермонасса и выведенная на Боспор около второй половины 40-х гг. VI в. Фанагория объединяются с остальными полисами Боспора в торгово-экономическую конфедерацию во главе с Пантикапеем. Главной целью этого союза было проведение согласованной торгово-закупочной политики по отношению к окружающему варварскому населению, а также сбыта местных товаров на рынках Греции. Индикатором деятельности данной конфедерации с самого начала её возникновения стали монеты Аполлонийского монетного союза, чеканившиеся в Пантикапее на монетном дворе храма Аполлона (или предшествующего ему святилища)

по приказам членов конфедерации, – исключая в первых двух десятилетиях начала чеканки (ок. 543 - ок. 523 гг.) только саму общину Пантикапея, у которой был собственный (отдельный от храмового аполлонийского) монетный двор²⁰. Позже и до середины 60-х гг. V в. пантикапейская и аполлонийская чеканки разделялись номинально, и заказы полисов – членов Аполлонийского союза (включая и Пантикапей) – осуществлялись по старшим номиналам на монетном дворе Пантикапея, а по младшим (с добавлением к ним в виде исключения лишь одного старшего типа А.23) – на аполлонийском монетном дворе. Что и обеспечивало равноправное обращение на Боспоре пантикапейских и аполлонийских монет. Свидетельством членства Гермонассы в конфедерации являются два монетных выпуска²¹, предположительно изготовленные по специальным приказам Гермонассы на аполлонийском монетном дворе, о чём говорит аполлонийская типология их о.с.: «сложное перекрестие» (ок. 523 - ок. 520 гг.) и «4 точки» (ок. 505 - ок. 500 гг.)²². Эти гермонаско-аполлонийские тритетартемории типа л.с. «тюлень на черте»²³ – были отчеканены в связи с особо торжественными событиями в жизни Гермонассы.

Выгодное военно-стратегическое положение Фанагории (Гаркуши) позволяло этому городу контролировать образованный упомянутыми выше мысами главный проход между Киммерийским Боспором (Керченским проливом) и Корокондамитидой с расположенной на его ю.-в. берегу Гермонассой (Сенной). Что объективно побуждало Гермонассу к установлению самых дружеских отношений с Фанагорией, вплоть до синойкизма с ней. В не меньшей мере и Фанагория была заинтересована в Гермонассе, контролирующей прямые торговые пути в глубь территории синдов и меотов.

Точные даты рассматриваемых синойкизма и синдского протектората – не известны, но верхней границей их установления является время около 436 г., когда на монетном дворе Гермонассы началась чеканка первой серии «ΣΙΝΔΩΝ» с упомянутым выше гемиоболом, заимствующим тип митиленской гекты. О неслучайности этой связи с Митиленой говорит надежда восставших в 428 г. против Афин лесбосцев на подкрепление – хлеб и лучников с Понта (*Thuc.* III, 2,2)²⁴.

Фанагория также была привязана к «синдской» чеканке (ок. 436 - ок. 404 гг.) вследствие вхождения её в единый с Гермонассой полис, обслуживаемый гермонаским монетным двором и, соответственно, распространения синдского протектората и на Фанагорию. Угроза эллинам со стороны племенных объединений меотов и иных варваров с востока²⁵ вызвала к жизни синдский протекторат над Гермонассой и Фанагорией (а также и над другими греческими городами и поселениями

азиатского Боспора), согласно договора о котором, защита от меотов и была возложена на синдов.

К концу предпоследнего десятилетия V в. роль Фанагории в полисном её слиянии с Гермонассой усиливается, свидетельством чему служит 3-я серия «ΣΙΝΔΩΝ» с т.с. профанагорийским монетным типом Теоса / Абдер – «грифоном». Можно даже допустить перенесение монетного двора из Гермонассы в Фанагорию именно в это время, хотя вероятность тому не высока из-за близкой типологической и фактурной преемственности 2-й («голова Геракла / **конь**» – ок. 428 - ок. 411 гг.) и 3-й («грифон / **конь**») «синдских» серий.

Археологически зафиксированный для конца V в. штурм Гермонассы (Сенной)²⁶, приведший, очевидно, к сильнейшему погрому или, по крайней мере, к немалым разрушениям в этом городе, явился следствием той упомянутой выше номадо-меотской угрозы, которую в данном случае не смог отвести протекторат синдов. Само это тотальное нападение было спровоцировано вмешательством боспорского тирана Сатира I в проблемы власти синдского вождя Гекатея, приведшем к конфликту последнего со своей женой меотянкой Тиргатао (*Polyaen. Strateg.*, VIII, 55). В результате был разрушен такой базис синдского протектората, как гарантия безопасности местным эллинам за счёт междинастического синдо-меотского брака. Откуда можно даже предположить наличие у Сатира I изощренного замысла, нацеленного на разрушение синдо-меотского союза, что в перспективе вело к переориентации греческих полисов азиатского Боспора на покровительство Спартокидов.

«Соблазнительная»²⁷ археологическая догадка для даты ок. 404 г. упомянутого штурма Гермонассы полностью подтверждается уточнением хронологии – с конца лета 405 по весну 403 гг. – нимфейских монет группы «ΣΑΜΜΑ»²⁸. Прекращение их чеканки датирует и захват Нимфея Спартокидами, в связи с чем в этот полис перестала поступать автономная монета азиатской стороны Боспора. Ведь если наличие «синдских» монет для Нимфея – вполне обычное явление²⁹, то ни одной ранней фанагорийской монеты с надписями «ФА», «ФАНА» типа А.77-79, 84 – в Нимфее и на его хоре до сих пор не обнаружено. Поэтому находка в Нимфее уникального тетартемория «муравей / зерно» заключительного 4-го «синдского» выпуска³⁰ датирует его не позднее весны 403 г. Ок. того же времени, т.е. ок. 404/403 г., датируется и прервавший 4-й «синдский» выпуск штурм Гермонассы отрядами Тиргатао.

После меотского погрома Гермонассы гермонаско-фанагорийский полис отказался от протектората синдов как неэффективного или, по крайней мере, от некоторых по отношению к ним обязательств, в том числе, и от «синдской» чеканки. Политический центр рассматриваемого мегаполиса, как и монетный двор, перемещаются из

Гермонассы в Фанагорию (если это всё же не произошло ранее с выпуском третьей серии «ΣΙΝΔΩΝ»), которая уже от имени своей общины, начиная приблизительно с 402 г. и до середины 80-х гг. IV в. чеканит железную³¹ и серебряную монету с «ФА», «ΦΑΝΑ», как для себя, так и для Гермонассы. Выпуск автономных монет Фанагории был не столь интенсивен – в отличие от эмиссий «синдских», изготавливаемых, в основном, из немалых запасов серебра синдских правителей (о богатстве которых можно судить по Семибратним курганам). Но о Фанагории как о столице азиатского Боспора надо говорить, вероятно, именно с конца V в.

Вскоре после изгнания из Синдики местного вождя Октамасада³² гермонасско-фанагорийский полис вошёл в государство Спартокидов (фактически аннексировавших Синдику), обеспечив себе, тем самым, их военное покровительство. На момент этого вхождения чеканка отмеченных выше монет с «ФА», «ΦΑΝΑ» была прекращена. Последние события произошли компактно во времени около середины 80-х гг. IV в. вскоре или практически сразу (возможно, в течение одного и того же года) после подчинения Левконом I Феодосии³³.

Всё вышеизложенное является частью целостной и комплексной исторической концепции, связывающей отдельные факты в единой и непротиворечивой схеме, вне которой и иначе многие из этих фактов не находят себе полного и всестороннего объяснения.

¹ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. – 1951. – 16. – С. 169-170.

² Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. – М. 1956. – С. 43.

³ Pochitonov Eugen. Několik sporných otázek nejstarších bosporských mincí // Numismatický Sborník. – Praha. 1960. – VI. – С. 32-34, прим. 65.

⁴ Терещенко А.Е. «Синдские» монеты – монеты синдов // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. – СПб., 2001. – 16; Тохтасьев С.Р. Ещё раз о синдских монетах и синдском царстве // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – С-Пб., 2001. – Часть 1. – С. 68.

⁵ Смекалова Т.Н. Значение изучения состава монетных сплавов для античной нумизматики (на примере Боспора) // ДБ. – 2000. – 3. – С. 268.

⁶ Мельников О.Н. Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона» // МАИЭТ. – 2001. – VIII. – С. 411, 414, 415, 426, прим. 10; Были ли монеты у синдов? // Древний мир. – 2001. – 2; Боспорская государственность VI - начала IV вв. до н.э. по данным нумизматики // БКВМПАС. IV Боспорские чтения. Керчь, 20-24 мая 2003 г. – Керчь, 2003. – С. 181-182; К проблеме принадлежности «синдских» монет // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция, 11-15 апреля 2005 г. – М. 2005. – С. 27-28.

⁷ Тохтасьев С.Р. Ещё раз о синдских монетах... – С. 68; Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. – 2004. – 3. – С. 176-177.

⁸ Мельников О.Н. Нимфей, скифский вождь Саммак...; К гипотезе о скифском протекторате над Ольвией в V в. до н.э. // Древнейшие общности земледельцев и

скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). Материалы III Международной конференции. Тирасполь, 5-8 ноября 2002 г. – Тирасполь, 2002; Боспорская государственность....

⁹ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. – М., 1989. – С. 274.

¹⁰ Мельников О.Н. Монетная чеканка храма Аполлона в Пантикапее // Древнее Причерноморье (чтения памяти профессора П.О. Карышковского). Тез. докл. конф. 9-11 марта 1989 г. – Одесса, 1989; Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. 2000. VII; Нимфей, скифский вождь Саммак...; Боспорская государственность....

¹¹ Мельников О.Н. Были ли монеты у синдов? // Древний мир. 2001. 2. Рис. «монета Митилены»; Боспорская государственность... – С. 178, 16; Метрология монет Боспора второй половины VI - начала IV вв. до н.э. // Печати времени. Stratum plus. – 2005. – №6. – С. 344, рис. 51.

¹² Здесь и далее подобные обозначения монет даны по каталогу: Анохин В.А. Монетное дело Боспора. – К., 1986.

¹³ Мельников О.Н. Монеты античной Феодосии... – С. 213.

¹⁴ Мельников О.Н. Боспорская государственность... – С. 177, 5; Метрология монет... – С. 341-342, рис. 30, 31.

¹⁵ Ср.: Анисимов А.И. Монеты из раскопок Пантикапея 1977-1986 гг. // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ. – М., 1992. – 10. – С. 331, табл. 1. 254.

¹⁶ Зубарев В.Г. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции // ДБ. – 1999. – 2; Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. – М., 2005. – С. 343-346, 349-351.

¹⁷ Абрамов А.П. Амфоры VI-V вв. до н.э. из раскопок Патрея (раскопки 1985-1986 гг.) // Древности Кубани. Материалы семинара. – Краснодар. 1987. – С. 37; Городище Патрей. Периодизация и топография // Патрей. Материалы и исследования. – М., 1999. – 1. – С. 12-18; Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА, 197. – 1990. – С. 31, 33.

¹⁸ Зеест И.Б. 1974. Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. – 1974. – 4. – С. 85-86, рис.; Коровина А.К. История исследования Таманского городища // СГМИИ. – 1992. – 10. – С. 7; Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. – М., 2002. – С. 7; Финогенова С.И. К вопросу и границах и планировке античной Гермонассы // ТС. – СПб., 2000. – 3. – С. 48-49.

¹⁹ Зубарев В.Г. Историческая география... – С. 454, рис. 8.

²⁰ Мельников О.Н. Монетная чеканка...; Нимфей, скифский вождь Саммак... – С. 411-414; Боспорская государственность... – С. 178-180.

²¹ Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. – К., 1999. – С. 6, 17, рис. 1.6, 2.5, с. 21, прим. 1.

²² Мельников О.Н. Нимфей, скифский вождь Саммак... – С. 411, 427, прим. 12; Боспорская государственность... – С. 178; Метрология монет... – С. 336.

²³ Тюлень – монетный тип Фокеи, ближайшего к Митилене крупного ионийского полиса, жители которого участвовали, вероятно, совместно с митиленцами в основании Гермонассы (Dion. Per. 541-553 = Eust. Comm. in Dion. 549).

²⁴ Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. – М., 1982. – С. 272, прим. 34.

²⁵ Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоения сельских территорий восточного Крыма и Таманского полуострова в VI-V вв. до н.э. // БКВМПАС. Оікоз. VII БЧ. – Керчь. 2006. – С. 119.

²⁶ Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V - начале IV вв. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города»). Supplementum. ДБ. 2004. – I. – С. 16-90, 114.

²⁷ Завойкин А.А. Фанагория во второй половине... – С. 93, прим. 100.

²⁸ Мельников О.Н. Нимфей, скифский вождь Самма(...) и две измены Гилона // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок. – СПб., 2007. – С. 331-337.

²⁹ Мельников О.Н. Нимфей, скифский вождь Саммак... – С. 415.

³⁰ Мельников О.Н. Боспорская государственность... – С. 178, 18; Метрология монет... – С. 344, рис. 52.

³¹ Шалобудов В.Н., Шульга А.Н. К вопросу о чеканке железных монет в городах античного Боспора // Старожитності степового причорномор'я и Криму. Запоріжжя. XI. – 2004. – С. 286, рис. 1. *І. Я снимаю свою трактовку данной монеты (Мельников О.Н. Боспорская государственность... – С. 178, 19; Метрология монет... – С. 344, рис. 53) как серебряного обола, и определяю её вместе со всеми аналогичными железными монетами Боспора этапов ранней и средней классики – в роли гемитетартемориев.*

³² Перевод посвящения Левкона I из Лабриты см.: Тохтаев С.Р. Ещё раз о синдских монетах... – С. 67; Боспор и Синдика... – С. 156.

³³ Мельников О.Н. Боспорская государственность... – С. 181-182.

Е.С. Мельникова (Одесса, Украина)

КОЛЛЕКЦИЯ АНТИЧНЫХ ТЕРРАКОТ ИЗ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Одесскому археологическому музею по праву принадлежит место крупнейшего собрания древностей в Украине. Особое место занимает фонд античных предметов, среди них выделяется коллекция терракот, которая насчитывает более полутора тысяч статуэток и их фрагментов. Способы их поступления в музей различны: значительное их количество было подарено членами Одесского общества истории и древностей и Археологической комиссии или куплено у торговцев древностями во второй половине XIX – начале XX вв. Незначительное количество терракот привезено из Греции и Южной Италии. Остальные были найдены в результате археологических исследований на территории греческих полисов Северного Причерноморья: Ольвии, Тиры, Никония, поселений Днестровского лимана, Одесского залива, в святилище Ахилла Понтарха на острове Левке.

Интерес исследователей к коллекции терракот ОАМ НАНУ возникает еще с середины XIX в. Отдельные статуэтки из коллекции терракот ОАМ неоднократно публиковались на страницах периодических

изданий, начиная с середины XIX в. Особо следует отметить статью Н.П. Кондакова¹, опубликованную в Записках Одесского общества истории и древностей в 1879 г. Проанализировав ряд терракот, хранящихся сейчас в ОАМ, Н.П. Кондаков дал периодизацию развития коропластики и характеристику основных центров по производству терракот, отмечая при этом органическую связь между изделиями коропластики и древнегреческой культурой.

В конце девяностых годов ООИД опубликовало два выпуска терракот из собрания музея общества (90 статуэток).² Всем статуэткам дается детальное описание, приведены необходимые каталожные сведения и аналогии.

Фундаментальным изданием явился выпуск «Свода археологических источников», посвященный коропластике Северного Причерноморья который включает в себя описание терракот из коллекции ОАМ, найденные в Тире, Никонии, Надлиманском, Березани, Ольвии, на Левке, в Феодосии, Пантикапее, Ялте. Публикуются терракоты в отдельных статьях и монографических изданиях по отдельным памятникам. Огромная работа по систематизации коллекции терракот ОАМ НАНУ была проведена И.Б. Клейманом.³ Однако, несмотря на неослабевающий интерес исследователей к этой группе материала, значительная часть терракот собрания остается не опубликованной.

Предлагаемая нами информация касается общей характеристики коллекции терракот ОАМ. К сожалению, значительную группу терракот (около 430) составляют беспаспортные статуэтки, место их находки и история их поступления в музей неизвестны. Однако в этой группе есть яркие и интересные образцы.

Из паспортных коллекций самая крупная (650 терракот) происходит из Пантикапея. Эти статуэтки поступили преимущественно из частных коллекций, часто без уточненной информации об обстоятельствах их находок.

Особый интерес представляет коллекция терракот, происходящих из античных памятников междуречья Днестра и южного Буга. В ее числе находки из крупнейших полисов: Ольвии (61 экземпляр), Тиры (около 100) и Никония (около 50), а также из сельских поселений Нижнего Поднестровья (Надлиманское, Овидиополь, Затока) и поселений Одесского залива (Лузановка).

Незначительное их число относится к позднеархаическому и классическому времени. Они были изготовлены в центрах коропластики Средиземноморья и привезены в античные центры Причерноморья. Большая часть, начиная с раннеэллинистического периода, изготовлена в местных мастерских, иногда с использованием привозных форм или посредством копирования привозных экземпляров.

Коллекция терракот ОАМ содержит несколько очень редких статуэток. Во-первых, это очень своеобразная фигура женщины с головой медведицы, сидящая на троне. Статуэтка найдена на о. Березань. По мнению М.М. Кобылиной, перед нами культовая статуэтка Артемиды Бравронской, «медведицы», покровительницы диких животных.⁴

Интересен комплекс терракот, найденных в святилище у г. Ялта, раскопанном в 1905 А.Л. Бертъе-Делагардом. В ОАМ поступило девять экземпляров целых и фрагментированных статуэток с суммарным изображением женских фигур, которые, вероятно, являются изображениями женского божества, почитавшегося греческим и местным населением в Херсонесе.⁵

Чтобы представить коллекцию терракот ОАМ в целом, мы предлагаем рассмотреть ее по сюжетным группам.

I. В нее входят изображения верховных божеств греческого пантеона и их спутников. Многочисленны и разнообразны изображения Деметры и Коры-Персефоны, Афродиты и Эроса, Диониса и его фиаса.

II. Группа терракот, которая отражает явление синкретизма в верованиях понтийских колонистов – влияние Александрии, Малой Азии, Фракии, которое проявилось в статуэтках Афродиты-Исиды, Беса, Гарпократа, Митры-Аттиса.

III. Изображения героев и других мифологических персонажей: мужских (Геракл, Плутос, Иакх, Кабиры) и женских (Тиха, Медуза и др.).

IV. Гротесковые и культовые изображения (статуэтки с подвесными конечностями).

V. Бытовые сюжеты, т.н. жанровые статуэтки, которые, возможно имеют и скрытое культовое значение. Очень многочисленны статуэтки и фрагменты статуэток, изображающие мужчин, женщин, детей, с атрибутами (животные, музыкальные инструменты, предметы мебели) и без атрибутов. Эту группу составляют изображения актеров, танцовщиц, воинов, всадников.

VI. Изображения животных.

VII. Культовые предметы (плоды, алтари, саркофаги).

Коллекция терракот ОАМ содержит основные сюжетные группы и морфологические типы, характерные для развития античной коропластики. Таким образом, коллекция является источником для изучения многих вопросов культуры эллинов, в то же время она содержит яркие статуэтки, которые отражают особенности развития культуры эллинов в Северном Причерноморье. Через терракотовые статуэтки мы прикасаемся к великому наследию эллинов.

¹ Кондаков Н.П. Греческие терракотовые статуэтки и их отношение к искусству, религии и быту // ЗООИД. – 1879. – № 11.

² Деревицкий А.А., Павловский А.А., Штерн Э.Р. Музей императорского одесского общества истории и древностей. Терракоты. – Одеса, I – II, 1897 – 1898 .

³ Клейман И.Б. Терракоты ОАМ / Неизданный архив.

⁴ Кобылина М.М. Статуетка „Медведицы” с о. Березань // ВДИ. – 1948. – №3.

Г.М. Михайленко (Херсон, Украина)

ОСОБЛИВОСТІ РОЗВИТКУ УКРАЇНСЬКОЇ ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ В Х-XVII ст. У ВИСВІТЛЕННІ О. ЛОТОЦЬКОГО

На сьогоднішній день українська історична наука прагне до переосмислення багатьох сторінок вітчизняної історії, до формування нового бачення її сутності. Ці процеси сприяють активізації наукових студій у різних галузях: історія церкви, біоісторіографія тощо. Дослідження, присвячені історії розвитку церкви на теренах України, отримали новий імпульс розвитку протягом останніх 10-15 років. Сучасні історіографічні дослідження присвячуються вивченню життєвого шляху та наукового доробку осіб, діяльність яких були поза увагою радянських дослідників. Зокрема, вітчизняні історики активно досліджують наукові студії представників української еміграції. Крім того, у рамках становлення інтелектуальної історії зростає інтерес науковців не тільки до традиційного накопичення фактів про життєву долю маловідомої особистості, а й до особливостей її творчого зростання, психологічних змін, що відбувалися протягом життя людини.

Однією з таких постатей, що привернула увагу дослідників, є Олександр Гнатович Лотоцький – історик церкви і церковного права, письменник і публіцист, громадський і державний діяч. Останніми роками стала досить ґрунтовною наукова розробка питань, пов'язаних з життєвим шляхом О. Лотоцького (1870-1939 рр.): Ульяновський В.І. «Церква в Українській Державі у 1917-1920 рр.»; Воронин А.А. «Автокефалія Української Православної Церкви»; Андрусишин Б.І. «Церква в Українській Державі 1917-1920 рр.»; Верстюк В.Ф., Осташко Т.С. «Діячі Української Центральної Ради», Швидкий В.П. «Олександр Лотоцький: учений, громадський діяч, політик (1890-1930-ті рр.)». Однак, не слід забувати, що О. Лотоцький був ще й науковцем, і власне сфера наукових уподобань в значній мірі визначала напрямки його громадської та політичної активності. Впродовж усього життя головною темою дослідницьких розвідок вченого була історія православної церкви: основи автокефалії православних церков, особливості розвитку української православної церкви, джерела формування українського церковного

права. Тому більше уваги хотілося б приділити науковим уподобанням О. Лотоцького, дослідити еволюцію його поглядів на розвиток православної церкви на теренах України.

Кристалізація головних напрямків наукових студій почалася ще в роки навчання спочатку в стінах духовної семінарії, а потім – духовної академії. У духовній семінарії провідними темами для роздумів семінаристів були догми православного віровчення та визначальні історичні події церковно-релігійного розвитку. У цих рамках відбувалися і перші спроби аналізу церковно-релігійної історії і семінариста О. Лотоцького. Особливе зацікавлення викликала проблема розвитку православної віри на теренах України після Люблінської унії¹.

1892 р. Олександр став студентом Київської духовної академії. За час навчання в академії історія церкви поступово перетворюється на основний предмет його наукових студій. Починаючи з третього курсу під керівництвом професора І. Малишевського, який викладав в академії курс «История русской церкви», він опрацьовував тему про устрій української церкви. Випускна робота була пов'язана з дослідженням морального стану духовенства у XVIII ст. Вибір теми О. Лотоцький пояснював кількома чинниками. По-перше, його цікавила історія церкви протягом XVIII ст. зважаючи на нові умови, які склалися в цей період. По-друге, він прагнув показати життя українського духовенства, визначити чинники, які впливали на формування особливостей його положення². Результатом наукових пошуків стала стаття «Соборні криси на Україні та Білій Русі в XV-XVI ст.», що була написана українською мовою і вийшла у «Записках НТШ». Робота представляла досить ґрунтовне дослідження інституту церковного крису (або клиросу)³.

Надалі статті молодого дослідника торкалися питань обрядовості в православній церкві, умов розвитку української православної церкви в різні історичні періоди. Дослідник почав цікавитися добою Київської Русі, зокрема, тим, яку роль відігравали київські князі у становленні церкви на теренах України, досліджував особливості їх життєвого шляху. Однією з перших таких спроб став нарис «Святой князь-мученик Игорь Ольгович», в якому не просто подається нарис життя князя, а шукаються причини трагічних подій, що спіткали його.

Слід відзначити, що за роки перебування О. Лотоцького у Петербурзі (1900-1917 рр.) дослідження історії розвитку церкви, умов розвитку української православної церкви протягом X-XVIII ст. постійно поєднувалися з аналізом стану церковних питань на межі XIX-XX ст. Досліджуючи минуле, О. Лотоцький намагався розібратися і знайти вихід із сучасних йому проблем церковного життя.

Чотири роки участі у національно-визвольних змаганнях на теренах України (1917-1920 рр.) не могли не вплинути на спрямованість наукових студій дослідника. Участь у політичному житті української

держави, що намагалася здобути незалежність, спроби добитися визнання автокефалії Української Православної Церкви призводять до того, що надалі дослідження науковця будуть спрямовані переважно на те, щоб довести історичне право української церкви на самостійне існування. Ці погляди базувалися на переконанні, що українська держава має бути незалежною, а в незалежній державі повинна бути і незалежна церква⁴. Саме ця думка стає провідною при написанні О. Лотоцьким праць «Українські джерела церковного права», «Автокефалія», що стали узагальненням його досліджень з історії православної церкви.

Говорячи про шлях становлення української православної церкви як про «хресний», вчений насамперед розглядав його як постійну вимушену боротьбу за самостійний розвиток, яка часто була присутня в історії розвитку церкви на українських землях. О. Лотоцький виділяв етапи політичного життя українського народу, що мало свій відбиток на церковний розвиток, впливало на зміну статусу православної церкви на наших землях, на зміну завдань, що ставила перед собою церква. Як перший етап боротьби церкви за незалежність на теренах України, звичайно ж, дослідник розглядав період її становлення з моменту хрещення і до входження руських земель до складу Литви і Польщі. Однак завдання боротьби за цей період змінюються. Якщо протягом XI ст. – це було протистояння з царгородськими патріархами і спроби добитися не лише формальної, а й фактичної незалежності для руської церкви, то вже у XII ст. додається новий аспект – у результаті створення північної митрополії на руських землях починається внутрішнє церковне протистояння, яке підпорядковувалося політичній боротьбі між руськими князівствами. Роль церкви в житті руського населення на той час О. Лотоцький вбачав насамперед в тому, що митрополит, церква відігравали роль об'єднуючого чинника, адже князів було багато, митрополит – один. Проте, початок внутрішнього церковного протистояння зменшив цю роль, що зменшило і авторитет церкви загалом.

Наступний етап для української церкви дослідник виділяє з часу входження українських земель до складу Литви та Польщі. Посилення впливу православної церкви і зростання її авторитету, на думку вченого, відбувається у ході національно-визвольної боротьби на теренах України у XVII ст. І цей період О. Лотоцький розглядає як новий етап в розвитку української церкви.

Останній, найбільш руйнівний для української церкви етап, за словами дослідника, почався після Переяславської Ради 1654 р., адже відбулася поступова втрата всіх прав українською церквою. Серед найхарактерніших прикладів утисків, яких зазнала українська церква, О. Лотоцький наводить наступні факти: київського митрополита було позбавлено права називатися «митрополитом всея Руси», обмежується

територія київської митрополії, скасовується виборна засада в українській церкві, на митрополичі кафедри в Україні призначаються іноземці тощо⁵.

Рефлексії над історичною долею української православної церкви доповнюються дослідженням засад автокефалії у православній церкві. Перший том праці О.Г. Лотоцького «Автокефалія» присвячується розгляду загальних засад автокефалії церков (єдність християнської церкви, церковна соборність)⁶, другий – це нариси історії окремих церков (болгарської, сербської, румунської, молдавської)⁷. Результатом досліджень О. Лотоцьким автокефального устрою є проект статуту Автокефальної Церкви⁸. Відомо, що автор почав працювати і над третім томом, який мав бути присвячений виключно історії Української Православної Церкви. Та цей рукопис не був завершений і, як вважають, загинув під час війни.

Що ж стосується української церкви, то її прагнення до автокефалії О. Лотоцький вбачав ще з часів прийняття християнства Володимиром Великим. Князь Ярослав також намагався запровадити, точніше, як вважав вчений, відновити автокефалію руської церкви, проте, змушений був відмовитися від цього⁹. Прагнення до самостійної церкви в українців не зникало ніколи, підтвердження цьому Олександр Гнатович вбачав в тому, що вже у XX ст., з початком революції 1917 р., боротьба відновилися і урядом УНР 1.01.1919 р. було навіть прийнято Закон про автокефалію української православної церкви¹⁰.

Серед питань, на яких зосереджувалася увага О. Лотоцького, також треба виділити дослідження джерел церковного права на українських землях. Церковне право на теренах сучасної України дослідник розглядав як складову частину права вселенської церкви. Свідченням цієї церковної єдності, за визначенням вченого, є наявність загальних джерел церковного права: Святого Письма, символічних книг, постанов соборів, богослужбових книг. Саме їх він розглядає як «джерела внутрішнього права»¹¹. Розглядаючи як джерела церковного права богослужбові книги, дослідник детально з'ясовував, наприклад, історію появи на Русі та набуття місцевих особливостей так званих «Чиновників». Прийшовши до нас у X-XI ст., ці богослужбові книги вже у XV-XVII ст. мали яскраве національне забарвлення. Воно проявлялося, крім мови, у характерних побутових рисах, притаманних українській церкві. Саме з однією з таких пам'яток XIV ст., що отримала назву «Архieroатикон», О. Лотоцький зміг познайомитися в Українському Національному Музеї у Львові¹².

Подаючи аналіз церковного права, Олександр Гнатович не спинявся лише на внутрішніх, тобто суто церковних чинниках його формування, а приділяв значну увагу так званим «пам'яткам зовнішнього права української церкви», розглядаючи їх з часів Київської Русі до XX ст.: устави князів Володимира Великого та Ярослава Мудрого, ханські

ярлики, грамоти литовських князів та польських королів, договори гетьмана Б. Хмельницького з польською державою тощо¹³. Таким чином, за глибоким переконанням О. Лотоцького, наявність місцевих впливів на формування норм церковного права підкреслює національну особливість церкви, у тому числі й української православної церкви, і не заперечує ідею церковної єдності. Протягом останніх двох десятиліть життя вченого саме ця думка стала провідною в його наукових студіях. Грунтуючись на ній, О. Лотоцький намагався довести право Української православної церкви на визнання її автокефалії.

Таким чином, коротко охарактеризувавши особливості становлення наукової візії О. Лотоцького на розвиток православної церкви на теренах сучасної України, можна відзначити, що ця тематика була головною в наукових студіях вченого протягом всього життя. Змінювалися політичні реалії, напрямки життєвої діяльності самого дослідника, місця проживання, акценти наукових досліджень, проте головна тема залишалася незмінною – історія православної церкви. Хоча, О. Лотоцького, мабуть, не можна віднести до когорти істориків «першого» плану, проте його наукові здобутки та громадська активність заслуговують на те, щоб про них згадували наступні покоління. Історія православної церкви у рефлексії О. Лотоцького отримала багатовимірне трактування, різні сторони її розвитку здобули висвітлення у наукових розвідках вченого. Ще одним важливим аспектом є те, що дослідницькі студії вченого не були відірваними від повсякденного життя. Діяльність О. Лотоцького-науковця завжди тісно перепліталася з діяльністю О. Лотоцького-громадського діяча і була відповіддю на потреби громади.

¹ Тетради с ученическими сочинениями и записями А.И.Лотоцкого в бытность его в духовной семинарии // ЦДІА у м.Києві. – Ф.1225. – Оп.1. – Од.1. – Арк.1-8.

² Лотоцький О. Сторінки минулого. – Варшава. – (Праці /Укр. наук. інститут; т.6; Сер.: Мемуари; кн.1), ч.1. – 1932. – С. 122-145.

³ Там само. – С. 29-31.

⁴ Лотоцький О. Історичні основи нашої державної незалежності // Тризуб. – №7. – 7 лютого. – 1926 р. – С.3-7.

⁵ Лотоцький О. Хресний шлях української церкви // Тризуб. – 1927. – №43 (101). – 20 листопада. – С.5-10.

⁶ Лотоцький О. Автокефалія / Українська Православна Церква Київського патріархату. – К.,1998. – Т.1: Засади Автокефалії. – С.1.

⁷ Лотоцький О. Автокефалія / Українська Православна Церква Київського патріархату. – К.,1998. – Т.2: Нарис історії Автокефальних церков. – 354 с.

⁸ Лотоцький О. Автокефалія ... – К., 1998. – Т.1... – С.191-200.

⁹ Лотоцький О. Автокефалія... – К., 1998. – Т.2... – С.257-265.

¹⁰ Лотоцький О. Автокефалія української православної церкви // Українська загальна енциклопедія. Книга знання в 3-х томах / Під ред. І. Раковського. – Т.3. – Львів, 1935. – С.926.

¹¹ Лотоцький О. Українські джерела церковного права. – Варшава, 1931. – С.9-11.

¹² Лотоцкий О. Український Архиратикон. – Варшава, 1932. – С.3-6.

¹³ Лотоцкий О. Українські джерела ... – Варшава, 1931. – С.10-12.

П.Е. Михалицын (Харьков, Украина)

**ОБ ОСНОВНЫХ ЦЕЛЯХ СОЗДАНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОМ
ДОСТОИНСТВЕ ТРАГЕДИИ «ΧΡΙΣΤΟΣ ΠΑΣΧΩΝ»
(«СТРАЖДУЩИЙ ХРИСТОС»)**

После завершения эпохи гонения на христианство и окончательного изменения курса корабля римской государственности противостояние уже умирающей, но все еще реально существующей языческой партии и христианства перешло из чисто политической сферы в сферу культурно-идеологическую. Теперь язычество, лишенное политической поддержки, пыталось доказать всю серьезность своих мировоззренческих установок и противопоставить христианству всю мощь своего научно-культурного потенциала¹. Вот в таких непростых условиях «тесной конкуренции» и возникает совершенно особый жанр уже христианской литературы – евангельская парафраза.

Как отмечает С.С. Аверинцев, по буквальному значению термин «парафраза» означает «пересказывание», то есть ино-сказательное высказывание того-же-по-иному, «переложение», как бы перекладывание смысла из одних слов – в другие². Вот какую меткую характеристику этому «господствующему над ранневизантийской литературой фундаментальному поэтическому принципу» дает все тот же С.С. Аверинцев: «Среди обширной литературы «парафраз» и «метафраз» в эпоху перехода от античности к средневековью особую роль играли эксперименты, основанные на применении к библейскому материалу античных форм, – пересказывание Ветхого и Нового Заветов языком и размером Гомера на Востоке, языком и размером Вергилия на Западе. Форма выбиралась, таким образом, не по соответствию теме, а по противоположности к ней, «наперерез» ей; из-за этого как тема, так и форма выступали в несобственном, самоотчужденном, превращенном и «превратном» виде. Пределом такого подхода были так называемые центоны на библейские темы - мозаики из стихов или полустихий языческих поэтов, принужденных описывать как раз то, чего не могли бы описать языческие поэты...»³. М.Л. Гаспаров и Е.Г. Рузина в своей статье отмечают, что «слово «центон» буквально значит «лоскутная ткань», «сшитое из разных кусков одеяло», «покрывало», «плащ», «матрас» и т.п. В литературе оно приобрело значение: «стихотворение, составленное из стихов или частей стихов уже существующих произведений одного или разных авторов. В традиционной теории литературы центон рассматривается исключительно как поэтическая забава или курьез»⁴.

Следует отметить, что и парафраза в целом, и центоны в частности, призваны, уже по литературным особенностям своего построения «ввести читателя в сферу определенных настроений, ассоциаций и литературных аллюзий»⁵.

В новоевропейской литературе центоны практически не встречаются, а редкие их представители носят шуточный характер. Это объясняется отсутствием в этих произведениях примеров проявления индивидуальных чувств поэта и особым упором их авторов на передачу чужих слов и выражений, что совершенно неприемлемо в поэзии нового времени⁶. В ранневизантийское время техника центонов была наиболее распространена. Из греко-язычных примеров этого периода известен маленький центон о спуске Геракла в подземное царство, написанный св. Иринеєм Лионским и, разбираемый нами, «Страждущий Христос», приписываемый свт. Григорию Богослову⁷.

В этой статье мы предпримем попытку выявить и обозначить основные цели написания и литературное достоинство христианской трагедии «Страждущий Христос» – самой объемной представительницы центонной техники в византийской литературе. Но, вначале, попытаемся на примере этой трагедии рассмотреть, как в ней литературный материал языческой драматургии послужил конкретным христианским целям. Для этого попробуем в общих чертах разобраться с тем материалом, который автор использует для построения центона. Исследователям удалось установить, что автор трагедии «Страждущий Христос» заимствовал драматический материал из семи трагедий Еврипида («Гекубы», «Медеи», «Ореста», «Ипполита», «Троянок», «Реса» и «Вакханок»), из двух трагедий Эсхила – «Агамемнона», «Прометея» и из «Александры» Ликофрона⁸. Таким образом, драматургия Еврипида явилась основным материалом построения драмы. Именно Еврипид в своем драматургическом творчестве поставил серьезную философско-психологическую проблему: как свобода человеческой личности уживается с божественными предначертаниями.

Но, выдвинув эту проблему, великий трагик так и не смог ее разрешить. Он сам столкнулся с коллизией веры в судьбу и свободой человеческой личности. Поэтому Еврипид путем различных сценических нововведений пытался как-то сгладить остроту этой проблемы. Так, он ввел пролог непосредственно перед началом действия, в котором какому-нибудь божеству или заслуживающему доверия персонажу «приходилось зачастую, как бы гарантировать публике ход трагедии и рассеивать все сомнения в реальности мифа»⁹. То же, по сути, происходило и в конце драмы, когда Еврипид, «чтобы поставить для публики судьбу своих героев вне возможных сомнений»¹⁰ пользуется сценическим приемом «*deus ex machina*» (бог из машины) или использует в качестве эпилога

появление какого-нибудь бога, который и разрешает поставленные проблемы¹¹.

Все эти тенденции, заложенные в драматургии Еврипида, очень хорошо почувствовал автор «Страждущего Христа», поэтому именно трагедии Еврипида стали литературным базисом его произведения, и в этом основная причина приоритета этих трагедий перед произведениями Эсхила и Софокла.

Но что же дала техника постоянного цитирования классических образцов свт. Григорию Богослову? Действительно ли смешение лексики языческой драмы с лексикой библейского повествования могло гарантировать лишь комический эффект, попади такое произведение в руки образованного читателя¹²?

Думается, что подобные предположения могут иметь место лишь тогда, когда поэтическое наследие свт. Григория рассматривается без должного учета тех богословских задач, которые и обусловили его появление. Влагая в уста Богородицы речи еврипидовской Медеи и Гекубы, ликофоновской Кассандры и других персонажей, автор хотел показать, как «разрешается «противоречие» между традиционностью формы и новизной содержания»¹³, как фатальность маски античного театра преодолевается христианским богословием. Здесь происходит таинственная метаморфоза, приводящая к христианизации Еврипида и всего наследия древней Эллады. Читателю представляется возможность увидеть, что бы сделали Медея и Гекуба, будь они христианками. В «Страждущем Христе», как и в «Деяниях Иисуса» (парафраза Евангелия от Иоанна, принадлежащая перу известного поэта V в. Нонна Панополистанского) со всей очевидностью показано, как «эллинская «форма» становится мистически бесплотной, а евангельское «содержание» мистически материальным»¹⁴. В этой трагедии, как и в эпиграммах свт. Григория, «нормы классической литературы усиливаются, трансформируются, обретают «второй смысл» в свете новых богословских установок»¹⁵. «Страждущий Христос» показывает, как неразрешимые противоречия Еврипида могут с легкостью найти свое разрешение, когда они попадают на христианскую почву¹⁶. В этом и состояла одна из стратегических целей написания произведения.

Следующая, не менее важная цель написания трагедии – апологетическая. Богословский анализ содержания драмы показывает, насколько она насыщена догматическим содержанием, чем она и привлекла к себе пристальное внимание богословов, высоко ценивших попытку преподнесения догматов в драматизированной форме¹⁷. Уже Пролог драмы формулирует богословские идеи, направленные против ереси Аполлинария Лаодикийского¹⁸, не говоря обо всем драматическом материале, насыщенном мыслями о Божестве Спасителя и Его равенстве

Отцу, что, в свою очередь, весьма прозрачно намекает на антиирианскую направленность произведения¹⁹.

И есть, наконец, еще одна причина, существованию которой обязана своим появлением на свет эта трагедия. Речь идет о знаменитом эдикте от 17 июня 362 г., которым император Юлиан Отступник запретил преподавание христианским профессорам в византийских школах того времени²⁰. Удар, таким образом, приходился на христианскую молодежь, которая лишалась классического образования, а, следовательно, и какой бы то ни было перспективы развития в византийском обществе. Поэтому такие передовые люди христианской партии того времени, как Григорий Богослов и Аполлинарий Лаодикийский, создают произведения типа «Страждущий Христос», в которых классический материал греческой литературы умело замаскирован в христианское одеяние и мог бы быть использован в качестве учебного руководства для школы, заменив собой античных классиков²¹. Таким образом, молодым людям, которые больше всего любят словесное искусство, давалась «привлекательность в убеждении к полезному, подслащающая искусством горечь заповедей», как говорил об этом сам святитель²².

Итак, нами выделены, по крайней мере, три основные цели (причины) написания трагедии «Страждущий Христос»: богословская, апологетическая, дидактическая²³.

Что касается литературного и богословского достоинства произведения, то этот вопрос, как и многие другие, связанные с трагедией, стал предметом полемики. Так, одна часть исследователей считает, что произведение не имеет поэтического достоинства («трагическое в этой пьесе представлено весьма неудачно и автор странно использует драматургический материал Еврипида»)²⁴, его автор лишен самобытного таланта²⁵, едва ли разделял официальное христианское вероучение²⁶ и вообще все ее литературное достоинство состоит в том, что «...она может быть хорошим практическим аппаратом для исправления классических трактатов»²⁷. Другая же группа исследователей, наоборот, подчеркивает необычайную искусность составления трагедии²⁸, абсолютную серьезность, усугубленную сакральностью сюжета²⁹, глубину богословских построений автора (которое и позволяет говорить об авторстве Григория Богослова)³⁰ и мастерство в разрешении богословских и экзегетических проблем³¹, а также относит произведение к числу самых красивых из поэтического наследия святителя³². Такая противоположность мнений, на наш взгляд, напрямую зависит от непонимания глубины богословского содержания драмы. Исследователи первой группы, видя в трагедии только замысловатые и вычурные реминисцентные фокусы, зачастую не уделяли должного внимания богословию произведения. Такой подход

обесмысливал магистральную идею трагедии, затемняя главную цель ее написания.

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что сам факт существования такого незаурядного феномена византийской литературы, как трагедия «Страждущий Христос», наглядно демонстрирует, какой предельной степени напряжения достигла борьба умирающего язычества и все более крепнущего христианства после завершения эпохи гонений в IV-V вв. Эта борьба переходит в культурно-идеологическую сферу, что приводит к развитию такого литературного жанра, как евангельская парафраза. Одной из ее разновидностей является техника центона, где классический материал древнегреческой литературы обретает новый смысл, попав в христианский контекст. Точное уяснение целей написания христианской трагедии «Страждущий Христос» свт. Григория Богослова дает не только более объективную оценку литературного достоинства этой драмы, но и помогает выяснить значение и место этого знаменитого богословско-апологетического произведения в истории ранневизантийской литературы.

¹ О культурно-идеологическом противостоянии язычества и христианства см. статью В.И. Уколовой: Уколова В.И. Особенности культурной жизни Запада (IV – первая половина VII в.) // Культура Византии: IV – перв. пол. VII в. – М., 1989. – С. 78-97.

² Аверинцев С.С. Поэзия Нонна Панополитанского как заключительная фраза эволюции античного эпоса // Памятники книжного эпоса. – М., 1978. – С. 225.

³ Там же.

⁴ Гаспаров М.Л., Рузина Е.Г. Вергилий и вергилианские центоны (Поэтика формул и поэтика реминисценций) // Памятники книжного эпоса. – М., 1978. – С. 197.

⁵ Григорий (В.М. Лурье), иером. Время поэтов или PRAEPARATIONES AREOPAGITICAE: К уяснению происхождения стихотворной парафразы Евангелия от Иоанна // Нонн из Хмима. *Scrinium Philocalicum*. Tom. I (aev. V). – М., 2002. – С. 301.

⁶ Гаспаров М.Л., Рузина Е.Г. Вергилий и вергилианские центоны (Поэтика формул и поэтика реминисценций) // Памятники книжного эпоса. – М., 1978. – С. 197. Дополняя это высказывание, выделим еще и историческую причину угасания жанра центонной поэзии в последующие времена. После VI в. язычество окончательно уходит с культурно-политической арены Византии, давая возможность для бурного развития уже собственно христианской литературы, без преобладания полемической направленности. Но в IV-V вв., то есть в период особого расцвета жанра центонов, культурно-политическая ситуация была совсем иной. Именно острая полемика между христианством и язычеством – одна из главных причин возникновения центонной поэзии.

⁷ Гаспаров М.Л., Рузина Е.Г. Вергилий и вергилианские центоны (Поэтика формул и поэтика реминисценций) // Памятники книжного эпоса. – М., 1978. – С. 198.

⁸ Фрейберг Л.А. Драматическое сочинение, по Еврипиду излагающее нас ради совершившееся воплощение и спасительное страдание Господа нашего Иисуса Христа (Христос-Страстотерпец). Пер. С.С. Аверинцева // Памятники византийской литературы IX-XIV вв. / Отв. ред. Л.А. Фрейберг. – М., 1969. – С. 221. Андре Тюилье в «Index Locorum Auctorum Antiquorum» указывает помимо приведенных трагедий Еврипида еще на реминисценции из «Альцесты», «Андромахи», «Елены», «Ифигении в Тавриде», «Ифигении в Авлиде», «Просительнице», а также из «Илиады» Гомера [см.: Gregoire de Nazianze. La passion du Christ. Tragedie, introduction, texte critique, traduction notes et index de Andre Tuilier // Sources Chretiennes. – P., 1969. – № 149. – P. 343-355].

⁹ Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру. Пер. Г.А. Рачинского // Сочинение в двух томах. – М., 1996. – Т.1. – С. 105.

¹⁰ Там же.

¹¹ Тронский И.М. История античной литературы. – Л., 1996. – С.153.

¹² Фрейберг Л.А. Драматическое сочинение, по Еврипиду излагающее нас ради совершившееся воплощение и спасительное страдание Господа нашего Иисуса Христа (Христос-Страстотерпец). Пер. С.С. Аверинцева // Памятники византийской литературы IX-XIV вв. / Отв. ред. Л.А. Фрейберг. – М., 1969. – С. 221.

¹³ Журенко Н.Б. Архаическая образованность и новозаветная образованность в эпиграммах Григория Назианзина // Античная поэтика. Ритор. теория и лит. практика. – М., 1991. – С. 219.

¹⁴ Аверинцев С.С. Поэзия Нонна Панополитанского как заключительная фраза эволюции античного эпоса // Памятники книжного эпоса. – М., 1978. – С. 226.

¹⁵ Журенко Н.Б. Архаическая образованность и новозаветная образованность в эпиграммах Григория Назианзина // Античная поэтика. Ритор. теория и лит. практика. – М., 1991. – С. 219.

¹⁶ Gregoire de Nazianze. La passion du Christ. Tragedie, introduction, texte critique, traduction notes et index de Andre Tuilier // Sources Chretiennes. – Paris, 1969. – № 149. – P. 70-71, 73.

¹⁷ Фрейберг Л.А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху // Античность и Византия. – М., 1975. – С. 41.

¹⁸ Gregoire de Nazianze. La passion du Christ. Tragedie, introduction, texte critique, traduction notes et index de Andre Tuilier // Sources Chretiennes. – Paris, 1969. – № 149. – P. 65.

¹⁹ По мнению о. Иоанна Мейендорфа, именно своим одновременным противостоянием, как Арию, так и Аполлинарию и определилось никейское православие в формулировке Великих каппадокийцев, к числу которых принадлежал и свт. Григорий Богослов [см.: Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Иисус Христос в восточном православном богословии. – М., 2000. – С. 15].

²⁰ Успенский Ф.И. История Византийской империи VI-IX вв. – М., 1996. – С. 80.

²¹ Говоров А. Свт. Григорий Богослов как христианский поэт. – Казань, 1886. – С. 190. Дело в том, что христианской, в собственном смысле этого слова, школы тогда еще не существовало. Обучение в IV-V вв. проводилось по классическим древнегреческим образцам зачастую прежними, языческими преподавателями. На основании исторических фактов можно с уверенностью констатировать, что византийская школа интересующего нас периода была во многом еще языческой,

и сторонники языческого культа видели в ней «одно из последних прибежищ своей религии» [см.: Буасье Гастон. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке. Перевод с франц. под ред. и с пред. М.С. Корелина. – М., 1892. – С. 136].

²² Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского: В 2 т. – Б.м., 1900. Т 2. – С. 408.

²³ А. Тюилье, в одной из последних своих работ, приводит те же цели создания трагедии [см.: Tuilier A. Gregoire de Nazianze et le Christus patiens. A propos d'un ouvrage recent // Revue des Etudes grecques. – 1997. – № 110 (2). – P. 646]. С.С. Аверинцев указывает еще одну цель написания подобного произведения – на основании уяснения конструктивных черт жанровой формы трагедии автор должен был наметить пути к обновлению этой формы [см.: Аверинцев С. С. Попытки обновления формы античной трагедии в византийской литературе // Седьмая всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси. Тезисы докладов. – Тбилиси, 1965. – С. 99]. Указанная цель создания связана с литературными построениями произведения и, в конце концов, призвана служить богословским задачам автора.

²⁴ Шерр И. Всеобщая история литературы: В 2 т. 3-е изд. – СПб., 1879. – Т. 1. – С. 151.

²⁵ Грабарь-Пассек М.Е. Памятники поздней античной поэзии и прозы II-V веков. – М., 1964. – С. 20.

²⁶ Кочев Николай. Античная литературная традиция и византийские авторы. – София, 1982. – С. 163.

²⁷ Борис (Плотников), архим. История христианского просвещения в его отношениях к древней греко-римской образованности. Период второй. От торжества христианства при Константине Великом до окончательного падения греко-римского язычества при Юстиниане (313-529). – Казань, 1890. – С. 480.

²⁸ Алексидзе А.Д. Литература XI-XII вв. // Культура Византии. Вторая половина VII-XII в. – М., 1989. – С. 203.

²⁹ Аверинцев С.С. Византийские эксперименты с жанровой формой классической греческой трагедии // Проблемы поэтики и истории литературы: К 75-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности М. М. Бахтина. Сборник статей / Отв. ред. С.С. Конкин. – Саранск, 1973. – С. 255.

³⁰ Gregoire de Nazianze. La passion du Christ. Tragedie, introduction, texte critique, traduction notes et index de Andre Tuilier // Sources Chretiennes. – P., 1969. – № 149. – P. 71. В своем исследовании А. Спасский отмечает, что "в учении о Лице Иисуса Христа трагедия всецело следует Церкви" [см.: Спасский А. Историческая судьба сочинений Аполлинария Лаодикийского с кратким предварительным очерком его жизни. – Сергиев Посад, 1895. – С. 450].

³¹ Cottas V. Le drama de Gregoire de Nazianze "Christos Paschon" // Le theatre a Byzance. – P., 1931. – P. 232.

³² Tuilier A. Gregoire de Nazianze et le Christus patiens. A propos d'un ouvrage recent // Revue des Etudes grecques. – 1997. – № 110 (2). – P. 646-647.

В.И. Мордвинцева (Симферополь, Украина)
**«ПРИЧЕРНОМОРСКИЙ ГРАФИЧЕСКИЙ СТИЛЬ»
НА ФАЛАРАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ:
«ВОСТОЧНАЯ» И «ЗАПАДНАЯ» ГРУППЫ**

Такая категория предметов торевтики, как фалары конской упряжи, имеет особое значение в историографии изучения истории и культуры сарматов. В свое время эта группа предметов была использована в исторической концепции М.И. Ростовцевым для иллюстрации поступательного движения племен нового иранского происхождения с востока на запад¹. Эта модель интерпретации находок фаларов была до последнего времени ведущей в отечественной историографии².

В то же время, уже в середине XX в. стали появляться работы, в которых подчеркивалась связь найденных на территории Северного Причерноморья фаларов с западной (фрако-дакийской) группой³, которые практически не отразились на концепции сарматской культуры, разрабатываемой в отечественной литературе, за исключением последнего времени⁴.

Сейчас представляется вполне очевидным, что обнаруженные в вотивных кладах Северного Причерноморья серебряные украшения были изготовлены в местных мастерских. Но где же располагались эти мастерские: в античных городах Северного Причерноморья или «мастерами-культуртрегерами», как их определяет М.Б. Щукин⁵ вслед за Т. Тайлором?

В европейской литературе⁶ предпочтение отдается либо Ольвии, либо Пантикапею, но основаниями для этого служили, в основном, представления исследователей об историческом процессе в северопричерноморском регионе, а не анализ стилистических и технико-стилистических характеристик изображений на фаларах.

На самом деле, идея о том, что и «фракийско-дакийские» (Галиче, Серче, Хераштреу и др.), и «сарматские» (Янчокрак, Таганрог, Балаклея, Кореновск и др.) фалары были изготовлены в одном производственном центре, скорее всего, не соответствует действительности. Форма фаларов и предпочтение растительных мотивов в их декоре объединяют обе группы и позволяют отнести их к одному стилистическому направлению («Причерноморский графический стиль»). Тем не менее, в их оформлении использованы различные технико-стилистические элементы. Это свидетельствует, видимо, о том, что мастерских по производству этих вещей было несколько, и располагались они на территории как Северного, так и Западного Причерноморья.

¹ Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. – Oxford, 1922. – С. 136-138; Rostovtzeff M. *The Animal Style in South Russia and China*. – Princeton, 1929. – С. 44-45, 104.

² Тревер К.В. Памятники Греко-бактрийского искусства. – М.-Л., 1940; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М., 1984; Скрипкин А.С. Этюды по истории и культуре сарматов. – Волгоград, 1997.

³ Fettich N. *Archäologische Beiträge zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen*. In: *Acta Archaeologica*. T. III. – Budapest, 1953. – S. 127-178; Harmatta J. *Studies in the History and language of the Sarmatians*. *Acta Universitatis de Attila József Nominatae. Acta antiqua et archaeologica. Tomus XIII*. – Szeged, 1970; Sulimirski T. *The Sarmatians*. – Southampton, 1970.

⁴ Мордвинцева В.И. Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в III в. до н.э. - I пол. II в. н.э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. – С.-Пб., 1996; Мордвинцева В.И., Переводчикова Е.В. О формировании «причерноморского графического стиля» на фаларах II-I вв. до н.э. // *Античная цивилизация и варварский мир*. – Краснодар, 2000. – С. 51-64; V. Mordvinceva. *Sarmatische Phaleren*. Rahden, 2001.

⁵ Щукин М.Б. О фаларах так называемого Греко-Бактрийского стиля (к проблеме контактов Восток-Запад) // Захарова Н.А. (ред.), *Ювелирное искусство и материальная культура*. – СПб., 2001. – С. 137-161.

⁶ Fettich, Op. cit.; Harmatta, Op. cit.; Sulimirski, Op. cit.

С.О. Немцев (Херсон, Украина)

ФОРМИРОВАНИЕ ВЫБОРКИ ДЛЯ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АМФОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ФОРМАЛЬНОЙ ОСНОВЕ

В археологической литературе, посвященной типологическому анализу амфорного материала, основное внимание уделяется выделению и описанию типов целых форм, типов профильных частей и их корреляций, с последующей разработкой последовательной и относительной хронологии выделенных типов¹. Процедура типологического и хронологического анализа в достаточной мере формализована, что обеспечивает объективность и возможность верификации полученных данных. Слабым местом является недостаточная формализация процедуры формирования выборки. Которые, как правило, формируются по принципу визуальной близости морфологии и керамического теста анализируемого амфорного материала. Такой подход отбора материала вносит долю субъективизма. Как результат усложняется определение типа и центра по профильным частям.

Представляется, что данная проблема может быть решена путем распространения на формирование выборки материала для последующего

типологического анализа требований для разработки служебной классификации материала. И таким образом формирование выборки может рассматриваться, как процедура. Построение служебной классификации должна обеспечить такую организацию материала, которая позволит максимально быстро и просто производить поиск аналогий для новых предметов.

Для иллюстрации предлагаемой нами процедуры построения служебной классификации профильных частей амфор приведем материалы, полученные нами при классификации выборки амфорных ножек. Для построения классификации была сформирована выборка на материалах раскопок Белозерского поселения IV – первой четверти III в. до н.э. (раскопки археологической экспедиции Херсонского государственного университета 1998-2006 гг.). В состав выборки не были включены хиосские «колпачковые» потому что последние были подвергнуты анализу отдельно². Объем выборки составил 194 экземпляра. Весь материал был описан набором формальных признаков, семь из которых были качественными и девять – количественными. Для формирования набора формально выделенных признаков были использованы списки, составленные Внуковым С.Ю. и Монаховым С.Ю.³. Предложен следующий набор формально выделенных признаков:

1. Общий контур ножки: 1а – контур ножки самый простой, прямой или вогнутый; 1б – контур ножки имеет расширение, ниже которого, до подошвы, он снова сужаться; 1в – контур ножки внизу имеет специально выделенную и расширенную часть, которая представляет собой так называемую «кнопку».

2. Контур боковой поверхности ножки (боковой образующей): 2а – плавная вогнутая кривая; 2б – вогнутая кривая с заметным переломом.

3. Характер перехода от ствола к расширению ножки: 3а – под тупым углом;

3б – под прямым углом; 3в – под острым углом.

4. Характер оформления максимального расширения: 4а – выпуклая кривая;

4б – срезанный пояс; 4в – ребро.

5. Характер контура ножки ниже максимального расширения: 5а – выпуклая кривая; 5б – вогнутая кривая; 5в – верхняя кривая, нижняя прямая; 5г – верхняя прямая, нижняя кривая; 5д – срезанная прямая.

6. Соотношение верхней и нижней частей расширения: 6а – доминирует верхняя часть; 6б – доминирует нижняя часть; 6в – части условно равны.

7. Характеристика подошвы: 7а – коническая выемка; 7б – коническая выемка с «желудем» по центру; 7в – чашевидная выемка; 7г – чашевидная выемка с «желудем» по центру; 7д – цилиндрическая выемка; 7е – выемка отсутствует; 7ж – выемка забита.

8. Диаметр ствола.
9. Диаметр расширения.
10. Высота ножки.

11. Высота от уровня подошвы до места максимального расширения.

12. Глубина выемки.
13. Диаметр выемки.
14. Соотношение 8 и 9 признаков.
15. Соотношение 9 и 11 признака.
16. Соотношение 12 и 13 признака.

Предлагаемая процедура построения классификации предполагает независимое построение классификаций, основанных на качественных и количественных признаках с последующим их сопоставлением, что обусловлено отсутствием простых и адаптированных для решения археологических задач методов математической статистики, которые бы позволили сравнить между собой предметы, описанные как качественными, так и количественными методами без значительной потери информативности.

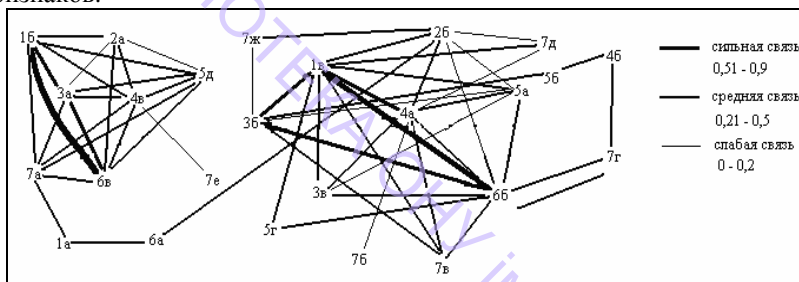
Для построения классификации на основании качественных признаков был использован алгоритм, предложенный Г.А. Федоровым-Давыдовым в котором учитываются статистические характеристики качественных признаков: нормированная информативность признака и коэффициент неравномерности⁴.

Как видно из диаграммы 1, признаки сосредоточены в одном облаке, которое характеризуется высоким значением нормированной информативности и низким значением коэффициента неравномерности. В таком случае невозможно провести классификацию признаков, ибо они

имеют приблизительно одинаковые характеристики информативности. Объяснить эту ситуацию можно тем, что в составе анализируемой выборки присутствуют вещи, принадлежащие к различным типам, в рамках которых распределение качественных признаков находится под влиянием различных тенденций. В рамках анализируемой выборки данные тенденции накладываются и не дают возможности установить иерархию признаков. Как результат все признаки в рамках рассматриваемой выборки должны быть признаны типобразующими.

Используемый нами алгоритм построения классификации подразумевает следующим шагом просчет между значениями качественных признаков коэффициента сопряженности для четырехпольной таблицы альтернативных признаков⁵. В связи с ограниченным объемом публикации полная таблица полученных результатов не приводится. Предлагаемый граф, демонстрирует систему позитивных достоверных связей между значениями качественных признаков.

Признаки объединились в два комплекса, первый, из которых включает в себя полный набор признаков, второй объединяет альтернативные значения признаков. Это свидетельствует, о том, что второй комплекс признаков включает признаки, присущие различным типам и не вскрывает до конца системы распределения качественных признаков.

После этого весь массив материала был разбит на устойчивые разновидности форм (УРФ – вариант соединения формально выделенных признаков)⁶. Всего их было получено 66 и им была присвоена римская нумерация. УРФ должны быть оценены по двум критериям массовости и типичности. В нашей ситуации, когда все качественные признаки являются типобразующими (диаграмма 1) следует уточнить:

1. *Сильным типом* может считаться УРФ в которой количество типобразующих позитивных связей больше 2/3 максимально возможного количества.

2. *Слабым типом* может считаться УРФ в которой количество типобразующих связей больше 2/3 максимально возможного количества, если между вариантами признаков есть негативные связи. В

случае, когда количество типобразующих связей меньше $2/3$ максимально возможного количества без негативных связей это *слабый тип*.

3. В случае, когда количество типобразующих связей меньше $2/3$ максимально возможного количества и присутствуют негативные отрицательные связями *нетипичная разновидности*. В нашем случае $2/3$ максимального количества типобразующих связей это 14.

Массовость УРФ оценивается из ходя из их доли в выборки (порог массовости, 1,5%). Массовых УРФ в анализируемой выборке 15 в них вошли 67% объема выборки. Обобщенные данные о массовых УРФ показанны в таблице 1.

XXII	1б-2а-3а-4в-5д-6в-7а	28,718%	массовый сильный тип
XVI	1б-2а-3а-4в-5а-6в-7а	7,692%	<i>массовый слабый тип</i>
XVIII	1б-2а-3а-4в-5а-6в-7е	7,179%	массовая нетипичная УРФ
II	1б-2а-3а-4а-5а-6в-7а	3,077%	массовая нетипичная УРФ
XXVI	1б-2б-3а-4в-5д-6в-7а	2,564%	<i>массовый слабый тип</i>
XLIV	1в-2а-3б-4а-5а-6б-7в	2,564%	<i>массовый слабый тип</i>
XVII	1б-2а-3а-4в-5а-6в-7в	2,051%	массовая нетипичная УРФ
XIX	1б-2а-3а-4в-5б-6в-7а	2,051%	<i>массовый слабый тип</i>
LI	1в-2а-3б-4в-5а-6б-7в	2,051%	массовая нетипичная УРФ
IX	1б-2а-3а-4б-5б-6в-7а	1,538%	массовая нетипичная УРФ
X	1б-2а-3а-4б-5б-6б-7в	1,538%	массовая нетипичная УРФ
XIII	1б-2а-3а-4б-5д-6в-7в	1,538%	массовая нетипичная УРФ
XXIII	1б-2а-3а-4в-5д-6в-7в	1,538%	<i>массовый слабый тип</i>
XXXIX	1в-2а-3а-4в-5г-6б-7в	1,538%	массовая нетипичная УРФ
LV	1в-2а-3в-4а-5а-6б-7в	1,538%	массовая нетипичная УРФ

Данные о распределении типичных и нетипичных связей в ядрах массовых УРФ собраны в графах распределения связей в таблице2.

Классификация материала с учетом количественных методов была проведена с применением метода просчета евклидового расстояния между предметами в n-мерном гиперпространстве формально выделенных признаков с дальнейшим кластерным анализом полученной матрицы данных агломеративно-иерархическим методом⁷. Результаты расчетов и кластерного анализа представлены в виде дендрограммы.

На дендрограмму классификации количественных признаков были нанесены данные о принадлежности ножек к той или иной массовой УРФ. Была получена картина концентрации ножек принадлежащих к одной УРФ в рамках одного кластера.

Таким образом, наметилась возможность сформировать выборки материала с близкими морфологическими и метрическими характеристиками, которые могут служить исходным материалом для дальнейшего типологического анализа. Также полученная система организации материала по УРФ и расчету евклидового расстояния позволяет производить на объективной основе поиск аналогий в рамках обработанной выборки.

¹ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров - экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. – М.-Саратов, 2003; Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н.э. – М., 2003.

² Былкова В.П., Немцев С.О. Разработка типологии “колпачковых” ножек хиосских амфор на основе статистического анализа формально выделенных признаков // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы XII Межд. науч. конф. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 55-58; Былков В.П., Немцев С.О. Статистико-комбинаторный анализ как основа типологии и хронологии “колпачковых” ножек (по материалам Белозерского поселения). В печати.

³ Внуков С.Ю. Указ. соч.; Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического. Опыт системного анализа. – Саратов, 1989.

⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. – М., 1987. – С. 115-117.

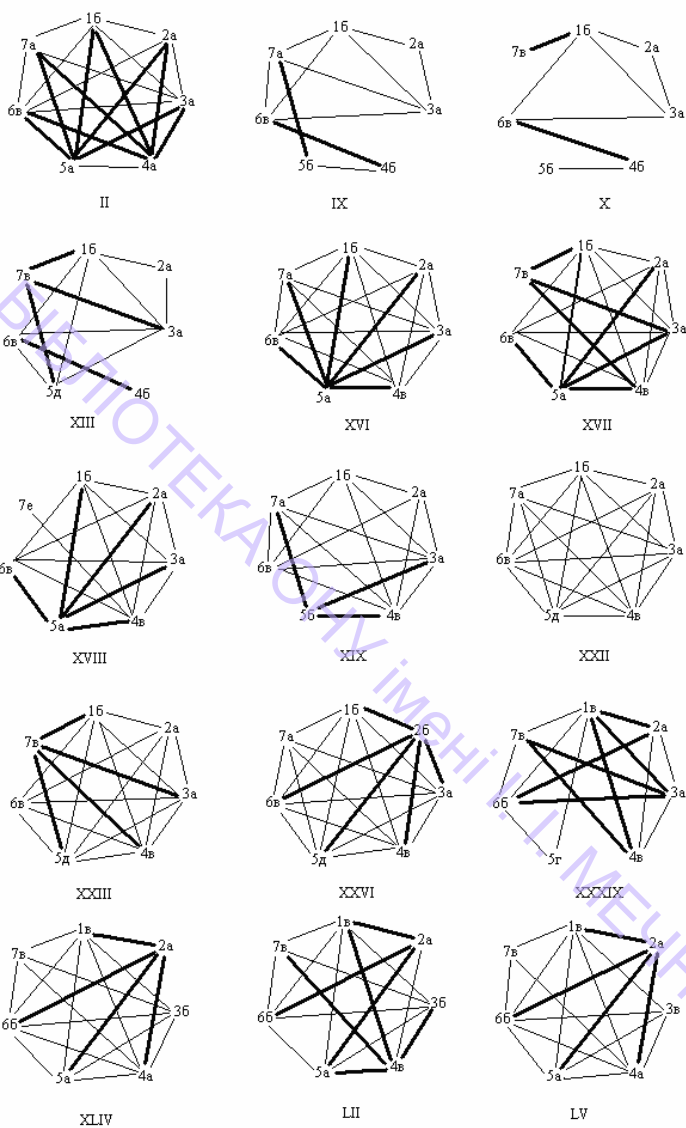
⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. – С. 97-98.

⁶ Деопик Д.В. Соотношение статистических методов, классификаций культур и культурно-статиграфических характеристик в археологическом исследовании // КИСА, вып. 148. – 1977. – С. 5.

⁷ Внуков С.Ю. Указ. соч. – С. 181-182.

Таблица 2
Распределение типичных и нетипичных связей в ядрах массовых УРФ

— типичная связь
— нетипичная связь

ОЛДЖЕРНОН СИДНЕЙ О ФОРМАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ

Олджернон Сидней (1622-1683) – английский политический мыслитель, аристократ, бросивший вызов тирании Стюартов – своей яркой, исполненной сражений и политической борьбы жизнью, а также смертью, отважно встреченной на эшафоте, снискал в XVII-XVIII вв. славу героя и мученика за свободу. Особым блеском она просияла по ту сторону Атлантики в период борьбы американских колоний за независимость. Главный труд Сиднея (1680-1683 гг) «Рассуждения о государственном правлении» стал, по мнению Томаса Джефферсона, одним из главных идейных источников Декларации Независимости¹.

Слава мирская, однако, проходит. В англофонной историографии XX в., традиционно внимательной к персонажам своей истории, О.Сиднею посвящено на удивление мало работ², а «Рассуждения»³, впервые изданные через 15 лет после гибели их автора, лишь в недавно увидели свет в современном академическом издании. В украинско- и русскоязычной историографии политические идеи О.Сиднея освещены крайне скудно.

Цель данной статьи – проанализировать один из аспектов политических воззрений Олджернона Сиднея – его представления о формах государственного правления. На протяжении своего пространного и, надо признать, далекого от упорядоченности произведения Сидней множество раз обращается к вопросу о государственных формах и рассматривает его, как, впрочем, и все остальные, основываясь на доводах разума и историческом прецеденте. Светский рационализм в высокой степени присущ автору «Рассуждений». Что касается исторических примеров, то Сидней, обладая завидной эрудицией, насыщает и перенасыщает ими свой трактат. Это факты из библейской, античной, средневековой истории, из прошлого Англии, Франции, Италии, Германии, Испании, Турции и многих других стран. Особенно близок Сиднею Древний Рим, и он не скрывает восторга по поводу совершенств Римской республики.

Общий взгляд О.Сиднея на формы государства вполне соответствует европейской традиции политической мысли, восходящей к «Политике» Аристотеля: основных их три – монархия, аристократия и демократия⁴. Логика сиднеевского трактата заставляет начать с ненавидимой им разновидности монархии – абсолютной. Дело в том, что «Рассуждения» – произведение в значительной мере полемическое. Главной, хотя не единственной, мишенью острой, а зачастую просто беспощадной критики был политический трактат «Патриарх», принадлежавший перу умершего в 1653 г. автора-роялиста Роберта

Филмера⁵. Написанный, вероятно, в 40-е гг. XVII в., «Патриарх» был впервые издан в период Реставрации в 1680 г. и оказался, таким образом, в центре идейно-политической борьбы кануна Славной революции.

Отношение О. Сиднея к Р. Филмеру – особая тема⁶. Сейчас существенно, что Филмер был сторонником абсолютной монархии в ее не английском, а, скорее, континентальном варианте, последователем Жана Бодена, выступившим против каких-либо смешанных форм за нераздельность власти монарха. Оспаривая положения Филмера, Сидней утверждает, что абсолютная монархия, при которой король правит по своему произволу, «для себя», не считаясь с законом страны и интересами подданных, – это тирания, наихудшая из форм правления: она вредна, ибо несет человечеству «порок, нищету, разорение и бесчестье»⁷.

Таким образом, негативный политический идеал О. Сиднея очевиден, причем настолько, что в литературе нередко оценки взглядов Сиднея как республиканских, в крайнем случае, аристократически республиканских⁸. Между тем, нигде на протяжении «Рассуждений» их автор не высказывает предпочтения республике перед другими формами правления. Как это ни странно, Сидней, беспощадно расправляясь с идеологией абсолютизма, по отношению к иным политическим формам проявляет широкую терпимость, несколько рассеянное благодушие. Их так много, в разных странах они зависят от характера того или иного народа и массы прочих обстоятельств⁹. Главное внимание Сиднея направлено не на эти частности (хотя он щедр на исторические примеры), а на фундаментальные принципы возникновения и жизнедеятельности государства. Это равенство людей от рождения, благо народа как высший закон (*Salus populi est Lex Suprema*¹⁰), общественный договор (*Consent of Nations*) и суверенитет народа.

В связи с этим на передний план выдвигается понятие 'popular state' (или 'popular government'), воплотившее в себе все вышеназванные принципы. Это государство, созданное по свободному соглашению людей, заключивших общественный договор, и управляемое в соответствии с законом страны для общего блага. Власть в таком государстве подконтрольна народу, который может изменить в случае необходимости форму правления или сместить правителя. Характер возникновения и жизнедеятельности такого государства взаимосвязаны: Сидней убежден, что государство, созданное путем захвата, а значит – против воли народа, не может быть справедливым т.к. «насилие и обман не могут создать права»¹¹. Государство же, созданное в результате народного соглашения ('free consent of the willing People'), «стремится увеличить численность, силу и богатство народа»¹³, у него нет интересов, отличных от интересов общества (Publick). В описании функций «народного государства» Сидней лаконичен: он указывает лишь, что оно

вершит правосудие, сохраняет мир внутри страны, способствует росту торговли, поддерживает боеспособность армии.

«Народное государство» у Сиднея может выступать в любой форме, в том числе монархической, если народ отдал ей предпочтение. «Не существует формы, назначенной Богом или природой»¹³ – пишет он. Наоборот, Богу угодно то, что является благом для народа¹⁴. Соответственно, народными можно назвать не только Римскую державу (до захвата власти Цезарем), Афины или Спарту, но и многие другие государства, которые обычно именуются монархиями, и где король правит по закону. Так, монархическую форму первоначально избирали для себя народы Израиля, Иудеи, Рима, Спарты, Франции, Испании, Англии¹⁵.

Разумеется, это не относится к абсолютным монархиям, таким как, например, современная Сиднею Франция или Турция, где народ бедствует¹⁶. Абсолютная монархия, или тирания, по Сиднею, генетически связана с узурпацией власти, а также моральным упадком и порчей нравов ('corruption') правителей и их подданных. Она складывается, когда правитель, опираясь на силу негодяев – сторонников и подкупленные войска, начинает нарушать законы и править тиранически, возведя в закон свою злую волю. Так было в Римской империи, в «королевствах мавров и арабов», таковы тирания Эццелино в Падуе, Висконти и Сфорца в Милане, Каструччо Кастракани в Лукке, Цезаря Борджиа и др¹⁷.

Может сложиться впечатление, что форма государства не столь уж важна для О.Сиднея: не она, а реализация принципа *Salus populi* и моральные факторы делают государство «народным». Между тем, автор «Рассуждений» с настойчивостью, снова и снова, обращается к теме форм государственного правления. Он не скрывает своих предпочтений: они принадлежат «смешанной форме».

Сидней пишет, что в мире не существовало ни одного хорошего (good) государства, которое не имело бы в себе черт трех основных политических форм – монархии, аристократии и демократии¹⁸. Именно такое правление обычно избирает народ, заключая общественный договор, как наиболее отвечающее его интересам. Такова была Римская республика, а также древняя английская конституция. Европейские королевства – Франция, Испания, Польша, Венгрия, Дания, Швеция и др., с выборной или наследственной властью короля, – имели особые политические органы (парламенты, рейхстаги, сословные собрания, кортесы и т.д.), которые делили власть с монархом, а в случае необходимости компенсировали слабость правителя или способствовали переходу короны от одной династии к другой¹⁹.

В «смешанных» государствах народ контролирует королевскую власть через своих представителей, наименование же они получают о той части, которая преобладает²⁰. Являются ли они в таком случае «народными»? Нельзя сказать, что положительный ответ четко

сформулирован Сиднеем, но он находит себе дорогу среди бесчисленных сюжетов из Священной и светской истории.

Казалось бы, что может быть естественнее для англичанина, чем симпатии к «смешанной» форме правления? Традиционно, по крайней мере, с XV ст. английские политические мыслители (за редким, хотя и существенным, исключением Т. Гоббса и Р. Филмера) характеризовали английскую монархию как «правление короля в парламенте». История Английской революции XVII в. дает немало подтверждений живучести этого политического идеала²¹.

Ряд обстоятельств, однако, не позволяет без оговорок причислить О.Сидней к доброй английской традиции. Прежде всего, это широкий европейский контекст его «Рассуждений», далеко выходящий за пределы туманного Альбиона²². Не менее идейного важен контекст социально – политический. О.Сидней – активный участник ранней вигской оппозиции, возглавляемой графом Шефтсбери. На роковом судебном заседании 1683 г. цитаты из «Рассуждений» об ответственности короля перед народом и праве народа сместить неугодного ему правителя приводились как прямые обвинения. В Англии кануна Славной революции идеи «народного», «смешанного» правления служили ниспровержению абсолютистского режима и утверждению в обществе политических форм, принадлежащих по содержанию Новому времени.

Примечания:

¹ Gowdy J.D. The Forgotten Founder. July 4th, 2001. - <http://www.liberty1.org/>

² Ewald A.C. Life and Times of Algernon Sidney. – V. I-II. – L., 1873. В последние годы интерес к идеям О.Сиднея несколько оживился: Scott J. Algernon Sidney and the English Republic 1623 – 1677/ - 1988; Silver V. Sidney's Discourses on political imagoes and royalist iconography// Writing and Political Engagement in Seventeenth-century England/ Ed. By Derek Hirst and Richard Strier. – Cambridge, 1999.

³ Sidney A. Discourses concerning Government. – L., 1698. (Далее – Discourses).

Нетрудно заметить, что предложенный перевод названия работы не является буквальным, однако он точно передает его смысл и соответствует содержанию работы. Данный Ю.М. Сапрыкиным вариант перевода – «Рассуждения о правительстве» (См. Английская буржуазная революция XVII в. / Под ред. Е.А.Косминского и А.Я. Левицкого. – М., 1954. – Т.2. – С. 207.) – на наш взгляд, искусственно суживает проблемное поле трактата Сиднея.

⁴ Discourses. – P. 130.

⁵ Patriarcha; or the Natural Power of Kings. By the Learned Sir Robert Filmer, Baronet. London, Printed for Ric.Chiswell in St. Paul's Church-Jard, Matthew Gilliflower and William Henchman in Westminster Hall, 1680 // A Collection of the Several Tracts written by Sir Robert Filmer, Knight. – L., 1684. О Р.Филмере см. Немченко И.В. Политические идеи Роберта Филмера // Проблемы Британской истории. – М., 1990. – С. 36-63.

⁶ Nemchenko I. 'Adamite Theory' attacked: Algernon Sidney vs. Robert Filmer // Compilation of Papers to be presented at the Colloquium on Political Hebraism: Jewish Sources in the History of Political Thought. – Jerusalem, 2006.

⁷ Discourses. – P. 123.

⁸ Себайн Дж., Торсон Т. Історія політичної думки. – К., 1997. – С. 456.

⁹ Discourses. – P. 102.

¹⁰ Ibid. – P. 90.

¹¹ Ibid. – P. 23.

¹² Ibid. – P. 165.

¹³ Ibid. – P. 155.

¹⁴ Ibid. – P. 94.

¹⁵ Ibid. – P. 245.

¹⁶ Ibid. – P. 155. О Франции, по землям которой Сидней много странствовал в период эмиграции, он пишет, что красота ее фальшива и разукрашена, зная там проявляет недовольство, а народ голодает и пребывает в отчаянии (Ibid. – P. 171).

¹⁷ Ibid. – P. 246.

¹⁸ Ibid. – P. 130-133.

¹⁹ Ibid. – P. 246.

²⁰ Ibid. – P. 23.

²¹ Smith D. L. Constitutional Royalism and the Search for Settlement, c.1640-1649. – Cambridge, 1994. См. также; Немченко И.В. Идея “смешанной монархии” в роялистской политической мысли Англии 40-х гг. XVII в. //Записки історичного факультету. – Вип.5. – Одеса, 1997. – С. 247.

²² Рамки статьи, к сожалению, не позволяют остановиться на проблеме европейских культурных влияний, которые явно прослеживаются в «Рассуждениях». Имеются в виду, в первую очередь, ренессансная традиция политической мысли, представленная в республиканских идеалах Н.Макьявелли, и политические идеи французских тираноборцев 70-х гг. XVI ст.

Н.А. Николаева (Ростов-на-Дону, Россия)

ВКЛАД М.Б. КРАСНЯНСКОГО В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Имя Михаила Борисовича Краснянского в первую очередь известно археологам и любителям истории Донского края.

Михаил Борисович Краснянский родился 2 сентября 1873 г. в семье донского казака Б.А. Краснянского¹. В 1890 г. закончил Новочеркасское окружное училище² и продолжил свое образование в Лисичанской Штейгеровской школе, по окончании которой получил звание штейгера³. С 1896 по 1899 г. он заведует горным делом г. Ростова-на-Дону и состоит в должности городского техника. В его бумагах есть такая запись: «По профессии я горный техник, гидролог, осуществляю надзор за разработками глины, камня и песка, постоянно пересматриваю живую летопись земли»⁴. Специфика его работы оказала большое влияние на его общественную деятельность в будущем. Будучи человеком очень любознательным и увлекающимся историей, он начинает собирать коллекции археологических находок. Коллекцию для музея он собирал 12 лет, с 1894 г. по 1904 г. Первоначально это были археологические находки

из карьеров, где ему приходилось работать по долгу службы. В этот период М.Б. Краснянский предлагает создать городской музей, но городские власти прохладно отнеслись к этой идее. «Купечество не захотело музея, не захотело даже дать помещение под коллекции» – «у нас и так тесно» отвечали торгаши. Пришлось два ящика костей мамонта, носорога, первобытного быка и предметов археологических находок на Ростовском городище в устье р. Темерник – все это взять и повезти в Одессу, где мне предложили лучшее место работы на Одесских каменоломнях».

Там Михаилу Борисовичу помогли разобраться в его находках профессор Эрнст Романович фон-Штерн, И.А. Линниченко, В.Э. Крусман и другие. Именно они, пишет М.Б. Краснянский, первыми оценили значение Ростова в археологическом отношении⁵. С 1899 по 1906 г. М.Б. Краснянский заведует горными делами Херсонской, Бессарабской, Киевской, Подольской, Черниговской губерний, а также горными делами г. Одессы. В этот же период М.Б. Краснянский был командирован за рубеж на средства Общества штейгеров Южной России для знакомства с постановкой горнопромышленного дела. В течение этих четырех месяцев он осматривал музеи Германии, Франции, Бельгии, Австро-Венгрии, а также работал в архивах и библиотеках⁶. В 1906 г. М.Б. Краснянский с семьей возвращается в Ростов и занимает должность городского штейгера.

М.Б. Краснянский стоял у истоков основания городского музея, в котором он продолжительное время был хранителем (с 1906 по 1917 гг.), и в котором проработал в общей сложности 23 года, причем безвозмездно⁷.

В 1909 г. по предложению М.Б. Краснянского было создано Ростовское общество истории, древностей и природы⁸. Археологическая деятельность данной организации была достаточно скромной по обычной для того времени причине – отсутствию необходимых средств. Протокол одного из заседаний Общества и его правления свидетельствует о выделении лишь 100 рублей для проведения раскопок. Данной суммы хватало для проведения работ только на территории города или в его ближайших окрестностях⁹. Так в 1912 г. начались раскопки сразу двух больших курганов: Олимпиадовского кургана, находившегося в 3 верстах от г. Ростова-на-Дону, и Братского кургана, находившегося на выгонной земле города, на продолжении Братского переулка, вблизи дороги, ведущей на городские дачи¹⁰. В 1917 г. М.Б. Краснянский был арестован по обвинению в черносотенной пропаганде. Это был первый арест.

В декабре-январе 1920 г. Ростов трижды переходил из рук в руки, пока окончательно не перешел к красным. В этот период М.Б. Краснянский работает в Донской продовольственной комиссии¹¹. В 1923 г. действительным членом СКОАИЭ М.Б. Краснянским было

открыто Ростовское городище, которое и обследовалось им в течение 1925-26 гг.

В советский период М.Б.Краснянский становится активным членом Краевого Общества археологии, истории и этнографии. В Ростовском государственном архиве хранится удостоверение № 526 от 10 марта 1930 г., выданное СКОАИЭ Краснянскому М.Б.¹²

Сотрудники СКОАИЭ (РОМК КП 17605). Сидят (слева направо): А.Т. Стефанов, Н.Н. Любович, В.А. Городцов, А.М. Ладыженский, А.М. Ильин, И.П. Козловский. Стоят (слева направо): М.А. Миллер, М.Б. Краснянский, И.И. Ногин, Б.В. Лунин, Л.А. Ширман, Л.А. Абаза, С.А. Вязигин, М.Л. Ямпольский.

В 1931 г. произошел второй арест. Обвинение было предъявлено восьми историкам – краеведам, проводивших «вредительскую работу в краеведческих организациях и занимающихся обсуждением различных политических вопросов». По приговору все они должны были быть выселены из Ростова в кратчайшие сроки. М.Б.Краснянский был сослан в Сталинград. Там он работал в тресте строительной промышленности в должности инженера, жил в номерах гостиницы «Москва». Сохранилось заявление полномочному представителю ГПУ Н. Волжского края от Краснянского М.Б., в котором он просит освободить его от надзора, дабы он мог вернуться в Ростов-на-Дону. «Для Сталинграда я использован на все 100%, я по мере своих сил принимал участие в разыскивании камня для строительства Сталинграда, обучал комсомольцев инженерному искусству» (датируется документ октябрём 1932 г.)¹³. В 1932 г. М.Б. Краснянский досрочно возвращается в Ростов, но почти сразу же он был арестован в третий раз.

В конце 30-х гг. Краснянский обращается в музей с просьбой принять его на работу или купить у него архивный материал, но с администрацией музея отношения не сложились. Начинается война, в

1942 г. происходит вторая оккупация Ростова, и последующие события, которые происходят в жизни М.Б. Краснянского, не совсем ясны. Существует несколько версий дальнейших событий. По одной из версий, он был вынужден работать на немцев за продуктовые карточки, т.к. у него на руках была больная жена. Для немцев он должен был выполнить карту – схему Ростова с уже разрушенными в городе зданиями.

В феврале 1943 г. произошло освобождение Ростова, и в этом же году М.Б. Краснянского арестовали за активную деятельность на пользу немцам. В результате он был осужден Военным трибуналом войск НКВД по Ростовской области по ст. 58-1а и 58-11 УК РСФСР на десять лет лишения свободы¹⁴. Дело его пересматривалось в 1958 г. Главной военной прокуратурой СССР, но приговор остался в силе¹⁵. По данным информационного центра УВД РО, М.Б. Краснянский умер 17 января 1944 г. в тюрьме¹⁶. Кроме того, выяснилось, что М.Б. Краснянский и ранее, в 1931 г., тоже подвергался репрессированию за «участие в контрреволюционной группировке», о чем имеется уголовное дело, которое рассмотрено и прекращено 28 сентября 1989 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. Таким образом, Краснянский М.Б. реабилитирован и по этому делу¹⁷. В начале 90-х гг. ученого реабилитируют в связи с появлением закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.

М.Б.Краснянский и М.А.Миллер на раскопках Нижне – Гниловского городища

Имя Михаила Борисовича Краснянского крупными буквами вписано в летопись г. Ростова-на-Дону. Его вклад в науку неосцим: это огромное количество научных статей, записей, составленных им карт, создание городского музея, подробнейшее описание городского герба.

За время своей многолетней краеведческой деятельности М.Б. Краснянский провел многочисленные археологические разведки, архивные изыскания и написал ряд интересных публикаций, содержащих в себе обширные фактические и справочные материалы¹⁸.

М.Б. Краснянскому мы обязаны открытием и установлением местонахождения ранее неизвестных или забытых памятников древности, которые после обнаружения их М.Б. Краснянским становились известными науке и подвергались в дальнейшем необходимым исследованиям.

¹ ГАРО Р.2613, оп.1, д.2 л.32.

² ГАРО Р.2613, оп.1, д.2 л.3

³ Краснянский М.Б. Записки донского штейгера. – Т.1. – Ростов-на-Дону, 1915.

⁴ ГАРО Р.2613, оп.1, д.34, л.7.

⁵ ГАРО Р.2613 оп.1, д.14, л. 7.

⁶ Краснянский М.Б. Указ.соч. – Т.1.

⁷ ГАРО Р.2613, оп.1, д. 11, л. 17.

⁸ Записки Ростовского общества истории, древностей и природы. – Ростов-на-Дону, 1912. – Т.1. – с. 12.

⁹ Там же. – С. 260.

¹⁰ Там же. – С. 153 .

¹¹ ГАРО Р.2613, оп. 1, д.4, л.80.

¹² ГАРО Р.2613, оп.1, д. 5, л. 19.

¹³ ГАРО Р.2613, оп.1, д.72, л. 62.

¹⁴ Письмо 6/9-10281 от 08.02.90 г. УКТБ по Ростовской области – архив РОМК.

¹⁵ Справка от 8.02.90 49 – 10281 – архив РОМК.

¹⁶ Письмо УВД 12/9 – 12/12 – 1167 – архив РОМК.

¹⁷ Письмо №13-275-92 от 23.04.92 г. прокуратура Ростовской области // ГАРО Р.2613, оп. 1, д. 252, л. 10.

¹⁸ ГАРО Р.2613, оп. 1, д. 5, л. 33.

Н.Ю. Новоселова (Санкт-Петербург, Россия)

НАЗЕМНЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ БЕРЕЗАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.

В настоящее время большинство строительных комплексов первых веков н.э. (II – середины-третьей четверти III вв. н.э.), исследованных на территории Березанского поселения, представляют собой углубленные в грунт постройки - полуземлянки¹.

В данном докладе представлены наземные постройки первых веков н.э. Березанского поселения, исследованные экспедицией Государственного Эрмитажа в 1962-1991 гг.² Предложена их датировка и поставлены вопросы об их хронологическом соответствии с горизонтом полуземлянок³.

Наземные постройки были обнаружены при исследовании участка Г, Северного 1, Северного 2, Северо-Западного А и Б. (рис.1: 13, 19, 20, 26).

В 1964-1965 гг. на участке Г был исследован строительный комплекс первых веков н.э. – подвал дома с хозяйственной ямой №14/Г-1965 и яма №17/Г-1965.

Подвал дома – это небольшое прямоугольное помещение, размерами 2,75х2,42м, углубленное в грунт на 1,08-1,10м. Все четыре стены подвала были облицованы каменными кладками.

Все стены подвала были сложены из небольших плоских камней по однослойной однолицевой постелистой иррегулярной системе.

В юго-восточном углу подвала находилась яма, вырубленная в скале. **Яма №14/Г-1965** имела грушевидную форму, диаметр ее горловины равнялся 0,50м, а глубина ямы достигала 1,48м. Скальное дно и борта ямы были прорезаны многочисленными природными трещинами, но все они были тщательно заложены осколками скалы.

Подвал дома погиб в сильном пожаре, весь комплекс был перекрыт мощным каменным завалом со следами сильного горения.

При исследовании слоя разрушения и разборке заполнения подвала найдено значительное количество керамического материала (всего 2223 фрагмента), здесь особо следует отметить: горла и ножки узкогорлых светлоглиняных амфор, тип Д по Д.Б. Шелову – первая половина – середина III в. н.э., венчик и ручка красноглиняной амфоры со сложнопрофилированными ручками, тип 75 по И.Б. Зеест – вторая половина II в. – третья четверть III в. н.э., ножку красноглиняной амфоры с высокоподнятыми ручками – тип 79 по И.Б. Зеест – не ранее первой половины III в.н.э., бронзовое сарматское зеркало-подвеска с рельефной четырех лепестковой розеткой-свастикой – II в.н.э.

При исследовании ямы №14/Г-1965, расположенной в юго-восточном углу подвала, было найдено 789 фрагментов керамики, здесь, кроме четко датируемых керамических находок конца II в. н.э. – середины III в. н.э., была найдена серебряная монета римского императора Геты (209-212)⁴.

Исследованный подвал и хозяйственная яма, возможно, являлись составляющей частью какой-то крупной усадьбы, значительная часть которой состояла из наземных сооружений.

Согласно полученным данным, время постройки этого комплекса – подвала с ямой №14/Г-1965 – можно отнести ко времени не ранее середины – второй половины II в. н.э. Разрушение строений произошло не ранее начала III в. н.э. (монета императора Геты (209-212)). Все датирующие материалы укладываются в рамки II – середины-третьей четверти III вв. н.э. Таким образом, данная постройка попадает в один хронологический диапазон с большинством строительных комплексов, исследованных на других участках Березанского поселения.

В 1965 г. на участке Северный 1 на краю берегового обрыва была исследована **кладка №1/CI-1965** протяженностью 2,80м и шириной 0,52-

0,54 м. В высоту кладка сохранилась на один ряд камней. Кладка строго ориентирована по линии север-юг. По данным стратиграфии и на основании сопутствующего материала эта кладка была датирована К.С. Горбуновой первыми веками н.э.. К стене примыкала **печь** шириной 0,75м, сложенная из поставленных на ребро известняковых плиток. К.С. Горбунова предположила, что печь была пристроена к стене уже разрушенного здания, поскольку на западном фасаде стены зафиксированы следы огня.

Дополнительных материалов для узкой датировки этих комплексов и для подтверждения существования на этом участке двух строительных этапов, к сожалению, не имеется, поэтому можно только согласиться с датой, предложенной К.С. Горбуновой, и датировать кладку №1 и печь первыми веками н.э. Кладка №1, вероятно, была частью какого-то строительного комплекса – возможно, дома, большая часть которого обрушилась в море.

В 1966 г. на участке Северный II открыт наземный строительный комплекс первых веков н.э. – две перпендикулярные стены и примыкающая к ним вымостка, а также две хозяйственные ямы №2/СП-1966, №3/СП-1966 и печька.

Сохранившиеся фрагменты каменных наземных стен и примыкающая к ним вымостка были интерпретированы автором раскопок К.С. Горбуновой как **часть здания с мощеным двориком**.

Западная стена этого комплекса (стена №10/1966) сохранилась в длину на 2,60 м, в высоту на 0,15м. Ширина стены составила около 0,45м. Стена была сложена в два ряда из неотесанных камней довольно большого размера (0,30х0,40м; 0,24 х 0,25м), между которыми положен более мелкий плитняк (0,18х0,15м; 0,15х0,10м). Камни скреплены глинистым раствором. Северная стена (стена №11/1966) сохранилась в длину примерно на 1 м. Ее ширина, равная ширине западной стены, составила 0,46х0,47 м, однако сложена она была только из одного ряда камней. Западная и северная стены соединялись в переплет. К углу стен примыкала вымостка, сложенная из мелкого булыжника и плитняка, плотно примыкавших друг к другу и образывавших ровную горизонтальную поверхность, размерами 2,5м с севера на юг и 2м с запада на восток.

В тексте «Отчета» этот комплекс датирован временем **не позднее середины II в. н.э.** Данное предположение было сделано на основе анализа стратиграфии участка Северный II. В настоящее время состояние полевой документации, к сожалению, не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть это высказывание. Можно только отметить, что в полевых описях не зафиксировано фрагментов керамики, датирующихся временем ранее середины II в., ни на территории, непосредственно прилегающей к этому комплексу, ни на всей площади

раскопа. Т.о. очень интересный и репрезентативный наземный строительный комплекс первых веков н.э. уверенно датировать временем до середины II в. невозможно.

Если же предположение К.С. Горбуновой верно, угол здания с вымосткой действительно может быть отнесен ко времени до середины II в. н.э. В настоящее время комплексов, достоверно отнесенных к периоду I – первой половины II вв. н.э., не опубликовано, а материалов этого времени на всей территории поселения известно крайне мало. Кроме посвячительных надписей в честь Ахилла Понтарха к этому периоду относятся еще находки нескольких монет⁵.

На участке Северо-Западный А в 1976 г. на кв.109 были открыты остатки каменной наземной постройки римского времени – **кладка №№77/СЗ-1977**. Кладка № №77/СЗ-1976 ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Исследованная длина кладки 6,3м, ширина – 0,45м, высота – 0,2м (два ряда камней). Кладка залегает на глубине 0,3м от дневной поверхности. Кладка сложена по двухлицевой двухрядной постелистой системе, двухрядная, из подгесанных известняковых плит, размерами 0,35х0,24м; 0,17х0,27м.

По сопутствующему керамическому материалу Л.В. Копейкина датировала кладку №77/СЗ-1976 римским временем, более точно определить время ее строительства в настоящее время невозможно. Поскольку кладка уходит в борта раскопа, то можно предположить, что она является частью какой-то наземной постройки, большая часть которой находится за пределами раскопанной территории поселения.

В 1982-1991 гг. на раскопе Северо-Западный Б были исследованы незначительные остатки наземных построек первых веков н.э. – глинобитная однокамерная наземная постройка, расположенная на кв.765-766, две кладки №80 и №81, образовавшие угол сооружения и часть каменной вымостки римского времени. Все наземные постройки располагались в южной части раскопа, на условной линии квадратов 773-761 и 722-711.

В 1982 г. на стыке квадратов 765-766 была исследована однокамерная наземная глинобитная постройка квадратной формы (3,15х3,15 м). Вход в постройку, видимо, был с восточной стороны, поскольку здесь в ходе работ не было зафиксировано развала глинобитных стен. В центре сооружения и у входа были обнаружены остатки двух печей овальной в плане формы. Обе печи были сложены из поставленных на ребро камней. В тексте «Отчета» отмечено, что «вещественный материал, сопровождавший постройку, численно незначителен и содержит фрагменты керамики как архаического, так и позднего, римского времени (прежде всего, обломки амфор). К сожалению, крайняя фрагментарность полученного материала не позволяет установить узкую дату возникновения и гибели сооружения, и

возможно только определение времени существования этого комплекса первыми веками н.э. Вместе с тем, значимость этого комплекса для истории поселения на острове Березань очень высока, поскольку в процессе исследования данного строения было зафиксировано, что над этой постройкой располагалось углубление римского времени. Но, к сожалению, и в этом случае отсутствует какой-либо узко датирующий материал. На Березанском поселении уже были зафиксированы участки, где присутствуют два строительных периода в пределах первых веков н.э. (участок Северный I и участок Северный II), но нигде не возможно установить абсолютную дату этих двух строительных этапов.

В 1987 г. на стыке кв.712 и 711 был раскопан северо-западный угол каменной наземной постройки римского времени. Угол сооружения был образован кладками №80/СЗ-1987 и №81/СЗ-1987.

Кладка 80/СЗ-1987 – западная стена постройки, ориентирована по линии север-юг. Сохранилась в длину на 2,6м в высоту на два ряда, что составляет - 0,25м. Сохранность кладки очень плохая, ее подошва залегала в культурном слое на глубине 0,15м от современной дневной поверхности, кроме того, часть кладки разрушена современной канавой. Кладка №80/СЗ-1987 сложена по двухлицевой двухслойной постелистой системе из больших плоских грубо обработанных плит, на некоторых плитах заметны следы вторичного использования. Ширина кладки 0,52 м.

Кладка № 81/СЗ-1987 – северная стена постройки, ориентирована по линии восток-запад. Кладка исследована в длину на 4,2 м, далее она уходит в восточный борт раскопа. Кладка сохранилась на высоту двух рядов, что составляет на 0,20 м. Кладка была сложена по двухлицевой двухслойной постелистой системе из больших плоских грубо обработанных плит. Ширина кладка №8/СЗ-1987 равна ширине кладки №80/СЗ-1987, то есть 0,52 м. Подошва кладки №81/СЗ-1987 лежит на одном уровне с основанием кладки №80/СЗ-1987.

С запада к кладке №80/СЗ-1987 примыкала вымостка из обломков амфор римского времени. Исследованная ширина вымостки около 2м, видимо, какая-то часть расположена на не раскопанной площади поселения. При разборке развала стен постройки было найдено всего 154 фрагмента керамики, из них на долю керамики первых веков н.э. приходится всего 14,3%, поэтому данное сооружение возможно датировать только широко – первыми веками н.э.

Таким образом, на основании анализа полевой документации можно сделать вывод, что на Березанском поселении были зафиксированы участки, где присутствуют два строительных периода в пределах первых веков н.э. (участок Северный I, участок Северный II, участок Северо-Западный Б), но, к сожалению, нигде не возможно установить абсолютную дату этих двух строительных этапов. В то же время, там, где обнаруженный материал позволяет установить четкие

хронологические границы для определения времени существования наземных построек, эти комплексы датируются серединой II – середины третьей четверти III вв. н.э., т.е. временем, синхронным строительству полуземлянок.

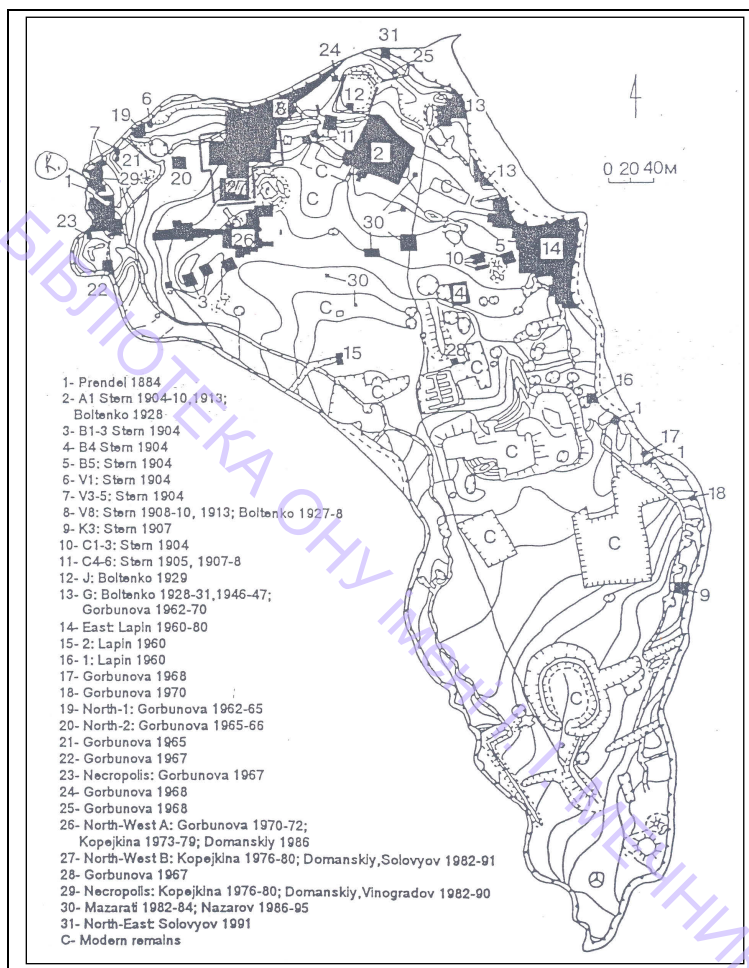

Рис. 1. План острова Березань (по: Solovyov, 1999: fig.6)

¹ Solovyov S.L. Ancient Berezan. The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea // Colloquia Pontica. №4. – Leiden, 1999.

² Описания всех комплексов даны на основании отчетов за соответствующие года.

³ Приношу благодарность хранителю коллекции археологического материала с о.Березань, сотруднику Государственного Эрмитажа, С.Л. Соловьеву за предоставленную возможность работать с материалами.

⁴ Гилевич А.М. Монеты из раскопок на острове Березань: 1962-1991 // Античное Причерноморье. – СПб., 2000. – С.112-139, №32

⁵ Гилевич А.М. Указ.соч. – С.112-139, №19, 20; Карышковский П.О. Монеты острова Березань (по материалам раскопок 1928 г.) // КСИА АН УССР. – Вып.9. – 1960. – С.85-89, №24-29.

С.Б. Охотников (Одесса, Украина)

ОДЕССА – ФРАНЦИЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Взаимопритяжение и взаимодействие нашего города с французской культурой и наукой подмечено давно. Однако вне поля зрения исследователей осталась такая сфера знаний, как археология, хотя, как выяснилось, этот диалог насчитывает более 200 лет.

Интерес к истории земель, на которых позднее основана Одесса, возник у французских ученых еще в начале XVIII в., когда вышли книги по нумизматике Ш.Ф. Вайана, К.Г. де Боза, Ф. Кари, Ш.Б.Б. д'Анвиля о Скифии¹.

Некоторые исследователи лично побывали в Северном Причерноморье и пытались локализовать упомянутые древними авторами населенные пункты – О. Де ла Мотре, Ж. Пейсонель².

Во второй половине XVIII в. интерес к древностям этого края резко возрастает. Этому способствовала внешняя политика России, продвинувшей свои владения к берегам Черного моря, где находились памятники, известные ранее только по античной литературной традиции. Эти произведения были известны многим людям, вынужденным покинуть Францию после революции 1789 г. и устремившимся в Россию, остававшуюся оплотом монархизма. В их числе были не только уроженцы собственно Франции, но и территорий, находившихся под французским культурным и политическим влиянием, не говоря уже о языке, бывшим в то время средством международного общения.

Еще один нюанс – практически все, кто занимался в то время археологией и древней историей в Одессе, были офицерами или в той или иной степени связанными с военной службой. Уровень образованности, знание классических языков позволили некоторым из них стать в полном смысле профессионалами для уровня науки того времени.

Первым из них следует назвать Ф.П. Де-Волана (Francois Paul de Wollant)* – военного строителя, топографа. В 1790 г. он участвовал вместе с И.М. Дерибасом, А.Э. де Ришелье, А.Ф. Ланжероном во взятии Измаила.

Все они, как известно, внесли ощутимый вклад в основание и возвышение Одессы.

В 1792 г. Де-Волан подготовил свой знаменитый труд из 2-х частей “Описание земли Озу или Едисан...”, где дал подробное географическое, гидрографическое, этнографическое описание местности, лежащей между нижним течением Днестра, Буга и западной частью Крыма³. Им даны рекомендации не только по освоению этих территорий, но и обзор многих памятников археологии, особенно важный как одно из первых свидетельств очевидца, сделанное, по сути, в момент их открытия⁴.

Де Волан подробно описал район древней Ольвии, остров Березань, где, как он считал, находился храм Ахилла. Его знание античных источников подтверждается ссылками на Птолея, Страбона, Помпония Мелу, пс.-Арриана.

Далее он переходит к топографии “Аджибея” (будущей Одессы, которую он сам и спроектировал). В устье Днестра говорит об остатках «греческого города» Бухаза Ахиллея, указывает на крепость Аджидер (Овидиополь). Во время работ 1795 г., которыми руководил Де-Волан, здесь обнаружили погребение античного времени, приняв его за могилу Овидия. Об этой находке стало известно в Лондоне, затем в Париже. Хотя позднее выяснилось, что римский поэт похоронен на самом деле в г. Томис (современная Констанца, Румыния), имя Де-Волана осталось в истории не только как военного инженера, но и пионера «полевой» археологии в Северном Причерноморье.

Немалую роль в её становлении сыграл и герцог А.-Э. Ришелье, при котором Одесса стала не только административной, но и культурной столицей Новороссийского края. Так, в 1805 г. на основании распоряжения Министерства внутренних дел он издал предписание, в котором речь шла о запрещении вывозить за границу антикварные вещи, найденные на государственных землях. Но, говоря о Ришелье, есть еще одна причина причислить его к патронам археологии.

Адьютантом «дюка» с 1805 по 1815 гг. (а фактически до 1819 г.) был И.А. Стемповский – один из основоположников археологии как науки в нашем городе. Находясь во Франции в составе русского оккупационного корпуса он увлёкся древней историей и по рекомендации известного учёного Д. Рауль-Рошетта (Desire Rauol-Rochette) избран иностранным член-корреспондентом Парижской академии надписей и изящной словесности. В Париже он напечатал несколько своих работ. Вернувшись в Одессу, подготовил специальную “Записку...”, где предлагал создать особое хранилище для древностей и научное общество по изучению истории.

При отъезде во Францию Э.-А. Ришелье оставил И.А. Стемповскому все, чем владел в России – 150 000 рублей, имение

Гурзуф в Крыму, дачу в Одессе (т.н. “Дюковский сад”). Он всячески покровительствовал своему адъютанту в его занятиях наукой и в Одессе, и в Париже. Именно в этом видится основной вклад герцога в изучение древностей нашего края.

Немало способствовал собиранию и сохранению “антиков” адмирал И.И. Траверсе (J.D. Traversay) – главный командир Черноморского флота. По его инициативе в 1803 г. в Николаеве был создан Кабинет древностей Черноморского депо карт. Сюда поступали вещи, найденные в различных местах Северного Причерноморья и островов Архипелага (Эгейского моря), часть коллекций подарил сам адмирал. Впоследствии, будучи уже морским министром России, он продолжал контролировать поступление раритетов в Депо. Часть этих вещей передана была затем в Одесский музей.

Уделял внимание изучению древностей и генерал-губернатор Новороссии А.Ф. Ланжерон (Andrault Langeron). Он оказывал финансовую поддержку археологу-любителю П. Дюбрюксу (Paul Du Brux), который вел раскопки Пантикапея, его некрополя, знаменитого кургана Куль-Оба в окрестностях Керчи.

Среди людей, внесших свой вклад в начале XIX в. в описание древних памятников нашего края следует назвать архитектора, живописца Е.Ф. Паскаля (E.F.Pascal), Ф. Дюбуа де Монпере (F.Dubois de Monpereux), уроженца франкоязычной Швейцарии, описавшего и издавшего в роскошном атласе часть своих наблюдений о памятных местах Новороссии.

Отметим также сына роялиста Э.В. Тетбу-де-Мариньи (Taitbout de Marigny), служившего в 1820-1830 гг. консулом Нидерландов в Одессе. Он обследовал побережье Черного и Азовского морей, издал их описание с привлечением данных античной эпохи. Именно по его предложению на острове Фидониси (Змеиный) в 1843 г. построен маяк, возведенный, к сожалению, на месте древнего храма Ахилла.

Членом археологического кружка, сложившегося в первой трети XIX в., был А.И. Лёвшин – градоначальник Одессы, затем сенатор, член Государственного Совета. Он был автором первой на русском языке книги о Помпеях, действительным членом Парижского географического и Парижского азиатского обществ.

В формировании археологии как науки в Одессе выдающаяся роль принадлежит И.П. Бларамбергу (Jean Paul Moret de Blaramberg), уроженцу французской Фландрии. По семейному преданию его род вел начало от Генриха IV Бурбона. В 1797 г. Жан-Поль прибыл в Россию и навсегда связал с ней свою жизнь. Служил в Москве, Петербурге, а с 1808 г. – в Одессе. В 1825 г. назначен чиновником по особым поручениям при Новороссийском генерал-губернаторе М.С. Воронцове, бывшим командиром оккупационного русского корпуса в Париже. М.С. Воронцов

оказывал всяческую поддержку сохранению и изучению древностей и назначил И.П. Бларамберга в 1825 г. первым директором Одесского городского музея древностей, а затем, в 1826 г. одновременно и директором музея в Керчи⁵.

И.П. Бларамберг проводил множество полевых исследований, например, в 1816 г. устроил «показательные» раскопки в Ольвии в присутствии великого князя и будущего императора Николая I. Иван Павлович был знаком с А.С. Пушкиным, во время пребывания которого в Одессе были найдены античные древности. Весь свой досуг Бларамберг посвящал археологии, печатал свои труды в Париже. По стопам отца пошли и его сыновья – Михаил и Владимир, ставший одним из основоположников археологии в Румынии.

Связи ученых Одессы и Франции во второй половине XIX в. были, возможно, не столь наглядны. Так, членами Одесского общества истории и древностей (ООИД) были многие французские археологи и историки искусства – С. Рейнак, в частности.

Но то, что наш город конца XIX – начала XX вв. вошел в историю изучения древностей во Франции – несомненно. Как известно, одесский ювелир И. Рахумовский был автором великолепной подделки античного изделия торевтики – т.н. гиары скифского царя Сайтафарна. Она была куплена Лувром как подлинник, хотя уже тогда директор Одесского Музея Э.Р. фон-Штерн доказывал, что это фальшивка. Дальнейшая экспертиза показала, что он прав.

В те же годы вице-президентом (т.е. фактическим руководителем) Одесского Общества истории и древностей (1899-1919) был А.Л. Бертье-Делагард (A.L.Bertier de la Garde) внук эмигранта времен французской революции, по образованию военный инженер, по призванию – ученый. Наиболее ярко его научные интересы проявились в изучении нумизматики, сохранении исторических богатств⁶. Большую часть собственных средств он тратил на реставрацию памятников, пополнение археологических и нумизматических фондов Одесского музея. Свою коллекцию монет предполагал завещать ООИД. Но бурные события 1917-1920 гг. в Крыму свели на нет усилия этого выдающегося человека.

В последующие годы одесско-французские параллели прослеживаются sporadically. Судя по сохранившимся архивам, Археологический музей поддерживал научные связи с Лувром. В Одессе проживал Э. Белен де Баллю (E.Bellin de Ballue). Его имя стало широко известно после выхода в 1972 г. книги “Olbia cite antique du littoral nord de la Mer Noire”. Этот труд получил отрицательную оценку специалистов, в том числе П.О. Карышковского. Тем не менее, нельзя не признать, что это была вообще первая монография о древнем городе, в которой к тому же даны иллюстрации предметов из коллекции нашего музея.

Его коллекции становятся все более известными, чему подтверждение обмен выставками в 1978-1979 гг. между Одесским Археологическим музеем и музеем Борели из Марселя.

Труды сотрудников музея публикуются во Франции, например, в сборнике “*Sur les traces des Argonautes*” – Paris. 1996.

Информация о раскопках и рецензии на вышедшие в Украине монографии ученых музея помещаются в специальных научных журналах: “*Revue des Etudes Greques*”, “*Dialogue d’Histoire ancienne*”.

По гранту CNRS (Centre National de la Recherche Scienifique) в Париже и Лионе побывал С.Б. Охотников.

Над коллекциями музея работал И. Гарлан (Y.Garlan) из Университета г. Ренн, продолжают работать П. Дюпон (P.Dupont) из «Дома Востока» и Университета г. Лион, А. Иванчик из Университета г. Бордо. С музейными экспонатами знакомился всемирно известный антиковед П. Левек (P. Leveque).

Таковы основные вехи сотрудничества археологов Одессы и Франции, начавшегося еще в конце XVIII в. и продолжающегося по сегодняшний день.

¹ Юргевич В.Н. Об археологических разысканиях и открытиях в Южной России, предшествовавших учреждению Одесского общества истории и древностей // ЗИООИД. – 1888. – Т. XIV. – С. 27-51; Ростовцев М.И. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря // SCYΘIKA. ПАВ. – 1993. – № 5. – С. 25-38.

² Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб, 2002.

*Мы следуем наиболее общепринятым и употребительным транскрипциям французских имен собственных. Различия в их написании объясняются отсутствием устоявшейся традиции в русском языке.

³ Глеб-Кошанская Т.Н., Павлюк Н.Н. (сост.). Наследие Ф.П. Де-Волана. Из истории порта, города, края. – Одесса, 2002.

⁴ Охотников С.Б. Ф.П. Де-Волан и античные древности Северного Причерноморья // Человек в истории и культуре. Сборник работ в честь В.Н.Станко. – Одесса-Терновка, 2007. – С.500-508.

⁵ Охотников С.Б. М.С.Воронцов и развитие археологии в Одессе // Одесские чтения памяти М.С.Воронцова. – Одесса, 2007. – С. 45-51.

⁶ III Таврические чтения, посвященные 160-летию со дня рождения А.Л.Бертье-Делагарда. Симферополь, 2003.

С.В. Паламарчук (Измаил, Украина)
ОБЛАСТЬ БЕССАРАБИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ
XVI – НАЧАЛА XVIII ст.

Для выяснения времени появления отдельной области Бессарабия особый интерес представляют картографические источники, так как именно в них она впервые была зафиксирована.

На итальянских портоланах XIV-XV вв. в междуречье Дуная и Днестра указаны только портовые населенные пункты черноморского побережья: Ликостомо, Лакастро, Фальконара, Салина, Монкастро. Во второй половине XV в. в Европе были изданы географические карты, включающие северо-западное Причерноморье. На карте фра Мауро 1459 г. земли междуречья Дуная и Днестра до Карпатских гор обозначены как *Малая Валахия*, к западу от нее – *Большая Валахия* с городом *Кампулонг*¹. Первая страна соответствует Молдавии, вторая – Валахии. В 1482 г. издана “Карта Сарматии Европейской” из “Географии” Птолемея в обработке Ф. Берлингери: на левом берегу Нижнего Дуная помещена надпись *БЕССЫ*. Абрис местности условен, но, можно допустить, что наименование “бессы” сыграло свою роль в формировании латинской транскрипции названия “Бессарабия”. На “Новой карте Средней Европы” издания М. Беневентано под редакцией Б. Ваповского (1506 г.), в основе которой также лежит птолемеяевская карта, земли междуречья обозначены как Валахия, нанесены города *Мокастро/Бялоград* на Днестре и ближе к Дунаю – *Истрополис*². Область Бессарабия на этих картах не обозначена.

Поскольку в этот период саму Молдавию никогда не называли Бессарабия, важно выяснить, когда именно ее часть, включенную в состав Османской империи, стали именовать Бессарабия. По имеющимся данным, на наш взгляд, закрепление и распространение этого названия в османский период за землями северо-восточного пограничья Румелии от Дуная до Днестра появилось на географических картах раньше, чем в письменной традиции, почти на полвека.

Впервые область Бессарабия появилась на картах Южной Европы 1528 г. Б. Ваповского и «Новой карте Польши и Венгрии» 1540 г. Б. Ваповского и С. Мюнстера, чуть позже изданной в первой мюнстеровской «Космографии» 1544 г.³ На ней дельта Дуная начинается к востоку от оз. *Росоне* (совр. Ялпуг), а название *Бессарабия* помещено между дельтой Дуная и оз. Обидово (Днестровский лиман) и напечатано таким же шрифтом, как *Молдавия*, *Валахия*, *Подолія*. Между устьями Дуная и Днестра обозначены города *Белгород* и *Килия*⁴, соответствуя действительному их расположению. Известно, что при составлении этой карты были использованы элементы птолемеяевской «Географии» и карта Южной Европы Б. Ваповского⁵. По другим данным, карта датирована 1550 г.⁶. Карту 1540 г. повторяют другие работы С. Мюнстера: «Новое

описание Польши и Венгрии» 1559 г. и карта «Венгрии, Польши, Литвы, Руси, Волощины и Болгарии» – 1578 г., обе в базельском издании. Из городов Бессарабии отмечены *Белгород* – на Днестровском лимане, *Монастро* – на берегу моря между устьями Днестра и Дуная.

Любопытно, что карту С. Мюнстера 1540 г. опубликовала Т. Люта как карту Николая Кузанского в издании Я. Ангелуса (1478 г.)⁷, что вряд ли правомерно, и непонятно, как на ней могло оказаться обозначение Бессарабии там, где ее еще не было. Хронологической опорой в том случае может послужить другой объект – крепость Очаков. Ее тоже просто не должно быть на карте Николая Кузанского. Строительство крепости в устье Днепра, впоследствии получившей название Очаков, документально засвидетельствовано в переписке крымского хана Менгли-Гирея с московским князем Иваном III в 1492 г.⁸ По данным Я.Р. Дашкевича, Менгли-Гирей построил этот замок в 1491 г.⁹, то есть намного позже 1478 г. и времени жизни Николая Кузанского (ум. 1464).

Г. Рейхерсторф, путешествовавший по Молдавии в 1527 г., к своему «Описанию Молдавии» приложил карту, на которой область *Бессарабия* помещена между *pp. Прут, Дунай* и *оз. Весоре*. Последнее можно идентифицировать с оз. Росоне у С. Мюнстера, поскольку ниже него по течению Дуная также начинается вилка дунайской дельты. Труд Г. Рейхерсторфа был издан в 1541 г., но составить карту он мог во время путешествия, т.е., примерно в то же время, что и Б. Ваповский. Я.Р. Дашкевич датирует эту карту 1551 г.¹⁰ В области Бессарабия Г. Рейхерсторф обозначил населенные пункты *Рен* у места впадения *р. Прут* в Дунай и *Облучицу* на берегу Дуная¹¹.

Выделение Г. Рейхерсторфом Бессарабии в указанном районе можно объяснить тем, что как раз эта часть в данный период не входила в османскую провинцию Румелия, к которой относились земли к востоку от оз. Ялпуг (вошла только с 1621 г.). И, вероятно, слабой осведомленностью составителя: так, город *Килия* помещен в стороне от Дуная на морском побережье. Скорее, автор не посещал османскую территорию, хотя это не единственное такого рода представление в картографии. Игнорирование турецких владений характерно и для большинства последующих европейских карт. Но у Г. Рейхерсторфа название города *Белгород* на берегу оз. Видово (Днестровский лиман) продублировано надписью *Аккерман*. Бессарабия на его «Карте Молдавии» территориально не соответствует последующим ее изображениям, но в исследуемой части имеет весьма сходные очертания с описанной выше картой С. Мюнстера из его «Космографии».

Близкой по времени является венецианская карта Дж. Гастальди 1546 г., в основе которой, по мнению специалистов, лежит карта Марка Беневентано 1507 г.¹² Дж. Гастальди использовал венское издание

«Записок о Московии» С. Герберштейна с помещенной в них картой 1549 г. с обозначением области *Бессарабия* для нового издания этого автора. На карте «Описание Московии» венецианского издания 1550 г. Дж. Гастальди поместил *Бессарабию* между реками *Прут* и *Днестр*, указав город *Бялогород* или *Монкастро*, а также о-в *Фидониси*.

Более подробна карта Дж. Гастальди и А. Ортелия «Описание Румынии (которую когда-то называли Фракией) с соседними странами...», антверпенского издания 1602 г. *Бессарабия* на ней нанесена между реками *Тирас* и *Прут*, с населенными пунктами *Тибарча* (Чибурчиу), *Маяк*, *Белгород* – на Тирасе, *Офика*, *Фалконара* на морском побережье и о-вом *Фидониси*. И еще одним Белгородом – на Дунае. Между Прутом и оз. *Росоне* – населенные пункты *Рен*, *Галац* и *Облучица*.

Область Бессарабия представлена на многих картах Г. Меркатора, начиная с его «Карты Европы» 1554 и 1572 гг., составленных на основе «Географии» Птолемея и «Карты Южной Сарматии» Б. Ваповского, а также на его карте «Валахия, Сербия, Болгария, Румыния» в амстердамском издании 1630 г., представляющей фрагмент его большой карты Европы 1572 г. Особо следует отметить написание названия земель междуречья Дуная и Днестра: *Veffa: rabia pars* в ряду *Валахия, Сербия, Болгария, Романия, Молдавия*. Такая форма подтверждает отсутствие связи между именем Бессарабов с названием области в сознании современников. Аналогичная карта известна в издании 1634 г.¹³. Однако, на некоторых картах Г. Меркатора область Бессарабия не выделена. Примером может быть его карта «Турецкая империя» в амстердамском издании 1628 г., где указаны: *Молдавия, Валахия, Княжество Московское* или *Великая Россия* на севере, а на турецких землях – *Килия Нова* на левом берегу Дуная и *Килия* на острове в дунайской дельте; на правом берегу Дуная – г. *Дестор*. На карте «Таврика Херсонесская» Г. Меркатора и Й. Хондия в амстердамском издании 1628 г. вместо Бессарабии указано *Молдавия*. На Тирасе – город *Бялигород*, *Офуса*, на побережье – *Гермонакта*, *Монкастро*, *Фальконара*; на Дунае *Бялигород*, остров *Фидониси*. Это вариант карты Г. Меркатора его прижизненного издания¹⁴. Бессарабия между Прутом и Тирасом помещена на карте «Московская империя» Дж. А. Маджини 1597 г., где указан город *Монкастро* на р. *Тирас* и о-в *Фидониси*¹⁵.

В географических картах середины XVII – начала XVIII вв. ситуация заметно изменилась. На «Карте Украины» Г.Л. де Боплана ок. 1648 г. название Бессарабия отсутствует, а территория от линии *Симил* (на Дунае)– *Копанка* на Днестре до моря обозначена как *Буджак*¹⁶. Это первое известное обозначение Буджака на географической карте. Бопланом также была составлена отдельная карта этой провинции «План турецкой провинции, которая называется Буджак, богатой разной птицей и зверем, а также прекрасными лесами»¹⁷. Следует заметить, что на

«Карте Украины» Г.Л. де Боплана Молдавия обозначена как *Валахия*, и наоборот. По описанию автора к Валахии отнесен дунайский порт *Галас*, который тогда принадлежал Молдавии. Надпись *Молдавия*, выполненная крупным шрифтом, как для обозначения стран, размещена над Дунаем к западу от р. Серет, где отмечен город *Кампулунг* – древняя столица Валахии. То есть названия стран перепутаны, что, впрочем, не удивительно, т.к. родственные воеводства смешивались в представлении авторов и в более поздний период.

В приложении к украинскому изданию Г.Л. де Боплана 1991 г. сказано, что «согласно географической номенклатуре того времени, принятой в Украине и в Западной Европе, Валахией называлось Молдавское княжество»¹⁸. Анализ известных карт показал, что Валахией или Великой Валахией обычно обозначалась Румыния, а Молдавия – Молдавией или Малой Валахией.

На «Карте Украины» М. Штеттера *Бессарабия* обозначена как область, включающая *Рениененский* и *Бялогородский санджаки* на северо-западном берегу Черного моря. На «Карте Украины» Й.Б. Хомана 1716 г. – *Бессарабия* находится в юго-восточной части междуречья Дуная и Днестра с дублирующим названием «*Буджакская Татария*»¹⁹.

С конца XVII в. область Бессарабия присутствует на многих географических картах. На карте Н. Сэнсона «Господство Турецкой империи в Европе» 1696 г. (Британская библиотека) как *Бессарабия* обозначена территория, занимающая большую часть междуречья Днестра и Прута, включая *Тигину* (Бендер), *Белгород/Аккерман*, *Облучицу*, а в юго-восточной части между устьями Дуная и Днестра выделена земля «*Буджакских татар*». На «Карте Молдавского княжества», составленной Д. Кантемиром около 1714-1716 гг., территория между городом *Бендер* на Днестре и *Измаильской землей* на Дунае носит двойное название *Буджак или Бассарабия дистрикт*²⁰. Она не достигает морского побережья, которое входит в прибрежные земли Килии и Аккермана.

В целом, анализу подвергнуто около трех десятков географических карт и установлено, что на них ни разу не встречается название Бессарабия для Валахии. На более ранних картах междуречье Дуная и Днестра обозначено как Валахия, либо Малая Валахия, под которой подразумевается Молдавия. На всех картах, начиная с карт Б. Ваповского и С. Мюнстера, области Бессарабия соответствует юго-восточная часть междуречья Дуная и Днестра. С тех пор Бессарабия прочно вошла в картографию Европы наравне с такими областями как Подолье, Волынь, Трансильвания, Молдавия, Валахия и др.

В картографии также нашел отражение процесс отуречивания топонимики земель, когда название Буджак чуть было не заместило европейское название Бессарабия. Со временем название Бессарабия начали дублировать названием Буджак, и стали печатать его более

мелкими буквами. С другой стороны, увеличение поля применения названия Бессарабия началось контаминацией его с названием Буджак: с расширением Буджакской татарской земли по мере возрастания степного населения, «росла» и Бессарабия. Теперь она охватывала всю степную часть междуречья, а в определенный период доходила до р. Тилигул, но потом «вернулась» за Днестр. В Османской империи название новой области Бессарабия имело географическое значение.

¹ Салищев К.А. Основы картоведения. – Ч. 2: Исторические и картографические материалы. – М., 1962. – С. 31, карта.

² Люта Т. Україна на старожитніх мапах // Пам'ятки України. – 1996. –2. – С. 62.

³ Багров Л. Историческая картография. – М., 2004. – С. 169.

⁴ Ширяев В.В. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. – Минск, 1991. – К. 4.

⁵ Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. – Л., 2006. – С. 28.

⁶ Люта Т. Указ.соч. – С. 138.

⁷ Люта Т. Указ.соч. – С. 53, 55.

⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. (1489 – 1505) // РИО. – Т. 41. – СПб., 1884. – С. 152–153.

⁹ Боплан Г.Л. де. Опис України. – К., 1991. – С. 166.

¹⁰ Дашкевич Я.Р. Територія України на картах XIII – XVIII ст. // Історичні дослідження вітчизняної історії. – Вип. 7. – К., 1981. – С. 89.

¹¹ История Молдавской ССР. – Т. I. – Кишинев, 1965. – С. 232.

¹² Вавричин М., Дашкевич Я. Там само. – С. 100.

¹³ История на България. – Т. IV: Българският народ под османско владичество (от XV до началото на XVIII в.). – София, 1981. – С. 153.

¹⁴ Вавричин М., Дашкевич Я. Там само. – С. 124.

¹⁵ Там же. – С. 86.

¹⁶ Боплан Г.Л. де. Там само. – Карта-вкладка.

¹⁷ Люта Т. Там само. – С. 62.

¹⁸ Боплан Г. Л. де. Там само. – С. 169.

¹⁹ Люта Т. Там само. – С. 58–61. – Карты.

²⁰ Panaitescu P.P. Contribuții la opera geografică a lui D. Cantemir // Memoriile secțiunii istorici. – Ser. III. – Т. VIII. – 1927-1928. – Р. 175–188, карта-вкладка.

Н.Г. Подаляк (Киев, Украина)

ГАНЗЕЙСКИЕ СЪЕЗДЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ И ЦЕРЕМОНИАЛ

Возникнув в середине XII в., немецкая Ганза прошла путь длиной в полтысячелетия и стала явлением общеевропейского масштаба. При столь глобальном характере деятельности она никогда не отличалась внутренней монолитностью и состояла сначала из трех, а затем четырех региональных подразделений с относительно автономным статусом. Их

интересы не только не всегда совпадали, но порой оказывались прямо противоположными друг другу. Более того, недоразумения и конфликты случались между городами и в пределах одной территориальной группы. Все это не могло не сказаться на институциональном устройстве Ганзы, предопределив такую его специфическую черту, как отсутствие единого, действующего на постоянной основе руководящего центра.

Исследователи ганзейской истории единодушны в мнении о том, что с середины XIV в. функции высшего властного органа Ганзы начал выполнять всеобщий съезд – ганзетаг¹. Диапазон полномочий ганзетагов четко отражен в их протокольных записях – рецессах². Знакомство с содержанием последних убеждает, что ведению ганзетагов подлежал чрезвычайно широкий круг вопросов: объявление войны и заключение мира, установление правил торговли и ее ассортимента, регулирование взаимоотношений со странами-контрагентами, применение мер против конкурентов, улаживание разного рода конфликтов и т.д.

Открытым остается вопрос, какие именно съезды можно считать общеганзейскими³. Скорее всего, к таковым относились собрания с участием представителей не менее двух региональных отделений и обязательным присутствием делегации главы Ганзы Любека. Если же по каким-то причинам послы Любека отсутствовали, выполнение его функций по общему согласию возлагалось на любой другой город⁴. Созывались ганзетаги по мере надобности, обычно один раз в два-три года, но иногда, в связи с возникновением серьезных конфликтов, учащались до двух-трех раз на год. Инициатором их созыва, как правило, выступал Любек, и он же преимущественно выступал в роли принимающей стороны⁵.

Сроки проведения предстоящего съезда зачастую объявляли еще во время работы текущего, однако в любом случае в адрес ратов ганзейских городов рассылались специальные приглашения. В них сообщалась дата открытия запланированного ганзетага, приводился перечень выносимых на его рассмотрение вопросов и содержалось требование присылать «только полномочных» представителей⁶. Председательствовали на заседаниях, как правило, представители принимающего города. Иногда на съезд прибывали гости – представители тех городов или государств, которые не входили в состав Ганзы. Обычно такое присутствие практиковалось, когда возникала потребность в урегулировании каких-либо взаимных недоразумений или, напротив, вынашивался проект совместных действий⁷. Однако к участию в тех заседаниях, где обсуждались вопросы особой важности и уж тем более принимались окончательные решения, гостей не допускали⁸.

Кто же устался чести представлять свой город на ганзетагах? Как правило, имена посланцев содержатся в рецессах и не оставляют сомнений в том, что все это были ведущие ганзейские купцы. В

1358-1385 гг. один из крупнейших ростокских оптовиков Арнольд Крепелин участвовал в работе 23-х съездов, а его коллега из Висмара Марквард Бантцеков – 17-ти. В 1376-1407 гг. выходец из старейшей ростокской купеческой фамилии Йохан фон дер Аа стал делегатом 20-ти ганзетагов. Немного отстал от него и гамбургский негодант Керстин Милес, тогда же посетивший 19 съездов⁹. Подобного рода примеры можно продолжить¹⁰.

Все они убеждают в том, что участники съездов принадлежали к правящей городской элите: к моменту своего делегирования они занимали должности ратманов или бургомистров, многим доводилось выполнять важные дипломатические поручения. Это были компетентные и активные коммерсанты, к тому же заявившие о себе и на политическом поприще. Регулярно встречаясь на ганзетагах и периодически осуществляя совместные дипломатические акции, они неплохо знали друг друга, зачастую оказывались связаны общими торговыми интересами и даже родством¹¹. Именно этот, достаточно узкий круг наиболее влиятельных лиц ганзейского мира разрабатывал постановления съездов и контролировал их претворение в жизнь, т.е. по сути дела вершил судьбы Ганзы, определяя ее позиции и формируя политику.

Обычно каждый город-участник, руководствуясь собственными соображениями, направлял на ганзетаг одного или двух ратманов. В особо важных случаях их количество могло возрасти до трех, но никак не больше. Правда, особой привилегией пользовался принимавший город: ему одному разрешалось делегировать на съезд до девяти ратманов. На практике эта поправка, в первую очередь, касалась признанного лидера Ганзы Любека, ведь именно в его стенах ганзетаги устраивались чаще всего. Но даже такое явно диспропорциональное, хотя и узаконенное численное преобладание, не считалось, видимо, достаточной гарантией успеха в тех случаях, когда среди ганзейцев отсутствовало единство мнений. Не случайно любекский рат неоднократно появлялся на заседаниях ганзетага в полном составе¹². Включаясь явочным порядком в ход обсуждений, он старался внести в них нужную Любеку ноту, что, в конечном итоге, влияло на результаты работы съезда в целом. Не случайно довольно скоро общеупотребительной формулой рецессов стали слова: «Ганза и Любек постановляют...».

Единственным источником, который содержит описание церемонии открытия ганзетага, служит рассказ бургомистра из Бремена Йохана Хемелинга, включенный в городскую хронику¹³. Съезд был созван в связи с притеснениями, чинимыми ганзейским купцом во Фландрии, и начал работать 24 июня 1379 г. Сам Йохан, ввиду слишком юного возраста, на нем присутствовать не мог. О событии он поведал со слов отца – бывшего бременского бургомистра и участника упомянутого ганзетага Нильса Хемелинга¹⁴. Йохан воспроизвел отцовский рассказ в

начале XV в., т.е. уже по воспоминаниям. Поэтому не исключено, что в запись могли вкрасться некоторые неточности¹⁵. Но, как бы то ни было, перед нами – информация непосредственного участника событий. Автор передает ее языком ясных зрительных образов, вполне способных раскрыть сущностное содержание происходящего.

Оказавшись в Любеке, Нильс Хемелинг с некоторым изумлением обнаружил, что на ганзетаг прибыли посланцы из «такого множества городов, какого уже давно не доводилось видеть»¹⁶. Действительно, съезд оказался довольно представительным: на него съехались посланцы всех ганзейских подразделений, в общей сложности, из 23 городов. Прибыло также посольство из Фландрии¹⁷. Сначала вся эта достаточно многочисленная группа отправилась в церковь Св. Марии, где каждый, соответственно своему рангу, занял специально отведенное для него место. По окончании службы, выстроившись по двое, участники ганзетага торжественной колонной двинулись к любекской ратуше. При этом, как с нескрываемой гордостью за родной город подчеркивает Хемелинг, любекский бургомистр настоял на том, чтобы его бременский коллега занял место рядом с ним, и они вместе возглавили шествие.

Далее Хемелинг с известной долей тщеславия отмечает, что в зале ратуши, куда участники ганзетага переместились для ведения переговоров, членам бременского посольства также была отведена наиболее почетная скамья – по правую руку от любекцев. В итоге оба посланца Бремена – сам Хемелинг и ратман Хинрик Гронинг – расположились впереди прочих участников съезда¹⁸. Рассказчик не сомневается, что столь явные знаки уважения – закономерная дань возросшему влиянию Бремена. А подтверждение своему мнению Хемелинг находит в том, что уже в ходе самих заседаний любекский бургомистр Якоб Плесков, который председательствовал на ганзетаге, неизменно предоставлял слово сначала бременцам и только после них – гамбургцам.

Правда, обнаруживается одна деталь, заметно диссонирующая с сообщением бременского бургомистра. Оказывается, в так называемых листах присутствия, куда строго в соответствии с внутриганзейской иерархией вносились названия городов, приславших на съезд своих представителей, Гамбург все-таки упомянут перед Бременом. Это никак не могло оказаться случайностью в обществе, где принцип ранжирования соблюдался неукоснительно. Тем не менее, рассказчик делает попытку найти объяснение и такой «нестыковке». Его главным аргументом становится тот факт, что бременцам, прибывшим в Любек «со всеми их людьми, слугами и лошадьми», сама поездка и пребывание в ганзейской столице обходились намного дороже, чем посланцам расположенного по соседству Гамбурга. Бережливый и все просчитывающий купец, Хемелинг обращает внимание даже на то, что, едва очутившись в Любеке,

гамбургцы тотчас же отправили всех коней назад, избавив себя таким образом от лишних затрат в чужом городе. Сетую на отсутствие подобной возможности у бременцев, Хемелинг с огорчением замечает, что им пришлось нести слишком большие расходы. Поэтому, руководствуясь исключительно меркантильными соображениями, они стремились как можно быстрее вернуться домой, что, якобы, и побудило их пропустить Гамбург впереди себя при регистрации участников ганзетага.

Едва ли подобное объяснение можно считать убедительным. Во второй половине XIV в. ни о каком превосходстве Бремена над Гамбургом еще не могло быть и речи¹⁹. Что же в таком случае кроется за хвалебными сентенциями Нильса Хемелинга – заурядное бахвальство или нечто иное? Убедителен Томас Хилл, который считает, что, озвучивая рассказ отца, Хемелинг-младший свел воедино события конца XIV в. и исторические реалии своего времени²⁰. Действительно, в начале XV в. Йохан уже занимал пост бургомистра. Он должным образом был осведомлен о внутриганзейской расстановке сил и – что особенно важно – имел опыт участия в ганзетагах²¹. Неудивительно, что в содержание текста, возможно произвольно, могли вкрапиться и его личные впечатления. Как бы то ни было, в данном случае важно иное: ослабление экономических позиций одного города и усиление другого мгновенным эхом отозвалось в сфере сугубо репрезентативной, вызвав соответствующую корректировку процедурных моментов.

В изображении Хемелинга ганзетаг предстает весьма масштабной акцией, и тут автору можно вполне доверять. Из содержания рецессов известно, что в конце июня 1379 г. в Любек съехались 40 бургомистров и ратманов из ганзейских городов, разбросанных на пространстве между Голландией и Лифляндией, а также послы графа Фландрского. Столь широкое представительство неудивительно, если принять во внимание серьезность инцидента, послужившего причиной созыва ганзетага. С полным основанием его можно причислить к наиболее представительным ганзейским встречам XIV в.²² Стоит ли удивляться, что торжественное открытие съезда превратилось в по-настоящему зрелищный спектакль, который привлек множество зрителей.

Преимущественно ими стали жители самого Любека. Дело в том, что начало съезда совпало с праздником Иоанна Крестителя²³. Обычно этот день был выходным, и свободные от повседневных трудов горожане получили неплохую возможность развлечься. Поглазеть на происходящее пришли, видимо, и те, кто в качестве вспомогательного персонала и obsługi сопровождал прибывшие в Любек посольства. Даже по самым скромным подсчетам, их общее количество должно было составить не менее 100 человек. Наблюдать праздничные шествия такого уровня им удавалось не слишком часто. Так стоило ли отказываться от представившейся возможности?

В продуманной инсценировке шествия особое значение придавалось символической коммуникации. Благодаря определенному церемониалу все участники и зрители действия должны были получить ясное и незабываемое представление о том, как рат ведущего города Ганзы понимал свой статус и собственную роль в жизни Любека и всего ганзейского объединения. Мариинская церковь и ратуша – два центра власти любекского рата²⁴. В обоих зданиях существовали специальные места для его членов, чем подчеркивалась важность их властных функций. Одна же из главных задач власти как раз в том и состоит, чтобы эту власть символизировать. Поэтому торжественная процессия в том виде, как она происходила – из церкви в ратушу, должна была лишним раз напомнить, что власть патрицианского рата освящена божественной волей, и в символических образах внушить всем собравшимся ее легитимность.

Ганзетаги – подлинная сердцевина мощного ганзейского организма. Их деятельность дает представление не только о том, как функционировала Ганза, но и о том, какими средствами она представляла и символизировала свою власть.

¹ Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse. Bd.2. – B., 1906. – S. 311-315; Hammel-Kiesow R. Die Hanse. – München, 2000. – S. 68-70.

² Die Rezesse und andere Akten der Hansetage von 1256-1430. Erste Abteilung. Bd.1 / Bearb. v.W. Junghans. – Leipzig, 1870.

³ Одни историки убеждены, что общеганзейским можно считать только съезд с участием всех его членов. Другие – полагают, что достаточным было присутствие посольств от всех ганзейских подразделений. – Подробнее см.: Henn V. Hansische Tagfahrten in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts // Die hansischen Tagfahrten zwischen Anspruch und Wirklichkeit (Hansische Studien XI). – Trier, 2001. – S. 3.

⁴ Во время любекских восстаний 1410 и 1412 гг. полномочия главы Ганзы на съездах временно были возложены в первом случае на Гамбург, а во втором – на Штральзунд. – HR. I. 5. № 705, § 13; HR. I. 6. № 68, § 18.

⁵ По подсчетам немецкого исследователя Ф.Хенна, в 1356-1407 гг. состоялось 68 общеганзейских съездов. Из них 43 проходили в Любеке. – См.: Henn V. Hansische Tagfahrten... S.4, 6.

⁶ HR. I. 3. № 362. § 4.

⁷ В ноябре 1367 г. в Кельне проходил ганзетаг, на котором решался вопрос о создании знаменитой Кельнской конфедерации – направленного против Дании военного союза. На нем в качестве приглашенных гостей присутствовали делегации нескольких нидерландских городов. – HR. I. 1. № 413.

⁸ Henn V. Hansische Tagfahrten... - S.7.

⁹ Henn V. Hansische Tagfahrten in der zweiten Hälfte des 14- Jahrhunderts. – S.7-8.

¹⁰ Akteure und Gegner der Hanse. Zur Prosopographie der Hansezeit (Hansische Studien. IX). – Weimar, 1998; Behrmann T. Herrscher und Hansestädte. Studien zum diplomatischen Verkehr im Spätmittelalter. Hamburg, 2004; Подаляк Н.Г. Вулф

Вулфлам: карьера и судьба ганзейского дипломата XIV века // Средние века, 66. – М., 2005. – С.170-199.

¹¹ Wiegandt J. Die Pleskows. Ein Beitrag zur Auswanderung Wisbyer Kaufmannsfamilien nach Lübeck im 13. und 14. Jahrhundert. Köln 1988; Asmussen Georg. Die Lübecker Flandernfahrer in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts (1358-1408). – Frankfurt/M., 1999. – S.267-269;

¹² HR. I. 4. S. 395-397; HR. I. 5. S. 15-17.

¹³ Die Bremer Chronik von Rinesberch, Schene und Hemeling / Hg.v. E.Meinert. Bremen, 1968 (Die Chroniken der deutschen Städte. Bd.37). S.166-168. Мнения о том, что это единственный источник подобного рода придерживается Т.Берман. – См.: Behrmann T. Über Zeichen, Zeremoniell ... - S.109.

¹⁴ Hill T. „Worden de van Bremen alles bovene geset“. Bremen auf Hansetagen im 14. und frühen 15. Jahrhundert // Die hansische Tagfahrten zwischen Anspruch und Wirklichkeit (Hansische Studien XI). – Trier, 2001. – S. 43-63.

¹⁵ К тому же наиболее ранний текст хроники относится к середине XV в. и, как доказано, содержит ряд включенных именно тогда интерполяций. Едва ли рассказ отца внесен в хронику самим Йоханом Хемелингом. Однако тот факт, что он сам поведал обо всем хронисту и затем ознакомился с содержанием записанного, у исследователей сомнений не вызывает. – См.: Schwarzwälder H. Die Chronik von Rinesberch und Schene. Verfasser, Bearbeiter, Überlieferung // Bremisches Jahrbuch. 1972. № 52. – S. 21-37; Johann Hemelings „Diplomatarium fabricae ecclesie Bremensis“ von 1415/20 / Hg. v. L.Klink. – Hildesheim, 1988. – S.26.

¹⁶ «van so velen steden, also men dar lange dencken mochte». – Die Bremer Chronik. – S.166.

¹⁷ HR. I. 2. S. 197-199.

¹⁸ «Unde do se uppe dat radhus quemen, do worden de van Bremen alles bovene geset». – Die Bremer Chronik. – S.167.

¹⁹ Любек и Гамбург, расположенные на перекрестке важнейших торговых путей между Балтийским и Северным морями, объединяла не только общность коммерческих интересов, но и совместная борьба против Дании. В 1227 г. возле Бернхеда они наголову разгромили войско Вальдемара II, что дало импульс дальнейшему сближению. В 1230 г. города подписали двустороннее соглашение, по условиям которого любекцы, находясь в Гамбурге, уравнивались в правах с местными жителями, и наоборот. Кроме того, стороны проявили стремление согласовывать взаимные претензии по возможности мирными средствами. В 1242 г. города расширили сферу своих контактов, договорившись о совместном преследовании грабителей, а в 1255 г. – заключили новый договор о сплочении усилий с целью поддержания безопасности торговых путей и осуществлении единых мер по наказанию разбойников. Таким образом, наряду с Любеком Гамбург стоял у истоков формирования Ганзы как договорного сообщества. До конца XIV в. ему удавалось сохранять престижный статус города-фундатора. – См.: Подалек Н.Г. Ганза: мир торговли и политики в XII-XVII столетиях. – К., 1998. – С.28-29.

²⁰ Hill T. „Worden de van Bremen alles bovene geset“. – S. 44.

²¹ Stein W. Die bremische Chronik von Rinesberch und Schene // Hansische Geschichtsblätter. – 1906. – №2. – S.139-212.

²² HR. I. 1. № 190. – S.207, § 3. Чтобы составить представление о масштабах встречи 1379 г., достаточно сравнить ее с одним из важнейших в истории Ганзы съездов, который открылся 19 ноября 1367 г. и проходил в условиях войны с Данией. В работе этого, без преувеличения, судьбоносного ганзетага, увенчавшегося созданием знаменитой Кельнской конфедерации, участвовал 21 посланник из 12 городов. – HR. I. 1. № 413. – S.373.

²³ Довольно рано установилась традиция приурочивать открытие собиравшихся в ганзейской столице съездов именно к празднику Св. Иоанна Крестителя. О чередовании праздничных и рабочих дней в городах Северной Германии см.: Wulf S. Arbeit und Nichtarbeit in norddeutschen Städten des 14. bis 16. Jhahrhunderts. Studien zur Geschichte sozialer Zeitordnung. – Hamburg, 1991. – S.120-127.

²⁴ Brandt A. Geist und Politik in der Lübeckischen Geschichte. – Lübeck, 1954. – S.83-96.

Т.Н. Попова (Одесса, Украина)

В.Э. КРУСМАН: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Владимир Эдуардович Крусман, представитель «блестящей петербургской школы» историков, среди которых был «бесспорно, одним из самых сильных и значительных», – так писал о своем коллеге по кафедре П.М. Бицилли¹. Судьба В.Э. Крусмана (1879-1922) – трагична. Выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик Г.В. Форстена и И.М. Гревса², В.Э. Крусман с 1908 по 1917 гг. преподавал в Новороссийском университете. С 1 июля 1917 г. был назначен на должность ординарного профессора Пермского университета, где проработал пять лет. Умер в Москве 25 августа 1922 г. в возрасте сорока трех лет³. В.Э. Крусман защитил магистерскую диссертацию только в 1916 г. и оставил небольшое по объему научное наследие, не успев в полной мере реализовать свой исследовательский потенциал. Последующее «забвение» ученого, на наш взгляд, в какой-то мере связано с рецензиями на его основной труд «На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование» (Одесса, 1915). Н.И. Кареев и Е.В. Тарле, авторы рецензий, имели в российской (и позже, в советской) историографии высокую научную репутацию⁴. Не приняв в целом концепцию В.Э. Крусмана (хотя оба отмечали высокий профессионализм автора: «строгую историчность» исследования, эрудицию, «надлежащую» работу с источниками и т.п.), они сыграли определенную роль в придании «образу» ученого черт провинциальности и незначительности. «Издержки» эпохи – «идеологизм» и проч. – способствовали тому, что научный поиск не был сфокусирован на трудах В.Э. Крусмана вплоть до 1990-х гг. Радикальное изменение историографической ситуации,

обращение к собственным традициям интеллектуальной истории и истории интеллектуальных сообществ, способствовало «возвращению забытых имен»⁵.

«Ощутить и учесть в полной мере, какую потерю понесла в его лице русская наука, - писал в 1922 г. П.М. Бицилли, - в состоянии лишь его ученики, либо те, кому, подобно мне, выпало на долю провести, в пору его научной и преподавательской деятельности, несколько лет в постоянном товарищеском общении...»⁶. П.М. Бицилли, друг и единомышленник, был одним из немногих, с кем В.Э. Крусман, вероятно, делился своими проектами. Оценка научного наследия В.Э. Крусмана, данная П.М. Бицилли в некрологе, написанном им в память друга, позволяет совершенно в ином ракурсе подойти и к анализу основного труда ученого («На заре...»), и к пониманию его общего творческого замысла. Характерной чертой В.Э. Крусмана как исследователя, по мнению П.М. Бицилли, была «грандиозность его научных замыслов и исканий», которые соответствовали «широте его интересов, мощи его духа, высоте его умонастроения»; все это «в сочетании с неутомимой работоспособностью, феноменальной памятью и поистине изумительной начитанностью» создавало неповторимый облик ученого. П.М. Бицилли разъясняет, что монографию «На заре английского гуманизма», ставшую магистерской диссертацией В.Э. Крусмана, следует рассматривать «в качестве *torso*», т.е. своеобразного «отрывка», понять и оценить который нельзя, если не знать, с каким «общим замыслом» он был связан. Книга в 600 с лишним страниц «детальнейших исследований» о судьбе двух английских гуманистов XIV в. – Ричарда де Бери и Томаса Эрунделя – представителей высоко просвещенной церковной элиты (к фигурам которых еще никто до В.Э. Крусмана предметно не обращался, в том числе и в английской историографии), представляла собой по замыслу автора лишь своеобразную прелюдию к той работе, которая и была главной целью всей научной деятельности ученого. Ведущее направление исследовательских поисков В.Э. Крусмана - «история европейского общества» («европейской «интеллигенции», по терминологии автора) как выразителя «духа европеизма»; «синтез европейской культуры, понятый в ее происхождении».

Для создания этого «синтеза» В.Э. Крусман обратился к исследованию особенностей психического склада европейцев, но поскольку эти особенности обнаруживались, по его мнению, только «при столкновении представителей европейской культуры с другими культурами», то развертывание главного направления предполагалось через изучение двух «параллельных» тем. Это, во-первых, история общественной жизни в Западной Европе, а именно – происхождение общественного мнения «как факта социальной психологии». При этом исследование «общественного мнения» предусматривало анализ

различных, эволюционно сменявших друг друга типов его организации, многообразных форм его проявления, способов и характера «его действия на массы». Во-вторых, это - история «европейского империализма» на основе сравнительно-исторического анализа европейской и других мировых культур ⁷.

Подобная постановка В.Э. Крусманом проблемы «синтеза западно-европейской культуры», по мнению П.М. Бицилли, доказывала «глубокое историческое чутье» ученого. Согласно взглядам В.Э. Крусмана (которые, безусловно, разделял П.М. Бицилли), «дух европеизма» наиболее ярко был выражен в «двух творениях» «творческого гения Европы»: с точки зрения своего «внешнего проявления» – в стремлении создать «мировое царство» с осознанно поставленными «культурными целями, лишь отчасти вытекающими из целей экономической эксплуатации и политического властвования»; с точки зрения «внутренних задач» – в создании независимого от государства общества – «социального образования», «являющегося творцом и носителем народных идеалов», «противопоставляющего» себя государству и не имеющего себе аналогий в других, «вне-европейских», культурах.

Исходя из этих концептов в качестве «нормативного» европейского социально-психологического и политического образования В.Э. Крусман избрал Англию, а «английская общественность» стала главным объектом его анализа. История Англии как «классической земли «новой гражданственности» и свободной мысли» интересовала В.Э.Крусмана с точки зрения генезиса определенных политических, социальных, этических и прочих «идеалов» и их «осуществления на практике». В связи с этим он не ставил своей задачей исследовать обстановку - среду «саму по себе», создавшую и осознавшую эти идеалы. Таким образом, первая монография ученого рассматривалась им как «часть введения» в историю английского общества, в которой центральное место автор собирался отвести «английскому салону» XVIII в. Подобный подход «издалека» диктовался «условиями и характером задачи»: во-первых, «зарождение общества» (курсив П.М. Бицилли) в результате «секуляризации культурного слоя» приходился на XIV в.; во-вторых, поскольку В.Э. Крусман поставил вопрос о «внутренне-закономерном» развитии английского общества, как *нормативном*, или *типичном* (курсив П.М. Бицилли), нельзя было обойти «вопроса о происхождении» (курсив П.М. Бицилли) гуманизма в Англии». Важнейшим научным достижением В.Э. Крусмана, по мнению П.М. Бицилли, является то, что «ему удалось вполне твердо установить самостоятельность Англии в этом отношении» ⁸.

П.М. Бицилли считает, что с данной работой В.Э. Крусмана в плане реализации его глобального проекта, связаны еще две работы,

написанные ученым уже в Перми: книга о первом представителе европейской интеллигенции – Петрарке и курс лекций по истории французского салона XVII-XVIII вв.⁹. Университетские лекционные курсы В.Э. Крусмана, оригинальные по содержанию, «свежие» по материалу, чаще всего были результатами «его собственной лабораторной работы» и тесно «соприкасались» с его главным исследовательским направлением. Среди этих курсов: «Главнейшие направления историко-философской мысли в новое время», «Реформационное движение XIII в. в романских странах», «Возникновение и первый период деятельности иезуитского ордена», «Общая теория истории (Курс методологический)», «Введение в изучение новой истории», «Главные обобщения новой истории», «Вспомогательные науки истории», «Систематическое источниковедение по новой истории», «Историография нового времени», «Методология истории», «Английская история в эпоху Тюдоров», «История английского владычества в Индии», «Эпоха возрождения в Англии», «Эпоха возрождения в Италии», «Эпоха крушения средневековых культурных и политических идеалов», «История реформации», «История европейских колоний», «История установления Европейского владычества в Индийском океане», «История Северо-Американских Штатов» и проч.

Как преподаватель и в университете, и на Высших женских курсах В.Э. Крусман производил «неотразимое впечатление» на своих слушателей своим «вечным духовным горением», «научным энтузиазмом», мастерством, с которым он оперировал огромной массой фактов. Стиль его речи не отличался от его «письма», а с «кафедры» он говорил так же, как и в обыденной жизни, что свидетельствовало о «необычайной цельности» его личности, «редкой искренности и простоте». Немецких корней, протестантского вероисповедания, В.Э. Крусман, называвший себя в шутку «петербургским чухонцем», был «вполне русским человеком», или «русским европейцем». Как и большинство либеральной университетской профессуры, В.Э. Крусман принял Февраль, но, будучи ученым и трезвомыслящим человеком, предвидел «кровь и террор». Возможно, поэтому он попытался из Одессы («где демон революции вскинулся мелким бесом»: так у П.М. Бицилли) скрыться «в древнюю, подлинную, исконную Русь» - ближе к местам своего детства. Но, в итоге, оказался в эпицентре гражданской войны «без средств, без работы и без книг»: его библиотека, насчитывавшая десятки тысяч томов, «была секвестрована правительством «украинской республики» в Харькове. Обосновавшись, наконец, в Перми, В.Э. Крусман начал хлопотать о ее возврате: «без своей библиотеки он не мог работать». В очередной поездке в поисках библиотеки, он «в дороге заболел тифом» и умер в Москве.

И.М. Гревс, основоположник оригинальной культурологической школы российских медиевистов, называл В.Э. Крусмана “выдающимся историком” и еще в 1922 г. считал, что “...специалистам было бы правильно еще раз пересмотреть его работы...”¹⁰. В современной литературе принят тезис о зарождении раннегуманистических тенденций в английской культуре уже во второй половине XIV в. Исследователи творчества В.Э. Крусмана считают, что «автор сумел реализовать и одновременно подтвердить свои профессиональные знания», а также стал первым из историков, познакомившим российское культурное сообщество со знаменитым трактатом Ричарда де Бери «Филобиблон»¹¹.

Научный проект В.Э.Крусмана, безусловно, значителен. Он собирался посвятить его воплощению всю свою творческую жизнь, поэтому «не спешил», «вынашивал», но, увы, судьба распорядилась иначе. В.Э. Крусман – новатор и по постановке проблемы, и по концептуальным идеям, и по методам – широкому компаративистскому анализу влияния Европы на мир. Его исследования имеют прямую проекцию в научные поиски современной историографии: историко-культурный анализ общества «переходного» периода – от средневековья к новому времени; генезис интеллектуальных сообществ в контексте изучения «интеллектуальных сетей» (Р. Коллинз и др.). Оценка творчества В.Э. Крусмана, данная П.М. Бицилли, свидетельствует о созвучии идей и подходов, о единстве исходных теоретических концептов двух исследователей культурной истории Европы позднего средневековья, и, шире – о Новороссийском университете как научном центре, развитие которого отвечало новейшим тенденциям европейского историографического процесса.

Примечания:

¹ Бицилли П. Памяти В.Э. Крусмана // Русская мысль. – 1923. – Кн. 1/2. – С.342.

² См.: Гревс И.М. Памяти В.Э. Крусмана (Некролог) // Анналы. – 1922. - № 2. – С.255; Кан А.С. Историк Г.В.Форстен и наука его времени. – М., 1979. – С.90.

³ См. подробнее о В.Э. Крусмане, П.М. Бицилли и др.: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. – Одесса, 2007.

⁴ См.: Кареев Н.И. Был ли гуманизм в Англии в XIV в.? (По поводу одной книги) // Русские записки. – 1916. - № 3. – С. 49-65 (Пг., 1916. – 16 с.); Тарле Е.В. Новое исследование по культурной истории Англии // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. - № 3-4, отд.3. – С.139-165.

⁵ Среди первых публикаций 1990-х гг. о В.Э. Крусмане см.: Попова Т.Н. О преподавании историографии всеобщей истории в Новороссийском университете в начале XX в. // Актуальные проблемы исследования и преподавания новой истории стран Западной Европы и Америки. – Одесса, 1992. – С. 37-42; Попова Т.Н., Максименко И.В. Биоисториографические этюды. Евгений Николаевич Щепкин. Забытое имя: В.Э.Крусман. Петр Михайлович Бицилли (1879-1953) // Одесский университет. – 1995. - №№ 6-9. - 12 травня; №№14-17. – 28 червня;

Попова Т.Н. Из истории историографии: В.Э.Крусман (К 120-летию со дня рождения) // Записки историчного факультету / Одеський державний університет імені І.І.Мечникова. – Випуск 9. – Одеса, 1999. – С. 171-179 и др.; Немченко И.В. Научные изыскания В.Э.Крусмана в Одессе // IV Чтения памяти профессора П.О.Карышковского. – Одеса, 1998. – С.100-105.

⁶ Бицилли П. Памяти В.Э.Крусмана. – С.342.

⁷ Там же. – С.342-343.

⁸ Там же. – С.343.

⁹ Работа о Петrarке осталась в рукописи (П.М. Бицилли и И.М. Гревс знали о ее существовании, вероятно, от самого В.Э. Крусмана; дальнейшая ее судьба неизвестна). Курс лекций был отлитографирован, но В.Э. Крусман, исключительно требовательный к себе, отказался его публиковать, несмотря на настояния друзей (так у П.М. Бицилли). Этот курс, считает П.М. Бицилли, представлял собой «единственное в своем роде исследование, новое не только по материалам, извлеченным им из богатейшего Воронцовского фонда библиотеки Новороссийского Университета, но и по постановке вопроса». См.: Русская мысль. – 1923. – Кн.1/2. – С.344.

¹⁰ Гревс И.М. Памяти В.Э.Крусмана. – С.258.

¹¹ История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной. – М., 1999. – С.202; Шевчук Н.А. В.Э. Крусман и его научно-педагогическая деятельность // Вопросы германской истории. Сб. научных трудов. – Днепропетровск, 2001. – С. 96-97; Зленко Г. Первооткрыватель “Филобиблona”. К 120-летию со дня рождения историка В.Э.Крусмана // Вечерняя Одесса. – 1999. – 9 декабря.

С.Н. Прокопенко (Белгород, Россия)

ХОРА ФАНАГОРИИ И КЕП В VI – первой четверти III вв. до н.э. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Изучение хоры полисов Боспора является одним из самых перспективных направлений исследований¹. Сделаны первые немногочисленные обобщения, где развитие округа античных городов Тамани освещалось в самых общих чертах². За последние 15-20 лет на хоре в окрестностях Фанагории и Кеп раскопкам подверглись лишь единичные поселения³.

Письменные свидетельства почти не содержат нужной нам информации, а трассы валов как погранично-оборонительных сооружений в рамках нашей территории не выявлены⁴. Нет единого мнения в вопросе, что же собой представлял Таманский полуостров в VI – первой четверти III вв. до н.э. Большинство ученых видят Тамань архипелагом островов⁵, прочие – крупным островным образованием⁶. Для нашего исследования этот вопрос не принципиален. Низина к северу от г. Цимбалка (Субботин ерик) и низина в районе т.н. южной протоки, которая, возможно, соединяла Ахтанизовский лиман с Таманским заливом южнее

современного поселка Приморский, в любом случае, даже если они не были заполнены водой, представляют собой естественные границы ландшафтной микрзоны, идентичной выделяемому исследователями острову Фанагора. Таким образом, центральная часть Тамани имела естественные границы. Данная микрзоны была достаточно компактной (ок. 6000 га), включая в себя три «селитебные» зоны, наиболее благоприятные для заселения: «ближняя хора Фанагории», «Округа Кеп», «Восточный округ»⁷.

Основную роль в выявлении границ сельских территорий Фанагории и Кеп мы отводим анализу поселенческой, дорожной и межевой систем центральной части Таманского полуострова VI – первой четверти III вв. до н.э.

Развитие хоры Фанагории и Кеп рассматриваемого периода, с некоторыми оговорками, можно разбить на два этапа: 1) вторая четверть VI – конец V вв. до н.э. (развитие хоры автономных полисов); 2) начало IV – начало III вв. до н.э. (развитие хоры Фанагории и Кеп в рамках надполисного Боспорского государственного объединения).

Первый этап характеризуется началом освоения древними греками указанной микрзоны. Поселение Кепы, возникшее в северо-западной части о. Фанагора во второй четверти VI в. до н.э.⁸, по-видимому, оказалось первым в центральной части Тамани. Позднее, в середине VI в. до н.э., в 6 км к юго-западу от Кеп основывается Фанагория⁹. Вопрос о статусе данных поселений на ранних этапах их существования дискусионен, но мы солидарны с теми, кто склонен предполагать наличие у них изначально полисного статуса¹⁰. Таким образом, мы можем говорить о начале формировании полноценной хоры Фанагории и Кеп как полисов с момента их образования.

Кепами в течение второй четверти VI в. до н.э. осваивались преимущественно ближайшие территории. Этот процесс носил внепоселенческий характер; по крайней мере, поселений данного периода в округе Кеп не обнаружено. Хора, скорее всего, не простиралась далее 4–5 км от городища. После основания Фанагории на землях вокруг нее начинает формироваться поселенческая система хоры. Аналогичный процесс начинается тогда же и на хоре Кеп. Определилось и основное – северо-восточное – направление расширения хоры Кеп. В начале второй половины VI в. до н.э. сельская округа Кеп увеличивается, распространяясь и на т.н. Голубицкий остров.

Хора Фанагории изначально демонстрирует небывалую динамику развития. Она в короткие сроки не только догнала в развитии округу Кеп, но и превзошла ее. Хора Фанагории распространялась в юго-восточном направлении, включив обширные территории. Северной границей, отделявшей владения Фанагории от земель Кеп, считается полоса, простиравшаяся от юго-восточной оконечности Таманского залива на

восток до южного склона г. Цимбалка¹¹. Южную границу выделить крайне сложно, можно лишь предположить, что ядро хоры Фанагории в этот период составляла юго-западная часть микрозоны о. Фанагора.

В восточной части острова Синдика (южнее о. Фанагора) к хоре Фанагории можно отнести земли двух поселений к югу от Фанагории - поселения Сенной 2, основанного на южном берегу Гипаниса-Антикита, и Вышестеблиевская 1 на северном берегу Цокурского лимана, а также пяти поселений в восточной оконечности о. Синдика¹². Поселения на о. Синдика можно было бы отнести и к хоре Гермонассы – главного полиса этого острова, но в пользу фанагорийской их принадлежности говорит гораздо большая близость к ним Фанагории, а также единая с ней дорожная сеть. С.Л. Соловьев также не рассматривает данные поселения в рамках хоры Гермонассы¹³.

Таким образом, хора Фанагории на данном этапе имела внушительные размеры, но, в то же время, она, скорее всего, не отличалась устойчивостью. Хора Кеп была более компактной, и, как нам кажется, лучше вписывается в определение хоры идеального полиса по Аристотелю [Aristot.Pol., VIII, 5, 1-2]. Со временем (после освоения всего о. Фанагора) еще одним направлением расширения хоры Кеп становится северное (на о. Киммерида), но особенно крупных приобретений, на наш взгляд, здесь быть не могло в силу наличия других полисов (Патрэй). В этот период создается инфраструктура хоры, представленная дорожной системой, размежевываются участки земли¹⁴.

В последней четверти VI – первой четверти IV вв. до н.э. хора Фанагории и Кеп в размерах практически не увеличивалась. Процесс развития хоры шел по пути усложнения ее структуры. Динамика роста численности поселений на хоре Кеп и Фанагории выглядела неодинаково. Так, к середине V в. до н.э. количество сельских поселений на округе Кеп достигло 6-ти (т.е. увеличилось вдвое), а на хоре Фанагории – 26-ти, что составляет увеличение в 3 раза.

На протяжении последней четверти V в. до н.э. исследователями отмечена некоторая стагнация в поселенческой структуре Тамани¹⁵ (хора Фанагории и Кеп не исключение). Период стагнации хоры античных городищ Тамани начался с середины V в. до н.э., что было вызвано усилением давления варваров на античные территории Тамани¹⁶. Возможно, причинами этого, кроме внешней угрозы, послужили и внутренние процессы, связанные с оформлением надполисного государства на Боспоре (деятельность первых Спартокидов). Также нельзя исключать и необходимости перегруппировки и накопления новых ресурсов для развития хоры на более высоком уровне.

Второй этап развития хоры Фанагории и Кеп (начало IV – начало III вв. до н.э.) связан с деятельностью династии Спартокидов, которая предпринимает активные действия по вовлечению полисов в орбиту

Боспорского государства. Одним из первых полисов, который попал в зависимость от Спартокидов, были Кепы (конец V в. до н.э.)¹⁷. Фанагория же была подчинена, скорее всего, в начале IV в. до н.э. Войдя в состав надполисного государства, они потеряли прежнюю автономию и получили «наместников» Спартокидов. Но при этом сохранение в обращении демотикона и скудные упоминания о народном собрании указанного времени говорят о том, что полисы сохраняют внутреннее самоуправление¹⁸. Степень этого самоуправления была для каждого полиса различной. Возможно, Фанагория сохранила больше автономии в силу более позднего подчинения, больших внутренних ресурсов, заинтересованности Спартокидов в лояльности города как регионального центра.

Спартокиды сохранили полисное землевладение как в Фанагории, так и в Кепах. Сообщение античных авторов о Гилоне, получившем от Спартокидов в управление Кепы [Schol. ad Demosph. VIII. P. 18; Aeschin. III. 171], не обязательно означало свободное распоряжение Спартокидами земельным фондом полиса. Мы согласны с мнением С.Ю. Сапрыкина, по которому Гилону было даровано право стать гражданином Кеп и уже на общих основаниях владеть земельным участком¹⁹. Таким образом, полисное землевладение в центральной части Тамани в указанное время оставалось единственной формой землевладения, новых форм не появилось.

В это время были также налажены рынки сбыта боспорского зерна, аграрные территории находились под покровительством и защитой государства, наблюдалась политическая стабильность, за исключением редких столкновений (война Перисада I со скифами в конце IV в. до н.э. и т.д.). Как следствие всего этого, хора рассматриваемых нами городов достигла пика в своем развитии. Начиная со второй четверти IV в. до н.э., вплоть до конца первой четверти III в. до н.э., численность сельских поселений на хоре Фанагории и Кеп увеличилась в несколько раз.

К хоре Фанагории можно отнести около 70 поселений; к хоре Кеп около 30, что составляет увеличение приблизительно в 2,5-3 раза. Данные цифры отражают общую тенденцию развития поселенческой структуры Таманского полуострова в указанное время²⁰. В этот период большая часть уже ранее размежеванной земли на хоре Фанагории и Кеп, видимо, была снова разбита на наделы, формируется ортогональная система межевания²¹. Дорожная сеть также расширяется²².

Итак, хора Фанагории и Кеп уже на ранних этапах своего развития сравнительно быстро достигла территориального максимума. При этом хора Фанагории была больше хоры Кеп. С середины V в. до н.э. основным направлением эволюции хоры Фанагории и Кеп стало усложнение ее структуры.

Примечания:

¹ См. например: Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. – М., 1998. – 304 с.; Гаврилов А.В. Феодосия и ее округа в античную эпоху // ПИФК. Вып. XIII. – 2003. – С. 77-99.; он же: Округа античной Феодосии. – Симферополь, 2004. – 368 с.; Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфей // БИ. Вып. IV. – 2003. – 30 с.; он же: Проблемы датировки ранних поселений хоры Пантикапея и Нимфея // Боспорский феномен. – СПб., 2004. – С. 14-20; он же: Хора городов Западного побережья Боспора Киммерийского в IV – нач. III вв. до н.э. // Боспорский феномен. – СПб., 2005. – С. 74-79; он же: Постройки VI-V вв. до н.э. полисной хоры Европейского Боспора // Боспорские чтения. Вып. VII. – Керчь, 2006. – С. 133-143; он же: Хора полисов Боспора и кризисные ситуации VI-V вв. до н.э. // БИ. Вып. XI. – 2006. – С. 3-28; он же: Хора боспорского города Тиритака в VI-V вв. до н.э. // Из истории античного общества. Вып. 9-10. – Н. Новгород, 2007. – С. 68-79; он же: Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского // БИ. Вып. XV. – 2007. – 336 с.; он же: The Chora of Nymphaion (6th century BC – 6th century AD) // Surveying the Greek Chora the black sea region in a comparative perspective. – Aarhus, 2006. – P. 289-308; Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. – Симферополь, 2007. – 408 с. и др.

² См. например, Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ. Вып. XII. – 2006. – 304 с.; Saprykin S.Ju. The Chora in the Bosporan Kingdom // Surveying the Greek Chora the black sea region in a comparative perspective. – Aarhus, 2006. – P. 273-288; он же: Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. – М., 2006. – С. 171-242.; Шепко Л.Г. Земельные отношения на Боспоре V-III вв. до н.э. // Вісник Донецького ун-ту. Серія Б. Гуманітарні науки. – 2000. – №2. – С. 132-138; она же: К вопросу о земельных отношениях на Боспоре в V-III вв. до н.э. // Проблемы истории и археологии Украины. – Х., 2001. – С. 80-82 и др.

³ Исследование поселения Солёный 3: Кузнецов В.Д. Раскопки в Фанагории // АО. 2005. – М., 2006. – С. 325; об изучении поселений Вышестеблиевская 11, 12, Старотитаровская 17, которые, как можно предположить, относились к дальней хоре Фанагории см.: Рогов Е.Я. Разведки в юго-западной части Таманского п-ова // АО. 1998. – М., 2000. – С. 210; он же: Работы на юге Таманского полуострова // АО. 1999. – М., 2001. – С. 164-165; Рогов Е.Я., Кашаев С.В. Работы российско-германского отряда на поселении Вышестеблиевская 11 // АО. 2000. – М., 2001. – С. 139-140; Кашаев С.В. Работы российско-германского отряда на поселении Вышестеблиевская 11 // АО. 2001. – М., 2002. – С. 275-276; Виноградов Ю.А., Кашаев С.В. Боспорская экспедиция ИИМК РАН // АО. 2002. – М., 2003. – С. 234-235; Кашаев С.В., Андреева О.В. Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК // АО. 2004. – М., 2005 – С. 299-300; Кашаев С.В., Павлова М.С., Цинько А.С. Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК // АО. 2005. – М., 2006. – С. 318-319.

⁴ Т.н. Киммерийский вал, по мнению большинства исследователей, никак не соотносится с хорой рассматриваемых нами античных центров: Веселов В.В. О «киммерийском вале» на Таманском полуострове // СА. – 1957. – №3. – С. 252-254; Абрамов А.П., Васильев А.Г., Копейкин В.В., Морозов П.А. Модификация георадаров для морских подводных работ // www.geo-radar.ru/publish/pub3.htm.

⁵ Поночевный М.О. Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. П. – Екатеринодар, 1891. – С. 9; Войцеховский С.Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова, применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени // Записки Северо-Кавказского КОАИЭ. – Кн. I. (Т. III). – Вып. 5-6. – Ростов, 1929. – С. 6-7; Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС. №1. – 1992. – С. 109-147; он же: Материалы к выделению культурно-исторических ландшафтов Тамани // Археологический фактор в планировочной организации территории. – М., 1997. – С. 189-213 и др.

⁶ См. например: Абрамзон М.И. и др. Исследования в рамках Таманского регионального археологического проекта (ТРАП) в 1998 г. // ПИФК. Вып. VII. – 1999. – С. 366-367; Горлов Ю.В., Поротов А.В. К проблеме палеографии Таманского полуострова // Сборник Русского Исторического общества. – 2002. – №4 (152). – С. 277-289.

⁷ Паромов Я.М. Пространственная организация... - С. 41.

⁸ Кузнецов В.Д. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА, 204. – 1991. – С.34.

⁹ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. – М.-Л., 1953. – С. 61; Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // Древности Боспора. Вып. 4. – М., 2001. – С. 232-233.

¹⁰ Подробнее см.: Прокопенко С.Н. Боспорские полисы в VI - 1-й четв. V в. до н.э. // Боспорские чтения. Вып. VIII. – Керчь, 2007. – С. 253-258.

¹¹ Веселов В.В. Указ. соч. – С. 252-254; Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической ... - С. 177.

¹² Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения ... - С.53, 61, 63, 64-66, 80-81.

¹³ Соловьев С.Л. Хора Борисфена, Ольвии, Нимфея и Гермонассы: результаты исследования и сравнительный анализ // Таманская старина. Вып. 3. – СПб., 2000. – С. 163-166; он же: Хора Гермонассы: итоги исследований // Таманская старина. Вып. 4. – СПб., 2002. – С. 33-60; он же: Хора Борисфена, Ольвии, Нимфея и Гермонассы: опыт сравнительного анализа // Stratum plus. – 2003-2004. – №3. – С. 226-234; он же: Хора Борисфена, Ольвии, Нимфея и Гермонассы: результаты исследований и сравнительный анализ // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII-I вв. до н.э. – СПб., 2006. – С. 156-163.

¹⁴ Паромов Я.М. Планировочные принципы... - С. 5; Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Древнейшая система мелиорации на Таманском п-ове // ВДИ. – 1995. – №3. – С. 131-133.

¹⁵ Абрамов А.П., Паромов Я.М. Указ. соч. - С. 77.

¹⁶ Завойкин А.А., Маслеников А.А. Специфика освоения... - С. 121.

¹⁷ Борисова В.С. Развитие государственной системы Боспора в VI-IV вв. до н.э. / Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Н. Новгород, 2006. - С. 18-21.

¹⁸ Там же. - С. 20-22.

¹⁹ Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. - С. 176-178.

²⁰ Паромов Я.М. Планировочные... - С. 6-7; он же: К вопросу о типологии... - С. 150.

²¹ Паромов Я.М. О земельных наделах... – С. 309-319; Гарбузов Г.П. Структура древнего землеустройства Таманского п-ова // РА. – 2003. – №3. - С. 61-71.

²² Паромов Я.М. Главные дороги... – С. 216-225.

Я.С. Радолицкая (Санкт-Петербург, Россия)
**К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЗОЛОТЫХ
МЕДАЛЬОНОВ С ПОДВЕСКАМИ ИЗ КУРГАНА КУЛЬ-ОБА**

Изделия греческих торевтов играли существенную роль в процессе эллинизации варварского мира. Ярким примером могут служить найденные в кургане Куль-Оба¹ височные украшения, представляющие собой парные золотые медальоны с прикрепленными к ним гирляндами подвесок. Несмотря на то, что эти изделия уже давно привлекают внимание учёных², основные аспекты их изучения являются на сегодняшний день дискуссионными³.

Одним из самых спорных вопросов остаётся проблема происхождения кульобских украшений. Все исследователи единодушны во мнении, что подвески – результат творчества именно эллинского, а не скифского мастера, однако, относительно определения их места изготовления точки зрения учёных принципиально расходятся.

Так, Г. Кизерицкий считал подвески блестящей аттической работой⁴, с этой гипотезой соглашался и А. Фурвенглер⁵, в то время как Д. Робинсон полагал, что подвески ионийского происхождения, но выполнены под влиянием аттического искусства⁶. А.П. Манцевич, склоняется в сторону гипотезы о фракийском происхождении медальонов из Куль-Обы, как и некоторых других изделий торевтики V-IV вв. до н.э., найденных в Северном Причерноморье⁷. Р. Хигинс считает, что стиль изображения на дисках исследуемых украшений греческий, но поскольку их аналоги в других областях эллинского мира не найдены, подвески следует рассматривать как работу греческого мастера для варварской клиентуры⁸.

В современной отечественной литературе встречается мнение о боспорском происхождении подвесок. Этой точки зрения придерживается, например, Н.А. Онайко⁹, а также Р.С. Минасян, который считает, что кульобские медальоны с подвесками, конструктивно и композиционно аналогичные подвескам из Большой Близницы¹⁰, вероятно, были изготовлены в одной боспорской мастерской, одними и теми же мастерами¹¹.

Этой версии оппонирует Н.Л. Грач¹². Она подчёркивает, что трактовка головы на медальоне восходит к памятникам греческой пластики конца V в. до н.э. и относит кульобские подвески к кругу аттических памятников, специально предназначенных для Боспора, т.е. к афинскому экспорту.

Таким образом, на сегодняшний день существует три основные версии происхождения исследуемых изделий: первая – подвески были созданы коренным жителем Боспора, творившим в местных мастерских, вторая – подвески выполнены на Боспоре, но являются результатом

творчества ювелира, воспитанного и сформировавшегося в традициях эллинской школы, и, наконец, третья – подвески прибыли на самую окраину античной Ойкумены из Аттики или расположенных поблизости к ней греческих центров.

Необходимо отметить, что большинство учёных, высказывая ту или иную точку зрения, ограничиваются только её изложением, не сопровождая при этом подробной аргументацией. В данном исследовании будет сделана попытка определения возможного места изготовления подвесок на основании двух подробных анализов: изображения на медальонах и схемы сборки гирлянды.

Впервые научный иконографический анализ эрмитажных подвесок был сделан в 1883 г. Г. Кизерицким, который пришёл к выводу, что голова в шлеме, представленная на медальонах, является репликой знаменитого шедевра Фидия – Афины Парфенос¹³. В своей статье автор основывался на известных в конце XIX в. повторениях Афины Парфенос, а именно скульптурах Варвакион (Национальный музей, Афины), Ленорман (Национальный музей, Афины), «Минерва в колье» (Лувр, Париж) и гемма Аспазия (Национальный музей, Рим). С тех пор в научный оборот было введено большое количество памятников, повторяющих оригинал Фидия, что позволяет более полно изучить эрмитажную реплику.

Многочисленные повторения Афины Парфенос представлены во всём многообразии материалов и техник: мраморные статуи, терракоты, монеты, геммы, изображения на вазах. Из-за колоссальных размеров и дорогих материалов оригинала ни одна реплика не воспроизводила его в полном масштабе и со всеми деталями, поэтому все они – не более чем в большей или меньшей степени вольные интерпретации подлинника. Мастера, выполняющие свои работы либо с эскизов, либо по памяти, либо с других реплик, заведомо не имели возможности адекватно передать детали и мастерское исполнение. В то же время некоторые миниатюрные произведения с изображением только головы богини довольно тщательно передают иконографические особенности образа Парфенос, и среди них – исследуемые золотые подвески из кургана Куль-Оба¹⁴.

Анализ деталей изображения и сопоставление их с другими копиями¹⁵ позволяет сделать вывод о передаче в облике Афины на кульбоских подвесках всех основных особенностей оригинала. К их числу относятся: трёхгребневый аттический шлем со сфинксом в центре и двумя Пегасами по бокам; наличие грифонов и оленей (или косуль) за налобником; отделка поверхности шлема и налобника; вертикально поднятые нащёпки с изображёнными на них грифонами; наличие змей вдоль края эгиды, одна из которых своими кольцами поддерживала копье, стоящее с левой стороны от богини; массивное лицо богини с тяжёлым округлым подбородком; наличие ожерелья и серёг в уборе богини.

Точность передачи деталей, которая очевидна при сопоставлении всех реплик, говорит о том, что изображение на подвесках, вероятнее всего, было выполнено непосредственно с оригинала.

В то же время, ряд мелких деталей – сова, помещенная на нащёчнике; повёрнутая назад голова одного из Пегасов; украшенный волнитообразным декором шлем, прямой край налобника – не соответствует большинству реплик Афины Парфенос. Однако они могли быть дополнены мастером для улучшения общей композиции изделий и не представляются значительными для реконструкции образа оригинала.

Таким образом, можно предположить, что рисунок изображения или восковая модель были выполнены человеком, который хорошо знал работу Фидия, т.е., возможно, непосредственно в Афинах. Однако данное утверждение ещё не доказывает, что процесс изготовления подвесок в его механической части – собственно исполнение оттиска, сборка и прикрепление к нему гирлянды – не был исполнен боспорским мастером. Прояснить эту проблему может помочь анализ схемы сборки гирлянды.

На сегодняшний день не вызывает сомнения, что гирлянда и диски, будучи античными по своему происхождению, не были изготовлены одновременно. Первым этот факт установил Р.С. Минасян¹⁶. Проанализировав крепёжные кольца на оборотной стороне дисков, он пришёл к выводу о том, что гирлянды – результат вторичного монтажа-ремонта, выполненного местным мастером непосредственно перед погребением, и что диски куль-обских подвесок – это всё, что осталось от оригинала в неизменном виде. Для того, чтобы оценить достигнутый боспорским ювелиром результат, следует сравнить сохранившуюся гирлянду с её предполагаемым первоначальным видом. Р.С. Минасян предложил свой вариант реконструкции данной гирлянды, отбросив чуждые элементы декора и добавив недостающие привески, аналогичные тем, которые сохранились в гирлянде. Таким образом, учёный исправил очевидные грубые ошибки мастера, но при этом отметил, что его реконструкция не касается вида замков, привесок и их расположения в рядах, ибо остаётся неизвестным, какие детали оригинала были использованы при ремонте, а какие элементы были добавлены мастером.

Автор данного исследования предлагает другой вариант реконструкции гирлянды, в отличие от Р.С. Минасяна, полностью абстрагируясь от её современного вида. Данная реконструкция основана на предположении, как могла бы выглядеть гирлянда, если бы она была собрана в соответствии с основными принципами конструирования гирлянд украшений роскошного стиля, а именно с учётом симметрии и гармонического равновесия составляющих украшения частей¹⁷.

Если сравнить принципы сборки гирлянды височных подвесок из Куль-Обы с гирляндами других украшений, можно проследить некоторые

несоответствия, выделяющие диски с Афиной из общего ряда произведений:

а. Нарушается принцип наличия разновеликих подвесок в разных рядах

б. Нарушается принцип увеличения размеров подвесок от верхних рядов к нижним.

с. Места крепления подвесок к цепочке во 2-м и 3-м рядах маскируются не только изящными розетками или бляшками, а также при участии грубоватого спиралевидного элемента из гладкой проволоки.

д. Нарушается принцип чередования подвесок с различным декором в разных рядах.

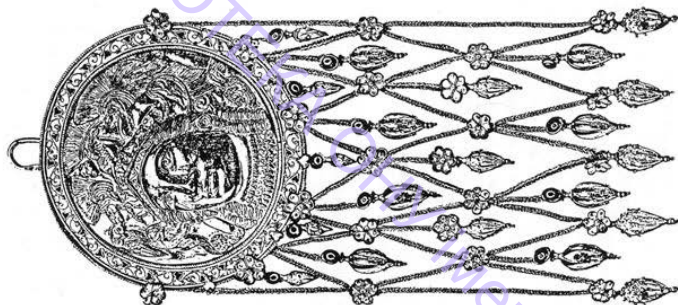
е. Подвески плохо вписываются в пространство ромбов.

Сопоставляя современный вид гирлянды с двумя предложенными реконструкциями, можно увидеть, что для мастера, готовящего подвески к погребению, принцип конструирования гирлянд роскошного стиля был чужд. Столь грубые ошибки, допущенные им, объясняются скорее незнанием, чем поспешностью и небрежностью. Ювелир не только не имел опыта сборки таких гирлянд, но, по-видимому, даже не был знаком с подобными изделиями¹⁸. Работа боспорского мастера нарушила гармонию украшения, и предположение, что другие художники этой мастерской незадолго до ремонта подвесок могли создать их в первоначальном виде – сомнительно.

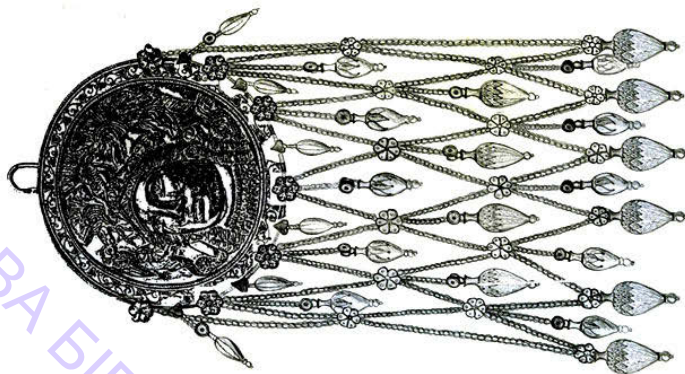
Таким образом, на основании вышеприведённых аргументов, следует исключить версию об изготовлении оригинальных кульобских височных подвесок местными мастерами. В то же время вопрос, где именно творил автор украшений – в Аттике, на родине знаменитого шедевра Фидия, в Малой Азии, где образ Афины Парфенос пользовался большой популярностью, на одном из островов Эгейды или же ювелир работал непосредственно на Боспоре, прибыв туда из Греции со своим набором инструментов, – остаётся открытым и ждёт дальнейшего исследования.

Современный вид гирлянды

Первоначальный вид гирлянды:
Реконструкция Р. С. Минасяна

Первоначальный вид гирлянды:
Реконструкция Я. С. Радолицкой

¹ Раскопки кургана Куль-Оба, расположенного на Керченском полуострове, были начаты Дюбрюксом 22 сентября 1830 г. Дюбрюкс первым отметил скифский характер погребения, восприняв его как иллюстрацию к рассказам Геродота. Эта точка зрения принята и в отечественной историографии XX в.

² Kieseritzky G. *Athena Parthenos der Ermitage* // AM, 8. – 1883; Минасян Р.С. О первоначальном облике золотых подвесок с изображением головы Афины из кургана Куль-Оба. // СГЭ, LVIII. – СПб., 1999. – С.35-39; Грач Н.Л. Подвески с Афиной. Рукопись (без пагинации). Архив Отдела античного мира ГЭ.

³ К этим аспектам относятся: проблема датировки и определения места изготовления, технологические особенности изготовления, история бытования украшения, анализ сюжета и композиции изображения.

⁴ Kieseritzky G. *Op.cit.* – P. 22.

⁵ Изл. по: Грач Н.Л. Указ. соч.

⁶ Robinson D. *Two Copies of Athena Parthenos*. АYA, XV. – 1911. – P. 35.

⁷ Изл. по: Прушевская Е.О. Художественная обработка металла (торевтика) / Античные города Северного Причерноморья. – Л., 1955. – С. 337.

⁸ Higgins R.A. *Greek and Roman jewellery*. – L., 1961.

⁹ Онайко Н.А. К художественно-технической характеристике золотых оттисков. // СА, №1. – 1979. – С. 263-267.

¹⁰ Единственный известный на сегодняшний день типологический аналог золотым подвескам из Куль-Обы – парные подвески из кургана Большая Близница, с изображением nereиды на гиппокампе, несущей доспехи Ахиллу (см., например: Минасян Р.С. Ук.соч.). Склеп Деметры, из которого непосредственно происходят подвески с nereидой, был раскопан в 1864 г. И. Е. Забелиным и А. Е. Люценко.

¹¹ Минасян Р.С. О первоначальном облике золотых подвесок с изображением головы Афины из кургана Куль-Оба. // СГЭ, LVIII. – СПб., 1999. – С. 39.

¹² Грач Н.Л. Указ. соч.

¹³ Статуя была установлена в 438 г. до н.э. в Парфеноне и погибла не ранее II в. до н.э. Сами подвески большинством учёных датируются первой половиной IV в. до н.э. Курган Куль-Оба датируется приблизительно 350 г. до н.э.

¹⁴ К числу таких произведений также относятся: гемма Аспазия (Национальный музей, Рим), бронзовые медальоны из Лувра (Париж, Лувр).

¹⁵ Автором данного исследования было проанализировано 24 реплики Афины Парфенос.

¹⁶ Минасян Р.С. Указ. соч.

¹⁷ Данные принципы были исследованы и сформулированы на основании анализа гирлянд следующих роскошных украшений: височных подвесок и ожерелья из Большой Близницы (Государственный Эрмитаж, СПб), серёг и ожерелья из Феодосии (Государственный Эрмитаж, СПб), серёг и ожерелья из Куль-Обы (Государственный Эрмитаж, СПб), ожерелья с острова Мелос (Британский музей, Лондон), ожерелья из Митилины (Музей Метрополитен, Нью-Йорк).

¹⁸ На сегодняшний день нам не известны более ранние, чем изделия из кургана Куль-Оба, украшения роскошного стиля в искусстве Северного Причерноморья.

*Е.Ф. Редина (Одесса, Украина),
Е. Папуци-Владыка, С. Стельмах (Краков, Польша)*

ЧЕРНОЛАКОВЫЕ ЗАСТОЛЬНЫЕ ЧАШИ КОШАРСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Украинско-польская экспедиция Одесского Археологического музея Национальной академии наук Украины и Института Археологии Ягеллонского университета в Кракове с 1997 г. проводит археологические исследования на античном поселении Кошары (Коминтерновский район Одесской области), расположенном на правом берегу Тилигульского лимана¹.

Памятник представляет собой агломерацию археологических объектов, куда входит укрепленное городище, предместье с несколькими индивидуальными усадьбами, пастушеские стоянки, культовое сооружение – «зольник» и некрополь. Время существования археологического комплекса от начала IV до середины III в. до н.э.

Самой многочисленной категорией археологического материала, обнаруженного во время исследований, является керамическая посуда, среди которой на первом месте стоят амфоры². Отдельную и очень важную группу составляет чернолаковая керамика. Это столовая посуда, ее применяли в быту, а также клали в могилы как сопровождающий погребальный инвентарь.

Основная часть целых форм коллекции чернолаковой посуды происходит из погребений. За период исследования некрополя, несмотря на значительный процент разграбленных комплексов (86 %), было обнаружено 52 чернолаковых и расписных сосуда, а также отдельные, подработанные днища сосудов, которые использовались как солонки. Подавляющее число чернолаковой керамики, найденной в Кошарах, принадлежит аттическому производству и является важным датированным источником³.

Встречающиеся на некрополе керамические формы составляют стандартный набор, который характерен для многих античных некрополей Северного Причерноморья IV в. до н.э.⁴ Это сосуды для хранения пищи и жидкости (амфоры, кувшины, миски, блюда, солонки, блюдца), застольные чаши для питья (килики, канфары, скифосы), туалетные флаконы для хранения ароматических веществ (лекифы, алабастры, амфориски, унгвентарии и др. – 15 экземпляров). Остальные формы более редкие и встречаются в одном или нескольких экземплярах. Например, из тризн некрополя происходят два краснофигурных аска, фрагмент крышки краснофигурной леканы и фрагменты кратера.

Особую роль среди посуды, которую использовали в погребальных церемониях, играли застольные чаши, или чаши для вина.

Первое место среди них по числу находок занимают канфары с профилированной ножкой – подставкой (kantharoi moulded rim) – 17 экземпляров. Второе – килики-скифосы (cup-skyphoi) – 12 экземпляров.

Килики-скифосы

Выделяются два типа: с тонкими и утолщенными стенками⁵.

а/ Килик с толстыми стенками (cup-skyphoi with heavy wall) - на широкой, профилированной подставке, с округлым, «литым» венчиком - валиком, отделенным от стенки, по внешней стороне, нешироким желобком. Венчик слегка нависает над чашей. Ручки массивные, петлевидные, слегка приподняты над венцом. Внутри чаши штампованный и резной орнамент из 4 мелких пальметт, расположенных крестовидно и соединенных линиями в виде ромба, в середине которого двойной круг. Центральный орнамент вписан в окружность из двойных тонких линий, внутри которых каплевидные овы. На внутренней части подставки круговые полосы лака. Данный экземпляр происходит из могилы № 46 (черт. 1:3) и найден в комплексе с амфорой Гераклеи Понтийской, тип I, ⁶ которая датируется 380 г. до н.э.⁷ Килики с «литым» валиком-венчиком в материалах семейно-родового участка Ольвийского некрополя также датируются 380 г. до н.э.⁸ Материалы Афинской агоры отмечают появление данного типа после 420 г. до н.э. и его популярность до 380 г. до н.э. В Степную Скифию данный тип киликов поступает в обращение с конца V в. до н.э. и продолжает использоваться всю первую половину IV в. до н.э.⁹

б/ Килики с тонкими стенками (cup-skyphoi with light wall). Из Кошарского некрополя происходят несколько вариантов: тюльпановидные (cup-skyphoi with light wall), и полусферические (bowl – shaped).

1. Тюльпановидные. Представляют собой глубокую чашу на широкой профилированной подставке, с тонкими или слегка уплотненными стенками и утонченным венчиком, слегка отогнутым наружу. Ручки петлевидные, возвышающиеся над венчиком. На внутренней стороне чаши, в кругу из насечек, оттиснуты четыре крестообразно расположенные пальметки. Выпуск сосудов данной формы в Аттике начался в третьей четверти V в. до н.э. и продолжался до второй четверти IV в. до н.э. Анализ находок подобных сосудов, по мнению исследователей, свидетельствует о прекращении их поступления на рынки Причерноморья не позднее середины IV в. до н.э.¹⁰ Данный тип киликов был обнаружен на Кошарском некрополе в погребениях № 1, 4, 24, 85, 110, 111, 272. Самый ранний из них (черт. 1:1) датируется 380-370 гг. до н.э.¹¹ и найден в погребении № 85 в комплексе с амфорой Гераклеи Понтийской (тип I) ¹². Близкий к нему килик происходит из погребения № 110 и датируется 375-350 гг. до н. э. Еще один килик (черт. 1:2), вместе с чернолаковой солонкой (черт. 3:6.), входил в богатый погребальный

инвентарь девушки (погребение № 111). Оба сосуда датируются 375-350 гг. до н. э. Аналогичны и килики из погребений №4 и №24. Слегка отличается килик из склепа №1. У него отсутствуют пальметты, но круг насечек сохранен, при этом его датировка остается в пределах 380-350 гг. до н.э.

2. Килики полусферической формы (bowl – shaped), тонкостенные, с обрезным краем, на высокой профилированной подставке. Венчик загнут во внутрь сосуда по форме. Ручки округлые в сечении, петлевидные, приподняты над краем чаши. На дне одного из экземпляров спиралевидный орнамент в два оборота из косых насечек. На Кошарском некрополе полусферические килики найдены в двух погребениях: №3 – два килика, и в погребении № 108 (черт. 1:6). Датируются второй четвертью-серединой IV в. до н.э.¹³

Килики-канфары (cup-kantahroi)

Выпуск канфаровидных киликов начинается с начала IV в. до н.э. и продолжается в течение трех четвертей столетия. Килики-канфары происходят от толстостенных киликов-скифосов и имеют два варианта.

а/ Канфаровидный килик (moulded rim) на высокой профилированной подставке, с «литым», треугольным в сечении, венчиком. Внутри чаши штампованный орнамент в виде четырехлепестковой пальметты, заключенной в круг из насечек. Сосуды этой серии появляются на Афинской агоре ок. 390-380 гг. до н.э. и пользуется популярностью до 275 г. до н.э.¹⁴ Основная масса находок канфаровидных киликов в Северном Причерноморье приходится на вторую и третью четверти IV в. до н.э. В Кошарах этот вариант представлен сосудом из погребения №121 (черт. 1:4) и датируется по орнаменту и форме 350-325 гг. до н.э.¹⁵

б/ Канфаровидный килик (squat rim), на высокой профилированной подставке, со слегка уплотненными стенками, утонченным венчиком, слегка отогнутым наружу. Венчик от тулова отделен по внешней поверхности желобком, по внутренней – уступом. Ручки петлевидные, возвышающиеся над венцом. Имеет на внутренней части чаши орнамент в виде круга из насечек. Сосуд из могилы №100 наиболее ранний и датируется 375-350 гг. до н.э.¹⁶ (черт. 1:5), а из погребения №209 – 340-325 гг. до н.э.¹⁷, что подтверждается и датировкой амфоры из этого же погребения.¹⁸

Канфары являются одной из популярных форм среди чернолаковой аттической керамики. Они имеют приземистое или вытянутое тулово, конусовидную профилированную подставку, вертикальные ручки с горизонтальной площадкой на уровне края венчика со специфическими выступами, которые видоизменяются во времени.

В материалах Кошарского некрополя канфары представлены несколькими типами: классические (обычные), с треугольным в сечении

«литым» или простым венчиком, и канфары каннелированные, с орнаментом в стиле West Slope.

а/ Канфары с приземистым туловом на невысокой профилированной подставке (moulded rim) являются наиболее распространенным типом. Венчик валикообразный, треугольный в сечении, «литой». Внутренняя часть дна часто украшена штампованным орнаментом в виде пальметт, расположенных крестообразно и вписанных в круг из насечек. Данный тип сосудов получает распространение в Северном Причерноморье во второй – третьей четверти IV в. до н.э. Выделяются ранняя и поздняя группы.

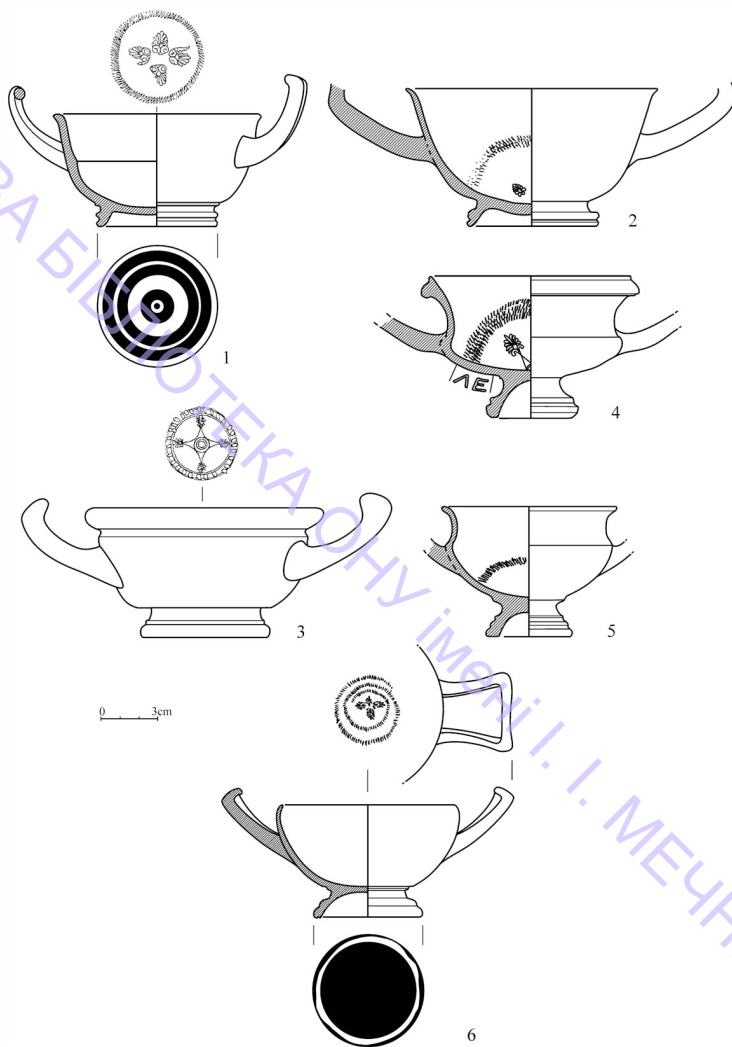
1. К первой половине IV в. до н.э. относятся 6 сосудов. Самый ранний экземпляр происходит из детского погребения № 81 и датируется второй четвертью IV в. до н.э.¹⁹ (черт. 2:1). Он найден в комплексе с расписным лекифом и чернолаковой мисочкой (черт. 3:5). К этому же периоду относится канфар, обнаруженный в могиле № 57²⁰ в комплексе с амфорой.²¹ Близок к ним по времени и канфар из погребения № 107 (черт. 2:2), датировку которого, 375-350 гг. до н. э., также подтверждает найденная с ним амфора.²² Амфора Гераклеи, тип I А, с клеймом производителя Аристона и магистрата Каракидеса 360-350 гг. до н. э., уточняет датировку канфара из погребения № 119 (черт. 2:3)²³. Ко второй четверти IV в. до н. э. относятся канфары из погребений №182 (черт. 2:4) и №147²⁴.

2. Канфары второй половины IV в. до н. э. тоже многочисленны²⁵. К 350-325 гг. до н.э. относятся экземпляры из погребений №62 (черт. 2:5), №92 (черт. 2:6), №213 (черт. 3:2). №209 (черт. 3:1). В погребении №209 с канфаром был найден вышеупомянутый килик-канфар (черт. 1:5). 325-320 гг. до н.э. датируется сосуд из погребения №217 (черт. 3:3).²⁶

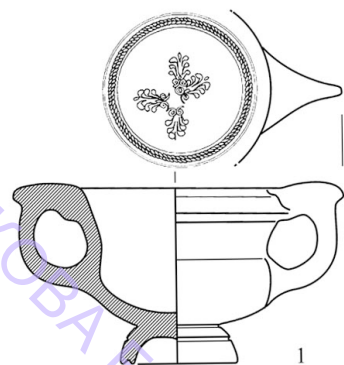
б/ Канфары с вытянутым туловом, прямым, чуть отогнутым наружу венчиком и высокой конической ножкой (plain rim). Начало их выпуска специалисты относят ко второй четверти IV в. до н.э. Они приходят на смену канфарам с «литым» венцом, но не становятся столь популярны, как вышеописанный вариант. Массовое распространение попадает на третью-четвертую четверть IV в. до н.э.²⁷ Некоторые экземпляры доживают и до начала III в. до н.э. К указанному типу относится канфар из детской могилы № 211 (черт. 3:4), который датировался 325 г. до н.э.²⁸ В последнее время датировка аналогичных канфаров была пересмотрена в пользу 325-300 гг. до н.э.²⁹ Похожий канфар был найден в погребении № 164.

в/ Канфары стройных пропорций с ребристым туловом классической формы. Горло высокое, венчик прямой, слегка отогнут наружу. Подставка профилирована. Вертикально заходящие к венчику ручки с плоским горизонтальным выступом, в виде шипов, слегка приподняты над краем венчика. По горловине нанесен орнамент жидкой

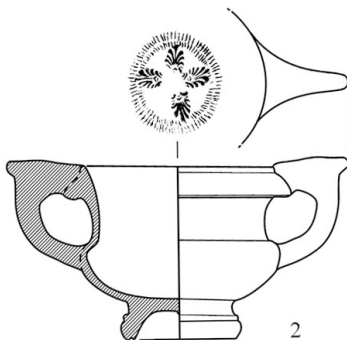
глиной в виде растительной гирлянды в стиле *West Slope*. Из Кошарского некрополя происходят два канфара из погребений №239 и №10. Датировка этих сосудов 300-275 г. до н.э.³⁰

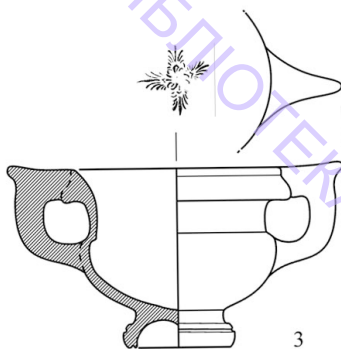
Черт. 1

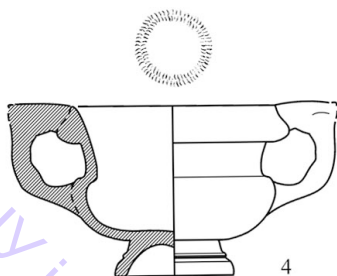
1

2

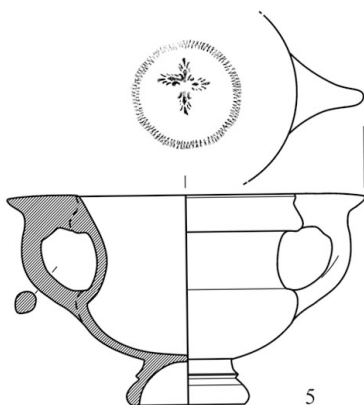

3

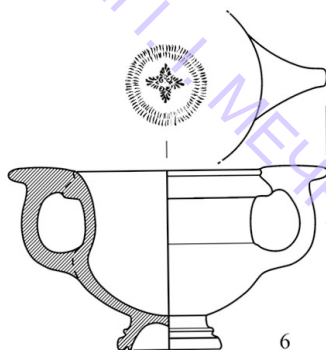

4

0 3cm

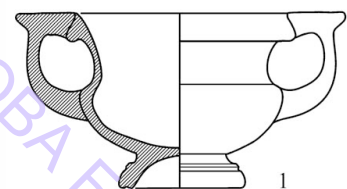

5

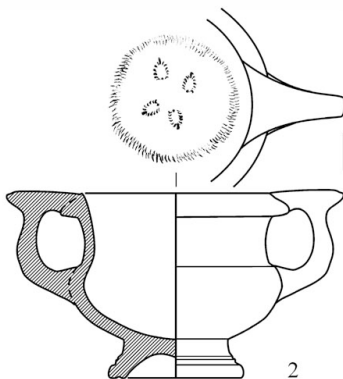

6

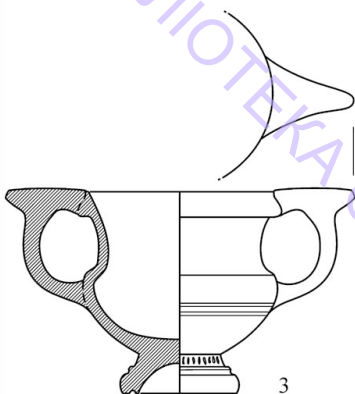
Черт. 2

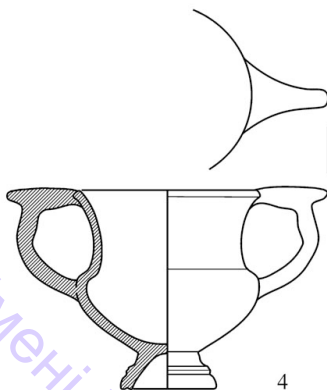
1

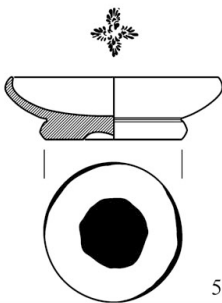
2

3

4

5

0 3cm

6

Черт. 3

Скифосы (skyphoi). Получают распространение в IV в. до н.э.³¹ Фрагмент скифоса найден в могиле №216. Это сосуд аттического типа, с узким дном, датировка которого 330-320 гг. до н.э.³²

Анализ чернолаковых застольных чаш показал, что все сосуды составляют массовую продукцию аттических мастерских. Они были обнаружены в 30 могилах Кошарского некрополя. Больше половины этих сосудов принадлежит к первой половине IV в. до н.э., остальная часть - ко второй его половине, и только два относятся к первой половине III в. до н.э. Многие сосуды из Кошарского некрополя носят следы длительного использования.

Фрагментарно сохранившаяся чернолаковая керамика происходит также из поселенческого комплекса памятника и представлена разнообразными формами.³³ Она составляет 1,6 % от общего числа керамических находок и может быть датирована периодом от начала IV до середины III в. до н.э. Учитывая вышеизложенное, можно утвердительно говорить о том, что аттическая чернолаковая керамика поступала на территорию Кошарского городища на протяжении всего периода его существования.

Предварительные результаты исследований отдельных групп археологического материала (чернолаковой керамики, амфор) показывают, что древнегреческое поселение Кошары обладало большим потенциалом для развития торговых контактов на территории междуречья Южного Буга и Одесского залива и играло роль важного политического и экономического центра на западе территориальных владений Ольвии.

¹См. библиографию: Papuci-Władyka E., Redina E.F., Chochorowski J., Bodzek J., Machowski W. Greek settlement on the northern Black Sea coast. Polish-Ukrainian excavations in Koshary (Odessa province): Third preliminary report – Seasons 2000-2003 // *Recherches archéologiques de 1999-2003*. – Kraków, 2006. – P. 354-374;

Редина Е.Ф., Papuci-Władyka E., Bodzek J. Сакральное пространство Кошарского святилища // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты*. – Керчь, 2007. – С. 361-365.

² Papuci-Władyka E., Kokorzhitskaia T.N. Greek Amphorae from the Polish-Ukrainian Excavations at Koshary, Odessa District (Fourth and Third centuries BC): a First Presentation // *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean* (International Colloquium at the Danish Institute at Athens, 26-29 September 2002) / Eds. J. Eiring, J. Lund. – Athen. – P. 313-324;

Redina E., Mateevici N. Importul amforistic din secolul al IV-lea î.Hr. la cetatea antică Koșary, regiunea Odesa, Ucraina // *Tyragetia, Arheologie Istorie Antică, Serie nouă*, vol. I [XVI], № 1. – Кишинев, 2007. – С. 299-305.

³ Stelmach S. Carnopokostowana ceramika attycka ze stanowiska Koszary (obwód Odessa). Studium naczyń służących do picia. – Kraków, 2006 *Дипломная работа*.

⁴ Рогов Е.Я., Тункина И.В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // *Археологические вести*. – СПб., 1998. – №5. – С.159-175.

- ⁵ Sparkes B.A., Talcott L., The Athenian Agora XII. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. – Princeton, 1970. – P. 109-110.
- ⁶ Papuci-Władyka E., Kokorzhitskaia T.N. Op. cit. – P. 313-324.
- ⁷ Sparkes B.A., Talcott L. The Athenian Agora XII, № 622. Табл. 27, 55, орнамент близок № 603, табл. 26, 55.
- ⁸ Папанова В.А. Чернолаковая керамика из семейно-родового участка некрополя Ольвии // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2000. – Вип.8. – С.196,207. Рис. 8, а,б.
- ⁹ Гаврилюк Н.А. Чернолаковые килики и канфары из степных скифских погребений // Археологические вести. – СПб., 2006. – №13. – С.156.
- ¹⁰ Рогов Е.Я., Тункина И.В. Указ.соч. – С. 163.
- ¹¹ Sparkes B.A., Talcott L. The Athenian Agora XII. - № 608, табл. 26, 55, рис. 6; № 605, рис. 6.
- ¹² Papuci-Władyka E., Kokorzhitskaia T.N. Op.cit. – P.313-324
- ¹³ Sparkes B.A., Talcott L. The Athenian Agora XII, № 687, табл. 28.
- ¹⁴ Ibid. – P. 119.
- ¹⁵ Ibid. – №661, 663, табл. 28, рис. 7.
- ¹⁶ Ibid. – №681, табл. 28.
- ¹⁷ Ibid. – №684, табл. 28, рис. 7.
- ¹⁸ Papuci-Władyka E., Kokorzhitskaia T.N. Op. cit. – P. 319.
- ¹⁹ Sparkes B.A., Talcott L. The Athenian Agora XII, № 696, табл. 29, 56.
- ²⁰ Ibid. – №698-699, табл. 29.
- ²¹ Papuci-Władyka E., Kokorzhitskaia T.N. Op. cit. – P. 322, рис. 14.
- ²² Ibid. – P. 322, рис. 15.
- ²³ Ibid. – P. C.318, рис.9.
- ²⁴ Sparkes B.A., Talcott L. The Athenian Agora XII, №696, 699. – Табл. 29, 56.
- ²⁵ Ibid. – №700-701, табл. 29, рис. 7.
- ²⁶ Ibid. – №701, рис. 7 и № 703.
- ²⁷ Robinson D.M.Vases Found in 1934 and 1938 // Excavations at Olynthus. – Baltimore, 1950. – V. XIII. - № 510a, 513a.
- ²⁸ Sparkes B.A., Talcott L. The Athenian Agora XII, № 713. – Табл. 29
- ²⁹ Rotroff S. I. The Athenian Agora XXIX, Hellenistic Pottery, Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material – Princeton, 1997. - P. 83, P. 242, № 5:
- ³⁰ Sparkes B.A., Talcott L. The Athenian Agora XXIX, № 29. – Рис.5, табл.3, рис.6, табл. 5.
- ³¹ Sparkes B.A., Talcott L. The Athenian Agora XII. - P. 81-87.
- ³² Ibid. - № 352-353, рис. 4, табл. 17
- ³³ Papuci-Władyka E., Redina E.F., with collaboration of Stelmach S. The Black Glaze Pottery of Fourth and Third Centuries BC. from the Polish-Ukrainian Excavations in Koshary (Black Sea coast, Odessa district), First Presentation // 7th Scientific Meeting on Hellenistic Pottery. – Athina, Aigio 2005. (в печати)

**«ФРУКТОВНИЦЫ» И ХРОНОЛОГИЯ
РАННЕБАСАРАБЬСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ**

В этом году вышла прекрасная работа И.В. Бруяко, в которой он рассматривает и вопрос о финале культуры Сахарна-Солончень. Признавая, что культура Сахарна-Солончень какое-то время сосуществовала с культурой Басарабь, он полагает, что культура Сахарна-Солончень должна быть частично синхронна и раннему Жаботину¹. Идею о синхронности (или частичной синхронности) поздней Сахарна-Солончень и Жаботина I (по ее терминологии), высказала и М.Н. Дараган².

Несколько лет назад я привел ряд аргументов в пользу того, что культура Сахарна-Солончень заканчивается раньше, нежели культура Чернолесье II (региона Среднего Днестра)³. В этой ситуации, на мой взгляд, вопрос о хронологических соотношениях культур Сахарна-Солончень, Чернолесье II (регион Среднего Днестра), фазы Жаботин I и культуры Басарабь нуждается в более детальном выяснении.

Прежде всего, в Сахарна-Солончень нет целого ряда базовых орнаментальных мотивов первого и второго этапов развития орнаментального набора культуры Басарабь по Е.Ю. Звереву⁴. Поэтому полагаю, что конечной датой контактов культур Басарабь и Сахарна-Солончень следует считать начало второго этапа развития орнаментации культуры Басарабь по Е.Ю. Звереву⁵. И, полагаю, что приход носителей Шолданешть, а также возникновение культуры Стойкань определенно означало исчезновение Сахарны-Солончень⁶.

Если же теперь обратиться к проблеме синхронизации Сахарна-Солончень и Чернолесья II, то очевидно, на мой взгляд, что влияние Басараби проявляется в Чернолесье II гораздо дольше и сильнее. Поэтому я предположил, что Чернолесье II существовало гораздо дольше Сахарны-Солончень. Повторю вкратце те аргументы, которые уже приводил по этому поводу⁷.

В культуре Чернолесье II на Среднем Днестре, в Григоровской и Ленковецкой группах, присутствует такой керамический тип, как миски-вазы на высоком поддоне – конической, или цилиндрической, высокой ножке. Сама миска имеет загнутые внутрь края. Этот тип связывается Г.И. Смирновой с культурой Басарабь, притом ее западным, олтенским вариантом. Однако, в культуре Басарабь эти «фруктовницы», как их обычно называют, имеют широкий отогнутый наружу край. Очевидно, поэтому М.Т. Кашуба и Н.В. Гольцева попытались связать этот тип уже с влиянием группы Фериджеле⁸. Но, поскольку мне не удалось обнаружить в Фериджеле возможных прототипов такого заимствования, я согласился с мнением Г.И. Смирновой, предположив, в свою очередь, что речь

должна идти о заимствовании идеи фруктовниц у культуры Басарабь и затем о творческой переработке этой идеи носителями культуры Чернолесье II.

Во всяком случае, "фруктовницы" возникают в Чернолесской культуре Среднего Днестра в до-жаботинское время. На этом, в частности, настаивает Г.И. Смирнова, подчеркивая завершение существования Григоровского поселения, где впервые фиксируется этот тип, еще в до-жаботинское время⁹. Это же следует, по ее мнению, из находок "фруктовниц" в комплексе с остродонными черпаками (единственную аналогию им И.И. Засец видит в Григоровке) и тюльпановидным горшком, орнаментированным по шейке валиком с несомкнутыми концами - достаточно архаичный признак.

М.Т. Кашуба позже изменила свою точку зрения, внося изменения в текст коллективной монографии¹⁰, и присоединившись к мнению о басарабском происхождении «фруктовниц». Однако, сделав это в главе, посвященной культурно-хронологической интерпретации "фрако-гетских древностей", авторы оставили неизменной идею о происхождении «фруктовниц» из группы Фериджеле в главах, посвященных описанию керамических комплексов конкретных памятников¹¹. Кроме того, их наличие в междуречье Днестра и Реута они относят к VII в. до Р.Х.

Для нас важно, что в Сахарна-Солончень "фруктовниц" нет. Учитывая же, что на поселении Днестровка-Лука мы наблюдаем перекрытие чернолесского жилища - чернолесским же курганом¹², и в обоих есть "фруктовницы", можно говорить о достаточно длительном периоде существования Чернолесья II уже после завершения культуры Сахарна-Солончень.

Но еще интереснее другое – количество "фруктовниц" в Григоровской и Ленковецкой группах неодинаково. Если в Григоровской их очень мало, то в Ленковецкой "фруктовницы", по выражению Г.И. Смирновой, исчисляются десятками¹³.

В связи с этим я предложил¹⁴, что Григоровская группа заканчивает свое существование хоть и после завершения культуры Сахарна-Солончень, но, видимо, достаточно раньше, нежели Ленковецкая группа. Сегодня я могу добавить к сказанному ранее, что если прежде мне, как и Г.И. Смирновой¹⁵, не был известен гальштатский источник "фруктовниц" именно "закрытого типа" - с загнутым внутрь краем, то теперь я такие аналогии обнаружил. Видимо, они были специфичны для крайних западных памятников Басараби. Во всяком случае, "фруктовницы" именно "закрытого типа" достаточно широко представлены среди т. н. басарабского импорта в могильниках Фрог, Кляйн-Кляйн, Лоретто и Шопрон¹⁶.

Исходя из всего вышеизложенного, на мой взгляд, следует принять гипотезу И.В. Бруяко о частичном сосуществовании позднего

Чернолесья и раннего Жаботина¹⁷. Однако, принимая идею И.В. Бруяко, следует сделать существенные уточнения, о чем будет сказано ниже.

Что же касается синхронизации поздней Сахарны-Солончень и позднего Чернолесья Среднего Днестра, предлагаемого М.Н. Дараган, то она может быть принята, на мой взгляд, только до момента появления «фруктовниц» в Чернолесской культуре Среднего Днестра. Отсутствие «фруктовниц» в культуре Сахарна-Солончень дает нам датировку времени ее исчезновения.

Идея по поводу синхронизации Жаботина (в традиционном понимании, а не фазы Жаботин I, в терминологии М.Н. Дараган) и хотя бы самой поздней фазы культуры Сахарна-Солончень представляется мне сомнительной. Между ними должен существовать более или менее значительный хронологический разрыв. Приведу некоторые соображения по этому поводу.

С одной стороны, И.В. Бруяко, предлагая частичную синхронизацию Жаботина и позднего Чернолесья, исходил из представления о "клетчатой" штриховке, как относительно позднем элементе, и крупном S-овидном штампе, как более раннем¹⁸. Факт их совстречаемости на одних и тех же сосудах и послужил одним из главных аргументов в пользу частичной синхронизации Жаботина и позднего Чернолесья. Но на сегодняшний день ясно, что "клетчатая" штриховка появляется уже в позднем Чернолесье. Это не такой "поздний" признак, как представлялось ранее. Соответственно, в качестве хроноиндикаторов раннего Жаботина может выступать не столько "клетчатая" штриховка в целом, сколько конкретные элементы, выполненные в такой технике. И здесь очень важно предлагаемое И.В. Бруяко¹⁹ выделение конкретных типов орнаментации, узко связываемых с Жаботином (элементы 14, 15).

С другой стороны, если Жаботин (опять же в традиционном понимании, а не как фаза Жаботин I, по М.Н. Дараган) - это время tremolo, "бегущей волны" и орнаментированных ими т.н. "жертвеников жаботинского типа", то его следует синхронизировать в целом уже с третьим этапом Басарабь, исходя из сопоставления его орнаментального набора, и схемы развития орнаментации керамики культуры Басарабь, предложенной Е.Ю. Зверевым.

Поэтому Жаботин в традиционном смысле этого понятия, на мой взгляд, и не может быть синхронен даже самой поздней Сахарна-Солончень.

Что же касается фазы Жаботин I по М.Н. Дараган, то здесь вопрос сложнее.

Прежде всего, имея в виду пресловутое «запаздывание» западных импульсов для Среднего Поднепровья сравнительно с более западными районами украинской лесостепи, мы могли бы предположить, что в Среднем Поднепровье отразился только (или преимущественно) более

поздний импульс, сопоставимый уже с третьим этапом Басарабь.

Однако сама М.Н. Дараган полагает, что Жаботин I должен быть синхронизирован уже с первым этапом Басарабь²⁰. И действительно, она приводит фрагменты мисок, относимых ею к культуре Басарабь, из горизонта Жаботин I, которые по характеру орнаментации можно сопоставить с типами, характерными еще для первого этапа Басарабь по Е.Ю. Звереву²¹. Это миски закрытого типа, украшенные орнаментом типа 129 по Е.Ю. Звереву²² – «линии зубчатого и шнурового штампа, располагающиеся на венчике мисок закрытого типа». Однако, следует заметить, что он отмечает существование этого типа орнаментации (как и типа мисок закрытого типа) и на втором этапе существования культуры Басарабь по его периодизации²³.

Поэтому, следует поставить вопрос об уточнении времени начала фазы Жаботин I на Среднем Днепре относительно периодизации культуры Басарабь. И, учитывая отсутствие в Жаботине, в том числе и в фазе Жаботин I по М.Н. Дараган, «фруктовниц» закрытого типа, видимо, следует думать, что и фаза Жаботин I начинается уже после завершения культуры Сахарна-Солончень.

И, кроме того, по всей видимости, мы должны учитывать, что для Среднего Поднепровья и Среднего Поднестровья в басарабское время источниками преимущественного западного влияния были не совсем идентичные территории – даже в пределах ареала Басарабь. Для Среднего Днестра это были, видимо, в первую очередь, крайне западные регионы культуры Басарабь. А также – блок культур Бабадаг III-Новосельское-Стойкань-Картал. Для Среднего Днепра же, вероятно, другие области культуры Басарабь.

¹ Бруйко И.В. Ранние кочевники в Европе (X-V вв. до Р. Х.). – Кишинев, 2006. – С. 60-61.

² Daragan M.N. Periodisierung und Chronologie der Siedlung Zabotin // Eurasia Antiqua, 10. – 2004. – S. 136.

³ Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. – 2001-2002. – №3. – С. 50.

⁴ подробнее: Романчук А.А. Басарабский импульс и финал культуры Сахарна-Солончень // Stratum plus. – 2005-2006. – №3. (в печати)

⁵ Хочу еще раз поблагодарить Е.Ю. Зверева за помощь с труднодоступной (равно как и легкодоступной) литературой по культуре Басарабь, а также и за консультации по орнаментации Басарабь.

⁶ Романчук А.А. Басарабский импульс...

⁷ Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень. – С. 50-55.

⁸ Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинжены II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. – Тирасполь, 1995. – С. 39.

⁹ Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников на Среднем Днепре) //

АСГЭ, 23. – 1983. – С. 63.

¹⁰Кашуба М.Т., Хахей В.П., Левицкий О.Г. Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра // *Stratum plus*. – 2001-2002. – №3. – С. 212.

¹¹ Там же. – С. 132, 136, 145, 153.

¹² Смирнова Г.И. Закрытые предскифские комплексы у с. Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. – Л., 1982. – С. 42-43.

¹³Смирнова Г.И. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре // АСГЭ, 25. – 1984. – С. 55; Смирнова Г.И., Кашуба М.Т. О двух локальных группах позднего Чернолесья // АСГЭ, 29. – 1988. – С. 23.

¹⁴ Романчук А.А. Культура Сахарана-Солончень... – С. 54.

¹⁵ Смирнова Г.И. О формировании... – С. 57.

¹⁶Eibner A. Die Bedeutung der Basarabi-Kultur in der Entwicklung des Osthallstattkreises // *Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Sudosteuropa*. – Bukarest, 1996. – Taf. 1, 1; taf.3, 6,7,8; taf.4, 1,8.

¹⁷ Бруяко И.В. Финал горизонта "штампованной" керамики раннего железного века в Украинской Лесостепи // Більске городище в контексте вівчиння пам'яток раннього залізного віку в Європі. – Полтава, 1996. – С. 283; Бруяко И.В. Ранние кочевники... – С. 60.

¹⁸ Бруяко И.В. Финал горизонта... – С. 283; Бруяко И.В. Ранние кочевники... – С. 60

¹⁹ Бруяко И.В. Ранние кочевники... – С. 27.

²⁰ Daragan M.N. Op.cit. – S. 145.

²¹ Daragan M.N. Op.cit. – Abb. 12, 1-3.

²² Зверев Е.Ю. Хронология культуры Басарабь по данным орнаментации на керамической посуде // *Stratum plus*. – 2001-2002. – №3. – С. 233

²³ Зверев Е.Ю. Ук. соч. – С. 248.

Н.Д. Руссев (Кишинев, Молдова)

МОЛДАВСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНЕТЫ В НИЖНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Молдавское государство, возникшее согласно летописному сообщению в 1359 г., к концу XIV в. распространило свою власть до Нижнего Дуная, Черного моря и Днестра. Заняв важное место в жизни Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы, страна стала играть важную роль в международной коммерции. Возник «Молдавский торговый путь», который обеспечивал транзит товаров, шедших из Европы через Львов в Крым и далее на Восток, а также в обратном направлении¹.

Ярким показателем внешнеэкономической активности всякого государства являются находки монет, сделанные за пределами его политических границ. Однако, несмотря на довольно долгую историю исследования монетных кладов и регулярные раскопки средневековых городищ, на территории современной Украины денег молдавской чеканки

обнаружено немного². Даже в Крыму таких монет поразительно мало. Обычно это единичные экземпляры с археологических объектов, отстоящих далеко друг от друга³.

В последние несколько лет картина изменяется в связи с сообщениями о находках монет молдавских господарей в Нижнем Поднепровье. В основном они происходят из находящегося на берегу Буго-Днепровского лимана (всего в 6 км от древней Ольвии) городища Днепровское-2. Этот памятник идентифицирован с остатками существовавшего близ устья Днепра в XIV-XV вв. замка Илличе (Лерич), вероятно, генетически связанного с Олешьем древнерусских летописей⁴.

Имеющиеся в моем распоряжении обрывочные данные позволяют заключить, что на городище найдено не менее 300-400 экз. монет XIII-XV вв. Как правило, это деньги Золотой Орды, Крымского ханства, Кафы и Молдавии, быстро разошедшиеся среди коллекционеров. По предварительной оценке в общем числе обнаруженных здесь нумизматических материалов эпохи средневековья доля эмиссий Молдавии может составлять до 15-20%. Подобные монеты отмечены и на некоторых других памятниках Нижнего Поднепровья.

Из молдавских монет, хранящихся в частных собраниях, в данной статье рассматривается 21 единичная находка разной сохранности из серебра, биллона и бронзы (меди). Из общего количества на Днепровском-2 найдено 17 экз. Еще одна монета обнаружена где-то на северном берегу Буго-Днепровского лимана между Николаевом и Херсоном; местоположение поселения уточнить не удалось. Две другие происходят с большого городища, находящегося при впадении в Южный Буг правого притока, реки Чичиклея. В этом месте погребены руины ордынского города XIV в., известного археологам под названием «Балыклей»⁵.

Описываемые находки хронологически разделяются на две группы: конца XIV в. (4 экз.) и 30-40-х гг. XV в. (17 экз.). Разрыв во времени, составляющий три десятилетия, позволяет априори утверждать, что за каждой стоят разные исторические явления, так или иначе характеризующие участие Молдавии в жизни степей на правобережье Нижнего Днепра.

Монеты первой группы отчеканены из серебра. Три из них являются грошами господаря Петра Мушата (ок. 1375-1392). В центре композиции на лицевой стороне этих монет изображена голова тура, между лировидно-изогнутыми рогами которого помещена пятилучевая звезда. Справа и слева расположены месяц и цветок лилии со стебельком, зажатый во рту животного. Круговая латинская легенда реконструируется как: SIM PETRI VOIVODA, т.е. «Печать Петра воеводы». Центральная часть оборотной стороны занята рассеченным треугольным щитом. В его правой половине находятся три геральдические балки, а левая – украшена

лилиями (на одном из изученных экземпляров их две). Полная надпись на реверсе: SI MOLDOVIENSIS – «Печать Молдавская». Четвертая монета повторяет характерные черты своих предшественниц, но весит этот грош почти вдвое меньше. Определить эмитента удалось по прочитанным в легенде последним буквам его имени – ...AN. Это чеканка Стефана I (1394-1399)⁶. Две монеты Петра Мушата происходят с Днепровского-2. В устье Чичиклеи также найдены два гроша, но один из них выпущен Стефаном I.

Вторая группа более многочисленна и разнообразна. Во-первых, монеты изготовлены из разных металлов и сплавов. Во-вторых, они представляют все производившиеся в Молдавии того времени номиналы: двойные гроши, гроши и полугроши. Большинство находок отнесено к трем типам:

1). На лицевой стороне – голова тура с астральными символами. Круговая надпись: ELIASWOIWODA. Над рассеченным щитом оборотной стороны с тремя балками и семью лилиями помещена корона, составляющая важную особенность типа. Справа от щита – булава, слева – меч. Легенда: STEFANUSWOIWODA.

2). Изображение на аверсе повторяет предыдущее. Вид реверса существенно отличен: на щит нанесен рисунок, напоминающий две соединенные подковы с крестом над ними. Щит увенчан рыцарским шлемом. Надпись на обеих сторонах одинакова: ELIASWOIWODA.

3) На лицевой стороне появился скачущий всадник с мечом в руке. Обратная сторона оформлена, как у монет 2-го типа. Совпадают и легенды.

Во всех случаях общим является имя господаря-эмитента Ильи (Ильяша), правившего в Молдавии с перерывами в 1432-1444 гг. Другое лицо – Стефан II, выступавший в 1435-1442 гг. своеобразным соправителем старшего брата⁷. Монеты описанных типов абсолютно преобладают во второй группе – 12 экз. (6+2+4).

По изобразительным элементам (голова быка – рассеченный щит с балками и лилиями) к первому типу примыкают пять анэпиграфных полугрошей. Два из них отмечены значком справа от щита (по всей вероятности, литера А). Такие монеты могут быть отнесены к Александру Доброму (1400-1432) и датированы не ранее чем 1430 г.⁸

Из 17 экз. второй группы 16 найдены на Днепровском-2 и только один северо-восточнее на берегу того же лимана. Все монеты выпущены между 1430 и 1444 гг.

Представляемые нумизматические находки являются первыми материальными свидетельствами двух этапов связей Молдавии с Нижним Поднепровьем. Их историческое толкование – дело будущего. Однако наметить некие направления осмысления собранных артефактов можно

уже сейчас, имея в виду, что в конце XIV в. Молдавское государство находилась на подъеме, а в 30-40-е гг. XV в. переживало глубокий кризис.

Правление Петра Мушата, первого молдавского господаря, наладившего выпуск собственных денег, – знаменательный этап в истории Карпато-Днестровского региона и сопредельных земель. Взяв под свою власть приморскую полосу к северу от дельты Дуная и правобережье Днестра, он укрепил безопасность государства и упрочил его связи с внешним миром. Значение свершившегося хорошо понимали люди средневековья. Уже преемник Петра Роман (1392-1393) горделиво величал себя титулом обладателя Земли Молдавской «от планины до моря»⁹. Благодаря приобретению Белгорода, страна получила широкие возможности для активного участия в большой международной торговле и утверждения в статусе весомой политической силы. Стабилизация положения в Северо-Западном Причерноморье способствовала раскрытию потенциала молдавского торгового пути. Со времен ханов оживленная магистраль вела из Белгорода вдоль моря вглубь степей¹⁰, а Илличе был на этой дороге одним из самых близких пунктов.

Вытеснение ордынцев за Днестр вовсе не умаляло интереса к Востоку. Напротив, в ходе внутренней борьбы среди татар распадавшегося Улуса Джучи непременно находились не только противники, но и союзники Молдавии. Разумеется, ее правителей и купцов, а также связанных с ними иностранных торговцев привлекали ближайшие городские центры степей. Это подтверждают связи портов дунайской дельты с Нижним Поднепровьем. В 1361 г. зафиксировано хождение итальянского судна из Килии в Илличе за солью. В 1381 г. в Каффу из Илличе, владельцем которого тогда был татарин Акбога, прибыл посланник с письмами из Ликостомо, находившимся в районе современного Вилково¹¹.

Экономические и политические интересы Петра Мушата также были устремлены к низовьям Дуная. Тут отмечена особенно большая концентрация находок первых молдавских грошей, в том числе и в кладях. Здесь же отмечено появление новых монетных типов, отразивших подчинение ордынских структур молдаванами¹². Эти процессы происходили при активном участии генуэзцев, заинтересованных во включении Молдавии в международные отношения в Северном Причерноморье. Уже в 1386 г. из Кафы в Маокастро (Белгород-Днестровский) к Петру Мушату прибыло посольство¹³. В том же году в Сучаву бежал находившийся в ордынских заложниках сын Дмитрия Донского, князь Василий. Трудно представить, чтобы это могло произойти без тесных связей господаря в кругах татарской знати. В какой-то мере как следствие таких отношений можно рассматривать и участие отрядов Стефана I на стороне Витовта и Тохтамыша в битве на Ворскле

(1399 г.). Не исключено, что в этом сражении молдавский господарь и погиб¹⁴.

Находки молдавских монет XIV в. на городищах Днепровское-2 и Балыклей, по всей видимости, отразили общий рост активности Молдавии в международных делах. Из поля внимания Петра Мушата и его ближайших последователей не ускользали города западных улусов разваливающейся Золотой Орды, в которых можно было найти не только торговых партнеров, но и политических союзников.

Иную ситуацию раскрывает знакомство с выборкой куда более многочисленных монет 30-40-х гг. XV в. На это время приходится начало охвативших страну кровавых внутренних усобиц, которые продлились четверть века и едва не обернулись полным крахом молдавской государственности. Ильяш, имя которого значится на подавляющем числе рассмотренных монет, воспитывался при дворах Владислава Ягайло, Витовта и был женат на племяннице короля Польши. Получив престол по смерти отца в начале 1431 г., молодой господарь лавировал между польскими и литовскими правителями. Однако в 1433 г. он потерпел поражение от поддержанного османами Стефана II и бежал за границу. В 1435 г. при посредничестве короля Польши братья помирились, разделив между собой страну. За это благодеяние Ильяш не только стал данником сюзерена, но и уступил ему обширные земли на севере Молдавии с крепостью Хотин. В 1442 г. Стефан вновь выступил против старшего брата. На этот раз Ильяш со своими людьми нашел убежище у старосты Подолья Дитриха Буцацкого. За помощь в возвращении престола он обещал отдать своему покровителю богатые имения в Молдавии. Однако поход завершился плачевно. Ильяш попал в плен, был ослеплен в мае 1444 г. и закончил свои дни в Польше в 1448 г. Его соперник погиб в 1447 г.¹⁵

Из рассмотренных трех типов монет Ильяша только один выдержан в традициях молдавской чеканки. Это совместная со Стефаном II эмиссия, которую относят к первым годам их примирения – 1435-1436 гг. Второй и особенно третий типы показывают частичный, а затем полный отказ эмитента от молдавской символики. Если деньги, выпущенные от имени обоих братьев, вплоть до деталей совпадают с монетной продукцией Александра Доброго 1431 г., то знаки двух других типов вполне обособанно связываются с польско-литовскими настроениями Ильяша¹⁶. Действительно, скачущий всадник и сдвоенные подковы очень напоминают характерные геральдические фигуры северных соседей – «колюмны» и «погоня»¹⁷.

Некоторые источники, остающиеся пока вне обыденной практики исследователей истории Молдавии, дают основания видеть в Ильяше деятеля более значительного, чем это может показаться на первый взгляд. Его пребывание в Великом Литовском княжестве в годы борьбы

Свидригайло с польским королем трудно воспринимать как простое изгнание. Так, известно, что в 1433 г. под властью Ильяша находилось т.н. «Малое Подолье» с пятью замками – Каменцем, Скалой, Смотричем, Бакотой и Червоноградом. Он был самостоятельным правителем, за которым стоял значительный потенциал, в том числе, состоявшее из молдаван и татар войско. Поэтому к Ильяшу напрямую обращался великий магистр Тевтонского ордена, просивший военной помощи при походе на Польшу¹⁸. Можно предполагать, что у молдавского господаря за границей находились какие-то имения, возможно, доставшиеся ему от родственников по женской линии. Это объясняет, почему Казимир IV, занимавший с 1447 г. одновременно престолы Литвы и Польши, в качестве претендента на место господаря выдвинул сына Ильяша, Романа¹⁹.

Если эти предположения верны, то распространение монет нехарактерных для Молдавии типов за Днестром закономерно. По меньшей мере, часть денег Ильяша могла попасть в Илличе не из Молдавии, а прямо из Подолья, откуда вниз по Южному Бугу спускался другой торговый путь²⁰. По нему же сюда поступали монеты Литвы и Польши²¹. Показательно, что среди десятков опубликованных молдавских монет XV в. из Старого Орхоя описанные эмиссии Ильяша представлены единичными экземплярами²².

Подводить даже предварительные итоги поднятой темы неуместно. Исследователей средневековой истории Нижнего Поднепровья и его связей с Молдавией ожидает еще множество открытий. Очень важно, чтобы в дальнейшем в их основу были положены материалы, полученные во время стационарных археологических раскопок, а не вырванные из контекста культурного слоя единичные находки.

¹ Мохов Н.А. Молдавский торговый путь в XIV-XV вв. // Польша и Русь. – М., 1974. – С. 298-307; Подградская Е.М. Торговые связи Молдавии со Львовом в XVI-XVII вв. – Кишинев, 1968. – С. 40-60; История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.). – Кишинев, 1976. – С. 120-127; Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. – Кишинев, 1979. – С. 154-160. Рис. 8.

² См. Mikolajczyk A. Moldavian Coins in the 15th Century Poland // *Arheologia Moldovei*. Vol. XII. 1988. – P. 362-271; Русцев Н.Д. Молдавские монеты конца XIV – первой трети XV вв. (особенности распространения) // *Stratum plus*. – 2000. – №6. – С. 206, 261-217. Исключением является Белгород-Днестровский, входивший до 1484 г. в состав Молдавского государства.

³ Например, Кирилко В.П. О находке молдавской монеты на Фуне // *Археология Крыма*. – 1997. – №1. – С. 181-184; Бырня П.П., Русцев Н.Д. Монеты средневековой Молдавии (Историко-нумизматические очерки) // *Stratum plus*. – 1999. – №6. – С. 206-207; Майко В.В. Средневековая молдавская монета из Сугдеи

- // *Stratum plus*. – 2000. – №6. – С. 427-428; Его же. Кирк-Єрський скарб XV ст. (попереднє повідомлення) // *Археологія*. – 2003. – №2. – С. 88, 98.
- ⁴ Подробнее см. Буйських С.Б., Ієвлев М.М. Про осіле населення понизь Дніпра та Південного Бугу у X-XIII ст. // *Археологія*. – 1991. – №4. – С. 105-109; Руссев Н.Д., Мельников О.Н. Тайна «каратов замка Илличе» // *Stratum plus*. – 2003/4. – №6. – С. 479-494.
- ⁵ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. – М., 1985. – С. 83.
- ⁶ Piescu O. Moneda în România (491-1864). – București, 1970. – P. 25-26. Pl. 16-17; Бырня П.П., Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 183-185. Одна такая монета с Днепровского-2 уже опубликована (См. Руссев Н.Д., Мельников О.Н. Указ. соч. – С. 490-491, Рис. 8).
- ⁷ Piescu O. *Op.cit.* – P. 29-30. Pl. 20; Бырня П.П., Руссев Н.Д. Указ. соч. – С. 188-191. Три монеты (по одной каждого из трех типов) опубликованы, причем первая определена ошибочно. См. Руссев Н.Д., Мельников О.Н. Указ. соч. – С. 491-492. Рис. 9-11.
- ⁸ Piescu O. *Op.cit.* – P. 28. Pl. 19: 7.
- ⁹ *Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. I (1384-1448)*. – București, 1975. – P. 3.
- ¹⁰ Мохов Н.А. Указ. соч. – С. 298-307; Егоров В.Л. Указ. соч. – С. 83-84.
- ¹¹ Pistarino G. *Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360-1361)*. – Bordighera, 1971. – P. 133-134; Барабанов О.Н. Судебное дело Бруноро Сальвиано (Каффа, 1454 г.). Опыт историко-юридического исследования // *Причерноморье в средние века. Вып. 2*. – М., 1995. – С. 26.
- ¹² Руссев Н.Д. Молдавские монеты конца XIV – первой трети XV вв. – С. 210-214.
- ¹³ Руссев Н.Д. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // *Stratum plus*. – 1999. – №5. – С. 396.
- ¹⁴ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества*. – Кишинев, 1987. – С. 21-22, 30.
- ¹⁵ *История Молдавской ССР. Т. I*. – Кишинев, 1965. – С. 122.
- ¹⁶ Piescu O. *Op.cit.* – P. 29-30. Pl. 20: 4; Бырня П.П., Руссев Н.Д. Указ.соч. – С. 188-191.
- ¹⁷ Kiersnowski R. *Godlo Dynastyczne Jagiellonów // Problematika mincovnictva Jagelovcov*. – Nitra – Svit, 1988. – S. 30.
- ¹⁸ Білецька О. Поділля на зламі XIV-XV ст.: до витоків формування історичної області. – Одеса, 2004. – С. 155-156.
- ¹⁹ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества*. – С. 61-62.
- ²⁰ Егоров В.Л. Указ. соч. – С. 83.
- ²¹ Один полугрош краковских эмиссий Владислава Ягайло 1431-1434 гг., найденный на Илличе, опубликован (См. Руссев Н.Д., Мельников О.Н. Указ. соч. – С. 492. Рис. 12).
- ²² Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхья. Молдавский период. – Кишинев, 1982. – С. 63, 73-74.

О ГОТСКОМ ПРИСУТСТВИИ НА БОСПОРЕ В V-VI вв.

В истории Боспора V-VI вв. определенную роль сыграли оставшиеся на его территории (или близ нее) готы, в это время бывшие уже христианами. Прокопий (*Bello Goth.* VIII, 4) сообщает о том, что готы-тетракситы, «соблюдающие христианский закон», жили «у устья Меотиды» в Крыму.

Территориально на Боспоре и вокруг него для рассматриваемого времени можно выделить ряд районов с готским присутствием.

1) В составе населения восстановленного позднего Танаиса в конце IV – перв. пол. V в., несомненно, присутствовали носители черняховской культуры, о чем говорит керамический материал, западная ориентация покойников, орнаменты и т.п.¹

2) В Крымском Приазовье (северное побережье Керченского полуострова) археологически прослеживается присутствие готов в V в. Это район вблизи Казантипского залива, к западу от него. Определенное пограничье здесь подтверждается отсутствием позднеантичных поселений к западу от современного села Золотое. Некрополь Нижнее-Заморское существует до 2-й пол. V в. включительно; его погребальный обряд близок позднебоспорскому, но связан, скорее всего, с готами².

3) Третий район – к юго-западу от Горгиппии – могильник Дюрсо и территории анапско-геленжикского побережья. Это юго-восточная окраина Боспора.

4) Вещи германского круга данного времени зафиксированы в погребениях некрополя Пантикапея-Боспора, особенно в его части на северном склоне г. Митридат.

5) Юго-восток Европейского Боспора – некрополь Джург-Оба³ (к северу от городища Китея) и район горы Опук (городище Киммерик).

В I пол. V в. на Боспоре появились германские вещи дунайского происхождения: фибулы с треугольной головкой типа Ваюга (из Керчи), большие двупластинчатые фибулы типа Амброз (в том числе, с накладками в виде пальметки), пряжки с тисненым декором, серьги с многогранником. В данный же период на Боспоре, особенно в Пантикапее, в среде знати распространился германский женский костюм (или его элементы) эпохи переселения народов. В Керчи погребения с парой одинаковых фибул датируются первой половиной V века (склепы 154, погребения 2, 165; погребения 1, 3 и 10; могила 22 некрополя Заморское)⁴. По данным европейской хронологии эти вещи входят в период D₂ (380/400-440/450)⁵.

Одно из главных исторических событий V в., связанных с готами на Боспоре, касается столкновения готов и гуннов и вытеснения первых на восток. По мнению М. Казанского, археологически подтверждается

рассказ Иордана о переселении с гуннами-утигурами, после битвы при Недао 454 г. и окончательного распада гуннского объединения 469 г., германцев-ангискиров с Дуная в Причерноморье (полиэдрические серьги). На Боспоре найдены пряжки периода Д₃, фибулы типа Братей-Вышков и Прша-Левице, большие двупластинчатые фибулы типа Смолин, характерные для костюма дунайской знати. Эти германские группы были малочисленными, но среди них были представители знати. Их женский костюм с парой серебряных двупластинчатых фибул имитируется на Боспоре.

В последнее время было обращено внимание на возможно более раннее, чем после Недао, переселение части гуннов в Крым, которое можно объяснить усилением гуннского союза после смерти Руа в 434 г. и приходом к власти Аттилы и Бледы. После этого гуннское влияние значительно расширилось. По сведениям Прокопия (VIII, 5), это происходило в 30-е гг. V в.⁶ А.Л. Ермолин на этой основе предложил новую конкретную историко-топографическую реконструкцию этих событий⁷ на местности (незащищенный участок между северным концом Узунларского вала и заливом), где произошло столкновение гуннов и готов и вытеснение последних на восток.

В 1-й пол. V в. готы, обитавшие у западных границ Боспора, или оборонявшие их, были единственной реальной силой, способной остановить гуннов на пути к керченским переправам. Часть их могла здесь осесть со времен «готских походов» 2-й пол. III в. С IV в. здесь же могли осесть германцы, покинувшие район Чатыр-Дага. Таким образом, готы, встретившие гуннов в 430-е гг. на северо-западном участке границы Боспора, могли собраться из разных мест, но в любом случае в этих событиях не участвовало собственно боспорское население из Крымского Приазовья. Объяснить это можно лишь тем, что готы (старые враги гуннов с 370-х гг.) были в то время квази-федератами Боспора, защищавшими его западные границы. По мнению В.Ю. Юрочкина, этот порядок был установлен в эпоху императора Константина после ряда боспоро-херсонесских войн⁸, что подтверждается хронологически материалами из Киммерика.

После поражения от гуннов готы (по Прокопию – тетракситы) обосновались к юго-востоку от боспорских владений. Письменные источники (Anon. PPE. 63; Procop. BG IV. 5. 5-7) свидетельствуют о присутствии германцев на Северном Кавказе. Археологически им соответствуют могильники Дюрсо, Бжид-1, Мысхако. Украшения бесспорно германского происхождения (черняховского типа) известны здесь с рубежа IV-V вв. Среди исследованных у р. Дюрсо погребений есть два обряда, для одного из них присутствует деформация черепов. Инвентарь на раннем этапе – позднеантичное стекло, краснолаковые миски и блюда, кувшины и миски, детали одежды, украшения, орудия

труда, монеты, золотые украшения, бляшки поясного набора. Есть конские захоронения, оружие⁹. Таким образом, готы, увлеченные на восток утигурами в 430-е гг. (или, по традиционной версии, в 470-е гг.), шли на уже частично освоенное их черняховскими предшественниками место.

Западные рубежи Боспора, как уже отмечалось, были защищены в IV-V вв. Узунларским валом, причем цитадель на вершине горы Опук (город Киммерик) в IV в. оборонялась также с участием германцев (известная руническая надпись). Таким образом, расселение германцев по западной границе Боспора (и за ней к западу) не вызывает сомнений и на ее южном участке (сама крепость существовала до 1-й пол. VI в.¹⁰), но выделить германские вещи здесь для V в. пока затруднительно.

На основании археологических материалов из Керченского некрополя (пальчатые фибулы, большие орлиноголовые пряжки) А.К. Амброз отмечает, что на Боспоре в конце V – начале VI в. был усвоен гото-гепидский женский наряд из пары пальчатых фибул на плечах и большой пряжки на широком поясе. Массовое появление такого костюма можно объяснить близким соседством готов, именуемых в это время в письменных источниках тетракситами. Вероятно, эти готы-земледельцы могли быть тесно связаны с городом Боспором, стали как бы его проастием (сельским пригородом) и, возможно, хоронили своих покойников на городском некрополе. Может быть, перед нами пример своеобразного сращивания рустифицированного города с его сельской округой, отсюда – широкое проникновение в город окрестных земледельцев и заимствование горожанами их обычаев и даже внешнего облика¹¹. Наличие у тетракситов собственного епископа не противоречит такой гипотезе, так как готы должны были составлять особую этноконфессиональную единицу, пусть даже и на территории Боспорского государства.

В последнее время появилось предположение А.Л. Ермолина о том, что именно на Боспоре, между Узунларским валом и Тиритакским валом, возникла «первая страна Дори», заселенная готами (чересполосно с боспорянами), и лишь после отмеченного выше столкновения с гуннами в 430-е гг. готский пласт оказался рассеченным надвое – тетракситы ушли на Тамань, вторая часть – на Мангуп и окрестности, а третья осталась на месте до нашествия тюркютов в 576 г. Эта версия опирается на результаты работ на некрополе Джург-Оба к северу от Китея. Помимо известных здесь с 1920-х гг. и недавно доследованных «склепов Марти» со смешанной позднебоспорской материальной культурой (IV в.), в последние годы были открыты грунтовые склепы и погребения V в., в том числе с оружием и с деталями женского костюма готского круга¹². Таким образом, готы, помимо вещей из Керченского некрополя, действительно

впервые оказались «пойманными» археологически на основной территории Европейского Боспора (кроме столицы).

Однако, постулировать на указанном основании целую страну Дори, видимо, было бы преждевременно. Присутствие готов близ Китея говорит пока лишь об их участии в обороне данной микрозоны. На самом Китейском городище материальная культура и строительные традиции в V-VI вв. остаются прежними, позднеантичными¹³. Кроме того, роль Тиритакского вала как восточного рубежа Керченской Дори А.Л. Ермолиным пока никак не обосновывается, да и в Пантикапее (восточнее постулируемой границы) готское присутствие в той или иной форме очевидно.

Поскольку районы Танаиса, Дюрсо и Казантипа непосредственно в состав Боспорского государства в рассматриваемый период не входили, можно говорить о двух районах на территории непосредственно Боспора, где в V – начале VI вв. проживали готы – это Китей (Джург-Оба) (с близлежащим Киммериком) и столица Пантикапей-Боспор (или близ него). Еще три района локализируются на границах и за границами Боспора (к западу от Узунларского вала, к востоку от Горгиппии – Дюрсо; на северном берегу Меотиды – Танаис).

Анализ германского материала Крыма и Приазовья показывает различное этнокультурное происхождение понтийских германцев¹⁴, где в конце III – IV вв. преобладали черняховские элементы, но присутствовали и герульские; позднее доминируют дунайские, гото-гепидские. На Южном берегу есть также и скандинавские.

Наконец, совершенно самостоятельный пласт готского присутствия на Боспоре представлен готскими полками, пришедшими с 530-х гг. вместе с Византией (Ильичевское городище на Киммериде)¹⁵. В это же время ощущаются интенсивные связи и взаимовлияния с Дунайским регионом, что объясняется интенсивными контактами населения после вхождения Боспора в состав империи.

Вызывает интерес процесс культурного влияния греков на готов. Пальметки – варварская переделка античной каймы, часто украшавшей ювелирные изделия, уже в IV в. была усвоена мастерами в южной части ареала черняховской культуры. Во 2-й пол. V в. германцы переработали центральные сюжеты и композиции: античные грифоны заменены орлами, диски и лица божеств – головами зверя (фибулы с накладками)¹⁶. Это отражает процесс роста собственно варварских элементов в готской культуре и оттеснения на второй план элементов, заимствованных у греков.

В отношении Боспора, начиная с первых веков его существования (боспоряне и скифы), и до конца его истории, видимо, можно ставить вопрос о кондоминиуме, сосуществовании, симбиозе и этнополитической чересполосице различных этнических групп (трансляция концепции С.Б.

Сорочана, выдвинутая в отношении Таврики византийско-хазарского периода).

Взаимоотношения Боспора и готов в V-VI вв., видимо, принесут в ближайшие годы еще немало открытий. Исследования последних лет, породившие ряд интересных мыслей и гипотез, нуждаются в продолжении и углублении.

Примечания:

¹ Арсеньева Т.Н. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV – начала V н.э. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. № 168. – М., 1981. – С.151; Пиоро И.С. Крымская Готия. – К., 1990. – С.43.

² Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. – М., 1997. – С.45.

³ Ермолин О.Л. Хора Дорі Прокопія Кесарійського // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – Вип. X. – Дрогобич, 2006. – С. 45-51; Ермолин О.Л. Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керч) в 2005 р. // там же. – С. 11-44 и др.

⁴ Хайрединова Э.А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 205-207.

⁵ Казанский М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 280.

⁶ Шукин М.Б. Готский путь. – СПб., 2005. – С. 453-454.

⁷ Ермолин А.Л. Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове // Древности Боспора. № 9. – М., 2006. – С. 90-93.

⁸ Юрочкин В.Ю. Готы-трапезиты на пограничье Боспора // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столице. – Керчь, 2000. – С. 130-131.

⁹ Казанский М., Мастыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. № 4. – М.-Армавир, 1998. – С. 102-135.

¹⁰ Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. – Симферополь, 2007. – С. 233, 264.

¹¹ Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. № 1. – М., 1992. – С. 86-87.

¹² Ермолин А.Л. Богатое женское погребение некрополя Джург-Оба / Доклад на Международной научной конференции «Боспорский феномен». СПб., 27 ноября 2007 г.

¹³ Молев Е.А., Молева Н.В. Комплекс культовых зданий на юго-восточной границе Китейского городского святилища (раскопки 2005-2006 гг.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 219-225.

¹⁴ Левада М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. XI. – Симферополь – Керчь, 2006. – С. 194-251.

¹⁵ Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия / Автореф. дисс. к.и.н. – М., 1984; Николаева Э.Я. Христианский комплекс VI в. на Боспоре Киммерийском // Проблемы исследований античных городов. – М., 1989. – С.86-88.

¹⁶ Амброз А.К. О двупластинчатых фибулах с накладками. Аналогии к статье А.В. Дмитриева // Древности эпохи Великого переселения народов. – М., 1982. – С. 108.

Т.Л. Самойлова (Одесса, Украина)

РЕГИОН НИЖНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ВАРВАРСКИХ И АНТИЧНОЙ КУЛЬТУР В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЙ

Географическое положение Нижнего Поднестровья на протяжении многих веков обуславливало его значение как контактной зоны, где постоянно взаимодействовали разные по этносу и хозяйственным традициям племена и народы. Это была территория, где постоянно взаимодействовали земледельческие и скотоводческие социумы. Такую же роль этот регион играл и в античную эпоху. Но в это время к двум составляющим данного региона добавлялся еще и античный компонент.

Расположение Нижнего Поднестровья характеризуется тем, что оно помещается между двумя значительными водными магистралями Европы: Дунаем (Истром) на западе и Днепром (Борисфеном) на востоке. Сам же Днестр (Тирас) является в свою очередь полноводной и протяженной рекой. Регион обладал хорошими природными ресурсами. Так, именно здесь были сосредоточены самые плодородные земли Причерноморья, что благоприятствовало занятиям земледелием, а состояние травяного покрова было лучшим в Северном Причерноморье, что давало возможность высокого развития скотоводства¹. Кстати, последнее обстоятельство отмечали и древние авторы. Так, Псевдо-Скимн писал, что река Тира обильна пастбищами (vv.798-803).

Большое значение для развития хозяйства имели лесные ресурсы. В древности значительные лесные массивы занимали и пойму реки Тираса². Благоприятствовали жизни и хозяйственной деятельности различных народов и климатические условия Нижнего Поднестровья³. В целом, по своим ресурсам регион был более предпочтителен, чем другие регионы Северного Причерноморья. Кроме того, в период конца VII-VI вв. до н.э. регион не был еще заселен варварскими племенами: киммерийцы уже покинули степи Северо-Западного Причерноморья, а скифы еще стабильно не обосновались к моменту основания здесь античных поселений. Не было здесь и постоянного оседлого населения. Тем не менее, несмотря на всю свою привлекательность, он был освоен греками почти на сто лет позднее, чем Нижнее Подунавье и Нижнее Побужье.

Это достаточно интересная ситуация, пока не получившая своего вразумительного объяснения. Может быть, дело в том, что эта территория

была своего рода “мертвой зоной”, разделяющей разные миры. На западе, за Дунаем простирался мир племен, объединенных понятием “фракийский гальштаг”, но его граница не распространялась далее левого берега Дуная в его нижнем течении и лесостепных территориях Молдовы. На левом берегу Дуная можно назвать только два памятника, которые соотносятся со средним гальштагом – у с. Орловка и в районе с. Новосельское⁴. Больше в степной зоне поселений этого периода нет. И появляются они только в IV в. до н.э.

“Мертвой” эта территория оказалась и в плане заселения этих плодородных и изобильных пастбищами земель кочевниками, а именно скифами. Археологические данные свидетельствуют, что проникновение этого кочевого народа в Днестро-Дунайского междуречье было постепенным. Первая волна скифов (VII-VI вв. до н.э.) прошла не по степи, а по лесостепи вплоть до Добруджи, оставив достаточно своеобразные погребальные памятники (Чимбала, Данчены, Суручен, Старые Кукунешты и др.)⁵. Затем, к концу VI-V вв. до н.э. скифы начинают проникать и в степную причерноморскую зону, где к концу известно несколько скифских воинских погребений этого периода⁶. В это же время в степной приморской зоне нет ни одного варварского поселения. Тем не менее, следует учитывать тот факт, что как в самой Тире, так и на ранних эллинских поселениях левого берега Тираса, найдена в небольшом количестве керамика VII-V вв. до н.э. скифского и фракийского облика⁷. Аналогичная картина наблюдается и на двух крупнейших памятниках региона Истрии и Березань-Ольвии, где так же встречена керамика фракийского облика VI-V вв. до н.э.⁸

Объяснение факта появления фракийской керамики на античных памятниках Северо-Западного Причерноморья пока еще далеко от удовлетворительного. Несомненен только сам этот факт и то, что на всех античных памятниках, несмотря на не одновременность их появления (Березань, например, - во второй половине VII в. до н.э., а Тира – в самом конце VI в. до н.э.), встречается керамика фракийского облика, синхронная времени основания той или иной колонии. Если связывать наличие керамики того или иного этноса с присутствием на памятнике представителей этого этноса, встает вопрос о причинах их появления в античной среде. Существует достаточно обоснованная точка зрения о тесной связи Николия с Истрией⁹, и можно предположить, что какая-то часть фракийского населения могла попадать в более восточные греческие колонии при посредстве Истрии. В связи с этим возникает вопрос о причинах этого явления. Были ли они экономического, политического или бытового характера? Кто был более заинтересован в вовлечении варваров в систему греческих полисов? Каково было их положение в этой системе? Полное отсутствие сведений об аспекте жизни эллинов и варваров Северо-Западного Причерноморья в письменных

источниках, могло бы натолкнуть на мысль о том, что он не привлекал внимания современников и не был чем-то важным в их глазах. Тем не менее, нельзя не понимать, что жизнь эллинов в Северо-Западном Причерноморье не могла быть изолированной. Греческий социум в Нижнем Поднестровье быстро прекратил бы свое существование, если бы он так или иначе не стал бы частью этого региона.

Таким образом, в момент основания греческих колоний в Нижнем Поднестровье мы видим наличие очень благоприятных условий для внедрения греков в этот регион: хороший климат и самые плодородные в Северном Причерноморье земли, полноводная река, которая была связующей морское побережье с глубинными районами трассой, отсутствие враждебного, да и вообще какого бы то ни было варварского населения. Последний момент, при всей кажущейся на первый взгляд привлекательности в качестве благоприятного фактора для развития греческих апоек, тем не менее, включал в себя и отрицательный момент. В пустыне не с кем было торговать, не было откуда получать дополнительные рабочие руки. Может быть, эта пустынность территории, прилегающей к нижнему Днестру, и повлекла за собой более медленное развитие расположенных здесь греческих колоний. Они во всех отношениях уступали двум другим греческим полисам: истрийскому и ольвийскому. “Мертвая зона”, с одной стороны, обеспечивала достаточно спокойное существование, с другой, ограничивала возможности развития по восходящей линии.

Общеизвестным положением во всех работах, посвященных взаимоотношениям античного мира и варварского, было утверждение о выгодности торгово-экономических отношений этих двух миров и их взаимном влиянии. С этим, в принципе, спорить не приходится, но здесь прослеживается целый ряд проблем, которые пока удовлетворительно не могут быть решены.

Несмотря на полное отсутствие населения в непосредственной близости от античных населенных пунктов Нижнего Поднестровья и достаточно немногочисленное эллинское население, первоначальный период истории Офиуссы-Тиры (конец VI-V в. до н.э.) – это время становления экономики эллинской апойки. Количество жителей в Офиуссе-Тире в период конца VI-V вв. до н.э. не превышало 2 800 человек, а в Никонии в период его расцвета проживало не более 800 человек¹⁰. Становление греческих апоек было бы невозможно в условиях изолированного ведения хозяйства. В связи с этим трудно предположить полное отсутствие торгово-экономических контактов с постепенно заселявшимися степью и лесостепными районами. Можно достаточно уверенно предположить и приток варварского населения в греческие колонии, что подтверждается и наличием соответствующей керамики на всех античных памятниках. Тем не менее, и в степи, где

появляются скифы, и в лесостепи, куда проникают геты, население в VI в. до н.э. было все же крайне незначительным. Нельзя отрицать в первоначальный период торговлю античных поселений Нижнего Поднестровья с варварскими племенами, проживавшими выше по течению Днестра. Известны находки хиосских амфор на фракийских поселениях Буго-Карпатского региона, куда они поступали из античных центров в числе которых была и Тира¹¹.

Особый интерес в этом отношении представляет собой поселение Чобручи, расположенное на левом берегу между г. Слободзея и с. Чобручи. Как показали исследования, оно появилось еще XI-X вв. до н.э. и существовало по III-IV вв. н.э.¹² Поселение было расположено в очень удобном месте, возле переправы через реку. Оно в период существования античных центров в Нижнем Поднестровье являло собой крупный торговый посреднический центр, игравший роль, сходную с ролью Каменского или Капуловского городищ. На поселении Чобручи были найдены фрагменты привозной греческой парадной посуды, обломки клазоменских, хиосских амфор VI-V вв. до н.э., терракоты, фрагменты амфор Фасоса, Херсонеса, Книда, Родоса, Пароса IV-II вв. до н.э., в том числе и достаточно много клейм этих центров. Скорее всего, данное поселение уже с конца VI в. до н.э. играло роль центра торговли с эллинами Нижнего Поднестровья. Палеоботанические и палеозоологические исследования на поселении показали, что в этом регионе уже в VI в. до н.э. возделывались зерновые (однозернянка, двузернянка, спельта, просо, ячмень голозерный, овес). Большое значение в хозяйстве поселения имело скотоводство, найдены многочисленные остатки быков, овец, коз, свиней, лошадей, собак¹³. О развитии земледелия у гетов свидетельствует и рассказ Птолемея Лага в изложении Арриана о походе Александра Македонского против гетов. Автор говорит, что македонцы, "...переправившись через Дунай, в течение ночи шли местами, где были обширные хлебные поля" (Arr., Anabasis, I, 4,1). Вероятно, продукты земледелия и скотоводства могли поступать в Тиру в обмен на вино, масло, изделия античных ремесленников.

В V в. до н.э., когда скифское население начинает играть все более значительную роль на этой территории, связи Тиры с варварами становятся все более прочными. Некоторые исследователи считают, что в этот период скифы устанавливают свой протекторат над некоторыми античными городами Северо-Западного Причерноморья: Ольвией, Никонием и, возможно, Тирой¹⁴. В частности, в соседнем с Тирой Никонии появляются монеты с буквами ΣΚΥ, ΣΚΥΛ и ΣΚ, т.е. начальными буквами имени царя Скила¹⁵, что является подтверждением установления скифского протектората над Никонием. Что касается Тиры, то пока неподтвержденной ни одним источником является предположение о скифском протекторате над ней. Тем не менее, сам факт чеканки монеты

с именем скифского царя представляется важным событием как в жизни греческих колоний Нижнего Поднестровья, так и скифов, и свидетельствует об определенных тесных контактах, возможно, и политических.

Следует отметить, что в период V-IV вв. до н.э. скифы были очень сильны в военном отношении, их политическая активность была направлена, прежде всего, в западном направлении. В этом случае маршруты их походов должны были пролегать мимо Тиры, что создавало угрозу нападения варваров и на город. Данное обстоятельство и заставило его жителей возвести систему оборонительных сооружений в конце V-начале IV вв. до н.э. С другой стороны, экономика города в этот период развивается по восходящей линии, что было бы невозможно, если бы отношения с варварами носили постоянно враждебный характер. О восходящей линии развития Тиры свидетельствует и список денежных взносов членов Афинского союза в 425-424 гг. до н.э., по которому Тира платила форос в 4 раза больший, чем Никоний¹⁶.

Таким образом, прослеживается несомненная связь варварских (гетской и скифской) культур с античной, в первую очередь, в экономической сфере. Причем, если варварские общества были более способны развиваться самостоятельно, то античный социум в условиях изоляции от варварского мира был бы обречен на жалкое существование. С другой стороны, варварские общества развивались более динамично благодаря контактам с античными полисами Нижнего Поднестровья. Они получали продукты и предметы, которые производились в античных городах. Можно констатировать, что Нижнее Поднестровье представляло собой в период конца VI-V вв. до н.э. достаточно важный экономико-географический район, в котором получили возможность развития как античное, так и варварские общества (скифское и гетское).

¹ Одрін О. Природні ресурси та торговельно-економічний потенціал античних держав Північного Причорномор'я. Нижнє Подністров'я та Нижнє Побужжя. – К., 2005. – С. 47.

² Соколовский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1971. – С. 16, рис. 1.

³ Белозоров С.Т. Климат Одесской области // Природа и хозяйство Одесской области. – Одеса, 1962. – С. 52.

⁴ Бруйко И.В., Ярошевич Ю.И. Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае. – Одесса, 2001; Головки И.Д., Бондарь Р.Д., Загинайло А.Г. Археологические исследования у с.Орловка Болградского района Одесской области // КС ОГМ 1963. – Одесса, 1965. – С. 69-80.

⁵ Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. – М., 1979. – С. 144; Смирнова Г.И. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. – 1993. - №1. – С. 108; Vulpe A. Archäologische Forschungen und

historische Betrachtungen über das 7 bis 5 Jh. In Donau-Karpatenraum // Memoria Antiquitatis. – 1970. – II. – P. 162.

⁶ Андрух С. І. До питання про перебування скіфів у Північно-Західному Причорномор'ї // Археологія. – 1991. – № 1. – С. 22-23

⁷ Самойлова Т.Л. Варвары в Тире доримского времени // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. – К., 1985. – С. 51-59.

⁸ Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. – Л., 1988; Alexandrescu P. Geten, Skythen und die Chora von Histria in archaischer Zeit //

Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. М-лы IV Всесоюзн. симп. по древней ист. Причерноморья. Цхалтубо-Вани 1985. – Тбилиси, 1988.

⁹ Виноградов Ю.Г. Истрия, Тира и Никоний, покинутый и возрожденный // НЭ, 16. – 1999.

¹⁰ Бруяко И.В. Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в 7-3 вв. до Р.Х. – Волжск, 1999. – С. 82; Крыжицкий С.Д. О возможном количестве населения Тиры // Аккерманские древности. – Белгород-Днестровский, 1997. – С. 63.

¹¹ Mateevici N. Importul anforelor grecești în sec. VI- începutul sec. II a. Chr. – Autoref. al tez. doc. în ist. – Chișinău, 2004. – P. 11-12.

¹² Никулицэ И., Фидельски С. Чобручи – многослойное поселение на Днестре // Tracians and Circumpontic world. – Chișinău, 2004. – P. 190-216.

¹³ Кишлярук В. Природная среда как фактор развития земледелия и скотоводства в Нижнем Поднестровье во второй половине I тыс. до н.э. // Tracians and Circumpontic world. – Chișinău, 2004. – P. 217-240

¹⁴ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. – М., 1989. – С. 90-108; Карышковский П.О. Монеты Ольвии. – К., 1988. – С. 49.

¹⁵ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. – М., 1989. – С. 160.

¹⁶ Карышковский П.О. Надписи Тиры // ВДИ. – 1959. – №4. – С. 111.

А.И. Смирнов (Николаев)

К ВОПРОСУ О КОСТОРЕЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ БЕРЕЗАНСКОГО ГОРОДИЩА

Остров Березань расположен в Черном море в устье Березанского лимана. В древности он был соединён с материком косой в районе современного села Рыбаковка и образовывал полуостров¹, находящийся в чрезвычайно удобном месте для выполнения функций базы морской торговли в Северном Причерноморье. Это и стало одной из причин создания на полуострове первой Северо-Причерноморской колонии, которая была основана ионийскими греками из города Милет в VII ст. до н.э. и получила название Борисфенида (Борисфен).

Уже более ста лет на острове ведутся археологические исследования. Первым учёным, который обратил внимание на этот

памятник археологии, был академик Келлер. В начале XIX ст. он осмотрел остров и обнаружил на нём фрагменты архитектурных сооружений и археологические артефакты, относящиеся к античному времени².

Первые раскопки на острове были проведены в 1884 г. Р.А. Пренделем по указанию комиссии VI Археологического съезда. Было заложено два раскопа в западной и восточной оконечностях острова; обнаружен некрополь поселения и найдено большое количество предметов, относящихся к античному времени (фрагменты керамики, монеты-дельфинчики...)³.

В 1900-1901 гг. работы на Березанском некрополе возглавляет председатель Херсонского дворянства Г.Л. Скадовский. За эти два года в северо-западной части острова он исследует площадь более 1900 кв. м., где обнаруживает большое количество погребений, расположенных несколькими уровнями⁴.

С 1903 по 1909 гг. работу на острове продолжает Э.Р. фон Штерн. Целью исследования было изучения высот и углублений на западном и северо-восточном берегах острова, также поиск и локализация местонахождения древнего поселения. За время работ было исследовано шесть участков; на них были выявлены как погребения, так и многочисленные остатки кладок, ямы различного функционального назначения⁵.

С 1927 г. работами на острове руководит ученик Э.Р. фон Штерна М.Ф. Болтенко⁶.

После длительного перерыва в 1960 г. раскопки на острове возобновляются Березанским отрядом Ольвийской археологической экспедиции института археологии АН УССР во главе с В.В. Лапиным совместно с Одесским археологическим музеем. Основной задачей и целью экспедиции становится уточнение стратиграфии культурных слоёв на поселении⁷.

С 1961 г. к работам по изучению Березанского поселения подключается экспедиция Государственного Эрмитажа. С 1961 по 1973 г. эту экспедицию возглавляет К.С. Горбунова, а с 1973 по 1980 ею руководит Л.В. Копейкина⁸. После кончины Л.В. Копейкиной в 1981 г. экспедицию Государственного Эрмитажа на острове Березань возглавил Я.В. Доманский и руководил ею до 2003 г. с некоторыми перерывами⁹. На сегодняшний день питерским отрядом (экспедицией) руководит Д.Е. Чистов.

Что касается экспедиции Института археологии Академии наук УССР, то после смерти В.В. Лапина ею руководила С.Н. Мазарати. Она проводила работы на двух участках – северо-восточном (Р-1) и юго-восточном, позже названным «теменосом»¹⁰. С 1988 по 2004 г. экспедицией руководил В.В. Назаров, продолжая работы, начатые С.Н.

Мазарати на участке «Т» (Теменос). На нём кроме найденного ранее каменного круглого монолитного алтаря, им были открыты кладки стен ограды и остатки храма, на полу которого компактной группой были обнаружены терракоты и фигурные сосуды. По этим находкам объект идентифицируют как храм Афродиты¹¹.

С 2004 г. работами на острове руководит м.н.с. Института археологии НАН Украины В.В. Крутилов. Он продолжает исследования В.В. Назарова, расширяя раскоп «Теменоса», на территории которого открываются архитектурные остатки конца VI – начала V ст. до н.э., которые состоят из полуземлянок, хозяйственных ям, предположительно, остатков северного ограждения теменоса и железодельного помещения с сырцовыми кирпичами¹².

В 2006-2007 гг. в составе Березанской археологической экспедиции работал отряд из сотрудников лаборатории археологии и этнологии Николаевского государственного университета им. В.А. Сухомлинского, научно-исследовательского центра «Лукоморье» и студентов-практикантов Института истории и права. Ими проводились работы по расчистке и исследованию одного из грабительских шурфов, открытого к северу от участка «Т».

На месте грабительского покая в 2006 г. был разбит раскоп (ГШ-Грабительский шурф) размерами 25 кв.м на расстоянии 60,5 м к северу от алтаря храма Афродиты. На участке была обнаружена часть разрушенной каменной кладки, сохранившейся в 1-3 слоя, которая была сложена из среднего и крупного известнякового бута и известняковых плит на глиняном растворе с толщиной швов от 1 до 12 см.

В связи с сильным разрушением культурного слоя грабителями стратиграфия участка практически не прослеживается, однако грунт заполнения насыщен керамическим боем, который чётко датируется VI-V ст. до н.э.¹³

Из нерядовых находок особое внимание вызывает большое количество обработанных костей животных. Все кости можно распределить на три группы: 1- кости животных (более пяти тысяч шт.), 2- заготовки под орудия труда (более 70 шт.) (рис.1), 3- готовые изделия (7 шт.) (рис.2).

Практически все находки обработанных костей были найдены в переотложенных напластованиях и были представлены бракованными изделиями и спилами крупных и средних костей. Все фрагменты хорошо залощены и практически не покрыты известняковым налётом, в отличие от керамики с вышеуказанного участка.

В 2007 г. исследование участка продолжилось. В осенне-весенний период на острове Березань проводились грабительские работы. Они коснулись как непосредственно участка «Теменос» (разбитие алтаря в храме Афродиты), так и участка «ГШ». На нём была повреждена кладка и

с западной стороны сделана прирезка размерами 15 кв.м. Работа была направлена на расчистку объекта и нивелировку грабительской деятельности. Также была сделана прирезка с южного борта участка «ГШ» (25 кв.м). Во время работы была обнаружена кладка, примыкающая к кладке раскопа 2006 г., большое количество обработанных костей животных (около 40 шт.) и две накладки на ножи. Исследуемые слои по керамическому материалу относятся к VI-V ст. до н.э.¹⁴

Большое количество обработанных костей и заготовок позволяет нам предположить, что в районе участка «ГШ» в конце VI-V ст. до н.э. находилась косторезная мастерская по изготовлению накладок для ножей, от которой остались части стен и разрушенные слои. Это предположение возможно подкрепить обнаружением железоделательной мастерской на участке «Т»¹⁵, относящейся к описываемому периоду. Дальнейшее изучение данного участка позволит нам более точно идентифицировать объект и его характер. Но и на сегодняшний день можно говорить, что это первая находка остатков комплексного косторезного производства на острове Березань за более чем столетнюю историю проведения археологических работ.

Рис. № 1 Обработанные кости.

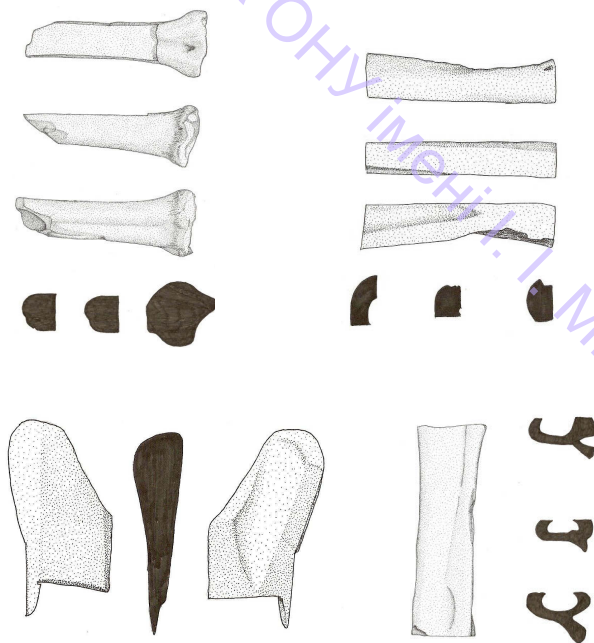
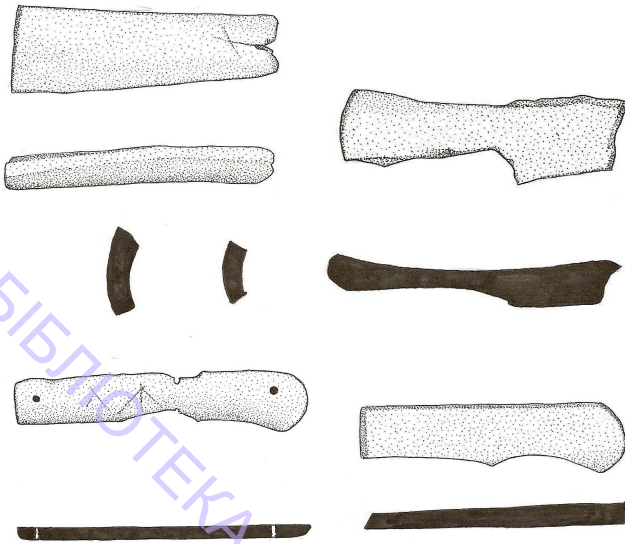

Рис. № 2 Костяные накладки для ножей.

Примечания:

¹ Пападимитриу С.Д. Древние сведения об острове Березани // Записки императорского Одесского Общества Истории и Древностей. – Одесса, 1910. – Т. XXVIII – С. 97-112.

² Ястребов В.Н. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // Записки императорского Одесского Общества Истории и Древностей. – Одесса, 1894. – Т. XVII. – С. 63-176.; Фабрициус Н.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. – К., 1951. – Вып. №5. – С. 56-61.

³ Там же.

⁴ Фабрициус Н.В. Указ. соч. – С. 56-61.

⁵ фон Штерн Э.Р. О пробных раскопках на острове Березани // Записки императорского Одесского Общества Истории и Древностей. – Одесса, 1904. – Т. XXV. – С. 97-100.; фон Штерн Э.Р. Отчет о раскопках ординарного профессора Э. фон Штерна на о. Березани в 1905 г. // Записки императорского Одесского Общества Истории и Древностей. – Одесса, 1907. – Т. XXVII. – С. 68-71; фон Штерн Э.Р. Краткий отчет о раскопках на о. Березани в 1908 г. // Записки императорского Одесского Общества Истории и Древностей. – Одесса, 1910. – Т. XXVIII. – С. 39-48.; фон Штерн Э.Р. Отче о раскопках на острове Березани летом 1909 г. // Записки императорского Одесского Общества Истории и Древностей. – Одесса, 1910. – Т. XXVIII. – С. 80-91.

⁶ Болтенко М.Ф. Розкопки на острові Березані 1946 р. // Археологічні пам'ятки Української РСР. – К., 1949. – С. 31-37.

⁷ Яровая Е.Ф. Раскопки на острове Березань в 1960 г. // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного университета им. И.И.Мечникова и Одесского государственного археологического музея. – Одесса, 1961. – С. 29-31.

⁸ Копейкина Л.В. Раскопки Березанского поселения // Археологические открытия 1975 г. – М., 1976. – С. 345-346; Копейкина Л.В. Результаты работ Березанской экспедиции. // Археологические открытия 1980 г. – М., 1981. – С. 263-264.

⁹ Материалы Березанской (Нижебугской) античной археологической экспедиции. – СПб., 2006. – Т.1. – С. 33-54.

¹⁰ Мазарати С.Н. Раскопки древнегреческого поселения на о-ве Березань // Археологические открытия 1982 г. – М., 1984. – С. 289-290; Мазарати С.Н. Исследования на о. Березань. // Археологические открытия 1984 г. – М., 1986. – С. 265.

¹¹ Назаров В.В. Теменос Березанского поселения // Історія, етнографія, культура. Нові дослідження. Матеріали II Миколаївської краєзнавчої конференції. – Миколаїв, 1997. – Вип. 1. – С. 27-29.

¹² Крутилов В.В., Смирнов А.И. Строительные остатки Березанского поселения середины VI в. до н.э. начала V в. до н.э. по итогам полевого сезона 2005 г. // Історія, етнографія, культура. Нові дослідження. Матеріали VI Миколаївської краєзнавчої конференції. – Миколаїв, 2006. – С. 63-65.

¹³ Смирнов А.И. Новые исследования на острове Березань в 2006 г. (участок ГШ) // VIII Боспорские чтения. БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 299-301.

¹⁴ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. – М.-Саратов, 2003.

¹⁵ Крутилов В.В. Помещение производственного характера с сырцовыми стенами на территории теменоса Березанского поселения. // VIII Боспорские чтения. БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 195-197.

О.В. Сминтина (Одеса, Україна)

ЕКОЛОГІЗАЦІЯ СУЧАСНОЇ НАУКИ Й ОСВІТИ: проблеми, пошуки, рішення

Сучасну генерацію українських науковців спіткала щаслива можливість пережити унікальний в своєму роді досвід докорінного переосмислення філософської сутності процесу наукового пізнання та його морально-етичного призначення. Як засвідчує історія науки, такого роду переосмислення ролі науки в житті людини відбувалися неодноразово та припадали на зламні періоди історії людства. Соціально-політичні та економічні трансформації, які випали на долю України протягом останніх десятиліть, початок нового тисячоліття, докорінні

зрушення у ментальності населення України стали підґрунтям для перегляду існуючої парадигми наукового пізнання.

Одною з найвизначніших рис цього перегляду є процес поступової екологізації науки.

Бурхливий розвиток науки і техніки, який відбувався протягом другої половини ХХ ст., спричинив суттєве поглиблення різнопланового впливу людства на оточуюче середовище, який став за масштабами й наслідками став порівняним з природними геолого-географічними процесами.

Усунення негативних наслідків технічного прогресу, захист природного середовища, а значить самої біологічної основи людини стали для неї життєво важливими. В результаті на рубежі тисячоліть озброєне найдосконалішими технологіями людство все частіше замислюється про свою роль у Всесвіті, що, в свою чергу, обумовлює зростання актуальності екологічних студій. Проте, як засвідчує аналіз сучасних підходів до розуміння предмету та об'єкту екології, у новітньої генерації науковців немає єдності щодо визначення предметного поля та завдань цієї науки.

Екологія формується на рубежі ХІХ-ХХ ст. як наука про природу, яка вивчає умови існування живих організмів, їхніх взаємозв'язок та взаємодію з довкіллям¹. Інтенсивно розвиваючись протягом ХХ ст., вона перетворюється на науку про структуру та функції природи, про взаємозв'язки всього живого між собою та довкіллям². Наприкінці ХХ ст. можна спостерігати, що екологія поступово набуває значення міждисциплінарного знання, науки на перехресті біологічних та гуманітарних наук, що досліджує багатокомпонентні та багаторівневі системи у природі та суспільстві³. Екологія стає свого роду унікальним механізмом взаємопроникнення природничого та гуманітарного знання.

Найяскравішою ознакою цього тяжіння екології до рангу міждисциплінарного знання стає залучення до її предметного поля людини як невід'ємного компоненту екологічних систем. Сьогодні в науці співіснує декілька варіантів структури екологічної науки, кожен з яких передбачає виділення розділів, буття яких нерозривно пов'язане з життєдіяльністю людини⁴. Серед таких розділів у сучасній вітчизняній науці найбільш повно представлені прикладна, соціальна, космічна екологія, геоекологія, техноекоекологія, соціоекологія та ін.

Паралельно відбувається повільний, але незворотній процес екологізації гуманітарної сфери, де на рубежі тисячоліть утворюються та плідно розвиваються дисципліни й субдисципліни, предмет і об'єкт яких безпосередньо пов'язані з концептуалізацією взаємодії природи і людини. Так, в надрах історичної науки розвиваються інвайронментальна історія й археологія, палеоекологія, етноекологія, в соціології й політології – екологічна демографія, політична екологія, екофемінізм, в культурній

антропології в її західноєвропейському розумінні – екологічна антропологія, культурна екологія, поведенська екологія, екологія людини, у філософії – екологічна етика, екологічна естетика, екотеологія (спіритуальна екологія), у мистецтвознавстві – екологія культури, екологія мистецтва, екологія душі, екологія любові тощо.

Кожна з зазначених дисциплін та субдисциплін передбачає, в свою чергу, поступове проникнення екологічного підходу до цілого ряду суміжних дисциплін. Так, наприклад, розвиток етнекології передбачає поєднання та творчий синтез в одному, екологічному за своїм характером, дослідженні результатів наукового пошуку етносоціологів, етнопсихологів, кліматологів, ландшафтознавців, біодемографів, лінгвістів, дієтологів, медичних географів, гігієністів, соціальних демографів, економічних географів й географів населення та фахівців в інших галузях історичних, соціальних та географічних наук⁵.

Отже, людина в її природному оточенні фактично стає центральним предметом дослідження екології як універсального міждисциплінарного знання. В зв'язку з цим центральним питанням екології в такій її інтерпретації постає визначення характеру зв'язків між природою та людиною⁶. В самому загальному вигляді розрізняється три види таких зв'язків: людина як створіння природи, людина як творець природи та людина як “співатор” природи. Концептуалізацію цих зв'язків в часі та просторі і є своєрідним стрижнем методологічного підґрунтя процесу екологізації сучасної науки. Історія побутування кожного з визначених підходів у природничих й гуманітарних науках цікава й тривала та сягає своїм корінням античного природознавства.

Так, ще з античності веде свій початок точка зору на людину як пасивного страждальця, яка в новий час поступово переосмислюється, інтегруючи тезу про здатність людини активно протистояти негараздам природного оточення, та збагачується на рубежі XIX-XX ст. низкою положень циклу географо-детерміністичних теорій. В другій половині XX ст. ця ідея набуває принципово іншого звучання в рамках концепції адаптації, яка оцінюється представниками поведінкової та інвайронментальної психології, феноменологічного та діяльнісного напрямку культурології як явище переважно активного та творчого (з боку людини) характеру⁷.

З початком інтенсивного розвитку промисловості в середині XIX ст. дослідники звертають увагу на результати перетворюючого впливу людини на своє природне оточення. Протягом XX ст. концепт “людина – творець природи” осмислюється в контексті теорії культурного та антропогенного ландшафтів, ландшафту як артефакту, ландшафту як серії послідовних заселень тощо⁸.

Паралельно майже два століття тому дослідники звертають увагу на те, що людина та природа в історичній ретроспективі виступають як

неподільна цілісність. Фундаментальне обґрунтування ця ідея отримує на рубежі XIX-XX ст. в контексті антропогеографії та теорії ноосфери. Протягом другої половини XX ст. для позначення першопричин змін, які відбуваються в природі й суспільстві як неподільній системі, та визначення їх характеру до наукового обігу вводяться специфічні теорії та поняття. Так, зокрема, розробляється загальна теорія стресу та виробляється концепт екологічного стресу, а для позначення можливого характеру відповіді людини (або суспільства) на зміни оточуючого середовища пропонуються поняття соціальної й екологічної пружності, регулювання, усталеності, коеволюції та інші. В результаті системного опрацювання цих ідей на рубежі тисячоліть все більше прихильників здобуває ідея свого роду спільної та взаємозалежної еволюції природи та суспільства. Своєрідне бачення її результатів та наслідків пропонують представники постмодерністського напрямку сучасної географії, вводячи до наукового обігу широкий спектр варіантів розуміння ландшафту як синтезу природно-географічного та соціально-економічного значення. При цьому увага приділяється як еволюції ландшафту у взаємозалежності із суспільством, так і розвитку (в контексті “історії життя”) матеріальної й духовної підсистем культури в тісному зв'язку з ландшафтом. В радянській науці взаємна обумовленість діахронічного розвитку природи і суспільства отримує теоретичне обґрунтування в контексті теорії геосистем⁹.

Отже, на початку XXI ст. у розпорядженні дослідників мається змістовні, різноманітні та ґрунтовні методологічні засади подальшої екологізації різноманітних галузей як гуманітарного, так і природничого знання. В той же час, першочергового значення набуває проблема взаємопорозуміння їх представників, розв'язання якої сприятиме інтенсифікації цього процесу. Найактуальнішими сьогодні постають щонайменше три питання, які по-різному та з різним успіхом вирішуються природничниками та гуманітаріями: проблема просторових рамок екологічних реконструкцій, питання персоніфікація “людського” компоненту екологічної системи та проблема хронологічних рамок екологічних реконструкцій.

Так, зокрема, у природничих науках розроблена набагато більш об'єктивна система визначення конкретного обсягу середовища, в якому відбуваються природні й соціальні процеси. Найуживанішими в цьому контексті постають поняття географічної зони й ландшафту, регіону (району) та населеного пункту. У гуманітарному знанні ця проблема розв'язується переважно на інтуїтивному рівні часто через застосування понять, які або є глибоко суб'єктивними (наприклад, культурна зона), або не мають у своєму первинному сенсі просторового навантаження (зокрема, екологічна ніша). Навіть в тих дослідженнях, де застосовуються конкретно-географічні поняття в них, крім традиційного для

природничого знання розуміння, може вкладатися зовсім інший зміст. Класичним прикладом цього є побутування у гуманітарних науках інтерпретації ландшафту як географічної системи поруч з його розумінням як сукупності символів, як артефакту, сцени, образу та тексту.

Проблема персоніфікації “людського” компоненту екологічної системи більш глибоко та різнобічно концептуалізується гуманітаріями. Так, історики, соціологи, етнологи та представники інших царин гуманітарного знання використовують чітко спрямовані на суб'єкта поняття людина / індивід / особистість, народонаселення, етнос, громада / соціальна група, культурна спільність та інші, в той час як якщо природничники вживають переважно загальні поняття “людина” та “населення”

Складніше оцінити стан опрацювання хронологічних рамок екологічних реконструкцій у різних царинах наук. У географії, екології в її вузькому розумінні, кліматології та інших дисциплінах застосовуються переважно тривалі проміжки часу, протягом яких людство та його культура не раз зазнавали принципових змін. В той же час, ці проміжки досить чітко датовані та складаються у цілісну систему еволюції природного середовища в певному регіоні. В гуманітарному ж знанні хронологічні періоди, хоча й є більш дрібними та більш чітко пов'язаними з діяльністю людини, часто не мають конкретного географічного змісту, адже джерельну базу для їх наповнення надають представники природничого знання.

Отже, підсумовуючи основні тенденції та проблеми, які спіткають дослідників, які торують шляхи екологізації сучасної науки, маємо визнати, що в багатьох аспектах цей процес відбувається на інтуїтивному рівні. У розпорядженні дослідників мається потужна методологічна база для досліджень такого роду. Проте їх впровадження ускладнюється нерозробленістю понятійного апарату й термінології, яка, в свою чергу, є результатом непорозуміння між представниками гуманітарних та природничих наук по цілому ряду концептуальних питань.

Одним з вірогідних шляхів подолання цієї актуальної проблеми розвитку науки може стати процес реформування системи екологічної освіти у навчальних закладах всіх рівнів акредитації, у впровадженні перехресних курсів з історії культури та історії природи та представників різних галузей наук, у прищепленні учням та студентам необхідності усвідомлення того, що найактуальніші проблеми свого буття сучасне людство може розв'язати лише діючи на перехресті наук й дисциплін, вільно володіючи науково-методологічним апаратом як гуманітарного, так і природничого знання.

Поглиблення процесу екологізації сучасної науки, як уявляється, дозволить по-новому підійти до встановлення причинно-наслідкових

зв'язків явищ та подій у природі й культурі в їх синхронному та діахронічному вимірах та відкриє нові перспективи у прогнозуванні віддалених результатів взаємодії людини техногенної епохи та її природного середовища.

Примечания:

- ¹ Одум Ю.П. Основы экологии. – М., 1975. – С. 3-5; Злобин Ю.А. Основы экологии. – К., 1998. – С. 7.
- ² Голубець М.А. Екосистемологія. – Львів, 2000. – С. 7-10.
- ³ Реймерс М.Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы, гипотезы. – М.: Россия Молодая, 1994. – С. 3-10.
- ⁴ Злобин Ю.А. Вказ. праця. – С. 7-9.
- ⁵ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. – М., 1989. – 272 с.; Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская Этнография. – 1983. - № 1. – С. 3-15; Этническая экология. – М., 1991. – 347 с.
- ⁶ Сминтина О.В. Теоретичні питання дослідження екології давньої людини. – Одеса, 2004. – 104 с.
- ⁷ Сминтина О.В. Зональність ранньопервісних культур: дослідження, факти, теорії. – Одеса, 2001. – С. 3-20.
- ⁸ Smyntyna O.V. The Environmental approach to Prehistoric studies: approaches and theories // History and Theory: Studies in the Philosophy of History. – 2003. – Vol. 42, no 4: Theme issue: Environment and History. – P. 44-59
- ⁹ Смынтина Е.В. Антропогеография в контексте интеграции археологических и этнологических исследований // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2003. – С. 75-76; Сминтина О.В. Проблема взаємодії природи і суспільства в гуманітарних та природничих науках рубежу тисячоліть: від адаптації до співтворчості // Записки історичного факультету ОНУ. – 2003. – Вип. 13. – С. 5-13.

Е.С. Сорочан (Харьков)

О СПЕЦИАЛИЗАЦИИ В ТОРГОВЛЕ ДОМАШНИМ СКОТОМ В ВИЗАНТИИ В IV-IX вв.

Домашний скот (ktene, ktenos) составлял одну из групп предметов ромейской торговли. К сожалению, не всегда представляется возможным установить, в каких случаях он продавался как убойный, а в каких – как рабочий. Однако, сам факт обширного разведения крупного, мелкого рогатого скота и свиней, а также оживленная торговля ими и в период поздней античности, и в раннее средневековье говорит о частом использовании в хозяйстве как продуктов, получаемых от этих домашних животных, так и их самих. Скот являлся не только источником мясо-молочных продуктов, дающих людям необходимый белок и кальций, но и составлял основу для определенной сферы кожевенного производства.

В связи с этим представляется необходимым выяснение терминологического обозначения различных видов домашнего скота как

предмета разведения и торговли, определение связанных с этим профессиональных занятий, их характера и степени специализации. Это позволяет выяснить в полном объеме терминологию ромейской рыночной продукции в области торговли скотом IV-IX вв. и связанной с ней профессиональной специализации, выделить главные, ведущие группы предметов торговли, доминировавшие в ромейском аграрном, промысловом производстве и обмене, отвергнуть представление об ухудшении качества питания ромеев в силу преобладания овощей и зелени в ассортименте пищевых продуктов; выяснить организацию разделения труда в торговле убойным скотом и в мясницком деле; установить, что подавляющее большинство специальностей, связанных с продуктовым и сырьевым рынками, носило не торговый, а ремесленный характер.

Начнем с того, что определить, какие виды скота подразумевают те или иные термины византийских письменных источников IV-IX вв., бывает порой достаточно сложно. Так, вол, корова, бык обозначались, по сути дела, одним словом – *bous, boas, boos*¹.

Никита Давид Пафлагон упоминал в Житии патриарха Игнатия (847-858, 867-877) о быках или волах, которых пригоняли “извне” в Константинополь на продажу². В VIII-IX вв. скот из Нижнего Подунавья поступал не только в столицу, но и в другие провинциальные города Империи ромеев, в Фессалонику, Адрианополь, Месемврию. В письменных источниках иногда фигурирует слово *thremmata, thremma*³, под которым А. Штёкле, анализируя соответствующий раздел Дигест, вошедший в Василики, понимал любой крупный, мелкий рогатый скот, овец, но исключал свиней⁴. Следовало бы добавить, что это был именно убойный скот, поскольку стадо, в том числе и овец, обозначалось другими словами – *agele, poimnion, poimne, omilos*⁵. Однако, надо также учесть, что чаще всего под термином *thremma* понимались овцы из загона (мандры)⁶.

Наибольшее количество документов VII-VIII вв., упоминавших о продаже овец, позволяет поддержать вывод И. Ирмшера о том, что это животное, дававшее и шерсть, и мясо, было наиболее ходовым товаром и, следовательно, его разведение, в том числе с целью продажи, занимало одно из первых мест в домашнем хозяйстве. Обычным названием овец было слово *probateios, probatou, probaton*⁷ в отличие от *krios* – баран, *arnos, agen* – ягненок, причем все они встречаются в значении рыночных объектов купли-продажи⁸. Столь же универсальным по использованию, но еще более неприхотливыми были коза (*aix*) или козел (*tragos*), чья шерсть, наряду с мясом и молоком, находили широкое применение⁹.

Завершить этот перечень, в котором не было второстепенных для ромеев домашних животных, могла бы свинья, высоко ценимая с точки зрения византийских гурманов. Египетские папирусы VII в. сообщают о

продаже свиней (choiros), молодых подсвинков (choiradelphakes), более дорогих свиноматок (choiras)¹⁰.

Мясо (kreas, thyma) в небольших количествах могли себе позволить ежедневно есть даже сравнительно небогатые византийцы, разумеется, не в пост, тогда как клирики, особенно монахи, потребляли его лишь по большим праздникам¹¹. Случавшиеся перебои с кормами, например, вследствие налета саранчи, уничтожавшей траву, вызывали массовый забой скота и тогда рынок переполнялся резко дешевевшим товаром¹². В продажу поступала говядина, но баранины, козлятины, свинины было больше, потому что мелкий скот было легче разводить и содержать. Баранину, ягнятину можно было увидеть на столах и крестьян-георгов, и горожан-политов¹³, где с ней соперничала только свинина (choireia krea)¹⁴. В кругу мясных товаров числились солонина, которая по именованию не отличалась от свежего мяса (kreas)¹⁵, а также ветчина, копченые окорока, колбасы (neuron), считавшиеся грубой пищей и потому не пользовавшиеся особым спросом¹⁶.

Григорий Назианзин, Анастасий Синаит, Павел Эгинский, Феогност упоминают о производстве мяса (sarkogenes, sarkoblastano, sarkobroteo)¹⁷, тогда как Псевдо-Афанасий, Василий Кесарийский, Иоанн Климак, Малала, Феодор Студит, Георгий Монах и другие источники указывают на торговлю мясом и тех, кто ею занимался – торговцев мясом, мясников (kreopoles, kreopolikos, makelarios, makellares, makelles, makellikos или просто makel, makelo)¹⁸, а также их специализированные эргастии – мясные лавки (macellum, makellon, kreopolion)¹⁹.

Гораздо сложнее разобраться с разделением труда в ромейской торговле убойным скотом и в мясницком деле. Кирилл Александрийский (V в.) упоминал в качестве особого промысла убой овец (melosphagia)²⁰, а в ранневизантийских папирусах встречаются сведения о moschomageiros, не просто мяснике, но вероятно, торговце говядиной. Феодор Студит упоминал в одном из писем 801 г. о пастухах и об овцеводах, облагодетельствованных, наравне с прочими ремесленниками и торговцами, отменой пошлин²¹.

А.П. Рудаков, ссылаясь на Книгу епарха, писал, что макелларии продавали говядину, тогда как probatemporoi и choiremporoi торговали соответственно бараниной и свиной. Однако обращение к тексту источника заставляет думать, что к IX в. структура и организация мясной торговли не стала столь четкой, как представляется. Несомненно, были макелларии-мясники, которые закупали преимущественно убойных овец, баранов, ягнят (thremma) и торговали их мясом²² и “те, которые покупают, закалывают свиней и продают их” (oi tous choiros exonoumenoι kai sphattontes kai apempolountes)²³. Причем макелларии не имели права покупать свиней (choirous) и выставлять на продажу их мясо (krea)²⁴. Между тем в тексте источника нет даже намека на то, чтобы

проватэмпоры, торговцы овцами, не могли закупать свиней и доставлять их в город на продажу. Запрет существовал только для мясников-макеллариев²⁵, поскольку торговля последних свининой подрывала бы монополию системы торговцев свининой. Более того, дважды повторенное запрещение с грозным указанием на телесное наказание и ссылку, наводит на размышление о том, что на деле макелларии не упустили случая приторговывать и свининой. Следовательно, попытки углубить специализацию были, но они не завершились успехом даже в столице. Термин же *choiremporoi* мог в равной степени относиться как к торговцам свиным мясом, так и к тем проватэмпорам, которые торговали свиньями.

Надо учесть, что те, кто продавал свинину (*oi ta ueia pipraskontes*), то есть покупал, закалывал свиней и продавал их, не должны были выходить за пределы города навстречу торговцам скотом с целью перекупки свиней²⁶, тогда как торговцы свиньями должны были открыто продавать животных только на рынке площади Тавра²⁷. Выходит, функции профессий тех и других были четко разграничены, а термин хирэмпоры применялся прежде всего к тем, кто резал свиней и продавал их мясо, пользуясь весами²⁸. Поэтому с достаточной долей уверенности можно говорить о существовании системы проватэмпоров, специализировавшейся на доставке в город различного убойного скота, крупного и мелкого, в том числе и свиней; системы мясников (макеллариев), торговавших мясом любого скота (кроме свиней) и системы мясников-продавцов свинины (собственно хирэмпоров). Существование же особой профессиональной организации, занимавшейся закупкой и перегоном исключительно стад свиней, не находит подтверждения. Было высказано предположение о существовании двух отдельных систем. Примечательно, что даже ранневизантийский Египет с его высокой степенью торгово-ремесленной специализации знал мясников-торговцев свининой (*choiromageiros*), но не особых свиноговцев²⁹.

Среди тех, кто был связан с торговлей убойным скотом и мясом, были и пастухи, и мелкие розничные торговцы, даже не профессионалы, как те хориты, что вели торговлю от случая к случаю, и крупные оптовики, объединенные в соответствующую корпорацию, авансировавшие заранее средства для закупки партий скота. Отношение к последним было в целом уважительное. Такого макеллария со своими основными инструментами – топором и ножом увидел некий больной в лице явившегося к нему великомученника Артемия³⁰. В *Patria Constantinopolis* упоминается, что Лев до своего вступления на престол занимался мясничьим ремеслом, не помешавшим ему стать императором, хотя и с прозвищем Макела³¹.

В ранней Византии существовали профессии колбасника (isikiarios, isikiomageiros) и торговца колбасами (isikiopoles), а в одном из египетских папирусов упоминается тарихопратисса (tarichopratisa) – торговка вялеными или копчеными продуктами, в том числе мясом. Еще один папирус VII в. намекает на какую-то организацию искикиополов³². Но более поздние свидетельства такого рода отсутствуют, а продажа колбасных изделий наравне с солониной салдамариями не позволяет думать об углублении специализации и в этой сфере.

Как мы видим, вопрос о специализации в торговле домашним скотом является довольно сложным. Отдельные его области уже пытались разрабатывать различные специалисты. Однако полного комплекса разъяснения так и не было дано. На основе письменных источников, а также трудов отдельных медиевистов можно сделать следующий вывод: существовал особый промысел – убой овец (melosphagia), выделялась профессия мясника и торговца говядиной – moschomageiros, мясники, которые закупали преимущественно убойных овец, баранов, ягнят (thremma) и торговали их мясом³³ назывались макелларии, для “тех, которые покупает, закалывает свиней и продает их” употреблялись термины – oi tous choirous exonoumenoi kai sphattontes kai apempolountes³⁴. Причем макелларии не имели права покупать свиней (choirous) и выставлять на продажу их мясо (krea), поскольку торговля макеллариев свининой подрывала бы монополию системы торговцев свининой³⁵ (хотя на практике они все же иногда торговали ею). Но вот проватэмпоры, торговцы овцами, вполне могли закупать свиней и доставлять их в город на продажу.³⁶ И торговцев свиным мясом, и проватэмпоров, торговавших свиньями могли называть choiremporoi. Те, кто продавал свинину – oi ta yeia pipraskontes, то есть покупал, закалывал свиней и продавал их, не должны были выходить за пределы города навстречу торговцам скотом с целью перекупки свиней³⁷, тогда как торговцы свиньями должны были открыто продавать животных только на рынке площади Тавра.³⁸ Торговлей убойным скотом и мясом были также заняты пастухи, мелкие розничные торговцы и крупные оптовики, объединенные в корпорацию.

В целом же, в сфере торговли мясом, колбасными и мясными изделиями наблюдалось ослабление специализации. По сути дела, выделялось лишь три основные специальности среди торговцев убойным скотом: проватэмпоры, креокапилы – макелларии-мясники – торговцы свининой (к IX в.). Существовали также торговцы колбасами, вяленым мясом, копченостями (колбасники, торговцы колбасными изделиями, тарихопраты – до VIII в.). Все они обеспечивали ромеев мясом и мясoproдуктами (говядина, баранина, ягнятина, свинина, солонина, ветчина, окорока, колбасы), широко использовавшимися в повседневной жизни, хотя овощи и зелень все же преобладали в ассортименте пищевых продуктов.

- ¹ Византийский земельный закон: Текст, исслед., коммент. Е.Э. Липшиц, И.П. Медведьева, Е.К. Пиотровской. – Л., 1984. – Гл.23-30, 36-39, 41-43, 45, 48, 50, 51, 85; Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, пер., коммент. / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. – М., 1989. – Гл.2. 6, с.38.
- ² Nicetae Davidae Paphlagonae Vita Sti Ignatii // PG, 105. – 1864. – Col.569, sec.35.
- ³ Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii (vers. II) // PG, 99. – 1864. – Col.312; Византийская книга Эпарха. Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. – М., 1962. – XV. 1-5.
- ⁴ Ср.: Corpus juris civilis. – Б., 1908. – Vol.1: Digesta. – XXI. 1. 38. 6; Basilicorum libri LX / Ed. C.G.E. Heimbach, G.E. Heimbach. – Lipsiae, 1833. – XIX. 10. 34.
- ⁵ См.: Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянонорусском переводе. – Л., 1930. – Т.3
- ⁶ Земл. Зак.. – Гл.46. – С.320.
- ⁷ Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. Jac. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1963. – Vol.3: Historia que dicitur arcana. – P.156. 8; Земл. Зак.. – Гл.30, 38, 49; Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола... – Т.3. – С. 275; Vita S.Euthymii / Ed. P. Karlin-Hayter. – P.120. 11; Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл.2. 6, с.38.
- ⁸ Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола... – Т.1. – С.281. 14; Т.3. – С.347; Кн. Эп. XV. 5.
- ⁹ Le legende de S.Spyridon eveque de Trimithonte / Ed. P. Van den Ven. – Louvain, 1953. – P.33; Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола... – Т.3. – С.250.
- ¹⁰ См.: Земл. Зак. – Гл.49, 52, 54; Кн. Эп. XV. 1, 6; XVI. 2, 5.
- ¹¹ Asterii Amaseni scripta quae supersunt (Patrum Aegyptorum opera omnia) // PG. – Tunhouti, 1967. – Т.40. – Col.380 С.; Appendix ad Palladii Helenopolitani episkopi Arophthegmata patrum // PG, 65. – 1858. – Col.164 С.; Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола... – Т.1. – С.103. 25; 421. 17.
- ¹² См.: Joshua the Stylite. The Chronicle Composed in Syria AD 507 / Ed. by W. Wright. – Cambridge, 1882. – P.39, cap.43.
- ¹³ Никита Амнийский. Преисполненная великого назидания повесть о житии и деяниях блаженного и праведного Филарета Милостивого // Византийские легенды / Изд. подг. С.В.Полякова. – М., 1972. – С.106; Кн. Эп. XV. 1-5.
- ¹⁴ Кн. Эп. XVI. 5.
- ¹⁵ Кн. Эп. XIII. 1.
- ¹⁶ Византийские легенды. – М., 1972. – С.76, 78; Кн. Эп., XIII. 1; Koukoules Ph. Op. cit. – S.40.
- ¹⁷ См.: Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From BC 146 to AD 1100). – New York, 1893. – Vol.2. – P.979.
- ¹⁸ Pseudo-Athanasius // PG, 28. – 1886. – Col.656 B; Basilii, Caesareae Cappadociae archiepiscopi, Opera omnia quae extant // PG, 29. – 1886. – Col.477 C; Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L. Dindorfii. – Bonnae, 1831. – LXXVIII, 796, - P.482-483; Ioannis Scholastici vulgo Climaci abatis montis Sinai, opera omnia // PG, 88. – 1860. – Col. 631-1210. Col.952 B; Theodori Studitae orationes et epistolae // PG, 99. – 1864. – Col.922 C; Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола... – Т.1. – С.421. 17; Кн. Эп. XIII. 1; XV. 1-3; Symeon Magistros (Logothetos). Chronographia // Leonis Grammatici Chronographia / Rec. Im.Bekkerus. – Bonnae, 1842. – P.113. 11.
- ¹⁹ Palladius Helenopolitanus Lausaic // PG, 34. – 1860. – Col.1066 D; Asterii Amaseni scripta quae supersunt (Patrum Aegyptorum opera omnia) // PG. – Tunhouti, 1967. –

Т.40. – Col.373 B; Socratis Scholastici Historia ecclesiastica // PG, 67. – 1864. – Col.177 A; Ioannis Malalae Chronographia... - P.287. 5; Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii // PG, 99. – 1864. – Col.312.

²⁰ Cirilli Alexandriae Opera omnia, Isidorus Pelusium et al. / Accur. et rec. J.-P. Migne // PG, 77. – 1859. – Col.417 D.

²¹ Theodori Studitae orationes et epistulae. – Col.922 D (Epist. I. 7).

²² Кн. Эп. XV. 1, 5.

²³ Кн. Эп. XVI.2.

²⁴ Кн. Эп. XV. 1, 6.

²⁵ Кн. Эп. XV. 1, 6.

²⁶ Кн. Эп. XV. 1, 2, 5.

²⁷ Кн. Эп. XV. 3, 4;.

²⁸ Кн. Эп. XV. 6.

²⁹ Maspero J. Papyrus grecs d'epoque byzantine. – Le Caire, 1913. – T.2. Pars.2. – P.125.

³⁰ Miracula S.Artemii (Diegesis ton thaumatou toy agioy...Artemioy) // Varia graeca Sacra. Сборник греческих неизданных богословских текстов IV-XV веков с пред. и указат. изд. А.Пападопуло-Керамевс / Записки имп. СПб. ун-та. Истор.-филол. ф-т. – Ч.95. – 1909. – P.35.

³¹ Scriptores originum Constantinopolitanarum / Rec. Th.Preger. Fasc.2: Ps.-Condini origines continens. Adiecta est forma urbis Constantinopolis. – Leipzig, 1989. – P.250.

³² Greek Papyri in the British Museum / Ed. F.G.Kenyon, H.I.Bell. – L., 1907. – P.3. №1028, I, 12.

³³ Кн. Эп. – XV. 1, 5.

³⁴ Кн. Эп. – XVI.2.

³⁵ Кн. Эп. – XV. 1, 6.

³⁶ Кн. Эп. – XV. 1, 6.

³⁷ Кн. Эп. – XV. 1, 2, 5.

³⁸ Кн. Эп. – XV. 3, 4;

С.Б. Сорочан (Харьков)

О ДАТИРОВКЕ ВРЕМЕНИ БОРЬБЫ ЮСТИНИАНА II РИНОТМЕТА С ВИЗАНТИЙСКИМ ХЕРСОНОМ

Из византийских источников, прежде всего сочинений Феофана и Никифора, написанных в конце VIII – начале IX вв., известно о той вражде, которую питал к Херсону вернувшийся на трон в 705 г. василевс Юстиниан II Ринотмет¹. Эта вражда вылилась в отправку против Херсона и других архонтств и кастра Таврики большой карательной экспедиции во главе с полководцами Стефаном Асмиктом и Мавром Вессом. Она была повторена после попытки вести переговоры, за чем последовало восстание херсонитов, к которым присоединились ромейские войска во главе с Мавром Вессом и новоназначенный архонт Херсона, дорифор

василевса, спафарий Илья. Мятежники, собрав флот, отправились к Константинополю и свергли Юстиниана Ринотмета, провозгласив императором Филиппиком знатного бывшего ссыльного Вардана. Таким образом, эти события хорошо известны и неоднократно были предметом комментариев и исследований многих византистов. Пожалуй, их не избежал никто из историков Византии. Но остается неясным, к какому времени относилось происшедшее. Его датируют и 710, и 711, и 712 гг. Попытаемся уточнить это на основе немногих имеющихся данных и аналитических рассуждений.

Феофан поместил указанные события в своей “Хронографии” под 6203 г. от сотворения мира по александрийской эре, то есть 711 / 712 г. Из его рассказа следует, что в октябре “первый” флот ромеев-карателей уже отплыл обратно из Таврики. Возможно, первая экспедиция действительно была непродолжительной и пришлось на начало осени 711 г., как полагает И.С. Чичуров². Но если принять эту точку зрения комментатора Феофана, тогда все последующие события, включавшие мятеж в Херсоне, прибытие в город для переговоров новой имперской делегации, подход и уход военных сил хазар, провозглашение василевсом Вардана-Филиппика, посылка Юстинианом “второго” карательного флота, осада города, очередные переговоры с хаганом хазар, вплоть до свержения Юстиниана, убитого в его лагере под Халкидомом 7 декабря 711 г., свершились в рекордно короткое время, в течение двух месяцев (октябрь-ноябрь).

Между тем, они могли быть и более длительными, в том случае, если считать их начавшимися не осенью 711 г., а в 710 г., точнее, летом или в августе-сентябре этого года³. Именно тогда в Херсон, Боспор и остальные кастра крымских архонтий вторглись войска во главе с патрикиями Стефаном Асмиктом и Мавром Вессом, а вместе с ними были доставлены архонт Херсона спафарий Илья и будущий узурпатор, изгнанник Вардан. Приезд мирной имперской делегации с небольшим числом дромонов, последовавший после гибели почти всего возвращавшегося флота во время октябрьской морской бури, мог состояться через несколько зимних месяцев весной, во второй половине марта-апреле 711 г., только когда открылся очередной навигационный сезон, а последующие разнообразные события (вторая карательная экспедиция во главе с патрикием Мавром Вессом, провозглашение Вардана императором Филиппиком) заняли лето и осень, так что флот с узурпатором на борту рискнул направиться из Херсона к столице Империи в конце ноября, в самый канун официального закрытия моря, дабы не дать Юстиниану II шанса вновь собраться с силами. Последний вариант развития событий представляется во всех отношениях более реалистичным, учитывая, что на одно лишь обычное плавание между Константинополем и Херсоном уходило около 10-15 дней плюс обратный путь, и в таком случае на

происходившее в самом городе и его округе оставалось бы совсем мало времени.

Примечательно, что начало событий, связанных с восстанием равеннцев против Юстиниана II, если следовать порядку изложения в римской “Книге понтификов”, тоже относится к 710 г. (весной – небольшая экспедиция в Равенну сицилийского стратига, патрикия Феодора, с целью ареста наиболее враждебных к императору представителей равеннской знати, которые вскоре были казнены в Константинополе, за исключением равеннского архиепископа Феликса, сосланного на берега Понта; летом, то есть в период подготовки и отправки первого карательного флота в Таврику, – восстание в Равеннском экзархате; октябрь – приезд в Италию нового экзарха Иоанна Ризокопа и его гибель на подступах к Равенне)⁴. Послать в Италию войска против мятежников василевс не только не успел, но и не мог, т.к. после открытия навигационного сезона 711 г. его внимание было поглощено бурными событиями, разыгравшимися в Херсоне, стремлением покарать изменившего ему херсонского архонта, спафария Илью, отправкой оказавшейся безрезультатной экспедиции Мавра Весса, планами борьбы с узурпатором Варданом-Филиппиком. В этом видится еще один аргумент против гипотезы А. Гийу, относившего равеннское восстание к 711 г.⁵ Херсонское же длилось, видимо, гораздо дольше, и его события захватили время с лета 710 г. до конца ноября 711 г.

¹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. Тексты, пер., коммент. – М., 1980. – С.40-42, 63-65, 156-157, 164-166.

² Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... – С.128, комм.322.

³ Ср.: Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. – Lipsiae, 1880. – P.44. 14; Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. – 1907. – Вып.21. – С.163; Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р. Хр. – М., 1908. – С.33; Якобсон А.Л. Средневековый Крым. – М., Л., 1964. – С.29; Якобсон А.Л. Крым с древние века. – М., 1973. – С.31; Treadgold W. A History of the Byzantine state and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P.342; Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С.44.

⁴ См.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – М., 2001. – С.161-165.

⁵ Guillou A. Regionalisme et independance dans l'Empire Byzantine au VIIe siecle. L'exemple et de la Pentapole d'Italie. – Roma, 1972. – P.215-218.

ФОРМУВАННЯ НАРОДОНАСЕЛЕННЯ ПІВДЕННОГО ПОБУЖЖЯ В ПАЛЕОЛІТІ

Найдавніша історія Південної України, часткою якої є і Степове Побужжя, відома нам лише за матеріалами пам'яток кам'яного віку.

Джерельна база доповіді створена Причорноморською експедицією Інституту археології НАН України під керівництвом В.Н. Станко. Окремі матеріали були здобуті в різні часи В.М. Даниленком, Н.Г. Елагіною, В.І. Нікітіним, С.П. Смольяніновою, О.П. Чернишом та іншими дослідниками¹.

В доповіді розглядається період історії від заселення мисливцями та збирачами Північного Причорномор'я до появи тут перших скотарів та землеробів. Значною мірою життя і діяльність людини того часу залежали від ресурсів і характеру оточуючого середовища – наявності промислових тварин, природних умов для продуктивного полювання, сировини для виготовлення знарядь праці, палива тощо. В зв'язку з цим, насамперед, розглянемо, як сучасна наука відтворює природне середовище, в якому опинилась первісна людина, поселившись в Степовому Побужжі в часи палеоліту і мезоліту.

Гідрографічна сітка в Степовому Побужжі близька до сучасної і була сформована ще в ранньому палеоліті. Основним фактором, який утворював рельєф Степового Побужжя, є долина річки Південний Буг, яка поділяє Причорноморську низину в цьому регіоні на два підрайони: правобережжя з глибоким долино-балковим розчленуванням і лівобережжя з відносно рівним та згладженим рельєфом. На півночі мережа долино-балкового розчленування щільніша, береги річок та балок крутіші. Довжина балок іноді сягає декількох кілометрів, вони мають круті схили, зарослі густим чагарником і деревами. Яри були відносно невеликі. На давніх терасах річок і балок серед уламків пісковика, вапняку, граніту, гнейсу та інших порід каміння часто зустрічаються оброблені людиною кремені. Долини річок переважно маловодні, порослі лучними травами. В руслах і на схилах їх зустрічаються виходи кременю, вапняку, гнейсу, пісковика, граніту, які слугували сировиною для виготовлення знарядь праці та спорудження жител первісної людини².

Пам'ятки палеоліту і мезоліту в Степовому Побужжі розташовані своєрідними кущами і пов'язані з крутими берегами невеликих річок, балок та ярів. За матеріалами сучасних досліджень, найбільш густо заселеним був басейн правої притоки Південного Бугу річки Бакшали, яка є своєрідним вододілом між Причорноморською низиною та Волино-Подільською височиною. Крім долини Бакшали, значна кількість палеолітичних стоянок виявлена на схилах річок Кодима, Синюха, Савранка, Інгул.

Палеолітичні пам'ятки у переважній більшості розташовані на високих терасах Південного Бугу та його притоків. Таке розміщення мисливських таборів насамперед пов'язане з особливостями полювання бізонів. Розгляд гіпсометрії мезолітичних пам'яток показує, що зі зміною природних обставин (остаточне зникнення льодовика, спускання прильодовикових басейнів і перетворення річок на менш повноводні в голоцені) ранньомезолітичні пам'ятки розташовуються нижче на рівні перших надзаплавних терас. В пізньому мезоліті в зв'язку з кризою мисливського господарства розселення первісних мисливців і збирачів ведеться по всіх терасових рівнях в залежності від господарських уподобань їх невеликих рухливих груп.

Основою життєзабезпечення давньої людини були навколишня рослинність та тваринний світ.

Флора і фауна на протязі плейстоцену і голоцену неодноразово змінювалась в залежності від зміни клімату. Природознавцями визначено п'ять льодовикових періодів в плейстоцені і декілька пльовіальних, теплих і вологих, та аридних, холодних і сухих, періодів в голоцені. На теренах Степового Побужжя найдавніші поселення відомі лише з періоду максимуму останнього (валдайського) зледеніння (Сагайдак 1, Анетівка 1 і 2, та інші). Сліди більш раннього перебування людей на цій території поки що невиразні і поодинокі, хронологія Анетівки 13 потребує уточнення.

У подальшому (18-15 тис. років тому) в зв'язку з відходом льодовика на півдні України ксерофітні степи змінюються бореальними сухостеповими ландшафтами з домішками листяних дерев у складі долино-балкових реліктових. Основним об'єктом полювання в цей період стає бізон. В незначній кількості у складі промислових тварин на поселеннях того часу зустрічаються кістки коня, північного оленя, сайги тощо.

На заключному (причорноморському) етапі деградації останнього льодовика поширюються злаково-різнотравні фітоценози разом з сосново-широколистяними і широколистяними лісами (дуб, граб, клен, горіх, вільха). Однак, клімат в цей період залишався нестабільним – теплі і вологі періоди (беллінг, аллеред) змінювались сухими і прохолодними (дриас I-III). В складі промислової фауни поступово зменшується кількість кісток бізонів і збільшується доля кісток коня.

Динаміка змін ландшафтів в голоцені також пов'язана зі зміною клімату. За даними В.І. Бібікової, Н.П. Герасименко та Г.О. Пашкевич, на півдні України на протязі голоцену ландшафт мав степовий характер. Найбільшого поширення лісова рослинність в степах досягла в теплом і вологому атлантичному періоді, коли помітно зменшується розповсюдження в ярах берези і збільшується кількість дуба, липи, граба та береста. Найбільш важливі зрушення відбулись в складі фауни, де на

зміну бізону прийшов тур, який згодом був приручений місцевими мисливцями³.

Достовірно існування населення в степах Південного Побужжя простежується з другої половини раннього етапу пізнього палеоліту. Дослідники виділяють тут дві групи пам'яток: 1. „місцевого” східноєвропейського походження (Лескі, Володимирівка – ш.8, Серединний Горб), 2. „прийшли” центральноєвропейського походження (Сагайдак 1, Анетівка 1)⁴. Генеза місцевого населення поки що до кінця не з'ясована в зв'язку з відсутністю тут пам'яток мустьєрського часу. Стосовно прийшлого населення всі дослідники погоджуються з тим, що з початком останнього зледеніння великі групи населення північних регіонів переселяються на південь. Серед цього потоку чітко відрізняється населення пізньооріньякського (епіоріньяк) кола, походження якого більшість дослідників пов'язують з Центральною Європою⁵.

В процесі розселення прийшлого населення і його взаємовідносин з місцевими племенами створюються нові етноісторичні угруповання, виникають нові господарсько-побутові системи та культурно-історичні спільноти. Різноманітність населення поступово нівелюється, складається єдиний господарсько-побутовий комплекс мисливців на бізона, виникає своєрідна археологічна епіграфетська єдність⁶.

З потеплінням і відступом льодовика (17-10 тис. років тому) починається новий етап розселення первісних общин в степовому Побужжі. Розпадаються великі гетерогенні общини. Базові пізньопалеолітичні поселення цього періоду практично не відомі не лише в степах Південного Побужжя, але і на всьому просторі степового Причорномор'я. Всі досліджені в наш час пам'ятки фінального етапу пізнього палеоліту являють собою невеликі стійбища давніх мисливців, які, на думку дослідників, репрезентують однородові общини, котрі у пошуках мисливської здобичі розселяються по невеличких річках і балках межириччя Дністра – Південного Бугу – Дніпра⁷.

Розселення під час похолодання в степовому Причорномор'ї значних груп населення з Центральної і Північно-Східної Європи спричинило значний демографічний тиск на оточуюче середовище. Перш за все, були практично знищені стада бізонів. На думку С.М. Бібікова, така ситуація спричинила кризу мисливського господарства. Виникненню кризи мисливського господарства і подальшого його збільшення сприяло також удосконалення мисливського спорядження і виникнення луку та стріла⁸.

В кінці плейстоцену і на початку голоцену розпочинаються широкі міграції населення. Пов'язана така ситуація, з одного боку, з поліпшенням клімату, визволенням значних територій на півночі від впливу льодовика і появою значних багатих на здобич просторів для переселення, а з другого – з демографічним тиском на природне

середовище та кризою мисливського господарства на півдні. В цей час значні групи населення з південних територій мігрують на північ, в той же час, з заходу і сходу в степи Північного Причорномор'я просякають племена з Балкан та Кавказу⁹.

В басейні Південного Бугу зафіксовано понад 30 місцезнаходжень мезоліту. За своєю генезою вони чітко поділяються на дві групи: гребеніківські та анетівські (або „кукрекські”).

Населення анетівської („кукрекської”) культури формується на основі граветтського населення анетівської культури пізнього палеоліту. Однією з найвиразніших пам'яток цієї культурно-історичної традиції є Абузова Балка. Матеріали цієї пам'ятки дають підстави простежити безпосередній розвиток традицій епіграветтського населення Бакшалінської ніши, про яке йшлося вище, на новому (мезолітичному) етапі розвитку. Традиції цієї культурної спільноти чітко простежуються за матеріалами інших місцезнаходжень на Побужжі (Синюхін Брод, Концеполь, Бубінка, Софіївка та ін.), а також за його межами¹⁰.

Відтворення найдавнішої історії Південного Побужжя пов'язане зі складними і часто недостатніми джерелами, як археологічними, так і палеозоологічними, палеоботанічними, геологічними тощо. В пізньому палеоліті простежуються дві культурні традиції, епіюриньякська (Сагайдак 1, Анетівка 1 та ін.) та епіграветтська (Анетівка 2, Івашкове 6 та ін.), які накладаються на місцевий субстрат, поки чітко не визначений (Володимирівка та ін.). В мезоліті досить чітко виокремлюються дві культурні традиції давнього населення – анетівські «кукрекські» та гребеніківські. Потребує подальшого дослідження, поряд з етногенетичним, розвиток господарства та соціального устрою.

Примітки:

¹ Станко В.Н. Изучение памятников палеолита и мезолита на Николаевщине // Тез. І обл. краєзнавч. конф. – Миколаїв, 1995. – С. 12-14; Смольянинова С.П. Карта памятников каменного века Степного Побужья // В.Н.Станко, Г.В.Григорьева, Т.Н.Швайко. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 2. – К., 1989. – С.113-126; Смольянинова С.П. Палеолит и мезолит Степного Побужья. – К., 1990. – С.4-8.

² Федорченко Т.П. Причерноморская низменность. – Одесса, 1965. – С.12; В.Н.Станко, Г.В.Григорьева, Т.Н.Швайко. Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. – К., 1989. – С.7.

³ Герасименко Н.П. Развитие зональных ландшафтов четвертичного периода на территории Украины / Автореф. дис. доктора географ. наук. – К., 2004. – С.21; Бібікова В.И., Белан Н.Г. Локальные варианты и группировки позднепалеолитического териокомплекса Юго-Восточной Европы // Бюл. МОИП. – Отд. биологии. – 1979. – Т.84. – Вып.3. – С.3-14.

⁴ Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. – К.: Наук. думка, 1982. –С.90; Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. Вказ.

праця. – С.99-102; Смольянинова С.П. Палеолит и мезолит Степного Побужья ... – С.91-92; Станко В.Н. Давні мисливці на бізонів // Історія Одеси .. – С.13.

⁵ Гвоздовер М.Д., Иванова И.К. Палеолит // Лесс – перегляциал – палеоліт. – М., 1969. – С.14-21; Станко В.Н. Новая позднепалеолитическая стоянка в степях Северного Причерномор'я // Археологические исследования на Украине в 1967 г. – К., 1968. – Вып. II. – С.22-24; Праслов Н.Д. Некоторые специфические формы каменных орудий Мураловской палеолитической стоянки // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1972. – Вып. 131. – С.74-75; Станко В.Н., Григорьева Г.В. Исследование памятников каменного века на р. Ингуле // Древности Поингуля. – К., 1977. – С.50-51; Станко В.Н. Мирное ... – С. 90; Демиденко Э.Ю. Восточная Европа в контексте проблематики ориньяка Европы: прошлые подходы и новые перспективы // Археологический альманах. – 2004. – С.186.

⁶ Борисковский П.И. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области // Тр. VII Международного конгресса археологических и этнографических наук. – М., 1964. – С.1-9; Станко В.Н., Гладких М.И. Эпоха пізнього палеоліту // Давня історія України. – К., 1997. – С.81-91.

⁷ Станко В.Н. Давні мисливці на бізонів // Історія Одеси ... – С.15.

⁸ Бибииков С.Н. Позднейший палеолит Крыма // Материалы по четвертичному периоду СССР. – 1950. – Вып.2. – С.125.

⁹ Станко В.Н. Мирное ... - С.127; Демиденко Ю.Э. До питання про час винаходу лука та стріл // Археологія. – Вип. 60. – 1987.–С.5.

¹⁰ Станко В.Н. Эпоха мезоліту // Давня історія України. – К., 1997. – С.131; Станко В.Н., Петрунь В.Ф., Максимюк Т.И. Позднемезолитическое местонахождение кукурекского типа на Южном Буге // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. – К., 1981. – С.5-12.

Е.Я. Туровский (Севастополь, Украина)

ОБ АТРИБУТАЦИИ МУЖСКИХ ПОРТРЕТОВ НА ХЕРСОНЕССКИХ МОНЕТАХ РИМСКОЙ ЭПОХИ

Прежде всего, остановлюсь на понятии “римская эпоха” относительно нумизматики Херсонеса. На мой взгляд, наиболее реально считать началом этого этапа время гибели понтийского царя Митридата VI Евпатора. Сын Митридата Фарнак, поставленный на боспорский трон римлянами, своеобразная знаковая фигура, знаменующая новый исторический период в истории северопонтийского региона. Период, когда все политические доминанты расставляются римскими наместниками или римскими ставленниками. Реваншистская попытка Фарнака, провальнo завершившаяся в битве под Зелой, можно сказать, не в счет. Если говорить о херсонесской нумизматике, то кратковременный период зависимости города от этого царя нашел отражение в выпуске оболов с мужским портретом на лицевой стороне и Девой с копьем и луком на оборотной¹. Этот тип херсонесской меди, впервые появившийся при Фарнаке, становится доминирующим на несколько столетий вперед.

При этом, в мужском портрете явно угадываются портретные черты самого царя, известные по золотым статерам этого правителя.

Исключая кратковременный этап так называемой «первой элевтерии» с выпусками оболлов, повторяющих типы монет периода независимости города, основным типом монет становится именно этот тип: мужская голова – Дева с луком и копьем. Относительно типа оборотной стороны можно предполагать, что он восходит к образу новой храмовой скульптуры главной городской богини Херсонеса, появившейся где-то в I столетии до н.э.² Среди первых монет этого этапа несколько выпусков имеют на лицевой стороне бородатых персонажей. В.А. Анохин усматривает в них в трех случаях Зевса, в одном случае – скифа³. Нужно отметить, что это не более, чем вероятное предположение. Можно было бы видеть в этих персонажах боспорских царей, изображения которых, начиная с конца I в. н.э., приобретает именно такой облик – бородатое лицо с повязкой. К сожалению, портретов боспорских династов конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. мы не знаем; изображения на боспорском золоте этого времени представлены исключительно портретами римских императоров и их родственников. Таким образом, это не более чем одна из возможных вероятностей.

Еще Б.В. Кене видел в персонажах на херсонесских монетах римской эпохи портреты императоров, в частности, Домициана⁴. Иную точку зрения выразил А.В. Орешников, который считал, что на херсонесских монетах с лирой следует видеть божество Херсонас⁵. В основном, названными гипотезами и исчерпывается вопрос об атрибутации портретов на херсонесских монетах. Еще одну точку зрения, которая гораздо ближе к первой, чем ко второй, высказал А.Н. Зограф. Кажутся весьма справедливыми его соображения, относительно портретов на золотых херсонесских статерах. Он отмечал, что на херсонесских золотых статерах следует видеть «такое же характерное для ранней Римской империи пластическое воспроизведение какого-либо отвлеченного понятия. Как бы ни истолковывались эти изображения, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что все они, не будучи в полной мере портретами, сохраняют близость к общему облику соответствующего по времени римского императора. Именно поэтому на золотую чеканку в Херсонесе следует смотреть как на проявление лояльности, а не оппозиционности по отношению к Риму»⁶.

Разделяя, в основном, приведенную точку зрения, хочу ее расширить и дополнить. Во-первых, все изображения мужских лиц на херсонесских монетах (золотых, серебряных, медных) римской эпохи с конца I в. до н.э. до середины III в.н.э. выражали идею римского императора как такового, без передачи индивидуальных черт конкретных правителей. При этом в истории монетной чеканки Херсонеса римской эпохи был этап, когда эти портреты приобретали конкретные черты.

Речь идет об одной серии херсонесской меди, которая состояла из трех номиналов – тетрассария, трессиса и дупондия. Обычно эту серию относили ко времени Каракаллы, т.е. к 211-217 гг. Все монеты резко отличаются от всех прочих херсонесских выпусков «второй элвтерии» мастерством изготовления, высокохудожественными штемпелями, красивыми квадратными формами букв надписей. Вся серия настолько необычна для Херсонеса, что о ней почти с уверенностью можно говорить как о произведении приезжего мастера⁷.

В.А. Анохин уделил этим выпускам особое внимание и установил факты, достоверность которых трудно опровергнуть. Прежде всего, проанализировав характер портретных изображений на тетрассариях серии, он пришел к заключению, что все они разделяются на четыре типа. Первый тип⁸ представлен изображением мужского бюста с крупной безбородой головой, в венке, с правильными, несколько тяжеловатыми чертами лица. Это изображение отождествляется с образом Каракаллы.

Второй тип⁹ передает женский портрет: голова без венка, прическа изображена в виде тщательно расчесанных прядей на макушке, но уложенных завитыми локонами вокруг головы, от лба до затылка. Лицо имеет не вполне правильные черты, длинный нос с горбинкой. Очевидно, что это портрет матери Каракаллы, Юлии Домны.

Третий тип монет¹⁰ дает изображение молодого безбородого человека с венком на голове, с более тонкими чертами лица, нежели у Каракаллы. Исходя из атрибуции первых двух портретов, этот тип мог принадлежать брату Каракаллы, Гете, или Элагабалу.

Четвертый тип¹¹ дает портрет мужчины без венка на голове. Для атрибутирования изображения В.А. Анохин прибегает к следующей аргументации. Поскольку без венка на голове изображались только члены императорского дома, имевшие титул цезаря, то и изображаемый персонаж должен был иметь этот титул. Однако при Каракалле никто такого титула не носил; следовательно, этот портрет нельзя отнести к его времени. Поскольку же портрет цезаря не мог появиться на монетах без сопровождения монет самого императора, то последние два типа следует датировать правлением Элагабала (218-222), приписав третий тип портрета самому императору, а четвертый – усыновленному им примерно за год до смерти (221 г.) Северу Александру¹².

Если все перечисленные наблюдения В.А. Анохина вполне справедливы, то его заключение о том, что все портреты по сути есть изображение божества Херсонас, которым в случае с портретной серией приданы индивидуальные черты правящих в Риме персон¹³, принято быть не может. Мнение о том, что на херсонесских монетах римской эпохи изображено городское божество – Херсонас, основано на недоразумении, поскольку еще А.В. Орешников доказал женскую природу этого божества, а на монетах явно мужские портреты¹⁴. Присутствие на

портретной серии женского персонажа (Юлии Домны) не свидетельствует в пользу того, что портреты принадлежат Херсонас, а говорит как раз об обратном – на монетах изображены правящие в Риме особы. Данный портрет показывает, что даже пол не играл существенной роли. Важен и такой момент: на всех монетах портретной серии перед лицом персонажа изображалась лира. Это объединяет серию с многочисленными предыдущими выпусками как времени «второй эллевтерии», так и с более ранними херсонесскими выпусками римского времени.

Итак, как представляется, вывод должен быть однозначным – подавляющее большинство портретов римского времени является изображениями римских правителей.

Примечания:

¹ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в.н.э.). – К., 1977.

² Зограф А.Н. Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // ИРАИМК, II. – 1922. – С.359-375.

³ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса I-III вв. н.э./НЭ, IV. – 1963. – С.13-16.

⁴ Кене Б.В. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. – СПб., 1848. – С.127, 128.

⁵ Орешников А.В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. – 1922. – II. – С. 113-128.

⁶ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. – 1951. – 16. – С.156.

⁷ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). – С.84.

⁸ Там же. Табл. XX. 286.

⁹ Там же. Табл. XX. 287, 288.

¹⁰ Там же. Табл. XX. 289.

¹¹ Там же. Табл. XX. 290.

¹² Там же. – С.84,85.

¹³ Там же. – С.84.

¹⁴ Орешников А.В. Херсонас, божество Херсонеса Таврического // ИАК, вып.65. – II., 1918. – С.144-152.

Н.А. Фролова (Москва, Россия)

О МОНЕТАХ БОСПОРА С ИМЕНАМИ СПАРТОКА И ПЕРИСАДА

(II в. до н.э.)

Тезисы

В 2000 г. были опубликованы дидрахма царя Спартока и золотой статер царя Перисада¹.

1. Статья В.Н. Розова написана на высоком научном уровне, но вызывает сомнения подлинность обеих монет.

2. По словам находчика, монеты найдены случайно на античных поселениях, расположенных на территории Тамани (Темрюкский р-н).

В статье дано описание серебряной дидрахмы: л.с.: голова Спартока, украшенная диадемой вправо.

о.с.: лук в горите, под ним трезубец, украшенный дельфинами, справа монограмма , по сторонам надпись – справа [B]ΑΣΙΛΕΩΣ, слева [Σ] ΠΑΡΤΟΚΟΥ (рис. 3).

3. К.В. Голенко, впервые опубликовавший подобную дидрахму из собрания Американского Нумизматического общества (ANS), полагал, что монета чеканена общим штемпелем с л.с. монеты Спартока из ГИМ (рис. 1, 1а) и они датируются одним и тем же временем².

К.В. Голенко, В.А. Анохин³, Е.С. Столярик⁴, В.Н. Розов считают дидрахму Спартока из ANS подлинной, а В.Н. Розов считает подлинной вновь опубликованную.

4. Но ещё в 1877 г. А. Заллет обратил внимание на то, что в легенде монеты Спартока из собрания Румянцева (ГИМ) буква эpsilon имеет лунарную форму – . На дидрахме из Тамани эpsilon в слове ΒΑΣΙΛΕΩΣ имеет прямоугольную форму – . (рис. 3)⁵. Это обстоятельство заставляет усомниться в подлинности монет Спартока из ANS и Тамани. Настораживает и факт, упомянутый В.Н. Розовым, о том, что "ранее в течение 2004-2007 гг. на этом же участке были обнаружены ещё две однотипные монеты Спартока худшей сохранности, которые владелец продал как дубликаты"⁶.

5. Статеру Перисада из Тамани дано такое описание:

л.с.: голова Спартока, украшенная диадемой, вправо.

о.с.: Афина на троне, влево. В правой вытянутой руке – Ника, под рукой – буква К; левая опирается на щит, прислоненный к трону. Внизу трезубец, украшенный дельфинами. По сторонам надпись: [B]ΑΣΙΛΕΩ[Σ], слева - []ΑΙΡΙΣΑ[Δ], под тронem - монограмма из букв ΠΑ (рис. 4, 4а - увеличено).

В.Н. Розов отмечает, что особенностью шрифта надписи и дифферента является наличие на концах букв грубо оформленных утолщений⁷.

Это верно, т.к. бросается в глаза грубость стиля изображения: надписи изгибаются, буквы в надписи разного размера, начало и концы слов уходят за пределы монетного поля. Поле изрыто кавернами. Ника не парит над рукой Афины, а зажата в её кулаке. Это особенно заметно при сравнении статеров из собрания ГИМ, которые имеют тот же дифферент - [К] и происходят из раскопок Северского кургана (1881/2 г.) Поле монет этих статеров блестит, как зеркало. Надписи ровные и полностью читаются (рис. 5, 6).

Статеры Перисадов хронологически распределяются с первого десятилетия II в. до н.э. до 111/110 гг. до н.э., года смерти последнего Перисада.

1
ГИМ Монограмма

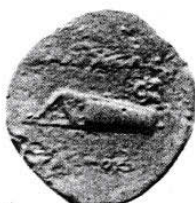
1b
Спасский 1850

1c
Secersky 1859

1d
Бурачков 1884

1a (ув.)
ГИМ

2
ANS Монограмма

3
Частная коллекция
Тамань

4a

Частная колл.
Тамань

4

Частная колл.
Тамань

5
ГИМ 386
из Северского кургана

6
ГИМ 387
из Северского кургана

История изучения "перисадов", вопросы хронологии рассмотрены В.Н. Розовым⁸ и Н.А. Фроловой⁹. Но первым, кто исследовал эти проблемы, был А. Сейриг¹⁰. А. Сейриг, разработавший хронологию статеров Лисимаха, датировал монеты Лисимаха с двумя монограммами серединой II в. до н.э. и позже. Статеры Лисимаха и Перисада найдены совместно в одном погребении Артюховского кургана.

6. В.Н. Розов объединяет статер Перисада из Тамани со статерами из Северского кургана (ГИМ 386, 387) (рис 5, 6). Он считает, что они чеканены общим штемпелем л.с., и кроме того, сопровождаются общим дифферентом в виде буквы К на о.с., который не встречается на остальных статерах Перисада, что объединяет их в одну хронологическую группу¹¹. Статеры из Северского кургана относятся к последним годам жизни Перисада V (111/110 г. до н.э.), но до времени передачи им своего царства понтийскому правителю Митридату Евпатору. Высказанное К.В. Голенко¹² и разделяемое Е.А. Молевым¹³ предположение относительно выпуска статеров Перисада V после его смерти не может быть принято, т.к. Боспор уже был частью понтийской державы Митридата VI, а чеканка золота подвластным государством при Митридате Евпаторе была вряд ли возможна.

Указанная выше дата не может быть отнесена к новому статеру Перисада из Тамани, т.к. подлинность монеты вызывает сомнение.

Примечания:

¹ Розов В.Н. Статер Перисада и дидрахма Спартока: новые находки в свете старых проблем // Древности Боспора. – №11. – М., 2007. – С. 271-286.

² Голенко К.В. Новая монета Спартока // Нумизматика античного Причерноморья. – Т. III, 2. – 1982. – С. 50-52.

³ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. – К., 1980.

⁴ Stolyarik E. The Silver Coinage of the Bosporan King Spartocus. The Problem of Attribution // XIII International Numismatik Congress. Abstracts of Papers. – Madrid, 2003.

⁵ Sallet A. von. Zur Numismatic der Könige von Pontos und Bosporus // ZZN, IV. – B., 1877. – S. 231.

⁶ Розов В.Н. Указ. соч. – С. 278.

⁷ Там же. – С. 271.

⁸ Там же.

⁹ Фролова Н.А. Каталог монет царей династии Спартокидов II в. до н.э. (Гигиенонта, Спартока, Перисадов) // ВДИ. – 2007. – №4.

¹⁰ Seyrig H. Monnaies Hellinistique de Bysance et Calcedoine // Essay in Greek Coinage presented to Stanley Robinson. – Oxford, 1968. – P. 183-200.

¹¹ Розов В.Н. Указ. соч. – С. 274.

¹² Голенко К.В. Статеры царей Боспора из новых приобретений ГМИИ // Сообщения государственного музея изобразительных искусств. – М., 1966. – №3. – С. 38-39.

¹³ Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. – Н. Новгород, 1994. – С. 18-19.

В.Г. Ціватий (Київ, Україна)

**ДИПЛОМАТИЧНА СЛУЖБА ФРАНЦІЇ
ДОБИ РАНЬОГО НОВОГО ЧАСУ (XVI-XVIII ст.):
ІНСТИТУЦІОНАЛЬНІ ОСНОВИ, МОДЕЛЬ,
НАЦІОНАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ**

В яскравій палітрі історії Франції чільне місце посідає французька дипломатія доби раннього Нового часу. З її діяльністю пов'язують блискучі зовнішньополітичні успіхи, які дозволяли цій державі послідовно відстоювати національні інтереси навіть у найбільш скрутні моменти її історії. А вміле, майже філігранне, поєднання військової могутності та дипломатичної майстерності неодмінно забезпечувало Франції місце в авангарді європейських націй, яке вона займає й до сьогодні. У XVI-XVIII ст. модель французької дипломатії була тим взірцем, який наслідували та рецепіювали всі інші європейські держави.

Французька дипломатична служба була найбільш розгалуженою, французька мова, замінивши латинську, стала загальноприйнятою мовою дипломатичного спілкування. Особлива увага приділялась удосконаленню організації дипломатичної служби та урізноманітненню дипломатичного інструментарію. Важливе значення надавалось послідовному інституціональному розвитку, модернізації структури й функціонуванню всієї дипломатичної служби Франції. Французькі дипломати з давніх часів вважались беззаперечними майстрами дипломатичного мистецтва. За своєю освіченістю та ерудованістю французькі дипломати завжди виділялись серед дипломатів інших держав.

У часи кардинала Рішельє дипломатія для Франції стала предметом постійної державної діяльності в руслі державних інтересів, які не приносилися в жертву сентиментальним, ідеологічним або доктринальним забобонам і звичкам. Починаючи із цього періоду, французька дипломатична служба набула стрункої системності та інституціональності. Досвід, напрацьований Францією у сфері дипломатичної науки та мистецтва, став джерелом універсальних принципів і методів дипломатичної діяльності.

Все це й визначає актуальність наукових розвідок щодо вивчення моделей дипломатичних служб в їх інституціональному та історичному розвитку¹. У той же час зазначена проблематика майже не вивчалась у вітчизняній літературі, хоча інтерес до неї в практичному плані періодично виникав у багатьох дипломатів-практиків, а в теоретичному – у дослідників організації та функціонування дипломатичних служб різних країн світу.

Отже, саме цими факторами й пояснюється інтерес як до концептуального вивчення побудови та функціонування дипломатичної

служби Франції, так і до можливостей його практичного використання в багатьох аспектах у процесі інституціоналізації зовнішньої політики.

Дипломатична служба Франції раннього Нового часу функціонувала в інституційних рамках політичної системи, яка базувалася на принципах «європейської рівноваги», певного балансу між основними європейськими державами. В умовах цього балансу й активізувалися спроби окремих держав домогтися гегемонії в Європі XVI-XVIII ст. Похідним від цієї політичної системи є якісно новий механізм формування зовнішньої політики, який відображає відмінний від попередніх політичних систем розподіл повноважень між гілками влади, зокрема – у зовнішньополітичній сфері.

Істотні зміни в основних напрямках зовнішньої політики пов'язані, як правило, зі значними змінами у внутрішньополітичному житті. Таким доленосним моментом в історії Франції XVI-XVIII ст. став 1648 р., з якого починають свій відлік її нові зовнішньополітичні орієнтири. У політичному розвитку Франції роки Італійських воєн та Тридцятилітньої війни займають особливе місце через глибоку трансформацію, якої зазнали внутрішня та зовнішня політика держави в період XVI – першої пол. XVII ст.² У сфері зовнішньої політики цей період позначений істотними змінами, суть яких полягає в проведенні політики, спрямованої на повернення й закріплення за Францією ролі світової держави. Характеризуючи ці зміни як нову зовнішню політику Франції, слід зазначити, що в цей період були піддані глибокому перегляду саме основні засади зовнішньої політики, що суттєво змінило становище Франції у світі та ставлення до неї з боку інших держав.

Очевидно, що такі істотні й, головне, співпадаючі в часі трансформації в політичній системі та зовнішньополітичному курсі Франції не є випадковими. Найчастіше ці явища пов'язують з особистостями кардиналів Рішельє і Мазаріні³, а також із тим впливом, який вони здійснювали на еволюцію поглядів політичної еліти, розвиток державних інститутів і зовнішню політику Франції, існування об'єктивного зв'язку між проведенням нової зовнішньої політики та відповідним інституційним оформленням її дипломатичної служби. Політична система Франції та створений в її рамках новий за своєю структурою зовнішньополітичний механізм уможливили проведення цілеспрямованої та ефективної зовнішньої політики, завдяки якій Франція з 30-х років XVII ст. знову почала відігравати вагомую політичну роль на міжнародній арені.

У нових політичних умовах формуються і нові погляди на зовнішню політику та дипломатію. Поряд зі змінами в політичній, соціально-економічній, культурній сферах, формуються підвалини основ державної дипломатичної служби й відбувається інституціоналізація зовнішньої політики європейських держав. Інституціоналізація – це

перетворення будь-якого політичного явища (зокрема, зовнішньої політики) на організовану системоустановчу інституцію. Вона є формалізованим, упорядкованим процесом із певною структурою відносин, ієрархією чи підпорядкованістю різних рівней влади, і іншими ознаками організації (правила поведінки, звичаї, закони, норми, дипломатичні методи, церемоніал, дипломатичний протокол, тощо)⁴.

Дипломатична практика розвивалась у відповідь на зміцнення державної влади. Невдовзі *corps diplomatique*, дипломатичний корпус, з'явився при кожному великому дворі та в кожній столиці. Живучи за умов певної небезпеки, дипломати швидко виробили необхідні правила імунітету, взаємодії, екстериторіальності, складання вірчих грамот і прецеденту. Розвиток постійної дипломатії становив важливий етап формування спільноти держав. У 1643-1648 рр., коли в Мюнстері та Останбрюку було скликано велику дипломатичну конференцію, щоб покласти край Тридцятилітній війні, вже зароджувалась «Європейська згода».

Дипломати доби раннього Нового часу беззаперечно пов'язували кожен зовнішньополітичний крок своєї держави з міжнародними відносинами часу, навчилися враховувати позиційне розташування зовнішньополітичних сил і визначити місце своєї держави в цьому розташуванні. Вони здійснювали преліминарні переговори і готували проекти майбутніх угод, опанували посольський церемоніал, систему дипломатичних стереотипів. Проте, доки ще формувалися постійні дипломатичні кадри, глави держав багато в чому самоособисто займалися зовнішньополітичною діяльністю та дипломатією⁵.

Розвиток економічних зв'язків сприяв і урізноманітненню форм міжнародних контактів. Зовнішня політика провідних європейських держав далеко вже не обмежувалася суто міждержавними відносинами, головним чином, із державами-сусідами. Їх зовнішня політика поступово поширювалася на всю Європу, тобто саме з кінця XV ст. формується система міжнародних відносин зі своїми законами й правилами функціонування⁶. Гострота конфліктів в аналізованій період (перш за все події Італійських воєн (1494-1559) та Тридцятилітньої війни (1618-1648)) вочевидь окреслила необхідність взаємного обміну думками, діалогу між державами посередництвом постійної дипломатії.

Уже наприкінці XV – початку XVI ст. надто швидке поширення міжнародних зв'язків було відзначено переходом у Європі, перш за все – у Західній Європі, до сучасної системи організації посольської служби – постійним дипломатичним представництвам, було покладено початок процесу інституціоналізації зовнішньої політики кожної окремої держави та європейської зовнішньої політики в цілому. У Франції вже наприкінці XV – початку XVI ст. починають утверджуватися форми й методи постійної дипломатії раннього Нового часу.

Постійна дипломатична служба набувала швидкого поширення та вжитку в практиці міждержавних відносин. Так, з 1510-х рр. – у Папській державі, з 1520-х – в Англії, в Імперії – за доби Карла V. Інформація про внутрішнє становище в інших державах та їх зовнішньополітичні плани незвично розширилась. Можливість співставлення відомостей, які надходили від послів із різних держав, розвивала вміння дипломатів критично розбиратися в інформації та сприяла розширенню їх світогляду. Події Італійських воєн та Тридцятилітньої війни стали тими своєрідними експериментальними майданчиками, на яких відбувалася апробація всіх форм і методів дипломатії раннього Нового часу.

Саме за доби раннього Нового часу в європейських державах розпочинається процес оформлення й перетворення зовнішньополітичних функцій держави зі спорадичних у державні інституції⁷.

Першим у списку міністрів закордонних справ Франції значиться Луї Револь, якому указом Генріха III (1589 р.) було доручено ведення зовнішніх зносин Франції. Для цих цілей відповідно було створено і спеціальний департамент.

У першій половині XVII ст. кардинал Рішельє – видатний державний діяч Франції, прем'єр-міністр короля Людовика XIII – довгий час (з 1624 по 1642 рр.) фактично управляв країною, вніс значний внесок у теорію й практику дипломатії⁸. Саме з цього періоду можна говорити про «французьку систему» організації й здійснення дипломатичної діяльності, як про провідну дипломатичну школу у світі в XVII-XVIII ст. Він вважав, що ніяка політика не може увінчатися успіхом, якщо її не підтримує національна суспільна думка. У зв'язку із цим він увів систему, яка відповідала характеру тих часів – систему пропагандистського супроводу своїх політичних заходів.

З усіх складових постійної дипломатії найбільш істотними Рішельє вважав елементи визначеності й відповідальності. Він виходив із того, що міжнародний договір є досить відповідальною справою і зазначав, що готувати до підписання договори необхідно дотримуючись крайньої обережності щодо змісту договірних норм, а після їх підписання – дотримуватися домовленостей «із релігійною скрупульозністю». Рішельє також був переконаний, що дипломатія не принесе успіху, якщо керівництво зовнішньою політикою не буде зосереджено в одному відомстві. Спеціальним декретом 1626 р. Рішельє всю відповідальність за ведення зовнішніх справ поклав на міністерство закордонних справ, яким систематично опікувався і за яким здійснював безпосередній контроль. Він також установив правило, відповідно до якого державні справи першочергового значення вирішувалися між ним і королем.

Рішельє першим дійшов висновку, що дипломатія повинна бути предметом постійної діяльності, а не зусиль, що вживаються час від часу. Він уважав, що метою дипломатії повинні бути не випадкові або

кон'юнктурні угоди, а створення міцних взаємин між державами. При цьому Рішельє виходив із принципу, що інтереси держави завжди повинні стояти на першому місці й залишатися непорушними. У моменти небезпеки, вважав Рішельє, союзників варто вибирати не за їхню порядність і привабливість, а виходячи з їх військової й, навіть, географічної корисності.

За часів Рішельє французька дипломатична служба здобуває струнку систему, що складалася із двох основних елементів – центрального апарату у вигляді департаменту зовнішніх зносин і закордонного апарату – мережі постійних дипломатичних представництв. Історичний досвід лише підтвердив значення проголошеного Рішельє принципу розсудливого, чіткого та злагодженого керівництва зовнішньополітичною діяльністю.

Центральний апарат був нечисленним: є свідчення, що в 1661 р., наприклад, він складався всього з п'яти співробітників. У той же час мережа закордонних представництв була досить розгалуженою. Французькі представники ділилися на категорії надзвичайних послів, ординарних послів, посланників і резидентів. У ході еволюції дипломатичної служби всім послам став присвоюватися титул «надзвичайних». У період правління Людовика XIV у Франції був розроблений торговельний кодекс (1673 р.), що вперше визначив обов'язки консулів. У цей же час було розпочато систематичний збір дипломатичних документів і створено державний політичний архів. У 1712 р. вперше було засновано дипломатичну академію як навчальний заклад.

Разом із тим сформований при Рішельє підхід до ведення дипломатичних справ не завжди дотримувався навіть у самій Франції. Посилення впливу секретної дипломатії в середині XVIII в., що діяла поряд із офіційними органами, було явищем досить розповсюдженим.

Безпосередньо перед Французькою революцією департамент зовнішніх зносин, яким керував статс-секретар по зовнішнім зносинам і державний міністр Ш. Вержен, нараховував близько 70 співробітників. Головну роль у ньому відігравали два політичних управління – перше (або північне), займалося відносинами Франції з державами Західної та Центральної Європи й Америки; друге (південне) – із країнами Східної та Південної Європи й зі Скандинавією.

Від часів Рішельє й до самої Французької революції французькі методи дипломатичної діяльності вважалися зразковими для Європи⁹. Накопичений у ті часи французькою дипломатією досвід послужив основою для їх теоретичного узагальнення у фундаментальних працях сучасників. У Франції XVII в. були закладені основи й сучасне розуміння мистецтва ведення бесіди, що так багато значить для дипломатичної діяльності. Особливо це набуло свого практичного значення за часів

кардинала Мазаріні¹⁰. Відбулися істотні зміни у французькій зовнішній політиці, механізмі її формування й здійснення. Вони визначають у головному модель дипломатії й дипломатичної служби Франції й донині.

Під час Французької революції для спостереження за діяльністю дипломатичної служби Установчі збори створили в липні 1790 р. постійний дипломатичний Комітет на чолі з маркізом Мірабо. Ранг послів був скасований. Французькі представники за кордоном стали називатися «нунціяями Франції». У департаменті зовнішніх зносин замість двох політичних управлінь було створено, за географічним принципом, шість політичних відділів. Була заснована посада генерального директора зовнішніх справ, що повинен був забезпечувати наступність при зміні статс-секретарів, що керували департаментом. Початком наступного й якісно нового етапу розвитку французької дипломатичної служби став Віденський конгрес 1815 р.

Отже, у рамках політичної системи Франції XVI-XVIII ст. було створено якісно новий механізм формування зовнішньої політики, який уможливив проведення ефективного та цілеспрямованого зовнішньополітичного курсу, що впливав з об'єктивних національних інтересів. На кожному історичному етапі французька дипломатична служба продовжувала динамічно розвиватися, намагаючись шляхом постійного пошуку нових організаційних рішень та вдосконалення методів роботи адаптуватись до змін у системі міждержавних відносин раннього Нового часу, що були викликані процесами інституціоналізації європейської зовнішньої політики. Французька дипломатична служба XVI-XVIII ст. мала складну багаторівневу структуру, в якій присутні деякі специфічні, властиві лише їй, ієрархічні ланки керівництва та яка комбінує в своїй організації функціональний та територіальний принцип розподілу компетенцій між структурними підрозділами. Система побудови та проходження дипломатичної служби у Франції мала свою специфіку, обумовлену особливостями соціально-політичного розвитку країни після Італійських воєн і Тридцятилітньої війни, яка в цілому забезпечувала їй відкритість та ефективність функціонування в тогочасних умовах.

Інтерес до вивчення історичної спадщини дипломатії Франції визначається тим, що багато чого із розробленого нею в області дипломатичної науки й мистецтва, стало джерелом універсальних принципів і методів сучасної дипломатичної діяльності. Французька дипломатична служба, яка сформувала свою модель дипломатії за доби раннього Нового часу, і на сьогодні залишається однією з найбільш розвинених дипломатичних служб світу, досвід організації та функціонування якої варто вивчати та в багатьох аспектах запозичувати й українській дипломатії.

¹ Див. дет.: Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e–XVII-e siècle. – P., 2001; Зонова Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. – М., 2003.

² Blin A. 1648, la paix de Westphalie ou la naissance de l'Europe politique moderne. – P., 2006. – P. 136-139.

³ Див.: Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. – М., 1990; Ивонина Л.И. Мазарини. – М., 2007; Souleyreau M.-C. La correspondance du cardinal de Richelieu. Au faite du pouvoir: l'année 1632. – P., 2007.

⁴ Див. дет.: Циватий В.Г. Європейська зовнішня політика доби раннього Нового і Нового часу: проблеми інституціоналізації (теоретико-методологічний аспект) // Науковий вісник Дипломатичної академії України. – К., 2000. – Вип. 4. – С. 268-274.

⁵ Див. дет.: Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. – М., 2004.

⁶ Див. дет.: Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии нового времени. – Минск, 1984; Залет Р. Дипломатическая служба. Её история и организация во Франции, Великобритании и Соединённых Штатах. – М., 1956.

⁷ Barbiche B. Op. cit. – P., 2001. – P. 96-109; Duchein M. Les Derniers Stuarts, 1660-1807. – P., 2006. – P. 394-398.

⁸ Див.: Lettres, instructions diplomatique et papiers d'état du cardinal de Richelieu / Par D. Avenel. – T. I-VIII. – P., 1843-1860.

⁹ Див. дет.: Erlanger Ph. Richelieu. – P., 1997; Cabrini A.-M. Mazarin. Aventure et politique. – P., 1962; Dulong C. Mazarin. – P., 1999 ets.

¹⁰ Див.: Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministere / Par M.A. Cheruel. – T. I-IX. – P., 1877-1879; Mazarin. Les lettres et les arts / Conihout I., Michel P. – P., 2006; Présence du Siècle d'or espagnol dans les collections de la Bibliothèque Mazarine, XVI-e–XVII-e, sous la dir. De Christian Péligré. – P., 2007. – 41p.

Д.Е. Чистов (Санкт-Петербург, Россия)
К ВОПРОСУ О ПОЛУЗЕМЛЯНКАХ
АРХАИЧЕСКОЙ БЕРЕЗАНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК НА УЧАСТКЕ «О»
В 2004-2006 гг.)

Проблема раннего типа жилья греческих колонистов в Северном Причерноморье с неослабевающей силой привлекает внимание исследователей на протяжении последних десятилетий. Мы не будем подробно останавливаться на истории полемики касательно этнической принадлежности хозяев березанских полуземлянок, поскольку существуют работы, обобщающие различные мнения по данному вопросу¹. Заметные различия в процентном соотношении лепной и кружалной (столовой и кухонной) керамики комплексов раннего, «земляночного» этапа существования архаического поселения на о. Березань и комплексов последующего периода существования

урбанистической застройки, могли бы стать основным весомым (хотя и весьма косвенным) аргументом в пользу «варварской» принадлежности ранних полужемляночных структур. Попытки таких сопоставлений, насколько нам известно, ранее почти не публиковались². На основании данных, полученных в ходе раскопок 2004-2006 гг. на участке «О», установлено, что в заполнении полужемлянок раннего периода существования Березанского поселения процент лепной керамики варьируется в пределах от 2,1% до 15,5% (см. табл. 1), а в синхронных им хозяйственных ямах – от 2% до 21,2%. За прошедшие годы фактически на той же территории была раскрыта часть комплекса сырцово-каменных сооружений, возведенных в $\frac{3}{4}$ VI в. до н.э., и погибших в пожаре уже в начале последней четверти того же столетия. Доля лепной керамики в слое разрушения составила от 1,4% до 6,8%, в хозяйственных ямах и колодцах второй – третьей четвертей VI в. до н.э. – от 6,2 до 21% (верхнюю границу этого интервала дали материалы из одной ямы (№83) с необычно большим количеством фрагментов лепной посуды). Таким образом, можно заключить, что различия в «удельном весе» лепной керамики в комплексах первого и второго периодов существования поселения, раскрытых в 2004-2005 гг., находятся фактически в рамках статистической погрешности: усредненный процент лепной керамики в пределах 5-15%, нельзя считать исключительно высоким для архаических напластований греческих центров Северного Причерноморья³. Примечательно, что аналогичную картину по удельному весу лепной посуды дают и полужемлянки архаической Ольвии второй четверти – середины VI в. до н.э.⁴ Тем не менее, определенное снижение доли лепной керамики в комплексах второй половины VI в. до н.э., приведенных в нашей таблице, все же просматривается: средний процент (без учета керамики из ямы 83) снижается с 8,5 (для первой пол. – середины VI в. до н.э.) до 6,1% (для второй половины столетия). При этом в контекстах, связанных с каменно – сырцовыми постройками, значительно возрастает доля кружальной кухонной посуды (до 21,9% в одном из помещений дома), которая в ранних землянках либо вообще отсутствует, либо же зачастую находится в пределах 1-6%. Полагаем, что некоторое снижение количества лепной керамики к концу VI в. до н.э. может объясняться не какими-либо изменениями в этническом составе населения, а всего лишь развитием более массового импорта простой и кухонной посуды, потеснившей в обиходе производившиеся на месте лепные горшки. К тому же, начало собственного керамического производства в Ольвии и на Березани предположительно относится как раз ко времени около середины VI в. до н.э.⁵ Таким образом, на примере материала серии полужемлянок и синхронных им хозяйственных ям первой пол. VI в. до н.э. возможность их атрибуции как жилищ преимущественно варварского населения не имеет под собой оснований.

Все раскрытые на участке «О» в 2004-2006 г. полуземлянки раннего периода существования Борисфена (первой пол. VI) имеют много общих черт в конструктивном плане. Из 12 исследованных комплексов 10 относятся к круглым полуземлянкам, одна землянка имела сложную форму (видимо вследствие перестройки круглой землянки), также был раскрыт один прямоугольный котлован, к сожалению, весьма сильно поврежденный. Круглые полуземлянки, как правило, представляют собой неглубокие (0.2-0.6 м) углубления диаметром 2.4-3.3 м (т. е. площадью около 4.5-8.5 кв. м) с вертикальными или плавно скругляющимися ко дну стенками. Исключение составляет лишь одна землянка (СК 18) диаметр которой достигает 4.40 м. Следы очагов и жаровен отсутствуют. Все круглые полуземлянки, за исключением одной (СК 30), имели единственную центральную столбовую ямку, что заставляет предполагать простое шатровое перекрытие типа шалаша. В некоторых случаях (СК 28, 29, 33) мы наблюдаем несколько близкорасположенных или прорезающихся столбовых ямок, что может свидетельствовать о двух-трехкратном подновлении перекрытий, сопровождавшейся переустановкой центрального столба. Иногда несколько округлых столбовых ямок или углублений неправильной формы фиксируется по бортам котлована полуземлянки: в них могли упираться нижние концы жердей, поддерживавших коническую кровлю. Одна полуземлянка (СК 30), очевидно, имела чуть более сложную конструкцию, а именно, невысокие турлучные стены, установленные на опорных столбах по краю круглого котлована. Какое-либо оформление входа в раскрытых нами сооружениях не прослеживается. Очень слабо читается (или не фиксируется вовсе) характерная прослойка зеленоватой глины, обычно образующаяся на грунтовом полу комплекса при его жилом и хозяйственном использовании; практически не встречается следов промазок пола (следы длительного использования выявлены всего в 3 комплексах). Создается впечатление, что большинство из раскрытых структур функционировало очень недолго. Некоторые из них, судя по хорошо сохранившимся вертикальным стенкам (СК 28, 29, 30), были засыпаны сразу же после того, как перестали использоваться, другие, вероятно, оставались брошенными и заплывали грунтом на протяжении значительного времени.

Обращает на себя внимание стандартность размеров котлованов, копавшихся под обустройство этих примитивных жилищ (хозяйственных сооружений). Хотя такой «жилой стандарт» не следует выдавать за свидетельство регламентации застройки, более чем вероятно, что он существовал в сознании членов коллектива поселенцев в качестве устойчивой культурной нормы, которой было принято следовать в повседневной жизни. По всей видимости, такой нормой необходимого размера землянки в нашем случае мог быть диаметр в 10 футов (что при

использовании дорийского фута соответствует примерно 3.2 м, самосского – 3.5 м)⁶. Отсутствие очагов в раскрытых полуземлянках не позволяет интерпретировать их как исключительно жилые сооружения, но вовсе и не отвергает такую интерпретацию. Малая полезная площадь подобных структур усложняла размещение в них стационарных очагов, но вполне допускала обогрев переносными жаровнями, следы которых не фиксируются в ходе раскопок.

Площадь круглой полуземлянки в пределах 9 кв. м является достаточно обычной для Березани, Ольвии и памятников ее окружи вплоть до начала V в. до н.э.⁷, хотя на ольвийской периферии известны и значительно более крупные по площади комплексы этой формы. Так, например, очень близкие березанским по конструкции круглые архаические полуземлянки поселения Куцуруб 1 в среднем имели несколько большую площадь – до 12 кв. м, при наличии трех структур заметно большего размера – от 16,5 до 25 кв. м.⁸ Комбинация крупных и группирующихся вокруг него более мелких полуземляночных сооружений архаической хоры Ольвии объясняется обычно усадебной, «кустовой» схемой застройки, а срок жизни одной полуземлянки оценивается в 10-15 лет⁹. Очевидно, для полуземлянок, эксплуатировавшихся в течение длительного времени, характерны следы утоптанности или многократных глиняных промазок пола¹⁰.

Л.В. Копейкина отмечала крайнюю недолговечность существования полуземлянок, раскрытых ею в северо-западной части поселения. Примечательно, что в исследовавшемся ею районе круглые землянки с диаметром 2.8-3 м составляли меньшинство в сравнении с прямоугольными и овальными структурами¹¹. Неоднородность в плотности расположения этих комплексов и соотношения их форм на разных участках поселения отмечает С.Л. Соловьев, по мнению которого эти «кусты», схожие с кустовой застройкой поселений архаической периферии Ольвии, связаны с различными этническими группами, одновременно проживавшими на территории Березанского поселения.

Неоднородность в плотности расположения земляночных структур очевидна и для исследуемой части раскопа «О». Наибольшая концентрация на сегодняшний день выявлена в северной, прибрежной части участка, где раскрыт «куст» из семи круглых полуземлянок первой половины VI в. до н.э., а также серия связанных с ними хозяйственных ям. Их котлованы располагаются в плане практически вплотную друг к другу, или же взаимопрорезаются небольшими секторами. Очевидно, по прошествии нескольких сезонов хозяин бросал пришедшее в негодность жилище и выкапывал новый котлован непосредственно по соседству, стараясь «вписаться» в не использовавшуюся в предшествующие годы площадь.

Табл. 1. Процентное соотношение лепной керамики и столовой кружальной посуды (от общего количества найденных фрагментов, без учета амфор). Использованы данные комплексов, давших достаточно представительную выборку.

	Контекст	Лепная керамика	Кухонная кружальная посуда
Комплексы периода наземной каменно-сырцовой застройки (вторая пол. VI в. до н.э.)	Помещение 4 (дворик, пожар посл. четв. VI в. до н.э.)	5,2%	13,7%
	Помещение 5 (пожар посл. четв. VI в. до н.э.)	6,4%	11%
	Помещение 6 (пожар посл. четв. VI в. до н.э.)	6,8%	21,9%
	Напластования пожара посл. четв. VI в. до н.э. к югу от помещения 6 (двор)	1,4%	9,4%
	Яма 83 в пом. 4 (заполнение синхронно пожару посл. четв. VI в. до н.э.)	21%	8,9%
	Яма 104 (заполнение синхронно пожару посл. четв. VI в. до н.э.)	10,6%	11,5%
	Колодец 87 (конец VI в. до н.э.)	6,2%	1,6%
	Колодец 89 (посл. четверть – конец VI в. до н.э.)	6,2%	18,4%
Комплексы первой половины – середины VI в. до н.э.	Полуземлянка СК 18 (середина VI в. до н.э.)	13,3%	5%
	Полуземлянка СК 23 (2/4 - середина VI в. до н.э.)	16%	6%
	Котлован СК 35 (середина – начало 3/4 VI в. до н.э.)	6,4%	3,9%
	Полуземлянка СК № 24 (первая пол. VI в. до н.э.)	16%	-
	Полуземлянка СК 27 (первая пол. VI в. до н.э.)	2,1%	1,4%
	Полуземлянка СК 28 (первая пол. VI в. до н.э.)	2,2%	0,4%
	Полуземлянка СК 29 (первая пол. VI в. до н.э.)	4,5%	2%
	Полуземлянка СК 30 (первая пол. VI в. до н.э.)	4,5%	-
	Полуземлянка СК 37 (первая пол. VI в. до н.э.)	15, 5%	-

Яма 62 (первая пол. – середина VI в. до н.э.)	2%	14%
Яма 63 (первая пол. – середина VI в. до н.э.)	3%	-
Ямы № 65-67, засыпка устьев (около середины VI в. до н.э.)	5%	10%
Яма 65 (первая пол. – середина VI в. до н.э.)	12%	9%
Яма 72 (первая пол. – середина VI в. до н.э.)	8%	-
Яма 77 (первая пол. – середина VI в. до н.э.)	7%	-
Яма 64 (первая пол. VI в. до н.э.)	8%	-
Яма 111 (первая пол. VI в. до н.э.)	21,2%	-
Яма 112 (первая пол. VI в. до н.э.)	12,5%.	2,4%
Яма 113 (первая пол. VI в. до н.э.)	15,3%.	-

¹ См. например: Буйских С.Б. Земляночное домостроительство эпохи колонизации Северного Причерноморья (на примере Нижнего Побужья) // Боспорские исследования, IX. – Симферополь-Керчь, 2005. – С. 3-21; Соловьев С.Л. Античная Березань: вчера и сегодня // Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. Т.1. – СПб. – С. 7-15

² За исключением данных, приведенных в статье Я.В. Доманского, Ю.Г. Виноградова и С.Л. Соловьева, согласно которым процент лепной керамики в земляночных структурах, раскрытых на Северо-Западном участке, колебался от 8 до 18%, а в наземных сырцово-каменных постройках обычно составляет 3-9%. (Доманский Я.В, Виноградов Ю.Г. Соловьев С.Л. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л., 1989. – С. 33-60)

³ В качестве примера можно привести опубликованные данные из Мирмекия, где процент лепной керамики в позднеархаических землянках колеблется в среднем в пределах 6-12% (за исключением одного комплекса с аномально высоким количеством лепной посуды), а в сменивших их ранних наземных постройках – 1.2%-15.2% (Бутягин А.М. О переходе к наземному домостроительству на городище Мирмекий // Stratum+ ПАВ. – СПб – Кишинев, 1997. – С. 99, табл. 1.2)

⁴ Буйских А.В. Новая землянка VI в. до н.э. в Ольвии.: новый взгляд на старые проблемы // Боспорский феномен. Материалы конференции. – СПб, 2005. – С. 183.

⁵ Буйских А.В. Новая землянка VI в. до н.э. в Ольвии... - С. 185.

⁶ О возможности применения самоссокого (египетского) фута для разбивки полужемляночных структур Ольвии и ее окружи в позднеархаическое время: (Буйских А.В. Деякі особливості структури пізньоархаїчних поселень Нижнього Побужжя // Археологія №2. – 1990. – С. 24 и сл.; Буйских А.В. О стандартах линейных мер в строительно-каменотесном деле Херсонеса IV-II вв. до н.э. // АМА 10. – Саратов, 1999. – С. 96).

⁷ Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. – К., 1989. – С. 32.

⁸ Марченко К.К., Доманский Я.В. Два поселения Нижнего Побужья архаического времени (Опыт сравнительной характеристики материальной культуры памятников) // Stratum plus №3. – СПб-Кишинёв-Одесса, 1999. – С. 53-54, рис 16-17.

⁹ Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии... - С. 31-32.

¹⁰ Марченко К.К., Доманский Я.В. Два поселения Нижнего Побужья... - С. 57.

¹¹ Копейкина Л.В. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) // СА №1. – 1981. – С. 193-194.

Список сокращений

- AARMSI – *Analele Academiei Române, Memoriele Sectiunii Istorice*
AIA Iași – *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie «A.D. Xenopol»*, Iași.
BSNR – *Buletinul Societății Numismatice Române*. – București: Editura Academiei Române.
CN – *Cercetări Numismatice*, București
IGHC – *An Inventory of Greek Coin Hoards* / Eds M. THOMPSON, O. MØRKHOLM, C.M. KRAAY. – New York, 1973.
PG – *Patrologiae cursus completus. Patrologiae graeca* / Ed. J.-P. Migne
SCN – *Studii și Cercetări de Numismatică*. – București: Editura Academiei Române.
Simpozion Chișinău – *Simpozion de Numismatică, Chișinău, Comunicări, studii și note*. – București: Editura Enciclopedică.
SNG BM – *Sylloge Nummorum Graecorum IX, The British Museum, Part 1: The Black Sea* – L., 1993.
SNG STANCOMB – *Sylloge Nummorum Graecorum XI, The William Stancomb Collection of Coins of the Black Sea Region*. – Oxford University Press, 2000.
Tezaure Chișinău – *Tezaure din muzeele orașului Chișinău secolele XVI-XVIII*, coordonator Viorel M. Butnariu. – Chișinău: Editura Universitas, 1994.
АО – *Археологические открытия*
ВВ – *Византийский временник*
ВДИ – *Вестник Древней истории*
ГАРО – *Государственный Архив Ростовской области*
Зем. Зак. – *Византийский земельный закон* / Текст, исслед., коммент. Е.Э. Липшиц, И.П. Медведева, Е.К. Пиотровской. – Л., 1984.
ЗИООИД, ЗООИД – *Записки Императорского Одесского Общества истории и древностей*
ИАК – *Известия Императорской археологической комиссии*
ИТУАК – *Известия Таврической ученой архивной комиссии*
КБН – *Корпус боспорских надписей*.
Кн. Эп. – *Византийская книга Эпарха* / Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. – М., 1962.
МАИЭТ – *Материалы по археологии истории и этнографии Таврии*
МИА – *Материалы и исследования по археологии СССР*
НЭ – *Нумизматика и эпиграфика*
ПАВ – *Петербургский археологический вестник*
РА – *Российская археология*
РОМК – *Ростовский областной музей краеведения*
Хсб. – *Херсонесский сборник. Севастополь*

Древнее Причерноморье Выпуск 8, 2008 г.

- Алексеев В.П. (Одесса, Украина) Уникальные экземпляры монетных эмиссий Ольвии последней четверти IV в. до н.э.
- Алексеев Н.А. (Севастополь, Украина) Взаимоотношения Крыма с Северо-Западным Причерноморьем в XV в. по нумизматическим данным: молдавские монеты на территории генуэзской крепости Чембало.
- Алексинский Д.П. (Санкт-Петербург, Россия) Амазонка – афинянка?
- Алехин В.П. (Белгород, Россия) Фиванский «священный отряд»
- Ахмадеева М.М. (Санкт-Петербург, Россия) Количественная характеристика керамического комплекса поселения Волна-I
- Батизат Г.В., Росохацкий А.А. (Одесса, Украина) Мраморная статуэтка Афродиты из Тиры
- Білецька О.В. (Одеса, Україна) Теодорик з Бучача – тримач середньовічного Качибєя
- Богуславський Г.С. (Одесса, Украина) Деякі зауваження до стратиграфії середньовічних шарів Білгород-Тирського городища
- Бодзек Я. (Краков, Польша) Ольвийский „асс”, найденный в Кошарах
- Бойко А.Л., Дедюлькин А.В. (Ростов-на-Дону, Россия) Библейские и античные образы и сюжеты в русской иконографии, посвященной истории Нижнего Дона конца XVII-XVIII вв.
- Болгов Н.Н. (Белгород, Россия) К истории религиозного сознания боспорян ранневизантийского времени
- Болдуряну А. (Кишинев, Молдова) К вопросу о хождении османских аспров в Молдове в XVI в.
- Бруйко И.В., Дзиговский А.Н. (Одесса, Украина) Заметки по истории городища Картал в римское время
- Булатович С.А. (Одесса, Украина) Афинские серебряные монеты «старого стиля» в собрании Одесского археологического музея
- Бутягин А.М. (Санкт-Петербург, Россия) Погребение на Карантинном мысу
- Былькова В.П. (Херсон, Украина) Фигурный сосуд с Белозерского поселения
- Вдовиченко И.И., Николаенко Г.М. (Симферополь, Украина) Эллинистическая расписная керамика с ближней хоры Херсонеса Таврического
- Вдовченков Е.В. (Ростов-на-Дону, Россия) Танаиты и Боспор
- Горнова І.С. (Одеса, Україна) «Хронографія» Михайла Пселла: історія відкриття першоджерела
- Гудкова А.В. (Одесса, Украина) Появление черняховской культуры в степях Северо-Западного Причерноморья
- Гукин В.Д. (Санкт-Петербург, Россия) Предметы христианского культа на сельской периферии византийского мира
- Дёмин О.Б. (Одесса, Украина) Византийский христианский и календарный контекст деятельности Константина Философа: мог ли он создать глаголицу?
- Демьянчук С.Г. (Севастополь, Украина) Механизмы монетного кризиса в Херсонесе III в. до н.э.
- Денисова И.В. (Белгород, Россия) О заселении славянами Малой Азии (на примере фемы Опсикий)
- Довгополова О.А. (Одесса, Украина) Трактовка понятій tolerance – indulgence в документах Якова II Стюарта
- Домановский А.Н. (Харьков, Украина) Византийское ростовщичество на пересечении экономики и религии: ментальные противоречия и их преодоление
- Зайцев Ю.П. (Симферополь, Украина) Вотивные клады Северо-Западного Причерноморья III-I вв. до н.э. Хронология и культурная принадлежность
- Иванова С.В., Субботин А.В., Анохин Е.В. (Одесса, Украина) Грунтовый могильник у с. Бурлачья Балка в Одесской области
- Избаиш Т.А. (Одесса, Украина) Религиозно-политический аспект деятельности Клеарха Гераклеяского
- Киосак Д.В. (Одесса, Украина – Пльзень, Чехия) О датировке гипотетического “черноморского потопа” и его археологических последствиях
- Кирошка А. (Кишинев, Молдова) Хождение шиллингов в Молдове в XVII в. (на основе монетного клада у с. Слобозия-Душка, Криуленский район Республика Молдова)
- Кокоржицкая Т.Н., Корпусова И.В., Шкляев И.Н. (Одесса, Украина) Клад золотых монет XIX-XX вв. из Белгорода-Днестровского
- Конорева О.М. (Белгород, Россия) Сакральные функции коллегии понтификов в древнем Риме
- Корецкий А.В. (Тирасполь) Позднекочевнические погребения на могильнике у с. Глиное
- Котляров П.Н. (Киев, Украина) Филипп Меланхтон и православие: поиски союзников
- Крапивина В.В. (Киев, Украина) О разгроме Тиры в первой половине III в. н.э.
- Красножон А.В., Добролюбовский А.О. (Одесса, Украина) Новые данные о локализации гаваней истриан и исиаков
- Kurpiewski A. (Torun, Poland) Elements of the Black Sea Area Provenience in Wielbark Culture Tumuli. Concerning the Relations of the Wielbark Culture with the Northern Black Sea Coast
- Куценко Ю.Ю. (Херсон, Украина) М. Драгоманов: образ історика-античника в історіографії (Образ М. Драгоманова як історика-античника в історіографії)

- Литвиченко Л.В. (Ростов-на-Дону, Россия) Амфорная керамика Таганрогского поселения
- Лугувий О.М. (Одеса, Україна) Варанголімена: до питання про виникнення та місцезнаходження гавані
- Ляшко С.Н. (Київ, Україна), Папанова В.А. (Бердянськ, Україна) Полужемлянка редкої конструкції с ольвійської усадьби
- Матеевич Н. (Кишинев, Молдова) Распространение синопского амфорного импорта в варварской среде северного-западного Причерноморья
- Мельников О.Н. (Николаев, Україна) Фанагория и Гермонасса – синойкизм по данным нумизматики и истории Боспора Киммерийского
- Мельникова Е.С. (Одеса, Україна) Коллекция античных терракот из Одесского археологического музея
- Михайленко Г.М. (Херсон, Україна) Особливості розвитку української православної церкви в X-XVII ст. у висвітленні О. Лотоцького
- Михалицын П.Е. (Харьков, Україна) Об основных целях создания и литературном достоинстве трагедии «Χριστός πάσχων» («Страждущий Христос»)
- Мордвинцева В.И. (Симферополь, Україна) «Причерноморский графический стиль» на фаларах Северного Причерноморья: «восточная» и «западная» группы
- Немцев С.О. (Херсон, Україна) Формирование выборки для типологического анализа амфорных материалов на формальной основе
- Немченко И.В. (Одеса, Україна) Олджернон Сидней о формах государственного правления
- Николаева Н.А. (Ростов-на-Дону, Россия) Вклад М.Б. Краснянского в развитие археологической науки на Нижнем Дону
- Новоселова Н.Ю. (Санкт-Петербург, Россия) Наземные строительные комплексы Березанского поселения первых веков н.э.
- Охотников С.Б. (Одеса, Україна) Одеса – Франция: археологический диалог
- Паламарчук С.В. (Измаил, Україна) Область Бессарабия в исторической картографии XVI – начала XVIII ст.
- Подальк Н.Г. (Київ, Україна) Ганзейские съезды второй половины XIV в.: репрезентация власти и церемониал
- Попова Т.Н. (Одеса, Україна) В.Э. Крушман: новое прочтение
- Прокопенко С.Н. (Белгород, Россия) Хора Фанагории и Кеп в VI – первой четверти III вв. до н.э. (к постановке проблемы)
- Радолицкая Я.С. (Санкт-Петербург, Россия) К вопросу о месте изготовления золотых медальонов с подвесками из кургана Куль-Оба
- Редина Е.Ф. (Одеса, Україна), Папуци-Владыка Е., Стельмах С. (Краков, Польша) Чернотерракотовые настольные чаши Кошарского некрополя
- Романчук А.А. (Кишинев, Молдова) «Фруктовницы» и хронология раннебессарабского времени на Среднем Днестре
- Русев Н.Д. (Кишинев, Молдова) Молдавские средневековые монеты в Нижнем Поднепровье
- Рябцева М.Л. (Белгород, Россия) О готском присутствии на Боспоре в V-VI вв.
- Самойлова Т.Л. (Одеса, Україна) Регион Нижнего Поднепровья в контексте развития варварских и античной культур в период становления греческих колоний
- Смирнов А.И. (Николаев, Україна) К вопросу о косторезном производстве Березанского городища
- Сминтина О.В. (Одеса, Україна) Екологізація сучасної науки й освіти: проблеми, пошуки, рішення
- Сорочан Е.С. (Харьков, Україна) О специализации в торговле домашним скотом в Византии в IV-IX вв.
- Сорочан С.Б. (Харьков, Україна) О датировке времени борьбы Юстиниана II Ринотмета с византийским Херсоном
- Толмачова О.І. (Миколаїв, Україна) Формування народонаселення Південного Побужжя в палеоліті
- Туровский Е.Я. (Севастополь, Україна) Об атрибуции мужских портретов на херсонесских монетах римской эпохи
- Фролова Н.А. (Москва, РФ) О монетах Боспора с именами Спартока и Перисада (II в. до н.э.)
- Циватий В.Г. (Київ, Україна) Дипломатична служба Франції доби раннього нового часу (XVI-XVIII ст.): інституціональні основи, модель, національні особливості
- Чистов Д.Е. (Санкт-Петербург, Россия) К вопросу о полужемлянках архаической Березани (по материалам раскопок на участке «О» в 2004-2006 гг.)
- Список сокращений
- Содержание